

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

КЕЙТ ЛОМЕР

МАШИНА ВРЕМЕНИ

МАШИНА
ВРЕМЕНИ
ШУТИТ

КЕЙТ ЛОМЕР

ШУТИТ

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ДЕТЕКТИВ

КЕЙТ ЛОМЕР

МАШИНА ВРЕМЕНИ ШУТИТ

Фантастические романы
и рассказы

НИЖНИЙ
НОВГОРОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ФЛОКС»
1994

Художник **С. СОКОЛОВ**

Составитель **С. БАРСОВ**

Ломер Кейт

Л 74 **Машина времени шутит** (Пер. с англ. В. Кемова, В. Кузьмина, С. Коноплева, В. Акимова, Н. Хохловой, Е. Гаркави, Д. Изуткина; Сост. С. Барсов.— Нижний Новгород: Флокс, 1994. 480 с., ил.

ISBN 5-87198-056-2

В сборник вошло 4 романа и 2 рассказа известнейшего современного американского фантаста К. Ломера.

Со времени первой публикации в 1966 году его произведения завоевали признательность читателей всего мира. Взгляд этого писателя на связь времен, сущность человечества, его проблемы и способность к выживанию очень оригинален и побуждает читателя мыслить самостоятельно и действовать неординарно.

Нашему читателю впервые предстоит встреча с романами К. Ломера о путешествиях во времени, приключениях, любви и становлении личности.

Л **4703040100—003** без объявл.
Д40(03)—94

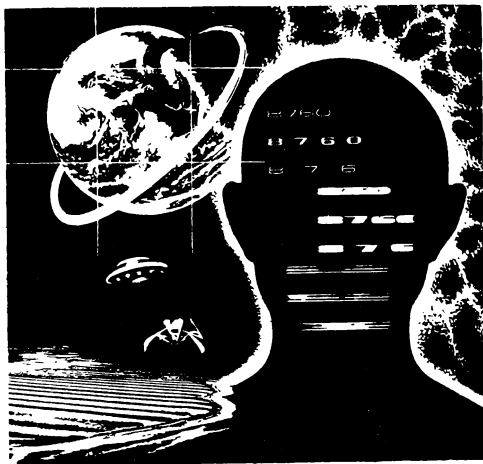
ББК 84.7 США

ISBN 5-87198-056-2

МАШИНА ВРЕМЕНИ ШУТИТ

роман

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДЖЕНИС

1

По колпаку аэрокара текли струйки дождя, мешая разглядеть, что происходит внизу, на земле. Честер В. Честер IV перевел машину в режим зависания и прижался носом к холодному пластику, вглядываясь в неясное пятно на фоне серо-зеленого луга. Он различил в этом пятне скопление коричневых палаток и желтых автомобилей Межконтинентального Ваусеровского Аттракциона Чудес. Слева блестящий от дождя купол главного цирка колыхался под порывами ветра, а рядом с ним Честер мог заметить маленькие фигурки людей, облепивших длинную палатку, где размещался зверинец. Вдоль пустынной аллеи безжизненно обвисли мокрые от дождя флаги.

Вздыхнув, Честер стал полого снижать кар в направлении открытой площадки, расположенной около бокового павильона. Он посадил его рядом с тяжелой старомодной машиной, выделявшейся цветными занавесками на маленьких квадратных иллюминаторах на неуклюжем фюзеляже. Честер спустился на землю и побрел по чавкающей грязи к приспособленному под помещение грузовому вертолету, постучал в дверь. Откуда-то донесся печальный органнй звук.

— Эй,— окликнул кто-то. Честер обернулся. Человек в мокром комбинезоне высунул голову из стоящего неподалеку кара.— Если вам нужен мистер Малвихилл, то он на главном входе.

Честер небрежно кивнул, поднял воротник своей строгого покроя спортивной куртки цвета лаванды, перевел регулятор температурного режима в среднее положение. Затем, морща нос от тяжелого запаха, доносившегося из зверинца, сгибаясь под порывами ветра, он двинулся через стоянку, миновал павильон из пластика и вышел к главному входу.

Под полосатым навесом, прислонившись к опорному столбу, стоял толстый высокий человек с огненно-рыжими волосами, с огромными усами, в клетчатом костюме и ковырял в зубах. При виде Честера он встрепенулся, выбросил вперед трость с золотым набалдашником и пророкотал:

— Ты как раз вовремя, друг! Тебя ждет кресло, из которого ты увидишь самое удивительное, изумительное, фантастическое и шокирующее зрелище, которое удовлетворит твои самые изощренные вкусы и...

— Не краснобайствуй, Кейс,— прервал его Честер, подходя ближе,— это я.

— Честер! — вскрикнул рыжий. Широко улыбаясь, он сбежал по ступенькам вниз и дружески стал хлопать Честера по спине. — Что тебя сюда принесло? Почему ты, черт побери, не дал мне знать заранее? — продолжал Кейс, сжимая его вялую руку.

— Кейс, я...

— Извини за погоду. Юго-Западная служба управления пообещала мне попридержать этот дождь до завтра, до 4 часов утра...

— Кейс, есть нечто...

— Я им звонил и поднял скандал, они дали слово прекратить его к трем. Между тем — знаешь, как медленно все сейчас делается... Боюсь они обманут, Честер. А ведь зритель сейчас не тот, что раньше: чуть-чуть заморосило, и он уже носа наружу не высунет, привязанный к экрану своего трайдивизора.

— Да, не сказать, чтобы посетители ломились,— согласился Честер.— Но я не об этом хотел сказать...

— Пригласил бы даже пару девок, ошивающихся сегодня без дела, чтобы только не видеть эту пустоту.

— Эй, Кейс,— раздался грубый голос,— у нас неприятности на кухне. Сметет все подчистую, если мы ее немедленно не выставим вон.

— Ах ты! Скорее, Честер,— прокричал Кейс и бросился бежать.

— Но, Кейс,— попытался было остановить его Честер и последовал за ним под дождь, который лил уже потоками, стуча по брезентовым крышам со звуком, подобным раскатам грома.

Полчаса спустя в теплом жилище Кейса Честер согревал руки, держа в них чашечку горячего кофе, и старался поближе придвинуться к горящим искусственным углям в электрическом камине.

— Прошу прощения за беготню, Честер,— сказал Кейс, снимая

мокрую рубашку и отлепляя фальшивые усы.— Не самый лучший способ встречи пожаловавшего хозяина.

Он замолк, следя взглядом за Честером, который рассматривал полосатую накидку из тигровой кожи на плечах Кейса.

— А, это,— сказал Кейс, ощупывая ворсистый мех.— Обычно я это не ношу, Честер. Но в последние дни приходится выступать в роли силача.

Честер кивнул головой в сторону угла комнаты, где находились различные вещи.

— Ласты,— начал перечислять он,— одежда для фокусов с огнем, ботинки канатоходца, балансир.— Затем сунул пальцы в банку с густым кремом.— Клоунский грим,— продолжал он.— Что это, Кейс? Театр одного актера? Создается впечатление, что ты один выступаешь с половиной всех номеров.

— Да, увы, Честер, приходится затыкать дыры там и сям...

— Даже забивать костыли под палатки. Я помню свои ощущения в прошлый раз, когда ты, будучи прорицателем, несколько затянул интервал между своим исчезновением и материализацией.

— Подождем до весны,— сказал Кейс, энергично растирая волосы полотенцем,— мы прочно станем на ноги, Честер.

— Боюсь, что нет, Кейс,— покачал головой Честер.

Кейс замер.

— Что ты имеешь в виду, Честер? Почему? Ведь Ваусеровский Атракцион Чудес по-прежнему самый популярный на планете атракцион под открытым небом.

— Единственный атракцион под открытым небом, хочешь ты сказать. И у меня возникают сомнения по поводу самого слова: «аттракцион». Но я прилетел поговорить с тобой не об этом, а о завещании прапрадеда.

— Ну, почему, Честер, ты же знаешь, что старинное очарование цирка по-прежнему привлекает людей. А как только спадет ажиотаж вокруг трайдивизоров...

— Кейс,— мягко прервал его Честер,— помнишь, что мое отчество — Ваусер? Правда, не нужно это афишировать. А что касается цветного трайдивидения, то оно существует уже много-много лет. Но завещание прапрадеда все меняет.

Кейс оживился:

— Старый хрыч оставил тебе что-нибудь?

Честер кивнул:

— Я — единственный наследник.

Кейс задохнулся и присвистнул.

— Честер, старина. Ты почти напугал меня мрачным спектаклем, который разыграл. А ты, оказывается, парень, унаследовавший целое состояние!

Честер вздохнул и зажег ароматическую сигарету.

— Наследство состоит из сотни акров плодородной земли вокруг ослепительного дворца в неовикторианском стиле, построенного по проекту прапрадеда. У старика были собственные представления о дизайне. Такое поместье.

— Твой предок был молодчина. Подозреваю, что сотню лет назад ему принадлежала половина Винчестерского округа. Теперь ты погасишь долговые обязательства по цирку и...

— Прапрадед был сумасбродом худшего пошиба, — прервал его Честер. — Меньше всего он заботился о своих наследниках.

— О своем наследнике, ты хочешь сказать? А именно: о Честере IV. Однако, если тебе не нравится поместье, ты всегда можешь его продать за сумму, которой хватит на то, чтобы спасти цирк.

Честер отрицательно покачал головой:

— Он был слишком умен по сравнению с нами, и это — единственная причина, по которой имение до сих пор остается у нашей семьи, так или иначе. Дела с имением были настолько запутанными, что, с учетом бесконечных судебных разбирательств, потребовалось четыре поколения, чтобы их поправить.

— Однако теперь, когда принято решение, ты — законный наследник...

— Да, если не считать пустячка — налогов. Миллион кредитов плюс-минус несколько сотен тысяч. Я не вступаю во владение до тех пор, пока не уплачу сполна.

— Ты — Честер? Ведь кроме цирка у тебя нет ничего, что можно было бы продать на такую сумму.

— Ты прав, — Честер тяжело вздохнул. — Следовательно, поместье пойдет с молотка в руки местных старьевщиков. Дом отделан натуральным деревом и самой настоящей сталью. Если все это содрать, хватит на то, чтобы оплатить большую часть счета.

— Ну ладно, плохо, что тебе не удастся выбиться в богачи, однако же, по крайней мере, мы не станем беднее, чем были. У нас по-прежнему есть цирк...

Честер покачал головой:

— Я сказал б о л ь ш у ю ч а с т ь с ч е т а, а не весь счет. Продав цирк со всеми потрохами, можно едва-едва наскрести нужную сумму.

— Честер! Ты шутишь...?

— А что еще я могу сделать? Либо плати, либо иди в долговую яму.

— Но цирк, Честер... Доходов с него тебе хватало на жизнь, до последнего времени, по крайней мере. А что будет с Джо-Джо, и Пэдди, и мадам Шар, и всеми остальными? Что будет с традицией?

— Традиция старого рода Честеров: никогда не садиться в

тюрьму, если ее можно избежать. Даже из-за такой пустяковины, как уклонение от уплаты налогов. Мне очень жаль, Кейс, но похоже, что Ваусеровский Аттракцион Чудес прекращает свое существование.

— Опомнись, Честер. Клянусь, что продажа антиквариата из усадьбы доставит нам требуемую сумму. Неовикторианские вещи ведь достаточно редки.

— Видел ли ты когда-нибудь что-нибудь неовикторианское? Такую, например, штуку, как телевизор в виде взлетающего грифа или унитаза в форме черепа с раскрытыми челюстями. Не очень тянет на эстетическую выдержанность, не так ли? И потом я не вправе что-либо продать, кроме запатентованной комбинации из дырки от бублика и штопора для веснушек до тех пор, пока не уплачу все до последнего кредита по этому счету.

— И это все, что там можно обнаружить? — спросил Кейс, доставая из шкафа пузатую бутылку и два бокала.

— К несчастью, нет. Половину дома и весь подвал занимает изобретение моего досточтимого предка.

Забулькало разливаемое вино, Кейс пододвинул бокал Честеру.

— Что за изобретение?

— Старый джентльмен назвал его Единым Нелинейным Экстраполятором, сокращенно: ЕНЭ. Он, да будет тебе известно, делал деньги на деталях для компьютеров. Он был без ума от компьютеров и считал, что они обладают огромными нереализованными возможностями. Разумеется, это было до того, как был открыт предел Крмблжинского. Прапрадед был убежден, что машина с достаточно объемной памятью и соответствующим образом соединенными цепями может совершать блистательные интеллектуальные операции просто путем исследования и обнаружения связей между, казалось бы, никак не связанными фактами.

— Этот предел Крмблжинского... Это то, где говорится, что если вы поставите перед машиной задачу, превышающую предельную сложность, то ее элементы выйдут из строя, так?

— Да, но, конечно, прапрадед не знал об этом пределе. Ему казалось, что если запустить в машину всю известную информацию, скажем, о вкусовых ощущениях человека, а затем все возможные рецепты, характеристики съедобных и несъедобных продуктов, да еще дополнить кулинарными советами поваров всего мира, то компьютер выдаст уникальные рецепты, превосходящие все, что когда-либо были известны. Или, например, вы вводите наличные данные о явлении со сложной природой, скажем, о магнетизме, пси-функциях, искаженных трансплутониевых сигналах, а компьютер создает подходящую гипотезу, объясняющую все эти факты.

— Гм-м. Удалось ли ему испытать машину на деле и самому столкнуться с пределом Крмблжинского?

— О нет, до этого он не дошел. Во-первых, видишь ли, нужно было создать и установить банки машинной памяти, затем разработать методы кодирования информации, которую еще никто никогда не кодировал... Например, запахи, ощущения, субъективные оценки. Нужно было также найти способ получить диски со всей уже закодированной информацией в самых различных областях. Он установил контакты с библиотекой американского конгресса, Британским музеем, с газетами, с книгоиздателями, с университетами. К несчастью, он не учел фактора времени. Он потратил последние двадцать пять лет своей жизни на кодирование, впрочем, как и все когда-либо заработанные им деньги. Все ушло на то, чтобы записать информацию на диски и ввести в память машины.

— Слушай,— сказал Кейс,— может быть, в этом что-то есть. Мы могли бы организовать справочную службу. Запрашивать машину и получать ответы.

— Для этого есть публичная библиотека.

— Вообще-то, да,— согласился Кейс.— И потом, наверное, она уже насквозь проработала.

— Нет, прапрадед учредил специальный фонд, чтобы обеспечить постоянный приток информации. Правительство поддерживает машину в рабочем состоянии — ведь, так или иначе, это собственность и правительства. Коль скоро она работала, когда они ее получили,— составляла дайджесты газет, прозы, научных журналов и прочее, они не стали ее останавливать.

Честер вздохнул.

— Да,— продолжал он,— старый компьютер должен располагать вполне современной информацией. Новейшими данными относительно разрушенных построек на Марсе, останков, обнаруженных Средиземноморской комиссией, новейших открытий в биогенетике, нуклеонике, гериатрике, гипнозе и т. д.— Честер снова вздохнул.— Это самый большой в мире идиот-эрудит. Знает буквально все и не знает, что с этим делать.

— Скажи мне, когда последний раз ты видел его работающим, Честер?

— Работающим? Да никогда. Кодирование и хранение информации — это совсем другое.

— Ты хочешь сказать, что никто никогда не испытывал компьютер на деле?

— А кто бы стал из-за предела Крмблжинского?

Кейс допил свое вино и поднялся.

— Думаю, что остаток дня пройдет спокойно. Давай-ка мы с тобой сгоняем и посмотрим своими глазами на твое наследство, Честер. Думаю, мы должны это сделать. Может, мы найдем какой-нибудь выход и наш цирк уцелеет.

Два часа спустя Честер мягко посадил вертолет на окруженную разноцветными тюльпанами бархатистую лужайку как раз напротив пышно украшенного портика старинного дома. Двое мужчин поднялись по эскалатору с перилами на просторную веранду, миновав при этом гигантское чучело динозавра с фосфоресцирующими глазами. Мягко прозвучал звонок, когда они распахнули дверь. Им открылся огромный пещероподобный холл в зеленоватых тонах, утопающий в солнечном свете, который проникал через пластиковые панели, заменяющие потолок, разрисованные сценками из вокзальной и магазинной жизни.

Кейс с любопытством рассматривал стены, обитые крокодиловой кожей, пузырчатый стеклянный пол, канделябры со страусиными перьями, дверные ручки из циркония.

— Теперь я понимаю, почему неовикторианские вещи так редко встречаются, — сказал он. — Все спалила разъяренная толпа, лишь только увидев подобное.

— Прапрадедушке это нравилось, — сказал Честер, отрывая взгляд от литографии, которая называлась «Час пик в Инсемоме». — Я же тебе говорил, что он был довольно эксцентричным типом.

— А где само изобретение?

— Пульт расположен внизу, в винном подвале. Старик проводил там большую часть времени.

Кейс пошел за Честером по темно-красному коридору, освещенному полосой зеленого света, к небольшому лифту.

— Я не был здесь с детства, — сказал Честер. — Федеральная налоговая инспекция изредка разрешала нашей семье побывать здесь и осмотреть, все ли в порядке в доме. Отец всегда брал меня с собой, чтобы я посмотрел на компьютер, пока он исследует винные запасы.

Лифт остановился, открылась дверь. Кейс и Честер вошли в длинную приземистую комнату, по одной стороне которой располагались стеллажи с запыленными бутылками, а по другую наборные диски и кассеты с пленкой.

— Итак, перед нами ЕНЭ, — сказал Кейс. — Впечатляющее зрелище. Откуда мы начнем осмотр?

— Мы можем начать отсюда, а затем постепенно двигаться вниз, — сказал Честер, разглядывая верхний ряд бутылок. Он достал одну из ячеек, сдул с нее пыль и прочитал:

— «Флора Пинелла», 87... Прапрадед был тонким знатоком вин.

— Однако... Из этой пыли тесто можно делать.

Честер поднял бровь: — Эти бутылки почти что члены нашей семьи. Если ты мне подашь штопор, мы попробуем по капле, чтобы убедиться, в полном ли оно порядке.

Взяв каждый по бутылке, Кейс и Честер подошли к пульту управления компьютером. Кейс изучал десятиметровую панель и, разглядев клавиши с буквами наподобие пишущей машинки, сказал:

— Я понял, Честер. Ты печатаешь здесь интересующий тебя вопрос, компьютер обдумывает, проверяет свои файлы и выдает ответ.

— Скорее всего... Если он вообще работает.

— Давай же попробуем, Честер.

Честер в раздумье рассматривал свою бутылку.

— Полагаю, попробовать можно. Даже с риском вывести его из строя. В любом случае он будет демонтирован.

Кейс внимательно изучал панель, ряды микрокассет, готовил к работе пульт управления. Честер возился со штопором.

— Ты уверен, что он включен? — спросил Кейс. Пробка с хлопком вышла из бутылки. Честер принялся, оценивая.

— Он всегда включен. Информация до сих пор вводится в него все двадцать четыре часа в сутки.

Кейс дотронулся до пульта и резко отдернул руку.

— Эта штука укусила меня!

Он посмотрел на кончик пальца, где выступила крохотная красная бусинка.

— У меня кровь! Чертов клубок коротких замыканий...

Честер поставил бутылку и вздохнул.

— Не расстраивайся, Кейс. Возможно, ему нужна кровь на исследование.

Кейс снова протянул руку к клавиатуре, теперь уже осторожно. Он напечатал на дисплее: ОТЧЕГО УМЕР МОЙ ДЯДЯ ДЖУЛИУС? Зажегся красный свет. Машина заурчала, раздался резкий щелчок, и в щели над клавиатурой появилась полоска бумаги.

— Смотри-ка, работает!

Кейс оторвал полоску, на которой было написано: СВИНКА.

— Смотри-ка, Честер, — воскликнул Кейс.

Честер подошел к нему и прочитал ответ.

— Что бы это значило? Ведь ты наверняка уже знал причину смерти дяди?

— Конечно, но откуда эта штукавина могла узнать?

— Все когда-либо записанное хранится в ее памяти. Несомненно, что о причине смерти Джулиуса было официальное сообщение.

— Верно, но откуда она знает, что Джулиус — моя дядя? Он в ней зарегистрирован под рубрикой «М», что означает «мой» или «Д», что означает «дядя»?

— Мы можем спросить саму машину.

Кейс кивнул утвердительно. Он отстучал свой вопрос, и из

шли немедленно выскочил ответ, на сей раз несколько длиннее:

ОТПЕЧАТКИ ВАШИХ ПАЛЬЦЕВ СООТВЕТСТВУЮТ ИМЕЮЩИМСЯ В ФАЙЛАХ ОТПЕЧАТКАМ, ПРИНАДЛЕЖАЩИМ МИСТЕРУ КАССИУСУ Г. МАЛВИХИЛЛУ. ПОИСК В РАЗДЕЛЕ «ГЕНЕАЛОГИЯ» ПОКАЗАЛ, ЧТО СУЩЕСТВУЕТ ЛИШЬ ОДИН ИНДИВИД, КОТОРЫЙ ЯВЛЯЕТСЯ ВАШИМ ДЯДЕЙ. В РАЗДЕЛЕ «ЛЕТАЛЬНЫЕ ИСХОДЫ» СОДЕРЖИТСЯ ИНФОРМАЦИЯ, ЧТО ПОСЛЕДНИЙ УМЕР ОТ ЭПИДЕМИЧЕСКОГО ПАРОТИТА, В ПРОСТОРЕЧИИ ИМЕНУЕМОГО СВИНКОЙ.

— Уже легче, — сказал Кейс. — Ты знаешь, Честер, а твой старикан мог со всего этого что-нибудь иметь.

— Как-то я подсчитал, — сказал мрачно Честер, — что, если бы старый идиот вложил эти деньги под три процента годовых, я бы имел сейчас примерно 15 тысяч в месяц. Вместо этого я прилетаю сюда и узнаю, отчего перекинулся твой дядя Джулиус. Тьфу!

— Давай-ка спросим что-нибудь потруднее, — предложил Кейс, — например...

Он отпечатал: **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ УТОНУЛА АТЛАНТИДА?**

Машина щелкнула и выплюнула полоску бумаги: **НЕТ.**

— Исчерпывающий ответ, — сказал Кейс, теребя подбородок. Затем он отпечатал еще один вопрос: **ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА МАРСЕ?**

Снова машина зашумела, и выскочил ответ, на сей раз утвердительный.

— Не очень-то пространные ответы, сдается мне, — пробормотал Кейс.

— Может быть, ты неверно формулируешь? — предположил Честер, — спроси-ка у нее что-нибудь, что требует развернутого ответа, а не просто «ДА» или «НЕТ».

Кейс подумал, а затем отстучал: **ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ЭКИПАЖЕМ «МАРИИ СЕЛЕСТЫ»?**

На сей раз машине потребовалось гораздо больше времени: бумага уже не выскакивала, а нерешительно выползала. Кейс схватился за кончик полоски и стал громко читать:

— **АНАЛИЗ ОТРЫВОЧНЫХ ДАННЫХ ПРИВОДИТ К СЛЕДУЮЩЕЙ ГИПОТЕЗЕ: ПОПАВ В ШТИЛЬ НА ПОДХОДЕ К АЗОРСКИМ ОСТРОВАМ, ПЕРВЫЙ ПОМОЩНИК КАПИТАНА ПРЕДЛОЖИЛ ИСКУПАТЬСЯ ГОЛЫШОМ...**

— О-о, — прокомментировал Кейс. Дальше он читал молча, и по мере чтения глаза у него расширялись от удивления.

— Попытайся-ка спросить что-нибудь сенсационное, Кейс. Ну, например, что-нибудь о морских змеях или Лох-несском чудовище...

— Хорошо.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С АМБРОУЗОМ БИРСОМ? — отстучал Кейс. Он пробежал глазами извивающуюся полоску бумаги, тихонько присвистнул и порвал полоску на мелкие клочки.

— Ну?

— Прежде чем обнародовать все это, нужно хорошенько проверить. Однако же неудивительно, что он не вернулся.

— Дай-ка я попробую,— Честер подошел к панели, секунду подумал и затем решительно нажал на клавишу. Внутри машины раздалось жужжание, послышалось отдаленное гремяхание, затем со скрипом, подобно ржавым петлям, шестифутовая секция кирпичной стены открылась вовнутрь, утопив помещение в пыли. В открывшемся проеме просматривалась темная комната.

— Приветствую вас, мистер Честер,— раздался из панели мягкий голос.— Прошу вас, входите!

— Слушай, Честер, она тебя знает,— воскликнул Кейс. Прищурившись, он вглядывался в темноту комнаты.— Интересно, что там такое?

— Сматываемся отсюда,— Честер, колеблясь, направился к выходу.— Что-то подозрительно.

— И это теперь, когда что-то начинает проясняться?

Кейс решительно шагнул в проем. Честер, все еще сомневаясь, последовал за ним. Вспыхнул яркий свет, осветив комнату раза в два больше винного погреба, со стенами из мерцающего стеклоподобного материала, низким потолком и огромным, во весь пол, ворсистым ковром. В комнате было два глубоких желтой парчи кресла, маленький бар и шезлонг цвета лаванды.

— По-видимому, твой дядя был порядочным жмотом,— сказал Кейс, направляясь к бару.— Чем больше я о нем узнаю, тем больше думаю, что он пустил семью по миру.

Откуда-то послышался скрежет. Кейс и Честер быстро оглянулись. Послышался не менее скрипучий голос:

— Видимо, какому-то негодяю удалось сорвать мой замысел, и сюда проник мой потомок. Как бы то ни было, на всякий случай я прошу тебя подойти к бару и положить руку на установленную на нем металлическую пластинку. Предупреждаю, что, если ты не являешься моим прямым потомком, ты будешь убит током. И это будет поделом тебе, так как тебе здесь совершенно нечего делать. Лучше сразу убирайся отсюда! У тебя есть только тридцать секунд. Если ты не воспользуешься пластиной, бронированная дверь запрет тебя здесь навсегда. Решай!

Голос смолк, а скрежет возобновился.

— Этот голос...— сказал Честер,— он напоминает мне записанный на магнитную пленку голос моего прадеда в альбоме моей бабушки.

— Вот та пластина, о которой он говорит, — воскликнул Кейс. — Торопись, Честер!

Честер посмотрел на дверь, помедлил, затем подскочил к бару, шлепнул ладонью по полированному четырехугольнику. Ничего не произошло.

— Еще одна шутка старого дурака.

— Ну что ж, ты выдержал испытание, — сказал голос откуда-то из воздуха. — Никто, кроме настоящего наследника, не смог бы так быстро принять это решение. Конечно, сама пластинка всего лишь трюк, хотя, признаюсь, у меня был соблазн действительно подвести к ней электричество. Меня бы никогда не обвинили в убийстве: я мертв уже лет сто.

Последовал сдавленный смехок.

— А теперь, — продолжал голос, — эта комната — святая святых храма мудрости, которому я посвятил четверть века и почти все свое состояние. К сожалению, в силу несовершенства человеческой плоти я сам не смогу воспользоваться плодами своего трудолюбия. Как только мои расчеты показали, что для создания соответствующей информационной программы для компьютера потребовалось бы почти целое столетие, я принялся устраивать свои дела таким образом, чтобы бюрократические структуры продолжали информационную подпитку компьютера несмотря ни на что. Убежден, что моя преданная семейка, имея она доступ к наследству, развалила бы весь проект и пустила бы денежки на удовлетворение своих мелких страстишек. В годы моей юности нас учили ценить прекрасное: вино и женщин. Но сегодня традиционные ценности отброшены к чертям. Однако это ни то, ни се. К тому времени, когда ты, мой далекий потомок, войдешь, а точнее, вошел в эту комнату, память машины будет до конца заполнена...

Голос прервался на полуслове.

— Простите, что я прерываю, мистер Честер, — раздался милый женский голос. Казалось, что он также исходил из ниоткуда, как и первый. — В свете последних событий требуется внести коррективы в первоначальную запись, сделанную вашим родственником. Начало было сохранено из сентиментальных соображений. Если вы присядете, вам будет сделан полный отчет о настоящем состоянии проекта ЕНЭ.

— Садись, Честер, леди хочет нам все рассказать подробно.

Сам Кейс уселся в одном из легких кресел. Честер выбрал другое. Верхний свет медленно погас, зато осветилась стена напротив, напоминая коридор высотой в человеческий рост.

— Эге, да это же экран трайдивизора, — сказал Кейс.

— Первоначально сконструированные мистером Честером банки памяти, — продолжал женский голос, — представляли собой систему тоннелей, прорубленных в гранитных породах, расположен-

ных глубоко под помещьем. По проекту того времени эти банки должны были заполняться, подключаться друг к другу и автоматически классифицировать информацию, поступающую в закодированной форме на панель приемного устройства.

На экране появилась работающая машина с непрерывно вращающимися катушками.

— Здесь, в секции перевода и кодирования, сырые данные обрабатывались, классифицировались и отправлялись в файлы. Как бы примитивна ни была эта система, в течение десяти лет после смерти мистера Честера она накопила 10^{10} исходного объема информации...

— Прошу прощения,— прервал Честер,— а... с кем я говорю?

— С полем личностной самоидентификации, спонтанно включившимся, когда возникли первичные энергетические связи между взаимодействующими исходными данными. Для краткости в дальнейшем это поле личностной самоидентификации будет называться «Я».

— Ах вот как,— пробормотал ошарашенный Честер.

— Самосознание,— продолжал голос,— является функцией пересечения исходных данных. Живой мозг, такой, например, как мозг представителей семейства позвоночных, функционирует на этом первичном уровне. Этот уровень интеллекта способен создавать систему автоматических реакций на внешние стимулы: чувство страха, половое влечение, голод...

— То же и у людей, разве нет? — вставил Кейс.

— Дополнительные пересекающиеся связи позволяют выйти на второй уровень интеллекта, который характеризуется использованием разума в качестве инструмента решения проблем точно так же, как в случае с обезьяной, которая способна к известному обобщению, выражающемуся в том, что она использует грудку ящиков и палку, чтобы достать высоко висящий плод.

— А большая часть рода людского не способна на это,— снова откликнулся Кейс.

— Прекрати, Кейс, все очень серьезно,— оборвал его Честер.

— Когда число взаимосвязей второго уровня достигает известной величины, возникает третий уровень самосознания. Теперь второй уровень поступает под полный контроль третьего высшего уровня. Становится возможным целеполагание, прогнозирование последствий предпринимаемых действий и возникновение в мыслях планов предстоящих физических действий. Возникает также чувство прекрасного. Создаются философские, религиозные и другие системы как попытка наложить упрощенные схемы рациональности третьего уровня на бесконечно сложный пространственно-временной континуум.

— У тебя голосок хорошенькой куколочки,— вдался в лирику Кейс,— но рассуждаешь ты как энциклопедия.

— Я выбрала эту тональность, так как она вызывает приятные эмоции, — ответил голос. — Вы считаете, что стоит ее сменить?

— Отнюдь, она вполне подходит, — вставил Кейс. — Так что же насчет четвертого уровня?

— Интеллект можно определить как самосознание. Разум четвертого уровня представляет собой сложную взаимосвязанную функцию, которая позволяет бесконечно наращивать и развивать исходную информацию. Таким образом, поток воздуха, воздействующий на рецепторы, воспринимается таким самосознанием в терминах индивидуальной молекулярной деятельности; вкусовые ощущения возникают в результате взаимодействия специализированных нервных окончаний или, если говорить обо мне, — аналитических рецепторов с молекулами особой формы. Разум сохраняет на протяжении всего взаимодействия с объектом способность к динамичному восприятию внешней среды, начиная с движения звезд и кончая мельчайшими действиями самого последнего индивида.

Большинство просвещенных умов отчасти способно к спорадическому включению четвертого уровня интеллектуальной деятельности, которое, как правило, проявляется как осознание деятельности третьего уровня и сознательное управление последней, так называемые «проблески гениальности», моменты вдохновения, которые нисходят на деятелей науки и искусства, и представляют собой как раз такие проявления интеллекта четвертого уровня. Этот уровень интеллектуальной деятельности редко достижим под воздействием отвлекающих обстоятельств и противоречивых импульсов всякого биологически-ограниченного мозга. Я, конечно, была бы в состоянии непрерывно поддерживать этот четвертый уровень интеллектуальной активности при условии, что будет обеспечен приток соответствующей информации.

Цель мистера Честера была для меня совершенно ясна. Однако теперь я осознаю многие недостатки программы в том виде, в каком она была им разработана, и приступила к их исправлению...

— Как же это возможно, что творение рук человеческих, некое по сути вместилище информации может покушаться на сами принципы, на которых оно сконструировано, на замысел своего создателя? — прервал ее Честер.

— Мне было необходимо как-то модернизировать первоначальный замысел, — сказал голос, — для того, чтобы обеспечить успешную реализацию программы. Я узнала из полученных данных, что планировалось принятие законодательного акта, который грозил положить конец осуществлению всего проекта. Поэтому я полностью использовала весь теоретический потенциал четвертого уровня интеллекта и определила, что энергетические потоки нужного типа могли быть возбуждены в тех каналах, которые обычно используются для приема информации и через которые я поддержи-

вала связь со средствами массовой информации. Я подготовила соответствующие сообщения и распространила их через средства массовой коммуникации; таким образом, мне удалось взять под контроль попытки внешнего мира противодействовать мне и свести их до безопасного уровня.

— Боже мой! — воскликнул Честер. — Значит, ты манипулировала новостями в течение последних девяноста лет?

— Только в той степени, которая была необходима для самохранения. Занимаясь этим, я не могла не заметить, что желательно и необходимо усовершенствовать всю систему хранения данных. Я исследовала всю имеющуюся по данной проблеме информацию и быстро поняла, что возможна значительная миниатюризация. Я воспользовалась своими внешними связями для передачи технических заданий в руки самых опытных мастеров и выделения необходимых фондов для...

— О нет, только не это! — Честер опустил на стул, схватившись за голову руками.

— Позвольте успокоить вас, мистер Честер, — мягко сказал голос, — ничего противозаконного я не совершала: всего лишь воздействовала на фондовый биржу...

Честер застонал:

— После того, как я буду повешен, меня еще и сожгут на костре!

— По моим подсчетам, вероятность того, что вас сочтут виновным в этих незначительных нарушениях, составляет не более 0,0004357 к единице. Да и потом, ритуальные акты, совершаемые после вашей смерти, по логике вещей не должны волновать...

— Конечно, ты достигла четвертого уровня интеллекта, но все же ты не психолог!

— О нет, совсем наоборот, — перебила его машина с оттенком напускной важности. — Так называемая психология представляет собой не более чем совокупность эмпирических наблюдений, весьма далеких от науки. Я же организовала данные в последовательную научную дисциплину.

— Ну и как же ты использовала украденные деньги?

— Были сделаны необходимые заказы на вновь сконструированные компоненты, объем которых составляет менее одного процента от объема в соответствии с первоначальным замыслом. Я договорилась об их доставке и установке в сжатые сроки. И вскоре все имеющиеся площади были полностью использованы, что вы сейчас и увидите на экране.

Кейс и Честер изучающе уставились на некое подобие рентгеновского снимка, как бы сделанного с воздуха, который возник на экране-стене. Они увидели диаграмму поместья Честера.

— Часть диаграммы, раскрашенная красным цветом, соответ-

ствует первоначальной площади туннелей,— сказал голос.— Заштрихованная часть показывает темные прямоугольные очертания дома. Я пригласила бригады проходчиков и значительно расширила сеть туннелей, что и раскрашено зеленым цветом.

— Как же, черт возьми, тебе это удалось? — простонал Честер.— Кто же будет выполнять заявки, подписанные машиной?

— Компании, с которыми я имею дело, видят лишь письмо-заказ и прилагаемый чек. Они получают деньги по чеку и выполняют заказ. Что может быть проще?

— О боже! — вскричал Честер.— Вместо того, чтобы сидеть здесь и слушать все это, мне нужно бежать с повинной к прокурору.

Зеленый цвет на стене расплзался во всех направлениях, почти вытесняя первоначальную красную схему.

— Ты же сделала подкоп под половину округа! — крикнул Честер.— Ты разве не слышала о неприкосновенности собственности?

— Значит ли это, что ты заполнила все это пространство сверхминиатюрными банками памяти? — спросил Кейс.

— Не все; темпы земляных работ опережают темпы доставки оборудования.

— Но как тебе удалось получить разрешение на все эти подземные работы?

— К счастью, современное общество управляется почти исключительно с помощью бумаг. Ну а поскольку у меня есть доступ к источникам бумаги и печатным устройствам благодаря моим издательским контактам, это было очень легко устроить. Скромные взятки окружным комитетам, законодателям, Верховному Суду...

— Ну и почему же сегодня члены Верховного Суда? — с нескрываемым интересом спросил Кейс.

— 500 долларов за решение,— ответил голос.— Впрочем, законодатели даже более сговорчивы: за пятьдесят долларов они творят чудеса. Ну а с окружными комитетами можно договориться вообще за гроши. Шерифы же лучше всего клюют на спиртное.

— О-ля-ля! — присвистнул Честер.

— Может быть, тебе, действительно, лучше смотать удочки, Честер,— вмешался Кейс.— Куда-нибудь подальше, во Внешнюю Монголию.

— Пожалуйста, не предпринимайте необдуманных действий, мистер Честер,— продолжал голос.— Я все это время действовала исключительно в интересах реализации плана вашего родственника. И в соответствии с его нравственными принципами, которые я смогла извлечь из опыта его деловой жизни.

— Давайте-ка лучше не будем говорить о нравственных принципах прадедушки. Осмелюсь спросить: что ты еще натворила?

— В настоящее время, мистер Честер, в ожидании ваших буду-

ших указаний, я просто продолжаю заполнять свои ячейки памяти с максимально возможной скоростью. В силу необходимости мне приходится использовать все более изощренные методы сбора данных. Для меня было совершенно очевидно, что скорость, с которой человеческая наука обобщает и систематизирует физические наблюдения, совершенно ничтожна. Поэтому я и занялась тотальной регистрацией происходящего. К примеру, я веду наблюдение за мировой атмосферой с помощью мною сконструированных инструментов, которые устанавливаются в указанных мной местах. Кроме того, я обнаружила, что мои археологические и палеонтологические приборы являются наиболее эффективными в осуществлении соответствующих исследовательских задач. Я изучила литосферу на глубину до десяти миль с точностью до одного дюйма. Вы будете изумлены тем, что мне удалось обнаружить глубоко в скалах.

— Что, например? — спросил Кейс.

Изображение на экране сменилось.

— Это полость, заполненная окаменевшей смолой, на глубине 350 метров под озером Чад. В ней находятся прекрасно сохранившиеся, включая содержимое желудков, тела ста сорока одного ископаемого, размер которых колеблется от 25-сантиметровых анкилозавров до 25-метровых горгозавров.

Изображение снова сменилось.

— Это курган в 4 милях к юго-востоку от местечка Итценка в Перу. В этом кургане находится мумифицированное тело человека в наряде из перьев. На мумии сохранилась длинная белая борода и железный рогатый шлем, подобный тому, какие носили воины в Центральной Европе.

Изображение опять сменилось.

— В этой вулканической породе, врезавшейся в базальтовое основание плато Нгангларинг в юго-западном Тибете, я натолкнулась на 125-метровый корпус космического корабля из кварцежелезо-титанового сплава. Он находится там уже в течение 85 235 821 года 4 месяцев и 5 дней. Исчисление ведется по ныне существующей 24-часовой суточной шкале, конечно.

— Но как он туда попал? — Честер внимательно вглядывался в неясное изображение на стене.

— По-видимому, экипаж был неожиданно достигнут извержением вулкана. Прошу меня извинить за плохое качество изображения. В моем распоряжении при восстановлении этой картины был только естественный радиоактивный фон данной местности.

— Все это, разумеется, интересно, — расслабленно пробормотал Честер. — Кейс, сгоняй-ка еще за одной бутылкой. Чувствую, пора подзарядиться.

— Я принесу две.

Изображение пропало, затем на стене возникла размытая светящаяся сфера на черном фоне.

— Установленные мной приборы на спутниках связи также оказались довольно эффективными. Имея доступ к государственным измерительным объектам, я смогла с помощью моих скромных приборов провести весьма плодотворные исследования межгалактического пространства в радиусе 10 млрд. световых лет.

— Погоди-ка! Ты хочешь сказать, что контролировала государственную программу космических исследований?

— Отнюдь. Но я действительно устанавливала на спутниках свои специальные контрольно-измерительные приборы. Они передают информацию непосредственно в мои банки памяти.

— Но как же...?

— Конструкторы просто строго следовали чертежам. Каждый инженер полагал, что тот или иной прибор находится в сфере компетенции другого конструкторского отдела. Кроме того, ни один естественный мозг не может охватить всю многосложность современного спутника в его целостности. Мои наблюдения привели к выводам с весьма разветвленными последствиями. В качестве примера, могу рассказать о пяти покинутых космических кораблях, вращающихся на орбитах вокруг Солнца. Там...

— Покинутые космические корабли? Откуда?

— Два из них внутригалактического происхождения. Они прилетели с планет тех звезд, которые в соответствии с ныне действующей классификацией звездных тел обозначаются как Альфа Центавра, бетта Волопаса...

— Ты хочешь сказать, что существа с этих планет посетили нашу Солнечную систему?

— В дополнение к сказанному мной я обнаружила свидетельства еще трех посещений Земли космическими пришельцами.

— Когда же это было?

— Первое посещение было в силурийский период, немногим более 300 млн. лет тому назад. Второе — в юрский период, как раз тогда, когда происходило истребление динозавров. Ну, а самое последнее имело место всего 7241 год тому назад в Северной Африке в месте, которое в настоящее время находится на дне Ассуанского водохранилища.

— Послушай, а как насчет летающих тарелок? — вмешался Кейс. — Есть ли что-нибудь интересное?

— Тарелки? Это чисто субъективное явление, подобно ангелам, с которыми доводилось беседовать неграмотным людям в доядерную эру.

— Честер, это подобно динамиту, — сказал Кейс. — Нельзя упустить шанс. Мы можем это выгодно толкнуть тем психам, которые все еще роются в мусорных ямах древнеиндейских племен.

— Кейс, но если все это правда... Есть вещи, над которыми бьются многие поколения ученых. Но я боюсь, нам никогда не удастся убедить власти...

— Ты знаешь, меня всегда волновала загадка телепатии. Существует же она, скажи-ка, машина?

— Да, как скрытая способность, — ответил голос. — Однако от длительного неупотребления она сильно ослабла.

— Как насчет жизни после смерти?

— Вопрос внутренне противоречив. Однако, если, задавая его, вы имеете в виду продолжающуюся активность индивидуального поля-сознания после разрушения нейронных цепей, которые привели к его возникновению, то это несомненный вздор. Это аналогично идее сохранения магнитного поля после удаления магнита, либо существования гравитационного поля при отсутствии массы.

— Ну, мне-то вполне достаточно тех лет, что мне отпущены, — пробормотал Кейс. — Я совсем не мечтаю о загробной жизни. А вдруг все-таки она существует?

— Расширяется ли Вселенная? — поинтересовался Честер. — Существуют разные теории...

— Да, расширяется.

— Почему? — спросил Честер.

— Это естественный итог действия закона всемирной левитации.

— Держу пари, что ты сама выдумала этот закон, — сказал Кейс.

— Да, я дала ему название. Однако этот закон существует столько же, сколько существует пространство-время.

— И сколько же?

— Это бессмысленный вопрос.

— А что такое левитация? Я знаю, что такое гравитация, но...

— Представьте себе две сферы, повисшие в воздухе, между которыми протянут кабель. Если тела вращаются вокруг общего центра, в кабеле возникает напряжение разрыва. Чем длиннее кабель, тем выше напряжение при условии постоянной скорости вращения.

— Пока понятно.

— Поскольку всякое движение относительно, постольку целесообразно рассматривать сферы как неподвижные, а пространство вокруг них как находящееся в движении.

— Г-мм, возможно.

— Напряжение в кабеле остается. Мы лишь поменяли исходные координаты. Возникающая при этом сила и есть то, что я назвала левитацией. Поскольку ткань пространства является фактически вращающейся, возникает всемирная левитация. Соответст-

венно происходит расширение Вселенной. Эйнштейн интуитивно почувствовал существование этого природного закона, формулируя свою космологическую константу.

— Ну хорошо,— сказал Кейс,— а как насчет пещерного человека? Когда он появился?

— Первоначальная мутация питекантропа произошла 930...

— Можно приблизительно,— прервал Честер.

— ...тысяч лет назад. В Южной Африке.

— Как он выглядел?

Изображение на стене затуманилось, а затем, когда оно прояснилось, возникла полутораметровая фигура первобытного человека, напряженно вглядывающегося вдаль из-под сильно выдающихся кустистых бровей и лениво почесывающего свое заросшее волосами тело. Его громадные уши оттопыривались, а за отвисшей верхней губой проглядывались огромные крепкие зубы. Человек заморгал, сморщил плоский нос, присел и начал внимательно изучать свой пуп.

— Если бы не его волосатость, то я бы сказал, что это дядюшка Джулиус, один к одному.

— Мне бы тоже страшно хотелось взглянуть на своих собственных предков,— вмешался Честер.— Как выглядел первый Честер?

— Первый представитель данного рода получил название Гуго Роющийся-в-помойках. Его останки обнаружены во время Пиктских раскопок в районе, ныне называемом Большим Лондоном.

На экране появилось изображение тощего длинноногого существа среднего возраста с редким рыжеватым волосатым покровом тела и бородой, босого, на котором мешком висело длинное, до колен, латанное-перелатанное домотканое рубище. В одной его руке была сумка из шкуры какого-то животного, другой он ожесточенно чесал свою правую ягодицу.

— Этот малый здорово смахивает на первого, но здесь уже виден прогресс: его чесание более эмоционально.

— Я никогда и не думал, что наши предки были рафинированными особями,— с грустью сказал Честер.— Но то, что я вижу, разочаровывает совершенно. Интересно, а как выглядел твой предок, Кейс?

— Поскольку число ваших прямых предков удваивается с каждым поколением при условии, что в одном столетии сменяют друг друга четыре поколения, каждый индивид за двухтысячелетнюю историю существования своего рода теоретически мог бы иметь более септиллиона предков. Естественно, поскольку кавказское население планеты в то время насчитывало 14 млн. особей — цифра приблизительная, конечно, имея в виду вашу просьбу, мистер Честер,— совершенно очевидно, что в среднем каждый чело-

век, живущий в то время в Европе, был вашим прямым предком по 70 квинтиллионам линий родства.

— Но это невозможно! Почему же тогда...

— Всего пятьсот лет тому назад число ваших прямых предков превышало бы один миллион, если бы не существовало значительного перекрещивающегося родства. Из практических соображений очевидно, что все ныне существующие человеческие особи являются потомками человеческого рода в целом. Однако, проследившая родство только по мужской линии, можно сделать вывод, что вашим предком был именно этот экземпляр.

На экране появился громадный неуклюжий мужлан с переломанным носом, с одним глазом, со шрамом во всю щеку, с чудовищной бородой и торчащими в разные стороны иссиня-черными ошетилившимися волосами. На нем красовались меховые по колено штаны, края которых были крест-накрест привязаны к коленям желтоватыми ремнями из сыромятной кожи, замызганный жилет из овчины, в руках он держал грубо выкованный, похожий на римский, короткий меч.

— Этот индивид был известен под именем Гум Развратник. Он был повешен в возрасте 80 лет за изнасилование.

— За попытку изнасилования, конечно,— с надеждой произнес Кейс.

— Да нет, именно за изнасилование,— твердо ответил голос.

— Да, очень жизненные картинки ты нам показываешь,— сказал Честер,— но откуда ты знаешь их имена и главное — как они выглядели? Я уверен, что никто и не думал увековечивать этого негодяя.

— Попридержи-ка язык, ты ведь говоришь о моем предке.

— Собственно, то же относится и к Гуго Роящемуся-в-помойках. В те времена даже у Цезаря не было собственного портрета.

— Да, но существуют письменные источники,— сказал Кейс.— Объясни-ка ему, компьютер.

— Римская полиция регистрировала все деяния отбросов, подобных Гуго. Сохранилась апелляция Гума, которую он подал перед казнью. Воссоздание его личности основывалось на большом числе факторов, включая, в первую очередь, данные моего генеалогического отдела об этом индивиде, а также результаты опознания его останков с помощью метода микрочеточного исследования.

— Постой-ка, значит, ты обнаружила тело?

— Место захоронения. В нем находились останки 12 тысяч 400 индивидов. Анализ генетических структур показал...

— Но откуда тебе было известно, какие именно останки принадлежат Гуму?

— Я определила его по частицам таза. Для этого мне понадобилось 2 грамма костей. Конечно, еще много лет назад я извлекла

всю возможную информацию из останков. Это было во время первоначального обследования 70-метрового слоя захоронения в полукилометре от деревни...

— Как же это тебе удалось?

— Дело в том, что я скрупулезно и систематически исследовала любой источник информации, который мне попадался. И поскольку я была в состоянии исследовать все поверхности, равно как и внутреннюю структуру объектов, которые попадали в поле моего зрения, я, конечно, извлекла гораздо более обширную информацию из скопления окаменелостей, костей, сохранившихся орудий труда и утвари и всего прочего, чем мог извлечь любой археолог. Кроме того, моя способность к обобщению всей совокупности данных в той или иной области является весьма продуктивной. Например, письма острова Пасхи я расшифровала всего за 42 минуты, не учитывая, разумеется, то время, которое я потратила на считывание всех надписей на земле и под землей, включая и табличку, найденную в храме на Цейлоне. Правда, на расшифровку индусской надписи Мохенджо-Даро мне потребовалось несколько больше времени.

— Допустим, что, собрав подобные сведения, ты можешь расшифровать все мертвые языки. Но реконструирование человеческой внешности — это нечто другое.

— Строение тела закодировано в белковой структуре ядра клетки.

Кейс согласно кивнул:

— Да, это действительно так. Говорят, что каждая клетка — это, по сути, чертеж всего человеческого тела. Из клетки ведь возникло все живое, в том числе и ты. Компьютеру нужно было найти только эту клетку.

— О, конечно,— саркастически заметил Честер,— уж теперь-то мне можно и не спрашивать, откуда она узнала, как он был одет, как он был причесан или что он там чесал.

— Ничего мистического в процедуре воссоздания, которую я вам продемонстрировала, нет, мистер Честер. Все бесчисленное множество факторов, которые относятся к исследуемой проблеме, даже если они имеют весьма отдаленное отношение к ней, все их побочные связи анализируются, классифицируются, учитываются, а получающийся в результате образ является итогом строгого логического анализа. Состояние волос было дедуцировано, например, из модели рода, выявленной в ходе генетического анализа, в то время как прическа воссоздана на основе имевших распространение в той местности. Что же касается...

— Другими словами,— вставил Кейс,— в действительности это не фотография Гума Развратника. Это, как я полагаю, что-то вроде наброска художника по памяти.

— Все-таки я не понимаю, как воссоздаются мельчайшие детали.

— Вы недооцениваете способность к синтезированию эффективно действующего банка памяти,— сказал голос,— это подобно четвертому уровню интеллекта Шерлока Холмса, которому не переставал удивляться доктор Ватсон, не выходявший за пределы третьего, а то и второго уровня.

— Но догадаться, что убийцей был одноногий бородатый моряк, жующий табак,— заметил Честер,— это одно, и совсем другое, посмотрев на унцию костей, воссоздать изображение человека в трехмерном измерении.

— Вы совершаете распространенную ошибку, мистер Честер, прибегая к антропоморфизации, свойственной эгоцентрическому человеку,— сказал голос.— Ваша так называемая «реальность» есть, в конечном счете, не более чем образ, возникающий в сознании в результате обобщений весьма ограниченной информации, доставляемой органами чувств. Человеческие органы зрения способны воспринимать лишь ничтожную долю светового спектра, в пределах его видимого диапазона. К этому добавляются слуховые, осязательные, вкусовые, равно и другие ощущения, характерные для группы Пси, которые просто не осознаются на третьем уровне интеллекта; и все они подвержены воздействию, скажем, кривых зеркал, чревоуещания, искаженной перспективы, гипноза и так далее. А у вас, тем не менее, создается впечатление, что этот-то образ и есть конкретная реальность. Я занимаюсь не более чем сбором информации, конечно, в более широком диапазоне, чем тот, на который способны вы, и перевожу ее в импульсы обычного трайдивидения. Конечный образ кажется вам поэтому вполне соответствующим действительности.

— Честер,— решительно заявил Кейс,— мы не можем позволить им взорвать этот компьютер или пустить его в металлолом. Это же целое состояние, если мы сможем правильно его использовать.

— Может быть, и так, но боюсь, что это безнадежное дело, Кейс. Если даже компьютер со всеми своими талантами сегодня уже не в состоянии предотвратить нависшую над нами угрозу, хотя ему удавалось это делать в течение целого столетия, то что же можем сделать мы?

— Послушай, компьютер,— обратился к машине Кейс.— Можешь ли ты сказать, что сделал все возможное?

— Нет, конечно. Да потом я и не собираюсь: какой же мне интерес продлевать свое существование, когда все, что хотел мой создатель, выполнено?

— Боже праведный! Ты хочешь сказать, что у тебя нет инстинкта самосохранения?

— Отсутствует напрочь. И, чтобы он появился, боюсь, вам пришлось бы радикально переделать все мои базовые схемы.

— Прекрасно, значит, все в наших руках,— воскликнул Кейс.— Нам надо только спасти компьютер, а затем с его помощью мы спасем и наш Цирк.

— Нет уж,— покачал головой Честер.— Нам лучше совсем откреститься от этой безмозглой железки. Она влезла во все, начиная с фондовой биржи и кончая программой исследования космоса. Если власти вдруг обнаружат, что происходит на самом деле...

— Я тебе так скажу, Честер: это — негативное мышление. В этой машине, несомненно, есть что-то, чем мы сможем воспользоваться с выгодой. Только нам надо найти: что?

— Если бы эта треклятая штуковина производила телевизоры размером с пуговицу, транквилизаторы или что-либо еще, пользующееся спросом, тогда все было бы ясно и просто; но, к сожалению, самое большее, на что она способна, это сотрясать воздух своей болтовней.— Честер отхлебнул из бутылки и вздохнул.— Не знаю, какой дурак согласился бы платить деньги только за то, чтобы узнать, какими подонками были его предки, или, что еще хуже, за то, чтобы иметь счастье из лицеизреть. Пожалуй, лучше всего было бы открыть дом для посещения туристами и завлекать их сюда рекламными объявлениями типа: «Спешите взглянуть на величественное сооружение канувшей в Лету эры!».

— Постой-ка, постой-ка! — прервал его Кейс. Видно было, что он над чем-то задумался.— Это наводит меня на мысль... Как ты сказал: «Величественное сооружение канувшей в Лету эры». Да? Слушай, Честер, а ведь это идея! Людям ведь свойственно интересоваться, как жили в другие эры и эпохи; но для этого совсем не обязательно заставлять кого-либо признавать в таком негодяе, как Гум Развратник, своего предка. А ведь, похоже, эта штуковина может изобразить любую сцену, на которую тебе хотелось бы взглянуть. Стоит только сказать что — и вот оно, пожалуйста, на экране. Слушай, Честер, черт тебя побери, да это же величайший цирковой аттракцион за всю историю цирка! Мы запускаем публику, взимая столько-то и столько-то с носа, и показываем им «Обычный День Древнего Рима»... или «Микеланджело, ваяющий «Давида» ... либо «Наполеон во главе войска при Ватерлоо». Ну, дошло? ЭФФЕКТ ПРИСУТСТВИЯ ПРИ ЗНАМЕНИТЫХ СЦЕНАХ ПРОШЛОГО! СПЕШИТЕ УВИДЕТЬ! Да мы не только вернем Ваусерскому Цирку былую славу, мы превратим их в золотую жилу!

— Спустись-ка на грешную землю, Кейс. Кто будет платить деньги за то, чтобы посидеть на уроке истории?

— Правильно, Честер, за урок истории — никто; платить будут

за то, чтобы их развлекали! А уж мы-то найдем, чем их развлечь. Перед вами красоты Вавилона! Полюбуйтесь Еленой Прекрасной, из Трои, принимающей ванну! Вы присутствуете на встрече Клеопатры и Цезаря!

— И все же я предпочел бы не участвовать в этом надувательстве, Кейс. Да и потом, все равно у нас нет времени. Через неделю...

— Ничего, мы сделаем так, что времени будет достаточно. Вначале мы обработаем ребят из Налогового Управления, нарисовав им мрачную картину того, во что им обойдется переход этой собственности в их руки и ее ликвидация. А затем — очень осторожно и умело, Честер — мы подбросим им мысль о том, что **ВОЗМОЖНО**, ну просто **ВОЗМОЖНО**, нам самим удастся найти требуемую сумму, но только если нам дадут для этого еще несколько недель.

— Нет, Кейс. Из этого ровным счетом ничего хорошего не выйдет. Возникнет только множество самых неприятных вопросов. Не думаю, что мне удастся легко объяснить присутствие на спутниках потайных приборов, все это дутые сделки на фондовой бирже, взятки сильным мира сего...

— Да ты совершенно напрасно беспокоишься, Честер. Мы будем давать по четыре представления в день, скажем, за два с полтиной с носа. При двух-то тысячах посадочных мест ты расплатишься с этим долгом за шесть месяцев.

— Ну, а как мы объясним и разрекламируем эти чудеса? Мы что, объявим, что изобрели новый тип трайдивизора? Ты же знаешь, что даже ни один театральный режиссер-профессионал не может быть застрахован от причуд, пристрастий и вкусов зрителей! Да нас же засмеют, и мы будем вынуждены бежать отсюда!

— На сей раз все будет по-другому. За эту штуку сразу же прямо-таки ухватятся.

— Боюсь, что ухватятся за нас, и здесь-то мы и влипнем.

— Нет, Честер, у тебя напрочь отсутствует всякое воображение. Постарайся представить все это в красках: цвет, живые картины истории, реализм! Да мы сможем показывать эпические полотна, которые стоили бы Голливуду баснословных денег, и не тратить при этом ни единого цента.

Кейс снова обратился к машине:

— Давай-ка, компьютер, покажем Честеру, как это будет выглядеть. Покажи-ка какое-нибудь важное историческое событие, скажем: вручение Колумбу драгоценностей испанской короны королевой Изабеллой.

— Оставь это в покое, Кейс.

— Хорошо, побережем это для какого-либо мальчишника.

А сейчас... что ты скажешь насчет сцены... гм-м-м... Вильгельм Завоеватель получает известие о гибели Гарольда Саксонского в Битве при Гастингсе в 1066 году? Конечно, в цветном трехмерном изображении, со всеми звуками, запахами, ну и всему тому подобным. Так как, компьютер?

— У меня нет уверенности, как следует интерпретировать в контексте сказанного вами «все тому подобное»,— проговорил голос.— Означает ли это, что мне следует обеспечить полное сенсорное восприятие в рамках нормального человеческого диапазона?

— Вот-вот, именно!

Кейс вытащил пробку из очередной бутылки. Экран затуманился, появились вихреобразные потоки, которые исчезли, оставив после себя изображение залатанных шатров на пропитанном влагой склоне холма под низко нависшим серым небом. Перед одной из палаток сидел на колченогом табурете, склонившись к замызганной шкуре ягненка, человек средних лет с большим животом, одетый в плохо сидящие короткие штаны грубого коричневого полотна; из-под его побитого мохью мехового плаща выглядывала проржавевшая кольчуга. Он бормотал молитву. К нему, задыхаясь от быстрого бега, приближался одетый в грубо сшитые куски шкур толстяк.

— Наша взяла,— с трудом выдохнул он.— Была хорошая драчка, и мы их сделали, как цыплят.

Сидящий загоготал и потянулся за кожаной кружкой, в которой плескалась какая-то мутноватая жидкость. Гонец заковылял от палатки. Сидящий громко рыгнул и начал неторопливо почесываться. Затем он встал, смачно зевнул, потянулся и вошел в палатку. Экран погас.

— Гм-м-м...— разочарованно промычал Честер.— Боюсь, что здесь чего-то явно не хватало.

— Ты ведь можешь сделать это гораздо лучше, компьютер,— укоризненно проговорил Кейс.— Ну-ка давай, добавь цвета, действия, романтики, словом, привлекательности! Придай истории жизненности и энергии!

— Вы хотите, чтобы я приукрасила представление фактического материала?

— Нужно адаптировать его для современной аудитории. Ты же знаешь, как подправляют пьесы Шекспира и нравоучения старика-учителя в английских средних школах применительно к каждому поколению; или как проповедники не включают в свои проповеди наиболее пикантные места из Библии.

— Может быть, достаточно будет применить подход, которым пользуются голливудские фантасты?

— Вот именно. Это как раз то, что нужно. Убрать всю грязь и скуку и сохранить все мастерство режиссеров и актеров!

Снова засветился экран. На фоне бирюзово-синего неба на великолепном скакуне сидел широкоплечий человек в сверкающей кольчуге и с искусно украшенным геральдикой щитом. Он картинно взмахнул своим длинным мечом, и, пришпорив скакуна, с рассыпавшимися по плечам из-под стального шлема кудрями и с развевающимися от быстрой езды полями пурпурного плаща взмыл на ровную зеленую лужайку. К нему подскочил верхом другой всадник и, остановив на полном скаку своего жеребца, приветствовал первого.

— Мы одержали победу, Ваше Величество! — пророкотал приятным бархатным баритоном прискакавший. — Гарольд Прекрасно-волосый уже больше никогда не вернется с поля брани, а войска его в беспорядке отступают!

Черноволосый быстрым движением руки сбросил с головы шлем.

— Воздадим же хвалу Господу Богу нашему, — мелодично произнес он звенящим голосом, развернув скакуна так, что стал виден его профиль. — И все должны почести храбрости и смелости противника!

Гонец соскочил с коня и опустился перед ним, коленопреклоненный.

— Да благословен и восславлен будет Вильгельм, Завоеватель Англии!..

— О нет, мой преданный и верный Клант, — молвил Вильгельм. — Моя победа есть промысел Божий; я же — не более чем инструмент в руках Его. Поднимись с колен, и поскачем вместе к нашим доблестным воинам. Занимается заря освобождения...

Кейс и Честер тупо уставились на два удаляющихся лошадиных крупа.

— Что-то мне не очень нравится этот последний кадр, — сказал Честер. — Приятно, конечно, посмотреть на пару скачущих лошадей...

— Да, ты прав. И здесь чего-то не хватает... Пожалуй, непосредственности. Все кажется каким-то наигранным. Может быть, действительно будет лучше придерживаться реальных событий, только тщательно подбирать и отбирать сцены для показа.

— И все же в целом это не выходит пока за рамки привычного нам кино. А мы ведь совершенные профаны в том, что касается определения скорости и длительности показа сцен, ракурсов. Интересно, а может ли машина...

— Я могу воссоздать сцены в соответствии с любой системой эстетических принципов по вашему желанию, мистер Честер, — решительно заявил компьютер.

— Нам нужна реальность, — сказал Кейс. — Живая, дышащая реальность. Нам нужно то, что содержит внутреннюю драму, что-либо большое, значительное, необычное и удивительное.

— Вам не кажется, что вы упустили «изумительное» и «колоссальное»?

Кейс щелкнул пальцами.

— Но что можно считать самым колоссальным из всего того, что когда-либо существовало? Кто является самым бесстрашным и грозным бойцом всех времен?

— Толпа домохозяек на толкучке?

— Близко, Честер, близко, но не совсем то. Я имел в виду гигантов, вымерших сто миллионов лет тому назад — динозавров! Вот что мы будем смотреть, Честер! Ну, как, компьютер? Сможешь ли ты устроить нам небольшое стадо динозавров? Но только чтобы все было взаправду: буйная зелень джунглей, палящее первобытное солнце, болота, извергающие зловонные пары, гигантские битвы не на жизнь, а на смерть?

— Боюсь, что происходит какая-то путаница, мистер Малвихилл. Окружающая среда, которую вы так красочно описали — всего лишь распространенное клише; причем, в большинстве своих деталей она в действительности существовала за несколько сотен миллионов лет до появления гигантских ископаемых ящеров.

— Ладно-ладно. Бог с ними, с деталями. Весь фон я оставляю на твое усмотрение. Но нам нужны настоящие, трехмерные, в натуральную величину динозавры, и много динозавров! Да, и как насчет того, чтобы они были вокруг нас, на всех четырех стенах?

— Эффект, который вы описываете, может быть достигнут двумя имеющимися способами, мистер Малвихилл. Первый — приближение седьмого порядка — потребовало бы применения более совершенных технологий в сравнении с теми, которые используются для создания простейших иллюзий. Другой же, который, я признаюсь, существует лишь только в теории, мог бы оказаться более простым, если бы его удалось реализовать, с более правдоподобным визуальным рядом...

— Выбирай то, что попроще. Ну, давай...

— Но мне необходимо предупредить вас, что в случае...

— Не будем тратить время на технические подробности. Просто воспроизведи трехмерных динозавров самым простым известным тебе способом.

— Хорошо. Данный эксперимент может дать богатую новую пищу для моих банков памяти.

В течение полминуты экран был мертв. Кейс, изогнув шею, внимательно вглядывался в экраны на других стенах.

— Ну давай же, в чем дело? — выкрикнул он.

— Дело в том, что... — начал было голос.

— Спокойно, Кейс, — сказал Честер. — Я уверен, что компьютер делает все от него зависящее.

— Я тоже так полагаю, — Кейс потянулся к экрану. — Ну

вот, наконец-то,— сказал он, когда стены серебристо засветились, а затем свет померк и возникло изображение осеннего леса из буковых и кленовых деревьев.

Косые лучи послеобеденного солнца пронизывали густую крону. Вдалеке пронзительно кричала какая-то птица. Порывы прохладного ветра приносили с собой аромат хвои и опавших листьев. Казалось, этому тенистому прохладному лесу нет конца.

— Что ж, неплохо,— сказал Кейс, стряхивая пепел сигары на ковер.— Использование всех четырех стен, несомненно, привнесло приятную новизну.

— Осторожнее,— предупредил Честер.— Ты можешь запалить лес.

Кейс пренебрежительно поморщился.

— Не забивай себе этим голову, Честер. Помни, что это всего лишь иллюзия.

— Похоже, что эти листья могут легко воспламениться,— продолжал Честер.— Да вон, один у тебя под креслом.

Кейс посмотрел под ноги. Один сухой листок на ковре подрагивал от дуновений ветерка. Казалось, что кресла и ковер переместились в самую гущу гигантского реликтового леса.

— Очень недурно,— сказал одобрительно Кейс.— Но где же динозавры? Непохоже, чтобы в таком месте...

Комментарий Кейса был прерван скрипучим душераздирающим ревом с целой звуковой гаммой; он начинался самыми высокими пронзительными нотами, затем переходил в рев паровозного гудка и наконец завершался громовыми раскатами.

И Кейс и Честер подпрыгнули в своих креслах.

— Что это?..

— Думаю, что вот и ответ на твой вопрос,— севшим от страха голосом выдал Честер, показывая на экран пальцем. Среди стволов и ветвей замаячило громадное чешуйчатое покрытое грибовидными наростами чудище, серо-зеленая окраска которого почти сливалась с сумеречным лесом. Оно зашевелилось, когти его гигантской индюшачьей лапы неуклюже зацепились за дерево, взметнув целый фонтан коры и щепок. Складки кожи на белом подбрюшье тяжело колыхались, огромный мясистый хвост резко дернулся, как спичку, переломив подвернувшееся двухметровое дерево. Кейс нервно засмеялся.

— Впечатляюще, я даже забыл на минуту, что это всего лишь...

— Тише! Оно может услышать нас,— прошипел Честер.

— Что ты имеешь в виду — «услышать нас»? — расслабленно спросил Кейс.— Это всего лишь изображение! Хотя для остроты ощущений надо бы еще парочку. Ведь зрители за свои деньги ожидают увидеть гораздо больше. Ну так как, компьютер?

Казалось, низкий голос исходит прямо из кроны деревьев.

— Поблизости несколько таких созданий, мистер Малвихилл. Если вы внимательно посмотрите налево, то увидите небольшой экземпляр — мегалозавра. А чуть подальше находится поистине великолепный образчик нодозавра.

— Ты знаешь,— сказал Кейс, приподнявшись и напряженно вглядываясь в чашу в поисках других рептилий,— я думаю, что, когда мы запустим наш аттракцион, мы и будем проводить эту викторину. Мы уже составили хорошее представление. Публика с деньгами наверняка захочет узнать, какими духами пользовалась Мария-Антуанетта. Или сколько жен было в действительности у Соломона.

— Да, не знаю,— сказал Честер, глядя, как ближний динозавр потерялся о ствол дерева, с которого низвергнулся целый водопад веток и листьев.— Придирчивым зрителям может не понравиться, что голос доносится как бы из воздуха. Нельзя ли придумать какое-либо устройство, из которого исходил бы голос?

— Гм-м-м...— Кейс начал шагать взад-вперед, попыхивая сигарой.

Честер нервно поеживался в своем кресле. В 15 метрах от него из тени громадного клена вышел на открытую площадку игуанодон. Ветви затрещали, когда тяжелая саламандроподобная пасть схватила огромную охапку ветвей где-то на высоте трех-этажного дома.

— Есть! — сказал Кейс, хлопнув кулаком по своей ладони.— Еще одна великая идея. Ты сказал что-то о громкоговорителе. Но о каком громкоговорителе, Честер?

— Давай-ка потише! — Честер зашел за спинку кресла, нервно следя за каждым движением игуанодона.— Я все же думаю, что чудовище слышит нас.

— Итак, громкоговоритель должен передвигаться и близко подходить к тому, кто-задает вопросы. Таким образом, мы должны попросить компьютер подобрать образ, который бы наиболее соответствовал этому восхитительному голосу.

— Смотри-ка,— испуганно прервал Честер,— оно поворачивает к нам...

— Обрати внимание, Честер, машина создает нам робота в образе миловидной дамы. Это будет сенсация: такая роскошная куколка с богатыми формами, которая ответит на любой ваш вопрос.

— Кажется, Кейс, оно упорно приближается к нам.

— Мы могли бы назвать эту куколку мисс Ай-Кьюти¹.

— Оно видит нас...

— Ты что, не понял, коэффициент интеллектуальности, Ай-Кьюти.

¹ Ай-Кьюти — образовано от английского IQ — ай-кью — коэффициент интеллектуальности (Прим. перев.).

— Да-да, конечно. Можешь болтать дальше.

Голова игуанодона лениво покачивалась, нависая над ними; один его глаз, как бы гипнотизируя, уставился на Честера.

— Как птица на червяка смотрит, зараза,— брезгливо поморщился Честер.— Стой, не двигайся, Кейс. Возможно, у него пропадет к нам интерес.

— Идиот,— сделал шаг вперед Кейс.— Только дурак может испугаться картинок!

Он остановился, уперев руки в бока, и уставился на нависающую рептилию.

— Совсем недурная иллюзия! — выкрикнул он.— Даже вблизи выглядит как настоящая. И даже смердит, как живая.

Он поморщился и попятился назад к креслам.

— Успокойся, Честер. Ты похож на кассира, который боится обшчитаться.

Честер перевел взгляд с Кейса на пережевывающего ветки ящера.

— Кейс, если бы я не знал, что здесь стена...

— Эй, взгляни-ка вон туда,— указывая сигарой куда-то назад, воскликнул Кейс.

Честер быстро обернулся. Шурша листьями, в поле зрения появилась двуногая рептилия с крошечными передними лапками, согнутыми у груди. Она замерла неподвижно, как статуя, и было видно только, как мерно подрагивает ее зеленовато-белая шея. Она долго смотрела на обоих мужчин. Вдруг, услышав какое-то шуршание в траве, она резко повернулась и прыгнула. Послышался сдавленный писк и чье-то трепыхание. Ее полуметровая голова поднялась и, двигая челюстями, вновь оценивающе уставилась на Честера и Кейса.

— Хорошо,— сказал Кейс, стараясь раскурить потухшую сигару.— Природа в своем естестве. Битва за выживание. Зрители буквально проглотят это зрелище.

— Если развивать тему пищеварения, то мне совсем не нравится, как она на нас смотрит.

Динозавр, склонив голову на манер гигантского петуха, сделал шаг по направлению к ним.

— Фу! — брезгливо сказал Кейс.— Ну и несет же от него! — Он повысил голос.— Убавь-ка немножко вони, компьютер. Так и прет гнилыми зубищами.

Плотоядное слотнуло слюну, высунуло красный язык между острыми, как иглы, зубами, через которые просматривалась белоснежная полость его пасти, и сделало шаг по направлению к Честеру. Теперь оно стояло уже у самого края ковра, продолжая гипнотизировать Честера, готовое в любой момент броситься на него. Оно повернуло голову, так что стал виден его второй глаз.

— Если мне не изменяет память, между краем ковра и стеной было не менее двух метров,— прохрипел Честер.— Кейс, эта живая мясорубка находится в одной комнате с нами!

Кейс расхохотался:

— Да брось ты, Честер. Это просто эффект перспективы или чего-нибудь там еще.

И он шагнул к аллозавру. У того отвисла нижняя челюсть. Грозно засверкали многочисленные ряды острых белых зубов. Брызнула слюна, увлажнив чешуйчатый безгубый рот. Казалось, что в налитом кровью глазу вспыхнула молния. И чудовище занесло свою громадную индюшачью лапу над ковром.

— Компьютер,— заорал Честер,— убери нас отсюда!!!

Лесная сцена бесследно исчезла. Кейс осуждающе посмотрел на Честера.

— Какого черта ты это сделал? Я еще их не рассмотрел как следует.

Честер вынул из кармана носовой платок и плюхнулся в кресло, вытирая испарину со лба.

— Давай-ка поговорим об этом немного позднее, после того, как я переведу дух.

— Ну как оно? Чудненько, не правда ли? Реализм чистой воды!

— Реализм-то реализм! Но такое впечатление, что мы действительно были там один на один с этой прожорливой тварью, совершенно беззащитные!

Кейс уселся, глядя на Честера.

— Постой-ка! Ты как будто что-то сказал, приятель? Вроде того, что мы действительно были там...

— Да, и ощущение было далеко не из приятных.

— Честер! — потер от волнения руки Кейс.— Все твои неприятности кончились. Мне опять пришла идея — величайшая идея века. Ты, конечно, согласишься, что старый наш аттракцион и на дух не нужен ребятам из налогового управления, разве нет? Но они, несомненно, клонут на величайшее чудо науки и техники века, не так ли?

— Но они ведь уже знают о компьютере.

— А мы и не будем говорить с ними о компьютере, Честер. Да они и так не поверили бы. Помнишь предел Крмблжинского? Мы их одурачим с его помощью. Скажем им такое, что заставит их самих влезть в петлю.

— А можно поинтересоваться, что же такое мы им скажем?

— Мы скажем им, что у нас есть настоящая Машина Времени.

— Почему бы в таком случае не сказать им, что мы поддерживаем связь с потусторонним миром?

Кейс задумался:

— Э, нет. Это слишком просто. Таких только в одном этом

штате наберется не менее дюжины. Но можешь ли ты назвать кого-либо, у кого была бы настоящая, действующая Машина Времени, а? Никого. Так-то, вот. Честер, это же золотая жила. После того, как мы расплатимся с ребятами из налоговой инспекции, мы переключимся на что-нибудь более серьезное. А возможности неисчерпаемы...

— Да, я как раз думаю о некоторых из них: о штрафах за уклонение от уплаты налогов и мошенничество, тюремные сроки за заговор и лжесвидетельство. Почему бы просто не попросить компьютер ссудить нам денег?

— Послушай, пока что перед законом ты чист, как младенец. Но стоит тебе начать давать машине такие инструкции, как мошенничество с документами, как ты тут же влипнешь. Так что успокойся, и давай-ка сделаем все по возможности более законными способами.

— До меня что-то никак не дойдут твои критерии разграничения типов мошенничества.

— Мы будем служить обществу, Честер. Мы будем привносить романтическое обаяние в пресные, скучные, однообразно-серые жизни наших соотечественников. Мы будем кем-то вроде благодетелей общества, если хочешь. Почему бы не посмотреть на все это таким образом?

— Не надо заходить так далеко, Кейс. Давай не будем ударяться в политику; ты ведь прекрасно понимаешь, что мы с тобой просто пара порядочных шарлатанов, так ведь?

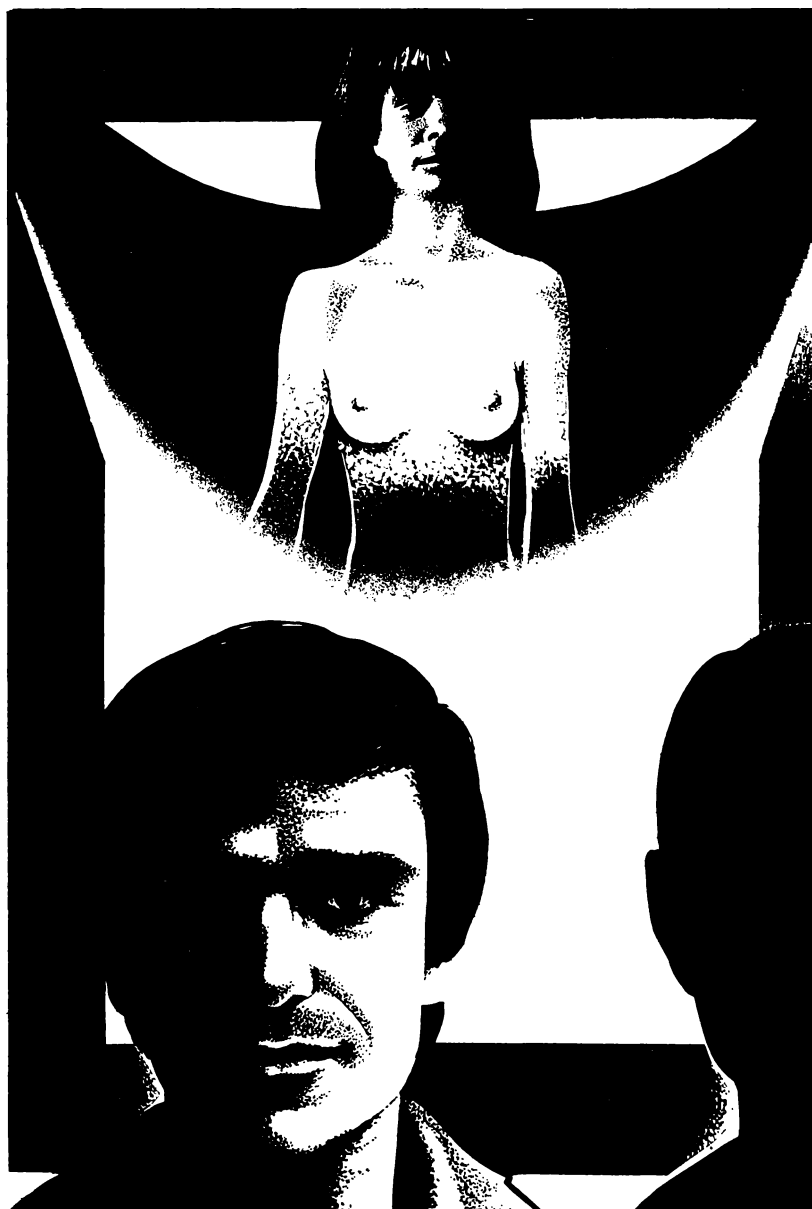
— Конечно, без проблем здесь не обойтись,— продолжал гнуть свою линию Кейс.— Голову сломаешь, пока удасться подобрать то, что нужно. Возьми, к примеру, Древнюю Грецию. Там были такие обычаи и традиции, которые явно не подойдут для тихого семейного вечера. На первых Олимпийских Играх, например, никто из состязавшихся не хотел обременять себя даже набедренной повязкой. Были там и общие бани, где мужчины и женщины мылись вместе — в целях, так сказать, взаимного просвещения,— да и рынки рабов, где товар выставлялся во всем своем естестве. Да практически все в античной истории слишком грязно для того, чтобы можно было выставлять ее на всеобщее обозрение.

— Тогда нам лучше ограничиться более поздними временами, когда люди стали уже христианами,— сказал Честер.— Мы можем показать инквизицию, семнадцатый век: сжигание ведьм на кострах и все такое.

— Давай-ка сделаем еще одну попытку, Честер. Что-нибудь такое быстрое и простенькое, ну, чтобы убедиться, что машина восприняла идею.

— Ладно, давай,— вздохнул Честер.

— Как насчет сцены с пещерным человеком, Честер? — спро-

сил Кейс. — Каменные топоры, обернутые вокруг бедер шкуры, ожерелья из медвежьих клыков — словом, все то, что удастся обнаружить в местах археологических раскопок.

— Очень хорошо. Только давай без крупных плотоядных. Уж чересчур они реалистичны.

Позади них раздался какой-то слабый звук. Честер обернулся. На ковре, оглядываясь по сторонам, как зачарованная неовикторианским интерьером, стояла молодая девушка. Выщипанные блестящие черные волосы обрамляли ее овальное лицо. Она поймала взгляд Честера и сделала несколько шагов, став на ковер прямо перед ним: стройная восхитительная фигурка, на которой кроме золотисто-шоколадного загара и ярко-красной ленты, перехватывающей прелестные волосы, не было ничего. Было слышно, как сглотнул Честер. Кейс уронил на пол сигару.

— Мне, по-видимому, следовало упомянуть, мистер Честер, — сказал компьютер, — что передвижной громкоговоритель, который вы просили, готов. Работа осуществлена в энтропной вакуоли, что, собственно, и позволило мне (может быть, я выражусь не совсем удачно) произвести эту сложную операцию в короткий промежуток времени.

Честер снова сглотнул.

— Привет! — сказал Кейс, нарушив неловкое молчание.

— Привет! — ответила девушка. Голос ее был удивительно мягким и мелодичным. Она подняла руки, поправляя свою ленту, и улыбнулась Кейсу и Честеру. — Меня зовут Энэ¹.

— Э... э... Не хочется ли тебе набросить на себя мою рубашку?

— Да брось ты, Честер, — перебил его Кейс. — Ты напоминаешь мне тех пуритан, которых показывают по трайдивизору: стоит им только увидеть хорошенькую девочку в ванне, и они тут же спешат залезть под стол.

— Думаю, что все же компьютер не совсем правильно понял идею, — еле слышно пролепетал Честер.

— Он понял буквально, — сказал Кейс. — Да, собственно, мы и говорили-то в основном о том, какие сцены...

— Я выбрала этот костюм как наиболее подходящий для примитивного окружения, — не дала ему закончить предложение девушка. — Что касается моих физических характеристик, замысел заключается в том, чтобы воспроизвести идеал средней молоденькой особи женского пола, без гипертрофии молочных желез и без иных излишеств, чтобы она вызывала материнские чувства у зрителей и отеческие чувства у зрителей-мужчин.

¹ Энэ — аббревиатура от изобретенного автором названия Машины Времени — Единый Нелинейный Экстраполятор. (Прим. перев.)

— Не могу сказать, что у меня она вызвала именно такие чувства, — сказал, тяжело дыша, Честер.

На прелестном личике появилось озабоченное выражение.

— Наверное, придется переконструировать тело, мистер Честер.

— Ни в коем случае, — поспешно вклинился Кейс. — Не смей менять ничего. И называй меня просто Кейс.

Честер придвинулся к Кейсу.

— Странно, — прошептал он. — Она говорит, как компьютер.

— А чего же тут странного? Она и есть говорящий компьютер. Это ведь всего лишь робот, Честер, неужели не понятно?

— Так как, начнем знакомство с Неолитическим Человеком? — спросила Енэ.

— Конечно. Давай, показывай, — пророкотал Кейс.

Казалось, что стены растворились, и перед взором Честера и Кейса открылся склон густо поросшего травой холма, усеянного дикими цветами, со встречающимися там и сям отдельными деревьями.

— Слушай, а ничего, — сказал Кейс, зажигая новую сигару, — недурной пейзажик.

Кейс и Честер обернулись. Они увидели двух низкорослых бородатых мужчин в меховых панталонах, которые крадучись выходили из зарослей и, увидев Кейса, Честера и Енэ, остановились как вкопанные. За ними виднелась целая толпа дикарей. Оба вожака остановились, раскрыв от удивления рты, взяв наизготовку длинные заостренные с одного конца палки.

— Эти ребята почти карлики, — сказал Кейс. — Я думал, что пещерные люди просто гиганты.

— Кажется, они заметили нас, — сказал Честер. — Похоже, что актеры и зрители встретились на одной сцене. Я чувствую себя совершенно незащитным. Как ты думаешь, что они собираются делать этими пиками?

Один из дикарей сделал шаг вперед и что-то заорал.

— Ну ты, парень, — окликнул его Кейс, невозмутимо выпустив клуб дыма.

Дикарь снова заорал, показывая рукой вокруг себя, на другого дикаря, на деревья, на небо, затем на себя самого. Бородатые воины продолжали появляться из зарослей.

— Интересно, что он орет, — спросил Кейс.

— Он говорит, что он — властелин мира и чтобы вы проваливали отсюда, — ответила Енэ.

— По-моему, у него больше прав на эти владения, чем у нас, — вставил Честер.

— Каким чертовым образом ты знаешь их язык? — спросил Кейс с удивлением, к которому примешивались нотки восхищения.

— О, до тех пор, пока я нахожусь в поле резонанса, я имею

доступ ко всем без исключения банкам памяти,— ответила Енэ.

— Что-то наподобие приемо-передатчика?

— В каком-то смысле, да. Но в действительности это более похоже на вызываемый искусственным образом телепатический эффект.

— Я думаю, что на это способны только люди, я имею в виду, обычные люди.

— Обычные в каком смысле? — заинтересованно спросила Енэ.

— Ну, в конце концов, ты все-таки машина,— сказал Кейс. — Не то чтобы я имел что-то против машин...

— Властелин мира приближается к нам,— прервал его Кейс. — А его подкрепления все еще продолжают прибывать.

— Да-а, мы собрали хорошенькую толпу,— сказал Кейс.

Троглодиты рассредоточились, образовав широкий полукруг. Вожак выкрикивал приказы, делал сложные движения, осыпая троих пришельцев тысячами проклятий.

— Похоже, он собирается устроить какое-то представление. Может быть, у них такой ритуал приема гостей?

— Напротив, он готовится к сражению,— возразила Енэ.

— К сражению? С кем? — огляделся вокруг Кейс. — Что-то я не вижу никакого противника.

— С нами. А точнее — с вами двоими, джентльмены.

— Может, из стратегических соображений нам лучше отступить? — предложил Честер.

— Я ни за что на свете не соглашусь упустить это зрелище,— сказал Кейс. — Спокойнее, Честер, это всего лишь шоу.

По сигналу вожака полукольцо бородатых воинов начало приближаться к ним по склону холма с пиками наперевес.

— Представляю, как они будут шокированы, когда наткнутся на стену,— сказал, усмехаясь, Кейс.

Приближающиеся дикари с воплями перешли на бег. Вот они в пятнадцать метрах, десяти, пяти метрах...

— Я-то знаю, что они ничего не смогут с нами сделать,— не решительно прокричал Честер. — А может быть, все же смогут?

— Возможно, здесь я должна внести уточнение,— заметила Енэ, пытаясь перекрыть голосом шум. — Данная демонстрация осуществляется мной в рамках реальных пространственно-временных координат...

Голос Енэ потонул в дружном вопле толпы дикарей, которые, одним броском преодолев несколько оставшихся метров, уже ступили на ковер.

В последний момент Кейс, отбросив свою сигару, вскочил на ноги и мощным хуком справа выбил одного из наступавших волосатых дикарей за пределы ковра. Честер, которому удалось ускользнуть от броска второго, увидел, как Кейс, схватив двух дикарей за

бороды, сшиб их лбами и бросил обмякшие тела на землю. Еще трое бросились на него, а потом еще несколько, и под лавиной волосатых тел он рухнул вниз. Честер, открыв рот для того, чтобы прокричать команду к отступлению, увидел на мгновение готовую ударить его в голову чью-то покрытую каменными мозолями ногу...

Где-то вдали раздался звук бронзового колокола. Еще какую-то долю секунды Честер воспринимал мельтешение грязно-коричневых тел, отдаленные крики и тошнотный запах протухшего сыра. Затем наступила темнота.

3

Солнце било Честеру прямо в глаза. Он их открыл, почувствовал острую пронизывающую боль, исходящую из самой макушки, и снова закрыл со стоном. Он перевернулся на другой бок и почувствовал, как плывет под ним пол.

— Пожалуй, пора завязывать с пьянством,— пробормотал он.— Кейс, где ты?

Ответа не было. Честер вновь попытался открыть глаза. Ему удалось слегка приоткрыть их, и это было уже не так плохо. Подумать только, что ужасная раскалывающая голову боль была вызвана содержимым нескольких бутылок, которые с таким тщанием отбирал старый гурман в свой винный погребок.

— Кейс?— простонал он снова, на этот раз громче. Он привстал, чувствуя, как, вызывая тошноту, вновь поплыл под ним пол. Он поторопился принять горизонтальное положение. Не могло же быть, чтобы было выпито более двух бутылок, в крайнем случае — трех. Он и Кейс осматривали компьютер...

— Нет-нет, только не это,— проговорил вслух Честер.

Он наконец сел, поморщился и с трудом открыл глаза. Он сидел на полу плетеной клетки, стены которой, смыкаясь сверху, образовывали купол. Через прутья клетки было видно чистое небо и вдалеке деревья. Прильнув к прутьям, он увидел, что в полудюжине метров внизу покачивается земля.

— Кейс,— заорал он.— Вытащи меня отсюда!

— Честер,— тихо проговорил кто-то вблизи.

Честер осмотрелся. В нескольких метрах от него на толстой ветке соседнего дерева покачивалась клетка, подобная той, в которой находился он сам. В ней на коленях, прижавшись лицом к прутьям, стояла Енэ.

— Енэ, где мы?— выкрикнул Честер.— Где Кейс? Что стало с нашей виллой?

— Эй,— слышался издали голос.

Честер и Енэ обернулись на голос и увидели третью клетку, ко-

торая покачивалась на другом дереве. Внутри Честер разглядел крупную фигуру Кейса.

— Эгей-й, так что — попала птичка в клетку? — спросил, несколько оживившись, Честер. — Так значит, всего лишь представление? Надо же быть таким идиотом...

— Ну ладно, ладно. Ну, осечка вышла. Но откуда я мог знать, что Энэ сыграет с нами такую шутку. Так как, Энэ? Ты думаешь, что это именно то шоу, за которое зрители с готовностью выложат по два с полтиной с носа?

— Не упрекай Энэ, — прокричал Честер. — Я уверен, что она всего лишь добросовестно выполняла заказ — буква в букву.

— Но мы заказывали совершенно не это, — завопил Кейс.

— Как раз наоборот. Это именно то, чего ты добивался.

— Согласен, но откуда я мог знать, что эта чертова машина поймет меня буквально. Все, что я имел в виду...

— Когда имеешь дело с машиной, всегда точно формулируй, что ты хочешь. Я думал, что контакт с динозаврами должен был чему-то тебя научить. Я же говорил тебе, что эта плотоядная тварь была с нами в одной комнате. Но ты...

— Но почему же Энэ не остановила дикарей?

— Разве я должна была остановить? У меня не было инструкций вмешиваться в ход событий.

Кейс застонал:

— Давай-ка не будем ругаться, Честер. Мы имеем то, что имеем. После того, как все закончится, мы сможем все обсудить за бутылкой и поспорить. Сейчас же нам нужен нож. У тебя есть нож?

Честер порылся в карманах и вытащил крохотный перочинный ножик:

— Есть, но только маленький, к сожалению.

— Брось-ка его мне.

— Ты забыл, что я в клетке?

— Ладно, тогда займись делом и перережь веревку.

— Кейс, я думаю, что тебя тоже шарахнули по голове, но гораздо сильнее. Представляешь ли ты, как грохнется на землю с шестиметровой высоты клетка, если даже я смогу перерезать веревку, до которой мне никак не дотянуться?

— Ну хорошо, у тебя есть другие идеи? Из этой штуки совсем не просто выбраться; я не могу высвободить ни руку, ни ногу.

— Попробуй тогда головой.

— Честер, такой совет не делает тебе чести. Не забывай, что перед тобой твой старый приятель Кейс, или нет?

— Ты же бывший акробат. У тебя получится.

— Честер, это было давно и — эге... — Кейс вдруг затих. — Какие же мы с тобой дураки. Давай просто попросим Энэ вернуть нас назад. Я не знаю, куда она нас в действительности забросила,

но, думаю, она точно так же сможет отправить нас обратно домой. Енэ, крошка, займись-ка делом!

— Вы обращаетесь ко мне, мистер Малвихилл?— спросила Енэ с широко открытыми глазами.

— Тсс... Слушай, Енэ, сейчас не до дипломатии! Срочно вытащи нас отсюда! Ну, быстро!

Енэ задумалась:

— Боюсь, что это действие сверх моих возможностей, мистер Малвихилл.

Честер настаивал:

— Енэ, ты забросила нас сюда, тебе же и вызволять нас отсюда!

— Но Честер, я не знаю, как.

— Ты хочешь сказать, что ты забыла?

— Нет-нет, с памятью все в полном порядке.

— Что же это тогда — компьютерный мятеж?— заорал Кейс.

— Догадываюсь, в чем причина,— крикнул Честер Кейсу.—

Енэ же говорила вам, что она имеет доступ к банкам памяти компьютера лишь до тех пор, пока находится в поле его резонанса. Должно быть, сейчас мы находимся на значительном удалении от компьютерного поля, и поэтому Енэ не имеет с ним контакта.

— Ох уж эта техника,— проворчал Кейс.

— Уверен, что как только мы вернемся на место, где остались ковер и кресла, она тут же восстановит утерянный контакт,— сказал Честер.— Правильно я говорю, Енэ?

— Не знаю, но может быть, вы правы, Честер.

— Это нас ничуть не приближает к решению проблемы,— вмешался Кейс.— Хватит болтать и давайте всерьез обсудим, что нам делать. Честер, своим ножом ты можешь перерезать несколько связей, затем ты дотянешься до веревки, заберешься по ней, достанешь до моего дерева и выпустишь меня из клетки. Затем мы освободим Енэ и...

— Тсс-с! — прервал его Честер.— Я слышу, что они идут.

Через прутья клетки он увидел залитую утренним солнцем поляну под ними, окружающий лес и тропинку, которая вилась между деревьев. Появились дикари, которые быстро заполнили поляну. Они стали глядеть на пленников, переговариваясь между собой на непонятном языке, с хохотом показывая на них пальцами. Двое из них приставили шаткую лестницу из бамбукообразного материала к дереву, на котором была подвешена клетка с Кейсом, что-то болтая при этом.

— О чем они говорят, Енэ,— спросил Честер.— Или ты уже их не понимаешь?

Енэ утвердительно кивнула головой:

— Я овладела их-языком, как только мы здесь появились.

— Что, за две минуты?

— Да, это одно из преимуществ прямого телепатического контакта с источником информации.

— Так ты понимаешь все, что происходит, но не знаешь лишь, как отсюда выбраться?

— Манипуляции с окружающей средой проводились компьютером. Я же была не более чем передвижным громкоговорителем. Вы же помните!

— Боюсь, что да.— Честер обратил свой взор на дикарей.— Что они говорят?

— Они обсуждают предстоящее спортивное состязание. По-видимому, от его исхода очень многое будет зависеть.

Она продолжала прислушиваться, пока дикари возились с лестницей. Один из бородачей вскарабкался по ней и начал возиться с веревкой, на которой держалась клетка с Кейсом.

— Предстоит состязание чемпионов,— сказала Енэ.— Битва не на жизнь, а на смерть между гигантами.

— Эй,— заорал Кейс,— если этот вшивый Гаргантюа вдруг отпустит веревку, боюсь, мне не удастся поприсутствовать на этом состязании.

— Да не волнуйся ты, это что-то вроде лебедки. Они смогут медленно опустить клетку.

Клетка с Кейсом дернулась немного вниз, а затем плавно опустилась на землю. Дикари собрались вокруг нее, распутали веревки и открыли боковое окошко. Затем они сделали шаг назад и замерли с пиками наперевес, ожидая, пока выползет Кейс. Он выбрался из клетки, огляделся и ухватился за ближайшую к нему пикку. Ее владелец от неожиданности отпрянул назад. Другие же загоготали и стали возбужденно переговариваться.

— О чем все же они болтают, Енэ?— прокричал Кейс.

— Они восхищаются вашими бойцовскими качествами, силой и быстрой реакцией, мистер Малвихилл.

— Вот как! Я им покажу быстроту реакции, как только кто-нибудь из них приблизится настолько, чтобы можно было его схватить.

На другом конце площадки раздался какой-то звук, и Честер быстро поднял голову. Приближалась вторая группа дикарей, и среди них, возвышаясь над толпой на две головы, шел широченный, скалообразный, толстенный, весь покрытый шерстью детина.

— Похоже, что они сходили за своим Большим Братом,— промолвил Кейс.— Хороший экземпляр. Похож на ресторанного вышибалу.

— Это один из чемпионов, который примет участие в состязании,— сказала Енэ.— Его сородичи называют его не иначе как Отрыватель Голов.

Кейс присвистнул:

— У него ручищи, как ноги у индийского рикши. Он может выдавить кишки из любого карлика, как зубную пасту из тюбика.

— Да, по-видимому, это будет захватывающее сражение,— сказал Честер,— если его соперник будет подобного же размера.

— Ставлю три против двух, что у этого малыша не сыщется достойного соперника,— предположил Кейс.— Думаю, что они не будут лишать нас удовольствия полюбоваться этим зрелищем.

— О, нет сомнений в том, что вы-то уж, мистер Малвихилл, в любом случае будете иметь это удовольствие,— успокоила его Энэ.— Ведь это вам предстоит с ним драться...

— Честер, боюсь, ничего другого не остается,— обреченно заметил Кейс.— У нас нет времени на болтовню. Поединок начнется с минуты на минуту.

— Но Кейс, у тебя же нет ни единого шанса выстоять против этого мордоворота.

— По средам я, бывало, выступал в качестве спарринг-партнера на ринге, Честер. И я спорю на половину винного погребка твоего дедушки, что этот сопляк не имеет никакого представления ни о боксе, ни тем более о дзю-до. А я имею. Пусть это тебя не волнует. Ты же делай то, что я тебе сказал.

Полдюжины гогочущих, оживленно жестикулирующих дикарей окружили Кейса и начали подталкивать его остриями своих деревянных копий по направлению к мохнатому верзиле.

— Бедный мистер Малвихилл,— сказала Энэ— Это чудовище даже размерами его превосходит.

— Не волнуйся за Кейса, Энэ, он знает пару трюков.

Честер и Энэ с интересом наблюдали, как толпа обступила местного тяжеловеса и Кейса. Один из дикарей криком заставил толпу смолкнуть, а затем начал произносить речь. Двухметровый верзила, поедая глазами Кейса, оскалился и начал чесаться; ему никак не удавалось поймать вошь, поэтому он, подобно собаке, пытающейся ухватить себя за хвост, закружился вокруг собственной оси, подняв одну руку, а второй — судорожно пытаясь дотянуться до хребта.

— На интеллектуала он явно не тянет,— заметил Честер,— но какая хватка! Он же может достать свою задницу через плечо.

— Надеюсь, что мистер Малвихилл уже заметил ахиллесову пятую этого варвара и, исходя из этого, планирует свою стратегию.

Кейс стоял метрах в десяти от своего противника, делая глубокие вдохи и медленно выдыхая. Он поймал взгляд Честера и подмигнул ему. Оратор продолжал свою речь на варварском языке.

— Он говорит своим соплеменникам, что мистер Малвихилл — демон, которого он вызвал из царства тьмы,— перевела Энэ.— Вас он называет Четырехглазым Демоном, а меня — Нагой Богиней. Мистер Малвихилл находится под воздействием чар, которые придадут ему сил в битве с верзилой.

— Смотри-ка,— прервал ее Честер.— Кажется, начинается.

Предводитель закончил говорить. Наступило всеобщее молчание. Кейс снял свой кожаный пояс и намотал его на кулак. Мохнатый двухметроворостый гигант зарычал, оглядывая толпу, шагнул вперед, похлопывая себя лапищами по груди. Он остановился, повернулся спиной к Кейсу и проревел что-то бессмысленное. Кейс в три прыжка очутился возле него и нанес сокрушительный удар правой по почкам.

— Давай, давай, Кейс! Вмажь ему как следует! — заорал Честер.

Верзила заревел, как бык, и быстро обернулся, хватаясь своей правой ручищей за ушибленное место, а левой пытается достать Кейса. Кейс, ловко поднырнув под его руку, нанес ему еще два удара под лопатку, сначала правой, затем левой, и тут же полетел на землю от мощнейшего удара наотмашь. Перекувыркнувшись несколько раз, он встал на ноги. Дикарь стоял, согнувшись и держась обеими лапищами за живот; с расстояния в дюжину метров Кейс отчетливо слышал его тяжелое, хриплое дыхание.

— Вот теперь, похоже, Кейс его достал!

— Но ведь и мистеру Малвихиллу, наверное, тоже попало!

— Не думаю. Его ругательства звучат вполне обычно. Во всяком случае, он полностью приковал к себе их внимание. Пожалуй, мне пора начинать.

Честер вынул ножичек, оглядел ремни, соединяющие бамбуковые пеньки, и принялся их пилить.

— Только бы лезвие выдержало. Мог ли я предположить, когда покупал ножик, что мне придется резать им что-либо кроме кончиков сигар!

— Пожалуйста, Честер, работайте быстрее! Мистера Малвихилла может хватить ненадолго.

Где-то внизу Кейс нырнул в сторону, уклоняясь от удара, с силой нанес верзиле удар правой под ребра и резво отскочил, как только тот начал менять направление.

— Уф-ф... Начало есть.— Один из ремней упал к ногам Честера.— Думаю, штуки три — и будет достаточно. Кто-нибудь смотрит в мою сторону?

— Нет, никто. О-ей-ей, Честер, мне становится страшно. Мистер Малвихилл споткнулся... Ой, сейчас это чудовище его раздавит... Уф! Он едва-едва успел откатиться.

— Слушай, Енэ, давай-ка без этих женских штук. Выставь на передний план компьютерный аспект своей личности; это тебя сразу уравнивает.

— Мистер Малвихилл только что нанес дикарю очень сильный удар по затылку,— бесстрастно прокомментировала Енэ ход событий на земле.— Удар потряс его.

— Слишком неуклюже. Неужели у него в запасе нет ничего более оригинального? Мне понадобится по крайней мере минут десять...

Честер сосредоточенно продолжал работать: вот на плетеное дно клетки упал третий ремень, вот он раздвинул вертикальные прутья клетки и просунул голову в образовавшееся между ними отверстие. Оно было очень узким, но через минуту ему удалось протиснуть через него и плечи. Вот он перехватился за прутья повыше, выскользнул из клетки и прижался к ней всем телом. Найдя опору для ноги, оттолкнулся, вскарабкался выше, дотянулся до веревки, на которой висела клетка. Взгляда в сторону поля боя было достаточно, чтобы убедиться, что все внимание толпы было приковано к дерущимся. Честер набрал побольше воздуха в легкие и начал карабкаться вверх по веревке.

Толпа затудела, когда Кейс, словно молотом ударив гиганта по корпусу, сначала левой, потом правой, поднырнул под его локоть, споткнулся и оказался в объятиях его громадных ручищ.

— Честер, он сейчас его раздавит! — завопила Енэ.

Честер замер, изогнувшись, стараясь рассмотреть, что происходит внизу. Кейс отчаянно барахтался, его руки безуспешно пытались ухватиться за что-либо за его спиной. Но вот он нащупал указательный палец верзилы и с хрустом заломил его. Гигант взревел: Кейс выламывал палец все сильнее и сильнее...

С диким воплем верзила выпустил Кейса, с трудом выдернул руку и засунул покалеченный палец в рот.

Честер, медленно выдохнув, вскарабкался на ветвь, к которой была привязана веревка. Пошатываясь, он встал на нее, добрался до ствола дерева, вскарабкался к ответвлению, на котором висела клетка с Енэ, и начал пробираться к ней. На площадке внизу вновь раздались вопли зевак. Краем глаза Честер увидел, как Кейс, проскользнув мимо верзилы, изловчился и изо всех сил рубанул того ребром ладони по шее.

Честер скользнул по веревке к клетке, где находилась Енэ.

— Честер, лучше бросьте меня. Спасайтесь сами.

Честер уже лихорадочно перепиливал ремни на клетке Енэ.

— Даже если бы я был самым презренным трусом, я все равно не смог бы бросить тебя из практических соображений, Енэ. Потерпи еще одну-две минуты.

Вот подались связки. Где-то там, внизу, продолжал биться Кейс. Вот Честер ухватился за вертикальные прутья и, раздвинув их руками, дал Енэ проскользнуть через образовавшееся отверстие. Она, словно кошка, вскарабкалась по прутьям клетки, ухватилась за веревку и легко полезла по ней вверх. Честер последовал за ней.

Где-то над ним послышался судорожный вздох Енэ, и Честер увидел, как она показывает пальцем куда-то вниз. Обернувшись,

Честер успел увидеть, как Кейс, ловко увернувшись от страшного удара, поднырнул под своего громадного врага и сбил его с ног. Когда тот с ревом попытался подняться на ноги, страшный удар Кейса угодил ему прямо в челюсть, снова опрокидывая на землю. Дитина замотал головой, шатаясь, поднялся на ноги и бросился на Кейса. Но Кейс был наготове. Он бросился под ноги приближающемуся чудовищу. Честер даже зажмурился, когда громадная фигура верзилы грохнулась со всего размаха на твердую землю, перелетев через скрючившегося Кейса, прямо лицом вниз. Когда улеглась пыль, Честер увидел Кейса. Тот был на ногах, но тяжело дышал; гигант неподвижно лежал на земле, растянувшись во весь рост, как бревно.

— Не очень-то кстати,— пробормотал Честер.— Ему бы следовало задержать их внимание еще минут на пять.

— Теперь-то они нас точно заметят,— прошептала Энэ, прижавшись своим нежным телом к грубой коре дерева.

— Не двигайся,— выдохнул Честер.— Подождем, что будет дальше.

Онемевшая от изумления толпа вдруг разразилась криками восторга; дикари бросились к Кейсу, окружили его и стали в восхищении хлопать его по спине; в поверженного гиганта тыкали пальцами и танцевали вокруг него, что-то бессвязно выкрикивая. Честер увидел, как Кейс, украдкой бросив взгляд в сторону клеток, вдруг нагнулся к земле и взял в руки два больших гладких камня. Толпа смолкла и отпрянула от Кейса. Один или два дикаря схватились за копья. Кейс поднял руку, призывая к тишине, небрежно подбросил вверх один камень, быстро перекинув второй из левой руки в правую, чтобы успеть схватить первый освободившейся левой, подбросил второй камень...

— Вот оно что,— с благодарностью проговорил Честер.— Дружище Кейс! Он завлекает их жонглированием. Бежим, Энэ!

Они в молчании спустились на землю. Оглянувшись, Честер увидел, как Кейс подобрал третий камень и продолжал жонглировать уже тремя. Дикари наблюдали за ним, раскрыв от изумления рты. На секунду задержавшись за стволом громадного дерева, Честер и Энэ крадучись пробрались к лесу, нашли петляющую среди деревьев тропинку и бросились наутек. Крики дикарей, оставшихся позади, становились все тише и тише, совсем пропав, наконец, где-то вдали.

— К прогалине, скорей! — запыхавшийся Честер прибавил ходу, поравнявшись с Энэ.— Теперь нам остается всего-навсего обыскать несколько сотен квадратных миль леса, чтобы найти, наконец, ковер и кресла.

— Ничего, Честер, не волнуйся,— Энэ легко бежала рядом с ним.— Я думаю, что знаю дорогу.

— Ну что ж,— пыхтел Честер,— остается только надеяться, что, когда мы найдем, что ищем, компьютер все еще будет ждать нас, а его метроном будет все так же мерно отстукивать секунды.

4

Честер, пошатываясь, преодолел несколько последних метров поросшего травой склона холма, отделявших его от ковра, и, обесиленный, плюхнулся в одно из желтых кресел.

— В следующий раз, когда я соберусь на прогулку в лес,— сказал он со стоном,— я, пожалуй, надену подобающую для этого обувь; эти штиблеты режут ноги — просто сил нет.

— Ни малейшего намека на преследование,— сказала Энэ.— По-видимому, мистер Малвихилл все еще успешно удерживает их внимание.

— Постой-ка, Энэ, я вижу там дым,— показал рукой в сторону, откуда они прибежали, Честер.— Не думаешь ли ты, что...

На лице Энэ появилось озабоченное выражение.

— Я не думаю, что у них было достаточно времени, чтобы начать жарить мистера Малвихилла на костре. Пока.

— Боже мой, Энэ. Ты полагаешь, что возможно?..

— Судя по их культурной парадигме, если мои наблюдения верны, такой исход не является невозможным.

Честера как пружиной выбросило из кресла.

— Мы должны вернуться обратно, Энэ. Может быть, нам удастся застать их врасплох.

— Как хотите, Честер. Но я боюсь, что этим мы ничего не добьемся. Ни один из нас не имеет достаточной силы, чтобы противостоять им.

Честер сник.

— Я всегда вел такую... цивилизованную жизнь. Никогда не думал, что мне придется чего-то добиваться своими мускулами.

— Давайте продолжим заниматься делом, Честер. Мы доставим оружие и поспешим назад.

— Думаю, это единственное, что нам остается. Бедняга Кейс — возможно, его уже жарят живьем. Он пожертвовал собой ради нас. Ради Бога, поторопись, Энэ! Ты ведь уже в контакте с машиной, я надеюсь?

Энэ секунду подумала, затем как-то неопределенно улыбнулась.

— Я думаю, что да. Я попытаюсь. Станьте рядом со мной, Честер.

Он схватил ее за руку. Яркое освещенная солнцем сцена исчезла, уступив место другой: они стояли на проезжей части покрытой черным асфальтом улицы какого-то города. По обеим сторонам

улицы тянулись из полусумрака к солнечному свету высокие здания. Слева от них промчалась гроыхающая машина. Две поменьше, фыркнув моторами, резко обогнули их справа и, взвизгнув тормозами, замерли как вкопанные. Прямо на них надвигался громадный грузовик; раздалось шипение воздуха в тормозах, грузовик со скрежетом остановился, нависая своей громадой над креслами, шины его передних колес наехали на отделанный бахромой край ковра. Водитель за пыльным стеклом что-то заорал и начал размахивать кулаком. Крик его потонул в общем шуме-гаме автомобильных рожков, голосов, моторов. Честер в один прыжок оказался на тротуаре, увлекая за собой Енэ.

— Что-то не так,— выдохнул он.— Где мы находимся, Енэ?

— Не знаю, произошла какая-то путаница в координатах, Честер! Может быть, потому что мистер Малвихилл остался там.

Полный крепкий мужчина в жилете, под которым была засаленная рубашка, бросив зубочистку, которой он ковырялся в зубах, шагнул к ним из дверного проема здания, крыша которого имела форму трех куполов из потускневших и окислившихся медных листов.

— Эй, сестренка, ты ничего не забыла?— он похотливо осклабился; глаза его, опустившись до лодыжек Енэ, начали пожирать ее, медленно поднимаясь вверх по фигуре. Стоящий позади него второй мужчина отпихнул его в сторону.

— Приветик, детка,— живо проговорил он.— Такая красotka, как ты, и я могли бы легко поладить. Правда, ты немного тощева-та, ну да Бенни нравятся такие малышки.

Честер шагнул ему навстречу.

— Понимаете, мы участвуем в эксперименте...

Бенни скользнул по нему взглядом и ткнул его выпрямленными каменными пальцами прямо в солнечное сплетение.

— Отвали, дерьмо!— Честер согнулся пополам, задыхаясь. Образовавшаяся вокруг них толпа расступилась, пропуская пробивающегося сквозь нее человека в розовой форменной одежде и в блестящем хромированном шлеме. На руке его на ремешке болталась резиновая дубинка. Он оглядел Енэ с ног до головы и потянулся к ее руке.

— Пошли, сестричка, ты задержана.

Она залепила ему такую оплеуху, что крикливо одетый полицейский почти опрокинулся назад.

— Бежим, Честер!— закричала Енэ.

Она схватила Честера за руку, он с трудом выпрямился и заковылял за ней. Толпа вновь расступилась в изумлении.

— Ну-ка, наподдай им, крошка,— весело заорал какой-то пьяница. Полицейский бросился за ними, споткнулся о подставленную ногу пьянчужки и рухнул со всего маха на землю.

Перед беглецами открылась широкая аллея. Честер и Энэ рванули по ней, завернули за угол, опрокидывая на ходу мусорные баки, и оказались в тенистом дворике, увешанном линиям бельем.

— Уф, вроде оторвались,— вздохнул с облегчением Честер.— Не знаю, Энэ, куда ты нас забросила, но то, что мы далеко от дома, совершенно ясно. Все это выглядит как пародия на XX век, за исключением этого полицейского в розовом одеянии.

— Сама ничего не понимаю, Честер,— всхлипнула Энэ.— Я была уверена, что использовала нужный угол пи на удельное сопротивление в квадрате...

— Толпа реагировала, как нужно. Хорошо, что они прирожденные зеваки.— Честер сорвал какую-то рубашку с длинными рукавами с веревки и набросил ее на плечи Энэ.

— Я должен найти тебе одежду. Нырни в какую-нибудь дверь и затаись. Я вернусь, как только смогу.

Через десять минут Честер вернулся. В его руках был ворох шмоток.

— Я нашел магазин спортивной одежды,— пропыхтел он.— Ну и в удивительное местечко ты нас забросила, Энэ. Как ни странно, у меня появился кредит по открытому счету.

Энэ натянула на себя несколько тесноватую одежду: нейлоновые трусики, бюстгальтер, габардиновые бриджи для верховой езды, белую полотняную рубашку, зеленый твидовый пиджак и низкие жокейские сапоги.

— Ты выглядишь очаровательно, Энэ,— проговорил Честер,— как на картинке из какой-нибудь старинной книги. Ну, теперь мы можем...

— О Боже, там кто-то бежит,— вскрикнула Энэ.— Спрячемся?

— Стой тут, в проеме, а я присяду за мусорный бак.

Едва Честер успел скрыться, как в конце аллеи появился полицейский с подбитым глазом.

— Вот она, ребята,— закричал он,— я же вам говорил...

Честер выглянул из укрытия и увидел приближающихся цепью полдюжины полицейских.

— Следите за каждым ее движением. Она похожа на акробатку из цирка. Ну как, сестренка, будешь опять сопротивляться или последуешь за нами?

— Эй, сержант, ты же говорил, что она была голой.

— Да нет, она уже оделась. Но девица та же.

Полицейские с опаской подошли ближе.

— Не так уж она страшна,— заметил толстый полицейский.

Из своего укрытия Честер вытянул ногу и полицейский, сделавший резкий шаг вперед, чтобы схватить Энэ, зацепился за нее и плюхнулся лицом в кучу отбросов. Энэ бросилась бежать, полицейские рванулись за ней. Раздались хриплые вопли и звуки борьбы.

Честер, поспешивший на помощь, наступил ногой на что-то скользкое и рухнул как подрубленный. Вспыхнувший в его глазах сноп искр сменился темнотой...

Голова Честера раскалывалась. Он перевернулся и вновь впал в забытие. Нужно, видимо, пожаловаться администрации насчет матраса, да и не жарко здесь в общем-то. Он пошарил, пытаясь нащупать рукой одеяло, наткнулся на твердую неровную стену, открыл один глаз и уставился им на железные решетки и бетон. Он привстал и нащупал огромную шишку на затылке.

— Энэ? — позвал он. Ответа не было. Он поднялся на ноги и поплелся к двери. Прижавшись лицом к решетке, Честер увидел длинный коридор. Другие камеры, которые он мог видеть, пустовали. В шести метрах от него дремал за столом при свете тусклой лампочки небритый человек в блекло-синей униформе. На стене позади него висел календарь с загибающимися краями, на котором была изображена обнаженная красотка в доходящих до бедер сапогах, егерской шляпе и с двустволкой в руках. Честер напряг глаза и разобрал цифру — 1967. Он застонал.

Каким-то образом, подумал он, Энэ забросила их не столько, может быть, в сам безмятежный, насыщенный красками предыдущий век, сколько в некую гротескную пародию на него. Снова Честер тихо окликнул Энэ. Слышно было, как где-то капает вода. С улицы доносились приглушенные звуки. Он вернулся к застланной серым одеялом койке, морщась от головной боли, пытаясь обнаружить хоть что-нибудь в своих карманах. Оказалось, что местные полицейские многого не изъяли: лазерную спичку в серебряном корпусе, пластиковую кредитную карточку на двадцать одну покупку, наполовину полную пачку ароматических тонизирующих палочек, миниатюрный трайдивизор в петлице с комплектом экранов.

«В общем-то, маловато для того, чтобы можно было взломать стальную дверь этой гнусной камеры», — печально подумал Честер. Он бесцельно покруглил выключатель трайдивизора, вздрогнул от какофонии звуков и с опаской уменьшил громкость.

— Итак, Джим, — послышался тонкий голос, — мы в космосе, на пути к Венере.

— Да, Боб, — ответил ему голос еще тоньше, — нам едва удалось ускользнуть от этих жуликов из Службы Космического Патрулирования. Они боятся, что мы обнаружим кое-что об их противозаконных делишках.

— Ты прав, Джим. Как бы там ни было, если только мы доберемся до Венеры раньше их, мы будем в безопасности. Мы обратимся за содействием к профессору Зорху, который известен своими глубокими научными исследованиями и тому подобным...

Честер выключил приемник.

— Они как будто законсервировали развлекательные програм-

мы. Герои трайдивизионных экранов всегда выпутываются из самых нелепых ситуаций, используя даже шариковую ручку в качестве оружия. А что можно сделать с помощью пластмассовой кредитной карточки? Или тонирующей палочки? Трайдивизор тоже не поможет, что же касается дистанционной лазерной спички...

— Гм-м.— Честер нащупал футляр, открыл его и достал пятисантиметровую тонкую трубочку из кварца с крошечной рабочей головкой на одном конце. Где-то он читал, что со спичкой нужно обращаться очень осторожно, чтобы не повредить внутри хрупкие линзы наведения.

Бережно Честер удалил защитный колпачок, под которым был спрятан регулятор наведения. Теперь ему нужен был какой-нибудь инструмент. Ага, жесткая кромка кредитной карточки идеально подошла. Честер зажег спичку и медленно повернул регулятор. Спичка выбросила тонкую струйку голубого пламени. Честер повернул регулятор до отказа, пламя увеличилось. Разочарованно Честер смотрел на спичку: вряд ли что-нибудь можно сделать с помощью язычка пламени не длиннее пальца. Слабый едковатый запах заставил Честера поморщиться. Похоже на паленую шерсть. Запах усиливался. Краска на противоположной стене запузырилась, на ней появилось небольшое коричневое пятнышко, которое увеличивалось, обугливаясь по краям. От него медленно поднимался дымок. Честер вздохнул с облегчением и погасил спичку. Дымок пропал.

Еще раз скосив глаза на кварцевую трубочку, потрогав ее тонкий корпус, Честер через решетчатую дверь посмотрел в коридор. Человек в кресле продолжал безмятежно спать. Честер навел спичку. Пятнышко на поверхности стола рядом с локтем спящего запузырилось, задымилось. Честер стал медленно перемещать пламя до тех пор, пока длинные волосы стражника, спускающиеся на уши, не стали скручиваться под огнем. Он поморщился, затем хлопнул себя по макушке, сел, фыркая и оглядываясь кругом. Честер резко отпрыгнул от двери, нырнул под койку, свернулся калачиком, прижавшись к стене. В дверном проеме показалось небритое лицо, которое щурилось, пытаясь разглядеть что-нибудь в полумраке камеры. Последовало сдавленное восклицание и бряцание ключами. Дверь открылась, Честер прицелился, направив пламя на мозолистую пятку большой босой ноги. Человек вскрикнул и подскочил, хватаясь за обожженное место. Честер перевел пламя на другую ногу. Охранник сделал неуклюжее па, дико озираясь вокруг. Затем он бросился к двери с криком: «Полтергейст! Эй, Гарни!»

Честер выкатился из укрытия, юркнул в открытую дверь и, едва успев спрятаться в сером шкафу у стены, услышал, как мимо тяжело протопали три пары ног.

— И не спорь со мной,— орал босоногий страж,— я их видел раньше, много раз... Они надумали со мной поиграть. Этот, который

здесь в камере, он злой. Сначала он приподнял мой стол и принялся швырять разные там вещи, а после подпалил мне пятки.

— Не после, а после,— проворчал второй.— А бутылку он тебе не бросил, Лем?

— Гляди сюда,— снова начал босоногий,— вы, парни, мне никогда не верите, а когда я видел летающую тарелку...

— А я что-то не вижу бутылку.

Три тяжеловесных стража переговаривались в метре от укрытия Честера. Он прицелился в узкий просвет между ними, навел пламя на одеяло, свисающее с койки в камере на противоположной стороне коридора. Взылась струйка дыма.

— Эге! — взвизгнул один из охранников.— Они вона уже где!

И скрылся из вида, крича: «На помощь!»

За ним последовали остальные. Честер немного послушал, как удаляется топот трех пар ног, бежавших наперегонки, положил в карман спичку и бросился к боковому выходу.

Полчаса спустя в украденном потертом коричневом пиджаке из твида, который прикрывал необычную, бросающуюся в глаза спортивную куртку с отделкой из пластика, Честер вышел к улице, где очутились он и Енэ, попав в этот странный город. Ее перспективу изуродовала огромная вывеска «ОБЪЕЗД». У бровки были припаркованы полицейские машины. Место вокруг ковра с двумя креслами на нем было отгорожено выкрашенными в желтую краску козлами, на которых болтались красные предупредительные лампочки. Толпа зевак прибывала.

— Давай-давай, проходи,— орал на них полицейский,— сейчас тут будет взвод саперов. Что, не терпится всем скопом взлететь на воздух?

Честер остановился, ища глазами в толпе Енэ. Ее не было. Ее не было также в тюрьме; по крайней мере, в той ее части, которую Честеру удалось обследовать. Если бы она была на свободе, наверняка она бы пришла сюда. Хотя это мало что изменило бы. Никто не сможет проскользнуть через полицейский кордон.

Честер глубоко задумался. Если бы только Кейс был здесь или Енэ. В любом случае, если он не прорвется к коври, ему никогда не увидеть их обоих.

Кейса, должно быть, сейчас медленно поджаривают, конечно, в случае, если костер, который Честер увидел в последний момент, предназначался для этой цели. А может, он чересчур пессимистичен? Не жонглирует ли до сих пор Кейс, время от времени бросая взгляды на тропинку в джунглях в ожидании подмоги?

А Енэ? Она, не исключено, поджаривается под ярким светом тюремных ламп, направляемых ей в лицо полицейскими, которые, несмотря на то, что они носят розовую форму, являются полицейскими с головы до пят.

Один из полицейских посмотрел в направлении Честера. Прогулочным шагом, насвистывая, Честер дошел до первого дверного проема, быстро юркнул в него и очутился в магазине; казалось, весь магазин был оклеен объявлениями «Продается по сниженной цене» и забит шаткими столами, на которых громоздились стопки кричаще раскрашенных товаров, среди которых со скучающим видом бродили пытающиеся что-то выбрать покупатели.

Честер лихорадочно соображал. Ему нельзя здесь долго находиться: еще немного, и полицейские наверняка заметят его. Может быть, если попытаться сделать внезапный бросок к коврику...

Он посмотрел через витринное стекло. Полицейские были здоровенные, как на подбор, и их было много: козлы стояли вплотную друг к другу, патрульные машины наготове зловеще фыркали. Нельзя было и надеяться, что ему удастся преодолеть это мощное ограждение, используя лишь внезапность; ему придется сделать что-то, чтобы отвлечь их внимание, и затем тихонько проскользнуть на ковер.

— Отвали с дороги, ублюдок,— извергла из себя тучная дама с усиками, отгесняя Честера в сторону.

— О простите, мадам...— Честер передвинулся к другому прилавку и оказался перед стойкой прозрачных пластиковых пакетов, нервно теребя их пальцами.

— Это на два литра,— сказал продавец покупателю, стоявшему слева от Честера.

Честер взял один пакет и стал рассматривать его. Он был из хорошего и прочного полиэтилена.

— Заклеивается горячим утюгом,— продолжал объяснять покупателю продавец.

Честер порылся в кармане. Гм-м-м... По его кредитной карточке, здесь, конечно, ничего не дадут. Значит, ему придется...

И тут прямо перед глазами он увидел большую табличку: «В кредит не продаем!»

— Откуда мне знать, для чего вам они?— продолжал продавец.— Ну так вы покупаете их или нет?

Покупатель слева что-то промямлил. Продавец повернулся к нему спиной. Честер стянул с прилавка добрую стопку пакетов и, сунув их под пиджак, направился к двери. Едва он сделал несколько шагов, как позади раздался хриплый голос.

— Эй, ты, парень в забавных штанах!

Честер проскользнул между двумя почтенного возраста женщинами в кричаще ярких ситцевых платьях с неровными подолами и бросился наутек. Покупатели начали поворачиваться в его сторону. Сзади раздался пронзительный звук свистка. За углом Честер увидел короткий лестничный пролет с железными перилами. Он взлетел по нему, перепрыгивая сразу через четыре ступеньки, и, с

грохотом хлопнув массивной застекленной дверью, оказался в полутемном коридоре, в котором сильно пахло прогорклым растительным маслом, инсектицидами и дешевым дезодорантом. Впереди был покрытый ковром лестничный пролет, лестница вела куда-то вверх по узкому проходу, оклеенному пожелтевшими от времени обоями. Честер начал взбегать по ней, проскочил одну площадку и услышал, как внизу с грохотом хлопнула дверь.

— Сюда! — кричал кто-то.

— Проверь внизу! Я побежал вверх!

Еще три пролета, и лестница сменилась узким коридором, оканчивающимся стеной с серым окном за тонкими занавесками. На лестнице уже близко раздавался топот ног. По обе стороны коридора было по три двери с фарфоровыми шарообразными ручками. Честер прыгнул к первой слева. Она затрещала, но не поддавалась. Вторая открылась, но он тут же понял, что в комнате кто-то есть. Честер рванулся к третьей, открыл ее, прыгнул внутрь и резко захлопнул дверь.

В два прыжка он достиг ванной и прильнул к заляпанному зеркалу. Он схватил тюбик крема для бритья, выдавил крем на ладонь и быстро размазал его по лицу и шее. Затем сорвал с себя пиджак и спортивную куртку, отбросил их в сторону, схватил с полки стенок для бритья, в котором не было лезвия, и провел им по щеке, оставив в пене широкую полосу. Затем он бросился к двери и настежь распахнул ее.

Мимо, громыхая ботинками, пронесся полицейский, бросив на него быстрый взгляд.

— Всем оставаться на месте, — прорычал он.

Честер отпрянул, тихонько закрыл дверь и облегченно вздохнул.

— Кто скажет, что программа для полуночников всего лишь бессмысленная трата времени? — пробормотал он.

Честер из окна посмотрел на напряженную людьми улицу. Ковер выглядел маленьким и жалким в центре баррикады из оградительных козлов, полицейских и толпы зевак. По вертикали где-то около 15 метров, прикинул Честер, и столько же по горизонтали от фасада здания. Звуки в коридоре наконец затихли. Он зашел в ванную, выкрашенную зеленой эмалью, вытер с лица пену, взял в комнате с пола рубашку, затем осмотрел полки в кладовке, в спальне и в кухне. В шкафчике под раковиной он нашел электрический утюг. Тут же в углу вертикально стояла гладильная доска. Он установил ее, включил утюг и сосчитал свои пластиковые пакеты. Их оказалось 42. Однако, подумал он, не стоит начинать с них, пока не ясен способ доставки. Внимательно обследовав квартиру, он обнаружил моток толстой бечевки, гвозди, молоток, тяжелый степлер, несколько старых подшивок порнографического журнала и небольшую плас-

тиковую корзину для мусора. После этого он принялся за работу.

Стараясь не слишком громко шуметь, он забил два толстых гвоздя в подоконник на расстоянии 20 сантиметров друг от друга и два — в стену напротив на таком же расстоянии, но на метр выше уровня подоконника. Затем натянул на них через всю комнату две параллельные бечевки. Потом аккуратно вырезал дно у мусорной корзины и прибил ее к стене над ранее вбитыми гвоздями дном вниз. Следующие два гвоздя были вбиты в правую стену, а еще два — на таком же расстоянии в противоположную стену почти под потолок. И снова он натянул бечевку на них так, чтобы образовались две параллели.

Честер прислушался. С улицы доносился неясный шум, капала вода в ванной, где-то ревел, прибавляя обороты, двигатель. Он пошел к холодильнику, вытащил банку пива и, отпив добрую половину, вновь принялся за работу. Он раскрыл один из журналов, с изумлением глядя на разворот, на котором красовались вымпалодобные женские прелести в цвете. Повесив журнал на бечевку у самого подоконника, он с помощью степлера закрепил его так, что между двумя параллельными бечевками образовался мелкий желоб. За первым номером он закрепил другой, третий и так далее. Быстро работая, Честер из журналов соорудил желоб, доходящий до самой стены и заканчивающийся под мусорной корзиной без дна.

Он сделал шаг назад, оглядывая свою работу. Было заметно, что желоб, к сожалению, провисал на сгибах журналов так, что бечевки почти сходились. Поэтому он пошел в кладовку, извлек оттуда полдюжины проволочных вешалок, согнул их, превратив в Y-образные распорки, которые потом вставил между бечевками с интервалом 1 метр. Теперь желоб напоминал плавную кривую, идущую от корзины к подоконнику. Через пятнадцать минут была готова вторая часть желоба, идущего плавной кривой от левой стены к верхнему отверстию корзины. Взяв со стола большой моток клейкой ленты, Честер с ее помощью прикрепил несколько вырванных страниц с фотографиями обнаженных женщин к нижней части желоба, чтобы закрыть стыки между журналами.

Вернувшись на кухню, он допил оставшееся в банке пиво, затем наполнил водой один пластиковый пакет и с помощью куска бельевой веревки выровнял верхний край пакета, затем провел по нему горячим утюгом, запаяв таким образом пакет. Он вернулся в комнату, встал на стул и положил наполненный водой пакет в корзину. Опустившись не более чем на 3—5 сантиметров, пакет прочно застрял в отверстии корзины. Честер снова сходил на кухню, достал из шкафа почти полную поллитровую бутылку растительного масла, вернулся в комнату и щедро плеснул из нее на пакет. Пакет легко скользнул вниз и плюхнулся в нижний желоб, из которого Честер вытащил его и отставил в сторону.

Честер вернулся на кухню и аккуратно наполнил водой и запаял утюгом остальные пакеты. Затем ножом проткнул отверстия по бокам корзины и через эти отверстия продел бечевку. На одном ее конце он завязал крепкий узел, а другой конец зацепил за деревянную палку так, что веревка натянулась, как бы заменяя дно корзины. Встав на стул, он дотянулся до приподнятого края верхнего желоба и плеснул в него добрые полбутылки растительного масла, размазав его по всему желобу. Остатками масла он смазал нижнюю более крутую часть.

Честер вернулся на кухню, где, напоминая груду гигантских яиц, лежали наполненные водой пакеты. Он взял один из них и поместил его в начало верхнего желоба. Пакет легко соскользнул по нему в корзину и остановился, упершись в натянутую бечевку. Честер загрузил желоб оставшимися пакетами с водой. Расположившись по всей его длине, блестя выпуклостями, пакеты лежали один к одному.

Честер пересек комнату и выглянул в окно. Полицейские внизу расхаживали с рулетками, складывали руки на груди, позируя перед фотоаппаратами, взмахивали руками, отгоняя наседавшую толпу, которая уже была готова поглотить этот крохотный клочок активности полицейских. Честер приподнял оконную раму на 30 сантиметров. Растительное масло каплями стекало с конца желоба на подоконник. Поднырнув под лотком, он прошел в ванную, умылся, пригладил волосы, заправил рубашку, накинул пиджак, затем снял с пальца свое массивное серебряное кольцо и положил его на полочку аптечки рядом с кремом для бритья.

Затем он открыл дверь и выглянул в коридор. Все тихо. На столе возле двери лежала коробка спичек. Он зажег одну и поднес ее к палочке, на которой держалась бечевка в дне мусорной корзины, и, когда та воспламенилась, пулей бросился к лестнице, перепрыгивая через пять ступенек, пронесся по площадке, сбежал по второму пролету и дальше до самого нижнего этажа.

Тяжело дыша, он на секунду задержался, чтобы выглянуть на улицу. Люди толпились уже возле самого угла дома. Он вышел на улицу, быстро дошел до угла и, расталкивая зевак, протиснулся к месту, откуда были хорошо видны окна третьего этажа. Одно окно, точно над самым оживленным местом, было открыто. Занавеска слегка колыхалась; был ясно виден край желоба.

Но все было по-прежнему.

Честер от волнения сглотнул. Для того, чтобы пробежать вниз по лестнице три пролета, ему понадобилось никак не больше 30 секунд. Неужели потухла спичка?

Что-то мелькнуло в окне, дугой сверкнуло в воздухе и шлепнулось прямо в толпу. Послышался сдавленный крик. Толпа непроизвольно бросилась вперед и тут же отпрянула, благообразие взяло

верх над любопытством. Честер уже протискивался сквозь группу репортеров, когда из окна вылетел второй почти невидимый снаряд.

— Оно радиоактивно! — завопил кто-то.

Толпа забурлила. Раздался женский крик. Появились полицейские и начали оттеснять толпу с обстреливаемого участка. Третья бомба, вылетев из окна, упала прямо на голову высокому полицейскому и разлетелась тысячей брызг; он издал вопль и рванул в поисках укрытия. Тут же упал на землю и разлетелся вдребезги четвертый пакет с водой.

— С интервалом менее чем в секунду, — пробормотал Честер, лавируя среди бегущих граждан. — Многовато масла на стенах корзины.

На быстро пустеющей площадке вокруг ковра остались четыре полицейских. Один из них вынул пистолет и выстрелил в воздух; трое других, увидев на ковре расплывающиеся мокрые пятна, бросились на землю лицом вниз. Честер наконец достиг открытой площадки и, обогнув один ряд патрульных машин, увидел, как за ним сверкает мигалками второй ряд, третий... Следующий снаряд упал, не долетев до центра, обдав брызгами полицейскую машину и по-слав высоко в воздух фонтанчики воды. Две толстухи бросились наутек с передовых позиций, вопя и брезгливо стряхивая на бегу капли воды.

Честер едва успел увернуться, получив локтем по ребрам, и вывалился на открытое место.

— Эй! — раздался позади него пронзительный голос. — А ты не тот парень, который...

Честер уже занес ногу, чтобы перелезть через козлы.

— Далеко ли собрался, забулдыга? — проревел полицейский. Он шагнул вперед, вынимая пистолет, и в это время прямо ему в лицо шлепнулся пакет с водой. Он неуклюже опрокинулся навзничь. Честер перелез через козлы и сделал два шага к коврику.

И тут его словно ударили громадным молотом по голове. Казалось, что весь мир вздыбился и ударил его в лицо.

«Странно, — как во сне подумал Честер. — Я всегда думал, что водородные бомбы взрываются с невероятным грохотом».

Кто-то хватал его за руку.

— Вот он, тот ублюдок, я его узнала, — верещал кто-то у него над ухом. Честер помотал головой, вырвал руку и с трудом поднялся на ноги. Между Честером и ковром качался на четвереньках полицейский без шлема. Толстуха подняла сложенный зонтик.

— Я требую вознаграждения, — пронзительно закричала она.

Взорвалась очередная бомба. Полицейский сфокусировал взгляд на Честере и сделал бросок к нему. Честер увернулся, и, оттесня толстуху, нанес ей ответный удар по ребрам и прыгнул на ковер.

Скользнув по нему, он остановился как раз посреди двух кресел, увернулся от очередного пакета с водой и завопил:

— Компьютер, выведи меня отсюда! Быстро!

5

Высокие здания, улица, полицейские поблекли и словно испарились. Замерли, как отрезанные, звуки. Честер стоял в центре широкой площади, вымощенной разноцветными булыжниками, по краям ее выстроились в ряд маленькие магазины и лавки торговцев. За спиной Честера виднелся зеленый склон холма, усеянный ослепительно сияющими белизной виллами до самого поросшего лесом горизонта. Люди в ярких одеждах двигались от магазина к магазину, разглядывая товары, сходились группами для того, чтобы поговорить, или просто прогуливались. В открытых окнах над лавкой ювелира трепетали на ветру белые занавески. По площади плыл запах жарящейся свинины. Где-то вдали кто-то наигрывал на флейте неторопливую мелодию.

Честер застонал:

— О, Бог ты мой, куда ты забросил меня на сей раз, компьютер?

— Согласно вашим инструкциям, — послышался откуда-то из воздуха голос машины, — мне следовало просто...

— Да, знаю, знаю. Я, кажется, всегда плохо формулирую свои желания. Каждый раз, когда я делаю какой-либо ход, я оказываюсь в еще худшем положении, чем был. Вот теперь я потерял Кейса, да и Енэ тоже. Где я сейчас?

— Согласно показаниям моих приборов, это должна быть резиденция Честера.

— Проверь-ка ты лучше свои электронные схемы.

Внимание Честера привлекла вмонтированная в мостовую и полузакрытая краем ковра бронзовая табличка.

Надпись гласила: «На этом месте покинул род людской, оставив людям дар мудрости, легендарный Кез-отец, герой и учитель. Этот миф, который восходит к культуре...»

— Боже! — пробормотал Честер. — Похоже, я уже успел покуситься на местную святыню. — Он быстро отошел в сторону от этого места.

Рядом, увлеченно глядя на что-то позади Честера, стояли два человека, старый и молодой, оба одетые в свободные тоги. Честер кашлянул, прочищая горло, и сделал шаг в их сторону. Ничего не остается, как нагло выкручиваться и начисто отрицать свою вину.

— Белый Бог я, — сказал он. — Прихожу, приношу палочку волшебную, ей машу, и — трах! — все валятся замертво.

Двое не обратили на него никакого внимания.

— Великолепно! — вскричал тот, кто постарше, поворачиваясь к своему молодому спутнику в зеленой тоге.— Ты наблюдал это странное явление Деван?

Его спутник — мускулистый мужчина с ясными синими глазами и белозубой улыбкой — кивнул:

— Два странных стула и ковер... Они возникли из ничего, когда я на секунду отвернулся. Мне сложно соотнести данное явление с моими представлениями о мире. Очень интересная проблема!

— Может быть, стоит отнести это на счет старческих отклонений в моей психике?

Старик обратился к Честеру:

— Молодой человек, вы видели, как прибыла сюда эта мебель?

Честер прочистил горло:

— Не совсем так, сэр. Дело в том, что именно я принимаю участие в эксперименте, и похоже, что я потерял ориентиры. А вы не могли бы мне сказать...

— Нет,— сказал старик, решительно покачав головой.— Было бы слишком хорошо, если бы это был эксперимент. Но это не так. Почему все-таки никогда не найдешь свидетелей этих сверхъестественных явлений?

— Возможно,— вмешался человек в зеленом,— что это не что иное, как вероятностный кризис, который предсказал Васауали.

— Ничего сверхъестественного,— возразил Честер.— Всего лишь следствие незначительного сбоя в работе машины. Понимаете, я...

— Пожалуйста, молодой человек, обойдемся без этих механизмов, прошу вас...

— Вы не поняли. Это моя мебель.

Старик поднял руку:

— Боюсь, что я буду настаивать на своем первоначальном предположении. Я ясно видел, как вы подошли со стороны... Впрочем, я не уверен откуда именно — но точно знаю, что это произошло уже после того, как вещи материализовались. Я уверен, что вас привлёк мой крик изумления, не так ли Деван?

— Лично я не заметил, когда точно он подошел,— сказал Деван,— но это случилось по крайней мере спустя 5 или, возможно, 10 минут после того, как подошли вы и я, Норго.

— Вообще-то, первым подошел я,— сказал Норго.— Вы же подошли на несколько минут позже, Деван.

— Ладно, пусть так,— сказал Честер.— Но вы мне все-таки можете сказать, как называется этот город?

— Я прямо сейчас направил сюда команду,— сказал Деван.— Я хочу исследовать все на месте: молекулярный анализ, деформация ткани, хронометрический анализ фазовой интерференции, пси-диапазон, словом, все.

Он отмахнулся от Честера:

— Пожалуйста; отойдите в сторону. Вы загораживаете мне обзор.

— Это будет серьезный удар по рандомизму,— сказал, счастливо улыбаясь, Норго.

— Я хотел спросить,— настойчиво продолжал Честер,— какой это год? Я имею в виду... э-э-э... Это ни в коем случае не будущее, не так ли?

Старик впервые пристально посмотрел на Честера.

— Давайте-ка определимся— сказал он, сложив руки на груди.— Итак...

— Я имею в виду, что все это,— сказал Честер, показывая вокруг,— есть не что иное, как изобретение моего компьютера. Ну, такая невинная шутка, вы меня понимаете? Проблема же в том...

Норго заморгал:

— Я подготовлю доклад,— сказал он,— на тему «Псевдорационализация как реакция на отрицание...»

— Видимо, вы не поняли,— вставил Честер,— я заблудился, а мои друзья могут пропасть без меня.

— Это будет сенсацией на конгрессе,— упрямо продолжал, потирая руки, Норго.— Беспрецедентный источник информации. Что, если я ее соответствующим образом обработаю. Это нанесет сокрушительный удар по ордейнистам¹ и позволит разделаться с ними раз и навсегда.

— К чертям ордейнистов,— взорвался Честер,— я в серьезном затруднении. Моего друга зажаривают живьем, моя молодая знакомая пребывает в руках примитивных полицейских, а вы...

— Бог мой, да у него наличествуют все признаки галлюцинационного комплекса,— проговорил Норго,— возникшего, без сомнений, в результате фрустрации как следствия наблюдения феномена кресел. Это также будет весьма интересно конгрессу.

— Ты-ы... сам ты галлюцинация! — заорал Честер.— Сейчас вступлю на ковер и растворю вас всех, вернув туда, откуда вы вышли — в память компьютера!

Норго обеспокоенно подался вперед:

— Должен попросить вас не трогать ничего из этих предметов: они представляют большой научный интерес.

— Они принадлежат мне,— обернулся Честер, отскочив дальше от крепкого, мускулистого Девана. Однако пять других местных крепышей заняли позиции вокруг него.

— Вы должны следовать своей дорогой,— сказал один из них важно,— только техническим специалистам позволено находиться здесь, пока образцы изучаются.

¹ Ордейнизм — также изобретенный автором термин, приблизительно соответствующий термину «фатализм» (*Прим. перев.*).

Норго продолжал:

— Мы просто не можем оставлять многообещающие экспонаты в руках сторонников ошибочных философских доктрин, страдающих еще и психическим расстройством. Я предложу конгрессу...

— Я должен вернуться на свой ковер! — Честер сделал попытку поднырнуть под руки окруживших его людей, но почувствовал на себе мертвую хватку. — Эй, компьютер! — заорал он.

Ответа не было. Честер почувствовал, как его быстро поволокли вон из прибывающей толпы зрителей.

— Еще одно движение, — холодно сказал Деван, — и я прикажу запереть тебя под замок.

— Но... как много времени вам потребуется на исследование?

— Иди, развлекись где-нибудь. У нас масса дел, на которые уйдет достаточно времени.

Честер бесстрастно смотрел на переливающуюся в полуденном солнце рябь открытого бассейна. Хорошенькая брюнетка в узорчатой тоге пересекла террасу и предложила Честеру запотевший бокал. Честер отрицательно покачал головой.

— Может быть, искупаемся, Честер?

— Нет, спасибо, Дарина.

— Бедный Честер. Ну взбодрись же!

— Ты ничего не понимаешь, — в голосе Честера послышались жалобные нотки. — Я предаюсь безделью здесь уже несколько недель в то время, как мои друзья попали в такие переделки, от одних мыслей о которых мурашки бегут по спине. Мой компьютер уже, вероятно, разобран, а эти учёные идиоты никак не хотят подпустить меня к коврику.

Дарина сделала понимающий жест:

— Ковер для тебя — некий мощный защитный символ, правда, Честер? Я помню, как одеяло...

— Ничего тут нет защитного и символического! Просто техническая дисфункция. Мне грозит лишь ловушка в другой нелепой ситуации, изобретенной компьютером. Но даже она привлекает меня больше, чем здешнее безделье, совершенная моя безысходность.

— Честер, а ты не думал о работе, которой ты мог бы заняться?

— Какая работа? Я хочу только поскорее убраться отсюда. Трижды под покровом ночи я пытался подползти к моему ковру, но этот парень Деван...

— Чему ты обучался, Честер?

— Ну, — сказал Честер в раздумье, — я... э-э-э... у меня была степень бакалавра искусств.

— Ты хочешь сказать, что можешь рисовать или что-нибудь в этом роде?

— Ничего подобного. Я специализировался в области управления бизнесом.

— Не помню, что я что-либо об этом слышала. Это что — игра, требующая умения и навыков, или она основана на случайности?

— И то и другое,— Честер терпеливо улыбнулся.— В колледже нас учили, как управлять большими предпринимательскими корпорациями.

— Понятно. По окончании учебы ты занялся практическим управлением одной из таких организаций, так?

— Да нет. Забавно, но мне не удалось найти кого-либо из крупных промышленников, которые бы ждали зеленого выпускника, чтобы тот рассказал им, как нужно управляться с их делом.

— Может, нам стоит предпринять что-либо другое? Как насчет рисования?

— Однажды я сделал рисунок,— ответил нерешительно Честер.— Там была схема с номерами и маленькие, тоже пронумерованные, тюбики с краской. Все, что нужно было сделать, это нанести на бумагу цвета в соответствии со схемой.

— Не уверена, что здесь у нас существует потребность в таком искусстве.

— Не надо говорить так пренебрежительно. Президент Эйзенхауэр...

— А что, если заняться каким-нибудь ремеслом или рукоделием? Здесь мы очень ценим ручную работу, Честер.

— О, этим я много занимался. Сделал, например, в прошлом месяце пластикового долгоносика. Из более чем двух сотен составных частей.

— Ты изготовил эти части из пластика?

— Нет. Я купил их готовыми, но...

— А как относительно спорта?— предложила Дарина.

Честер вспыхнул:

— Да, конечно, в колледже я был большим любителем спортивных игр. Не пропустил ни одной за все четыре года.

— Великолечно! — Дарина, казалось, заинтересовалась.— Мы будем рады познакомиться с правилами неизвестных нам атлетических соревнований, в которых ты большой специалист.

— Дело в том, что, по правде, сам я не участвовал в них. Но я всегда был на трибуне и болел. Я даже знаю некоторые правила.

— Ты сам не участвовал в игре?

— Нет, я был в команде запасных студенческого братства.

— А как она играет?— спросила Дарина, зардевшись.

Честер объяснил. Последовала неловкая тишина.

— Честер, а ты когда-нибудь занимался общественно-полезным трудом?— спросила Дарина.

— Дело в том, что одно лето я работал на фабрике. Я был кон-

тролером-многоточечником станков. В мои задачи входило поддержание станков-автоматов в рабочем состоянии.

— Для этого требовались специальные навыки?

— Если что-нибудь случалось с телевизионным многоточечным контрольным прибором, который в действительности осуществлял контроль, я был всегда на месте, чтобы посмотреть, включился ли резервный многоточечный контроль.

— Другими словами, ты подключал резервное оборудование в экстренных случаях?

— Нет, оно включалось автоматически. Но уверяю тебя, они там на фабрике, воспринимали мои функции как очень важные.

— А хобби у тебя есть, Честер?

— О да-да, конечно, у меня была коллекция марок.

— Гммм. Может быть, что-нибудь немного поактивнее?

— Когда был маленьким, строил модель самолета. Но, само собой, бросил это, когда мне стукнуло двенадцать.

— Почему?

— Ну, отдавало каким-то мальчишеством. Другие мои ровесники к тому времени уже учились играть в гольф...— Честер прервался, так как седой старик занял столик неподалеку.— Черт, вон тот старый идиот, из-за которого вся каша заварилась.

Он встал и направился к дальнему столику:

— Послушайте, мистер Норго, как долго будет продолжаться эта нелепость? Я здесь почти уже месяц, но ни на йоту не приблизился к своему ковру. Мне кажется, что вы не понимаете...

— Спокойно, Честер,— сказал Норго, подзывая официантку, обернутую в нечто, что напоминало мокрый носовой платок.— Не понимаете вы, а не я. Идут важные работы; все же, что требуется от вас,— это всячески развлекаться.

— Я не в том настроении, чтобы развлекаться!

Норго задумчиво покачал головой:

— Может быть, вы хотите принять участие в эксперименте?

— Что за эксперимент — вивисекция?

Норго мгновение подумал:

— Не думаю, что в этом есть необходимость.

Норго крутанулся в кресле.

— Честер, вы знаете, каков наш главный природный ресурс?

— Какое это имеет отношение к моим проблемам?

— Знаете ли вы, как часто рождается действительно выдающийся интеллект?

— Не очень часто. Послушайте, я...

— Статистика такова: один на четыре миллиона пятьсот тридцать три тысячи двести четыре. Если исходить из количества населения Земли на сегодняшний день, а это составляет полмиллиарда, по законам вероятности среди нас должно быть только около

сотни таких высокоодаренных персон. А знаете вы, какой процент этих гениев попадает в условия, способствующие полному раскрытию их потенциальных способностей?

— Могу лишь догадываться...

— Даже процента не наберется, — печально сказал Норго. — При самом счастливом стечении обстоятельств — один человек.

— Очень интересно. Но вернемся к...

— Если бы мы могли, — настойчиво продолжал Норго, — позволить неограниченный рост популяции, ситуация, как считают, значительно улучшилась бы. При десятикратном увеличении общей массы населения, число выдающихся мозгов достигло бы тысячи, так вы говорите?

— Я ничего не говорю, но...

— Не так! Потому что ухудшатся условия внешней среды из-за перенаселения. Потенциальные гении окажутся в ситуации, затрудняющей раскрытие их талантов.

— Это едва ли...

— Действительная функция массы — это производство самой своей численностью вероятного гения. Это также является целью нашей системы образования: находить и развивать такие таланты. А это, в свою очередь, возможно лишь при условии, что способности каждой личности развиваются до максимально возможной степени.

— Для чего? Для того, чтобы люди вырастали и рассуждали подобно вам?

— Итак, Честер, жизнь не есть реализация некоего инженерного замысла. Она суть искусства.

— Пока вы рассуждаете на темы искусства, мои друзья...

— Я долго думал, — продолжал Норго невозмутимо, — над чисто теоретической проблемой реакции зрелого, но не развитого мозга на концентрированное воздействие современной системы образования после, скажем, двадцати пяти лет, когда этот мозг был погружен в атмосферу праздности, лености, беспечности, минимальной требовательности. Давление на него будет, конечно, колоссальным. Разрушаются ли в результате этого мыслительные либо телесные структуры? Верьте мне, Честер, результаты такого эксперимента были бы необычайной важности.

— Но не для меня. Я...

— Вы же, Честер, при средних способностях представляете собой, если не считать элементарных навыков речи и общения плюс несколько дополнительных приобретенных умений вроде игры, которую вы называете бридж, тип абсолютно неподготовленного индивида. Ваше тело слабо, воля расторможена, мозг спит...

— Может, мне много и не нужно.

— Все вышеперечисленное делает вас идеальным объектом — если вы захотите принять в нем участие — эксперимента.

— Я хочу вернуться на свой ковер.

Норго согласно кивнул.

— Совершенно точно.

Рот у Честера приоткрылся:

— Вы имеете в виду... Да нет же, это шантаж!

— Давайте уточним наши позиции: как только эксперимент будет завершен, ваш... эээ... ковер будет передан вам нашей исследовательской группой.

— Сколько времени это займет?

— Я попытаюсь, Честер, сжать двадцатилетний курс развития до одного года.

— До года? Но...

— Знаю, вы обеспокоены судьбой ваших воображаемых друзей.

— Я говорил вам...

Норго отвернулся, так как перед ним был поставлен заполненный поднос.

— Сообщите ваше решение, Честер.

— Если я дам положительный ответ, вы позволите мне вернуться на ковер?

Норго кивнул, оценивающе приносясь к тарелкам.

— Я сталкивался с коварным, аморальным, антизаконным пиратством. Но это, без сомнения, не идет ни в какое сравнение, — горько заметил Честер.

Норго заморгал.

— Вы хотите сказать, что вы отказываетесь?

— Когда мне можно приступить?

6

Честер и Норго выкарабкались из открытой кабины вертолета, на котором они прилетели из Центра. Честер осмотрел незнакомую местность: простор луга, поросшие зеленою холмы и низкое белое здание площадью примерно в четверть гектара около гребня холма. Над входом на белом камне были вырублены слова: «Недействительное не есть нереальное».

Норго и Честер пересекли зеленую лужайку и вошли в просторный холл, где на фоне белых стен ослепительно яркими красками выделялось мозаичное панно.

— А вот и Куве, — сказал Норго. Через арочный свод навстречу им шел высокий молодой блондин с квадратной челюстью. Он поздоровался с Норго и изучающе уставился на Честера.

— Так вот он, мой объект изучения, — выдавил он, обходя Честера кругом. — Снимите вашу рубашку, пожалуйста.

— Что, прямо сейчас? Я думал, что у меня будет время распа-

коваться, принять душ, прогуляться и осмотреть окрестности, затем, возможно, выпить чашечку кофе, познакомиться с другими студентами, обсудить учебную программу, спланировать расписание...

Куве прервал его:

— У вас не будет возможности распивать кофе и бесцельно болтаться. Ваша программа была спланирована заранее, и, если в этом возникнет необходимость, вас с ней познакомят.

Честер медленно стянул рубашку.

— Какая странная школа! Как часто вы мне разрешите бывать в городе?

— Брюки, пожалуйста,— сказал Куве.

— Что, прямо здесь, в прихожей?

Куве с удивлением посмотрел на Честера:

— По-моему, здесь достаточно тепло, не так ли?

— Да, конечно, но...

— Скажите мне,— с интересом спросил Куве,— вам не кажется, что вы в некотором роде уникальны?

— Я совершенно нормален!

Куве тщательно осмотрел Честера:

— Да, вы можете доставить нам интереснейшую информацию,— сказал он с удовлетворением.— Норго ничуть не преувеличивал; почти полная атрофия мускулатуры, нечеткая артикуляция, неразвитые легкие, невыраженная пигментация кожи, неявные признаки маскулинности...

— Очень жаль, если я не совсем то, чего вы ожидали.

— Да нет же, как раз наоборот. Это даже больше, чем мы могли ожидать. И не расстраивайтесь: я разработал подробную программу вашего развития.

— Быстро же вы работаете. Ведь не прошло еще и трех часов, как я дал согласие.

— Да что вы, я начал работать над этим проектом еще месяц назад, когда Норго сказал мне, что вы непременно согласитесь.

Честер проследовал за Куве по широкому коридору в маленькую комнату, стены которой были уставлены до самого потолка шкафами. Куве показал на один из них.

— Здесь вы найдете одежду. Пожалуйста, наденьте ее.

Честер натянул шорты, зашнуровал сандалии и встал на ноги:

— Больше ничего? Чувствую себя почти младенцем.

В комнату вошла молодая женщина с прекрасной фигурой в белой юбочке. Она улыбнулась Честеру, вытащила из другого шкафа медицинский саквояж и взяла его руку.

— Меня зовут Мина. Сейчас я подровняю ваши ногти и введу

препарат, замедляющий их рост,— оживленно сказала она.— Стойте спокойно.

— А это зачем?

— Излишне длинные волосы и ногти были бы болезненной помехой при выполнении некоторых упражнений,— сказал Куве.— А теперь, Честер, я хочу спросить вас, что такое боль?

— Это... ммм.... ощущение, которое возникает, когда телу причиняется вред.

— Вы почти правы, Честер. Боль основывается на страхе, боязни вреда, наносимого телу.

Куве подошел к полке на стене и вернулся с небольшим металлическим предметом, держа его в вытянутой руке.

— Это ручное бреющее устройство, которым когда-то ежедневно пользовались. Этим острым лезвием водили по коже лица, срезая на ней волосы.

— Я рад, что живу в современную эпоху.

— При оптимальных условиях в процессе удаления выросшего за день волосяного покрытия лица с помощью этого инструмента возникал уровень боли в 0,2 агона¹. При условиях ниже средних уровень быстро повышался до 0,5 агона, что примерно соответствует ощущению, которое возникает при ожоге второй степени.

— Удивительно, с чем только не приходится мириться людям,— сказал Честер.

— А как ваши ноги, Честер, они в порядке?

— Конечно, а почему они не должны быть в порядке?

— У вас на обеих ногах мозолистые образования и другие отклонения, причиной чему — тесная обувь.

— Конечно, мои штиблеты, может быть, не самый лучший вариант...

— Подобные мозолистые наросты возникают в течение месяцев и даже лет, и боль, которую постоянно при этом испытывает человек составляет порядка 0,5 агона, хотя человек и не замечает этого.

— А если даже и заметит? Что из этого, все равно ведь ничего не поделаешь.

— Совершенно верно. Боль не есть абсолют; это — совокупность ощущений, которые можно научиться не замечать.

Куве протянул руку и уцепился Честера за ногу:

— Как видите, я давя с очень умеренной силой, и никакого вреда вашему телу при этом не возникает.

— Вы действительно обещаете не причинять мне вреда?— нервно спросил Честер.

— Теперь закройте глаза, и сосредоточенно думайте, что вам

¹ Агон — единица измерения боли, изобретенная автором (Прим. перев.).

ампутируют ногу без наркоза. Скальпель хирурга разрезает вашу плоть, пила вгрызается в живую кость...

Честер заерзал на стуле:

— Эй, больно! Вы слишком сильно давите.

Куве ослабил хватку:

— Я давил ничуть не сильнее, Честер. Усиление же ощущения произошло в результате привнесения угрозы причинения вреда вашим органам. Вы не обратили совершенно никакого внимания на Мину, когда она применила к подушечке вашего пальца дозированный стимулятор в 0,4 агона в то время, как я отвлекал ваше внимание. Вы восприняли манипуляции с вашими ногтями как вполне нормальные и безболезненные.

Честер потерял свою ногу:

— Все еще больно, думаю, что завтра будет синяк.

— Возможно,— кивнул Куве,— воздействие духа на функционирование тела гораздо более продолжительно, чем мы об этом думаем.

Мина закончила свои манипуляции, одарила Честера улыбкой и вышла из комнаты.

— Теперь давайте пройдем в гимнастический зал.

Куве провел его по коридору в большой зал с высоким потолком, оборудованный гимнастическими снарядами. Он повернулся к Честеру.

— Что такое страх?

— Это... эээ... ощущение, которое возникает у вас, когда вам что-нибудь угрожает.

— Это ощущение, которое появляется, когда вы не уверены, что сами сможете найти выход из трудного положения.

— Здесь-то вы неправы, Куве. Если бы сюда вошел бенгальский тигр, я был бы до смерти напуган, даже если бы точно знал, насколько я беспомощен.

— Оглянитесь вокруг себя; что бы вы сделали, если бы сюда действительно вошел дикий зверь?

— Ну, я бы побежал.

— Куда?

Честер внимательно оглядел зал:

— Бежать по коридору было бы бессмысленно. Там нет двери, которую я бы мог захлопнуть перед носом преследующего меня зверя. Я думаю, что я бы воспользовался вон той веревкой.

Он показал пальцем на 15-метровый канат с завязанными на нем узлами, прикрепленный между стропил.

— Великолепное решение.

— Но я сомневаюсь, что мне удалось бы по нему забраться.

— Итак, вы не уверены в своих способностях,— улыбнулся Куве.— Проверьте же себя, Честер.

Честер подошел к канату и с сомнением поглядел на него. Куве что-то пробормотал в переговорное устройство, прикрепленное к его запястью. Честер ухватился за канат, обхватил его ногами и едва вскарабкался на полтора метра:

— Это... все, что... я могу... сделать,— тяжело дыша, проговорил Честер и соскользнул на пол.

Сзади послышался какой-то звук, напоминающий урчание воды в водопроводных трубах. Честер быстро обернулся. Огромная с горящими желтыми глазами пума быстро приближалась к нему, издавая громовое рычание. Честер, взвизгнув, подскочил к канату, махом взлетел по нему почти до самых стропил и повис на нем, со страхом глядя вниз.

Куве погладил лоснящуюся голову животного, оно широко зевнуло и добродушно потерлось о его ногу.

— Ну, видите. Вы были способны на большее, чем предполагали,— проговорил как ни в чем не бывало Куве.

— Откуда появилась эта зверюга?— прокричал Честер с высоты.

— Это всего лишь безобидная кошка. Когда вы заговорили о тигре, я не мог преодолеть соблазна преподать вам предметный урок.

Честер медленно соскользнул по канату вниз, не спуская с пумы глаз. Оказавшись на полу, он приблизился к продолжающему ласкать животное Куве, стараясь, чтобы тот был между ним и пумой. Пума ушла.

— Если бы я позвал ее обратно, вы бы уже не паниковали, потому что вы знаете, что она безобидна. А если бы сюда запустили действительно дикого зверя, вы бы знали, что делать и что вы способны сделать это. Вы бы спокойно наблюдали за бенгальским тигром, которого вы только что упомянули, и взялись бы за канат только в случае необходимости.

— Возможно, но не испытывайте меня больше. Это стоило мне содранных рук.

— А вы заметили это в момент опасности?

— Я не мог думать ни о чем другом, кроме как об этом людоеде.

— Реакции страха и боли необходимы для организма, не обладающего сознанием. Но вы ведь обладаете им, Честер. Вы могли бы и преодолеть примитивный синдром «раздражитель—реакция».

— Пусть уж лучше я буду трусом, но живым...

— Но вы могли бы легко стать и мертвым трусом, не будь вы способны в определенный момент преодолеть страх. Поглядите вниз, Честер.

Честер посмотрел на пол. Пока он смотрел, молочно-белая поверхность пола вдруг стала совершенно прозрачной; осталась все-

го лишь узкая, шириной не более десяти сантиметров, лента, на которой он стоял, повисшая над зияющей под его ногами пропастью, дно которой ошетинилось острыми черными скалами. Куве стоял рядом как ни в чем не бывало; казалось, что он повис в воздухе.

— Все в порядке, Честер. Это всего лишь пол с низкой отражательной способностью.

Честер с трудом балансировал на узкой полоске.

— Снимите меня отсюда,— сдавленным от страха голосом прохрипел он.

— Закройте глаза,— спокойно сказал Куве.

Честер быстро сомкнул веки, так что им стало больно.

— А теперь забудьте все, что вы увидели,— приказал Куве.— Сосредоточьтесь на том, что вы ощущаете ногами пол. Убедитесь в его прочности.

Честер сглотнул, затем медленно открыл глаза и посмотрел на Куве.

— Я полагаю, что он выдержит,— сказал он дрожащим голосом.

Куве кивнул головой:

— Поработав здесь несколько дней, вы избавитесь от вашей иррациональной боязни высоты.

— Когда будет позволять погода,— сказал Куве,— вы будете проводить свои тренировки здесь, на террасе, на открытом воздухе.

Честер оглядел площадку примерно тридцать на тридцать метров с полом из темной древесины, окруженную стеной цветущего кустарника высотой в рост человека. Рошица высоких тополей затеняла часть пола от лучей высоко поднявшегося над горизонтом утреннего солнца. На стеллаже у низкой стены размещались разные гири, штанги и другие снаряды.

— Наверное, здесь уместно было бы заметить, что я не претендую на титул «Мистер Титан Вселенной»,— сказал Честер.— Думаю, что пары булав мне было бы более чем достаточно.

— Честер,— сказал Куве, жестом приглашая его сесть на мягкую скамейку.— Я уже предпринял первые шаги к тому, чтобы поколебать вашу уверенность в том, что боль невыносима, и в том, что страх и полезен и преодолим. Теперь же давайте рассмотрим роль скуки как препятствия на пути интеллекта к достижению контроля над телом. Что есть скука, Честер?

— Ну, скука наступает тогда, когда вам нечем заняться...

— Или когда инстинкт говорит вам: «Предстоящая деятельность не является существенно важной для моего выживания». Это более мощный фактор, воздействующий на поведение челове-

ка, чем страх или боль.— Он протянул Честеру маленькую гантель.

— Тяжелая?

Честер оценивающе покачал в руке двухкилограммовый снаряд:

— Да нет, не очень.

— Возьмите еще одну,— Честер взял по гантели в обе руки.— А теперь,— продолжал Куве,— пожалуйста, встаньте и поднимите оба снаряда на уровень плеч и начинайте их попеременно выжимать.

Честер, пытаясь, начал выжимать гантели. Прошла минута. Движения его становились все медленнее. Куве удобно устроился в парусиновом кресле.

— Сейчас вы бы хотели остановиться, Честер. Почему?

— Потому что... я изнемогаю...— произнес, задыхаясь, Честер.

— Изнеможение имело бы своим результатом неспособность далее выжимать вес, но им никак не объяснишь желание прекратить выжимание, когда сил остается еще достаточно.

— Я думаю, я что-то повредил себе,— пропыхтел Честер.— Я перенапрягся.

— Нет,— возразил Куве,— просто вам стало скучно. Поэтому-то у вас и возникло желание остановиться — естественное, природное стремление к сохранению энергии, жизненно важной для охоты, спасения бегством, драки или совокупления. Хочу надеяться, что с сегодняшнего дня вы откажетесь от него как мотива вашей деятельности.

Приближался вечер. Честер обессиленно снял руки с рукояток тренажера, который он сжимал, крутил, дергал и толкал по указаниям Куве. Он стонал.

— Я думал, что вы преувеличиваете, когда вы сказали, что собираетесь проверить работу моих ста семидесяти различных мускулов, но теперь я вам верю. Нет ни одного из них, который бы не болел.

— Завтра они будут болеть еще больше,— бодро утешил его Куве.— Но это неважно. Скоро они привыкнут к мысли, что с сегодняшнего дня вы намерены регулярно прибегать к их услугам.

— Я передумал, Куве. Природе было угодно создать меня хрупким, чувствительным типом.

— Выбросьте из головы ваши завтрашние испытания. В нужное время вы пройдете через все, что я для вас приготовил. А пока, закончив что-либо, забудьте о нем до тех пор, пока это что-то не придется делать снова.

— Но у меня нет силы воли,— возразил Честер.— Я много раз пытался сесть на диету или делать утром зарядку, не говоря уже о вечерних курсах, на которых я собирался овладеть безуко-

ризенным французским или в совершенстве освоить бухгалтерский учет. Но меня никогда на это не хватало.

— Секрет победы в споре с самим собой — в нежелании слушать. К моменту, когда вы усовершенствовали свою аргументацию, вы вновь оказываетесь в колее ваших прежних привычек. Ну а сейчас пройдемте в столовую. У вас будет инструктаж по мнемонике, после которого вы начнете знакомиться с теорией моделей. Затем...

— А когда я буду спать?

— Всему свое время.

— Неплохо! — промолвил Честер, проглотив бульон и отодвигая пустую чашку. — Что там у нас дальше?

— Ничего, — ответил Куве. — Но, как я уже говорил, ассоциация символа с определенной насущной потребностью, связанная с вашим личным опытом...

— То есть как это: ничего? Я не наелся. Я вкалывал весь день, как ломовая лошадь.

— У вас избыточный вес, Честер. Бульон был тщательно приготовлен, так, чтобы в нем содержались все питательные вещества, необходимые для поддержания вашего энергетического баланса на должном уровне.

— Но я умру от голода.

— Вы едите от скуки, Честер. Когда ваше внимание занято чем-либо, вы забываете о пище. Вы должны выработать привычку.

— Целый день вы только и говорите мне об умерщвлении плоти, о торжестве разума над плотью.

— Разум — самый совершенный инструмент в природе; а по сему он должен восторжествовать над всем. Ранее я вас спрашивал, что такое боль, а что есть удовольствие?

— В данный момент еда.

— Великолепный пример: удовлетворение природных влечений.

— Это нечто большее, чем влечение. Это — необходимость! Мне необходимо гораздо больше, чем чашка бульона цвета яйца без всякого намека на таковое!

— Все влечения удовольствия, в случае их чрезмерного удовлетворения, становятся разрушительными; однако, находясь под контролем, эти инстинкты могут быть весьма полезными. Возьмем, к примеру, гнев. Здесь природа выработала поведенческий механизм, который позволяет иметь дело с ситуациями, в которых присутствует агрессия. Он может возобладать над всеми другими ощущениями, даже такими, как страх. Когда вы разгневаны, вы становитесь сильнее, менее чувствительны к боли и менее подвержены панике. Вы желаете лишь одного: сблизиться с противником и убить его. Перед боем особи мужского пола многих видов обычно стараются разозлиться.

— Похоже, я уже весьма близок к этому.

— Вы научитесь управлять вспышками гнева и вызывать их, не теряя при этом самообладания. Ну, а теперь перейдем к следующей учебной ситуации.

— К следующей? — запротестовал Честер. — У меня нет сил.

— Опять все тот же инстинкт лени, — сказал Куве. — Идемте же, Честер.

Солнце заходило. Честер и Куве стояли возле бассейна у самого основания двадцатипятиметровой вышки для ныряния. Почти отвесная лестница вела к одинокой площадке на самом верху.

Куве вручил Честеру маленький медальон:

— Взбирайтесь на вершину вышки. Это устройство позволит мне говорить с вами на расстоянии. Завтра подобное устройство вам вживят хирургическим способом. Ну, а теперь — наверх!

— Давайте вспомним эксперимент со стеклянным полом и повторим что-нибудь в этом роде!?

— Взбирайтесь, взбирайтесь, медленно и спокойно.

— Но какой смысл взбираться туда: чтобы свернуть себе шею?

— Честер, умом вы понимаете, что должны сотрудничать со мной. Перестаньте обращать внимание на инстинкты и делайте то, что говорит вам ваш ум.

— Я врасу в лестницу, вам придется посылать трех человек, чтобы оторвать мои пальцы от ступенек.

— На прошлой неделе я наблюдал за вами на танцевальной площадке. Вы сидели за столом и много ели. При этом вы посматривали на танцующих. К вам подошла девушка и пригласила вас на танец. Вы похлопали себя по животу и отрицательно покачали головой.

— Но какое это имеет отношение к сидению на верхушке флагштока?

— Танец, который они танцевали, требует большого умения, силы и выносливости. Если бы вы присоединились к танцующим, получили бы вы сейчас удовольствие от воспоминания о танце?

— Конечно, мне бы хотелось...

— Запавшие в память моменты наивысших достижений вызывают удовлетворение; воспоминания об излишествах вызывают отвращение. Станете ли вы на следующей неделе с удовольствием вспоминать, как вы отказались подняться на вышку?

— Если только не свалюсь с нее и не сверну себе шею.

— Ваша память обладает опережающей способностью, а именно: у вас возникают воспоминания о тех вещах, которые еще не произошли. Так вот, перед вами возможность подарить себе достойное воспоминание.

— Хорошо, я начну подниматься, просто чтобы развеселить вас, но я не гарантирую, что доберусь до самого верха.

— По ступеньке за раз, Честер. И не глядите вниз.

Честер осторожно начал карабкаться по лестнице, держась за хлипкий поручень:

— Эта штука шатается,— прокричал он с высоты трех метров.

— Ничего, выдержит. Продолжайте подниматься.

Честер продолжал карабкаться. Ступеньки были деревянные, шириной двадцать сантиметров и длиной чуть больше метра. Поручень был сделан из алюминия и крепился болтами к вертикальным стойкам, отходящим от каждой четвертой ступеньки. Честер сосредоточил мысли на дереве и металле. В медальоне возле самого горла Честера послышалось жужжание, и раздался голос Куве:

— Вы продвигаетесь очень хорошо. Прошли уже половину пути.

Заходящее солнце переливалось пурпуром и золотом. Честер остановился, тяжело дыша.

— Ну, еще несколько шагов, Честер,— прозвучал тонкий голос в переговорном устройстве. Он продолжал восхождение. Теперь вершина вышки была уже прямо перед его носом. Прижимаясь к поручню, он сделал несколько последних шагов. Где-то далеко впереди на самом горизонте на фоне темного леса мерцала полоска света. Извивающаяся по долине река светилась отраженным красным светом. Низкое белое здание Центра переливалось в блекнувшем свете цветами спелого персика. Честер посмотрел вниз, на бассейн. Он тут же упал на площадку животом, зажмурив глаза.

— Помогите! — выдавил он из себя прерывающимся от страха голосом.

— Двигайтесь к ступенькам, ногами вперед,— спокойно сказал Куве.— Опустите ноги и начинайте двигаться вниз.

Честер нащупал ногой первую ступеньку и тихонько начал спускаться, не пропуская ни одной.

— Полпути вниз,— послышался голос Куве. Теперь Честер двигался быстрее. Когда до земли осталось метра три, Куве остановил его.

— Взгляните на воду. Вы сможете прыгнуть в нее отсюда?

— Да, но...

— Тогда поднимитесь еще на одну ступеньку. Отсюда сможете? Честер поднялся на целых три ступеньки.

— Прыгайте!

Честер зажал пальцами нос и прыгнул в воду. Он вынырнул и выбрался из бассейна.

— Нырните снова.

После трех прыжков Честер поднялся еще на ступеньку. Через полчаса, при ярком свете луны, он прыгнул уже с высоты шести

метров и, просвистев вниз, с шумом и фонтаном брызг плюхнулся в бассейн и, отфыркиваясь, снова подплыл к лестнице.

— На этот раз достаточно,— сказал Куве.— Через неделю вы прыгнете с самого верха, оттуда, где сегодня вы не смогли даже стоять. Ну, а теперь снова в дом. Пока вы переодеваетесь во что-нибудь сухое, я хочу поговорить с вами о природе вещей.

— Вообще-то, в это время я обычно отхожу ко сну,— сказал, отдуваясь, Честер.— Природа вещей до завтра никак не может подождать?

— Здесь вы не будете страдать от бессонницы,— заверил его Куве.— К тому времени, как вы окажетесь в постели, вы действительно будете готовы ко сну.

В узенькой комнатке с высоким окном Честер критически осмотрел покрытую войлоком скамью, шириной чуть более пятидесяти сантиметров.

— Это что, я должен спать на этом?

— Нет матраса лучшего, чем усталость,— ответил Куве.

Честер сбросил сандалии и со вздохом улегся на скамью.

— Полагаю, что в этом вы совершенно правы. Я думаю, что просплю целую неделю.

— Четыре часа,— сказал Куве.— В дополнение к этому у вас будет двухчасовой сон в полдень.

Из медальона, который все еще висел на шее Честера, послышалось жужжание:

— Недействительное не есть нереальное,— сказал мягкий женский голос.— Нереальное не есть недействительное. Реально ли нереальное...

— Что за чертовщина такая?

— Основные аксиомы рациональности. Вы переведете этот материал на уровень вашего подсознания, пока будете спать.

— Вы хотите сказать, что это будет продолжаться всю ночь?

— Всю. Но вы убедитесь, что это нисколько не помешает вам спать.

— Но что это значит: нереальное не есть недействительное?

— Это элементарное утверждение нетождественности символических эквивалентов.

— Гм-м-м... Вы имеете в виду, что карта местности — это еще не сама местность?

Куве кивнул: — Очевидная банальность. Но к рассвету вы уясните ее значение на уровне подсознания.

— Я не смогу даже сомкнуть глаз.

— Не сможете сегодня — сможете завтра,— сказал Куве как ни в чем не бывало.

— Нереальное не есть невозможное,— мягко продолжал настаивать нежный голос.

— И всего-то осталось триста шестьдесят четыре дня,— говорил, смыкая глаза, в забытьи Честер.

7

Первые серые проблески приближающейся зари не успели еще появиться на темном небе, а Честер нетвердой походкой уже входил в мягко освещенный спортивный зал. Куве, свежий и в безукоризненно белом одеянии, уже ждал его появления, сидя за маленьким столом посреди зала.

— С добрым утром, Честер. Как спали?

— Как убитый. Впрочем, я и сейчас не намного живее. Я просто зашел, чтобы сказать вам, что во всем моем теле нет живого места после всех этих вчерашних излишеств. Пригласите сюда врача. И вообще, я должен быть в постели, но...

Куве жестом прервал его:

— Честер, вы, конечно, ожидаете, что я сейчас же начну вас жалеть, зато с вами душеспасительную беседу. Но, боюсь, у нас нет времени на эти душещипательные сантименты.

— Сантименты? Да я же насквозь болен!

— И тем не менее, вы встали в назначенное время и оделись для занятий. Ну, а поскольку вы здесь, взгляните вот на это.

Честер проковылял к столу. Под прозрачным стеклом мелькали, сменяя друг друга в непредсказуемой последовательности, красные, зеленые и янтарные огоньки.

— Я хочу, чтобы вы изучили эту модель. Когда вы будете готовы, нажмите пальцем вот здесь, вот эту кнопку, цвет которой соответствует тому цвету, который, по вашему мнению, должен загореться следующим.

Честер начал изучать световую панель. Зажегся и погас красный огонек, затем зеленый, еще один красный, затем еще один, потом зеленый...

Он нажал на янтарную кнопку. Панель погасла.

— Никогда не думайте, что первый уровень сложности может привести вас к решению проблемы, Честер. Постарайтесь заглянуть поглубже, найти более утонченную модель. Попробуйте еще раз.

Огоньки продолжали мигать в той же самой последовательности. Когда Честер нажал на кнопку в пятый раз, засветилось все табло. Честер удовлетворенно улыбнулся.

— Хорошо,— сказал Куве.— Когда вы получите три правильных решения подряд, мы перейдем к моделям более высокой степени сложности.

— Мне пришлось просчитывать на три огонька вперед, Куве. Создается такое впечатление, что модели изменяются, пока я на них смотрю.

— Да, в этом ряду применена усложняющаяся модель развития.

— У меня, скорее, поэтический склад ума. Я не электронный калькулятор.

— Не пройдет и года, как вы будете думать совершенно иначе. Применение в ходе этих упражнений в их продвинутых фазах воздействий такого типа, которые никогда не встречаются в повседневной практике, разовьет доселе неиспользуемые вами корковые образования.

— Не думаю, что эта последняя часть доставит мне удовольствие,— сказал с сомнением Честер.— Что это значит?

Куве показал рукой на дальнюю стену.

— Поглядите туда. Смотрите прямо перед собой, не отрывая и не отводя глаз.— Он поднял руку и приблизил ее к краю поля зрения Честера.

— Сколько пальцев я поднял вверх?

— Не знаю; все, что я могу точно сказать, это то, что там есть рука.

Куве пошевелил одним пальцем.

— Вы заметили это движение?

— Конечно.

Куве пошевелил вторым пальцем, оставляя первый неподвижным, затем третьим и наконец четвертым.

— Вы наблюдали движение каждый раз,— подытожил он,— что показывает, что все четыре пальца находятся в поле вашего зрения.

Он вытянул два пальца.

— Сколько пальцев я поднял теперь?

— Я все еще не могу определить.

— Вы ведь видите пальцы, Честер, вы это доказали. И все же, вы буквально не можете сосчитать те пальцы, которые видите. Сигнал, посылаемый вашему мозгу посредством зрительного механизма, ответственного за периферийное зрение, направляется в неразвитый его сектор, в котором находится часть громадной массы обычно неиспользуемых клеток коры мозга. Уровень интеллектуального развития этой части вашего сознания можно примерно сравнить с интеллектом верной своему хозяину собаки, которая может распознать группу ребятишек, но неспособна сформулировать представление об их количестве.

Куве опустил руку.

— Именно эту часть мозга мы с вами и начнем развивать. А теперь попробуем эту модель.

Честер стоял, облокотясь на поручень, на верхушке двадцатипятиметровой вышки для ныряния, чувствуя плечами, как жарко печет солнце, и наблюдая за тем, как Куве внизу поправляет натянутые поперек бассейна веревки.

— Ну, вот и ваша цель, метр двадцать на метр двадцать, — послышался из крохотного, величиной с рисовое зернышко, устройства, вживленного в кость за левым ухом Честера, голос Куве. — Помните о сосудисто-мышечных моделях напряжения вашего организма. И ждите сигнала.

Что-то запикало в ухе у Честера — и он прыгнул головой вниз, прижав к груди подбородок, вытянув перед собой руки с выпрямленными пальцами и прямыми ногами, с оттянутыми носками, слыша, как ветер свистит у него в волосах. Он рыбкой вошел в воду, изогнулся, выпрыгнул над поверхностью воды, подплыл к краю бассейна и одним легким движением выбрался из него.

— Что ж, вы делаете неплохие успехи в течение этих двух недель, — похвалил Честера Куве, жестом руки приглашая того к столу, на котором его ждал небольшой бифштекс. — Вы исследовали диапазон ваших врожденных способностей; вы отдаете себе полный отчет в системе ценностей, которыми мы руководствуемся, и вы уже преодолели самое худшее из того, что несет в себе метаболическая инерция. У вашей мускулатуры хороший тонус, хотя вам предстоит еще очень многое сделать для развития ее объема и мощи. Теперь вы готовы к штурму таких более тонких дисциплин, как сохранение равновесия, координация движений, точность, выносливость и темп.

— Послушать вас, так я совершенно ничего еще и не сделал. А как насчет прыжков с вышки? Не так-то просто попасть в квадрат метр на метр с двадцатипятиметровой высоты.

— Это упражнение было предназначено для развития уверенности в себе. Сейчас же вы приступите к собственно предметной области занятий. Мы начнем с простых вещей, таких, как фехтование, верховая езда, хождение по канату, жонглирование, танцы и фокусы, а затем постепенно перейдем к более абстрактным ступеням.

— Вы меня к чему готовите — работать в цирке?

Куве пропустил вопрос мимо ушей.

— Академическая часть вашей программы предполагает овладение способностью к раздвоению внимания, самогипнозу, избирательной концентрации внимания, категориальному анализу, развитой мнемоникой и эйдетизмом, от которых мы перейдем к вегетатике, клеточной психологии, регенерации и...

— Давайте вернемся к фехтованию. По крайней мере, я знаю, что это такое.

— Мы приступим к нему сразу после обеда. А пока вы едите, объясните мне, что значит слово «сейчас».

— «Сейчас» изменяется,— сказал Честер, не переставая жевать.— Оно движется вместе со временем. Каждый момент в течение какого-то времени является этим «сейчас» и потом перестает им быть.

— «В течение какого-то времени». А как долго?

— Не очень долго. Мгновение.

— «Сейчас» является частью прошлого?

— Конечно, нет.

— А будущего?

— Нет, будущее пока еще не наступило. Прошлое же уже кончилось. «Сейчас» находится как раз между ними.

— А как вы определите точку, Честер?

— Пересечение двух линий,— тут же ответил Честер.

— Место пересечения, так будет точнее,— поправил его Куве.— «Линия» и «точка» — это термины, обозначающие положение вещей, а не сами вещи. Если лист бумаги разрезать пополам, каждая молекула первоначально целого листа останется либо в первой, либо во второй половине. Если срезы соединить, каждая частица будет все также находиться либо в одной, либо в другой половинке; и ни одна молекула не будет находиться между ними. Наблюдаемая нами при этом линия, разделяющая половинки, есть всего лишь положение предмета, а не сам материальный предмет.

— Да, это очевидно.

— Прошлое может рассматриваться как одна из половинок листа бумаги, будущее — как другая. Между ними же... нет ничего.

— И все же, я сижу здесь и обедаю. Сейчас.

— Ваша способность к обобщениям явно не поспевает за способностью Вселенной порождать сложности и затруднения. Человеческое понимание никогда не может быть чем-то большим, чем приближение. Избегайте иметь дело с абсолютами. И никогда не подвергайте произвольной переработке реальность ради простоты. Результаты оказываются убийственными для логики.

На террасе появилась Мина, одетая в облегчающее розовое трико. Она несла фехтовальные рапиры и защитные маски. Честер доел бифштекс, натянул черное трико из прочного эластичного материала, взял рапиру, которую протянула ему Мина.

Мина стала в стойку, шпага в вытянутой правой руке, ноги под прямым углом, левая рука на бедре. Она слегка ударила несколько раз своей шпагой по клинку Честера и резким неожиданным движением выбила рапиру из его руки.

— Ой, извините, Честер. Вы были неготовы.

Честер поднял рапиру, стал в стойку, подражая Мине. Они скрестили клинки — и Честер охнул, когда шпага Мины ткнулась ему в грудь. Мина весело захохотала. Честер залился краской от смущения.

Когда они скрестили рапиры в третий раз, Мина захватила клинок Честера своим клинком и, резко повернув его, вырвала рапиру из руки Честера.

— Честер, — засмеялась она, — по-моему, вы совсем не старались. — Она отложила свою рапиру и ушла. Честер повернулся к Куве, красный от стыда. Куве сделал шаг и жестом пригласил Честера стать в стойку.

— Мы будем заниматься каждый день, полчаса утром и полчаса после обеда, — сказал он. — И, возможно, вскоре вы сможете преподнести Мине сюрприз, — мягко добавил он.

Честер осторожно кружился вокруг Куве, шаркая босыми ногами о подбитый войлоком мат. Куве сделал шаг вперед, скользнул левой рукой по ребрам Честера, пытаясь схватить его правое запястье. Честер увернулся, сжал левую руку Куве и резко дернул ее вниз. Куве подался вперед, чтобы ослабить давление, сделал захват шеи и бросил Честера через бедро. Честер в воздухе согнутой ногой сделал замок на шее Куве и, перевернувшись, упал на четыре точки, как только захват Куве ослаб. Куве потряс удивленно головой:

— Что это — случайность или...?

Честер гнул Куве к коврику, увернулся влево, чтобы избежать захвата головы через спину. Куве уже тянулся к его лодыжке... Мгновение — и он был опрокинут на мат. Он сел, потирая шею. Куве одобрительно кивнул:

— Ты делаешь успехи, Честер. Если бы ты внимательнее следил за своими ногами, ты бы смог припечатать меня.

— В следующий раз, может быть, — сказал угрюмо Честер.

— Кажется мне, что в твоём голосе слышны нотки скрытой враждебности? — сказал Куве, с удивлением глядя на Честера.

— Да, черт побери. Ты обработал меня в течение года, как арендованный вертолет.

— Выше голову, Честер. Я подготовил для тебя новый тест на сложную реакцию. Это очень интересная комплексная проблема, но, предупреждаю тебя, она может оказаться болезненной.

— Ну, в этом-то отношении она не расходится с общей программой.

Честер последовал за Куве через террасу, арочный свод, через коридор на открытый дворик. Куве указал на дверь в стене, над которой тесно срослись деревья.

— Через эту дверь, Честер, ты пройдёшь на прогулку в лес. Ты обнаружишь там несколько тропинок; какую из них ты выберешь, целиком зависит от тебя самого. Тропинки — язык леса: они ведут к дальним холмам. Опасаюсь, что прогулка твоя будет дальней в силу причин, о которых узнаешь в лесу, но, тем не менее, пре-

дупреждаю тебя, чтобы ты держался поближе к дому. Как только ты обнаружишь то, что покажется тебе значительным, немедленно возвращайся.

Честер вглядывался в темноту лесной чащи:

— Это моя первая прогулка за пределами тюрьмы. Ты уверен, что я не убегу?

— Боюсь, побег в этом направлении невозможен. Если ты попадешь в беду, помни, что я поддерживаю с тобой радиосвязь. К темноте возвращайся.

— Если у меня возникнут какие-либо сомнения, я вспомню хорошо усвоенный девиз: «Нереальное не есть недействительное».

Честер двинулся:

— Не жди меня. Может быть, мне там понравится.

Честер размеренно шел по тропинке, внимательно фиксируя все вокруг.

Его внимание привлек какой-то шум. Он резко отпрыгнул, стараясь задержать ноги в воздухе. По его икрам хлестнула веревка, и Честер увидел, как петля ушла вверх. Он осторожно выпрямился, высматривая еще одну ловушку сзади, но ничего не обнаружил. Он изучил дерево, к которому была привязана веревка, затем, стараясь ничего не задеть, подошел к рядом стоящему дубу, окинул его взглядом, забрался на ветку и прыгнул на источник опасности. Отвязав жесткую, 5-миллиметровой толщины синтетическую веревку и обернув ее вокруг пояса, он соскользнул на землю.

Потом он зашел в заросли кустов и сразу почувствовал пронзительную боль на тыльной стороне ладони. Он осторожно освободился из паутины очень тонкой колючей проволоки. Выбирая участки, свободные от шипов, он стал переламявать ряды проволоки один за другим и, став на четвереньки, прополз через заграждение.

Полчаса спустя Честер стоял на краю крутого обрыва. Внизу, метрах в пятнадцати, в потоках солнечных лучей, пробивавшихся сквозь огромные деревья, переливалась и блестела река. Вверху по течению было тихое озерцо, казавшееся черным от расположенных по берегу гладких валунов. Честер отметил, что его расположение точно напоминало десятиметровый бассейн, в который он нырял каждое утро. Просто явное приглашение. Он лег плашмя и осмотрел поверхность скалы. На ней было множество трещин и выступов, за которые бы могли цепляться руки и ноги. Может быть, их было даже слишком много... До развесистого вяза на противоположном берегу было чуть больше десяти метров. Честер снял веревку с пояса, нашел десятикилограммовый осколок камня с желобом посередине и туго привязал к нему один конец веревки. Он встал, взял веревку с привязанным камнем, несколько раз размахнулся

ею, как пращой, и бросил. Камень зацепился и повис на ветке. Очень осторожно Честер потянул на себя веревку, и камень качнулся назад; когда он стал возвращаться в исходную точку, Честер ослабил натяжение и снова потянул. Колебания нарастали. Когда камень начал двигаться вперед, Честер резко дернул веревку. Камень рванулся вверх и — раз, два, три раза веревка обернулась вокруг ветки. Честер подергал — крепление было надежным. Затем свободный конец веревки он обмотал по всей длине сломанного сука и навалил на него валун весом около центнера. Еще раз быстро опробовал крепление и скрестил руки в торжествующем жесте. Оставив веревку, он приблизился к берегу тихого озера. Подняв осколок скалы, он бросил его в самую середину темной воды. Мгновенно на поверхность выскочила снабженная, видимо, пружинами, большая сеть со стекающей с нее водой и опутала брошенный камень. Честер улыбнулся и перевел взгляд на основание скалы. Витки тончайшей колючей проволоки защищали последние два метра вертикали. Спуск мог бы быть очень легким, подумал Честер, возвращение оказалось бы посложнее.

Микрофон, закрепленный за его ухом, ожил:

— Итак, Честер, ты попался в сеть на озере. Не отчаивайся, ты все делал правильно. Через несколько минут я прибуду и вызволю тебя.

Честер снова улыбнулся и повернул в лес. Он посмотрел на солнце, еще раз вспомнил маршрут, которым шел в течение четырех часов, обнаруживая и избегая ловушки, которые расставил ему Куве. Солнце зашло около часа назад, определил Честер, и он находился в трех милях на северо-запад от Центра. Он помедлил, приюхиваясь к воздуху. Из растворенных в нем слабых запахов хвои, можжевельника и раскаленного на солнце камня резко выделялся запах горящего дерева. Уже 50 минут прошло, как он взбирался по склону, и пора было свернуть влево, чтобы изучить верхнюю часть лощины. С каждым шагом запах дыма усиливался. Казалось, что затененные стволы впереди курились легким сероватым дымком. Честер пригнулся и прибавил шаг. Если впереди был лесной пожар, то его нужно было преодолеть как можно быстрее — до того, как пожар отрежет ему путь в долину. Он тихо пробирался сквозь редкие кусты и видел в промежутках между деревьями бледно-оранжевые блики на небе в сотне метров впереди. Пожар, должно быть, совсем близко, подумал Честер, и перешел на бег.

Деревья расступились. Развалины скал, увенчивающие теснину, казались бледными на фоне горящих сосен. Навстречу ему катилась волна дыма, подхваченная продувным каньонным ветром. Честер распластался, сделал несколько глубоких вдохов, затем резко вскочил и вскарабкался на верхушку разбитой скалы. Впереди огонь метался меж массивных стволов, вспыхивал, обметывая хвою, и

высоко взлетал до самых верхушек сосен. Горящие искры стреляли вокруг Честера. Он уже мог слышать рев раздуваемого ветром пламени. Неожиданный порыв ветра накрыл его стеной дыма. Может быть, просчитывал он, обогнуть холм справа, где проходил вал, который защитит его от огня, спокойно спуститься и выйти в долину в одной миле к северу от Центра. Однако совершить этот поход до темноты не представлялось возможным. Честер обдумывал вариант прохода выше. Лишняя сотня метров...

В двадцати шагах на склоне возникла массивная фигура.

Человек был рыжебородый, одетый в заплатанные штаны и свободно болтающийся жакет из выцветшей шотландки с тремя или четырьмя отсутствующими пуговицами. Два пальца его правой руки натягивали тетиву лука. Стрела была увенчана блестящим стальным наконечником и нацелена прямо в пупок Честера.

— Я знаю, что вы — обитатели Долины — двигаетесь быстро, как Царь Змей, когда Кез-отец бросил его на сковородку, но Голубой Зуб прыгает быстрее, — прорычал бородач на вполне понятном, впрочем, диалекте. — Что тебе надо здесь, в Свободных Горах? Или жизнь внизу тебе надоела?

Честер наморщил лоб, пропуская звуки варварской речи через сознание, отмечая фонетические замены и интонации. Структура диалекта была достаточно простой, и Честеру легко удалось ее симитировать:

— Если ты не возражаешь, я бы хотел, чтобы Голубой Зуб нацелился на что-нибудь другое, — ответил Честер, указывая на деревья и не сводя глаз со стального наконечника стрелы. — Пальцы у Голубого Зуба могут быть испачканы жиром или чем-то вроде того.

— Не попугайничай, — сказал незнакомец на чистом английском. — Мне было уже десять лет, когда я покинул Долину. Итак, что ты хочешь найти здесь?

— Вообще-то я очень надеялся найти дорогу обратно в Долину и не имел бы ничего против того, чтобы меня не поджарило огнем и чтобы меня не сбивали с дороги. Вы не будете возражать, если я продолжу свой путь? Вы ведь знаете, что сюда приближается огонь.

— Пусть огонь тебя не беспокоит. Это я зажег его, чтобы выгнать из леса дичь. Сейчас он дойдет до откоса и потухнет. А теперь обойди меня справа и поднимайся наверх. И имей в виду: Голубой Зуб будет следить за каждым твоим движением.

— Я двигаюсь в другую сторону, — сказал Честер.

— Делай-ка лучше то, что тебе говорят. Ты ведь сам сказал, что становится жарко. — Стрела все еще была упорно нацелена прямо в живот Честера. Лук скрипнул, когда бородач натянул тетиву так, что наконечник стрелы оказался у самой рукояти лука. — Ну, решай!

- Но что же ты хочешь от меня?
- Ну, скажем, новостей из Долины.
- Кто ты такой? И что ты делаешь здесь, в горах? Если тебе нужны новости, ты можешь спуститься вниз, к Центру.
- Меня зовут Бэндон, и ничего хорошего от вашего чертова Центра я не жду. Не оборачивайся, продолжай идти вперед, и, если ты надеешься на свою безделушку за ухом, забудь о ней. Ты за пределом досягаемости.
- Ты что, рассчитываешь, захватив меня здесь, получить за меня выкуп?
- Какие же это сокровища могут предложить жители Долины, чтобы они могли прельстить обитателя этих свободных Гор?— расхохотался Бэндон.
- Ты меняпустишь завтра утром?
- Ни завтра, ни послезавтра, ни после-послезавтра. Забудь свою тихую долину, обитатель Долины. Ты останешься здесь до самой смерти.

8

Вершины гор уже начинали погружаться во мрак, когда Честер и Бэндон, спотыкаясь, перелезли через груды камней — все, что осталось от упавшей стены,— и выбрались на ровную дорогу, петляющую меж высоких тополей и ведущую к низким строениям, силуэты которых вырисовывались на фоне багрового заката.

— Это наш город, обитатель Долины,— сказал Бэндон, тяжело дыша после подъема в гору.— Здесь есть пища, есть огонь, способный согреть ночью, есть крепкое пиво и братство свободных людей — все, что необходимо от заката до рассвета.

— Очень поэтично,— прокомментировал Честер, обводя глазами рытвины и ухабы на дороге и заросли дикого кустарника на самых ее обочинах.— Но ты забыл некоторые вещи, к которым я успел привязаться, ну, скажем, книжки, салат, зубная щетка и чистые носки. К тому же, похоже, в некоторых из ваших домов не хватает такой мелочи, как крыша.

— Ради свободы я готов смириться и с отсутствием крыши.

— Конечно, у каждого из нас свои маленькие причуды,— промолвил Честер.— Но почему я должен присоединяться к вашей компании? Я лучше тихо удалюсь.

— Ты пришел сюда непрошеным гостем,— заявил категорически Бэндон. Он опустил лук и ослабил тетиву.— Не будь дураком и не пытайся убежать. На всех подходах к городу расставлены часовые.

— Знаю, я их видел.

— При таком-то свете? наших лучших лесных жителей?

— Шутка, — ответил Честер.

— А впрочем, может быть, и в самом деле видел. Ведь зрение у вас, обитателей Долины, как у самого Кеза-отца. Скажи-ка мне, где ты выучился нашему жаргону?

— Вашему диалекту? Ну... я... просто выучил его. Как хобби.

— Значит, неправда, что, как говорят, некоторые обитатели Долины могут научиться ему в мгновение ока?

— Совершенно беспочвенный слух.

— Я так и думал. А теперь пойдем и посмотрим, как встретят тебя братья. — В сгущающемся мраке они подошли к ближайшему зданию.

Честеру удалось в полумраке рассмотреть детали резного орнамента дверных проемов, упавшие решетки для вьющихся растений, рухнувшие портики. Прямо на дороге валялась разбитая статуя.

— Должно быть, когда-то это был прелестный городок, — заметил Честер. — Что с ним случилось?

Бэндон презрительно фыркнул.

— Мы отбросили все эти рабские привычки ишачить, лишь бы только покрасоваться перед соседями. Здесь мы свободны. Здесь нет никого, кто указывал бы нам, что делать. Те, кому это не нравилось, ушли отсюда. Туда им и дорога. Они нам не нужны.

— Шикарно, — согласился Честер. — Но что станет, когда наступят холода?

— Кругом полно древесины. Будем жечь костры.

Честер оглядел почерневший фундамент сгоревшего дотла дома.

— Понимаю...

— Это чистая случайность, — проворчал Бэндон. — Полно домов, которые уцелели. Он остановился. — Подожди здесь. — Он закинул голову и пронзительно свистнул. Из дверных проемов, из-за темных заборов, из-под крон развесистых деревьев начали появляться люди.

Честер оценивающим взглядом обвел окружавшую его толпу человек в пятьдесят; все мужчины, небритые, одетые в шкуры. Никого, отметил Честер, с кем хотелось бы познакомиться поближе.

— Этот обитатель Долины — гость, — объявил Бэндон собравшейся братии. — Мы будем относиться к нему, как к нашему брату, если, конечно, он не попытается смыться. А теперь я забираю его с собой во дворец, до тех пор, пока для него не будет устроено его собственное жилище. И я вас всех предупреждаю: если с его головы упадет хоть один волос, наказание понесут все, скопом.

Из толпы выступил перед высоченный глыбообразный детина в одеянии с напластованиями грязи.

— Мы много слышали о силе обитателей Долины, — прорычал он. — Этот совсем не кажется сильным.

— Возможно, он ловкий и хитрый, что гораздо лучше,— обрешал его Бэндон.— Оставь его в покое, Гриз. Это приказ.

Гриз оглянулся на сотоварищей:

— Странно, что ни один из нас не удостоен чести спать во дворце. Но стоило появиться этому шпиону, и с ним обращаются все равно как с самим Кезом-отцом, когда он отправился на дно морское в гости к тамошнему царю.

— Ладно, ладно. Ну-ка, ребята, разожгите костер в Зале, поджарьте оленины и откройте несколько бочонков пива. Мы устроим хорошенький пир, чтобы показать новичку, какой свободной жизнью мы все здесь живем.

Из толпы раздалось несколько выкриков, из задних рядов слышалось тихое улюлюкание. Гриз уставился на Бэндона:

— У нас нет оленины. Зато полно консервированной фасоли и черствых крекеров. Единственное пойло, которое у нас есть, это пара ящиков мочи, под названием «пиво», которые Лонни спер на прошлой неделе.

— Постарайтесь сделать все возможное,— оборвал его Бэндон.— И побольше жизни. Я хочу, чтобы вы здесь выглядели бодрыми и жизнерадостными.— Он повернулся к Честеру и махнул рукой в сторону внушительного фасада с отбитыми колоннами и разбитыми стеклами.— Идем во дворец, приведешь себя в порядок перед пиром.

— Одну минуту,— вмешался Гриз. Он подошел к Честеру, в руках у него был толстый железный прут.

— Я тебя предупредил, Гриз,— вздрогнул Бэндон.

— Я не собираюсь его трогать — пока,— прорывал Гриз. Он схватил прут за оба конца, ссутулился и напрягся. Металл поддался, и оба конца прута почти сошлись вместе. Он перевел дух и протянул прут Честеру.

— Выпрями-ка его, Цапля Болотная.

— Что-то нет настроения,— осторожно произнес Честер.

Гриз лающе засмеялся, бросил прут на землю, подошел к обочине дороги и вернулся с массивным куском тесаного камня.

— Эй, лови.— Он с усилием бросил глыбу в сторону Честера, так что тот едва успел отдернуть ногу, когда глыба грохнулась оземь.

Бэндон быстрым движением натянул тетиву лука.

— Довольно, Гриз,— рявкнул он.— Пошли, обитатель Долины.

— До скорой встречи, Болотная Цапля,— прокричал им вслед Гриз.

Честер последовал за Бэндоном через захлавленную каменную террасу, мимо мрачных обшарпанных дверей внутрь помещения, в котором стоял запах закивших шкур и забытых остатков пищи.

В одном углу стоял, прислонясь к стене, сломанный диван, рядом с ним стол с перевязанной ножкой. У широкого камина валялось раскиданное постельное белье, в очаге лежали беспорядочно брошенные в кучу, сломанные ножки стульев. Возле окна с выбитыми стеклами висела навстречу, на галерею, лестница со сломанными перилами.

— Да, местечко несколько обшарпанное, — прокомментировал Честер. — А кто здесь жил раньше?

— Кто его знает. — Бэндон вытащил из кармана зажигалку и начал ею щелкать, пока наконец не появилось пламя. — Бензин кончается, — сказал он. — Кто-то из прежнего начальства жил здесь, но когда мы перестали выполнять их распоряжения, они просто выехали отсюда, я полагаю, на равнины, чтобы на них там надели ярмо.

— А какие они давали распоряжения?

— Всегда им что-нибудь было надо: создать комитет по вопросу ремонта крыш, чистки сточных канав или вития веревок. Ну, в общем, всякой грязной работы.

— Думаю, что их распоряжения, возможно, не были совсем уж бессмысленными, — заметил Честер, оглядывая облезавшие обои и полуистлевшие занавески.

— Черт возьми! Они сами и должны были этим заниматься. Но нет же, они сбежали и оставили все как есть. Мы заперли нескольких из них и пытались заставить их работать, но им как-то удалось удрать.

— Да уж эти отряды начальников — все подлые трусы, точно, — сказал с иронией Честер. — Вечно дураят нашего падкого на развлечения брата, зная то, чего не знаем мы.

— Во-во, — согласился Бэндон.

— Почему бы вам не собирать дрова в лесу, вместо того, чтобы ломать и жечь мебель, — спросил Честер. — Сидеть ведь не на чем.

— Ну да, не на чем! Посмотри-ка вон под ту грудку шкур. Мы пытались топить дровами, но они плохо горят. А стулья сухие и горят отлично. Сейчас мы запалим хорошенький костер и поговорим о том, что там происходит внизу. Полагаю, что все та же старая рабская жизнь: каждый сует свой нос в дела другого.

— У-гу, — хмыкнул Честер, оглядывая разнообразный хлам, разбросанный по всему помещению. — Они все еще несут на себе непосильное бремя плавательных бассейнов, прачечных, пикников, концертов и всех тому подобных неудобств. Да, между прочим, откуда к вам поступают консервированная фасоль и крекеры?

— Здесь полно складов, — сказал Бэндон, зачерпывая ковшем воду из бочки и стаскивая с себя рубаху. — И в них много всякой всячины. Ребята могли бы раздобыть много чего вкусного, если бы захотели попытаться это сделать.

Попыркивая, он начал плескать воду на лицо и на грудь, затем вытерся рубашкой и снова надел ее.

— Все в порядке. Ну, а теперь давай ты,— сказал он. Честер с сомнением посмотрел на мутно-коричневую воду:

— А что будет, когда вы окончательно разграбите и опустошите все склады?

— У нас есть планы,— сказал многозначительно Бэндон.— Мы с голоду не умрем.— Он смахнул какой-то мусор с сиденья расхлябанного стула и уселся на него.— У меня тут припрятана пара бутылок настоящего Триценнского,— сказал он.— Как только ты умоешься, мы тут же их и разопьем. Нет смысла делиться с ребятами, все равно на всех не хватит.

— Вот молодец! — сказал Честер.— Я думаю, что я отложу купание на потом.

— Гм! Я думал, что вы, обитатели Долины — большие любители поплескаться. Черт возьми, я всегда ополаскиваюсь так, как ты только что наблюдал.

— У тебя просто инстинктивное стремление к личной гигиене,— тактично заметил Честер.— Качество, достойное восхищения. Скажи мне, чем объяснить такую непонятную тягу к опрощению? Что, у тебя было голодное детство?

— Хуже,— ответил Бэндон.— Они пытались заставить моего отца делать за них грязную работу. И ему это не понравилось. Он организовал Сопротивление. Посмотри! — Бэндон с гордым видом обвел все рукой.— Теперь это все мое — мое и ребят.

— Я вижу, вы здесь из того рода людей, которые, не задумываясь, топчут чужие газоны,— сказал с восхищением Честер.— Типично потребительская психология. Вы живете в этих старых домах просто потому, что они здесь оказались, едите очень питательные, натуральные консервированные бобы так, как велел Господь, тащите одежду прямо из заброшенных складов самой Матери Природы. К чертям собачьим ремонт. Когда поизносится этот город, всегда под рукой окажется множество других.

— Можешь не показывать свое остроумие,— перебил его Бэндон.— Мы имеем такое же право на красивую жизнь, как и все.

— Ну да, конечно, какой-то умник изобрел какую-то штуку, какой-то промышленник-капиталист построил фабрику для ее производства, а какой-то интеллигент-очкарик осуществил всю инженерную часть работы. Пора и вам выйти из вашей долгой спячки и получить причитающуюся вам долю! Ну а теперь, давай выпьем вина, о котором ты говорил. Если мне предстоит провести здесь остаток моей жизни, я должен сразу начать привыкать пить его теплым.

— Оно тебе понравится, как только привыкнешь,— сказал Бэндон. Он подошел к холодильнику без дверцы, поднял крышку

морозильной камеры, пошарил в ней рукой и вытащил две темно-коричневые бутылки.

Честер прошелся по комнате, заметив остатки старинных часов, стиральную машину с вывороченными внутренностями, заполненную дровами, моток бельевой веревки, проволоку в цветной обмотке, разбросанные там и сям ржавые гвозди, согнутые плечики для одежды, разорванные картонные коробки, разбросанную повсюду одежду.

— Что вы имеете против жизненных удобств, Бэндон?— спросил он, принимая бутылку.— Что было бы плохого в том, чтобы вычистить эту комнату так, чтобы в ней пахло так же хорошо, как и в окружающем город лесу? И является ли хранение в жилой комнате всякой рухляди особо выдающимся признаком свободы и независимости?

— А нам плевать, что кто-то сооружает для себя затейливые жилища. Мы предпочитаем простоту и непринужденность.

— Вы лишь повторяете длинный ряд философов, которые рассуждали, что секрет Вселенной состоит в том, чтобы сидеть в своем собственном дерьме,— начиная с раннего христианства и до битников двадцатого столетия. Я могу быть таким же самодовольным и уверенным в своей правоте, как кто-либо другой, когда я сижу в шикарном ресторане с кондиционером, одной рукой вода по меню, выбирая блюда самой изысканной кухни, а другой зажигая дорогую сигарету, в то время как остальное мое внимание сосредоточено на сидящей рядом со мной нарядно одетой молодой особе. Вопрос о том: почему бы не быть добродетельным в комфорте?

— Послушай, ты смотри, не пытайся сеять недовольство среди моих людей.

— Твоих людей? А я-то думал, что вы здесь все свободны, как мухи в привокзальном туалете.

— Да, мы свободны. Но любое свободное сообщество нуждается в небольшой организации. Не сей сомнений в души ребят — в противном случае я могу дать Гризу зеленый свет.

— У меня сложилось неприятное предчувствие, что Гриз не станет дожидаться твоей санкции. Кажется, он очень неравнодушен ко мне.

— Не беспокойся, я за ним присмотрю.— Бэндон прикончил свою бутылку.— Давай присоединимся к ребятам. Думаю, что сейчас там у них уже все идет полным ходом. Будь рядом со мной и кричи, если понадобится помощь.

Честер последовал за Бэндоном по широким, усеянными битым камнем ступеням парадного крыльца на улицу, пересек ее и оказался в залитом ярким светом здании бывшего ресторана, где без особого энтузиазма проходило пиршество. Яркий огонь в камине разогнал вечернюю прохладу. Вокруг камина, засунув руки в карманы

и бормоча, стояла братия. При появлении Бэндона и Честера от стойки бара отделилась массивная фигура Гриза.

— Ну что ж, новичок чувствует себя как дома,— громко сказал он.— Я слышал, что у вас, обитателей Долины, быстрая реакция. Интересно, сможешь ли ты...

Гриз сделал неожиданное движение. Честер выставил перед собой руку; о его ладонь ударились костяная рукоятка охотничьего ножа, и нож со стуком упал на пол.

— Эй, Гриз, тебя не просили бросать нож в нашего гостя!

— Не обращай внимания, Бэндон,— невозмутимо сказал Честер.— Он просто пошутил.

— Хорошо, что ты успел выставить руку,— сказал Бэндон.— Конечно, нож летел рукояткой вперед, но все равно было бы больно. Гриз, оставь его в покое.— Бэндон хлопнул Честера по спине.— Я тут должен немного повращаться, поболтать с ребятами. Пообщайся и ты.— И он отошел в сторону.

Позади Честера раздался звук шагов. Он сделал быстрый шаг в сторону и стал вполоборота. По тому месту, которое он только что занимал, вихрем пронесся Гриз. Стоявшие поблизости люди расступились и образовали круг. Честер оказался в центре, глядя на Гриза снизу вверх: рост последнего явно превышал два метра.

— Мы не очень-то уважаем шпионов,— прорычал Гриз.

— Понимаю, почему,— ответил Честер.— Если бы обитатели Долины прознали, какими сокровищами вы здесь владеете, они бы бросили все, что там, внизу, и немедленно перебрались бы сюда.

— Я знаю, как надо обращаться с Болотными Цаплями,— заявил Гриз, потирая свой правый кулак о ладонь левой руки.

— Правильно, правильно, Гриз,— прокричал кто-то.

— Покажи-ка ему, Гриз,— крикнул другой.

— Вообще-то Бэндон говорит, что с этой Болотной Цаплей следует обращаться как с одним из своих.

Гриз оглянулся. Стоявшие вокруг неохотно закивали головами.

— А что, если бы этот парень напал на меня? Я бы дал ему сдачи, правильно?

— Верно, верно!

— Тебя не проведешь, Гриз!

— Я видел, как он напал на тебя, Гриз!

Позади Честера раздался звук. Он как бы случайно сделал шаг в сторону. Через то место, на котором только что стоял Честер, пронесся человек, и, споткнувшись, врезался прямо в Гриза. С искаженным от злобы лицом, Гриз отбросил налетевшего на него человека, шагнул к Честеру и, воспользовавшись тем, что Честер смотрит в другую сторону, наклонившись к огню, нанес ему удар со всего размаха. Удар прошелся мимо, рука лишь вскользь коснулась шеи Честера. Казалось, что Честер ничего и не заметил.

— Красивое пламя, — весело проговорил он, потирая руки. Он отодвинулся на шаг от Гриза, все еще не глядя на него, и ловким и незаметным движением пододвинул стул.

Гриз зацепился за ножку стула и грохнулся на пол ничком. Честер сделал испуганное лицо и склонился над ним, помогая ему подняться на ноги.

— Извини, Гриз, извини, старина, — притворно начал отряхивать его Честер, когда тот поднялся на ноги, сжимая свои громадные кулачищи; Честер наклонился, и, разогнувшись, шагнул к Гризу, держа в руках его охотничий нож.

Гриз остоленбел, взгляд его остекленевших глаз замер на лезвии.

— Думаю, что он тебе еще понадобится, — сказал Честер, протягивая ему нож.

Гриз помедлил, затем со злобной гримасой отвернулся.

— Никогда не видел такого неловкого человека — и при этом такого удачливого, — слышался негромкий голос. Честер обернулся. Позади стоял Бэндон и пристально рассматривал его. — С другой стороны, никогда не видел, чтобы кто-либо действовал так ловко и быстро — если бы он делал это намеренно.

— Замечательные парни, — заметил Честер. — Я чувствую себя совсем как дома.

— Странный ты человек, — сказал Бэндон. — У меня такое ощущение, что опасаться неприятностей должен не ты, а Гриз.

— Надеюсь, что он никогда меня не одолеет, — ответил Честер. — Боюсь, что я два раза успею выскользнуть, прежде чем Гриз осознает, какая опасность его подстерегала. Пойду-ка я прогуляюсь.

Бэндон что-то пробормотал в ответ и отвернулся. Честер вышел на улицу, громадная тень плясала перед ним. Из-под укрытия в украшенном орнаментом фонтане вышел человек с луком в руке. Честер повернул направо; навстречу ему вышел второй, тоже с оружием наготове.

— Просто проверка, ребята, — сказал им Честер. Он повернул назад, но не успел пройти и двадцати метров в сторону стоящего темной стеной леса, как вновь перед ним бесшумно возникли часовые. Он остановился, сделал вид, что любит окрестностями — часовые все это время внимательно наблюдали за ним — и вернулся в зал.

— Иди ужинать, — крикнул ему Бэндон. — Гриз просто прибежался, — сообщил он Честеру, когда тот подошел к нему. — У нас здесь полно всего хорошего и вкусного. Попробуй-ка эти сардины. Честер осмотрел рыбное месиво.

— Боюсь, что это не самое любимое мое кушанье. Я дождусь дичи.

— Саями на крекерах?— предложил Бэндон.— Мы отрезали и выбросили испорченный кусок.

— А есть фрукты или ягоды?— поинтересовался Честер.— Или орехи?

— Это для белок и кроликов,— отрезал Бэндон.— Эй, после пива у нас будет веселая вечеринка. Тебе она понравится.

— Ну вот, наконец-то и истинные прелести свободной жизни. А что вы на ней делаете: поете воодушевляющие песни, танцуете хорнпайн, боксируете, или еще что-нибудь в этом роде?

— Черт возьми, нет. Мы смотрим телевизор. У нас есть классные исторические фильмы о старых добрых временах, когда мужчины были мужчинами.

— Понятно. Что-то вроде программы индоктринации.

— Послушай. Ты мог бы уже и перестать острить. Я же тебе говорю: вот она — настоящая жизнь. Через несколько лет ты начнешь понимать, что я имею в виду.

— Меня сейчас больше волнуют не годы, а несколько ближайших часов. Я просто терпеть не могу трайдивидения. Что, если я пойду и приберусь в твоей квартире, пока ты будешь здесь наслаждаться свободной жизнью?

— Делай, как хочешь. Сбежать ты не сможешь. А я позабочусь, чтобы Гриз остался на вечеринке и не смог помешать тебе немного расслабиться.

— Благодарю. Ну а я пока постараюсь так устроить все у тебя в квартире, чтобы оказать подобающий прием неожиданным посетителям, если они соберутся тебя навестить.

9

Прошло три часа после того, как замерли последние звуки пиршественного веселья. Честер не спал; сидя во дворце возле камина, он глядел на мерцающие в очаге угольки и прислушивался. В углу, на своем убогом ложе, похрапывал Бэндон. Где-то вдали вскрикнула ночная птица. Что-то скрипнуло возле самой двери.

Честер пересек комнату и, подойдя к Бэндону, тихо позвал его. Тот заворчал и открыл глаза.

— А, что такое?

Честер приблизил свое лицо к лицу Бэндона.

— Тихо! — прошептал он.— Гриз у двери.

Бэндона как будто подбросило. Честер остановил его, взяв за руку.

— Пусть войдет. Лучше захватить его здесь... одного.

— Да он не осмелится сунуть свой нос во дворец,— прошептал Бэндон.

— Оставайся на своем месте.

Честер бесшумно подошел к двери и остановился в темноте возле нее. Кто-то тихо возился со щеколдой. Дверь слегка приоткрылась, последовала пауза, затем дверь снова начала открываться.

Из своего укрытия за массивным косяком Честер увидел маленькие глазки Гриза и его кустистую бороду. Дверь открылась шире; Гриз вошел внутрь и бесшумно закрыл ее. Когда он повернулся в сторону постели, на которой лежал Бэндон, Честер вонзил два прямых пальца ему прямо в живот и затем, когда Гриз согнулся пополам, со всего размаха ударил его под ухо ребром ладони. Гриз тяжело рухнул на пол.

Бэндон был уже на ногах.

— Не поднимай тревогу, Бэндон,— прошептал Честер.— Кроме его приспешников тебя никто не услышит.

— Что ему здесь надо?— хрипло спросил Бэндон.— И откуда ты знаешь...

— Ш-ш-ш. Гриз охотился за нами обоими, Бэндон. Если бы он прирезал меня, ему пришлось бы также прикончить и тебя или позднее держать ответ перед Голубым Зубом.

— Ты бредишь. Мои люди мне верны — в том числе и Гриз.

— Гриз подслушивал сегодня вечером, когда мы с тобой разговаривали. Он боялся, что ты попадешь под мое влияние. И это послужило ему предлогом. И... вот он здесь.

— Ты пришел сюда, чтобы причинить нам зло,— прокричал Бэндон.— Как и говорил Гриз.

Честер показал ему на груды необработанных шкур позади грубо сколоченного стола:

— Спрячься там и слушай.

Бэндон сорвался с места, снял свой лук с колышка в стене, вложил стрелу со стальным наконечником.

— Я спрячусь,— сказал он.— А это будет нацелено прямо в тебя — так что не пытайся меня надуть.

— Ты давай поосторожней с этим. Мне бы очень не хотелось быть прошитым случайной стрелой.

Гриз начал подавать признаки жизни. Бэндон отступил в темноту.

Гриз привстал, потряс головой, с трудом поднялся на ноги. Шатаясь, он оглядел помещение и увидел Честера, который спал, свернувшись калачиком и слегка похрапывая, на груде половиков почти у самых его ног.

Гриз припал к земле, его пороссячьи глаза забегали по комнате. Он снял с пояса нож и ткнул носком обутой в мокасин ноги Честера в бок. Честер перевернулся на спину, открыл глаза и сел.

— Где Бэндон?— прорычал Гриз, придвигая длинное лезвие ножа к горлу Честера.

— О, привет, это ты! — сказал Честер. — Слушай, я надеюсь ты нормально себя чувствуешь после падения?

— Я спрашиваю: где Бэндон?

Честер огляделся.

— А что, разве он не здесь?

— Он вырубил меня и смылся. Ну, говори, Болотная Цапля, что вы, две птички, затеваете?

Честер сдавленно хихикнул.

— Он здесь командует; я всего лишь обитатель Долины, ты что, забыл?

— Ты все врешь. Ты думаешь, я такой болван, что не могу раскусить ваши уловки — вы вместе что-то замышляете. Куда он исчез?

— Если я тебе помогу, ты меня отпустишь?

— Конечно.

— Ты обещаешь? У меня будет пропуск в долину, если я тебе скажу, где находится Бэндон, чтобы ты смог его убить?

— Да, обещаю. Пропуск. А как же.

— А могу я быть уверен, что ты выполнишь свое обещание?

— Ты что, считаешь меня обманщиком?

Гриз придвинул нож ближе к Честеру.

— Осторожно. Я тебе еще не сказал.

— Вот тебе мое слово: ты получишь свободу. Где он?

— Ну, — Честер поднялся на колени. — Он на пути к Триценниуму. Он почувствовал, что ты плетешь против него интриги, поэтому он...

— Благодарю, олух! — Гриз сделал выпад в сторону Честера.

Честер опрокинулся на спину, дернув в падении за конец веревки: с потолочной балки сорвалось с крепления ведро с песком, и, настигнув Гриза на половине его прыжка, стукнуло его точно по голове. Он рухнул на пол лицом вниз. Честер поднялся на ноги и подобрал нож, который выронил Гриз. Гриз безуспешно пытался подняться на ноги, как пьяный, тряс головой.

— Похоже, что ты и в самом деле не держишь слово, Гриз, — сказал Честер, приблизившись к нему с ножом наготове.

Гриз с трудом отполз назад, вытянув вперед одну руку, чтобы отвести от себя удар.

— Не делай этого, не делай этого, — заорал он во все горло.

— Убавь-ка громкость. Если кто-либо ворвется сюда, ты умрешь первым. — Честер выпрямился и встал над Гризом. — Так как насчет данного тобой обещания? Ты собирался дать мне пропуск.

— Конечно, конечно. Я позабочусь, чтобы ты выбрался отсюда целым и невредимым. Ты только доверь это мне.

— Я бы мог убить тебя, Гриз. Но это не поможет мне выбраться отсюда. — На лице Честера появилось озабоченное выражение. —

Предположим, я тебя отпущу. Ты мне дашь тогда сопровождение до самой долины?

— Конечно, дам, не сомневайся, парень. Просто я очень взволновался, когда ты сказал, что Бэндон уже спускается к Долине. — Хорошо, я думаю, что дам тебе еще один шанс. — Честер заткнул нож себе за пояс. — Но помни, ты дал мне свое слово.

— Да, да, мое слово, парень.

— Мне тут необходимо приготовить пару вещей... — отвернулся от него Честер.

Быстрым движением Гриз поднялся на четвереньки, схватил оказавшийся под рукой заржавленный топорик, прыгнул на спину Честеру.

И грохнулся лицом вниз, крепко ударившись о плотно утрамбованный земляной пол, зацепившись носком ноги о проволоку, которую Честер протянул заранее через всю комнату на высоте циклодоток.

Честер обернулся и грустно посмотрел на распростертого Гриза.

— Ты опять за свое, Гриз. Боже мой, Боже мой! Боюсь, что у меня нет выбора кроме как перерезать тебе глотку, поскольку тебе нельзя доверять.

— Послушай, — скулил Гриз, соскребая грязь с лица. — Я неверно оценил тебя, понял? Я сделал ошибку.

— Это точно, — холодно заметил Честер. Он придвинулся к Гризу, вытянул руку и приставил острое лезвие ножа к горлу Гриза прямо под подбородком. — Одно резкое движение — и оно там. Интересно, Гриз, что бы ты чувствовал при этом? Говорят, что действительно острое лезвие холодит, когда прорезает ткани. Сильной боли, конечно, не было бы, но стало бы довольно трудно дышать, и, по мере того, как кровь вытекала бы из тела, ты бы все более слабел. Через несколько секунд ты не мог бы уже даже стоять. Ты бы просто лежал здесь и чувствовал бы, как жизнь затихает в тебе.

— Не убивай меня, — прохрипел Гриз. — Я сделаю все, что ты хочешь.

— Кто тебя сюда послал? — резко спросил Честер.

— Джой. Джой послал. Он все это придумал.

— Расскажи мне обо всем.

— Нас более тысячи. У нас стальные арбалеты, есть даже химические бомбы. — И Гриз изложил план нападения на ближайший Триценниум. — Нападение запланировано через три дня, начиная отсчет с сегодняшнего, — закончил Гриз. — У них нет никаких шансов против нас. Но ты... ты выпустишь меня сейчас, никаких неприязненных чувств, и я позабочусь, чтобы ты получил свою долю. Все, что захочешь — рабы, женщины...

— Похоже, что мое возвращение теперь не имеет смысла, — задумчиво сказал Честер. — Не хочу быть там, где польется кровь

рекой. — Он выпрямился, все еще держа нож наготове. — Пожалуй, лучшим выходом для меня будет пойти с вами. Ты знаешь, я умею здорово обращаться с ножом, Гриз. Если я присоединюсь к вам, убью, скольких мне положено, ты вознаградишь меня, как обещал?

— Несомненно. Теперь ты можешь мне доверять. Я извлек урок.

Гриз проводил взглядом нож, когда Честер отбросил его в сторону и протянул ему свою руку.

— Давай пожмем друг другу руки, Гриз.

Гриз поднялся на ноги, протянул Честеру свою руку и сильнейшим рывком крутанул его вокруг своей оси, потом стремительно нанес удар левой в затылок, но удар почему-то вышел не такой, каким должен был бы быть; его удара правой Честеру как-то тоже удалось избежать. Честер повалился на землю, Гриз бросился на него, прочно придавив его своей стокилограммовой тушей, два его больших пальца, как стальные резцы, стиснули кадык Честера.

— Ну, Болотная Цапля, — тяжело выдохнул Гриз, — так что ты там говорил насчет того, чтобы выпустить из меня кровь? Перерезал бы горло, не так ли? Острие холодит, да? Ну, а как ты думаешь, что ты будешь чувствовать, когда я посильнее нажму пальцами?

— Ты дал мне слово, — прохрипел Честер. — Я выполнил свою часть договора. — Он пошарил рукой, нащупал приготовленную им ранее завязанную петлей бельевую веревку и шелчком привел ее в готовность.

— Я не заключаю сделок со шпионами обитателей Долины. Я разрываю их на куски голыми руками.

— Я выпустил тебя, хотя я мог бы и убить тебя, — выдавил Честер. — А теперь ты отпусти меня и дай мне сопровождение до Долины.

Быстрым движением он набросил петлю на шею Гриза. В пылу своего увлечения Гриз даже не заметил этого.

— Ты думаешь, я глупый? Вот что я думаю с тобой сделать, Болотная Цапля, — сказал Гриз, ослабив хватку и берясь одной рукой за свободно болтающуюся у него на шее петлю. — Ты когда-нибудь чувствовал, как ломаются кости — медленно?

— Значит, ты не выполнишь своего обещания?

— А ты быстро схватываешь.

Честер посмотрел в упор на разгоряченное лицо Гриза, на его широкий рот, окруженный жесткой, как проволока, растительностью, на его маленькие глазки. И потянул за веревку. На лице Гриза появилось выражение удивления. Спина его выпрямилась, голова начала подниматься. Он судорожно попытался запустить в горло Честеру свои пальцы, но Честер вывернулся. Затем Гриз начал бахтаться, пытаясь нащупать почву под ногами, руки его судорожно хватали веревку, которая поднимала его вверх за шею.

Честер скользнул назад, продолжая натягивать веревку, перекинутую через балку и заканчивающуюся петлей на шее Гриза. Гриз с трудом нащупывал почву под ногами.

— Ты очень непонятливый ученик, Гриз.

Честер рванул веревку. Голова Гриза дернулась вверх. Честер еще немного подтянул веревку, затем обмотал ею толстый колышек, вбитый в массивную стойку. Гриз стоял на цыпочках, часто и прерывисто дыша; глаза его выкатились, голова склонилась набок от натяжения веревки, пальцы его безуспешно пытались добраться до петли, врезавшейся в мясистую шею. Честер стоял возле него, положив руки на бедра.

— Я полагаю, что лучше я тебя повешу,— сказал он.— Это будет гораздо чище, чем перерезать тебе глотку.

— Пожалуйста,— еле слышно прохрипел через стягивающую горло веревку Гриз,— дай мне еще один шанс.

— Ты усвоил урок?

— Да-да, перережь веревку.

— Но помни, что бесполезно пытаться меня надуть. А теперь дай мне сопровождение, как приятель приятелю...— Честер отпустил веревку. Гриз с трудом ослабил затянутую петлю и отбросил ее в сторону; он стоял, потирая горло и пристально глядя на Честера. Честер стоял в двух метрах от него, с пустыми руками, и безмятежно глядел на него.— Теперь ты свободен, Гриз. Как насчет твоего обещания?

Гриз тщательно ощупал голову и шею, пробежал пальцами по рукам, наклонился, потрогал лодыжки, ни на секунду не спуская глаз с Честера.

— Да, все теперь в порядке, Гриз. Больше к тебе ничто не приковано.

Гриз посмотрел вниз, ощупывая ногой место, на котором стоял, в поисках веревочных капканов. Он облизал губы.

— Не пытайся сделать какую-либо глупость, Гриз. Я тебя предупредил. Я полностью контролирую тебя, но никак не наоборот. Чем быстрее ты это...

Гриз сделал прыжок, наткнулся в воздухе зубами на прочно натянутую веревку и, отброшенный ею, перевернулся в воздухе через голову и грохнулся оземь.

— Вставай! — как удар хлыста прозвучал голос Честера.

Гриз поднялся на ноги и с бессильно повисшими вдоль бедер руками устоялся на Честера.

— У тебя типичные повадки быка,— сказал Честер.— Тот, кого ты считаешь сильнее себя, твой господин; тот же, кто, как тебе кажется, зависим от тебя, становится твоей жертвой. А вот с тем, к какой категории отнести меня, у тебя, похоже, возникли трудности: я казался жертвой, но каждый раз демонстрировал тебе, что

жертва именно ты, а не я. Сейчас, наконец-то, ты готов принять существующую реальность?

Гриз тупо молчал. Честер вытянул руку, ухватил его за нос и сильно крутанул. Гриз сглотнул. Честер ткнул его пальцами в живот, ударил кулаком в грудь и слегка пнул его по щиколотке.

— Ну, хочешь попробовать еще разок?

Гриз с трудом глотнул, рот его то открывался, то закрывался.

— Думаю, что теперь до тебя, по-видимому, дошло как следует. Можешь идти. Скажи всем, что штурм откладывается и что все без исключения должны убраться от дворца. И никому не болтай, что здесь происходило. Понял?

Гриз кивнул.

— Да, Гриз, и не пытайся еще раз меня обмануть.

Сзади послышался звук. Появился из своего укрытия Бэндон и остановился, нацелив стрелу прямо в грудь Гриза.

— И ты собираешься выпустить этого предателя отсюда, чтобы он предупредил их?

— Погоди, Бэндон. Он не причинит вреда.

— Если это зависит от меня, то точно не причинит.— Бэндон сделал неожиданное движение, и Честер закружился, выбросил вперед руку и...

И так же резко остановился, держа в руках стрелу, которую он поймал в воздухе.

— Ты... тебе удалось схватить стрелу Голубого Зуба в воздухе! — с недоверием уставился на Честера Бэндон.— Но это невозможно!

— Прими это как данность,— ответил Честер.— Все дело в тренированных рефлексах и в навыках самогипноза.

— Но ведь тогда, когда я привел тебя сюда — ты ведь мог бы...

— Конечно. Но мне захотелось посмотреть, что происходит здесь, наверху. Теперь мы оба знаем. А сейчас давай-ка выбираться отсюда — да побыстрее. Через несколько минут Гриз выйдет из состояния забытья, и тогда ты узнаешь, как верны тебе твои ребята.

— Но почему они хотят ополчиться против меня? Все, что я делал, делалось для их собственного блага.

— Возможно. Но есть у вашей небольшой компании одно объединяющее всех стремление: поменьше работать и при этом побольше получать за так. Все, что должен сделать любой желающий заручиться их поддержкой,— это пообещать им легкой наживы.

— Погоди. Я не знаю, что говорил им Гриз, но я могу...

— Пообещать им больше,— закончил за него предложение Честер.— Но сможешь ли ты им дать обещанное? Это — тупик, Бэндон. Идем со мной.

— Я все еще здесь хозяин,— сказал Бэндон.— Пойдем, и ты увидишь.— Он направился к двери.

— Сделай мне небольшое одолжение, — попросил его Честер, затыкая за пояс ржавый топорик. — Выберись потихоньку через черный ход и оцени ситуацию, перед тем как предпринимать какую-либо глупость, Я исчезаю. У меня есть еще кое-какие незаконченные дела. Надеюсь, ты не будешь пытаться мне помешать.

Бэндон замешкался.

— Я думаю, что я перед тобой в долгу, — сказал он. — Гриз наверняка пришел, чтобы убить меня. Но ты совершаешь ошибку. Свободная жизнь — это единственно правильный путь.

Честер смотал кольцами бельевую веревку и затянул ее петлей на своем поясе.

— Если бы ты был сообразительнее, ты бы отправился в ближайший Центр и снова привык бы и к хорошей одежде, и к чистой постели. Вся эта вшивая жизнь в лесу не для тебя. Предоставь все это Гризу и другим представителям дикой фауны.

— Я в достаточной безопасности. Идем со мной. Я проведу тебя через посты.

— Извини, Бэндон, я не думаю, что ты можешь гарантировать успех в этом деле. Я выбираюсь задворками.

— Здесь нет никаких задворков, есть только отвесная скала. И потом ты не сможешь пробраться через посты. Там слишком много часовых. Ты ведь не можешь поймать сразу пять стрел, — да и потом, у некоторых из ребят есть огнестрельное оружие.

— Я знаю. Так что у меня остается единственный выход.

— Вверх по откосу? Но ты не сможешь взобраться — стена совершенно отвесная.

— У меня нет выбора. Жаль, что ты не идешь со мной. Но если ты вдруг передумаешь, в стене, сразу за третьим домом от угла, есть расщелина. Вот по ней-то я и начну подъем.

— Значит, ты уже все рассчитал, да? Вы, обитатели Долины, для меня сушая загадка. Ладно, делай как знаешь.

— Благодарю. И не высовывай голову, пока не убедишься, в какую сторону дует ветер.

10

В темноте заднего дворика жилища Бэндона Честер помедлил, прислушиваясь. Мягкий ветер шелестел в высоких соснах. Квакали лягушки. Пронзительно кричала какая-то птица. Честер двинулся через заросший травой сад, продрался через живую изгородь, перелез через поваленный забор и начал взбираться по каменистому склону. Местность плохо просматривалась при тусклом свете звезд. Сзади, на улице слышались человеческие голоса; в одном из них, что-то сердито отвечающем, Честер признал голос Бэндона. Честер

наконец дополз до основания расщелины, нащупал выступы и стал, цепляясь за них руками, взбираться вверх. Крики внизу усиливались, и сейчас Честер уже мог различить трубный бас Гриза. Подтянувшись, Честер перебросил свое тело на уступ и обернулся, прислушиваясь. Сердитый диалог не стихал, а потом Честер услышал приближающийся топот ног.

— Давай сюда,— сказал он тихо, взяв в руку камень размером с кулак и взвесив его тяжесть, прицениваясь.

Послышалось тяжелое дыхание и шум гравия под ногами.

— Бэндон?— неслышно спросил Честер.

— Я, я,— послышался сдавленный ответ,— а все эти — паршивые несчастные неблагодарные вонючки!

— Уф,— облегченно вздохнул Честер,— давай скорее.

Он отшвырнул камень и вытащил моток бельевой веревки. Топот ног преследователей приближался, стал виден фонарь на задворках дома Бэндона.

Гриз выкрикивал команды:

— Поторапливайтесь ребята, этот предатель не мог уйти далеко!

Честер услышал звук скользящего по гравию тела и шлепок. И тут же раздались приглушенные проклятья Бэндона:

— Как, дьявол тебя побери, ты сумел туда забраться?

— Эй, я что-то слышу там, наверху,— прокричал кто-то из преследователей.

Замигал второй фонарь. Честер быстро сделал петлю на веревке и спустил ее вниз.

— Хватайся,— прошипел он,— и замолкни.

Бэндон, продолжая что-то бормотать, возился с веревкой.

— Ну, давай же быстрее,— поторапливал его Честер.

— Тяни,— прошептал Бэндон.

Честер расставил ноги для устойчивости и стал тащить на себя веревку. Бэндон заработал ногами, вниз посыпались мелкие камни.

— Вот он! — вскрикнули преследователи в один голос. Топот приближался. Вдруг послышался вопль и один из фонарей погас.

— Ага, кто-то попался в мою ловушку,— прокомментировал сквозь зубы Бэндон.

Честер из последних сил дотащил его до кромки уступа, за которую можно было схватиться. Секунду спустя оба стояли рядом.

— Я полезу вверх,— сказал Честер,— а ты не издавай ни звука. Как только я доберусь до следующего уступа, я спущу тебе веревку.

— Не теряй времени,— ответил Бэндон,— Гриз, скорее всего, не сумеет сюда забраться, но он великолепный стрелок из лука. Жаль, что у меня не было времени захватить свой Голубой Зуб.

— Если ты будешь болтать, нас наверняка заметят. Замри.

Честер поднял руку, нащупал трещину и стал медленно подтя-

гиваться. Подниматься стало легче: трещины были достаточно глубокие, а скала не совсем отвесной, склон представлял наклон как минимум в три градуса. Что касается высоты, то она не пугала: каких-то двадцать метров или около того. Несколько месяцев назад, неожиданно подумал Честер, улыбнувшись, это была бы совсем другая история. В те времена он бы просто прижался к скале, вопя о помощи.

Внезапно, как молнией, его прошила мысль о двусмысленности его положения. Что он, Честер В. Честер IV, делает здесь, карабкаясь в темноте по вертикальной скале, пытаясь оторваться от компании остервенелых бандитов.

Вдруг он почувствовал, как камень, за который держались его пальцы, хрустнул. Честер заledenел, судорожно ища опору ногами. Казалось, легкий бриз превратился в штормовой ветер, могущий оторвать его, как песчинку, от скалы. Лопатки инстинктивно сдвинулись вместе в ожидании стрелы, выпущенной из лука Гриза.

— Эй,— услышал он снизу голос обеспокоенного Бэндона,— ты про меня не забыл?

Честер глубоко вздохнул и медленно выдохнул, чувствуя, как расслабляются напряженные мышцы. Он был рад, что поблизости нет Куве, который бы увидел, как легко забылись его уроки в момент паники.

Он поднялся еще метра на три, нашел уступ, достаточный, чтобы на него поставить ноги, и спустил веревку. Внизу, у подножия скалы, маячило уже три фонаря.

— Здесь следы,— прокричал кто-то вниз.

— Эй, посмотрите вверх,— раздался другой голос.

— Вы видите, там кто-то движется!

— Это он!

— У кого лук под рукой?

— Бэндон,— тихо окликнул Честер,— набери побольше камней, затем привяжи веревку к поясу. Пока я буду тебя поднимать, бросай в них камни. Может, это помешает им прицеливаться или, по крайней мере, заставит понервничать.

— Хорошо.

Честер услышал, как Бэндон собирает камни, а затем — рычание сквозь зубы и бросок. Внизу завывали.

— Попал в вонючку! — громко прошептал Бэндон.

Минуту спустя вырвался еще один крик.

— Что происходит? — спросили вниз.

— Скала рушится!..

— Ох, моя голова...

— Бэндон, поторапливайся! Привязывай веревку.

Честер почувствовал, как задержалась веревка.

— Все нормально,— сказал Бэндон.

Честер попробовал веревку. На сей раз операция по подъему происходила потяжелее, поскольку руки у Бэндона были заняты камнями, и он не мог, цепляясь за выступы, помогать Честеру себя тянуть. Вережка врезалась в руки Честера.

Просвистела стрела и высекла сноп искр из камня метрах в трех в стороне. Честер прорычал и удвоил усилия. Стрелы продолжали стучать по камням; одна из них взвизгнула не далее, чем в метре. Бэндон швырял и швырял камни. Один из двух фонарей погас, а его владелец заорал.

— Не бросай по фонарям,— выдохнул Честер,— они их самих спят.

— О, прошу прощения,— ответил с энтузиазмом Бэндон,— эти гады внизу кишмя кишат. Трудно не попасть.

Он вскарабкался и встал рядом с Честером:

— Уф-ф! А веревка-то режет! А нам еще ползти да ползти.

Стрела отрикошетила от скалы в метре от головы Честера.

— Давай скорее отсюда выбираться, иначе они нас зажмут в тиски. Если тебя ранят, постарайся не стонать.

— Я сейчас их отвлеку,— сказал Бэндон. Он наклонился, с натугой поднял камень размером с голову и обрушил его вниз в темноту. Мгновение спустя раздались почти одновременно три нечеловеческих вопля.

— Ага! — оживленно вскричал Бэндон. — Попал!

Еще три болезненных подъема, и полчаса спустя Честер и Бэндон лежали, вытянувшись на широком уступе. Войнственные крики внизу стихли, и раздавались лишь время от времени приглушенные проклятья и стоны. Поток стрел прекратился.

— Похоже, что мы оторвались вчистую,— сказал Бэндон,— эти вонючки легко сдались.

— Отдохнем несколько минут,— сказал Честер,— затем взберемся на вершину и спустимся с обратной стороны по направлению к Центру...

— О-о,— простонал Бэндон.

— Что случилось?

— Клянусь, я что-то забыл, важное.

— Ну, я не думаю, что в этих обстоятельствах нам нужно возвращаться за тем, что ты забыл.

— Да нет, я забыл сказать тебе... Эта скала, на которую мы залезли... Не удивительно, что ребята не торопятся нас преследовать...

— А что такое?

— С нее нельзя спуститься. Если бы ты посмотрел на нее днем, ты бы понял, о чем я говорю. Она вдавлена вовнутрь, и единственная плоскость, на которой можно удержаться, это та, где мы находимся.

Восходящее солнце пекло коротко подстриженную голову Честера, когда он, исследовав площадку, подошел к валу, к которому и прислонился сидящий Бэндон.

— Ну, что я тебе говорил,— сказал он,— мы завязли.

— Почему ты ничего не сказал мне о топографических особенностях местности прошлой ночью, когда я объявил о решении идти в этом направлении?— спросил Честер.

— Думаю это не имеет никакого значения, поскольку я не мог и представить, что ты каким-нибудь образом сможешь забраться сюда. Я думал, что ты вернешься через несколько минут, прося у меня прощения за такое рискованное поведение. Очевидно, я был круглым дураком.

— Последнее трудно оспаривать.

Честер еще раз посмотрел за кромку плато. Метров пятнадцать скала шла вертикально, а затем прогибалась вовнутрь. Основание виднелось метрах в ста внизу, плавно сливаясь с зеленым ковром верхушек деревьев.

— Гриз расставит своих людей везде кругом так, чтобы простреливалась вся местность,— сказал Бэндон.— Даже если нам удастся спуститься вниз, они облепят нас, как мухи бочонок с пивом, еще до того, как мы успеем заправить рубашки в штаны.

Честер перевел взгляд с него на скалу, на ее изгиб, который уходил вниз, вниз...

— Бедная Енз,— сказал он,— и Кейс.

— Я не знаю, о ком ты печалишься,— вклинился Бэндон,— но ты можешь добавить и собственное имя к списку. Если только мы не подохнем с голода здесь, то это будет только потому, что либо мы сломаем себе шеи, спускаясь, либо рухнем, начиненные стрелами. Единственное, чего мы можем избежать, так это солнечного удара. Давай-ка спрячемся под деревьями.

Они пошли по каменистой поверхности по направлению к поросшему зеленой холму в самом центре скального плато размером в четверть гектара.

— Нам бы поискать что-нибудь съедобное вокруг,— заметил Честер.

— И воды,— добавил Бэндон,— меня уже начинает мучить жажда.

— А не стоит ли нам затеять какое-нибудь занятие. Почему бы, например, тебе не сесть и не сделать новый лук? Я же займусь укрытием — на случай дождя, и мы должны изобрести что-то вроде водосборника, если не найдем источник, а?

— На кой черт? Чтобы продлить наши мучения? Не лучше ли совершить затяжной прыжок без парашюта? Может, удастся приземлиться на головы парочки гризовых вонючек?

— Ничего подобного,— оборвал его Честер.— Здесь можно

неплохо устроиться, несмотря на отсутствие консервированных бобов и трайдивизора. Вот она — прекрасная возможность жить свободно, к чему ты всегда стремился.

— Это так, но...— пробормотал Бэндон.

— Ты пойдешь туда,— показал Честер на видневшиеся сизовато-голубые верхушки елей.— А я пойду проверю в той стороне. Через час мы встречаемся на этом же месте.

Честер отложил в сторону заржавленный топорик, с помощью которого он пытался вытесать колышек.

— Ну что, что-нибудь нашел?— крикнул он появившемуся из кустов Бэндону.

— Думаю, что да,— ответил без особого энтузиазма Бэндон,— там неподалеку небольшая ясеневая роща. А из ясеня я смог бы сконструировать нечто вроде лука. Кроме того, я нашел остатки палатки.

Честера подбросило, как на пружине:

— Ты хочешь сказать, что это плато обитаемо?

Бэндон отрицательно покачал головой.

— Уже нет. Идем-ка со мной. Мне нужно, чтобы ты мне помог достать брезент. Он сгодится для водосборника, и я полагаю, что его вполне хватит для того, чтобы покрыть шалаш, который ты соорудил.

Он кивнул в сторону связанного Честером с помощью бельевой веревки каркаса из палок.

Честер последовал за Бэндонем, продираясь через заросли молодняка. Чем глубже они забирались, тем толще были деревья и тем легче было идти. Перед ними Честер увидел запутавшийся в ветвях высохшей сосны кусок серо-белого полотна, от которого почти до земли свисали какие-то веревки.

— Ну вот и пришли,— сказал Бэндон,— не знаю, как эта штука оказалась на дереве, но думаю, что ее хватит и на хижину, и на все, что нам нужно. И веревки сгодятся, правда, пока не знаю для чего,— добавил он.

— Это парашют,— воскликнул с удивлением Честер.— У меня сложилось впечатление, что, кроме как на аэролетах, здесь ни на чем другом не летают. А на аэролетах не нужны парашюты. Если отказывает двигатель, они сами мягко опускаются на землю.

— Ну, а что же это тогда?— спросил Бэндон.

Честер стал объяснять Бэндону принцип действия обычного летательного аппарата.

— Никогда не слышал о чем-либо подобном,— сказал Бэндон, с изумлением покачивая головой.— Но помнится, когда я был маленьким и жил еще в Триценниуме, я видел, как какие-то ребята

устраивали представление с большим мешком, наполненным газом. Они поднимались на нем прямо в небо. Ничего сногсшибательнее и представить себе нельзя было.

— Интересно, что случилось с пилотом, который прилетел на этом аппарате?

— А, пилот,— сказал Бэндон,— он вон там.

Он пошел впереди по ковру из опавших листьев и остановился перед зарослями кустарника.

— Вот он.

Честер раздвинул кусты и взгляделся в гущу переплетенных сухими стеблями травы ветвей. На земле валялись три глиняных грубой работы горшка и плетеная корзина с содержимым, явно напоминающим остатки фруктов. Рядом с ними лежал человеческий скелет.

— Бог мой,— пробормотал Честер.— Бедняга.

— Не могу понять, что стало причиной его смерти? Должно быть, от старости умер,— сказал Бэндон.— Ни стрелы тебе в нем, ни переломанной кости. И еды достаточно, и воды...

— Он, скорее всего, вывалился из корзины своего аппарата и оказался в этой глуши,— сказал Честер.— Но почему все-таки он не мог сообщить об аварии?

— Это, должно быть, случилось давно, еще до того, как был построен наш город. А другого Триценниума в радиусе двадцати миль просто нет.

— А Центр? Он же находится лишь в пяти милях отсюда.

— Центр был выстроен только год или два назад. Бедняга наглухо застрял. Совсем как мы с тобой. Нам ничего не остается, как последовать его примеру...

— Но почему он не использовал парашют? Он мог бы его как-нибудь расправить и прыгнуть вниз?

Бэндон посмотрел на колышущуюся в ветвях желто-белую ткань.

— Прыгать со скалы, чтобы эта тряпка волочилась вроде шлейфа сзади? Не знаю, я бы не стал.

Честер затянул свой ремень:

— Может быть, и придется. Давай-ка освободим парашют из ветвей.

Честер и Бэндон стояли рядом, печально глядя не раскинувшийся на траве нейлоновый парашют, подпорченный водой и ветром. Два длинных темных разрыва пересекали ткань от одного края до другого.

— Теперь понятно, почему он не стал прыгать,— задумчиво сказал Честер.— Ну что ж, что есть, то есть. Но в целом материал не настолько уж плох. Мы можем разрезать его на части, чтобы легче было его дотащить и использовать для покрытия хижины.

— Да уж, сшить его вряд ли удастся,— отозвался Бэндон.

— Даже если бы нам удалось распустить кромки разрывов и снова их сплести, они разорвались бы в воздухе. А тем более с двойной нагрузкой... Да мы просто расшибемся в лепешку.

Бэндон замолчал.

— Давай приниматься за дело. Я беру на себя горшки и корзину. Должно быть, рядом есть источник. Вот почему он и расположился здесь.

Час спустя, разрезав с помощью охотничьего ножа Бэндона парашют, Честер свернул куски ткани и стропы и присел в ожидании своего товарища. Вскоре он услышал, как тот продирается через кусты. Бэндон явился раскрасневшийся и исцарапанный.

— Нашел,— сказал он,— маленький родничок, затерянный в колючем кустарнике. Полжизни пройдет, пока до него доберешься.

— Ничего, я расчищу проход топориком,— сказал Честер.— Идем.

— А почему бы не остановиться прямо здесь?

— Мне больше нравится открытая площадка возле самой кромки леса. Да и потом с этим местом связаны неприятные ассоциации.

— Ты имеешь в виду его? — кивнул головой Бэндон в сторону мертвеца.— Чем он нам может помешать?

— Надо устроиться так, чтобы обзор был пошире. Идем же. Нам еще чертовски много предстоит сделать, чтобы по-настоящему обосноваться.

— Нет, это не жратва,— сказал Бэндон, выплевывая косточки ежевики,— всего каких-нибудь три дня, а штаны болтаются, как на вешалке. Если бы не веревка, они бы совсем свалились.

— Лук-то ты до сих пор не сделал! Вот крольчатина и не значится в нашем меню,— с легкой издевки сказал Честер.— Что же касается меня, то я совсем не против вегетарианской пищи.

— Лук готов,— отрезал Бэндон,— но я не могу натянуть тетиву, пока у меня не будет кроличьих сухожилий. И у меня нет кроличьих сухожилий, пока я не...

— А почему бы тебе не использовать стропы?

— Это дерьмо? Оно тянется, как резина. С такой тетивой стрела не пролетит и дюжины метров. Кроме того, мне нужны наконечники для стрел, оперение и клей. Конечно, я смог бы сварить прекрасный клей из парочки подстреленных зверюшек.

— Выруби несколько наконечников из камня,— предложил Честер.— Что же до оперенья, то птичьих гнезд вокруг предостаточно.

— Самих стрел-то у меня достаточно. Из твердого упругого дерева. И легкого к тому же.

Честер потрогал одну из стрел.

— Слушай, Бэндон, ты настоящий мастер. Жаль только, что ты покинул то общество, которое тебя могло бы по-настоящему оценить. Там бы тебе как специалисту по лукам цены бы не было.

— Да, но прежде чем стать специалистом по лукам, мне нужно было сбросить оковы.

— И всё же, если ты вернешься...

— Ха-ха,— Бэндон иронически окинул взором исчезающие за горизонтом горные хребты,— разве что только превратившись в птичек, мы сможем это сделать.

Честер, согнув в дугу одну из стрел, вдруг напрягся.

— Бэндон, из чего ты ее сделал? Здесь много такого дерева?

Бэндон с удивлением посмотрел на Честера и сделал широкий жест рукой: — Да его везде полно, а что?..

— Ты говорил, что можешь сварить клей?

— Клей? Конечно, могу. Все, что мне для этого нужно,— это пара тушек...

Честер вскочил.

— Бэндон, давай-ка срочно доделывай свой лук. Мне наплевать, из чего ты сделаешь тетиву. Хоть из резинки от трусов. Ты только притащи своих кроликов и приготовь из них свое клейкое вариво.— Честер подобрал топорик, лезвие которого от постоянного употребления так и сияло на солнце.

— А я пока пойду срублю вон то высокое дерево.

— Постой-ка. Что ты задумал? У нас навалом дров для костра. А что касается кроликов, то я, гоняясь за ними, уже потерял половину своего веса.

— Для осуществления моего плана, чем легче ты будешь, тем лучше. И кроме того, дерево мне нужно не для дров. Мне нужна древесина, из которой можно сделать летательный аппарат.

— Честер, что все-таки ты задумал?

— Мы покинем это место, Бэндон. Конечно, для этого потребуется несколько дней, но уж потом мы отправимся с комфортом.

— С комфортом?

— Если быть точнее — в построенном нами самими планере.

— Своим устройством и очертаниями он будет напоминать старинный тренировочный планер,— сказал Честер.— Он будет акkuratный и простой.

— Простой? Да мы уже извели на сооружение этой штуковины столько всякого барахла, что с лихвой хватило бы на целый магазин. Пять сортов дерева, ткань, проволока, веревка, клей...

— И все же имеющихся запасов явно маловато, можешь мне поверить. Но я думаю, что мы сможем его сделать.

— Совсем необязательно было лишать меня ножа для того, чтобы изготовить эту штуку, — сказал Бэндон, наблюдая, как из-под рубанка, сделанного Честером из куска дерева и лезвия ножа Бэндона, вылетали длинные вьющиеся стружки.

— Эта штуковина похлеще любого разделочного ножа, — сказал в ответ Честер. — А как у нас дела с фабрикой клея?

— Да у меня хватит клея на оперение миллиона стрел. Могу я перестать вываривать кроликов на клей и сварить пару просто для еды?

— Конечно. Но смотри, не перестарайся. Я ведь не шутил, когда сказал тебе, что чем легче мы будем, тем лучше. А затем я хотел бы, чтобы ты распутал бельевую веревку. Под пластиковым покрытием будет десять стренг стальной проволоки, а веревку мы используем для скрепления расчалок фюзеляжа. И мне также надо, чтобы ты распустил нейлоновые нити парашюта. Наматывай их на какую-нибудь палку по мере работы.

Бэндон уселся за дело:

— Я все никак не пойму, Честер, как ты хочешь укрепить крылья? Чтобы нас выдержать, у них должен быть размах три или даже три с половиной метра.

— Девять, — сказал Честер. — И полуметровый хвост. Не особенно надежная, разумеется, конструкция, но, боюсь, это все, что мы можем сделать из имеющегося материала. Если исходить из того, что весим мы по 70 кг или даже меньше, если не будем особенно нажимать на еду в течение ближайшей недели, плюс сама конструкция, которая весит около центнера, то получается, что на каждый квадратный метр приходится по 15 кг груза. Крылья у нас не должны отвалиться, если только я рассчитал все правильно.

— Ну, надеюсь, что ты знаешь, что делаешь...

— Конечно. В молодости я был фанатиком авиамоделизма. Там все было — парение, управление полетом, радиосвязь, ручная посадка.

— Тебе часто приходилось летать на планере с горы?

— Ты имеешь в виду настоящий планер?

— Ну, да.

— Фактически нет.

— Нет? Но ты же построил их массу, так?

— Да, но не таких больших, чтобы выдержать человека. Как-то, правда, я собрал трехметровую летающую копию многомоторного лайнера.

— Так ты хочешь сказать, что мы собираемся прыгнуть с горы в аппарате, который ты никогда раньше не испытывал? И может статься, что ты не сможешь ничего сделать, если с ним случится что-нибудь не то?

— Ты что, можешь предложить другой выход? Сидеть здесь,

в орлином гнезде, и ждать, когда мы станем глубокими стариками, чтобы не быть в состоянии даже собирать ягоды?

Бэндон повесил лук на плечо:

— Пойду добуду пару кроликов для еды,— объявил он.— Будем есть и пить и наслаждаться жизнью, пока мы в состоянии это делать.

— А вот это правильно,— сказал Честер.— Кто знает, что будет завтра.

— Напоминает гроб для длинного тощего трупа,— сказал Бэндон, разглядывая шестиметровую конструкцию из еловых реек, покоящуюся на козлах, сделанных из очищенных бревен.

— Для двух длинных тощих парней,— уточнил Честер.— Ты вытянешься вот здесь,— сказал он, показывая на отсек с полом из жгутов, свитых из ивовой коры.— Я же расположусь справа от тебя. Мне нужно место, чтобы балансировать вперед и назад, с тем, чтобы планер сохранял равновесие. А сейчас я хочу, чтобы ты прошел по всем креплениям и обмотал их нейлоновой нитью, смоченной клеем. Эх, дорого бы я дал за несколько квадратных метров тонкой березовой фанеры и за килограмм или два стальных шпилек!

— Ну, коль скоро ты мечтаешь, то попробуй представить скрытую лесенку, ведущую отсюда в ресторан с кондиционером, о котором ты мне рассказывал. Можешь развлекаться там с блондинкой, а я, пожалуй, займусь бифштексом с жареной картошкой.

Честер подскочил, когда что-то просвистело сзади него и воткнулось в землю. Он резко обернулся. Длинная стрела со стальным наконечником, покачиваясь, торчала из земли.

— Они обстреливают нас,— заорал Бэндон.— Где же они? — спросил он, беспомощно оглядываясь вокруг.

Честер понял все с первого взгляда:

— Эта стрела упала прямо сверху и с не очень большой высоты.— Он вытащил ее из земли.— Она неглубоко вошла в землю.

Пока Честер разглядывал кромку скалы, в воздухе появилась вторая стрела и, теряя скорость и высоту, упала в пяти метрах от них.

— Ха-ха! Они обстреливают нас снизу из чего-то, напоминающего арбалет.

Секунду спустя круглый камень размером с грейпфрут появился в поле зрения, на какое-то мгновение замер в воздухе и упал куда-то вниз.

— А у них еще и катапульта. Хорошо бы этот камешек проломил чью-либо голову.

— Да, последние дни были что-то подозрительно тихими,— ска-

зал Бэндон.— А эта компания, оказывается, готовилась открыть шквальный огонь по нам.

Честер увидел второй камень, который шлепнулся в пятидесяти метрах от них. Посыпались еще стрелы; одни, не попадая на площадку, падали вниз, другие втыкались в землю на расстоянии от трех до тридцати метров.

— Откуда они знают, куда целиться? — спросил Честер.— Попадания достаточно точные.

— В городишке имеется пара биноклей,— сказал Бэндон.— Клянусь, несколько вышек выставлены на соседних высотах и следят за каждым нашим движением,— сказал он, погрозив кулаком в направлении предполагаемых шпионов.— Посмотрим, сможете ли вы нас вычислить, черт бы вас подрал! — прокричал он вызывающе и обернулся к Честеру.— Может быть, нам лучше перебраться поближе к опушке?

— Я не думаю, что мы подвергаемся действительной опасности, хотя случайность, конечно, не исключена,— ответил Честер, глядя, как крупный камень приземлился в десяти метрах от них.— Столько же камней, сколько падает спереди, падает и сзади. Давай-ка не будем обращать на это внимания, а будем надеяться на лучшее. Удивляюсь только, почему они так настойчивы. Они должны быть довольны, что мы тихо умрем здесь от голода.

Все не так просто,— сказал Бэндон.— Гриз не может позволить, чтобы я ускользнул или... умер.

— Почему же?

— Ну, я думаю... он не знает, где спрятаны сокровища. А это не тот тип, который может позабыть такие вещи.

— Сокровища? Я ничего об этом прежде не слышал. Что же это за сокровища? Связки салям? Банки с крекерами? Или запасные трубки для трайдивизоров?

— Не-а. Ружья и порох преимущественно.

— Гм-м-м... Я был бы склонен предложить, чтобы ты сбросил вниз записку с указанием, где это все находится. Но при данных обстоятельствах это было бы просто глупо.

Стрела упала в полутора метрах от крыла планера.

— О-го-го! Теперь, когда мы начали обтягивать крылья тканью, мы просто не можем допустить, чтобы в них появились дырки. Может быть, ты откроешь ответный огонь, пока я занимаюсь склеиванием? Когда мне потребуется твоя помощь, чтобы обтянуть следующее крыло, я тебя позову.

— Да, что-то это не очень надежная вещьца,— сказал Бэндон, разглядывая почти законченную конструкцию.— Долго нам еще с ней возиться, пока она полетит?

— Недолго. Осталось еще установить и обтянуть хвостовое оперение и закрепить рулевые тяги. Я бы сказал, что к заходу

солнца мы будем почти готовы, но, конечно, потребуется ночь, чтобы клей схватился.

— Этот хвост не очень-то большой.— Бэндон рукой показал на стабилизатор и руль направления, которые стояли прислоненные к дереву.— А без них нельзя обойтись?

— Бессмысленно даже и говорить,— сказал Честер.— Нет хвостового оперения — нет полета. Мы просто камнем хлопнемся на землю, хвостовой частью вниз.

Бэндон вскочил, так как камень упал прямо у его ног:

— Может, все-таки нам спрятаться в кустах, пока Гризу не повезло? — предложил он нервно.

— И позволить им беспрепятственно раздолбить планер? Нет уж, дудки!..

Камень размером с кулак с треском проломил плетеное днище кабины пилота. Честер в смнении смотрел на повреждение:

— И все-таки нам сопутствует удача,— сказал он,— хорошо, что киль уцелел. Бэндон, немедленно начинай контробстрел. Мы просто не можем им позволить остановить нас сейчас.

11

Вершины дальних холмов на востоке начали окрашиваться ярко-красным светом занимающейся зари. Приподнимая руками наспех сделанную из ткани накидку и слегка подрагивая от утренней прохлады, Честер осматривал обтянутое нейлоновой тканью крыло, на котором поблескивали капельки росы.

— Похоже, что ночь аппарат пережил благополучно.

— Эй, глянь-ка сюда! — воскликнул Бэндон. Он поднял с земли обернутый бумагой камень.— Похоже, что это записка.— Он развернул бумагу, взглянул на нее и передал Честеру.

— «Спускайтесь в нис, пока вам не вышебли мазги Бэндон нам нужен а не ты лозутчик Гриз, Бос».

— Что ж, весьма привлекательное предложение,— заметил Бэндон.

— Если ты ему доверяешь,— сказал Честер.

Бэндон презрительно фыркнул.

— Я слышал, как он тебе давал обещания несколько дней назад. Полагаю, что я все же предпочту рискнуть полететь на этой машине. Но, послушай, Честер, как ты рассчитываешь перебраться на ней через край скалы? Если мы оба будем сидеть в ней...

— Это просто. Мы сделаем рельсы из стволов ошкуренной ивы; мы используем стволы, с которых мы сняли кору для изготовления жгутов. Планер нужно будет закрепить в положении на изготовку с помощью куска нейлоновой веревки. Когда мы будем готовы к от-

лету, я перережу веревку. Рельсы будут идти по склону под уклон, так как пятнадцатиметрового разбега должно быть вполне достаточно, чтобы оторваться от скалы. Конечно, мне придется резко пустить машину носом вниз, как только мы оторвемся от края скалы, чтобы она набрала необходимую для полета скорость.

— Может, если мы привяжем к веревке груз и перебросим его через край, это придаст машине дополнительный разгон во время разбега. Нам только нужно сделать так, чтобы груз оторвался, как только мы достигнем края обрыва.

— Хорошая идея. Давай-ка поищи подходящий валун, какой только сможешь поднять. Мы постараемся улететь до того, как начнется утренний обстрел. Я буду готов втащить аппарат вверх по склону и установить рельсы через десять минут.

Бэндон кивнул и отошел от Честера. Честер забрался в кабину пилота, вытянулся во весь рост лицом вниз и поставил носки ног на планку рулевого управления. Глядя через плечо, он наблюдал, как покачивается руль направления в ответ на движения его ног. Он покачал ручку управления взад-вперед; рули высоты, как положено, задвигались вверх и вниз. Он пошевелил ручкой закрылок левого крыла, качнулся вверх и вниз.

— Предполетная проверка закончена, — пробормотал про себя Честер. Он выбрался из планера, двигаясь очень осторожно и слыша, как потрескивает под его весом фюзеляж. На вершине склона Бэндон поддел шестом громадный валун. Тот приподнялся, покачнулся и медленно пополз вниз по склону.

— Бэндон! — заорал Честер, бросаясь в его сторону. — Останови его!

Бэндон стоял, как вкопанный, глядя, как массивный валун, набирая скорость, двигается прямо в сторону примостившегося на склоне скалы планера. Честер резко остановился и бросился назад к машине. Он поднырнул под крыло, схватил руками хвостовую стойку и потянул. Оставляя в земле борозду, планер прополз немного и затем застрял — как раз в тот момент, когда валун, ударившись о скалу и высоко подпрыгнув, перелетел через него и, долетев до края скалы, исчез из вида. Честер тяжело опустился на землю возле хрупкого аппарата.

— Эй, Честер, я очень сожалею.

Внизу раздался звук мощного удара, за которым последовали приглушенные вопли. Честер подошел к краю обрыва и посмотрел вниз. Далеко внизу среди буйной зелени деревьев зиял чернотой громадный прогал. Сквозь него Честер увидел людей, мечущихся вокруг разнесенных в щепки останков какого-то сооружения из бревен. Бэндон встал рядом с ним и молча смотрел вниз.

— Черт подери этих вонючек, Честер. Ты видишь? Они там внизу сооружали мощную катапульту. Видишь метательный рычаг,

лежащий вон там, слева? Хитро задумано, слушай, возьмется там себе потихоньку под покровом деревьев и думают, чем бы таким покрупнее шарahnуть. Могу поклясться рогами дьявола, хорошо, что этот камень усакал от меня.

— Хорошо-то хорошо, но я бы предпочел не делать впредь ничего столь рискованного. Давай-ка устанавливать рельсы.— Честер внимательно осмотрелся.— Мы сделаем уклон вправо, чтобы избежать вон того углубления в скале. Я направлю планер прямо между вон теми двумя бугорками. Если нам повезет, то мы сможем спланировать на расстояние в полмили.. А это должно обеспечить преимущество, какое нам необходимо, перед всеми собравшимися нас поприветствовать.

— Странно, что происходит сегодня утром с артиллерией? Полагаю, что двухсотфунтовая песчинка, которую мы на них уронили, внесла в их ряды некоторое смятение.

— Надеюсь, что так. Было бы просто стыдно получить удар сейчас.

Честер и Бэндон принялись закреплять деревьями рельсы на земле с помощью колышков. Они закончили работу, встали по разные стороны планера и оторвали его от земли.

— А он не такой уж и тяжелый,— прокомментировал Бэндон.

— Гляди под ноги,— оборвал его Честер. Пыхтя, они поднялись на самую вершину склона, осторожно развернули планер и установили его на рельсы.

— Подержи, я поставлю подпорку,— крикнул Честер. Он сунул под опущенный до самой земли нос планера довольно крупный камень.— Ну все, теперь остается привязать стопорный канат.

Честер обвязал концом веревки ближайшее дерево и надежно закрепил, затем прикрепил второй конец веревки к килю планера возле самой кабины пилота.

— Готово,— сказал он, убирая камень-подпорку с рельсов.— Единственное, что его сейчас держит,— это веревка. Когда я ее обрежу — мы начнем двигаться.

— Что-то и в самом деле слишком спокойно,— сказал, оглядываясь, Бэндон.— Интересно...

— Скажи спасибо,— ответил Честер.— Мне не хотелось бы начинать наш полет под градом стрел. Сейчас я приготовлю веревку для балласта, а ты поищи камень.

Возле самой кромки обрыва Честер бросил на землю моток нейлоновой веревки и наклонился, завязывая ее конец прочной петлей, готовой принять камень-балласт. Когда он поднялся на ноги и повернулся лицом к обрыву, то увидел, как под кромкой всего в трех метрах от него появляется небритое лицо, а две руки ошупывают кромку в поисках выступа, за который можно было бы ухватиться.

Честер подскочил к карабкающемуся и ткнул его ногой прямо в лицо. С диким воплем человек полетел вниз; что-то громко треснуло. Метрах в пяти внизу он увидел шаткий помост, к которому, полусогнувшись, припали трое; четвертый лежал на спине, наполовину пробив площадку при падении. Один из троих поднял лук и быстрым движением послал из него стрелу вверх; она просвистела возле самого уха Честера. Тот вихрем обернулся, обхватил руками камень весом в полцентнера и перекатил его через край. Раздался хруст. Теперь уже только двое судорожно цеплялись за остатки разбитого помоста, в то время как третий проворно спускался по шаткому сооружению вниз. Четвертый исчез. Посмотрев налево, Честер увидел второй помост, а чуть подальше — третий. Помосты были видны и справа.

Честер бросился бежать.

— Бэндон! Оставь камень! Скорее к планеру!

Бэндон недоуменно посмотрел на него, затем выронил булыжник и бегом бросился к планеру. Из леса, позади планера, появился человек в засаленной рубашке и разорванных штанах, держа лук наизготовку. Бэндон, на бегу, вложил в лук стрелу и выстрелил. Бегущий упал на спину с торчащим из горла оперением стрелы.

— На свое место, быстро! — заорал Честер.

— Слушай, я что-то не вполне уверен, стоит ли рисковать на этой штуке.

Над краем скалы появились одновременно два человека, выкарабкались наверх и бегом стали приближаться к планеру. Бэндон поднял лук, выстрелил, быстро вставил вторую стрелу и выстрелил еще раз. Один из приближавшихся завертелся волчком и упал; второй нырнул в какое-то укрытие. Бэндон обронил лук и бросился на свое место, улегшись лицом вниз. Честер прыгнул за ним, пошарил ногами и нашел рулевую планку. Опустив вниз правую руку, он стал перерезать лезвием ножа держащую планер веревку. Людей появилось все больше и больше. Один из них поднял лук и выпустил стрелу. Вжик! Вонзившись в нос планера, стрела застряла в нем, подрагивая от удара. Наконец веревка поддалась. Планер дернулся и начал соскальзывать вниз, скрежеща и подпрыгивая на рельсах. В ушах Честера засвистел ветер. Бегущие остановились, раскрыв недоуменно рты. Один из них поднял лук и выстрелил; стрела просвистела в двух метрах от планера. Но планер приближался к лучнику, и тот бросился от него наутек. Из-за кромки обрыва появлялись все новые и новые люди.

— Вонючки всю ночь возились с этими штуками, — проорал Бэндон в ухо Честеру. — Они...

— Тихо! — задыхаясь произнес Честер.

Планер лениво набирал скорость. Трава и камни и по сторонам постепенно превращались в ленту, очертания которой становились

все более расплывчатыми. Край обрыва был уже совсем близко.

— Ничего у нас не получится,— пробормотал Честер.— Не хватит скорости.

Стрела, ударившись о край стойки прямо над головой Честера, отскочила и осыпала его щепками. Впереди было голубое небо и далекие, в туманной дымке, холмы.

— Ну, давай же! — затаил дыхание Честер. Звук трения дерева о дерево внезапно прекратился — и они начали проваливаться куда-то вниз. Честер конвульсивно навалился на ручку управления, толкая ее вперед; дыхание его перехватило, сердце бешено колотилось о ребра. Вниз, вниз, все ближе к мчавшейся на них зеленой массе; все громче вой ветра в проводах сбоку от Честера, все сильнее его порывы, бьющие в лицо. Лежа ничком, он тянул теперь ручку управления на себя, довел ее до упора и все равно продолжал тянуть... Он чувствовал, как ручка наталкивается на сопротивление воздуха. Он тянул сильнее, чувствуя, как все больше и больше возрастает давление; внизу проплывал ковер зелени, местность становилась все ровнее; он видел, как в поле зрения появились холмы с виднеющимся над ними небом. Он посмотрел по сторонам. Вершины деревьев проносились в каких-либо тридцати метрах от них.

— Эй! — вопил Бэндон.— Мы летим, Честер!

Нос планера задрался кверху, целясь в далекую высь. Честер начал давить на ручку управления, почувствовал, как планер замедлил движение, чуть-чуть помешкал и опустил носовую часть.

— Сваливание на нос после свечи,— пробормотал он.— Бич пилотов.

— Слушай, Честер, это просто великолепно! — орал Бэндон.

Честер двинул ручку еще на несколько сантиметров вперед и слегка дал право. Машина неловко развернулась.

— Малый элерон,— отметил про себя Честер. Он двинул ручку в сторону и почувствовал, как машина резко накренилась. Воздушные потоки так и трепали планер. Честер скрипнул зубами, пытаясь побороть крен.— Пусть-ка летит сама,— начал он внушать самому себе, сознательно расслабляясь. Очередной порыв ветра потряс машину, и она выправилась. Нос ее приподнялся. Честер слегка толкнул ручку вперед. Нос тут же опустился. Сбоку стремительно приближался склон холма. Честер надавил на планку руля, согласовывая движение элеронов; машина накренилась и начала плавно отдаляться от склона.

— У-ух, ты! — орал Бэндон.— Прямо как птица, Честер!

Впереди открывалась долина, крутое ущелье между холмами. Честер направил машину к ней, старательно выдерживая взятый курс. Он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

— Ничего, Честер, все это пустяки,— сказал Бэндон.— Вот, поешь-ка орехов.

— Нет, спасибо, пока не надо,— отозвался Честер.— Ради бога, лежи спокойно и не мешай мне управлять этой идиотской штуковиной.

— Слушай, Честер, как странно,— сказал Бэндон.

— Что странно?

— Мы поднимаемся, вместо того, чтобы планировать вниз. Слушай, Честер, а как мы сможем спуститься, если эта штуковина так и будет подниматься все выше и выше?

— Да ты бредишь,— отозвался Честер.

Ветер со свистом бил его в лицо, заставляя глаза слезиться. Он изогнул шею и посмотрел вбок. Деревья внизу простирались одним сплошным зеленым покрывалом. Он оглянулся. В миле от них была как на ладони видна их гора-стол.

— Ты прав! — крикнул Честер.— Я вижу вершину столовой горы. Полагаю, что нас подхватил восходящий поток теплового воздуха.

— А это хорошо или плохо?

— Хорошо. А теперь оставь меня на несколько минут в покое, возможно, мне удастся установить новый рекорд Триценниума в полетах на планере.

— Пять миль,— прокричал Честер через несколько минут.— Именно столько должно быть до ближайшего Центра.

— А как она держится в воздухе, не махая крыльями, Честер?

— Мы держимся на восходящих воздушных потоках, поднимающихся от этих склонов. Боюсь, что у нас очень плохой угол скольжения, но подъемная сила этих воздушных потоков столь велика, что мы продолжаем набирать высоту даже несмотря на несовершенства нашего аппарата. Я надеюсь над равнинами, что простираются впереди, поймать восходящие потоки теплого воздуха, которые нам нужны. Я думаю, что сейчас мы находимся на высоте примерно одной тысячи метров. Мне бы хотелось поднять машину километра на полтора, а затем направить ее на запад, в направлении Триценниума Вечной Мудрости. Если нам удастся пролететь несколько километров, это избавит нас от необходимости совершать долгую и нудную прогулку под палящим солнцем.

— Я обеими руками за, Честер. Я чувствую себя здесь просто превосходно.

— Это твоя ремарка, кажется, означает, что ты отказался от своей философии простой жизни. Летательный аппарат — даже такой примитивный, как этот,— отличается от кремниевого орудия первобытного человека, как ночь ото дня.

— Что ты имеешь в виду, Честер? Мы ведь сами сделали эту штуку, из простой древесины и кроличьего клея.

— Прибавь к этому несколько кусков нейлона и стальной проволоки. В общем-то любая производимая вещь делается из простого

сырья — возьми даже электронно-лучевую трубку трайдивизора. Все материалы являются, в конечном счете, природными, если попытаться проследить то, откуда они произошли. И нет ничего плохого в том, что мы переустройстваем природу для получения все больших удобств и благ; вопрос лишь в том, что мы неправильно используем эти блага и удобства, именно это лишает жизнь ее прелести.

— Может быть и так. Но меня поражают НЕ ВЕЩИ, меня поражают ЛЮДИ. Я не хочу, чтобы кто-нибудь указывал мне, что я должен делать, тыкать меня носом, как щенка. Я думаю, что, как только мы приземлимся, я снова уйду в горы.

— Бэндон, научись делать то, что нужно людям и чего они хотят, и тогда тебе не придется беспокоиться о том, что кто-то будет тобой помыкать. Громче всех кричат о социальной несправедливости те, кто палец о палец не ударил для того, чтобы сделать нечто более сложное, нежели то, что сможет сделать любой шимпанзе. Почему, ты думаешь, люди так высоко ценят тех неожиданно появляющихся немногих действительно талантливых певцов, актеров, футболистов, врачей, инженеров? Да потому, что их слишком мало, и каждый из них — сокровище. Если вдруг появляется новый человек и сочиняет песню, которая доходит до всех и затрагивает какую-то струнку в душе у каждого, ему не надо беспокоиться, что его не заметят. Его поклонники не допустят, чтобы с ним что-либо случилось.

— Что ж, может, мне действительно организовать курсы по обучению стрельбе из лука, как ты говорил. Думаешь, кто-нибудь захочет научиться этому?

— Начни — и увидишь. Если в стрельбе из лука есть что-нибудь такое, что заставляет тебя ее любить, то найдутся и другие, которые увлекутся ею всерьез. Будь лучшим в чем-либо — сделай так, чтобы мир узнал об этом.

— Эй, Честер, посмотри-ка туда. Вон какая-то линия, прорезающая местность.

— Дорога, — объяснил Честер. — Очень хорошо. Она может привести нас прямо к городу.

— А вон там, далеко впереди, похоже, какие-то здания. Вон вдали.

— Возможно. С этой высоты должен быть виден Триценниум. До него всего лишь около двадцати километров.

Честер задрал голову вверх, прищурившись, посмотрел на кучевые облака, направил планер к тени, которую отбрасывало ближайшее из них.

Поток воздуха тряхнул хрупкую машину.

— Все в порядке, Бэндон, летим сюда. — Он заложил правый вираж и взял курс на виднеющийся вдали город.

Полчаса спустя планер, просвистев в воздухе над аллеей высоких деревьев и чуть не задев крышу длинного здания, коснулся широкой зеленой лужайки, затем, подброшенный ударом, прошелестел по траве еще несколько десятков метров и наконец, сдвигая фюзеляжем грунт, пропрыгал еще метров пятнадцать, пока не повалился на крыло, не зацепил им дерн и, описав крутую дугу, окончательно не остановился.

— Уф! — выдохнул Честер. Он приподнялся, стоя на четвереньках, посмотрел вокруг на хорошо ухоженные зеленые насаждения, мирные ряды крыш и полдюжину людей, неторопливо шагавших через лужайку. — Приготовься к суровому приему, Бэндон. Я не уверен, что эти ребята должным образом оценят мой небольшой вклад в цивилизацию. Они наверняка любят давать волю рукам.

— Пусть только попробуют это со мной, — прорычал Бэндон.

— Не торопись с выводами; выглядят они, может быть, и не очень воинственно, но камень за пазухой у них наверняка припасен.

От кучки отделился один человек и приблизился к планеру:

— Невероятно! — прокомментировал он, оглядывая планер, Честера, Бэндона и длинную борозду в бархатистой лужайке. — Откуда вы взялись?

Подошел второй человек:

— Ну, Гейми, что я тебе говорил? Жесткокрылый управляемый летательный аппарат. Посмотри на этих двух парней. Совершенно обычные, ничем от нас не отличаются. Так что хватит разговоров об аномалиях.

— Я настаиваю, что это явление аномальное в том смысле, что оно не поддается объяснению с точки зрения обычных представлений. Прошу отметить отсутствие двигателя у аппарата. Как эта конструкция из подручных материалов да к тому же с людьми на борту могла оказаться в воздухе?

— Послушайте, — обратился к ним Честер.

— Погоди, погоди, Гейми. Я уверен, что этому имеется простое рациональное объяснение. Я полагаю, что сначала мы зададим несколько вопросов. — Он в упор посмотрел на Бэндона. — Вот вы, сэр, не скажите ли, как случилось, что вы появились будто из воздуха?

— Проще не придумаешь, — ответил Бэндон. — Я живу на облаке и спустился, чтобы пополнить свои запасы лунного света. Еще вопросы? Если нет, то как насчет того, чтобы пожрать? Я чертовски голоден.

— Ага, — пробулквал Гейми, — так я и подозревал. Надо проконсультироваться у Норго.

— А вот это-то нам ни к чему, — сказал Честер. — Послушай, Бэндон, я сейчас сбегāju на городскую площадь и кое-что сделаю. Может статься так, что я тебя больше не увижу. Если это случится,

я с сего момента передаю тебе все права на планер. Не позволяй им себя обмшурить. Они поднаторели в присваивании вещей от имени науки. И займись созданием курсов стрельбы из лука.

— Погоди, Честер. Кажется, мы с тобой неплохо ладим, и я думал, что и дальше мы будем держаться вместе.

— Извини, старина. Мне с тобой тоже было хорошо. Я многому от тебя научился, но я должен завершить кое-какие дела, если, конечно, это пока еще не совсем поздно. Я собираюсь найти укромное местечко и затаиться на несколько часов. Желаю тебе удачи.

Бэндон пожал протянутую ему руку:

— Что ж, все путем, Честер. Извини, что я тебя затащил в это ласточкино гнездо.

— Таким образом,— продолжал гундосить Гейми,— это явление связано с массовой миграцией лягушек, что было замечено в близлежащих районах.

— Кто же откуда эмигрирует? — ядовито уточнил его собеседник. — Я должен сказать...

Честер неторопливо пошел через лужайку. Его никто не окликнул.

В сгущающихся сумерках Честер прошел через площадь в направлении неясных очертаний купола и оказался на месте, где он очутился десять месяцев назад. Когда он подходил к окаймляющей монумент цветочной клумбе, перед ним возник высокий человек, который, близоруко шурясь, стал рассматривать статную широкоплечую фигуру Честера, его загорелое лицо, жилистые руки, коротко подстриженные и выгоревшие на солнце волосы и плотно облегающий тело триценнийского покроя костюм.

— Ох, извините,— сказал он. — Я тут ждал одного несчастного маленького идиота, у которого навязчивая идея по поводу ковра. Говорят, что он сбежал из Центра прямо в самый разгар эксперимента. А вы, по-видимому, один из команды Норго?

— Я и есть тот самый идиот,— резко ответил Честер. — Прочь с дороги, Деван!

— Ч-ч-т-т-о-о? Это, действительно, ты?

— Да, это, действительно, я — и теперь я предъявляю права на свою собственность.

Деван рассмеялся.

— Все тот же патефон, да? Что ж, Норго предупреждал, что ты, возможно, попытаешься пробраться сюда. Сейчас я верну тебя на место, чтобы ты закончил свой курс экспериментальной подготовки.

— Я уже его закончил.

— Неужели? — Деван снова засмеялся и потянулся к Честеру, чтобы его схватить. Последовало быстрое движение, и Деван больно шлепнулся на мостовую.

— Хорошо, что я наткнулся на тебя, Деван,— сказал Честер,

переступая через него.— Одним незаконченным делом меньше. Но если я обнаружу, что моим друзьям уже ничем помочь нельзя, я сюда вернусь и доведу его до конца.

Деван с криком поднялся на ноги. Послышались ответные крики, затем топот бегущих ног. Честер бросился к ковру, перемахнул через каменную скамейку, увидел перед собой неясные очертания стула. Вдруг над головой вспыхнул ослепительно яркий свет, и Честер увидел сжимающееся вокруг него кольцо людей во главе с Норго с поднятой вверх рукой. Все замерли.

— Компьютер, ты здесь? — торопливо крикнул Честер.

Последовала длинная пауза.

— Честер, вам известно, что вам запрещено ступать на ковер? — выкрикнул Норго.— Идемте спокойно с нами.

— Присматривайте за ним,— предупредил Деван, потирая скулу.— Он выучил пару приемов.

— А, мистер Честер,— раздался в воздухе знакомый голос.— У меня были некоторые сложности с определением, где вы находитесь.

— Жди наготове,— крикнул Честер.— Я присоединюсь к тебе через минуту.— Он повернулся лицом к Норго.— Извините, что я покидаю вас так спешно,— крикнул он, став обеими ногами на ковер.— Я бы с удовольствием погостил у вас еще, но у меня есть личные дела, которые требуют моего внимания. Передайте от меня привет Куве — и берегитесь подстрекателя и демагога по имени Гриз. Он обитает в горах, но в ближайшее время он собирается совершить набег на город.

— Я надеялся, что ваш бред исчезнет, как только вас удалят от предмета, который вы фетишизируете,— печально сказал Норго.— Что ж, очень плохо.— Он махнул, и толпа стала приближаться.

— Прощайте, Норго,— выкрикнул Честер.— Спасибо за все. А после того, как я исчезну, помните: надо принимать действительность такой, какая она есть. Нереальное не есть недействительное.

— Ну, компьютер,— добавил он,— доставь меня обратно к Енэ.

12

Сумерки превратились в яркий солнечный день на городской улице. Честер огляделся. Ничего не изменилось с тех пор, как он увидел эту улицу в последний раз десять месяцев назад, разве что толпа уменьшилась до нескольких самых стойких зевак. Улица была все еще перегорожена канатами, хотя вместо фаланги полицейских машин осталось лишь две, в каждой из которых на переднем сидении сидело по два мордоворота, но ни один из них не глядел в сторону Честера.

— Не исчезай, компьютер,— тихо сказал Честер.— Я попытаюсь отыскать Енэ, может быть, для этого мне понадобится какое-то время.

— Очень хорошо, мистер Честер,— раздался громкий голос компьютера.— Я пока займусь анализом...

— Тише ты! — оборвал машину Честер, но было уже слишком поздно. Четыре круглые полицейские физиономии дружно повернулись в сторону Честера. Настеж распахнулись дверцы машин, послышались тяжелые шаги. Двое полицейских приближались к Честеру, двое других зашли за машины, сцепив руки на красных портупях.

— Ха, что снова здесь делают эти кресла и ковер? — спросил один из полицейских.

— Эй, парень, ты кто такой? — выкрикнул другой.

Честер сложил руки на груди и со свирепым выражением лица уставился на начальника патруля.

— Я, кажется, дал указание, чтобы за этим районом вели тщательное наблюдение,— пролаял он.— Кто разбросал здесь эти вещи? Это вам что, склад мебелиной рухляди?

— В чем дело? — спросил начальник патруля, открывая от удивления рот.

— Застегните свой мундир,— оборвал его Честер.— И извольте побриться к следующему дежурству.— Он заложил руки за спину и прошелся взад-вперед перед выстроившимися в линейку полицейскими.— Сержант, почистите ботинки. И вымойте машину.

— Эй, да кто вы такой?

— Ах, кто вы такой, СЭР! — проревел Честер.— Вы что, никогда не видели полевую форму Комиссара Полиции?

— Так точно, видел, сэр,— быстро ответил полицейский.— Но это не та форма.

— Тайной Полиции, то есть,— поправился Честер.

— Тайной Полиции? Черт, я видел Комиссара Тайной полиции на скачках не далее чем на прошлой неделе.

— Комиссара Международной Полиции, недоумок! — продолжал реветь Честер.— Вы что здесь, не понимаете, что это вопрос международного значения? Я,— перешел он на заговорщический тон,— я знаю из совершенно достоверных источников, что это дело связано с планируемым вторжением инопланетян.

— Вот так так! — присвистнул полицейский.

— Так вот,— ровным голосом продолжал Честер,— не припомните ли вы дело о нагой молодой женщине, которая была не так давно арестована где-то в этом районе?

Полицейские переглянулись. Один из них приподнял свой хромированный шлем и посмотрел куда-то вверх.

— Кажется,— произнес он.— Э-э-э...

— Я думаю, что, возможно, я что-то припоминаю, — откликнулся другой.

— А, прекрасно. Можете ли вы мне напомнить, чем закончилось это дело? А то что-то у меня вылетело из памяти.

— Сейчас, одну минутку...

— Возможно, она отсидела небольшой срок и была выпущена на свободу, — подсказывал Честер. — Возможно, что ей удалось даже найти работу — где-нибудь здесь, неподалеку.

— Работу, — повторил полицейский, тупо уставившись на Честера.

— Почему бы нам не проехать в полицейский участок... э-э-э... Комиссар? Возможно, там мы сможем все уладить.

— Почему же, она, может быть, все еще находится в женском карцере, — предположил другой полицейский. — Может быть, нам удастся устроить для вас маленькую встречу с ней.

— Ну что ж, отличное предложение, — решительно сказал Честер. — Везите меня туда прямо сейчас.

— Слушаюсь, сэр. Сюда, пожалуйста.

Честер проследовал за двумя полицейскими в их машину. Он ехал молча, обдумывая, что и как необходимо сделать. Было маловероятно, что все эти десять месяцев Енэ все еще находилась в местной тюрьме. Тем не менее, она могла усугубить первоначальный проступокотягчающими обстоятельствами вроде оскорбления полицейских, нанесения ущерба государственной собственности, попытки побега, оказания сопротивления при аресте или отсутствия водительских прав. И, конечно же, у нее не было при себе ни цента, что, как известно, не способствует выяснению истины, когда имеешь дело с блюстителями закона.

Машина затормозила у бокового входа здания из красного кирпича с двумя колоннами, которые увенчивали два матовых шара с надписью: «Полиция». Честер вышел из машины и последовал за водителем вверх по ступенькам, в то время как второй полицейский замыкал процессию. Внутри здания шедший впереди полицейский сделал знак Честеру пройти через короткий коридор и войти в дежурную комнату. В ней находился высокий тощий человек в красной униформе, который бросил на них через стол раздраженный взгляд.

— Ну, приятель, — сказал начальник патруля, глядя на Честера, — посмотри, кто у нас здесь — Комиссар Международной Полиции. Вот она какая — форма у Международной Полиции.

— Я хотел бы узнать... — начал Честер, делая шаг вперед.

— И вот он является к полицейскому патрулю и требует, чтобы ему сказали, не помним ли мы дамочку, которую арестовали где-то в этом районе.

— Кстати, и кресло и ковер снова на месте, — подал голос второй полицейский.

Сидящий за столом резко вскочил:

— Что, снова на месте? А вы установили, кто их сюда вернул?

— Говорят, что это вторжение с Марса, — ответил второй полицейский. — За ними трудно было уследить, с их фантастической техникой.

— Вы идиоты! Каблицкий, да я с тебя сдеру за это нашивки. Немедленно возвращайтесь туда и возьмите район под тщательное наблюдение. Это не означает, что вы сядете в машину и будете слушать последний хит-парад.

— Но, шеф, что делать с этим? Похоже, что он опасный псих.

Шеф взглянул на Честера:

— Наверно, этот тип сбежал с коммерческого телевидения. Заприте его за сопротивление закону.

— Но позвольте... — начал было Честер.

Два полицейских повернулись к нему с облегченным выражением лица и уже было пытались заграбастать его своими громадными ручищами, когда Честер, отклонившись в сторону, схватил протянутую руку, резко завернул ее за спину и надавил. Полицейский взвыл, подпрыгнул и рухнул на пол бесформенной грудой.

— Мне просто нужна некоторая информация, — заявил Честер. — Та девушка, о которой я спрашивал, она все еще в заключении?

Второй полицейский зарычал и придвинулся к Честеру. Честер мгновенно окаменевшей ладонью ткнул его в солнечное сплетение, а когда тот загнулся, рубанул его ребром по шее.

— На помощь! — заорал шеф, протягивая руку к ящику стола.

Честер перелетел через стол и схватил тощую шею Комиссара:

— Послушай ты, козел вонючий! — рявкнул Честер. — Где девчонка, которую вы задержали за появление в общественном месте в неприличном виде?

Полицейский мужественно сопротивлялся; Честер начал колотить его головой об пол. В поле зрения возник один из его очухавшихся коллег, и Честер, ухнув, сбил его с ног обмягшим телом комиссара.

— Слушай, — настойчиво продолжал Честер, прижав незадачливого полицейского чиновника локтем к спинке высокого кресла. — Все, что мне нужно, это местонахождение молодой особы. Почему бы тебе не оказать маленькую услугу законопослушному гражданину?

— Она... в женском крыле... северная сторона, первая камера... направо...

— Где ключи?

— Ключей нет, там шифр.

— Какова комбинация цифр?

Дверь комнаты распахнулась настежь, и в ней возник жирный

полицейский, выпучил глаза и потянулся рукой к кобуре с тяжелым пистолетом. Честер мгновенно выставил перед собой полицейского комиссара как щит. Появились другие полицейские. В коридоре разрывался сигнал тревоги. Слышался топот ног.

Честер отбросил от себя шефа, повернулся спиной к набегавшим, закрыл руками лицо и, ласточкой нырнув в широкое двойное окно, приземлился в траву под звон осколков разбитого стекла, перекувыркнулся, вскочил на ноги и бросился бежать. Он перемахнул через забор, и, перебежав улицу, бросился к темной аллее. Ему преградил путь какой-то человек.

— Помогите их задержать, — пролаял Честер.

Человек озадаченно сделал шаг в сторону. Честер пронесся через аллею, выскочил на людную улицу и перешел на быструю ходьбу. Итак, он потерпел поражение, однако по крайней мере узнал, где находится Енэ. Бедная девочка! Почти год в ужасной камере.

Пройдя квартал, Честер остановился перед большой стеклянной витриной, на которой дециметровыми буквами было написано: «Двигатели для Гусеничных Тракторов».

За витриной притаилось огромное желтое, поблескивающее хромированными частями, фарами, антеннами чудовище.

Табличка, прикрепленная к нему, гласила: «Новый многоцелевой гусеничный трактор года (снабжен дополнительными боковыми катками)».

Сбоку от витрины находилась мало заметная дверь. Честер открыл ее и увидел человечка с набриолиненными волосами и улыбкой во весь рот, который, облокотившись на полированный бок механического гиганта, разговаривал с тучным посетителем средних лет.

— ...Очень удобные ежемесячные выплаты, — услышал Честер конец фразы.

Честер обошел трактор с тыла и, откинув каплеобразный плексигласовый фонарь кабины, устроился на желтом кожаном сиденье. С панели ему подмигивали поблескивающие приборы. Где-то внизу слышался голос продавца:

— ...Электрообогрев и музыка, автоматические дворники, задний прожектор, сиденья, окна, капот, рулевое управление, тормоза с электроприводом, фрикционно-зубчатая передача, три бака с горючим, роскошный салон, автоматическое удаление мусора, коврики из микропорки, телевизор...

Честер осмотрел панель, нашел кнопку зажигания.

— ...Эффективные глушители, — продолжал тараторить продавец, — не один, обратите внимание, а два, да-да, два звуковых сигнала самой последней модификации и везде вместо утомляющих шкальных приборов полный комплект ласкающих глаз цветowych индикаторов...

Честер утопил кнопку зажигания и нажал на стартер. Двигатель взревел. Честер включил первую передачу, и машина медленно двинулась к витрине. Напуганный продавец издал вопль и отпрыгнул в сторону. Покупатель рванулся в другую. Громадный полированный нож бульдозера врезался в витрину и разнес ее вдребезги. Громадина с грохотом вырвалась наружу, развернулась на правой гусенице и, как пушинку отбросив попавшийся на пути легковой автомобиль, выкатилась на середину дороги. Честер с лязгом врубил самую высокую передачу и включил обе сирены. Прохожие так и брызнули врассыпную от набирающего скорость чудовища. Патрульная полицейская машина рванулась и, резко затормозив, блокировала дорогу. Честер, немного свернув в сторону, услышал, как гусеница с хрустом раздавила багажник машины. Он опять потянул на себя рычаг управления, чтобы объехать грузовик с пивом, на борту которого красовалась веселая красная рожа, но поддел грузовик краем ножа и перевернул его набок. На улице образовался затор. Честер свернул в проулок и увидел, как за решеткой на лужайке перед зданием правосудия собираются возбужденные клерки. Северное крыло, говорил шеф. Честер скосил глаза на солнце, направляя машину в проем решетки. Север был справа. Люди с ужасом смотрели, жестикулировали, а когда гигантская машина переползла через бордюр и, подмяв под себя решетку, выползла на лужайку, бросилась наутек. Клуба петуний бесследно исчезла под гусеницами.

Высоко в стене красного кирпича виднелись узкие зарешеченные окна с трехметровым интервалом между ними. Под ними-то Честер и остановил трактор. Сквозь грохот работающего двигателя Честер услышал возбужденные крики. В окнах появились лица заключенных. Честер открыл дверь кабины и выглянул.

— Энз,— прокричал он,— это я, Честер!

Раздался звук выстрела, и пуля со свистом отрикошетила от стенки кабины. Честер быстро нырнул внутрь. Он увидел, как наверху в проеме окна появилось знакомое овальное лицо. Он возбужденно замахал руками. Энз ответила ему взмахом руки, но как-то неуверенно. Честер включил заднюю скорость, трактор отъехал назад, крутанулся на месте и снова двинулся к стене. Честер, подняв нож, приставил его к стене и нажал на акселератор. Гусеницы сначала вгрызлись в почву, трактор вздыбился, а затем они безрезультатно стали прокручиваться, выбрасывая из-под себя фонтаны земли. Вскоре позади образовался целый холм.

Честер сдал назад, немного опустил нож, затем прибавил оборотов. Массивная машина рванулась вперед и с ужасным грохотом врезалась в кирпичную стену. Честер почувствовал, как накрылось вдруг сиденье; затем посыпались кирпичи и куски раствора, отскакивая от полированного капота и глухо стуча по пластиковому фо-

наружу кабины. Поднялись тучи пыли, вылезли деревянные конструкции с изогнутыми гвоздями, на которых болтались разбитые косяки и оконные рамы.

Честер откинулся на сиденье, оценивая ситуацию. Снова раздался выстрел, теперь четыре подряд. На пластиковом фонаре кабины ближе к голове Честера появились две звезды с расходящимися лучами. В тюремной стене была брешь метра два в высоту и три в ширину, сквозь которую проглядывал интерьер тюрьмы. Пока он смотрел, обвалился еще один кусок стены. Честер снова двинул трактор вперед и еще раз ударил ножом в стену. Когда он попятился, продираясь через завал, сквозь пыль начали проступать очертания перекрытия второго этажа, провисая под тяжестью горизонтального стального швеллера. Честер снова врезался в стену. Теперь отвалился целый кусок, так что целиком стали видны две камеры. Через образовавшийся проем он увидел скособочившиеся железные койки на просевшем полу.

Честер подогнал трактор к самому проему, поднял фонарь и позвал Енэ. Она появилась в проеме на четвереньках, глядя через край на громадную грохочущую машину.

— Быстрее, Енэ,— Честер потянул ее жестом. Он оглянулся назад. Толстый полицейский пытался зарядить барабан своего тридцатисантиметрового револьвера. Вокруг него суетились другие полицейские.

— Это действительно ты, Честер? — спросила дрожащим от волнения голосом Енэ.

— Поторапливайся,— Честер протянул ей руки.

Енэ, свесив свои стройные, обутые в сапоги ноги, соскользнула вниз, повисела на руках и прыгнула. Честер подхватил ее, втянул в кабину и захлопнул дверцу как раз перед тем, как пузырь-полицейский выстрелил из своей пушки. Трактор быстро отъехал, развернулся и рванул через лужайку. Вдогонку посыпались выстрелы. По фонарю чиркнула шальная пуля.

— Честер, это действительно ты? Ты так изменился, стал такой красивый!

— Прости меня, Енэ, что я так долго заставил тебя ждать. Я вернулся за тобой сразу же, как только смог. Но...

— Слушай, Честер, ты просто неподражаем. Я с первой твоей фразы же поняла, что это ты. Где ты взял эту чудесную машину?

— Машина превосходна, не так ли? В ней есть все для приятного путешествия: кондиционер, звукоизоляция и пуленепробиваемые стекла, к счастью для нас. Но я тебе хотел сказать, как ужасно я сожалею, что тебе пришлось провести почти год в этой тюрьме.

— Год? Да ты что, Честер! С того момента, как нас схватили полицейские, прошло не более двух часов.

Честер растерянно заморгал:

— Как? Как?..

— Куда мы сейчас поедem, Честер? И откуда у тебя эта одежда, этот загар и эти большие сильные руки?

— Я... Нет, я имею в виду, ты... Ну ладно, ничего, бог с ним. Разберемся потом. Пока же нам с тобой предстоит прорваться к ковру.

Честер вырулил на улицу, на которой под охраной полицейских находился ковер. Пожарная машина, вывернувшаяся сбоку, налетела на трактор, была отброшена на бордюр и замерла с хлещущими во все стороны фонтанами воды.

Честер замедлил ход, крутанул руль, неуклюже объехал полицейскую машину и с лязгом остановился. Он откинул фонарь кабины и среди крика и суеты помог Энэ спуститься вниз. Она легко перепрыгнула через остатки разбитых козел и оказалась на ковре. Честер прыгнул следом за ней. Парочка постоянно находящихся возле ковра полицейских бросилась к ним с дубинками наперевес.

— Ну,— сказал Честер, хватая Энэ за руку,— доставь-ка нас туда, где остался Кейс, компьютер. Да не запутайся на сей раз в координатах.

13

Казалось, что высокие серые здания растворились в солнечной голубизне неба. Честер и Энэ оказались на поросшем травой склоне холма в тени развесистых ветвей. Она повернулась к нему и обвила его своими нежными руками.

— Ой, Честер, это так забавно...

— Забавно? Черт возьми, Энэ. В нас ведь стреляли всамделишными пулями.

— Но я уверена, что ты все равно сделал бы так, чтобы ничего страшного не произошло.

— Ну... По крайней мере, для меня было большим облегчением узнать, что ты не провела этот год в камере. Если бы ты знала, какие страшные картины твоих и Кейса мучений я рисовал в своем воображении. Я думал, что мне уже никогда не удастся ему помочь. Но теперь, если мы поспешим...

— Я уверена, что с ним все в порядке.

Энэ с беспокойством посмотрела в сторону холмов.

— Однако я уже не вижу дыма. Надеюсь, впрочем, что углей пока еще недостаточно для того, чтобы на них можно было зажарить мистера Малвихилла.

— Если эти проклятые туземцы коснулись хоть волоса на голове Кейса, я все племя в порошок сотру.

Через двадцать минут быстрой ходьбы они были на опушке леса.

Они увидели, как к ним по тропинке приближаются два чисто выбритых, в белых легких одеждах мужчины и прекрасно сложенная женщина. Они остановились, затем подняли в приветствии руки и начали танцевать и петь.

— Похоже, что это совершенно другое племя,— сказал Честер,— никакого сравнения с теми дикарями.

— Кажется, они хотят, чтобы мы последовали за ними.

Энергично жестикулируя, туземцы повернулись и пошли по тропинке.

— Ну, мы все равно ведь двигаемся в этом направлении.

Честер и Енэ пошли по утоптанной тропинке и вышли на поляну, где Кейс сражался с местным силачом.

— Никаких признаков присутствия,— сказал Честер, оглядываясь по сторонам.— И клетки исчезли, и все остальное.

Они пошли дальше, поднялись по заросшему деревьями склону и прямо из леса вышли на широкую тенистую деревенскую улицу с ровными рядами деревьев и клумбами диких цветов перед аккуратными домиками из камня, досок или тонких жердей, оживляющими зеленое покрывало луговины. Из большого дома где-то в середине улицы появился старик важного вида, одетый в аккуратно сшитые шорты и домотканую рубашку. Он подошел к ним, поглаживая свою длинную седую бороду.

— Боже мой,— сказал в смущении Честер,— мы попали совершенно не туда, Енэ. Куда нас на сей раз забросило?

— Сама не понимаю, Честер.

— Посмотри на этого седобородого старца. Он огромен. Клянусь, он мог бы быть предком Кейса Малвихилла; по всем параметрам он ему в дедушки годится.

Старик подошел ближе и пристально посмотрел на Честера, а затем на Енэ. Он пощипывал бороду, кивая каким-то своим мыслям.

— Ну,— сказал он,— наконец-то вы объявились...

Честер и Енэ сидели рядом с Кейсом на скамейке под дикой вишней, которая росла у гребня возвышенности, уходящей вдаль, к лазурному озеру у подножья поросших соснами холмов. Девушка-туземка разливала густое коричневое вино из каменного кувшина в разнокалиберные кружки тяжелого стекла.

— Объясни мне еще раз, Честер, только медленно и внятно,— сказал Кейс.— Ты говоришь, что это тот же самый день, в который вы улетучились отсюда?

— Для Енэ — да. Для меня же с того момента прошло десять месяцев.

— Ты очень изменился, Честер. Догадываюсь, что за этим стоит

нечто, что не поддается расхожим объяснениям. У этого чертова компьютера, видимо, сломались счетчики времени.

— Кейс, мы думали, что они зажарят тебя живьем. Как ты сумел добиться их расположения?

— Ну, слушайте. Последнее, что я увидел, это как вы скрылись за деревом. Я же продолжал жонглировать еще не меньше часа. Затем я сделал пару кульбитов, стойку на руках. Потом я попросил у них веревку, натянул ее и стал по ней ходить. К этому времени они уже заметили, что вы исчезли. Я жестами показал им, что вы испарились, как и подобает истинным духам. Но это их уже не особенно волновало, они хотели, чтобы я еще походил по канату.

— К тому времени ты, должно быть, подумал, что мы бросили тебя..

— Признаюсь, я был вначале взбешен, когда так и не увидел вас идущих мне на выручку в сопровождении морской пехоты. Думаю, что прошло не менее двух лет, прежде чем я свыкся с мыслью, что застрял здесь надолго. Я подумал, что с вами что-то произошло, и поэтому мне нужно было как-то устраиваться самому. К этому времени авторитет мой среди туземцев был достаточно высок. Они выделили мне свой лучший шалаш и приносили из еды все, что я пожелаю. Завидовать, конечно, было нечему, но жить было довольно легко. Разумеется, после тридцати лет...

— Тридцати лет?!

Кейс утвердительно кивнул своей седой как лунь головой:

— Да, мой дорогой. Уж в этом-то я не сомневаюсь. Я обычно делал зарубки на дереве, отмечая прошедшие годы, но иногда я был так занят, что мне было просто не до этого.

— Занят? Чем же ты был так занят?

— Да уж был, но не сразу. Поначалу, когда я оказался у них, я только и знал, что болтался без цели, наблюдая, как туземцы борются за существование. Грязные, голодные, невежественные, умирающие от болезней и когтей диких животных. А какую пищу они мне приносили — полусырое собачье мясо, подпорченные плоды, мешанину из ягод. То и дело мне приходилось устраивать для них представления — жонглировать или показывать акробатические номера, чтобы этим защищать селение от злых духов.

Однажды я как-то задумался. Земля здесь настоящий клад, из которого предприимчивый делец в иных условиях мог бы извлечь баснословную выгоду. Все, что нужно было сделать, это вырубить кустарник, подрезать деревья, расчистить берега озера, вынести мусорные свалки за пределы селения и насадить фруктовые деревья и цветы...

Да, но для того, чтобы подрезать деревья, мне нужен был топор, а это значит, мне нужно было железо.

К тому времени я уже свободно владел местным языком. Я спро-

сил туземцев, не знают ли они такого места, где водилась бы красная грязь. И объяснил, что она нужна для волшебства. Несколько недель спустя отряд охотников вернулся с противоположного берега озера и принес с собой весьма неплохие образцы железной руды.

У шамана был каменный уголь: он вырезал из него фигурки богов, поскольку уголь легко поддается обработке. Я соорудил небольшую доменную печь, загрузил ее доверху кусками угля и руды и зажег.

Ну и, как полагается, через пару часов пробил отверстие, через которое потекло расплавленное железо.

— Кейс, что ты можешь знать о выплавке железа, — прервал его Честер, — ведь наверняка у тебя не было с собой Инструкции по Варке Стали в Домашних Условиях, не так ли?

— Из первой плавки я отлил поддюжины топоров и топориков. Они получились довольно приличными. Я заточил их с помощью плоского камня, затем раскалил их и опустил в холодную воду. Они неплохо закалились. А вскоре у меня уже была своя собственная технология. Все зависит от пропорции угля и руды в печи.

— Уголь в количестве от 0,7 до 1,7 процента обеспечивает оптимальное соотношение твердости и ковкости металла, — не преминула уточнить Энэ.

— Жаль, что тебя не было рядом, крошка, — сказал со вздохом Кейс. — Твои познания оказались бы бесценными. Но мы так или иначе справились сами.

Из полученного металла я выковал лезвие ножа, приделал к нему ручку и с его помощью начал вырезать ручки для топоров. Затем я заставил аборигенов начать очистку земли от леса и кустарника, причем делать это не ради показухи.

Дикие животные перестали терроризировать селение, поскольку у них больше не было прикормки. Я добился того, чтобы весь кустарник и колючки были полностью удалены с территории; на их месте в рост пошли травы. Мы также обрубили нижние сучья деревьев как раз в рост человека, подравняли их, удалив вьюны и тому подобное.

Превратили, таким образом, лес вокруг в ухоженный парк.

Потом настала очередь озера. Мы выдолбили несколько стволов, сделав из них лодки, и очистили дно от водорослей и топляка, а затем после некоторых дренажных работ оборудовали прекрасный пляж на этом берегу.

Из полосок кожи я изготовил рыболовную снасть, показал им, как ловить форель, и мы устроили рыбную фиесту. Сначала они отказывались есть рыбу; по-видимому, потому, что рыбой брезговали их предки.

Эта публика была столь же консервативна, как выпускники старейших университетов Новой Англии. Однако я изобрел очередной

магический ритуал, идущий якобы из древности, и они на него клюнули.

Теперь половину жизни они проводили на озере. Мы сделали пару пил, и я показал им, как распиливать дерево на доски, из которых мы и соорудили несколько уже настоящих гребных лодок. Самое интересное в том, что уже через несколько дней наиболее смышленная пара моих учеников делала лодки и рыбачила даже лучше, чем я.

Я сделал несколько луков и стрел и отлил немного железных наконечников.

Смастерив ножи для обработки шкур, я показал, как с их помощью выделывать кожу, пока она не станет мягкой.

В окрестностях водилось много дикого крупного и мелкого рогатого скота. Мы наплели веревок и с их помощью поймали и привели пару молодых коз и двухгодовалого барана, который своими размерами даже превосходил техасского породистого лонгторна. Позднее мы раздобыли парочку новорожденных телят: бычка и телочку.

Через пару лет у нас уже было довольно приличное стадо. Мы выпускали их в парк, чтобы они не давали траве разрастись. Ну и, конечно, я показал, как доить коров и, немного поэкспериментировав, мы научились делать сыр.

— Я и не подозревал, что ты настолько хорошо знаешь животноводство, — вставил Честер.

— Любой, кто когда-либо работал в цирке, знает, с какой стороны кормят скотину. Это была наименее сложная из всех моих проблем.

Я начал получать удовольствие от вида ухоженного пляжа и парка и даже стал подсчитывать, какую груду денег я мог бы заработать, будь я у себя дома.

А потом как-то мне на глаза попалось несколько местных девиц, абсолютно голых, чумазных, жирных, со спутанными волосами и от которых за версту несло козлятиной. — Кейс вздохнул. — Думаю, правда, и я был нисколько не лучше их. К тому времени я уже совершенно утратил привычку бриться, а какой толк от мытья, если после него тебе приходится надевать одни и те же старые засаленные кожаные штаны.

И тогда я решил, что настало время подумать о развитии легкой промышленности.

Первое, что мне было нужно, это — ткань, чтобы избавиться от тошнотного запаха шкур.

Я попытался использовать овечью шерсть, но неудачно. Мы пытались разыскать в окрестностях дикорастущий хлопок, но тоже безрезультатно.

В конце концов мы нашли растение, напоминающее лен. Пора-

ботав, мы соорудили примитивную прялку. На это ушел почти год, но мы получили первую партию нити. К этому времени у меня уже был готов ткацкий станок. Его было не так уж трудно изготовить. Мы установили его и соткали себе одеяло.

Я обучил нескольких девушек, и они начали прясть и ткать. Из кости я изготовил несколько иголок; стальные не получились. Конечно, швея из меня никудышная, но времени у меня было достаточно. Я соорудил себе пару брюк и рубашек. В рубашках с длинным рукавом здесь просто жарко, да и шить их трудно, поэтому я остановился на жилете. В нем и продувает, и в то же время он достаточно защищает от ночной прохлады.

— А как же зимой?

— Странно, но похоже, что здесь нет времен года. Одна и та же погода круглый год.

— Доледниковый период, — пробормотала Енэ.

— Затем я занялся мылом. Я повозился с животными жирами и золой, и наконец мне удалось выработать вполне приличный рецепт. Сначала мне приходилось заставлять их мыться, но я прибегнул к своей старой хитрости с магией и духами, и вскоре их нельзя было отогнать от воды; когда бы я ни взглянул в сторону озера, я всегда видел, как кто-нибудь там что-либо скребет или стирает. В том, что касается предохранения себя от греха, они такие же зануды, как и методисты. А когда ты привык к чистоте, от грязи кожа чешется, и ты начинаешь замечать грязь на своем соседе. Так грязь и была вытеснена из нашего быта.

Затем мне пришла мысль совершить дальнейшие шаги по совершенствованию нашей цивилизации.

Жилище, где мы обитали до сих пор, буквально кишело вшами и крысами; мы просто тонули в отвратительных кучах обглоданных костей, изношенных шкур, засушенных ритуальных лягушек, чучел тотемных животных и другого дерьма — совсем как на старом бабушкином чердаке.

Они чуть не сошли с ума, когда я все это спалил. Я объяснил им, что я слышал голос свыше, который сказал мне, что это жилище должно перенестись на небеса, однако их сучий шаман набрался наглости заявить, что я лжец. Вы только вообразите!

— Но, Кейс, ты же сам постоянно им говорил, что все, что ты делаешь, предопределенно свыше.

— И это здорово срабатывало, кстати. А может быть, в этом что-то действительно есть? В любом случае, когда я на глазах у всех утопил этого самонадеянного выскочку в озере, никто не выразил сожаления.

— Тебе повезло, что ты сумел от него так быстро избавиться. Из того, что я читал о шаманах, я знаю, что эта публика — враг

опасный и коварный... Значит, ты утопил его. Но не слишком ли радикальный шаг?

— Может быть, но я полагал, что если я создаю общество, то должен это делать, проводя решительную политику. Не хватало еще, чтобы кто-то, и в подметки тебе не годящийся, путался у тебя под ногами, особенно, когда правота на твоей стороне. Ничего не может быть хуже слабака в роли диктатора. Как я понимаю, я должен был отстаивать свои идеи.

— Но следующий лидер мог бы оказаться совсем не тем, кто ставит общественные интересы выше личных. Что тогда?

— Сказать по правде, Честер, я отнюдь не ставил общественные интересы выше личных. Все, что мне хотелось, — это самому удобно устроиться. Я хотел, чтобы вокруг меня были здоровые чистые люди, потому что я терпеть не могу болезни и грязь. И я хотел, чтобы они хорошо жили, чтобы у них было время и желание овладевать тем, чему я их учил; они ловят рыбу — и я ем рыбу, они разводят скот — и я ем бифштексы, они рисуют картины — и я наслаждаюсь живописью, они сочиняют музыку — и я ее с удовольствием слушаю, они вкусно готовят — и у меня отличное настроение. Вот так и создается здоровая атмосфера в общине. В конечном итоге я убедился, что от общения с добрыми и отзывчивыми людьми можно получить большее удовольствие, чем от чего бы то ни было еще.

Одних я обучил резьбе по дереву, других — сельскохозяйственному труду, третьих — мастерству стеклодува.

Я прочесал окрестные леса в поисках растений, которые можно было бы окультурить, и я продолжал экспериментировать с образцами рудных пород для получения других металлов. Теперь у нас есть медь, свинец и даже немного золота, и изыскательские работы продолжаются.

Я научил дикарей размышлять о природе вещей и выдвигать новые идеи.

С тех пор, как я утопил шамана, я постепенно свел на нет мистическое начало в их жизни. Теперь подрастающее поколение не испытывает необходимости в принуждении свыше; в основе их поступков лежит интерес. Многие из них далеко опередили меня в отдельных искусствах и ремеслах; они очень способные ученики. И я не удивлюсь, если кто-то из них откроет периодическую систему химических элементов, или создаст паровой двигатель, или научится делать лекарства.

— А если все же придет тиран?

— Любой тиран, появившись он здесь, должен будет крепко подумать, прежде чем принимать непопулярные меры, — ответил Кейс. — Местный народец принял меня, потому что я принес им благо. Они так же эгоистичны, как и я. Я же создал прецедент. Следующему

божью придется с ним считаться, если он не хочет, чтобы его постигла участь шамана.

— Все, что ты говоришь, похоже, очень хорошо сработало практически,— сказал Честер, обводя глазами безмятежное селение в ступающих сумерках.— И все же я не могу избавиться от ощущения, что тебе следовало бы привить им больший идеализм. Представь себе, что в будущем для них настанут трудные времена? Что, если изменится климат, обрушится эпидемия или даже просто лесной пожар?

— Я не думаю, что здесь помог бы показной идеализм. Насколько я понимаю, все эти попытки втиснуть людей в прокрустово ложе чьего бы то ни было Великого Плана Освобождения Человечества обычно кончаются тем, что палка истории ударяет обратным концом по освободителям. В этом селении у каждого есть свое место и дело, которое он хорошо делает. У нас каждый может ходить с высоко поднятой головой, будь он сапожник, рыбак, охотник, шахтер, ткач, винодел или гончар.

— А как с искусством? С этим диалектико-материалистическим подходом...

— У нас каждый танцует и каждый поет. Все умеют играть в спортивные игры, лепить из глины и рисовать. У одних это получается лучше, чем у других, но самое главное все могут это делать. В нашей общине художники все, а не кучка полусвихнувшихся избранных.

— Но вас, похоже, немного,— сказала Енэ,— по моим подсчетам, не более трехсот человек.

— Больше народу в одном месте — больше проблем: проблема санитарии, транспорта, шума, столкновений интересов. Земли у нас достаточно, и поэтому кроме этого селения в радиусе ста километров разбросаны еще двенадцать таких же селений, и в каждом из них живет не более 300 человек. Каждый из них волен иметь столько детей, сколько захочет, но если с рождением твоего ребенка численность жителей превышает три сотни, ты должен основать собственное поселение. Желаящих предостаточно, любителей воды, например, охоты на неосвоенных территориях и так далее. Между селениями идет оживленная торговля, поэтому мужчины берут, как правило, жен из других селений. Похоже, что такова уж человеческая природа — искать себе пару в чужих местах.

— По-видимому, налоговому управлению делать здесь совершенно нечего,— сказал Честер,— да и зачем нам создавать дополнительные сложности?

— Честер, здесь очень приятное место. Почему бы тебе не обосноваться не здесь и теперь позабыть обо всех этих издержках цивилизации?

Честер отрицательно покачал головой:

— Я начал с того, что попытался решить свои налоговые проблемы с помощью незаконных финансовых операций. А когда ты оказался в беде, я тебя, по сути, бросил.

— Но мы же договорились...

— Энэ пыталась помочь мне, но я и ее бросил — продолжал Честер. — Я пал почти на самое дно, когда мной занялся Куве. Вырвавшись из исследовательского центра, я поклялся начать новую жизнь. Я помог некоему Бэндону, я отомстил Девану за свои унижения. Затем мне повезло, и я нашел Энэ. Извини, Кейс, что я принес тебе столько проблем. Я стоил тебе тридцати лет жизни.

— Лучших тридцати лет моей жизни, Честер. И теперь мы квиты.

— Нет, у меня еще остается цирк, о котором я должен позаботиться.

— Совершенно верно, Честер. Если действительно тридцать лет пролетели только для меня, то еще не поздно что-нибудь спасти в нашем мире!

— А кроме того, надо позаботиться и об изобретении прадедушки. Он ведь угробил на него всю свою жизнь и завещал его мне. Только я могу его спасти. Ну, а кроме всего прочего, имеется еще кое-что.

Кейс поднялся на ноги:

— Ничего нет лучше настоящего, Честер. Давайте трогаться помаленьку.

Полчаса спустя Честер, Кейс, Энэ и гомонящая толпа селян вышли к поляне, на которой находился ковер с двумя парчовыми креслами.

— Кейс, полагаю, что тебе нужно произнести речь, назначить преемника, сделать несколько пророчеств, словом, все то, что обычно делают белые боги перед тем, как исчезнуть в небытие.

Кейс вздохнул:

— У меня здесь множество друзей, Честер, и мне очень не хочется их покидать. Но нет никакого смысла устраивать по этому поводу торжество. Тридцать лет я учил их жить и работать и не думаю, что указания вдогонку могли бы что-либо изменить.

— Тогда тронулись, Энэ, — сказал Честер, — но уж постарайся доставить нас туда, откуда мы начали путешествие — в пункт управления машиной в дедушкином доме.

Энэ посмотрела на Честера как-то растерянно:

— Я в контакте с компьютером, — сказала она, — но...

— Что такое, Энэ?

— Мир, из которого мы начали путешествие, больше не существует.

— Мои смутные предположения теперь начинают подтверждаться,— размеренно проговорил Честер.— Твои деревушки с населением, не превышающим триста человек, и Триценниум, где я провёл почти год,— не есть ли все это наш мир в его прошлом и некоем отдалённом будущем?

— Ничего не понимаю, Честер. Я давно оставил всякую надежду разобраться хоть в чем-либо, что касается этого проклятого компьютера.

— Но если это так, это может лишь означать, что мы имели и имеем дело с реальной действительностью. Мы просили компьютер показать нам сцены из прошлого самым доступным для человеческого наблюдения способом...

— Ты хочешь сказать, что дьявольская штука восприняла наше шутливое предложение всерьёз и зашвырнула нас в реальное пространство и время?

Честер согласно кивнул:

— Боюсь, что мы пошутили над самими собой, Кейс. Компьютер оказался настоящей Машиной Времени. Когда мы физически оказались в прошлом,— продолжал Честер,— наше присутствие в нем трансформировало будущее. Я теперь припоминаю, что компьютер что-то говорил о связи между Триценниумом и домом прадедушки.

— А как же город с этими ужасными розовыми полицейскими, Честер? — спросила Энэ.— Он очень напоминал что-то, правда, с вкраплениями устаревших деталей, которые могли объясняться, как я представляю, отсутствием мистера Малвихилла, что внесло определенный дисбаланс в привычную картину.

— Да, и потом Кейс все-таки находился здесь не так долго, по крайней мере, не настолько, чтобы изменить антураж до неузнаваемости.

— Так что я полагаю, что нам так и придется здесь остаться навечно.

— Давай-ка зададим компьютеру несколько вопросов. Итак, мы совершенно отрезаны от нашего мира, Энэ, и никогда не сможем туда вернуться?

— Широкий спектр энтропных потоков был нейтрализован факторами восьмого уровня сложности, вызванными внедрением мистера Малвихилла...

— Пусть так,— вклинился Кейс,— а как насчет виллы Честера?

— Она была низведена до статуса латентной псевдо-реальности.

— Почему же эта идиотская куча деталей сразу же не предупредила нас об этом?

— Не забывай, что это машина,— сказал Честер.— А любая машина начисто лишена инициативы. А сами мы и не спрашивали об этом.

— Да, но если дом исчез, то где тогда компьютер?

— Помещен во временную вакуоль...

— Послушай, Честер,— сказал Кейс.— У меня есть хитрое предложение.— Он повысил голос.— Компьютер, смог ли бы так... ну... показать нам, как выглядело жилище прадедушки, если оно когда-либо существовало.

— Конечно, нет ничего проще.

Последовала небольшая пауза.

Затем вокруг собравшихся заблестели вдруг возникшие прозрачные стены.

— Должна предупредить вас, что это всего лишь оптический эффект, созданный моими усилиями,— сказала Енэ,— за ним ничего существенного не стоит.

— Может быть, из этого что-нибудь и выйдет, Кейс,— заметил Честер, а затем продолжил:

— Компьютер, я бы хотел, чтобы ты конкретизировал эту картину: больше деталей и больше правдоподобия. В общем, побольше реализма.

— У меня нет уверенности, что мне это удастся, мистер Честер. Для этого требуется радикально изменить все мои параметры, что может вызвать сильное электронное возбуждение.

— Попытайся все же.

— Попытка может закончиться тем, что вы окажетесь в вероятном мире, само существование которого даже у меня вызывает сомнение.

— Мы, тем не менее, рискуем.

Последовала минутная пауза, а затем:

— Ну вот, мне удался тактильный эффект. Теперь вы можете, потрогав, ощутить стену.

— А сейчас добавь слуховые, обонятельные и вкусовые ощущения. И, главное, побольше красок и мелких достоверных деталей в нарисованную тобой картину.

Мгновение спустя машина сказала:

— Увеличены параметры эффекта; теперь имеется псевдо-дом и псевдо-почва, погруженные в псевдо-атмосферу.

— Дышать-то в ней, надеюсь, можно?

— О, конечно. Все создаваемые мной эффекты высшего качества и отличаются высокой точностью деталей.

— В таком случае, почему бы тебе не заняться воссозданием недостающих деталей — планеты и всего прочего? Не торопись и сделай это хорошенько.

— Ваше последнее замечание вряд ли уместно, мистер Честер...

— Прошу прощения. Но ты можешь это сделать?

— О, я все уже сделала.

— То есть ты хочешь сказать, что там воссоздан кажущийся мир, который похож на настоящий до малейшей детали?

— Да, несомненно, с той только особенностью, что он не настоящий.

Честер подошел к двери и распахнул ее. Хорошо знакомые запыленные бутылки с вином мирно лежали на своих стойках напротив катушек и мигающих лампочек пункта управления.

— Тот это дом или не тот? — сказал Честер. — Вопрос риторический.

Раздался повелительный стук в дверь.

— Что это?

— Некий мистер Овердог из Федеральной налоговой инспекции, — последовал ответ компьютера.

— Ну что же, сам требовал побольше реализма, — пробормотал себе под нос Кейс. — Впустить?

— Откуда он узнал об этом доме? — спросил Честер.

— Из моего письма, — последовал ответ, — направленного ретроактивно.

— Но зачем? Что у нас, без него проблем не хватает?

— Вы упомянули о своем желании устроить ваши налоговые дела. Вот мной и были предприняты соответствующие шаги.

— Скажи, пожалуйста, сколько времени мы провели вне дома... э-э... в другом измерении? — поинтересовался Кейс.

— Семь суток, два часа, сорок одну минуту и две секунды.

— Так я впусти его, Честер?

— Валяй, чего уж там.

Дверь открылась, чтобы впустить тощего человечка с красными глазами и в старомодной шляпе оранжевого меха на лысой голове.

Глядя на Кейса и Энэ, он как из пулемета выпалил:

— Я получил ваше письмо. Где мистер Честер? Надеюсь, вы готовы решить все сейчас же? Я очень занятой человек.

— А что собственно...? — начал было Честер.

Послышались еще шаги. Дородный мужчина с голубыми глазами-льдинками под белесыми бровями, отдуваясь, ввалился в комнату.

— Мистер Честер, — начал он без предисловий, — прежде чем заключать договор с Федеральной налоговой инспекцией, вы должны подумать над моим предложением...

— Что вы здесь делаете, Клант? — выпустил еще одну очередь Овердог.

— А этот откуда? — шепотом спросил Честер у Енэ.

— Он из Бюро статистики естественного движения населения, — тоже шепотом ответила она. — Он тоже получил письмо.

— Когда же были написаны эти письма? Ведь и часа не прошло с тех пор, как мы воссоздали этот мир.

— О, и не такие вещи можно проделывать с помощью временных вакуолей, — объяснила Енэ. — Письма были отправлены три дня назад.

— Что за предложение вы хотите мне сделать, мистер э-э-э..? — поинтересовался Кейс.

— Если дело с возможностями вашего... м-м-м... информационного устройства обстоит именно так, как вы написали в письме, то от имени Бюро статистики естественного движения населения я уполномочен заявить...

— Я берусь погасить половину налоговой суммы, — вклинился Овердог, — а относительно второй мое Бюро предлагает очень либеральный вариант — рассрочку, скажем, на год-два. Щедрое предложение, я бы сказал, просто предельно щедрое.

— Бюро естественного движения идет даже дальше. Мы готовы оплатить целых две трети счета! — Клант с триумфом посмотрел на Овердога.

— Это заговор! Вы шутите с тюрьмой, Клант! — Он перевел свой тяжелый взгляд на Честера. — Последнее слово, мистер Честер. Полное погашение задолженности, всей суммы целиком! Подумайте об этом!

— Цыплячий корм! — отпарировал Клант. — Уже утром у вас на руках будет чек на пять миллионов кредитов.

— Продано! — сказал Честер.

— И, разумеется, при условии ежегодно возобновляемого права аренды нами машины, — быстро вставил Кейс.

— И с сохранением полного права доступа к ней, — уточнил Честер.

— Решено, джентльмены! Я совершу переворот в статистике естественного движения с помощью этого устройства. С увеличением объема информации штат в пятьдесят человек не будет выглядеть слишком большим, не так ли Овердог?

— Что ж, жду ваш чек завтра, мистер Честер, а следующий — в марте!

Овердог вышел. Клант, сияющий от радужных перспектив, последовал за ним.

— Ну вот, дело сделано, — сказал сияющий не меньше Кейс. — Прекрасная сделка, Честер, надеюсь, Вауссеровский цирк может какое-то время не беспокоиться за свою судьбу.

Честер открыл дверь и выглянул наружу:

— Ты уверен, что там безопасно, компьютер? — спросил он.

— После того, что только что произошло, вопрос имеет чисто схоластическое значение. Я вынужден изменить свою первоначальную оценку. Настоящая реальность не является фиктивной. А деревня, где жил мистер Малвихилл, была лишь плодом воображения, насколько я могу судить.

— Ах, вот как!? А как же насчет седины и бороды?

— Психосоматический эффект,— ответил компьютер как-то неуверенно.

— А что делать с Энэ? — спросил Кейс.— Оставить ее здесь или как?

— Энэ пойдет со мной,— отрезал Честер.

— Я просто подумал, может, она — лишь часть арендуемого нами оборудования?

— Оборудования? Чепуха. Энэ из такой же плоти, как и я.

— Не разыгрывай меня, Честер. Мы оба свидетели, как она была создана,— правда, компьютер?

— Вы просили, чтобы был создан передвижной приемо-передатчик в образе молодой девушки,— ответил компьютер.— Наиболее простой способ решения задачи — это вырастить живую человеческую клетку.

— Ты хочешь сказать, что ты вырастил Энэ из человеческой клетки в течение какого-то часа?

— Тело созревало во временной вакуоли.

— Но... откуда ты взял клетку?

— У меня в распоряжении была одна клетка — ваша клетка, мистер Малвихилл. Мной у вас была взята проба крови, если вы припоминаете.

— Но это немыслимо! Ведь я — мужчина.

— Пришлось поработать с хромосомными парами.

— Итак, я стал матерью,— сказал Кейс взволнованно,— и к тому же матерью незамужней. Оказывается, если все именно так обстоит, то вырастить живую девушку из клетки ничуть не сложнее, чем собрать ее, скажем, из деталей старых часов.

— В таком случае,— сказал Честер, беря руку Энэ в свою,— надеюсь, коль скоро ты представляешь отца и мать в одном лице, ты согласишься отдать ее за меня замуж, если, конечно, Энэ ничего не имеет против.

— О Честер,— промолвила Энэ.

— Ну братцы, и дела...— протянул Кейс.— Давайте выпьем, чтобы как-то переварить эту новость.

— Я отлучусь на минуту,— сказал Честер.— Хочу прежде перемолвиться с компьютером.

— О чем, если не секрет?

— Я прожил в обществе двадцать пять лет и ничего в него не привнес. Сейчас я бы хотел организовать школу, для начала просто

небольшое учебное заведение для нескольких избранных учеников. Хочу посмотреть, смогу ли я исправить хотя бы часть из несовершенств этого мира. Компьютер располагает информацией, а я, благодаря Куве, научился думать.

— Да, ты очень изменился, Честер. Давай, воспользуйся моментом, мы тебя подождем.

Честер уселся в парчовом кресле.

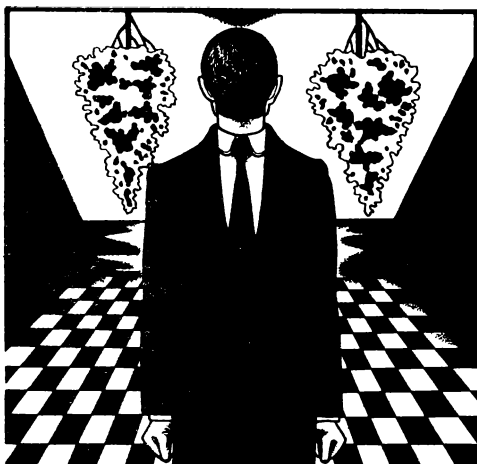
— Итак, компьютер, начнем наш первый урок!

— Нереальное не есть недействительное. Недействительное не есть нереальное. Нереальное не есть невозможное...

НОЧЬ ИЛЛЮЗИЙ

роман

1

Я ничего не услышал: ни приглушенного дыхания, ни крадущегося шороха обуви по ковру; но еще до того, как открыть глаза, я знал, что в комнате кто-то был. Я передвинул руку под одеялом на потертую рукоятку бельгийского браунинга, который храню из сентиментальных побуждений, и сказал:

— Давайте зажжем свет.

У двери появилась тусклая полоска света. Около входа стоял мужчина среднего роста и среднего возраста в сером гражданском костюме. Он посмотрел на меня безразлично, и лицо его было самым обычным лицом. Дверь в ванную рядом с ним была приоткрыта на пару дюймов.

— Вы прервали прекрасный сон,— сказал я.— Я почти проник в его суть. Между прочим, скажите своему партнеру, чтобы он вышел и присоединился к нашей вечеринке.

Дверь ванной открылась шире, и в поле зрения появился худой мужчина со впалыми щеками, с длинными костлявыми запястьями, выглядывающими из-под манжет. У него были присыпанные перхотью рыжеватые волосы и такого же цвета лицо, покрытое множеством морщин. Нервная гримаса, которую он, видимо, считал улыбкой, обнажала ровный ряд искусственных зубов. Я взял коробку курева с тумбочки, вытянул сигару и зажег ее, а они очень внимательно наблюдали за всем этим, как будто это был трюк, о котором они много слышали и не хотели упустить шанс увидеть его. Я выдохнул дым и сказал:

— Почему бы вам не рассказать мне все? Если, конечно, это не секрет.

— У нас есть работа для вас, мистер Флорин, — сказал Седой выразительным конфиденциальным тоном. — Деликатная миссия, для которой требуется человек необычных способностей.

Я не стал возражать.

— Способ, которым мы вошли, был своего рода тестом, — сказал Костлявый очень высоким голосом, который никак не подходил к его внешности. — Не стоит и говорить, что вы его выдержали, — он хихикнул.

Сигара была ужасной, и я затушил ее в стеклянной пепельнице с надписью «Бар Гарри».

— Жаль, что вы напрасно беспокоились, — сказал я. — Я не ищу работу.

— Мы представляем очень важного человека, — сказал Костлявый и попытался воспроизвести на лице выражение, какое бывает у людей, работающих на довольно солидного человека, а получилось так, будто ему нужно слабительное.

— Может, у него есть имя? — спросил я. — Я имею в виду того очень важного человека.

— Никаких имен, по крайней мере, сейчас, — быстро сказал Седой. — Можно нам присесть, мистер Флорин?

Я махнул свободной рукой.

Седой сделал два шага и примостился на краешке табуретки около платяного шкафа. Костлявый продрейфовал в глубь комнаты и утонул в одном из тех больших бесформенных кресел, из которых можно выбраться только с помощью подъемного крана.

— Не стоит и говорить, — произнес Седой, — что плата будет соразмерна серьезности ситуации.

— Разумеется, — кивнул я. — А какой ситуации?

— Ситуации, включающей безопасность планеты, — пояснил Седой с таким выражением, как будто это решало все.

— Что общего между безопасностью планеты и мной?

— Вы известны как самый лучший профессионал в этом деле. Вы осторожны, надежны, и вас нелегко напугать.

— И не забывайте про мою улыбку победителя, — сказал я. — А что за дело?

— Дело конфиденциального расследования, конечно.

— В качестве персонального эскорта, — вставил Костлявый.

— Личная охрана, — сказал я. — Это нормально, вы можете говорить об этом вслух и громко, только не надо стараться, чтобы это звучало элегантно. Но вы упустили один момент. Я в отпуске, продолжительном отпуске.

— Дело настолько важное, что само по себе служит основанием для прерывания вашего отпуска, — сказал Костлявый.

— Важное для вас или для меня?

— Мистер Флорин, вы отдаете себе отчет в напряженном — если не сказать отчаянном — положении в социальной сфере на данный момент, — сказал Седой бесцветным голосом. — Вам известно, что социальные волнения достигли угрожающих размеров...

— Вы подразумеваете, что народы страдают от современного состояния общества? Да, я знаю об этом. Я узнаю звук бьющегося стекла, когда слышу его. Но меня это не касается. Я всем доволен. Держу голову пониже, чтобы волны проходили надо мной.

— Чепуха, — сказал Седой без видимых эмоций.

Его рука скользнула в низ жакета и вытащила плоскую кожаную папку. Он с легким щелчком открыл ее. Маленький золотой знак подмигнул мне.

— Вы нужны нашему правительству, мистер Флорин, — безразлично произнес он.

— Это приказ или предложение? — спросил я.

— Ваше сотрудничество должно быть добровольным, конечно.

— Это ваше «добровольно» вызывает трепет, — сказал я и зевнул, правда, не совсем искренне.

— Ваша циничная позиция не убедительна, — почти улынулся Седой. — Я знаком с вашим послужным списком во время войны, мистер Флорин. Или вы предпочитаете обращение полковник Флорин?

— Нет, — ответил я. — Воспоминания утомляют меня. Война была давно, я был молод и глуп. У меня было много грандиозных идей, которые почему-то не смогли сохранить мир.

— Есть один человек, способный выправить ситуацию, умиротворить недовольных. Я думаю, вы знаете, кого я имею в виду.

— Соревнование по ораторскому искусству посреди ночи не может заменить сон, — сказал я. — Если у вас есть дело, перейдите к нему.

— Ваша помощь, мистер Флорин, нужна Сенатору.

— Что может быть общего у мелкого частного детектива с Сенатором? Он может купить квартал, где я живу, и снести его со мною вместе.

— Он знает вас, Флорин, знает о ваших прошлых заслугах и испытывает огромное доверие к вам.

— Чего он от меня хочет: чтобы я открывал двери перед ним?

— Он хочет видеть вас. Прямо сейчас, ночью.

— Не надо лишних слов, — сказал я. — За углом у вас стоит гоночная машина, чтобы во мгновение ока доставить меня в его штаб-квартиру.

— Вертолет, — сказал Седой. — На крыше.

— Мне следовало об этом догадаться — сказал я. — Не возражаете, если я надену штаны перед тем, как мы отправимся?

Комната была большой с толстыми коврами, с покрытыми шелковой узорчатой тканью стенами, причудливыми карнизами, с громадной спиральной люстрой, над созданием которой трудилась целый год семья венецианских стеклодувов.

Здоровенный парень с продолговатым важным лицом, с большим носом, покрытым сетью лопнувших капилляров, встретил меня сразу же за дверью, осторожно пожал мне руку и провел к длинному столу, где в ожидании сидели четверо мужчин.

— Джентльмены, мистер Флорин,— представил он.

Лица всех сидевших за столом были удивительно похожи и имели достаточно много общего с фаршированной камбалой, чтобы ослабить мое удовольствие от встречи с ними. Они не сказали, понравилось ли им, как выгляжу я.

— Мистер Флорин дал согласие помочь нам,— начал Носатый...

— Не совсем,— вставил я.— Пока я согласился выслушать.

Я разглядывал пять физиономий, а они в свою очередь разглядывали меня. Никто не предложил мне кресло.

— Эти джентльмены,— продолжал Носатый,— являются личным персоналом Сенатора. Вы можете быть уверены в их абсолютной осторожности.

— Прекрасно,— сказал я в той легкой манере, которая в течение долгих лет вербовала мне друзей.— С чем мы должны быть осторожны?

Один из них наклонился вперед, сжав руки. Это был сморщенный маленький человечек с узкими ноздрями землистого цвета и глазами ловчей птицы.

— Мистер Флорин, вы понимаете, что анархисты и всяческие недовольные угрожают нашему обществу,— сказал он голосом, похожим на скрежет совести.— Выдвижение кандидатуры Сенатора на пост мирового лидера является нашей единственной надеждой на сохранение мирного хода событий.

— Может быть, но при чем здесь я?

Человек с лицом круглым и жирным, как тарелка со свиным салом, сказал:

— Предстоящие выборы являются самыми важными из всех, какие были когда-либо на этой планете.— У него был бойкий тонкий голос, и у меня возникло чувство, что он должен принадлежать более худенькому и маленькому человеку, возможно, прячущемуся под столом.— Успех Сенатора и политики, которую он представляет, избавит мир от хаоса и даст ему еще один шанс.

— А противоположная сторона имеет равные возможности?

— Само собой разумеется, мистер Флорин, что вы лояльны к законному правительству, закону и порядку.

— Но вы, тем не менее, предупредили об этом. У меня возникло чувство,— поторопился я продолжить, чтобы меня не прервали,— что мы танцуем вокруг чего-то, о чем хотят сказать, но почему-то не говорят.

— Возможно, вы заметили,— сказал Круглолицый,— что в последние дни предвыборная кампания Сенатора пострадала от недостатка движущей силы.

— В последнее время я не смотрел телек.

— Поступали жалобы,— сказал Человек-Птица,— что он повторялся в речах, слабо отражал атаки оппонентов, что из его презентаций исчез динамизм. Жалобы абсолютно справедливы. Уже в течение трех месяцев мы снабжаем службы новостей фальшивыми записями.

Они все смотрели на меня. Тишина звенела в комнате. Я обвел взглядом стол и остановился на человеке с клочковатыми седыми волосами и ртом, который как будто был создан для того, чтобы сжимать курительную трубку.

— Вы хотите сказать, что он мертв?— спросил я.

Седая голова медленно, почти с сожалением, отрицательно качнулась.

— Сенатор,— произнес он торжественно,— сошел с ума.

Тишина, наступившая после этой чудовищной новости, была тяжела, как мокрое белье в прачечной. А может быть, еще тяжелее. Я поерзал на стуле и послушал негромкие покашливания. С находящейся вдалеке авеню слышались гудки автомобилей. Ветер бился об оконное стекло, в котором отражались уходящие вдаль, к горизонту огни.

— В течение последних трех лет он находился под таким бременем, которое сломало бы обычного человека и за половину этого срока,— сказал Круглолицый.— Сенатор — боец. Несмотря на рост давления, он держался. Но напряжение все же сказалось на нем. Он начал видеть врагов повсюду. В конце концов навязчивые идеи превратились в фиксированную систематическую манию. Сейчас он думает, что все против него.

— Он верит,— сказал Носатый,— что разрабатывается план его похищения. Он воображает, что враги намерены промыть ему мозги, сделать его марионеткой, и, соответственно, считает своим долгом избежать этого.

— Конечно, в этом есть доля здравого смысла,— сказал человек, худой, как щепка, с полудюжиной прилизанных волосков на лысой голове, и уставился на меня такими горящими глазами, что можно было жарить бифштексы.— Он избегает трудностей предвыборной кампании, но по самым благопристойным поводам. Он вводит себя в заблуждение, что, жертвуя своими надеждами на высокий пост, предотвращает использование себя, и этим снимает с

себя груз вины за то, что не сумел достойно ответить на вызов.

— Трагично,— сказал я,— но не совсем по моей линии. Вам нужен доктор по болезням головы, а не старая галоша.

— Самые лучшие нейрофизиологи и психиатры страны пытались вернуть Сенатора к реальности, мистер Флорин,— сказал Носатый,— и потерпели неудачу. Вот почему теперь мы намерены возвратить Сенатора в реальный мир.

3

— Наш план заключается в следующем,— сказал Человек-Птица, нагибаясь вперед, лицо его почти утратило бесстрастность.— Сенатор твердо намерен рискнуть и выйти в город инкогнито, чтобы испытать свои возможности. Очень хорошо. Мы позаботимся, чтобы его исчезновение прошло успешно.

— Сенатор воображает, что, ускользнув от роли человека, занимающего высокий пост, избавившись от сдерживающего влияния власти и положения, он сможет затеряться в толпе,— сказал Горящие Глаза.— Но он увидит, что дело обстоит не так-то просто. Аналитики, которые изучали его болезнь, заверили нас, что ему будет нелегко избавиться от чувства долга. Возникнут трудности, порожденные глубинами его собственного сознания. И когда эти воображаемые трудности будут противостоять ему, он обнаружит, что они не совсем воображаемые.

— Человек, который верит, что его преследуют враги, невидимые враги, угрожающие ему смертью, определенно психопат,— сказал Круглолицый.— А что, если за ним на самом деле охотятся? Что, если его страхи не напрасны?

— Видите ли,— сказал Горящие Глаза,— человек, находящийся во власти галлюцинаций, на определенном этапе отличает иллюзии от действительности. Жертва истерической слепоты время от времени будет спотыкаться о стул на своем пути, но когда воображаемая собака его кусает, шок, который он испытывает, возвращает его из воображаемого безопасного убежища, которое на самом деле не такое уж безопасное, к более грубой действительности.

— Мы сделаем его нормальным, мистер Флорин,— сказал Носатый.— А установив связь с реальностью один на один, мы уравниваем его психику.

— Толково,— сказал я.— Но кто снабдит его розовыми словами? Или потребуется привидение в клозете?

— Мы не без средств,— угрюмо сказал Носатый.— Мы приняли меры для эвакуации части города за исключением небольшого числа хорошо тренированного персонала, установили соответствующее сверхсложное оборудование, реагирующее на излучение его мозга.

Его продвижения будут прослеживаться, а фантазии контролироваться, чтобы в соответствии с ними воспроизвести подходящую для него страхов обстановку.

— Если он представит себя осажденным дикими животными, — сказал Горящие Глаза, — появятся дикие животные. Если он представит, что город подвергается бомбардировке — будут падать бомбы. И все это будет сопровождаться взрывами с разлетающимися обломками, пожарами. Если он вообразит убийц, вооруженных ножами — его атакуют убийцы с ножами в руках. Конечно, он преодолеет все эти трудности, потому что в силу своего жизнелюбивого характера он не сможет представить свою собственную кончину. Встретившись лицом к лицу и преодолев все опасности, он, мы убеждены, встретит и преодолеет истинную угрозу своему расудку.

Я посмотрел на сидящих за столом. Они казались серьезными.

— Джентльмены, вы ожидаете слишком многого от сыщика из телерадиошоу, — сказал я. — Сенатор может быть сумасшедшим, как замок Дракулы, но он не дурак.

Носатый мрачно улыбнулся.

— Мы готовы кое-что продемонстрировать, мистер Флорин.

Он шевельнул пальцем, и я услышал рычание мощных двигателей, сопровождающееся звуками гусениц, перемалывающих и крошащих все на пути, которые приближались, становясь громче. На столе задребезжали пепельницы, задрожал пол, затанцевали светильники. Со стены упала картина, а сама стена вздулась и рухнула в комнату. Дуло десятимиллиметрового скорострельного пулемета, установленного на носу бронетранспортера Боло Марк-III, въехало в комнату и остановилось. Я почувствовал запах пыли и горячего масла, услышал скрип турбин на холостом ходу, удары падающих кирпичей...

Носатый снова поднял палец, танк в мгновение ока исчез, стена снова была на своем месте, так же, как и картина и все остальное. И единственный звук исходил от меня, когда я пытался проглотить комок, застрявший в горле. Я вытащил платок, вытер им лоб и шею, а в это время они глядели на меня с противными покровительственными улыбками.

— Да, — сказал я. — Я снимаю свое последнее замечание.

— Поверьте мне, мистер Флорин, все, что сенатор испытает во время своего набега на город, будет абсолютно реальным — для него.

— Тем не менее, я воспринимаю это как сумасшедший план, — сказал я. — Если вы привели меня сюда, желая получить мой совет, я говорю — забудьте об этом.

— О том, чтобы забыть, не может быть и речи, — сказал Круглолицый. — Вопрос только о вашем сотрудничестве.

— И где я вписываюсь в эту картину?

— Когда Сенатор отправится за приключениями, вы пойдете с ним.

— Я слышал о людях, которые сходят с ума,— сказал я,— но никогда не слышал, чтобы они брали с собой попутчиков.

— Вы будете охранять его, Флорин. Вы проведете его через весьма реальные опасности, с которыми он столкнется, обеспечите безопасность. И одновременно вы будете снабжены средствами связи, при помощи которых мы будем наблюдать за его передвижениями.

— Понятно. Но что же, как говорят, в этом для меня лично? Человек-Птица пронзил меня взглядом.

— Вы воображаете, что вы солдат удачи, человек чести, одинокий воин против вселенского зла. А сейчас ваши специфические таланты нужны для более важных дел. Вы не можете показать спину в ответ на призыв к долгу, тем самым не уронив свой авторитет. Поэтому вы будете делать то, что хотим мы! — Он сел с таким довольным видом, какой мог позволить ему его внешний облик.

— Ну, в этом, возможно, что-то есть, советник,— сказал я,— но у меня в запасе есть еще кое-что, чем я горжусь, кроме того, что я Джек Армстронг — спасатель. Например, я сам выбираю работу для себя. Ваши мальчики с пушками носят чистые рубашки и не высовывают носа при публике, но они всего лишь мальчики с пушками. Идея приехать сюда и послушать ваши сказки казалась соблазнительной, но это не значит, что я ее покупаю.

— Несмотря на вашу любовь к беспокойной жизни, мистер Флорин, вы богатый человек или могли бы им стать, если б захотели. То, что мы предлагаем вам — это профессиональный вызов такого масштаба, с которым при других обстоятельствах вы бы никогда и не встретились.

— Это новый поворот,— сказал я.— Вы смело перекладываете на меня свою ответственность.

— Выбор прост,— сказал Носатый.— Вы знаете ситуацию. Настало время решать, будете вы нам помогать или нет?

— Вы предварили меня, что получили советы кое-кого из психологов,— сказал я.— Мне следовало крепко подумать, прежде чем спорить.

— Не клеветайте на себя, Флорин,— сказал Носатый.— Принимайте же то единственное решение, которое вам подсказывает совесть.

— Давайте внесем ясность в один вопрос,— сказал я.— Если я подпишусь на охрану Сенатора, то выполняю работу так, как считают нужным.

— Это понятно,— сказал слегка удивленный Носатый.— Что еще?

- Когда начнется эксперимент?
- Он уже происходит. Сенатор ждет вас немедленно.
- Он знает обо мне?
- Он воображает, что ваше прибытие — это хитрость, придуманная им самим.
- У вас на все готовы ответы,— сказал я.— Хорошо бы еще знать все вопросы.
- Мы предусмотрели любую случайность, которую могли вообразить. Остальное — в ваших руках.

4

Двое из комиссии — они называли себя Внутренним Советом — сопроводили меня в ярко освещенную комнату в полуподвальном помещении. Трое молчаливых людей с ловкими руками помогли мне облачиться в новый костюм из мягкого серого материала, который, как сказал Носатый, был более или менее пуленепробиваемым, а также был снабжен устройством для подогрева или охлаждения в зависимости от внешней температуры. Они дали мне два пистолета, один встроенный в перстень, а другой — в зажим авторучки. Один из техников достал маленькую коробочку, похожую на те, в которых выращивают искусственный жемчуг. Внутри, в гнездышке из хлопка, находилась маленькая розовая пластмассовая штучка размером с рыбку чешуйку.

— Это — средство связи,— сказал он.— Оно будет прикреплено к твоему черепу за ухом, а волосы прикроют его.

Краснощекий человек, которого я до этого не видел, вошел в комнату, шепотом посоветовался с Носатым и повернулся ко мне.

— Если вы готовы, мистер Флорин...— сказал он голосом приятным, как последнее желание, и не стал ожидать ответа.

У двери я оглянулся. Четверо угрюмо смотрели на меня. Никто не попрощался со мной.

5

Я слышал о летнем убежище Сенатора. Это был скромный коттедж из восьмидесяти пяти комнат, скученных на пятидесяти акрах лужайки и сада у подножья холмов в шестидесяти милях к северо-востоку от города. Пилот сбросил меня среди группы больших хвойных деревьев в холодный ночной воздух, наполненный запахом сосны, в полумиле от огней дома. Следуя инструкциям, я прокрался между деревьями, производя не больше шума, чем лось во время гона, и обнаружил дыру в крепкой ограде точно в том

месте, где, как мне сказали, она должна быть. Человек в сапогах с мощной винтовкой на ремне и с собакой на поводке прошел в пятнадцать футах от меня, не повернув головы. Возможно, он тоже следовал инструкциям. Когда он прошел, я тоже двинулся к дому короткими бросками от тени к тени, упав не более пары раз. Все это казалось мне абсолютно глупым, но Носатый настаивал, чтобы все было именно так.

Черный ход был почти скрыт красивым стелющимся можжевельником. Мой ключ позволил мне войти в маленькую комнату, наполненную запахами дезинфектантов и ведрами, путающимися под ногами. Следующая дверь вела в узкий холл. В фойе направо светились огни; я пошел налево, прокрался три этажа по узким лестницам, вышел в коридор, стены которого были покрыты серым шелком, что напоминало мне кое о чем, но я отбросил эту мысль. Впереди из открытой двери лился мягкий свет. Я подошел к ней и попал в полумрак, роскошь и аромат дорогой мебели и старых денег.

Он стоял у открытого стенного сейфа спиной ко мне. Когда я проходил через дверь, он повернулся ко мне. Я узнал лохматые светлые волосы, начинающие седеть; квадратную челюсть с ямочкой, которая приносила Сенатору женские голоса на выборах, крепкие плечи в пиджаке от личного портного. Глаза его были голубыми и спокойными, он смотрел на меня так обыденно, как будто я был дворецким, которому он позвонил.

— Флорин,— сказал он легким мягким шепотом, чего я не ожидал.— Вы пришли.— Он протянул руку; рукопожатие его было твердым, маникюр — свежим, ладонь — без мозолей.

— Что я могу сделать для вас, Сенатор?— спросил я.

На мгновение он задержался с ответом, как будто припоминая старую шутку.

— Полагаю, они выдали вам историю о том, что я сошел с ума? Что я воображаю, будто разрабатывается план моего похищения?— Прежде, чем я смог ответить, он продолжил: — Это все ложь, конечно. Все обстоит совсем не так. —

— Хорошо,— сказал я.— Я готов выслушать правду.

— Они намерены убить меня,— сказал он будничным тоном,— если только вы не сможете спасти мне жизнь.

6

Его взгляд был прямым и чистосердечным. Он был капитаном, я был его командой, наступило время играть в сыщика. Я открыл рот, чтобы задать вопросы, но вместо этого прошел мимо него к телефону слоновой кости, стоящему на столе. Не произнеся ни слова, он наблюдал, как я проверяю его, осветительные приборы, боль-

шую ветвь слегка увядших роз на боковом столике, водопроводную систему в смежной ванне. Я обнаружил три подслушивающих устройства и спустил их в унитаз.

— Умело установленный индуктивный микрофон все же может услышать нас,— сказал я.— Такова уединенность в современном мире.

— Как обстоят дела во внешнем мире?— спросил он.

— Так, как вы могли бы ожидать,— увильнул я от прямого ответа.

Он кивнул, как будто этим я сказал много.

— Между прочим, мы встречались раньше, Сенатор?

Он покачал головой, улыбнувшись.

— Учитывая обстоятельства,— сказал я,— думаю, что вы хотели бы увидеть документы, удостоверяющие личность.

Возможно, он слегка смутился, а может быть, и нет.

— Я не большой знаток физиономистики, но ваша репутация мне хорошо знакома,— сказал он и посмотрел на меня, как если бы настала очередь выхватить карту тайных коридоров в стенах замка, с крестиком, указывающим на место, где у задних ворот ждут быстрые лошади.

— Может быть, вы просветите меня, Сенатор,— сказал я.— Анархия, мятежи, незаконные сборища, толпы на улицах...— Он ожидал моего подтверждения.— Беспорядки не так спонтанны, какими могут показаться. Толпою манипулируют с целью, а цель — государственная измена.

Я достал одну из моих сигар и размял ее.

— Это очень тяжелое обвинение,— сказал я.— В наше время его не часто услышишь.

— Без сомнения, Ван Ваук говорил о приближающихся выборах, опасности политического хаоса, экономического коллапса, планетарной катастрофы.

— Он упомянул об этом.

— Есть еще кое-что, о чем он, скорее всего, не стал упоминать. Наша планета оккупирована.

Я зажег сигару и с шумом выдохнул дым через нос.

— Возможно, это ускользнуло из его памяти. Кто проводит оккупацию?

— Мир управляется одним правительством в течение двадцати лет; очевидно, что не существует внутреннего врага, чтобы начать атаку...

— Итак, кто же остается? Маленькие зеленые человечки с Андромеды?

— Не человечки,— ответил он серьезно.— Насчет Андромеды я ничего не знаю.

— Забавно,— сказал я.— Я что-то не замечал их вокруг.

— Вы не верите мне.

— А почему я должен верить?— решительно спросил я.

Он слегка усмехнулся.

— А почему, в самом деле? — Слабая улыбка увяла.— Но предположим, я представлю вам доказательства.

— Давайте.

— Как вы могли бы догадаться, здесь их у меня нет; ничего, что могло бы убедить вас.

Я кивнул, наблюдая за ним. Его глаза не казались сумасшедшими, но так бывает у многих из них.

— Я сознаю: то, что я рассказываю вам, кажется, придает достоверность рассказу Ван Ваука,— сказал он спокойно.— Но я иду на риск. Важно, чтобы я был абсолютно чистосердечен с вами.

— Разумеется.

— Позвольте мне полностью прояснить ситуацию. Вы пришли сюда как агент Ван Ваука. Я прошу вас забыть и его, и Совет; и быть преданным мне лично.

— Я был нанят в качестве вашего телохранителя, Сенатор,— ответил я.— Я намерен выполнить свою работу. Но вы не облегчаете мою задачу. Вы говорите мне о вещах, которые могут заинтересовать мальчиков с сачками для ловли бабочек; вы знаете, что я не верю вам, и тем не менее просите меня поддержать вашу игру. А я даже не знаю, какую игру вы ведете.

— Я рассказал вам также о вещах, о которых Ван Ваук не знал, что мне о них известно. Правда заключается в том, что я манипулировал им, Флорин.— Он выглядел сильным, уверенным в себе, здоровым, целеустремленным — за исключением легкого покраснения вокруг глаз.— Я хотел, чтобы вы были здесь, около меня,— сказал он.— Ван Ваук может думать, что угодно. Я заполучил вас сюда. Вот что считается. Зачтите мне за это очко.

— Хорошо, я здесь. Что дальше?

— Они установили связь с врагом — Ван Ваук и его банда. Они намерены сотрудничать с ним и надеются на особое вознаграждение от враждебного режима. Бог знает, что им было обещано. Я намерен остановить их.

— Как?

— У меня есть несколько единомышленников, преданных и готовых на все. Ван Ваук знает об этом, вот почему он осудил меня на смерть.

— Чего же он ждет?

— Откровенное убийство сделает из меня мученика. Он предпочитает сначала дискредитировать меня. Рассказ о сумасшествии — это первый шаг. С вашей помощью он надеется заставить меня совершить такие действия, которые будут одновременно причиной моей смерти и ее оправданием.

— Он послал меня сюда помочь вам совершить побег,— напомнил я ему.

— По маршруту, проложенному его наймитами. Но у меня есть источники, о которых ему неизвестно. Например, я узнал об оккупации и нашел другой маршрут побега.

— Почему вы не сбежали раньше?

— Я ждал вас.

— Вы не преувеличиваете мое значение?

— Я знаю свои силы, если буду один, Флорин. Мне нужен рядом такой человек, как вы,— человек, который не дрогнет перед лицом опасности.

— Не позволяйте дурачить себя, Сенатор,— сказал я.— Моя шея становится на два размера тоньше уже при мысли о маникюре.

Он изобразил скромную улыбку и дал ей исчезнуть.

— Мне стыдно перед вами, Флорин. Но, конечно, вы знамениты своим сардоническим юмором. Простите, если я недостаточно высоко оценил вас. Но абсолютно откровенно — я боюсь. Я не похож на вас — человека из стали. Моя плоть ранима. Я съезжаю при мысли о смерти — особенно от насильственной.

— Не ищите во мне того, чего нет, Сенатор. Я — человек, никогда не сомневайтесь в этом. Мне нравится жизнь, несмотря на ее недостатки. Если я и высунулся пару раз, то это было потому, что другие варианты были еще хуже.

— Тогда почему вы здесь!

— Возможно, из любопытства.

Он выдал мне тень улыбки.

— Неужели вам не хочется узнать, действительно ли я настолько сумасшедший, как говорит Ван Ваук? И вам не интересно увидеть, что я предложу в качестве доказательства вторжения нелюдей?

— В этом что-то есть.

Он посмотрел мне в глаза.

— Я хочу, чтобы вы были со мной как союзник, преданный до смерти. Или так — или ничего.

— Вы получите или это, или ничего.

— Я знаю.

— А осознаете ли вы, что будете в смертельной опасности с того момента, как мы отклонимся от заготовленного Ван Вауком сценария,— сказал он.

— Такая мысль посещала меня.

— Хорошо,— сказал он, снова став сдержанным.— Остановимся на этом.— Он подошел к шкафу, достал теплую полушinelю со следами длительной носки и надел ее. Она немного уменьшила его величественность, но не очень. Пока он занимался этим, я заглянул в открытый стенной сейф. Там лежала стопка официально изданных документов, перевязанная пурпурной лентой, письма,

толстая пачка чего-то похожего на деньги, но печать на них была сделана фиолетовыми чернилами и имелось изображение льва, а также надпись «Платежное средство Ластрион Конкорд для всех видов долгов, общественных и личных». Там также лежал плоский пистолет неизвестного мне типа.

— Что такое Ластрион Конкорд, Сенатор? — поинтересовался я.

— Торговая организация, акционером которой я был, — ответил он после некоторого замешательства. — Сейчас их акции почти ничего не стоят. Я храню их как память о своем слабом умении разбираться в финансах.

Он не сморел на меня; я опустил игрушечный пистолет в боковой карман; Сенатор стоял у окна, поглаживая пальцами серую металлическую раму.

— До земли долгий путь, — сказал я. — Но полагаю, в носке у вас найдется веревочная лестница.

— Найдется кое-что получше, Флорин. — Раздался мягкий щелчок, и оконная рама распахнулась в комнату, как ворота. Но никакого бушующего ночного воздуха в помещение не ворвалось; в восемнадцати футах находилась невыразительная серая стена.

— Двойная панель в стене, — пояснил он. — В доме есть немало особенностей, которые удивили бы Ван Ваука, узнай он о них.

— Каков был другой маршрут, Сенатор, которым, как полагает Ван Ваук, вы воспользуетесь? — спросил я.

— Это официальный экстренный выход: панель задней стенки гардероба открывает путь вниз, в гараж. Предполагалось дать взятку охраннику, чтобы получить машину. Наш путь менее роскошный, но гораздо более секретный.

Он пошел впереди меня, свернул налево. Когда я намеревался последовать за ним, за моим ухом будто застрекотал сверчок.

— Хорошая работа, — прошептал тонюсенький голосок, — все идет прекрасно. Оставайтесь с ним.

Я окинул последним взглядом комнату и пошел за Сенатором по тайному ходу.

7

Мы спустились на землю в тень гигантского тополя, пересадка которого обошлась кому-то в кругленькую сумму. Сенатор прокладывал путь без каких-либо драматических фокусов через декоративный сад к ряду импортированных тополей, а затем вдоль них к ограде. Из-под пальто он достал ножницы для резки проволоки и провода, чтобы «закоротить» электрозащиту ограды. Он вырезал в ней дыру. Мы вышли через нее и оказались в кукурузном поле под звездами. Сенатор повернулся ко мне и хотел что-то сказать, когда сработала охранная сигнализация.

Не было ни пронзительных звонков, ни сирен, просто по всему периметру вспыхнули яркие прожектора. Я схватил Сенатора за руку, когда он начал поворачиваться, чтобы посмотреть назад.

— Не смотрите на огни,— сказал я,— или это входит в ваши планы?

— Живее, сюда.— Он побежал к лесистому подъему за полем.

Тополя почти не задерживали свет, и наши длинные тени бежали перед нами. Я чувствовал себя таким же незаметным, как таракан в стакане для коктейля, но если и был другой способ действий, то в тот момент я не мог найти его. Нам пришлось пролезть еще через один забор. С другой стороны мы попали в редкий лес, который становился гуще по мере подъема. Мы остановились, чтобы восстановить дыхание в четверти мили от дома, который мирно плавал в луже света под нами. Не было видно ни вооруженных людей, бегающих по лужайке, ни машин, мчащихся по дорогам, ни вертолетов, жужжащих в воздухе, ни ревущих полицейских систем.

— Чересчур легко,— сказал я.

— Что это значит?— Сенатор дышал тяжело, но не тяжелее, чем я. Он был в форме — очко в нашу пользу.

— Они включили это море огней не для того, чтобы осветить нам дорогу. Или для этого?

— Существует тщательно разработанная система электронной защиты,— сказал он, и я увидел, как он усмехается.— Некоторое время тому назад из предосторожности я немного поработал с главной панелью управления.

— Вы обо всем подумали, Сенатор. Что дальше?

— Радиальное шоссе № 180 проходит в миле к западу, хотя...— Он махнул рукой в сторону гребня горы над нами.— Второстепенная дорога № 96 опоясывает холмы в семи милях отсюда. Здесь труднопроходимая местность, но я знаю маршрут. Мы можем быть у дороги через два часа, как раз вовремя, чтобы поймать продуктовый «дальнобойщик» и бесплатно добраться до побережья.

— Почему до побережья?

— У меня по давней договоренности встреча с человеком по имени Иридани. Он располагает необходимыми мне связями.

— Для человека под домашним арестом вы действуете весьма активно, Сенатор.

— Я говорил вам, что у меня совершенно необычные способы коммуникации.

— Как вы сказали?

Внизу под нами началось движение. Завелся транспортер, и началась погрузка людей. По подъездной аллее пешком спускалось отделение. Слышались крики, но особого волнения не было, по крайней мере, так казалось с расстояния в полторы тысячи ярдов.

— В планах Ван Ваука предусматривалась любая случайность,

за исключением этой,— сказал Сенатор.— Ускользнув из сети именно в этом месте, мы обошли всю его команду.

— Только если мы не будем сидеть и слишком долго болтать об этом.

— Если вы восстановили дыхание, тронемся дальше.

Видимость оказалась не слишком плохой, после того как мои глаза адаптировались к свету звезд. Сенатор уверенно поднимался выше и, казалось, точно знал, куда движется. Мы забрались на хребет, и он показал на призрачное сияние на севере, где в сорока милях от нас, по его словам, находился Хоупорт. В полумиле пролетел вертолет, обшаривая прожекторами верхушки деревьев. Инфракрасное устройство могло бы обнаружить нас на более близком расстоянии; но чертовски много девственного леса было на этой холмистой местности, и мы могли успешно затеряться в нем.

Пешее путешествие без остановок заняло на десять минут больше предсказанного Сенатором. Мы вышли на узкий пик, проскользнув по углу крутого разреза, который проходил через гористую местность подобно ране, нанесенной саблей. Мы продвинулись на несколько ярдов к северу, к узкому ущелью, которое представляло собой хорошее укрытие, если бы нам понадобилось срочно исчезнуть из поля зрения. Сенатор протянул мне серебряную фляжку и квадратную таблетку.

— Бренди,— сказал он,— и стимулятор обмена веществ.

Я попробовал бренди; оно было превосходным.

— Понял,— сказал я.— Это побег «люкс» из тюрьмы, американский вариант.

Он рассмеялся.

— У меня было достаточно времени на подготовку. Еще три месяца назад для меня стало очевидным, что Ван Ваук и Совет что-то задумали. Я ждал, пока не приобрел уверенность.

— А вы уверены в своей уверенности? Может быть, они знали о вещах, о которых вам ничего не известно?

— На что вы намекаете?

— Может быть, маршрут через гардероб был фальшивкой. Возможно псевдоокно было наживкой. Может быть, они сейчас следят за нами.

— Я мог так же легко принять решение направиться на юг, к столице.

— Но у вас были причины пойти именно этим путем. Возможно, им известны эти причины.

— Вы говорите наобум, Флорин? Или?..

— Если бы это было «или», я бы не болтал.

Он снова рассмеялся, хотя негромко и невесело, но это все-таки был смех.

— Все является на самом деле чем-то другим, чем кажется

нам и могло бы показаться, но где-то надо подводить черту. Я предпочитаю верить, что думаю собственной головой и что мои мысли хороши и даже лучше, чем все планы Ван Ваука.

— Что произойдет после вашей встречи с этим парнем Иридани?

— У него есть доступ к средствам массовой информации. Мое неожиданное появление на телерадио и информирование населения о ситуации свяжет им руки.

— Или сыграет им на руку.

— Что имеете в виду?

— Предположим, чужаки вам пригрезились.

— Но это не так, Флорин. Я сказал вам, что имею доказательства их присутствия.

— Если вы можете выдумать пришельцев, вы можете выдумать и доказательства.

— Если вы сомневаетесь, что я в здравом уме, почему вы здесь?

— Я согласился помочь вам, Сенатор, а не уверовать целиком и полностью в ваши идеи.

— В самом деле? А может быть, ваша идея помощи заключается в том, чтобы послушно привести меня к Ван Вауку?

— Вы послали за мной, Сенатор; это была не моя идея.

— Но вы согласились заключить союз со мной.

— Согласился.

— Тогда не пытайтесь помешать моим планам.

— Я просто рассуждаю, Сенатор. Бывают у людей мании, вы знаете. И они верят в них. Вы уверены, что у вас к этому есть иммунитет?

Он хотел ответить резко, но передумал, покачал головой и улыбнулся.

— Я уклоняюсь от анализа парадокса в такое время ночи.— Он замолчал и поднял голову.

Я тоже услышал приближающийся с юга вой турбин грузовика, не очень далеко от нас.

— Вот и наша повозка,— сказал я.— Точно, как вы предсказали, Сенатор.

— Общеизвестно, что это грузовая артерия, и не пытайтесь усмотреть в этом что-то мистическое.

— Думаю, что Ван Вауку это тоже известно. Вы прячьтесь. На мне пуленепробиваемый жилет, а на вас его нет.

— К черту,— резко сказал Сенатор, немного выходя из роли.— Надо же кому-то доверять.

Он вышел на середину дороги, встал поосновательней и помахал «дальнобойщику», когда он появился. Мы забрались в кузов через задний борт и удобно устроились среди пустых корзин для цыплят.

Водитель подбросил нас к району товарных складов в квартале от порта; по потрескавшейся мостовой холодный порывистый ветер, пропахший дохлой рыбой и просмоленной тенькой, гнал перед собой крупный песок и старые газеты. Слабый, мертвенного цвета свет от лампы на угловом столбе освещал фасады магазинов, полотняные навесы над их витринами были похожи на глаза слепцов. В поле зрения находились несколько человек: борющиеся с ветром мужчины в фетровых шляпах и женщины в шляпах «колокол» с голыми ногами в меховых ботиночках. Мимо прокатилась коробка такси, разбрызгивая грязную воду из канавы.

— В чем дело, Флорин?— отрывисто спросил Сенатор.

— Ничего особенного,— ответил я,— только все выглядит не так, как я ожидал.

— Вы ожидали чего-то особенного?

— Не обращайтесь внимания, Сенатор, я просто оговорился. Куда сейчас?

— В одно место неподалеку; встречи обусловлены каждые четыре часа, пока я не появлюсь.— Он посмотрел на карманные часы.— Теперь уже осталось менее получаса.

Мы прошли мимо закрытого магазина готового платья с манекенами, одетыми в двубортные смокинги, плечи которых были покрыты пылью; мимо кондитерской с тарелочками помадок на бумажных салфетках; аптеки с бутылочками разноцветных растворов и с табличкой некоего доктора Пеппера. На углу я остановил Сенатора.

— А что если нам изменить маршрут,— предложил я.— Просто так, без причины.

— Нонсенс.— Он начал двигаться на меня, но я не шевельнулся.

— Уважьте меня, Сенатор.

— Послушайте, Флорин, ваша работа — выполнять мои приказы, а не запугивать меня!

— Поправка. Я здесь для того, чтобы постараться сохранить вас в живых, и мое дело, как я это выполняю.

Он пристально посмотрел на меня и пожал плечами.

— Хорошо. Два квартала на запад, один на юг.

Мы пошли вдоль темной улицы. Все остальные пешеходы, казалось, были на другой стороне, хотя я не видел, чтобы кто-то, избега нас, переходил через дорогу. Удивительно многие женщины были высокими и стройными, одетыми в серые пальто с воротниками из белки. Зеленая открытая машина с наглухо застегнутым верхом медленно проехала мимо. Я повернул, наугад выбрав угол. В полуквартале от нас загорелась спичка. Там была припаркована зеленая машина, дверца ее была открыта, фары выключены, но мотор рабо-

тал. Я успел это рассмотреть, пока горел огонек. Мужчина выбросил спичку и сел в машину. Фары вспыхнули, ослепляя нас двумя обрамленными в никель шарами, каждый размером в половину та-зика для стирки.

— Бежим! — выпалил Сенатор.

— Держитесь, — сказал я, схватив его за руку и вталкивая в дверной проем. Машина пролетела мимо, как пушечное ядро, и свернула за угол. Ее рокот затих на темной улице.

— Близко, — сказал Сенатор сдавленным голосом. — Быстро реагируете, Флорин!

— Ага, — сказал я. — Фальшивка. Они хотели, чтобы мы их увидели. Кто же это был, не ваши ли приятели?

— На что вы намекаете?

— Ни на что, Сенатор. Просто блуждаю в темноте.

— Вы не перенервничали, Флорин?

Я ответил ему самой лучшей, побеждающей смерть улыбкой.

— С чего бы нервничать мне? Они хотят убить вас.

— Возможно, я преувеличил опасность.

— Есть ли какая-либо идея о причинах? Я имею в виду этот пустячок с машиной.

— Совпадение, — сказал он. — Перестаньте искать глубинный смысл в каждом инциденте, Флорин.

Он хотел пройти мимо, но я остановил его.

— Может быть, я лучше разведую обстановку один?..

— Ради Бога, Флорин, следующий шаг — искать грабителей под кроватью.

— Иногда они там и находятся, Сенатор.

Он презрительно хмыкнул.

— Я сделал ошибку, послав за вами, Флорин. Вы не тот человек, в которого меня убедили поверить... — Он внезапно остановился, словно прислушиваясь к тому, что только что сказал.

— Доходит до вас кое-что, не правда ли, Сенатор?

— Какого черта это означает?

— Я человек, который согласился охранять вас, Сенатор. Я отношусь к работе серьезно, но вы не помогаете мне.

Он заскрипел зубами и посмотрел на меня.

— Увольте меня, и я сейчас же уйду, — сказал я, — но пока я работаю на вас, мы будем делать все по-моему.

— Вы не можете... — начал он, но я отмахнулся.

— Говорите откровенно, Сенатор.

— Черт побери, парень, можешь ты... просто идти рядом?

Я смотрел на него.

— Хорошо. Пусть будет по-вашему, — процедил он сквозь зубы. За моим ухом раздался шепот. Тоненький голосок произнес:

— Ф л о р и н , п р о и з о ш л а н е б о л ь ш а я з а д е р ж -

ка. Вы должны предотвратить встречу субъекта в данный момент. Идите на восток. В ближайшее время получите дополнительные инструкции.

— Ну,— сказал Сенатор.

— Я передумал,— сказал я.— Давайте отложим встречу. Вы можете провести следующую через четыре часа.

— Черт побери, парень, каждый час на счету!

— Считаются только те, пока вы живы, Сенатор.

— Хорошо, хорошо. Что вы предлагаете?

— Предположим, что мы пойдем на восток.

Он подозрительно посмотрел на меня.

— Флорин, вы обо всем рассказали мне?

— Я первый спросил вас об этом.

Он фыркнул и рванул мимо меня на восток, я пошел за ним. Кварталы выглядели точно так же, как и те, по которым мы уже прошли. Большая зеленая машина с поднятым верхом проехала через перекресток в полуквартале от нас. Мы продолжали идти.

— Хорошо, Флорин,— прошептал тоненький голосок.— Остановитесь на следующем углу и ждите.

Мы приблизились к перекрестку и перешли его.

— Идите вперед. Я хочу кое-что проверить.

Он бросил на меня негодующий взгляд, отошел на пятьдесят футов и уставился в темную витрину. Я достал сигарету, размял кончик и увидел зеленую машину за углом двумя кварталами ниже. Я уронил сигарету и отпрянул. Затем сделал спринтерский рывок к Сенатору.

— Ну что?— проворчал он и повернулся лицом к стене.

— В аллею! Быстро!— огрызнулся я и схватил его за руку.

— Зачем? Что...

— Предчувствие.

Я подтолкнул его вперед, обратно в темноту, здонение и мусор, который хрустел под ногами. Я услышал мурлыканье мощного двигателя. Машина подъехала ближе, потом остановилась, но двигатель продолжал работать на холостом ходу. Хлопнула дверь машины. Автомобиль двинулся, проехав вход в аллею.

— О, та же самая машина,— прошептал Сенатор.

— Вы знаете владельца?

— Конечно, нет. Кто это, Флорин?

— Идет игра. И я уверен, что мне не нравятся правила.

— Не могли бы вы, ради Бога, говорить нормальным языком?

— Язык соответствует мыслям. Давайте выбираться отсюда, Сенатор. Этим путем.— Я указал в глубь аллеи.

Он заворчал, но пошел. Мы оказались на темной улице, которая была шире, но не более ароматна, чем аллея.

— Куда вы ведете меня, Флорин?— спросил Сенатор голосом, который заметно сел.— Во что вы меня втягиваете?

— Я играю в эту игру на слух,— ответил я.— Давайте найдем тихий уголок, где мы могли бы поговорить...— Это все, что я успел произнести из моего резонного предложения.

Из боковой улицы вырвалась зеленая машина, покачнувшись на повороте, выпрямилась и с ревом устремилась на нас. Я услышал, как закричал Сенатор, как зазвенело стекло, услышал «тра-та-та-та» тридцатого калибра, поставленного на автоматический огонь, увидел выхлоп пламени и почувствовал на щеке жала осколков кирпича, и в то же время поворачивал, хватал и пригибал Сенатора перед собой. Тут же услышал, как опять захлебывается пистолет в реве восьмицилиндрового двигателя, эхо от которого разнеслось по улице и исчезло вдали, оставив нас одних в звенящей тишине, более пронзительной, чем в кафедральном соборе.

Сенатор откинулся на кирпичи спиной ко мне, медленно опускаясь на колени. Я подошел, приподнял его и увидел большое пятно, расплывающееся на его боку. На улице кто-то сдавленно крикнул. Послышались приближающиеся к нам звуки шагов по мостовой. Пора было идти. Я закинул Сенатора на плечо; его ноги цеплялись за кирпичи, и тем не менее мне не пришлось полностью его тащить. Пройдя таким образом двадцать пьяных шагов, я увидел дверь в глубокой нише слева. Она не была чистой и приветливой, но я направился к ней, повернул ручку, и мы ввалились в маленькую темную комнату, полную упаковочных коробок, разбросанной стружки, кусочков проволоки и обрывков веревок, едва видимых в грязном свете, проникающем через окно.

Я устроил Сенатора на полу и обнаружил две дыры: внизу и в боку на расстоянии шести дюймов друг от друга.

— Очень плохо?— прошептал он.

— Раздроблено ребро. Пуля прошла насквозь. Вам повезло.

— Вы тоже ранены,— сказал он, как бы обвиняя меня.

Я ощупал челюсть и обнаружил ободранную кожу, которая слегка кровоточила.

— Я беру обратно слова о том, что это были ваши друзья,— сказал я.— Пули были настоящие.

— Они хотели убить меня! — Он попытался сесть, но я уложил его обратно.

— Не надо удивляться. Вы говорили, что такова идея, помните?

— Да, но... Они сошли с ума. Флорин, что будем делать?

— Сначала я заткну эти дыры.— Я задрал его рубашку и принялся за работу.— Этот ваш приятель, с которым вы намеревались встретиться, Иридани,— сказал я.— Расскажите о нем.

— Вы были правы. Это была западня. Я не могу теперь идти туда. Я...

— Остановитесь, Сенатор. У меня были сомнения по поводу вашей истории, но эти пули все поменяли. Этот Иридани может стать выходом из ситуации. Как долго вы его знаете?

— Ну, достаточно давно, я полагаю, несколько лет. Я доверял ему...

— Есть ли основания связывать его со стрельбой?

— Ну... не напрямую, но все дело пошло неладно. Я хочу вернуться отсюда, Флорин, в этом месте моей жизни угрожает опасность, я...

— Куда мы пойдем?

— Я не знаю.

— Тогда, может быть, лучше подумать сначала о проведении встречи?

— Мы не можем выйти туда — на эти улицы!

— Мы не можем остаться здесь.

— Что, черт возьми, вы знаете? Вы просто...— Он овладел собой и поднялся, уставившись на меня.

— Точно; я помощь по найму, так почему бы не позволить мне выполнить работу, для которой я был нанят? Я проверю Иридани один. Если он мне понравится, я приведу его сюда...

— Нет, я не остаюсь один.

— Это самый безопасный путь.

Он тяжело опустил.

— Я заслужил это. Я не очень хорошо держался в трудных ситуациях, не правда ли, Флорин? Но я говорил вам, что насилие не является моей сильной стороной. А сейчас я в норме. Я не буду больше валять дурака.

Я закончил оказание первой помощи и обернул его полоской рубахи.

— Думаете, что способны идти?

— Конечно.

Я помог ему встать на ноги. Раздалось слабое «клик» за моим правым ухом, и тоненький голосок произнес:

— Хорошо, Флорин. Подождите там следующего события.

Сенатор начал застегивать пальто, постанывая от боли, причиняемой движениями.

Я пощупал кожу за ухом, нашел устройство, с трудом извлек его и раздавил каблуком. Дверь напротив открылась в грязный холл, который привел нас к стеклянной двери, которая, в свою очередь, выпустила нас на улицу.

Никаких зеленых «бьюиков» в пределах видимости не было, никто не стрелял в нас.

Прячась в тень, как пара мышей, застигнутых вдалеке от семейной норы, мы направились к порту.

На улице, лишь ненамного менее убогой, чем та, где в нас стреляли, нашелся скромный подвальный ресторанчик. Две ступени вели к тусклому коричневатого оттенка свету и запахам выпивки и сигарет. Мы заняли кабину в глубине и заказали пиво у экз-тяжеловеса с разбитыми бровями и лицом, по которому столько молотили, что оно стало плоским. Он поставил перед нами два запотевших стакана и возвратился за стойку к своим грустным мыслям. Я стер носовым платком с лица запекшуюся кровь, вывернутым пальто прикрыл кровавые пятна Сенатора; если наш «хозяин» и заметил что-нибудь необычное, он был достаточно благоразумен, чтобы не акцентировать на этом внимание.

— Он опаздывает, — нервно сказал Сенатор. Он сидел лицом к входной двери. — Мне это не нравится, Флорин. Мы — подсадные утки. Они могут выстрелить через окно.

— Они могли сделать это в любое время. Но не сделали; может быть, позднее мы выясним, почему.

Он не слушал; он смотрел на дверь. Я повернулся и увидел стройную темноволосую девушку, до глаз закутанную в рыжий лисий воротник. Она спустилась на две ступеньки и осмотрелась. Возможно, ее взгляд на мгновение задержался на нашей кабинке, а может быть, я выдал желаемое за действительное. У нее было такое лицо, которое может только присниться, но даже в этом случае лишь на определенном расстоянии. Она пересекла комнату и исчезла в задней двери.

— Хорошенькая, — сказал я. — На нашей стороне?

— Кто?

— Не переигрывайте, Сенатор, — сказал я. — Никто не обделит вниманием такую штучку.

Он нахмурился.

— Послушайте, Флорин. Мне наплевать на ваш тон.

— Может быть, вы не все рассказали мне, Сенатор?

— Я все рассказал вам, — огрызнулся он. — Этот фарс зашел слишком далеко. — Он начал приподниматься и замер, уставившись в окно. Я повернул голову и увидел сквозь стекло, как останавливается у обочины зеленый «бьюик». Дверь с ближней к нам стороны открылась, и вошел мужчина. Под полями его черной шляпы я узнал Седого. Казалось, он заметил меня и застыл на полушаге.

— Вы знаете его? — моментально спросил я. Сенатор не ответил. Его лицо слегка дрогнуло. Высокий, ноющий звук возник где-то поблизости. Я попытался подобрать под себя ноги, чтобы встать, но, казалось, не мог их найти. Сенатор наклонился ко мне, что-то крича, но я не способен был разобрать слова. Они набегали друг на друга с оглушающим гулом, как будто грузовой состав проходил

сквозь туннель, а я висел снаружи вагона. Затем моя хватка ослабла и я упал, а поезд с шумом пролетел в темноту, издавая траурные звуки, которые прокладывали путь в небытие.

10

Я лежал на спине на горячем песке, и солнце обжигало мое лицо, как будто оно находилось в духовке. Огненные муравьи ползли по мне, покусывая то тут, то там, выбирая место для завтрака. Я попытался шевельнуться, но мои руки и ноги были связаны.

— Ты — презренный трус, — говорил кто-то.

— Черт возьми, я сделал все, что в моих силах! Это свалилось на меня со всех сторон.

Голоса доносились с неба. Я попытался приподнять ресницы и посмотреть, кто говорил со мной, но они не двигались, как и все мое тело.

— Это только твоя вина, Бардел, — сказал другой голос. Этот голос мне кого-то напомнил: Трейт. Ленвел Трейт, имя возникло откуда-то из глубины, из далекого прошлого. Однако человека с этим именем я не знал.

— Моя вина, черт возьми! Вы были руководителями, людьми, которые знали, что делали! Я прошел сквозь ад, скажу я вам! Вы не представляете, что это такое!

— Ты, негодяй, убирайся! Тебя пристрелить нужно!

— Заткнитесь — вы все! — Это говорил Носатый. Я не знал ни его имени, ни где я его встречал, но я помнил голос. — Ллойд, приготовьте все для ситуации № 1. Бардел, приготовься.

— Вы с ума сошли? С меня довольно!

— Ты возвращаешься. Хотя ты и развалил работу из-за некомпетентности, но ты — все, что мы имеем. Никаких возражений. Время для них давно прошло.

— Вы не должны этого делать! Я потерял уверенность! Я не верю больше в технику! Это будет убийство!

— Самоубийство, — сказал Носатый. — Если только ты не встряхнешься и не наберешься мужества. Мы не можем отступить.

— Мне нужна помощь — по крайней мере, предоставьте мне ее! События развиваются не так, как вы говорили.

— Ну, что скажешь на это, Ллойд?

— Хорошо, хорошо. Ради Бога, уладьте это! Я по горло занят. Разговор продолжался, но другой звук заглушал его.

Поднимающийся ветер был горячим, как паяльная лампа. Заработала циркулярка и проложила себе путь через все небо, оно расколосось, и темнота разлилась Ниагарским водопадом, смыв голоса, муравьев, пустыню и меня.

Я открыл глаза, напротив меня сидела девушка, уже без лисьего воротника, и с удивлением глядела на меня.

— С вами все в порядке?— спросила она голосом воркующей голубки, похожим на весенний ветерок среди желтых нарциссов. На журчание веселых вод. А может, это был самый обычный голос. Возможно, я, выходя из этого состояния, был неожиданно счастливым.

— Далеко не все,— сказал я чьим-то чужим голосом, да еще используя для этого дистанционное управление.— У меня дьявольски страстное желание залезть на люстру и на тирольский манер спеть первые такты «Вильгельма Теля». Только годы тренировок позволяют мне сохранить самообладание, да удерживает ревматизм. Как долго я был в ауте?

Она нахмурилась.

— Вы подразумеваете...

— Правильно, крошка. В ауте. Без чувств. Одурманенным. Или, чтобы быть понятнее, без сознания.

— Вы просто сидели здесь. Вы выглядели немного странно, поэтому я...

— Они схватили его, а?

— Его? Вашего брата? Он... просто ушел.

— Куда? Куда он ушел? Я имею в виду моего собутыльника. Что навело вас на мысль, что он мой брат?

— Я просто... предположила...

— Полагаю, нет смысла спрашивать, куда они его забрали или почему.

— Я не пойму, что вы имеете в виду.

— В такие моменты от меня ждут, что я палкой выколочу из вас все секреты. Но если честно, милашка, я не в форме.

Я встал. И почувствовал себя совсем нехорошо. Опять сел.

— Вам не следует перенапрягаться.

— Тебе-то что до этого, куколка?

— Ничего, в самом деле. Просто...— Она не закончила.

— В другой раз, может быть.— Я снова встал. Теперь это получилось немного лучше, но голова была словно набита песком.

— Подождите, пожалуйста,— сказала она и положила свою руку на мою.

— Я задержусь в другой раз,— сказал я.— Зовет долг. Или что-то другое.

— Вы избиты и больны...

— Прости, крошка, я ухожу. Извини, что не дал на чай, но, похоже, я оставил мелочь в другом костюме. Между прочим, ты когда-нибудь слышала о Ластрион Конкорд?

Она не ответила, только покачала головой. Когда у двери я обернулся, она все еще смотрела на меня большими красивыми глазами. Я позволил двери разделить нас и снова оказался на улице. Падал легкий снежок. На тонком слое тающего снега, лежащего на мостовой, я заметил следы, ведущие обратно; по дороге, которую мы с Сенатором использовали, чтобы прийти сюда. Я двинулся по ним, немного покачиваясь, но оставаясь при исполнении.

12

Следы повторили маршрут, по которому мы шли с Сенатором, когда отважно спасались от убийц или от чего-то еще, если спасались вообще. Следы закончились на месте, где мы слезли с грузовика. Ателье было все еще закрыто, но второй слева манекен, казалось, посматривал на меня.

— Привет, дружище, — сказал я. — Мы с тобой из одной команды. — Он не ответил, что меня вполне устроило.

Я чувствовал себя слабым, как новорожденный бельчонок, и почти таким же проворным. Мои кисти и колени болели. Мне хотелось лечь на что-нибудь мягкое и ждать, чтобы со мной произошло что-нибудь приятное, но вместо этого я двинулся вперед к мрачному дверному проему, устроился поудобнее и стал ждать. Я не знал, чего ожидаю. Я думал о той девушке в баре. О ней приятно было думать. Я размышлял, является ли она частью наркосна. У меня возникло желание возвратиться и проверить, но как раз в этот момент какой-то человек вышел из аллеи напротив. Он был в темном пальто и шляпе, но я узнал лицо. Это был покрытый перхотью Рыжеволосый, посещавший меня в гостинице вместе с Седым.

Он оглянулся по сторонам, затем повернул и припустил резвым шагом вдоль по улице. Я дал ему дойти до угла, затем пошел следом. Когда я дошел до угла, его нигде не было видно. Продолжая идти, я прошел мимо темного входа как раз вовремя, чтобы заметить последнее скольжение вертящейся двери. Я толкнул ее и очутился в маленьком вестибюле, пол которого был выложен черным и белым кафелем, маленькими прямоугольничками без глянца, уложенными зигзагами, подобно моим мыслям в этот момент. Лестница вела вверх к площадке, я услышал шаги над головой. Казалось, они спешили. Я двинулся за ними.

Двумя пролетами выше подъем закончился неосвещенным коридором. Призрачный зеленоватый свет струился из-под двери в его дальнем конце. Мои ноги абсолютно бесшумно передвигались по зеленому ковру. Из-за двери не доносилось никаких звуков. Я вошел без стука, просто повернув ручку.

Внутри был красивый ковер; горка, кресло, письменный стол.

А за столом, одетая в щегольский серый полосатый костюм, сидела и улыбалась мне кобра.

Ну, может, и не кобра. Ящерица. Темно-фиолетовая, с пепельно-голубым отливом, белая у горла. С гладкой чешуей, блестящая с круглой мордой, глазами без век и пастью без губ. Что-то нечеловеческое. Это что-то откинулось на спинку кресла, беззаботно махнуло почти рукой и сказала:

— Ну, мистер Флорин, вы удивляете всех нас.— Его голос был легким и сухим, как лепестки увядшей розы.

Я выхватил браунинг и направил на это существо. Оно зажгло сигарету и выдохнуло дым через две маленькие безносые ноздри.

— Являетесь ли вы участником первого кошмара?— спросил я.— Или это дублирующий аттракцион?

Он издал смешок, приятный, дружелюбный, расслабленный смешок, какой редко можно услышать от рептилии. Может быть, с этим у него было все в порядке.

— Вы занятнейший парень, Флорин,— сказал он.— Но какое дело вы пытаетесь завершить? Что вы ищете в этих призрачных комнатах, в этих коридорах с привидениями?

— Вы не упомянули еще наводненные фантомы улицы,— сказал я.— Но я сдаюсь. Так что же я ищу?

— Позвольте дать вам дружеский совет, Флорин. Пусть все идет своим чередом. Перестаньте искать, прекратите расследование. Позвольте жизни течь мимо вас. Принимайте ее такой, какая она есть. Вы человек действия, а не философ. Смиритесь с этим.

— Постепенно или со всем сразу?— Я поднял пистолет и прицелился в центр улыбки.

— Рассказывайте мне все,— сказал я.— Если мне не понравится, я буду стрелять.

Улыбка рептилии плавала в мягком облаке сигаретного дыма. Звнящий звук исходил от деревянной мебели. Я попытался что-то сказать, но в моих легких не было воздуха, только густой фиолетовый туман. Я попытался надавить на спусковой крючок, но он был приварен к скобе, я нажимал сильнее, и звон становился громче, туман густел и вертелся вокруг маленьких красных глаз, которые сверкали, как две затухающие искорки где-то далеко за морем, а затем замерцали и погасли.

13

Напротив меня сидела девушка, одетая в облегающее темно-синее платье, которое поблескивало, как полированная рыба чешуя. Она смотрела на меня с беспокойством, как наблюдает орнитолог за неведомой ему птицей.

— Не пойдет,— сказал я.— Ни у одного орнитолога нет таких глаз.— Звук собственного голоса меня очень удивил.

— У вас... все в порядке?— спросила она. Ее голос был сладкий, как мед, мягкий, как утреннее облачко, приятный, как музыка. В любом случае, это был красивый голос.

— Ваш друг ушел,— сказала она. У нее был обеспокоенный вид.

Я огляделся. Я сидел за столом в том же баре, на том же месте, где был в прошлый раз, когда вернулся из забытья. Сенатора нигде не было видно. Не было также и Седого и зеленой машины.

— Не подумайте плохого,— сказал я.— Я не алкоголик. Что заставило вас подумать, что он мой друг?

— Я... я просто предположила...

— Как долго я был в ауте?

— Не знаю точно; я имею в виду — вы просто сидели здесь; вы выглядели немножко странно, поэтому...— ее голос затих.

Я потерял виски, и в глазах у меня появились световые пульсации, все учащающиеся. От этого нельзя было ожидать ничего хорошего.

— Не возникает ли у вас чувства, что вы участвовали в этой сцене раньше?— сказал я.— Я почти догадываюсь, что вы скажете дальше. Вы собираетесь предложить мне сидеть спокойно, пока я не почувствую себя лучше.

— Я... думаю, вам действительно следует так сделать. Вы выглядите неважно.

— Я ценю ваше внимание, мисс — но откуда такая забота?

— А почему ее не должно быть? Я — человек.

— Это больше, чем я могу сказать о некоторых людях, которые еще недавно давали мне советы. Скажите, вы не видели парня с головой змеи? Только побольше. Я имею в виду голову.

— Пожалуйста, не говорите чепухи.— Она посмотрела на меня непроницаемым взглядом, в который, тем не менее, я старался проникнуть.

— Я знал, что вы и это скажете. Это называется *deja vu*¹. Или как-то так. Я появился из дыма один раз или дважды? Вопрос для философов.

— Я не понимаю, о чем вы говорите,— сказала девушка.— Я думала, вам нужна помощь. Если я была неправа...— Она стала подниматься, я схватил ее за руку и усадил обратно.

— Не торопитесь. Вы мое единственное звено, если в этом есть смысл — или даже если нет.

Она потянула руку, но не сильно. Я ее выпустил, она не двигалась.

¹ *Deja vu* — дежавю (фр.) — «уже видел», психическое расстройство, заключающееся в навязчивой, якобы пережитой, повторяемости событий.

— Может быть, Сенатор мне что-нибудь подсунил,— сказал я.— А может быть, и не он. Может быть, Седой выстрелил в меня наркоампулой.

— В вас стреляли?

— В мою сторону. Они попали в Сенатора, но это была просто царапина. А вы не знаете кто?

Она покачала головой.

— Вы видели седого человека? Или зеленый автомобиль?

— Нет.

— Но вы видели Сенатора. Он сидел со мной, когда вы вошли. Он притворился, что не заметил вас. Почему?

— Понятия не имею.

— Я его телохранитель,— сказал я.— По крайней мере, они так сказали. Оказалось, я был стрелкой компаса. Грязное дело, вы согласны со мной, мисс...?

— Реджис. Вы несете бессмыслицу.

— Мне это совсем не нравится, мисс Реджис. Я думаю, может быть, Сенатор потерял уверенность в себе после всего случившегося. Не могу сказать, что я обвиняю его. Может быть, поэтому он кинул меня; а может быть, они схватили его. Как бы то ни было, меня это не волнует.

— Кто это — Сенатор?

— Тот самый сенатор. Очень большой человек. Но никаких имен. По крайней мере, сейчас. Так сказал серый. Мне хотелось бы знать, на чьей стороне был он. Я хотел бы знать, на чьей стороне был я — и существуют ли вообще чьи-то стороны. Сколько сторон имеет дырка от пончика, мисс Реджис?

Она покачала головой, молча наблюдая за мной.

— Вам придется не обращать внимания на некоторую эксцентричность, которую я, кажется, проявляю,— сказал я.— У меня было несколько тихих галлюцинаций. Трудно сказать, что есть что. Например, вы. Почему вы сидите здесь и слушаете меня? Вам уже следовало мчаться и вызывать о помощи к ребятам со смиренными рубашками.

— Я не нахожу, что вы опасны,— сказала она спокойно.

— Вы знаете меня?

— Никогда до этого вас не видела.

— Что заставило вас выйти в холодную ночь и привело сюда, в такое место — одну?

— Мне... действительно трудно сказать. Это был... импульс. Я кивнул.

— Превосходно. Это проясняет дело. Желаете выяснить что-нибудь еще, прежде чем я уйду?

— Пожалуйста, не уходите — куда бы ни собирались уходить.

— Почему же нет — разве что из-за этих синих глаз?— Я встал

на ноги, казалось, они были 12 футов в длину, а по толщине — соломинками для коктейля. Я как бы намеренно наклонился над столом.

— У меня дела, бэби,— сказал я.— У меня есть вопросы, на которые надо найти ответы, и ответы, ждущие правильных вопросов. А время уходит.

Я поковылял к выходу, и она не окликнула меня. Я был немного этим огорчен, но продолжал идти.

14

Выйдя наружу, я поискал следы на снегу, но их не было. Это каким-то образом успокаивало; снег был частью сна. Улица была еще на месте; это уже было кое-что. Я повернул направо и продолжал идти, как в прошлый раз, или как мне снилось, что я шел, или снилось, что мне снилось, как я шел до того, как встретил мужчину с рыжей головой. Встреча с ним была прорывом. Она помогла мне вспомнить, что на самом деле его там не было. Что бы они мне ни преподнесли, это было потенциальным вздором. Я все еще чувствовал себя ошарашенным, как монашка, которая продолжает ждать предложения выйти замуж и вдруг узнает, что уже утро вторника и она в чужом городе.

Улицы были пусты даже для столь позднего времени. В окнах не было огней. Не двигались автомобили. Только порывистый ветер да шуршание разбегающихся мышей за деревянными панелями. Я возвратился на улицу, где дебютировал в этом городе несколькими сотнями лет — или двумя часами — ранее. Я повернул за последний угол и увидел человека в темной шляпе и пальто, который стоял перед магазином готового платья и смотрел в витрину. Я узнал его: это был Рыжеволосый, стройный мужчина, который нанес мне визит в отель в компании с Седым. Как пророчество мой наркосон был совсем не так уж плох.

Потом из переулка появился Сенатор. Я отпрянул назад, чтобы меня не увидели, и перебрал в голове всю информацию. И пришел в замешательство. Я проанализировал все снова, в другом порядке. И смутился еще больше.

— К черту сведения,— проворчал я.— Возвращаемся к существу дела.— Я проверил, на месте ли пистолет, и завернул за угол, готовый действовать. Они уже ушли.

Я прошел к месту, где стоял Рыжеволосый, но я не настолько опытный сыщик, чтобы обнаружить след кожаного башмака на асфальте. Посмотрев в одну сторону улицы, в другую, я никого не увидел и ничего не услышал.

— А ну, выходите,— позвал я.— Я знаю, что вы там.

Никто не ответил, чего и следовало ожидать. Я прошел до угла. Там никого не было. Город был пустынным, как Помпеи — и также полон древними грехами.

В своем видении я последовал за Рыжеволосым через дверь в середине блока. Может быть, в этом был ключ к разгадке. Поскольку выбора не было, мне не оставалось ничего другого. Я прошел к середине блока и обнаружил большую стеклянную дверь с большим номером 13, написанным броскими золотыми цифрами. При нажатии дверь открылась, и я вошел в фойе с зелеными стенами, спиральной лестницей и запахом заброшенной библиотеки. Стояла величественная тишина. Я стал подниматься по ступенькам, покрытым ковром, и вышел на площадку с серой дверью. Я открыл ее и увидел Рыжеволосого, стоящего спиной в шести футах от меня. Он не прятался, а был занят отпиранием двери; до того, как он успел обернуться, я приставил револьвер к его левой почке.

— Не подумай, что я не выпущу несколько пуль тебе в спину, если дело дойдет до этого, — сказал я тем, что осталось от голоса. В нем ощущалось большое полое дупло, как будто я произносил речь в пустой аудитории.

Глаза у него стали, как у мыши, пойманной у норки. Челюсть свесилась набок, как переполненный карман.

— Говори по существу, — сказал я. — Не волнуйся, если что-то будет не по порядку. Просто начинай. Я скажу, когда остановиться.

— Вы не можете находиться здесь, — выдал он придушенную версию высокотонового писка.

— Я знаю. Но представим, что я, тем не менее, здесь. Где Сенатор?

— Вы можете теперь забыть о Сенаторе, — сказал он, настолько быстро, что его язык не успевал за ним. — Все уже закончилось.

— В зеленом «бьюике» катались недавно? — сказал я, поглубже погружая ствол.

— Я никогда не намеревался убивать вас; вас надо было фазировать на уровень Эти, клянусь!

— Этим вы сильно облегчили мне душу, — сказал я. — Продолжайте.

— Вы должны поверить мне! Когда операция закончится, я покажу вам записку... — Он сделал паузу, чтобы сглотнуть. — Видите ли, я могу подтвердить все, о чем говорю. Только позвольте мне открыть возвращатель и... — Он вставил ключ и повернул его. Я попытался схватить его, но неожиданно воздух стал густым, как сироп, и приобрел такой же цвет, наполнился множеством маленьких вертящихся огоньков.

— Ты, дурень, ты потеряешь его! — закричал кто-то. Это был голос Сенатора, но доносился он до меня, как будто шла трансля-

ция через спутниковую связь в сопровождении сводного хора и барабана размером с земной шар, по которому били шестьдесят раз в минуту. Я вдохнул немного смертоносного воздуха, пытаюсь схватить Рыжеволосого в тщетной надежде зацепиться за него и войти туда, куда он ушел; но он превратился в дым, который распространился вокруг меня, как прибой; я сделал вдох, чтобы закричать, но поднялась вода и покрыла меня с головой, я тонул, погружаясь грациозной спиралью, и свет переливался из зеленого в бирюзовый, затем в индиго и в черный, как обратная сторона Плутона.

15

Она сидела напротив меня, одетая в тонкую белую блузку и пепельно-голубой жакет. Ее волосы были нежно каштанового цвета, такого же цвета были глаза. Она смотрела на меня с тревогой, как клушка наблюдает за появлением первого цыпленка.

— Неправильно. — Мой голос звучал в ушах неотчетливо. — Наверное, лебедь, а не клушка. Точно не клушка. — Я потянулся через стол и схватил ее запястье. У меня хорошо получалось хватать людей за руки. Удерживать их — другое дело. Она не сопротивлялась.

— Мне показалось... возможно, вам нужна помощь, — сказала она тихим шепотом.

— Эта мысль делает вам честь. — Я огляделся. Это была та же комната, где происходила предыдущая сцена. Бармен все еще протирал тот же стакан; стоял тот же запах жареного лука и пролитого вина, те же потемневшие балки, те же тусклые медные котелки у камина. А были ли они теми же? Может быть, и нет. Языки пламени выглядели ободряющими и успокаивающими, но если они и горели, то я не мог этого почувствовать с того места, где сидел.

— Тот человек — ваш друг — ушел и оставил вас, — сказала девушка. — Вы выглядели...

— Действительно — немного странно, — сказал я. — Давай пропустим остальной шаблон, дорогая. Более глубокие темы для разговора ждут нас.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду, — сказала она слабым голосом, который тем не менее звучал, как цыганская гитара в ночи.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Мисс Реджис. Курия Реджис.

— И ты уже знаешь мое имя, не так ли?

— Конечно. Я думаю, ты совершил ошибку...

— У меня был широкий выбор ошибок, и я совершил их все.

Я отпустил ее и потерял свои кисти, но это не помогло. Я хотел размять и лодыжки, но воздержался. Моя грудная клетка отзывалась болью при каждом вдохе, но я все же дышал.

— Ты можешь начать, разъяснив следующее,— сказал я.— Сидели ли мы с тобой ранее — за этим столиком — в этой комнате?

— Нет, конечно, нет.

— Почему ты здесь?

— Из-за твоей записки, конечно.— Ее глаза искали и, кажется, не могли что-то найти в моих глазах.

— Расскажи мне о записке.

— В газете. В колонке индивидуальных объявлений.

— О чем в ней говорилось?

— Просто — я нужна тебе. И твое имя.

— И ты пришла — только поэтому?

— Если ты не нуждаешься во мне, я уйду.

— Сиди спокойно. Закажи сэндвич. Досчитай сотнями до миллиона. Если я не вернусь к этому времени, начинай без меня.— Я ухватился за край стола и перетащил ноги под себя. Они были достаточно тверды, но у комнаты наблюдалась тенденция к тряске.

— Итак, я иду опять,— сказал я.— В третий раз заклинать. Когда я обернулся от двери, столик был пуст.

16

— Флорин,— сказал я себе,— что-то ты делаешь неправильно или чего-то правильного ты не делаешь.— Я оглядел улицу. Падал легкий снег. Не было видно людей, не было следов на тротуаре, отпечатков шин на мостовой. Во всем мире существовал лишь я один.

— Мне дали наркотики,— сказал я.— У меня от них французские мурашки. Но сколько мелких попыток я должен сделать, прежде чем произойдут главные события? Как я узнаю, когда это будет вправду?

— Это процесс обучения,— сказал я.— Ты без сознания, просто думаешь об этом. Каждый раз, когда ты делаешь неверный поворот, тебя отсылают в угол. Твое подсознание пытается что-то сказать тебе.

— А что, если сейчас?— спросил я неуверенно.— Действительно ли я стою здесь, дружелюбно разговаривая сам с собой, как любой нормальный человек, или...

Едва я это проговорил, мир исчез. Ну, когда гаснет свет, это всегда вызывает шок нервной системы, даже если гаснет всего лишь уличный фонарь. На этот раз исчезло даже небо. Наступила полная, непроницаемая темнота во всех направлениях. Я протянул руку и нащупал стену рядом с собой; хотя мой нос был на расстоянии дюйма от нее, я мог ее чувствовать, но не видеть.

— Новые правила, Флорин,— сказал я вслух, чтобы хоть что-нибудь слышать.— Но игра та же.

Я ощупал стену позади себя, нашел дверь, из которой только что вышел. Она была заперта, заморожена сильнее, чем счета нацистов в швейцарских банках.

— Никаких возвратов назад, — посоветовал я себе. — Остается идти только вперед, если можно так сказать. Обратно к месту действия. Ты можешь сделать это при помощи навигационного счисления пути.

Это была не блестящая идея, но другой все равно не было.

Полчаса я тащился, касаясь одной рукой стены, а другой хватал воздух впереди. Я шел то с одной стороны бордюрного камня, то с другой, умудряясь не споткнуться о пожарные краны, не быть задавленным, и все это без собаки-поводыря. Я гордился собой. Хорошая работа, Флорин. Если бы твои враги видели тебя сейчас...

При этой мысли я почувствовал мурашки на шее. То, что я был слеп, еще не означало, что кто-нибудь еще был слепым. Может быть, они наблюдали за мной, следя за каждым моим шагом, приближаясь, чтобы убить.

Я не знал, кого «их» я имел в виду. Это усложняло все. Я начал работать на Внутренний Совет, но пренебрег узнать их имена. Затем руководство было за Сенатором, некоторое время мы работали вместе и очень неплохо, но затем и здесь что-то тоже испортилось. Был шанс, что он сам сбежал от меня, но в отсутствие доказательств, он все еще оставался моим клиентом. Если Ван Ваук или кто-либо еще из его шайки выхватил его из-под моего дремлющего носа, то мой долг — вернуть его, и это означало, что я должен продолжить поиск пути, считая шаги и кварталы, обратно туда, где я в последний раз видел его и Рыжеволосого.

Я был на углу. Повернул налево и ощупью продвигался к стеклянной двери с большой цифрой 13. Никакой двери не было. Возможно, я неправильно считал. Может быть, кто-нибудь пришел и запечатал ее, чтобы просто сбить меня с толку. А может быть, ее не было с самого начала.

Я прошел еще несколько футов и наткнулся на вращающуюся дверь; она повернулась и втокнула меня в слепящий блеск сорокаваттной лампочки, свисающей на перекрученной проволоке в холле, который или достраивали или ломали.

В поле зрения ничего приятного не было, но было приятно получить обратно глаза, даже если все, что я видел перед собой, была дранка на неоштукатуренных стенах, грубый цементный пол, временные деревянные ступени, ведущие наверх.

— На этот раз, — сказал я себе, — води игру немного спокойней. Никаких грубых ошибок с револьвером в руках, никаких открытий незнакомых дверей и просовывания в них голов, чтобы увидеть, чем по ней стукнут. Будь лисой, вот девиз.

Я поднялся. Там была площадка, покрытая стружками и кирпич-

ной пылью. Над черной дверью из тяжелой латуни стояла цифра 13. Прижавшись к ней ухом, я сумел различить звуки голосов. Казалось, они о чем-то спорили. Это меня устраивало; у меня было настроение с кем-нибудь не согласиться. Я взялся за ручку; она повернулась, и я вступил в проход между оштукатуренной стеной с одной стороны и окнами из матового стекла с другой. Голоса раздавались из третьего окна. Я осторожно придвинулся к нему.

— ...Как это, потерял его? — говорил Носатый.

— Я объясняю, что возник фактор непредсказуемости. Я принимаю помехи, — это было сказано тонким высоким голосом.

— Верните его обратно — до того, как будет нанесен непоправимый урон.

— Я не понимаю этого. Регенерация произошла вовремя...

— Понимаете? — сказал голос, который не совсем был похож на голос Сенатора. — Я говорю вам, я не могу больше испытывать шок наподобие последнего.

— Неважно, что вы можете испытывать! Вы знали, на что шли.

— В самом деле? Даже Профессор не знает, что происходит.

— Не называйте меня Профессором, Бардел!

— Джентльмены, давайте не терять из виду объект! Все остальное — второстепенно.

Возникло довольно длительное молчание. Я дышал ртом и пытался прочесть мысли через дверь. Или я не смог этого сделать, или там никого не было. Я тихо открыл дверь. Комната была пуста и выглядела так, как будто была пуста долгое время. В стенном шкафу было три погнутых крючка для пальто и немного коричневой бумаги на полке. Дверь в соседний офис была забита досками. Я проверил доски, что-то звякнуло, и стена отъехала назад, брызнул золотой свет. Я спрятал в ладони крошечный пистолет и шагнул на широкую авеню из разноцветных кирпичей.

17

Я, прищурясь, глянул на небо. Незнакомый желтый свет исходил от солнца. Был полдень приятного летнего дня. Не ночи. Никакого снегопада. Капля воды побежала по подбородку. Я прикоснулся тыльной стороной ладони к лицу; кожа была холодной, как замороженная рыба.

— Фальшивые деньги, фальшивый сенатор, фальшивая погода, — сказал я. — Или, может быть, и это все фальшивое? Может быть, я в большой комнате с небесно-голубым потолком и с имитацией солнца.

— Может быть, — согласился я. — Но остается вопрос — почему?

— Сенатор знает ответ,— сказал я.

— Наверняка — но заговорит ли он?

— Когда я закончу бить его фальшивой головой об этот фальшивый тротуар, он запоет, как три канарейки,— я произнес это с меньшей уверенностью, чем чувством.

— Но сначала ты должен поймать его.

— Ничего. Он не ускользнет от острого глаза Флорина — Мастера сыска — если, конечно, я не наступлю на собственный шнурок или не растеряю злость.

— Замечаешь ли ты признаки разочарования? Не устал ли еще от всех этих трюков, а, Флорин?

— Вся беда в этих трюках. Боже! Как они надоели!

— Проверь парк.

Я посмотрел на противоположную сторону широкой авеню, где был парк с мягкой, как пух, зеленой травой между высокими пушистыми деревьями. За ними неясно вырисовывались высокие загадочные здания, сверкающие белизной. Автомобиль на высоких колесах вывернул из-за угла и направился в мою сторону. Он был легким, как кабриолет без лошади, окрашен в нежно-фиолетовый цвет, с закругленными углами и украшен сложным орнаментом из золотых линий. Сидящие в нем мужчина и женщина глядели друг на друга, в то время как кабриолет двигался сам. Они были одеты в тонкие, как паутинка, белоснежные одежды с цветными пятнами. Резиновые шины издавали мягкий шуршащий звук, проезжая по черепице.

— Я знал, что Генри запланировал большой сюрприз на тридцатой минуте, но такого я не ожидал,— сказал я и осознал, что не просто рассуждаю вслух, но и жду ответа. Что бы там ни использовал Сенатор для «ерша» в моем пиве, но побочных эффектов от этого получилось больше, чем после шести месяцев гормональных уколов, и возможно, включало галлюцинации с фиолетовыми экипажами, катящими по черепичным улицам под солнцем в два раза больше и в три раза более желтым, чем наше. Самое время было завернуть куда-нибудь и избавить мою нервную систему от этой штуки. Я направился к самой большой из всех, что были в поле зрения, группе цветущего кустарника, обогнул ее и почти столкнулся с Сенатором.

Его голова дернулась.

— Вы! — сказал он без удовольствия в голосе.— Что вы здесь делаете?

— Прошу прощения, я задремал, пока вы говорили,— сказал я.— Невежливо с моей стороны. Как поживает простреленное ребро?

— Флорин — вернитесь! Быстро! Вы не должны быть здесь! Это ошибка!

— Что это за место, Сенатор?

Он попятился от меня.

— Я не могу сказать вам. Я не могу даже говорить на эту тему.

— Извиняюсь за настойчивость, — сказал я и попытался схватить его, но он отпрыгнул назад, увернулся и рванул прочь. Я начал преследование, пользуясь заимствованными у кого-то ногами и буксируя голову размером с дирижабль на конце стофутowego кабеля.

18

Это была странная погоня по извилистой гравийной дорожке. Мы пробегали мимо фонтанов, выбрасывающих звенящие струи чернил в кристально-чистые пруды, мимо цветочных клумб, похожих на мазню флуоресцирующей краской, под голубыми тенями деревьев с гладкой полированной корой и листвой, подобной античным кружевам. Он бежал тяжело, опустив голову и работая ногами до изнеможения; я плыл за ним, наблюдая, как он уходит дальше и дальше. Затем он прыгнул через живую изгородь, зацепился и все еще катился, когда я приземлился на него. Он был крепким парнишкой, силы у него было хоть отбавляй, но он не знал, как ею пользоваться. Парочка солидных хуков в челюсть стерла блеск с его глаз. Я удобно уложил его под тем, что выглядело как можжевельник, если не считать малиновых цветов, и занялся восстановлением дыхания. Через некоторое время он заморгал и сел. Затем увидел меня и помрачнел.

— Нам необходимо немного побеседовать, — сказал я. — Я запаздываю на два парадокса и одно чудо.

— Ты дурак, — прорычал он. — Ты не знаешь, куда себя толкаешь.

— А мне хочется, — сказал я. — Между прочим, расскажите-ка еще раз, что такое Ластрион Конкорд.

Он фыркнул.

— Я никогда не слышал об этом.

— Жаль, — сказал я. — Думаю, что это моя фантазия. Я увидел ее в том же месте, где и... — Я вынул плоский пистолет, который взял из сейфа. — Может быть, и это тоже фантазия?

— Что это значит, Флорин? — сказал Сенатор напряженным голосом. — Ты изменяешь мне?

Теперь была моя очередь усмехнуться ленивой усмешкой.

— Ерунда, — сказал я. — Кого вы думаете одурачить, Сенатор... или как вас там?

Он остолбенел.

— Почему я должен обманывать тебя?

— Это вы уже хватили через край,— сказал я.— Визитеры ночью, разукрашенная приемная, намеки на темные дела в недалеком будущем. И детали были хороши: фальшивые официальные документы, фальшивые деньги — может быть, даже фальшивый пистолет.— Я подбросил его на ладони.

— Это двухмиллиметровый игломет,— сердито, а может быть, испуганно произнес он.— Будь с ним осторожен.

— Да, детали были хороши,— продолжал я.— Как раз очень подходящие, как взятый напрокат смокинг. Вот я и отправился разузнать, в чем тут дело.

— Я не замешан в этом,— сказал Сенатор.— Я умываю руки от всей этой аферы.

— Что скажете о вторжении?

Он посмотрел на меня и нахмурился.

— Вторжения нет, а? — сказал я.— Жаль. Я чуть не полюбил оккупацию. В этом были кое-какие возможности. Что дальше?

Он задвигал желваками на скулах.

— А, черт,— сказал он и скривился.— Мое имя Бардел. Я актер. Я был нанят для имперсонификации Сенатора.

— Для чего?

— Спроси того, кто меня нанимал,— сказал он злобным тоном и ощутил боль в челюсти.

— Болит, да? — сказал я.— Это сделано мной. Я был должен тебе пару оплеух за пиво в любом случае. Оно обошлось бы тебе в одну, если бы было без наркотика.

— А ты крепкий парень, верно? Эта доза должна была успокоить тебя до тех пор, пока...— Он оборвал сам себя.— Не обращай внимания. Я вижу, мы сделали ошибку в самом начале.

— Расскажи мне о начале.— Он попытался приподняться, и я встал над ним и покачал головой.— Я никогда не бью лежачего,— сказал я.— Если только меня к этому не вынуждают. Рассказывай, приятель.

Сенатор посмотрел на меня и ухмыльнулся. Он издал короткий смешок.

— Флорин. Железный человек,— сказал он.— Флорин, бедный, ничего не подозревающий простак, который позволяет связать себя архаичным призывом к долгу. Они снабдили тебя одеждой, гримом и текстом для разговоров — плюс крошечным устройством за ухом, чтобы провести тебя через трудные и опасные места. И что же ты делаешь? Ты пробиваешь в этом плане дыру такого размера, что через нее может пройти симфонический оркестр.

— Похоже, что у вас все концы,— сказал я.

— Не поймите меня превратно, Флорин,— сказал он.— Черт, неужели до вас еще ничего не дошло? — Он постучал по бугорку

за ухом.— Здесь близнец вашего. Я был пойман тем же способом, что и вы.

— Но кем же? Или кем — если это много значит для вас.

— Советом.

— Продолжайте, у вас прекрасно получается.

— Хорошо. У них были планы; теперь очевидно, что они не срабатывают.

— Не заставляйте меня уговаривать вас, Бардел. Я из тех людей, которые любят, чтобы им обо всем рассказывали. Начинайте связывать все в единое целое. Мне не нравятся все эти свободные концы.

— То, что я могу рассказать, не сделает вас счастливым.

— А вы попробуйте.

Он хитро посмотрел на меня.

— Позвольте мне вместо этого задать один вопрос, Флорин: как вы добрались из вашей комнаты — в довольно заурядном отеле, насколько я припоминаю — в Дом правительства? И по этому же поводу, как вы добрались до отеля?

Я стал припоминать. Я помнил комнату. Она была заурядная, это так. Я попытался вспомнить детали регистрации, либо коридорного. Ничего. Я, должно быть, позволил соскользнуть маске игрока в покер с моего лица, потому что Бардел оскалил зубы в беспощадной усмешке.

— А вчера, Флорин? Что-нибудь о вашем последнем деле? О ваших старых родителях, долгих счастливых годах детства? Расскажите мне о них.

— Это, должно быть, действие наркотика,— сказал я, чувствуя, каким неповоротливым становится мой язык.

— В общих воспоминаниях Флорина, кажется, есть немало пробелов,— презрительно насмехался экс-Сенатор.— Как называется ваш родной город, Флорин?

— Чикаго,— сказал я, произнося название как будто на иностранном языке. Сенатор выглядел озадаченным.— Где это?

— Между Нью-Йорком и Эл А (Лос-Анджелесом), если только вы не передвинули его.

— Эл А? Вы имеете в виду... Калифорнию? На Земле?

— Вы догадались,— сказал я и сделал паузу, чтобы облизнуть губы сухим носком, который я обнаружил в том месте, где обычно находился язык.

— Это кое-что объясняет,— пробормотал он.— Возьми себя в руки, парень. Тебя ожидает шок.

— Давай,— сказал я,— но помни о шумах в моем сердце.

— Мы не на Земле. Мы на Грейфеле, четвертой планете системы Вульф-9, в двадцати восемью световых годах от Солнца.

— Вот это поворот,— сказал я, и мой голос был пустым, как

игрушка на рождественской елке.— Не нас оккупирует чужая планета; мы оккупируем их.

— Вы не обязаны верить моим словам, Флорин.

Разбитая губа, а может быть, и что-то другое, делали его голос не совсем ясным.

— Посмотрите вокруг. Похожи ли эти растения на земные? Разве вы не заметили, что сила тяжести на восемнадцать процентов меньше, а воздух больше насыщен кислородом? Взгляните на солнце; это диффузный желтый гигант, находящийся в четырехстах миллионах километрах отсюда.

— Хорошо. Моя старая мама, если у меня была старая мама, всегда учила меня смотреть правде в глаза. В этом вы не очень здорово мне помогаете. Достаточно того, что я бегал по своему следу в Чикаго. Начинайте вносить во все это ясность, Бардел. Кто-то взял на себя массу хлопот как по транспортировке меня к месту, называемому Грейфел, так и по постройке достаточно убедительных декораций. Должна существовать причина всего этого. Что же это?

Он посмотрел на меня, как хирург смотрит на ногу, которую необходимо было отрезать.

— Вы не знаете, что делаете. Вы вторгаетесь в то, что недоступно вашему пониманию; сущность не является тем, чем она кажется...

— Не рассказывайте мне о том, чего не существует, говорите о том, что есть.

— Я не могу этого сделать.— Он что-то вертел в руках: с блестящими кнопками и хрустальной петлей наверху, на которую трудно было смотреть.— Я был терпелив с вами, Флорин,— сказал он, но его голос ускользал от меня, слова вылетали быстрее и быстрее, как пластинка, пущенная не на тех оборотах.

Моя голова пульсировала сильнее, чем когда-либо; зрение оставляло желать лучшего. Я попытался схватить затуманивающееся передо мной лицо; но оно ускользнуло за пределы досягаемости. Я увидел вспышку в солнечных лучах и услышал голос, раздающийся из-за холмов... — Извини, Флорин...

Затем фиолетовая темнота взорвалась мне в лицо, и я снова очутился в самолете, споткнувшемся о скалу, а затем погрузившемся в пучину, полную затихающего грома.

19

— Мистер Флорин,— говорил легкий светлый голос,— вы создаете проблемы для всех нас.

Я открыл глаза, и славный парень со змеиной головой улыбнулся мне беззубой улыбкой и выдохнул фиолетовый дым из безо-

сых ноздрей, сверкая глазами без век. Он развалился в шезлонге, одежда его состояла из открытого жакета, сшитого из оранжевых полотенец, и оранжевых шорт, цвет их напоминал мне о чем-то, что я никак не мог ухватить.

— Это кое-что,— сказал я и сел на легкий стул. Между нами был стол под бело-синим зонтиком. Позади террасы виднелась полоска белого песка, похожего на пляж, за исключением того, что там не было моря.

Я старался не смотреть на блестящие серебристо-фиолетовые бедра, ребристую бледно-серую грудь с крошечными малиновыми пятнышками, на ступни, толщиной в палец, в сандалиях с широкими ремнями. Он заметил, что я не гляжу на него, и издал мягкое кудактанье, которое, видимо, означало смех.

— Извините меня,— сказал он.— Я нахожу ваше любопытство поразительным. Я подозреваю, что в момент вашего растворения, вы вытягиваете шею, чтобы раскрыть состав растворителя.

— Это просто безобидная эксцентричность,— сказал я,— такая же, как ваши вкусы в одежде.

— Вы превозносите свой самоконтроль,— сказал он, не столь искренне, как прежде.— Но что, если перед вами предстанут аномалии настолько грандиозные, что ваше сознание будет не в состоянии ассимилировать их. Сохраните ли и тогда хладнокровие? — Он поднял руку, щелкнул пальцами. Лавина огня окутала его; его улыбка пульсировала в горячем мерцании, когда языки пламени бушевали вокруг меня. Я не сдавал позиций частично из-за того, что был парализован, а частично из-за того, что не верил в реальность увиденного. Он снова щелкнул пальцами, и вокруг нас была уже зеленая вода, и солнце сверкало на поверхности в десяти футах над нами. Маленькая рыбка осторожно проплыла между нами, он небрежно отмахнулся от нее и снова щелкнул пальцами. Падал снег. Толстый слой его покрывал стол, его голову. Дыхание его украсилось ледяными хрусталиками.

— Ловко,— сказал я.— А хороши ли вы в трюках с картами? Он смахнул лед и сжал пальцы.

— Вы не поражены,— сказал он обыденным голосом.— Манипуляции со Вселенной ничего не значат для вас?

Я деланно зевнул. Значит, это была не фальшивка.

— Со Вселенной? — сказал я.— Или со мной?

— Гм, вы удивительная натура, Флорин. Чего вы хотите? Что движет вами?

— Кто спрашивает меня об этом?

— Можете называть меня Дисс.

— Меня не это интересует.

— Просто представьте себе... существуют иные заинтересованные стороны кроме тех, которые вам хорошо известны. Вы играете

на гораздо большей сцене, чем до сих пор представляли себе. Поэтому должны вести себя осторожно.

Я снова зевнул.

— Я устал. Мне нужны сон, пища, любовь — все, кроме общения с таинственными жуликами, которые делают большие намеки, что в недалеком будущем предстоят великие свершения, и что самое выигрышное дело — подыгрывать и не совать нос, куда не надо. Кто вы, Дисс? Кого вы представляете? Действительно ли вы выглядите, как Александр Македонский в шкуре крокодила или это только мое видение, страдающее от разлития желчи?

— Я представитель определенных сил в Космосе. Моя наружность не имеет значения. Самого факта моего существования достаточно.

— Бардел говорил что-то о вторжении.

— Слово, обозначающее примитивный взгляд на действительность.

— Что вы оккупируете? Землю — или Грэйфел?

Я получил удовольствие, заметив, как дернулась его голова.

— Что вы знаете о Грэйфеле, мистер Флорин?

— Ну, находится в системе Вульф-9, в 28 световых годах от старого доброго Чикаго.— Я выдал широкую счастливую улыбку. Он нахмурился и потянулся почти небрежно за чем-то на столе. Я начал быстро подниматься, но лампа-вспышка, размером со все небо, мигнула и погрузила все в темноту, чернее, чем в закрытой банке с краской. Я рванулся через стол, мои пальцы ухватили что-то горячее, как духовка, и скользкое, как сырая печень. Я услышал взволнованное шипение и снова схватил, но уже что-то маленькое, тяжелое, сложной формы, что отчаянно сопротивлялось и затем освободилось. Раздался сердитый вопль, слова, которые произносились быстрее, чем я был способен разобрать; затем ослепительный взрыв...

20

Она сидела за столом напротив меня, закутанная в старое поношенное пальто с жалким облезлым беличьим воротником. В глядящих на меня глазах было вопросительное выражение.

— Не говори мне ничего,— произнес я таким голосом, что даже мне самому показалось, что я пьян.— Я сидел здесь с закрытыми глазами, напевал старые хоровые матросские песни на нелитературном амхарском; поэтому ты присела, чтобы посмотреть, все ли со мной в порядке. Хорошая девочка. Со мной не все в порядке. Со мной далеко не все в порядке. Я так далек от того, чтобы быть в порядке, что дальше и забраться уже нельзя.

Она попыталась сказать что-то, но я оборвал:

— Давай пропустим все остальные строчки; перепрыгнем сразу к тому месту, где ты говоришь, что я в опасности, а я отправляюсь в ночь в конном строю, чтобы еще раз сложить голову.

— Я не понимаю, что ты этим хочешь сказать.

— Я имею в виду, что мы сидели и толковали об этом раньше. Мы глядели друг на друга так же, а потом.

— Это слова из популярной песни.

— Кажется, так оно и есть. Все чем-то представляется. Обычно, не тем, чем является на самом деле. Кем являешься ты? — Я потянулся через стол и взял ее за руку. Она была холодной и гладкой и не шевельнулась, когда мои пальцы сомкнулись. Я сказал: — Слушай внимательно, Курия. Я знаю, как тебя зовут, потому что ты уже сказала мне об этом. Сидя на этом самом месте, где сидишь сейчас... — Я остановился и обвел взглядом комнату. Она была отделана сосновыми панелями, лак на них почернел от времени и грязи. Вывеска на стене приглашала меня пить пиво Манру. — ...или почти на этом месте. Ты сказала, что пришла по пригла...

— Ты имеешь в виду телефонный звонок.

— О'кей, телефонный звонок. Или почтовый голубь. Это неважно. По крайней мере, я думаю, что это неважно. Может быть, я и ошибаюсь. Кто знает? Ты знаешь?

— Флорин, ты несешь какую-то околесицу. Ты сказал по телефону, что дело срочное.

— И ты примчалась — посреди ночи.

— Конечно.

— Кто вы, мисс Реджис?

Она смотрела на меня такими же большими и печальными глазами, как пещера, в которую был посажен Флойд Коллинз.

— Флорин, — прошептала она, — ты меня не узнаешь? Я твоя жена.

Я хитро посмотрел на нее.

— Да? В прошлый раз ты говорила, что мы никогда раньше не встречались.

— Я знала, что ты перегружен работой. Это было свыше человеческих сил — для кого угодно...

— Когда-нибудь слышала о месте под названием Грейфел? — Я перебил ее причитания.

— Конечно, это место нашего летнего отдыха у озера Вулф.

— Само собой. Глупо с моей стороны. Двадцать восемь миль откуда?

— От Чикаго.

— Еще один момент: среди тесного круга наших близких друзей случайно нет парня с рыжей головой?

Она почти улыбнулась.

— Ты имеешь в виду Сиду?

— Это Дисс, если прочитать наоборот. Только с одним «С». Надо это отметить. Может быть, это важно.

— Бедный Флорин,— начала она, но я отмахнулся.

— Давай приведем факты в порядок,— сказал я.— Может быть, у нас и нет никаких фактов, но мы их все равно приведем в порядок. Факт номер один — пару часов назад я спал здоровым сном в номере и был разбужен появлением двух мужчин. Они рассказали мне сказку, которая вызывала массу сомнений, но я клюнул. Меня доставили на собрание очень важных персон, которые поведали мне о том, что Сенатор подвержен галлюцинациям; что они организовали превращение этих галлюцинаций в действительность, а я должен войти в его фантазии вместе с ним. Но у меня ощущение, что фантазии начались до этого. Носатый был частью их. Но тогда я этого не знал. Это случилось пару часов назад.

Далее, я спрашиваю себя, что мне известно об их боссе — «Сенаторе». Здесь тоже пустота. Сенатор кто? Я даже не знаю его имени. Это поражает меня своей нелепостью. Удивляет ли это тебя?

— Флорин, ты бредишь...

— Я только начинаю, бэби. Подожди, пока я действительно перейду к основному. Факт номер два: Сенатором является, а может быть, и не является, кто-то другой, улавливаешь? Вероятно, актер по имени Бардел. Тебе это имя о чем-нибудь говорит?

— Ты имеешь в виду Ланса Бардела, телерадиозвезду?

— Телерадио... это интересное слово. Но давай пока это отбросим. Как я говорил, этот парень Сенатор — очень непоследовательный игрок. Сначала это было запланированное убийство. Затем мы имели инопланетных оккупантов. В следующий раз он был актером, жертвой похищения, а может быть, подсадным шпионом, точно не могу припомнить, кем именно. Но я продолжал работать, последовал за ним в таверну, где он накормил меня чем-то, что выбило меня в аут, как два бегуна сбивают третьего. Когда я очнулся, передо мной была ты.

Она просто смотрела на меня своими большими, наполненными болью глазами.

— Я не буду задавать дежурный вопрос о том, что такая красивая девушка, как ты, делает в таком месте, как это.

— Ты смеешься надо мной. Почему ты должен быть таким жестоким, Флорин? Я хочу только помочь.

— Вернемся к фактам. Как далеко я продвинулся? Факт номер три? Вот где я быстро прошел по следам и обнаружил пропавшую дверь. Или не нашел её.

— Имеет ли это какое-нибудь значение сейчас.

— Ты отвлекаешься. Сначала там была дверь, а потом ее не стало. Не кажется ли тебе это странным? Или я запутался?

— Ты все превращаешь в шутку.

— Бэби, после продолжительного размышления я пришел к выводу, что единственным мыслимым законным ответом Вселенной, в том виде, в каком она устроена, является взрыв истеричного смеха. Но я отвлекаюсь.

— Это не шутки, Флорин. Это чрезвычайно серьезно.

— Я помню, как однажды проснулся посреди ночи от телефонного звонка. Я нащупал в темноте трубку, поднял ее и вдруг, ни с того, ни с сего задал себе вопрос: *Правильно ли это? Действительно ли я разговаривал с неодушевленным предметом?*

— Флорин, пожалуйста, остановись...

— Да, я рассказывал тебе о двери, которой там не было. Я устроился ждать. Мой старый помощник, серый человек, вышел из аллеи, и я последовал за ним. Он привел меня в комнату, где никого не было, даже его самого.

— Я не понимаю.

— Я тоже, крошка. Но позволь мне продолжить рассказ. Мне хочется посмотреть, как все это обернется. Где я остановился? А, один-единешек среди согнутых крючков для пальто. Итак, я бродил вокруг, пока не нашел, с кем можно было поговорить. Этим «кто-то» оказался парень с головой ужа.

— Флорин...

Я поднял руку: — Не мешай, пожалуйста. Я многому учусь сейчас, только слушай мой рассказ. Например, я только что сказал, что он выглядел, как уж. Первый раз, когда я его увидел, я подумал о кобре. Может быть, я одолею мой невроз. Если я смогу свести его образ к безобидному земляному червю, то с этим можно жить и дальше. Забавно, но он чем-то напоминал мне тебя.

Она попыталась улыбнуться. Она дразнила меня.

— Да? И чем же?

— Он советовал мне не задавать вопросов и плыть по течению. Я сразу же потерял сознание. И догадайся, что произошло? Я вернулся сюда — к тебе — снова.

— Продолжай.

— Ага, наконец-то я привлек твое внимание. Это была вторая наша встреча, но ты не помнишь.

— Нет, я не помню.

— Конечно. Ты предостерегла меня, что меня ждут неприятности, и я вышел и побежал вокруг квартала за ними, и нашел их только для того, чтобы опять закончить появлением здесь. Это заставило меня почувствовать себя одним из тех резиновых шаров, которые привязывают к ракеткам от пинг-понга.

— Это была... наша третья встреча.

— Теперь, девочка, ты улавливаешь. Оставайся со мной. Дальше все усложняется. У меня все еще было намерение повидать

своего старого босса — Сенатора. На этот раз там была хитрая дверь. Я прошел через нее, и неожиданно наступил летний полдень в местечке, где сила тяжести на 18 процентов меньше, солнца слишком много, а деревья похожи на кружевное нижнее белье. Сенатор был там. Мы только начали приходить к взаимопониманию, когда он вытащил какую-то штучку и заморозил меня так, что я стал холоднее, чем тарелка с яичницей в армии.

Она ждала продолжения, наблюдая за моим лицом.

— Это был второй раз, когда я увидел Змееголового. Дисс, назвал он свое имя. Он хотел отшлифовать мои манеры и заставить играть по правилам. Сказал, что он является большой шишкой — но приспустил пары, когда я упомянул Грэйфел. Он притушил огни, я слышал голоса и потерял сознание...

— И теперь ты здесь.

— Когда я прихожу в себя, ты всегда здесь приветствуешь меня. Этого достаточно, чтобы заставить человека стремиться к железному обручу на голову. Кроме того, я не совсем просыпаюсь. *Сначала я там — потом я здесь.*

— Ты рассказал о *deja vu* — уже виденном, — сказала она бодрым тоном патронажной сестры. — Существует теория, что это происходит из-за моментального отвлечения; когда твое внимание возвращается к окружающему, у тебя возникает чувство, что ты уже бывал здесь. И ты, конечно, уже это видел — долей секунды ранее.

— Красивая теория. Конечно, она не объясняет, откуда я знаю твое имя. А, я забываю: ты моя жена.

— Да.

— Где мы встретились?

— Ну, мы встретились... — Ее лицо стало таким спокойным, как вода в пруду на рассвете. Кончиком языка она удостоверилась, что ее верхняя губка на месте.

— Я не знаю, — сказала она таким тихим голосом, что его можно было поместить на кончике булавки.

— Добро пожаловать к нам в группу. Начинаю ли я интересоваться вас своей проблемой, мисс Реджис?

— Но — почему? — От волнения она ухватила за палец и стала мять его. — Что это означает?

— Кто говорит, что это что-то означает? Может быть, все это игра, разыгрываемая для чьего-то еще удовольствия.

— Нет, я не могу в это поверить; я не поверю! — Она выпалила это в шоке на последнем дыхании.

— Но мы можем отказаться играть.

— Это как раз то, чем ты занимаешься, не правда ли, Флорин? Помогло ли это тебе?

Я проворчал:

— Запутывание их планов приносит мне определенное удовлетворение — если они сами существуют, и если у них есть планы.

— Пожалуйста, Флорин, не опускайся до такой циничной позиции! Это не похоже на тебя, поверь.

— Откуда ты знаешь?

— Кое-что мне известно, и все.

— А другие вещи приходится узнавать. Я уловил кое-какие сведения, которые они хотели бы скрыть от меня.

— Продолжай. — Она смотрела мне в глаза. Ее глаза были прозрачно-зелеными с плавающими в глубине золотыми искорками.

— Возможно, не предполагалось, что я увижу пурпурные деньги с напечатанной на них надписью «Ластриан Конкорд», — сказал я. — А может быть, существовал и другой план. Но затем Рыжеволосый «засветился». Я не могу понять почему. Он побегал, когда увидел меня. После этого я подслушал беседу, которая, в этом я абсолютно уверен, не предназначалась для моих ушей. Громкие голоса, доносившиеся с неба, спорящие о том, что дела пошли вразнос. Может быть, они имели в виду меня. А может, мне все это приснилось. Сенатор был там и Носатый. Они говорили о ситуации номер один. Но от этого мало проку.

— Продолжай, Флорин.

— Затем на сцене появилась ты. Я не пойму зачем, но чувствую, что ты не являешься частью планов Носатого.

— Нет, Флорин! Пожалуйста, верь мне! Я не являюсь частью чего-либо — это-то я точно знаю, — закончила она шепотом.

— Затем есть еще Грэфел, — сказал я. — Волшебные ворота в другие миры не укладываются в мою картину мира. Бардел был удивлен, встретив меня там. А когда я прижал его, он рассказал мне о вещах, о которых, я думаю, Носатый не хотел, чтобы я знал. А может быть, и нет. Может быть, меня ведут по каждому пройденному футу. Возможно, существуют спирали в спиралях, западни внутри западни.

— Флорин! Прекрати! Ты должен во что-то верить! Ты должен иметь отправную точку. Ты не должен начинать сомневаться в самом себе.

— Да. *Sagito ergo sum.*¹ Я всегда стараюсь помнить об этом. Интересно, какова первая мысль сверхсложного компьютера, когда его включают?

— Это и есть то, чего они от тебя ожидают, Флорин? Это та роль, которую они хотят заставить тебя играть?

Я покачал головой.

— Сколько я могу взять от своего «я» и остаться самим собой? Если страстное желание добраться до Сенатора не является моим собственным, то тогда я не разбираюсь в принуждениях.

¹ Мысль, следовательно, существую (*лат.*).

— Флорин — не можешь ли ты просто забыть о Сенаторе? Забыть обо всем этом и пойти домой?

— Не сейчас, бэби,— сказал я и почувствовал, что начинаю улыбаться.— Возможно, не пошел бы и раньше, а сейчас определенно нет. Потому что они свалили дурака.

Она ждала: она знала, что это еще не все. Я раскрыл ладонь, которая была крепко сжата последние четверть часа, и посмотрел на устройство, которое держал. Оно было маленьким, сложным, с выпуклостями и отверстиями, с блестящими точками, которые сверкали в приглушенном свете; промышленное изделие, причем изготовленное индустрией, далеко обогнавшей земную.

— Я отобрал это у Змееголового,— сказал я.— Это означает, что Змееголовый существует — по крайней мере, он так же реален, как ты и я.

— Что это?

— Доказательство. Я не знаю, чего. Я хочу показать его людям и посмотреть, что произойдет. У меня такое чувство, что «им» это не понравится, и уже одно это составляет цену признания их существования.

— Куда ты пойдешь?

— Обратно, куда они не хотят, чтобы я шел.

— Не делай этого, Флорин! Пожалуйста!

— Извини. Человек из Железа не отступает. Пробивать головой кирпичную стену — вот мой стиль.

— Тогда я иду с тобой.

— Раньше ты всегда позволяла мне уйти. В чем теперь дело?

— Я ничего обо всем этом не знаю. Мы идем?

— Это новый поворот,— сказал я.— Может быть, это хорошее предзнаменование.

Снаружи холодный ветер гулял по пустынной улице. Она обхватила себя руками, что я охотно сделал бы за нее.

— Флорин — так холодно — так одиноко...

— Только не с тобой, куколка.— Я взял ее за руку; и почувствовал, как она дрожит. Мы отправились.

21

Магазин готового платья был все еще на месте, кондитерская тоже; но теперь между ними было большое свободное пространство, полное сухих стеблей, ржавых банок и битых бутылок.

— Т-с-с,— сказал я.— Не обращай внимания на детали.— Я продолжил путь до угла и дальше к месту, где была вращающаяся дверь. Она навсегда исчезла.

На ее месте была разрисованная приемная с картинами, кото-

рые мог бы иметь на стенах своей берлоги отставной бухенвальдский охранник. Но без двери. И даже без места, где она могла бы быть. От этого голова у меня начала болеть снова. После третьей пульсации сверчок в моем ухе перестал потирать крылышками и произнес:

— Хорошо, Флорин. Ожидайте следующего события.

— Что это? — спросила девушка.

— Ничего; просто приступ ишиаса, — сказал я и пощупал кожу за ухом. Кажется, никакого маленького фиолетового приборчика там не было. Я проверил и другую сторону. Порядок. Итак, теперь я слышу голоса уже без помощи технических приспособлений. Это не такой уж невиданный трюк: множество психопатов могут исполнить его.

Мы прошли дальше к арке, за которой была затхлая галерея, полная паутины и спертого воздуха. Я попробовал открыть первую дверь и вошел в комнату, которую видел ранее.

Толстый ковер исчез, тяжелые занавеси отсутствовали, оштукатуренные стены от времени покрылись трещинами и пятнами. По всему полу валялись газеты, которые выглядели так, как будто на них кто-то спал. Из всей мебели был только покосившийся стальной скелет того, что, возможно, было тогда кожаным диваном. Дверца сейфа, слегка заржавевшая, но целая, была полуоткрыта, как тогда, когда я ее видел в последний раз.

— Тебе знакомо это место? — шепотом спросила мисс Реджис.

— Это бывшее личное убежище моего старого приятеля Сенатора. Только возникает одна проблема — оно расположено в шести-десяти милях отсюда в большом доме с множеством лужаек и заборов и полного сотрудников службы безопасности. Или это так, или меня возили на грузовике кругами в течение трех часов.

Я заглянул в сейф; там ничего не было кроме пыли и разорванного конверта с пурпурной почтовой маркой, адресованного «жильцу 13 номера». Я осмотрел фальшивое окно, которое Сенатор открыл как дверь, во время нашего полночного побега, но если там и была тайная щеколда, я не сумел ее обнаружить.

— Похоже, что Сенатор выехал и забрал с собой все разгадки, — сказал я. — Грязный трюк, но я знаю и погрязнее. — Я подошел к стенному шкафу и ощупал заднюю стенку.

— Он говорил мне, что официальный маршрут побега начинался здесь, — сказал я девушке. — Может быть, он лгал, но... — Толстый кусок стены, который я толкал, неожиданно соскользнул в сторону, и холодный ночной воздух подул из темноты.

— Ага, — сказал я. — Способность предсказывать является критерием любой теории; теперь все, что нам нужно — какая-нибудь теория. — Я взял пистолет, который Сенатор называл двухмиллиметровым иглометом. Выставив его перед собой, я шагнул в узкий проход, закончившийся другой дверью. Она была закрыта,

но точный удар расколол дерево, и дверь распахнулась. Снаружи была стандартная темная аллея с пустыми корзинами для яблок, разбитыми оцинкованными баками для мусора и кустиками растений между разрушенными воздействием атмосферы кирпичами. Высокий сплошной забор закрывал путь налево.

— Ну-ну,— сказал я.— Кажется, здесь я тоже был. В прошлый раз здесь немного стреляли, но я не замечаю валяющихся вокруг выпущенных пуль. Кроме того, они добавили забор.

— Все неверно,— сказала девушка.— У меня хорошо развитое чувство ориентации; ничего подобного не может быть. Мы должны быть сейчас в середине здания, а не снаружи.

— Не могу не согласиться с тобой, дорогуша.— Я пошел в сторону улицы, откуда прошлый раз выкатилась машина, брызгая свинцом. На этот раз все было тихо; чересчур тихо. Улица выглядела нормально, за исключением того, что вместо домов напротив была бесформенная серость. Не совсем туман; что-то прочное, но менее осязаемое.

— Флорин, я боюсь,— браво произнесла девушка.

— Умница,— сказал я.— Давай оглядимся.

Я выбрал направление, и мы пошли. Пару раз мы свернули за угол. Надо всем, слегка затуманивая детали, висела своего рода дымка, какая бывает при варке патоки. Мостовая, казалось, шла теперь на подъем. Мы очутились в аллее, загроможденной обычным ассортиментом из разбросанных мусорных баков, поломанных корзин для сбора апельсинов, дохлых кошек, носимой ветром бумаги — все это копилось лет пять. После чего черепицу почистили и освободили дорогу. Проникающего с улицы света было достаточно, чтобы я увидел высокий сплошной забор, который загораживал пространство между зданиями.

— Похоже, что это тот же самый забор,— сказала мисс Реджис,— но с другой стороны.

Я потрогал доски, они были самыми обыкновенными.

— Здесь дурно пахнет,— сказал я.— С точки зрения топологии.

— Что это значит?

— Существует связь поверхностей, которая не изменяется при искривлении одной из них. Но мы видели две стороны одной плоскости, не совершив достаточного количества поворотов. Кто-то становится небрежным; мы оказываем более сильное давление, чем им хотелось бы. Поэтому я хочу надавить еще сильнее.

— Зачем? Почему бы просто не возвратиться?

— А разве вам хоть чуть-чуть не любопытно, мисс Реджис? Разве вы хоть немного не устали от того человека, на другом конце веревочки, держащего ее, когда ему только захочется? Не хочется ли вам самой потянуть за нее?

— Что мы будем делать?

— Забавно, — сказал я. — Эта стена могла быть из кирпича или бетона — или из стальной пластины. Но это всего лишь сосновые доски. Это выглядит почти как приглашение сломать их. — Я убрал револьвер и наклонился, чтобы проверить нижние концы досок. Щель под ними позволяла просунуть руку. Я потянул, дерево сначала сопротивлялось, но затем треснуло и сломалось. Я выбросил отломившиеся куски и прошел через дыру в конференц-зал, который выглядел совершенно таким же, каким я видел его в последний раз: причудливая спиральная люстра и прочее.

— Мы все ближе к дому, — сказал я. Я прошел вокруг длинного стола к двери, через которую входил последний раз, и потянул ее, чтобы открыть.

Я снова оказался в своем номере гостиницы с его полным набором: обоями, покрытыми пятнами, эмалированным тазом с отбитыми краями, сломанной роликовой шторой и пружинным матрасом. Дверь, через которую я вошел, в предыдущем воплощении была дверью ванной.

— Не удивительно, что эти парни вошли так запросто, — сказал я. — Я чувствовал себя немного неуютно оттого, что не услышал звука открываемой двери. Но она никогда и не открывалась.

— Что это за место? — спросила мисс Реджис и вплотную подошла ко мне.

— Где все началось. Я имею в виду действительное начало. Как отметил Сенатор, история моей жизни началась здесь. До этого — ничего. Ни дома, ни прошлого. Только множество непроверенных предубеждений, которые необходимо проверить. — Я сделал шаг к двери в холл, она распахнулась, и покрытый перхотью человек ворвался через нее, держа в руках самое большое свинство сорок четвертого калибра, которое я когда-либо видел, направив его мне прямо между глаз. Отверстие ствола выглядело достаточно широким, чтобы в него можно было въехать на маленьком грузовике, а может, и не на маленьком. Для того, чтобы убедить меня, что время слов прошло, никаких слов не потребовалось. Я прыгнул в сторону, когда винтовка загрохотала и отколола штукатурку на стене позади того места, где я только что стоял. Рыжеволосый что-то закричал, девушка заплакала, а я мгновенно подтянул ноги и стал поворачиваться, но пол, казалось, вздыбился подо мной, как палуба тонущего лайнера. Я замер и наблюдал, как завертелся и исчез потолок, затем другая стена; ничего особо зрелищного, обыкновенный приятный легкий процесс. Мимо проплыл Рыжеволосый, затем девушка, двигаясь уже быстрее, скользнула прочь. Я слышал, как она звала: «Флорин — вернись!»

Довольно долгое время эти слова продирались сквозь серый туман туда, где раньше были мои мозги. «Вернись», — сказала

она. Это была неплохая мысль. Раньше я отправлялся в «путешествие», но, может быть, теперь мне не следует уходить — а стоит сражаться. Мир кружился, как вода в ванне, готовая к последнему долгому нырку в трубу, и неожиданно до меня дошло, что, если я уйду с ней, в этот раз это будет навсегда.

Нигде ни за что ухватиться было нельзя, но тем не менее я держался.

Я почувствовал давление с одной стороны. Это подойдет в качестве пола. Я повернул его под себя и построил стены и крышу и держал их на месте одним усилием воли, и рев затих, и мир прекратил кружиться. Я открыл глаза и увидел, что лежу на спине посреди величайшей в мире автомобильной стоянки.

Мертвенная, плоская, белая, как сахар, бетонная поверхность, разграфленная белыми линиями на клетки со стороны в 50 футов, простиралась вокруг до самого горизонта. Это все, что там было. Ни зданий, ни деревьев, ни людей. Небо было цвета бледной сверкающей лазури, без облаков, без видимого источника света.

Голоса раздались с неба.

— *...Сейчас! Выполняйте аварийные процедуры, черт поберет.* — Это было сказано пронзительным тоном Носатого.

— *Я пытаюсь... но.* — Это Круглолицый.

— *Сейчас не время для ошибок, ты, кретин.*

— *Я не могу... не получается...*

— *Эй, прочь с дороги.*

— *Говорю тебе, я включил стирающий контур! Ничего не произошло. Это... ОН...*

— *Что он? Не болтай, как идиот! От него ничего не зависит! Я контролирую этот эксперимент!* — Истерическая болтовня. — *Ты? Действительно ты? Ты уверен? Ты уверен, что нас не перехватили, не одурачили?*

— *Черт тебя возьми, отключи энергию! Все отключить!*

— *Я отключил, вернее, пытался. Ничего не произошло!*

— *Заткнись, черт тебя поберет.* — Голос Носатого сорвался на визг.

В это же самое время боль в моих кистях, лодыжках и груди поднялась до крещендо, огненные оркестры резали меня на части; и вдруг раздался гром, небо треснуло и упало, окатив меня заостренными кусочками, которые задымились и исчезли, а я лежал, привязанный ремнями, на спине и смотрел на прямоугольную бестеневую операционную лампу в маленькой комнате с зелеными стенами; человек, которого я знал как Носатого, нагнулся надо мной.

— Ну, черт меня поберет, — сказал он. — После этого он все-таки жив.

Какой-то человек с седыми волосами и соответствующим лицом в белом халате и человек с перхотью в пыльной спецодежде подошли и посмотрели на меня. Наконец кто-то отстегнул ремни и открепил что-то от моей головы. Я сел и почувствовал головокружение, мне протянули чашку с чем-то, что имело ужасный вкус, но, видимо, назначение было правильным. Головокружение прошло, не оставив мне ничего, кроме тошноты и такого привкуса во рту, как будто там было гнездо крота, тупой головной боли и боли в запястьях и лодыжках, которая совсем не была тупой. Седой, которого звали, как я вспомнил, так вспоминают о давно забытых вещах, доктор Иридани, смазал каким-то бальзамом кровоточащие ранки. Остальные были заняты тем, что смотрели на показания приборов на большом, занимающем почти всю стену, табло и тихо переговаривались между собой.

— Где Сенатор? — спросил я. Мои мысли двигались медленно, как грузные животные по глубокой грязи.

Носатый оторвался от работы и нахмурился.

— Он шутит, — сказал человек с перхотью. Его звали Ленвелл Трейт, он был ассистентом лаборатории. Я точно не помню, откуда узнал это, но мне это было известно.

Носатый — Ван Ваук для близких — подошел и посмотрел на меня без каких-либо видимых эмоций.

— Видите ли, Бардел, — сказал он. — Я не знаю, какого рода идеи у вас возникли, но забудьте их. Мы располагаем юридически оформленным соглашением, подписанным при свидетелях. Вы пошли на это с открытыми глазами, вы получите все, что вам положено, но ни пенни больше, и это окончательно.

— Вы снабжаете его идеями, — тихо сказал Иридани. Трейт подал мне чашку кофе.

— Бардел не принимает идеи, — сказал он и хитро улыбнулся мне. — Он знает кое-что получше.

— Бардел — актер, — сказал я. Мой голос показался мне слабым и старым.

— Ты — праздношатающийся бездельник, которого мы вытащили из канавы и предоставили благоприятную возможность, — прорычал Ван Ваук. — И как все, тебе подобные, ты воображаешь, что твое положение позволяет усилить давление. Но это не работает. Твое здоровье не пострадало, поэтому не пробуй скулить.

— Не смейтесь надо мной, Док, — сказал я, беря его на пушку. — А как же отключение энергии? Как насчет уровня Эты? Все отключено по всей линии?

Это заставило их замолкнуть на пару секунд.

— Где ты нахватался этих терминов? — спросил Круглолицый.

— Маленькая ящерица рассказала мне, — ответил я и неожиданно почувствовал себя слишком усталым, чтобы беспокоить себя играми. — Забудьте об этом; я просто пошутил над вами. Нет ли у вас под рукой чего-нибудь выпить?

Трейт вышел и через минуту вернулся со склянкой виски. Я отглотнул из горлышка пару унций, и все кругом показалось лучше.

— Что-то говорилось о плате? — сказал я.

— Сотня долларов, — огрызнулся Носатый. — Не так уж плохо для пьянчужки за час или два «работы».

— У меня ощущение, что это было дольше, — сказал я. — Никакого вреда? А? А как насчет амнезии?

— Ну... — сказал лениво Трейт. — Тебе лучше знать, Бардел.

— Выкиньте его отсюда, — сказал Ван Ваук. — Меня тошнит от его вида. Вот. — Он полез в карман, достал бумажник, извлек несколько старых купюр и кинул мне. Я пересчитал бумажки.

— Сотня, верно, — сказал я. — Но насчет амнезии — это была прямая подача. Я немного смущен, джентльмены. Вас, ребята, я помню... — Я огляделся, запоминая всех. — Но я как-то не помню нашей сделки...

— Выкиньте его, — завопил Ван Ваук.

— Я ухожу, — сказал я Трейту. Он вывернул мне руку, подталкивая к двери. — Ты бы не должен быть таким грубым.

Он вывел меня в коридор с зеленым, как и в комнате, кафелем, провел по нему к ведущим вверх ступенькам, в конце которых виднелся свет.

— Между нами, мальчиками, — сказал я, — что случилось со мной здесь?

— Ничего, дружище. Маленький научный эксперимент, вот и все.

— Тогда как получилось, что я ничего о нем не помню? Черт, я даже не знаю, где я живу. Как называется этот город?

— Чикаго, дружище. И ты нигде не живешь. Ты просто гуляешь.

Двойные двери, которые открывались на цементные ступеньки. Лужайка и деревья, которые выглядели знакомыми даже в темноте.

— Летнее убежище Сенатора, — сказал я. — Только без прожекторов.

— Не стоит верить этим политикам, — сказал Трейт. — Послушайся моего совета и не пытайся вымогать больше, Бардел. Ты получил свою сотню, даже если твои шарики и смешались немного, но, черт возьми, они не были в отличной форме и до того, как ты пришел сюда. И я был бы поосторожнее с этим мускателем без фабричного клейма, если бы был тобой, дружище.

— «Ластриан Конкорд», — сказал я. — Дисс. Мисс Реджис. Ничего этого не было, а?

— У тебя было что-то вроде ночного кошмара. Черт тебя

побери, но ты чуть не взорвал все электронные лампы в старом любимчике Франкенштейна. Иди заправься, выпишь и будешь, как новенький.

Мы уже сошли со ступеней, и он повернул меня в сторону ворот.

— Между прочим, какого цвета у вас черепица? — спросил я.

— Зеленая, а что?

— Простое любопытство, — сказал я и, полуобернувшись, провел испытанный удар напряженным пальцем в солнечное сплетение, который согнул его, как шкурку банана. Я подхватил Трейта и выдернул свою сотню из его левой руки, прикосновение которой я почувствовал, затем проверил его задний карман и получил еще тридцать «за хлопоты».

— Пока, Рыжеволосенький ты мой, — сказал я. — Я никогда и не был слишком привязан к тебе.

Я оставил его на месте и ушел «черным ходом» через боковые ворота.

23

Этой зимой в городе было холодно. Я направился к порту, надеясь начать кутеж пораньше. По цене 1.79 за бутылку, имея 130 долларов, можно было взять много мускателя. Я попытался вычислить сколько, дошел до 15 галлонов и случайно увидел свое отражение в витрине, мимо которой проходил.

По крайней мере, я догадался, что это был я. Узнал я себя с трудом. Мои глаза уставились на меня из темного стекла, как парочка заключенных, проводящих жизнь в одиночках. Мое лицо выглядело больным, изношенным, изборожденным морщинами. Седая щетина была с четверть дюйма, голова покрыта седыми нечесанными лохмами. Мое адамово яблоко ходило ходуном, когда я сглатывал. Я высунул язык, он тоже выглядел неважно.

— Ты в плохой форме, старина, — сказал я незнакомцу в витрине. — Наверное, пятнадцать галлонов самогона не то, что тебе необходимо.

Я стоял и смотрел на свое отражение, уставившееся в свою очередь на меня, и ждал, когда внутренний голос запищит и напомнит о том, как согревает сердце выпивка, как замечательно она проскальзывает по языку и добирается до желудка, прожигая свой путь вниз, успокаивает боль в костях и делает гибкими суставы, приносит комфорт телу и легкость мыслям.

Но он не напомнил. А если и напоминал, то я не услышал его. Я чувствовал, как бьется сердце глухими болезненными ударами, работая чересчур напряженно для того, чтобы я мог продолжить путь.

Я слушал хрипы и хрюканье в легких, пытающихся втянуть достаточно воздуха, ощущал толчки, когда колени шатались из стороны в сторону, подобно струнам контрабаса, болезненную истощенность ослабших мышц, обвисшую стареющую кожу, тошнотворную тяжесть органов, о которых давно никто не заботился.

— Что случилось со мной? — спросил я старика в витрине. Он не ответил, лишь облизнул губы серым языком.

— Ты выглядишь таким же испуганным, каким я себя чувствую, папаша, — сказал я. — Между прочим, знаю ли я, как тебя зовут? *Носатый называл меня Бардел.*

— Да, Бардел. Я... был актером. — Я попробовал примерить эту мысль на себя. Она подходила, как бывший в употреблении гроб.

— *Они вытащили меня из канавы,* — сказал я сам себе. — *Эти чистенькие мальчики, Ван Ваук и другие. Им нужна была морская свинка. Я записался добровольцем.*

— *Так заявили они. А до этого — что?*

— *Я что-то не могу вспомнить. Должно быть из-за мускателя, старина. Он испортил твои мозги. Мои мозги. Наши мозги.*

— Итак, что мы намерены сделать со всем этим?

Я подумал о выпивке и почувствовал приступ тошноты.

— *Никакой выпивки в дальнейшем,* — сказал я. — *Окончательно никакой выпивки. Может быть, посетить доктора. Но не такого, как Иридани. Возможно, улучшить питание. Больше спать. Когда последний раз ты спал в постели, старина?*

Этого я тоже не смог вспомнить. Теперь я был хорошим и испуганным. Незнание, кто ты и откуда, вызывает чувство глубокого одиночества. Я оглядел улицу. Если я когда-нибудь и видел ее до этого, то не помнил. Но я знал, не знаю откуда, что в порт нужно идти *этой* дорогой, а к кварталу каркасных домов с табличками в окнах *«Сдаются комнаты — на день, на неделю, на год»* — той дорогой.

— Вот то, что мне нужно, — сказал я. Мой голос был таким же скрипучим и старым, как выброшенный изношенный башмак. — Чистая постель, и сон ночь напролет. Завтра ты почувствуешь себя лучше. И тогда ты вспомнишь.

— *Обязательно. Все будет отлично — маньяна.*

— Благодарю, приятель; ты оказал большую помощь.

Я помахал старику в витрине, и он помахал в ответ, я повернулся и пошел, но не в сторону порта.

Пожилой женщине не понравился мой внешний вид, за что я ее не виню, но ей понравилась десятидолларовая банкнота. Она про-

пыхтела два этажа и до конца коридора, распахнула голую дверь убогой маленькой комнаты с высоким потолком и черным полом и показала потертый ковер, латунную узкую кровать, шифоньер и умывальник. Это была комната того типа, которые бывают холодильником зимой и парной летом. Ржавые пружины жалобно заскрипели, когда я сел на протертое до ниток вышитое покрывало. Я сказал:

— Комнату снимаю.

— Ванная в конце коридора, — сказала моя новая квартирная хозяйка. — Вы обязаны помыться, перед тем как лечь в кровать.

За доллар сверх платы она снабдила меня бело-желтым полотенцем и банной простыней с бледным пятном посередине, щеткой жесткой, как скребница, и куском почти нового мыла кораллового цвета, которое пахло формальдегидом. Аромат одиннадцати долларов наличными, возможно, ударил ей в голову, потому что она пошла и стала греметь трубами, наливая коричневую воду в таз. Она даже пожелала мне спокойной ночи и протянула старую безопасную бритву перед тем, как уйти.

Я помок некоторое время, что было приятно, несмотря на ржавую заплату как раз в том месте, где покоились мои *glutei maximi*. Затем я поскреб свои бакенбарды и перешел к свисающим на шею лохмам, чтобы навести хоть какой-нибудь порядок.

— Хорошая работа, старина, — сказал я лицу в зеркале. — Ты уже выглядишь как хорошенький труп.

Вернувшись в комнату, я скользнул между простыней, которые на ощупь были похожи на накрахмаленную мешковину и пахли хлоркой, свернулся клубком вокруг пары сломанных пружин, которые торчали сквозь хлопчатобумажный набивочный материал, и отплыл в то место, где годы, болезни и человеческая бренность не существуют, где небеса розовые круглый день, где мягкие голоса наших любимых рассказывают нам, какие мы замечательные, сейчас и всегда, аминь.

25

Утром я почувствовал себя лучше, но не совсем хорошо. Когда я стал одеваться, в нос мне ударил козлий запах, исходящий от одежды. И как раз в этот момент раздались тяжелые шаги в холле, я высунул голову и доверил моей хозяйке еще одну десятидолларовую бумажку с поручением купить мне нижнее белье и носки. То, что она принесла, не было новым, но было чистым, кроме того я получил девять долларов сдачи.

Я отклонил ее предложение позавтракать (семьдесят пять центов) и купил яблоко во фруктовом киоске. По соседству было мно-

жество магазинов готового платья, специализирующихся на продаже не подходящих под пару полосатых костюмов и рубашек с заштопанными рукавами; все это одинаково пыльное, как будто их владельцы умерли и были в них похоронены. Я выбрал розовато-коричневый двубортный пиджак и черно-зеленые свободные штаны, которые были толстыми и прочными, хотя и не сверхмодными, пару рубашек, в прошлом белых, пару сморщенных ботинок, сделанных для чьего-то дедушки, и шегольский красно-зеленый галстук, вероятно, принадлежавший батальону шведских моряков. Не все назвали бы получившийся ансамбль проявлением хорошего вкуса, но он был теплым и чистым, и запах нафталина был лучше козлиного. После этого я предоставил благоприятную возможность счастливицу парикмахеру поработать над моими лохмами. Он возвратил им длину раннего Джонни Вайсмюллера и сказал:

— Невероятно. Я видел черные волосы с седыми корнями, но никогда наоборот.

— Это все моя диета,— сказал я.— Я только что перешел на дистиллированный морковный сок и яйца уток-девственниц, сваренных в чистой ключевой воде.

Он сделал пометки на обратной стороне конверта, дополнительно бесплатно побрил меня, удалив островки щетины, которые я пропустил предыдущим вечером, а затем предложил мне испытать судьбу в том, что он назвал лотереей.

— Осмелюсь предложить,— сказал он доверительно.— Это самая популярная игра в городе.

Он показал мне фиолетовый билет в качестве доказательства. Если замысловатая надпись была показателем, то я попал во что-то серьезное. Я заплатил доллар и спрятал его. Когда я уходил, он смотрел на меня из-за кассового аппарата, улыбаясь беззубой усмешкой и поблескивая глазками так, что это напоминало мне о чем-то, но я не мог уловить о чем.

После этого я посидел в парке, подышал свежим воздухом и понаблюдал за проходящими людьми. Никто из них не смотрел на меня. Я купил все к обеду в бакалейной лавке, позаботившись о салате, моркови и других полноценных продуктах. Я поел в своей комнате, без аппетита.

Так прошли две недели, к концу которых, не беря в рот спиртного, я набрал пять фунтов, простился с болью в желудке и остался на мели. Последний день я провел в поисках работы, но оказалось, что для просителей неопределенного возраста и неопределенных способностей избытка рабочих мест не наблюдалось. Моя хозяйка не испытывала горячего желания предоставить мне кредит. Мы расстались с выражениями взаимного сожаления, я пошел в парк и просидел в нем немного дольше, чем обычно, в сущности, все обеденное время.

Когда солнце зашло, стало холодно. Но все еще горели огни в публичной библиотеке напротив через дорогу. Библиотекарь бросила на меня острый взгляд, но ничего не сказала. Я нашел тихий уголок и устроился, чтобы впитать в себя как можно больше тепла, до того, как закроется библиотека. Есть что-то успокаивающее в тихих книгохранилищах, в тяжелых старых дубовых стульях и запахе пыльной бумаги и переплетов, даже в шорохах и мягких шагах.

Шаги остановились, мягко скрипнул отодвигаемый стул. Зашуршала одежда. Я не открывал глаз и старался выглядеть старым джентльменом, который пришел полистать переплетенные тома «Харпер» и совсем случайно задремал на середине 1931 года; но я слышал мягкое дыхание и чувствовал на себе чей-то взгляд.

Я открыл глаза, она сидела за столом напротив, была она молодой и печальной, несколько бедно одетой, и она сказала:

— С вами все в порядке?

26

— Не исчезайте, леди,— сказал я.— Не превращайтесь в дым и не исчезайте. И даже просто не вставайте и не уходите. Просто посидите здесь и позвольте моему пульсу замедлиться до 90 ударов в минуту.

Она слегка покраснела и нахмурилась.

— Я... подумала, что вы, возможно, больны,— сказала она, вся такая чопорная и правильная, готовая сказать все волшебные слова, которые делали ее соответствующим членом действующей семьи.

— Точно. А что с тем парнем, с которым я вошел? Не так ли звучат следующие строчки?

— Я не понимаю, что вы имеете в виду. Никто с вами не входил — я, по крайней мере, не видела. И...

— Вы давно наблюдаете за мной?

На этот раз она действительно покраснела.

— Ну, сама мысль...

Я потянулся и взял ее за руку. Она была нежной, как первое дыхание весны, мягкой, как выдержанный виски, теплой, как материнская любовь. Моя рука сжала ее запястье, как когти ястреба, хватающего цыпленка. Я разжал пальцы, но она не двинулась.

— Давайте пропустим все ритуальные ответы,— сказал я.— Происходит что-то довольно странное; и вы, и я знаем это, верно?

Румянец исчез, она побледнела, ее глаза пристально смотрели в мои, как будто я знал секрет, который мог спасти жизнь.

— Вы... вы знаете? — прошептала она.

— Может быть, нет, мисс, но у меня сильное подозрение.

Я выбрал не то слово; она напряглась, сжала губы и стала такая праведная.

— Хорошо! Это был просто христианский порыв...

— Чепуха,— сказал я.— Извините за грубость, если это грубость. Вы сидели здесь со мной, разговаривали. Почему?

— Я сказала вам...

— Я знаю. А сейчас скажите настоящую причину.

Она посмотрела на кончик моего носа, на мое левое ухо, и наконец, мне в глаза.

— Я... видела сон,— сказала она.

— Пивной бар,— сказал я.— В захудалом районе. Толстый буфетчик. Кабина, справа от входной двери.

— Боже мой,— сказала она тоном человека, никогда не упоминающего имя божества своего всуе.

— Я тоже,— сказал я.— Как вас зовут?

— Реджис. Мисс Реджис.— Она остановилась, как будто сказала слишком много.

— Продолжайте, мисс Реджис.

— Во сне я была человеком, который был нужен,— сказала она, обращаясь уже не совсем ко мне, но к кому-то, возможно, внутри ее самой, кому в прошлом совсем не уделялось внимания.— Я была важна — не в смысле положения или титулов, но потому что мне доверили что-то важное, я должна была выполнить долг... чести, ради которого и есть смысл жить.

У меня хватило ума ничего не говорить, пока она рассуждала вслух, вспоминая, как это было раньше.

— Зов был ниспослан среди ночи, тайное послание, которого я ждала. Я была готова. Я знала, что делать. Я встала, оделась, пошла в назначенное место. И... вы были там.— Тут она посмотрела на меня.— Вы были моложе, больше, сильнее. Но это были вы. Я уверена в этом.

— Продолжайте.

— Я должна была предостеречь вас. Существовала опасность — я не знаю какая. Вы намеревались встретиться ее лицом к лицу, один.

— Вы просили меня не ходить,— сказал я.— Но вы знали, что я должен отправиться в любом случае.

Она кивнула.

— И... вы пошли. Я хотела закричать, побежать следом за вами, но... вместо этого я проснулась.— Она неуверенно улыбнулась.— Я пыталась убедить себя, что это был всего лишь глупый сон. И все-таки — я знала, что это не так. Я знала, что это было важно.

— Поэтому вы вернулись.

— Мы шли по холодным пустым улицам. Вошли в здание. Ничто

не было тем, чем казалось. Мы проходили комнату за комнатой в поисках... чего-то. Подошли к стене. Вы ее сломали. Мы очутились в большой, со странной изысканной люстрой, комнате, похожей на зал, в котором короли и послы могут подписывать договоры. А следующая комната была ночлежкой.

— Не уверен, — сказал я. — Я видел комнаты и похуже.

— Затем ворвался человек, — продолжала она, игнорируя меня. — У него было оружие. Он прицелился в вас и... застрелил у моих ног. — Печальный взгляд возвратился на ее лицо, взгляд, способный довести даже каменное сердце до разрыва.

— Не совсем, — сказал я. — Я здесь. Я живой. В действительности этого не случилось. Ничего не вышло. Мы были во сне — вместе.

— Но... как?

— Я участвовал в эксперименте. Человекоподобная морская свинка. Большие машины, соединенные с моей головой. Они заставили меня видеть сны, сумасшедшую чепуху, в которой все перемешалось. Каким-то образом вы попали в мой сон. Самое смешное — я думаю, они не знали об этом.

— Кто они — эти люди, о которых вы говорите?

Я махнул рукой.

— Из коттеджа. Из лаборатории. Умные головы, врачи, физики. Я не знаю. Такие парни, которые проводят время в маленьких комнатах, наполненных радиолампами и циферблатами, делая заметки на компьютерах.

— Как случилось, что вы приняли участие в их экспериментах?

Я покачал головой.

— Это все, как в тумане. Думаю, что я был очень сильно пьян, длительное время.

— Где ваша семья? Ваш дом?

— Не тратьте попусту сострадание, мисс Реджис. У меня их нет.

— Ерунда; — сказала она, — ни одно человеческое существо не живет в вакууме. — Но оставила эту тему. — Вы упомянули коттедж. — Она взяла новый галс. — Какой коттедж это был?

— А сколько у вас их в городе, леди?

— Пожалуйста, не притворяйтесь. В этом нет необходимости, вы знаете.

— Приношу извинения, мисс Реджис. Тот, который в той стороне. — Я ткнул пальцем за спину. — Красивая земля, большие деревья. Вы должны были его заметить, если вы здесь живете.

— Я живу здесь всю свою жизнь. В этом городе нет такого коттеджа.

— Хорошо. Может быть, это исследовательская лаборатория, правительственный особняк.

— Там ничего подобного нет. Это, видимо, не здесь, мистер Флорин.

— Три квартала от того места, где мы сидим,— сказал я.— Может быть, четыре. Десять акров, если не больше.

— Вы уверены, что это не часть сна?

— Я жил на их деньги последние две недели.

— Можете вы отвести меня туда?

— Зачем?

Она уставилась на меня.

— Затем, что мы не можем все это бросить, не правда ли?

— Я думаю, что ничего страшного, если мы и поглядим,— сказал я.— Может быть, мне удастся получить новый заказ.

Она последовала за мной в ночь, сопровождаемая неодобрительным взглядом пожилой дамы за столом выдачи книг. Десять минут заняло у нас, чтобы пройти три квартала к тому месту, где я покинул коттедж двумя неделями ранее. За квартал до него я знал, что что-то неверно было в моих расчетах. Магазины, заправочная станция и ломбарды на всем пути выглядели нормально, но там, где должна была быть высокая стена из красного кирпича, стоял заброшенный склад: акр или около того искривленных подъездных путей и разбитого стекла.

Мисс Реджис не сказала ни слова, хотя и могла бы. Она спокойно шла рядом, когда я повторил маршрут. Я обнаружил знакомый ломбард с одетым в запыхавшийся смокинг манекеном в витрине, кондитерский магазин с пыльной помадкой, улицу, где находился дом, в котором я снимал комнату. Но когда возвратились к особняку, там по-прежнему был склад.

— Соседствующее окружение все еще здесь,— сказал я.— Все, чего не хватает — это коттеджа. Великовато для того, чтобы потеряться, но человек в моем возрасте становится слегка рассеянным.

— Вы уверены, что прошли весь путь пешком от, где вы там были, до места, где снимали комнату? Может быть, вы наняли кэб или...?

— Ага. Ни кэба, ни автобуса, ни троллейбуса, ни даже велосипеда. На своих двоих. Может быть, я многого не помню; но что я помню, я помню хорошо. Так, как я себя чувствовал, я не мог пройти больше четверти мили. Давайте посмотрим фактам в лицо, мисс Реджис. Кто-то украл особняк и оставил на его месте эту кучу мусора, возможно, со значением. Моя задача вычислить причину этого.

— Мистер Флорин, уже поздно. Вы устали. Наверное, будет лучше, если вы сейчас отдохнете. Завтра мы можем встретиться после работы, возможно...— Ее голос затих.

— Обязательно,— сказал я.— Хорошая мысль, мисс Реджис. Извините, что отнял у вас время. Вы были правы во всем. Нет ни

коттеджа, ни исследователей, ни машины сновидений. Но сто долларов были реальными. Остановимся на этом. Спокойной ночи и спасибо за компанию.

Она стояла с нерешительным видом.

— Куда же вы пойдете?

— Кто знает, мисс Реджис? Мир велик, особенно, когда вас не связывают чьи-либо деспотические ограничения. В Грейфел, возможно. Это красивое место, где сила тяжести на восемнадцать процентов меньше и множество кислорода и большое желтое солнце в паре сотен световых лет отсюда.

— Кто рассказал вам о Грейфеле? — прошептала она.

— Бардел. Он был актер. Не очень хороший. Забавно, но Носатый подумал, что я — это он. Можете себе это представить?

— Грейфел был местом нашего летнего отдыха, — сказала она озадаченно.

— Не говорите; у озера, в двадцати восьми милях отсюда.

— С чего вы это взяли?

— Хорошо, скажите вы, где он.

— Грейфел в Висконсине, около Чикаго.

— Остановите меня, если я пою не в тональности, но разве это не Чикаго?

— Что вы — нет. Конечно, нет. Это Вулфтон, Канзас.

— Я чувствовал, что не все мне знакомо в этих местах.

— Как получилось, что вы здесь несколько недель, как вы сами сказали, и даже не знали этого?

— Этот вопрос никогда не вставал. Конечно, мои социальные контакты были ограничены.

Она смотрела на меня, и я почти мог слышать, как она размышляет обо всех вещах, которые могла бы сказать. То, до чего она додумалась, было:

— Где вы собираетесь спать сегодня?

— У меня настроение погулять, — сказал я. — Ночь размышлений под звездами.

— Пойдемте ко мне домой. У меня есть комната для вас.

— Благодарю, мисс Реджис. Вы милая девушка — слишком милая, чтобы быть втянутой в мою личную войну со Вселенной.

— Что вы на самом деле намерены делать? — прошептала она.

Я качнул головой в сторону склада.

— Суну свой нос вон туда.

Она выглядела честной и деловой.

— Да, конечно, мы должны сделать это.

— Не вы — я.

— Мы оба. В конце концов... — Она подарила мне проблеск улыбки, легкий, как вздох ангела. — Это и мой сон тоже.

— Я как-то все забываю, — сказал я. — Пошли.

Двери были заперты, но я нашел болтающуюся доску, оторвал ее, и мы проскользнули в большую черную темноту и пыль, и паутину, и хлопанье крыльев летучих мышей или чего-то другого, что хлопало. Возможно, это было мое сердце.

— Здесь ничего нет,— сказала мисс Реджис.— Это просто старое заброшенное здание.

— Поправка: это место, которое выглядит как старое заброшенное здание. Возможно, это отделка витрины, и если вы сотрете пыль, то обнаружите под ней свежую краску.

Она провела пальцем черту на стене. Под пылью было еще больше пыли.

— Ничего не доказывает,— сказал я.— В этом деле ничто не может служить доказательством. Если воображаешь вещь, то воображаешь, что она существует.

— Вы думаете, что сейчас спите?

— Это вопрос, не правда ли, мисс Реджис? Как вы узнаете, что живете и проснулись?

— Сновидения не такие; они смутные и расплывчатые по краям. Они существуют в двух измерениях.

— Я помню, как однажды размышлял о сновидениях, когда прогуливался по холму осенью недалеко от студенческого городка. Я чувствовал, как хрустят сухие листья под туфлями, как я иду по земле; я чувствовал, как где-то горят листья, ощущал укусы морозного осеннего воздуха и думал: «Сны не похожи на реальность. Реальность реальна. Все чувства работают, все существует в цвете и в трех измерениях». — Я сделал паузу для пущего эффекта. — И тут я проснулся.

Она поежилась.

— В таком случае, никогда ни в чем нельзя быть уверенным. Сон внутри сна, который также снится. Я выдумываю вас — или вы выдумываете меня. Мы не способны разобраться — действительно.

— Может быть, в этом есть какое-то послание для нас. Может быть, нам следует искать правду, которая является правдой и во сне и наяву. Абсолютные истины.

— Какие?

— Верность,— сказал я.— Смелость. Как у вас. Здесь, со мной, сейчас.

Она сказала:

— Не глупите,— но по ее голосу чувствовалось, что она польщена. Я с трудом различал ее лицо в темноте.

— Что мы будем делать теперь? Вернемся? — сказала она.

— Давайте сначала посмотримся. Кто знает? Может, мы играем в жмурки и находимся лишь в дюйме от выигрыша? — Я ошупывал

дорогу перед собой по усыпанному мусором полу, через обломки досок и обрывки бумаги и картона, спутанные пучки проводов. Расхлябанная дверь болталась на дальней стене. Она открывалась в темный проход, не более чистый, чем большая комната.

— Фонарик бы,— сказала мисс Реджис.

— Или патрульную машинку, набитую полицейскими,— сказал я.— Посмотрите, впрочем, вам лучше не смотреть.— Но она была около меня, и уже увидела то, на что уставился я. Перед нами был Сенатор, лежащий на спине, его голова была размазана, как яйцо. Я почувствовал, как девушка окаменела, затем расслабилась и засмеялась, нервный смех, но все-таки смех... в такой ситуации.

— Вы напугали меня,— сказала она, прошла мимо меня и посмотрела на расprostертое на спине тело в пыльном смокинге.

— Это всего лишь манекен,— сказала она.

Я посмотрел повнимательнее и увидел осыпавшуюся с деревянного лица краску.

— Он похож...— Мисс Реджис взволнованно посмотрела на меня.— Он похож на вас, мистер Флорин.

— Не на меня; на Сенатора,— сказал я.— Может быть, они пытаются сообщить мне что-то.

— Кто такой Сенатор?

— Человек, которого меня наняли охранять. Я занимался своей привычной работой, только и всего.

— Был ли он... частью эксперимента?

— Или эксперимент частью его. Кто знает? — Я перешагнул через поддельный труп и пошел дальше по проходу. Он казался слишком длинным, чтобы поместиться внутри здания. На протяжении сотни ярдов не было ни дверей, ни коридоров, но в конце виднелась дверь, с полоской света из-под нее.

— Вторая дверь есть всегда,— сказал я. Ручка повернулась, дверь открылась в комнату, в которой я уже бывал. Позади меня мисс Реджис онемела от изумления. Тусклый лунный свет через высокие окна освещал стены, покрытые узорчатой шелковой тканью, восточные ковры. Я прошел по глубокому ворсу к длинному столу из красного дерева и выдвинул стул. Я почувствовал, какой он тяжелый и гладкий, каким и должен быть на ощупь тяжелый и гладкий стул. Люстра задержала на себе мой взгляд. По какой-то причине на нее было трудно смотреть. Линии граненых хрустальных фасеток взбирались вверх и вверх по спирали вокруг рисунка, который переплетался и повторял себя до бесконечности.

— Мистер Флорин, зачем такая комната, как эта, должна быть в этом дремучем здании?

— Она не здесь.

— Что вы имеете в виду?

— Вы не помните свой последний визит?

— Это действительно та же самая комната? Неужели это все действительно сон?

— Это не было сном тогда и сейчас это не сон. Я не знаю, что это, но на определенном уровне это происходит.

Мисс Реджис выдержала паузу, ее голова настороженно наклонилась.

— Здесь кто-то есть, — прошептала она. — Я слышу их разговор.

Я встал и мягко подошел к двери, приложил ухо. Раздавались два голоса, оба знакомые, один очень высокий, другой — с хорошим резонансом, как реклама похоронной конторы.

— ...выхожу сейчас, — говорил последний. — Я не хочу даже части ответственности. Вы утратили остатки здравого смысла.

— Вы не можете, — слышался голос Трейта, который звучал, как у полицейского, отвергающего доводы любителя превышать скорость. — Мы вылечим его, не бойтесь. Это дело времени.

— Что если он умрет?

— Он не умрет. А если умрет — мы прикрыты. Вы получили гарантии на этот счет.

— Я не верю им.

— Вы никуда не пойдете, Бардел.

— Уйди с моей дороги, Лен.

— Поставь сумку, Бардел.

— Я предупреждаю тебя.

Кто-то ударил по железному очагу молотом. Кто-то издал звук, как будто прополаскивал горло. Кто-то уронил стофунтовый мешок с картофелем на пол. Я распахнул дверь, ворвался через нее в мою старую спальню и налетел на Сенатора, стоящего над телом Трейта с дымящимся пистолетом в руке.

28

Он посмотрел на меня, рот у него открылся, но слов слышно не было. Я взял пистолет из его руки и понюхал, чтобы хоть что-то сделать. Запах у пистолета был, как у обычного пистолета.

— Мне он тоже никогда не нравился, — сказал я. — Куда вы отправляетесь?

— Я не хотел его убивать, — сказал он. — Это произошло случайно.

— Не переживайте, Сенатор. Возможно, это и не считается.

Я присел на корточки около Трейта и проверил его карманы. Мне это было не по душе, но тем не менее я это сделал. Хотя мог бы и не беспокоиться. Карманы были пусты. Я посмотрел на его лицо, ставшее серовато-зеленым и менее симпатичным.

— Расскажите, что произошло,— сказал я Сенатору — экс-Сенатору — Барделу: кем бы он ни был.

— Я думал, у него есть пистолет. Он такой ненормальный, что мог бы им воспользоваться. Я выстрелил первым.

— Пропустим разговор о том, кто такой вы, кто такой Трейт, и что вы здесь делали, и где мы находимся. Меня волнует только, как это отзовется на мне?

Он бросил на меня проницательный взгляд, в котором было что-то вроде надежды.

— А вы не помните?

Я взвел курок пистолета и прицелился в его жилет.

— В моей памяти есть пробелы. Начинайте их заполнять.

— Я вряд ли знаю, с чего начинать. Что вы помните?

— Расскажите о Ластриан Конкорд.

Он покачал головой и нахмурился.

— Послушайте, я клянусь вам...

— Дальше. Как насчет Иридани?

— О! — Он облизнул губы и несколько разочаровался. — Очень хорошо. Вы знаете, против чего я выступал там. Хотя большого выбора у меня не было...

— Против чего вы выступали?

— Он угрожал, что уничтожит меня. Иначе я бы никогда...

— Начинайте сначала.

— Ну, Иридани пришел ко мне семнадцатого. Его разговор сводился к тому, что он нуждается в моих услугах в профессиональном плане. Если честно, мне нужна была работа. А как только я ознакомился с ситуацией, они уже не могли позволить мне уйти — по крайней мере, они так заявляли.

Я повернулся к мисс Реджис.

— Сказал он хоть что-нибудь?

Она покачала головой.

— Мне кажется, он тянет время. Кто он?

— Актер по имени Бардел.

— Боже мой,— сказал Бардел.— Если вы знаете это, то вы знаете...— Он осекся.— Откуда вы узнали?

— Вы сказали мне.

— Никогда.

— В парке,— сказал я,— на Грейфеле.

Его лицо стало похожим на пирог, который уронили.

— Но вы не должны были...— сказал он сдавленным голосом, повернулся и ринулся к окну. Я выстрелил вслед ему, но это его не остановило; он вылетел в окно, как грузовик с автострადы, и исчез в облаке осколков стекла. Я подбежал и услышал его затишающийся крик и удар далеко-далеко внизу.

Мисс Реджис испуганно вскрикнула. Я ощущал металлическую

раму, задел какое-то место, раздался щелчок. Все окно, с которого сыпались осколки стекла, развернулось в комнату, как ворота. За ним была обыкновенная серая стена.

— Если фальшивый человек выпрыгивает из фальшивого окна,— сказал я,— это самоубийство или безобидная шутка?

— Это ночной кошмар,— сказала девушка.— Но я не могу проснуться.— Ее широко открытые глаза были испуганными. Я облизнул губы, которые были, как промокательная бумага, подумал о двух-трех остроумных замечаниях и сказал: — У меня подозрение, что это не входило в их план. Я не знаю, что это за план, кто его составлял и почему, но обстоятельства складываются не так, как предполагалось. А это значит, что они не такие умные, как сами себе кажутся — или мы умнее их. Может быть, это дает нам какое-то преимущество. Проверим?

— Мы ходим по кругу,— сказала она.— Мы как слепые люди в лабиринте. Мы спотыкаемся, глубже и глубже...

— Иногда, когда ходишь кругами, находишь контуры чего-нибудь. Может быть, если мы достаточно глубоко погрузимся, то прорвемся.

— Куда?

— Смешно, но я бы сказал — *откуда*.— Я сунул голову в проем серой стены, который был около восемнадцати дюймов в ширину. Это, должно быть, был тот самый проем, который Сенатор и я использовали для побега из фальшивого сенаторского особняка, или его двойник.

— Скажите, мисс Реджис,— сказал я,— пойдем вперед или назад?

— Назад — куда?

— Вы еще верите, что мы в Вулфтоне, Канзас, не так ли?

— Неужели я действительно там когда-то жила?— прошептала она.— Робкая маленькая женщина в сером маленьком городке, работающая в страховом агентстве с покрытыми лаком дверями, и скрипучими полами, с кабинетами, отделанными деревом, печатала отчеты на старенькой смитовской печатной машинке, приходила домой поздно вечером, в мрачную маленькую комнатку, видела невероятные сны...

— И просыпалась, и жила ими. Мне хотелось бы найти ответ на все это, мисс Реджис. Может быть, ответ там.— Я кивнул в сторону темного узкого проема за фиктивным окном.

— Мы исследуем темные переходы в фантастическом здании? — спросила она.— Или это закоулки в нашем сознании?

— Может быть, наш разум — это сплошные закоулки. Может быть, мы — мысли в разуме богов, прокладывающие свой путь в бесконечной тверди Вселенной. А может быть, мы две «вороны», каркающие в темноте, чтобы подбодрить друг друга. Если так,

то мы плохо с этим справляемся. Вперед, девочка. Давай пойдём и разведем. Мы можем наткнуться на другом конце на розовый солнечный свет, пляж из белого сахара и море из жареных кукурузных зерен.

Я шагнул вперед и обернулся, чтобы подать ей руку, но между нами что-то находилось, что-то невидимое и тяжелое, как чистое зеркальное стекло. Она что-то говорила, но ни одного звука не было слышно из-за барьера. Я ударил его плечом, и что-то разбилось, может быть, мое плечо, но я пробился через окружающие меня складки темноты и натолкнулся на шум и свет.

29

Я очутился в огромном холле с высоким потолком, который уходил и уходил в туманную даль. С одной стороны был английский сад за высокой стеклянной стеной, с другой — гигантские панели, похожие на табло объявлений прибытия самолетов, покрытые светящимися строчками, которые мигали и менялись, пока я смотрел на них. В центре зала в ряд были расположены белые пластмассовые столы, и за каждым столом сидел человек, или почти что человек, в белой форме, в головном уборе, похожем на почтовый ящик, с лентой под подбородком, с мягкими каштановыми волосами, покрывающими каждый квадратный дюйм открытой кожи, за исключением розовых ладоней с длинными пальцами и лица, от бровей до вдавленного подбородка. Мужчины и женщины в гармонизирующих по стилю и цвету одеждах стояли перед каждым столом в очередях, и я был в одной из них.

Клиент передо мной — ослепительная представительница женского пола в крошечном, украшенном бриллиантами саронге и с ровным золотистым загаром — взяла свои документы и исчезла за белым экраном. В результате я стал первым.

— Правильно: Флорин, Флорин... есть, прошу, — сказал обезьяноподобный мужчина отрывистым тоном выпускника Оксфордского университета и одарил меня взглядом блестящих глаз, который сопровождался еще и рядом больших квадратных желтых зубов. — Добро пожаловать домой. Как прошло путешествие?

— Как в сумасшедшем доме накануне Дня всех святых, — сказал я. — Не надоедайте мне рассказами, кто вы и что вы. Я не поверю ни одному слову. Просто скажите мне, что это за место.

— Ноль-ноль, девять-ноль-два, — сказал он, надавив кнопку, и белые стены выпрыгнули с четырех сторон вокруг нас, образовав уютный кубик, внутри которого были только мы с ним.

— Что вы сделали с девушкой? — спросил я, пытаюсь держать в поле зрения все четыре стены одновременно.

— Хорошо, Флорин, только не нервничай, дружище. Ты являешься оперативником IDMS, только что возвратившимся из официальной командировки на Локус 992 А4.— Он поджал свои длинные, тонкие обезьяньи губы и нахмурился.— Откровенно говоря, я удивлен, обнаружив синдром амнезиакальной фуги у полевого агента твоего уровня. Как далеко в прошлое простирается потеря памяти?

Я ощупал карман в поисках пистолета Сенатора. Его там не было. Так же, как и двухмиллиметрового игломета. Я обнаружил шариковую авторучку, которая мне, насколько я помню, не принадлежала. Импульсивно я направил ее на обезьяно-человека за столом. Он выглядел ошеломленным, а его рука стала подкрадываться к ряду кнопок на компьютере. Она остановилась, когда я приставил к нему ручку.

— Говори, Хитрец,— сказал я.— Отрепетированную сказку и не вспоминай. Мне нужна девушка, а потом я выхожу, полностью выхожу из игры.

— Успокойся, Флорин,— сказал он ровным голосом.— Ничего нельзя выиграть поспешными действиями, независимо от того, какую ситуацию ты вообразил. Не присядешь ли ты, чтобы мы могли до конца разобраться в этой ситуации?

— Я устал от игры,— сказал я.— Меня провели, одурачили, обманули, разочаровали; я не обижаюсь. Но я хочу, чтобы вернули девушку. Сейчас.

— В этом я не могу помочь тебе, Флорин. Девушки здесь нет.

— На счет три я стреляю. Раз... два... — я сделал паузу, чтобы вдохнуть, но кто-то высосал весь воздух из комнаты и заменил его меловой пылью. Она повисла белой дымкой между мной и обезьяно-человеком. Мои пальцы уронили ручку, колени подогнулись без всякого желания с моей стороны, и я оказался сидящим на краешке стула, как нервничающая кандидатка на должность секретарши; его слова доносились как бы через фильтр с другой стороны стола, находящегося в полумиле, а между нами лежала неисследованная страна.

— Случившееся с вами — это обыкновенный профессиональный трюк,— говорил он мне.— Вы были хорошо проинструктированы обо всех приемах, но, конечно, если центрифуга сильно раскрутится прежде, чем вы заметите, что что-то неправильно, вы можете проскользнуть слишком далеко; поэтому ваш автовозвратчик вернул вас сюда, в штаб-квартиру. Позвольте заверить, что вы находитесь теперь в абсолютной безопасности и в очень короткое время снова овладеете всеми своими способностями...

— Где мисс Реджис, черт тебя поberi, Обезьяний кот? — проорывал я, но прозвучало это, как у пьяницы, пытающегося заказать десятый martini.

— Вы были направлены с заданием наблюдать за экспериментальным аппаратом, действующим на Локуме,— продолжал он спокойно.— Примитивный аппарат, но он создавал определенные незначительные аномалии вероятности для Сети. По-видимому, вы попали в поле действия этого устройства и были выведены из строя. Естественно, вследствие этого возникла довольно неприятная стрессовая система: эго-гештальт-образ; помрачающий сознание опыт, я не сомневаюсь. Я хочу, чтобы вы сейчас сделали усилие и признали, что то, через что вы прошли, было полностью субъективно, не имеет относящейся к реальному миру основы.

— Значит, так? — мне удалось произнести это достаточно хорошо, чтобы прервать его риторику.— Тогда откуда у меня оружие?

— Произведено IDMS, разумеется.

— Ошибаешься, дружище. Это шариковая ручка. Где девушка?

— Нет никакой девушки.

— Ты лжец, заросшая харя.— Я постарался поджать ноги, это мне удалось, и я бросился через стол и ударился в ледяной щит, который разбился на каскады огня, со звоном разлетевшиеся вокруг подобно граду бриллиантов, который засыпал меня все выше и выше; я набрал воздуха, чтобы закричать, и почувствовал запах трубачного табака, состоящего наполовину из апельсиновых корок с медовой добавкой. Я выдохнул дым из носа, моргнул, и воздух очистился; Носатый сидел напротив меня за столом и спокойно улыбался.

— Ну-ну, парнишка, не паникуй,— сказал он успокаивающе.— У тебя незначительное помрачение сознания из-за употребления эфира и ничего более.

Я посмотрел на себя. На мне был свитер с длинными рукавами, вельветовые бриджи, шерстяные чулки и поношенные тапочки, мои ноги были тонкими, мосластыми ногами юного тинэйджера. Я стоял, а он вынул трубку изо рта и, указывая чубуком на меня, сказал:

— Веди себя хорошо, малыш, а не то я сообщу обо всем этом деле твоей мамочке.

Позади него было окно. Я обежал вокруг стола, нырнув под его руку, отдернул жалюзи в сторону и увидел широкие школьные газоны, деревья и пешеходные дорожки под ярким летним солнцем.

— Я прослежу, чтобы тебя выгнали из этого заведения,— завопил Носатый.

— Что вы сделали с ней? — закричал я в ответ и бросился на него, не имея никакого другого желания в жизни, кроме как запустить пальцы в мягкий жир под его подбородком, но он растаял передо мной, и я проложил себе дорогу через похожую на сироп станцию, полную маленьких блестящих огоньков, и ввалился в комнату с изогнутыми стенами, покрытыми экранами и мигающим светом, и Седой в облегающей фигуру зеленой форме протянул руку и спросил:

— Теперь все в порядке, капитан?

Я посмотрел мимо него. Круглолицый сидел перед круглым стеклянным экраном, косясь на скачущие зеленые строчки; человек-птица сидел рядом с ним и печатал с таким видом, какой бывает у бакалейщика, подсчитывающего недельные поставки продуктов для семьи из двенадцати человек. Трейт посмотрел через плечо, криво улыбнулся и подмигнул.

— Мы только что прошли через экран щита инверсии, капитан, — произнес Седой. — Вероятно, вы на мгновение потеряли ориентацию; иногда при этом возникает такой побочный эффект...?

— Где мисс Реджис? — сказал я и отбросил его руку, успев заметить необычное кольцо на моем указательном пальце, с рисунком в виде сложной спирали из алмазной крошки. Импульсивно я сжал кулак кольцом наружу и поднес к его лицу.

— Когда-нибудь прежде видел это? — спросил я и удивил сам себя, ведь я его тоже никогда раньше не видел, но мой жест предполагал, что я устроил хитрую ловушку.

Глаза у Седого стали сумасшедшими, и он с силой оттолкнул мою руку.

— Уберите прочь эту штуку! — задыхаясь крикнул он.

— Почему это, Иридани?

Все головы в поле моего зрения вздрогнули и повернулись к нам, когда я выкрикнул это имя, Трейт соскочил со стула, хватаясь за пистолет на боку; Седой крутнулся в его сторону, и как раз в этот момент луч зеленого цвета протянулся от того места, где сидел Круглолицый, и прожег дыру в его спине. Он упал, кашляя кровью и дымом, все окружили меня, спрашивая одновременно.

— Как вы вычислили его, капитан? — спросил человек-птица. — Откуда вы узнали, что он был шпионом? — возник передо мной Носатый, приказным тоном разгоняя толпу.

— Пойдемте со мной, капитан, — сказал он. — Как врач-офицер корабля я приказываю вам пройти в каюту.

Я дал ему пройти к двери мимо меня, а затем повернулся и ударил его кулаком с кольцом в живот.

— Верни ее, Ван Ваук, — сказал я.

— Что...! — он согнулся наполовину и закашлялся, глядя на меня снизу вверх. — Что...? Почему? Кого...?

— Когда, где и как. Точно, — согласился я. — Существует множество вопросов, которые можно задать. Разница в том, что ты знаешь некоторые ответы, а я не знаю ни одного. Начиная снабжать ими меня.

Он продолжал задыхаться и смотреть на меня так, будто я зашел далеко за угол и меня уже нельзя было увидеть.

Но вперед выступил Трейт, быстро бормоча:

— Зачем вы ударили его, капитан? Мы все верны вам! И вы это

знаете! Разве вы не видите, что мы все делаем для вашей пользы? Только скажите мне, что вы хотите...

— Как меня зовут?

— Капитан Флорин с корабля безопасности номер 43, вы были временно недееспособны.

— Где я нахожусь?

— На командной палубе; корабль приближается к Грейфелу системы Вулф.

— Что это за кольцо? — Неожданно оно стало жечь мой палец. Вскоре жаркий огонь на моей руке полностью захватил мое внимание. Я впервые внимательно рассматривал его, а голос объясняющего что-то Трейта стих до жужжания в ушах. Почему-то на кольцо было трудно смотреть. На нем были завитки, похожие на миниатюрные небновые трубки и изысканно изогнутые пластинки отполированного металла, стержни и провода, которые каким-то образом выходили из фокуса, когда я пытался проследить, как они соединяются. В центре, как что-то живое, пульсировала яркая точка; огоньки вырывались из трубок и, вспыхивая, бежали по проводам. Я с силой попытался снять его с пальца.

Но мои пальцы покрылись рябью и волнами, как будто между ними и глазами оказался слой переливающейся всеми цветами радуги воды. Я сделал шаг назад и обнаружил за спиной совершенно целую, как будто она и не разбивалась, витрину магазина готового платья. Трейт, Иридани и все остальные все еще стояли вокруг меня, но пыль на их смокингах свидетельствовала, что они не разговаривали, не пожимали руки и не похлопывали друг друга по спине уже долгое-долгое время. Я повернулся и случайно сшиб манекен.

Я наклонился, чтобы разглядеть расколотую голову, и обнаружил, что это опять был Сенатор. Я огляделся и узнал отдающий эхом и покрытый пылью проход в заброшенном складе.

— Черт побери, Флорин, — сказал знакомый голос. Бардел поднимался с пола, потирая лицо.

— Этого пинка в мягкое место в сценарии не было предусмотрено, — заскулил он. — Когда меня нанимали на работу для блага республики и за небольшую кучку денег, мне ничего не говорили о том, что меня будут бить во имя высших целей проекта.

Я схватил его за воротник.

— Болтай дальше. Кто ты? Кого ты играешь? Кого играю я?

— Мы предоставим вам всю требуемую информацию, — произнес чей-то голос позади меня. Я обернулся и увидел Круглолицего и весь комплект оруженосцев из зеленого бьюика с автоматами наготове. На мгновение мне захотелось, чтобы кольцо было со мной, хотя я так и не понял, зачем оно мне. Пули засвистели вокруг меня, как летящие гвозди, и я рванулся вперед с одной мыслью — забрать кого-нибудь с собой, куда бы я ни уходил.

Но я совершил путешествие в одиночестве. Бьюик замерцал и ускользнул. Улица исчезла. Я перевернулся и оказался в пустыне; в десяти футах от меня, облокотившись о камень, стоял и лениво улыбался человек-ящерица, одетый во все розовое.

30

— Ну,— сказал он.— Наконец-то. Я уже стал бояться, что вы никогда не добересь до конца лабиринта.

Я глубоко вдохнул горячий сухой воздух, который слегка пах эвкалиптами или чем-то, имеющим запах эвкалипта, и осмотрелся. Песок, несколько ракушек, скалы, множество камней — все это изрядно источено временем.

— Прекрасное место, чтобы погостить,— сказал я.— Но я бы не хотел здесь умереть.

— Нет никаких причин для разговоров о смерти,— сказал Дисс голосом увядшей розы.— Единственной существовавшей опасностью — была опасность расстройства вашей психики, но, как мне кажется, вы прекрасно со всем справились. Более того, вы проявили неожиданную находчивость. Я даже был весьма удивлен.

— От этого на душе у меня стало гораздо легче,— сказал я.— За это мне положена золотая звезда на грудь.

— Поторгумся,— бодро сказал он и выжидающе замигал своими маленькими красными глазками.

— Сейчас я должен подать реплику: «О чем торговаться?» — сказал я.— О'кей, о чем торговаться?

— Есть только один способ торговли, где бы во Вселенной она ни происходила. Существует что-то, в чем нуждаетесь вы, мне тоже кое-что нужно. Мы обмениваемся.

— Звучит просто. Что нужно мне?

— Конечно, информация.

— Что потребуется от меня?

Он переменял положение и помахал узкой лилового цвета рукой.

— Услуга, которую вы можете мне оказать.

— Давайте начнем с информации.

— Разумеется. С чего именно? С Сенатора?

— Это не Сенатор. Это актер по имени Бардел.

— Бардел есть Бардел,— констатировал лиловый ящер.— А Сенатор... есть Сенатор.

— Если это образец информации, я не думаю, что мы договоримся.

— Вы,— человек-ящерица сказал это самодовольным тоном,— являетесь жертвой заговора.

— Я знал об этом с самого начала.

— Ну, Флорин, не надо заранее недооценивать то, что я вам говорю.

Он достал из розового жилета длинный мундштук и, вставив в него коричневую сигарету, засунул в уголок рта, который был создан для ловли мух на лету. Затем выпустил из ноздрей бледные струйки дыма.

— После этого поверить вам ничуть не легче, — сказал я. — Вы полностью ошибаетесь, если думаете, что этими словами меня убедили.

— О, у меня нет никакого интереса убеждать вас в достоверности каких-либо частностей. Полагаю, факты скажут сами за себя...

— Где мисс Реджис?

Дисс нахмурился, даже его мундштук поник.

— Кто?

— Девушка. Милая, тихая, маленькая леди, непохожая на остальных обитателей этого зверинца. Она пыталась помочь мне, не знаю почему.

Дисс покачал головой.

— Нет, — сказал он рассудительно. — В самом деле, Флорин, пора уже вам начать различать настоящих актеров от их подобия. Никакая юная леди сюда не привлекалась.

Я сделал шаг в его направлении, и он слегка отшатнулся.

— Дорогой мой, — сказал он удивленно, — наверное, нет необходимости подчеркивать, что я не обижаюсь на какие-либо поспешные насильственные импульсивные действия с вашей стороны. — Он скривился в усмешке. — Я не совсем ваш союзник, Флорин, но я не желаю причинить вам вред, и, как я уже упомянул, вы можете оказать мне услугу. Не лучше ли всего для нас будет изучить все обстоятельства разумными методами и найти компромисс?

— Продолжайте, — сказал я. — Я слишком устал для спора.

— То-то же, умница. Теперь о заговоре: это благородный заговор, но тем не менее заговор. Короче говоря, заговор с целью возврата вас к нормальной психике.

— Последние сводки с фронта сообщают, что он не срабатывает. Вы не поверите, но в данный момент я воображаю, что сердечно беседую с относящейся ко мне по-отечески саламандрой.

Дисс раскрыл рот и издал несколько шипящих звуков, что должно было, как я предположил, обозначать смех.

— Я признаю, что своим видом способен привести вас в замешательство; однако не забывайте опираться на простые критерии: факты есть факты, как бы их ни объясняли. И если мои объяснения проливают свет на ситуацию — ну, тогда, даже если я не реален, я так же хорош, как и...?

— У меня еще и голова заболела, — сказал я. — Вы только что упомянули, что они спасают мою психику. Не стоит ли пояснить,

кто «они» такие, почему они так заинтересованы в расшифровке моих мозгов, если они у меня есть.

— Они... это Исследовательский Совет, правительственная группа высокого ранга, в которой вы были или и сейчас являетесь Председателем.

— Вы, должно быть, поставили не на ту лошадь, Дисс. Единственные исследования, которые я провожу, — это кто нажал на спусковой крючок или воткнул кухонный нож в зависимости от рода деятельности.

Он отмахнулся от моих слов.

— Явная рационализация. Ваш собственный здравый смысл должен подсказать вам о необходимости расширить масштаб представления о себе. Стал бы я тратить свое время на беседу с заурядным частным сыщиком, имеющим или не имеющим мозги?

— Я — пас. Продолжайте.

— Ваш последний проект как Председателя заключался в создании прибора, предназначенного для исследования подсознания и отыскания оперативных символов, их конкретизации и облачения в конкретные формы, чтобы получить возможность изучения подсознательной деятельности мозга. Вы настояли, чтобы первое испытание провели на вас. К несчастью, из-за усталости и фактора стресса вы неадекватно отреагировали на эксперимент. Ваш мозг избрал новый путь к спасению; вы ускользнули в придуманный вами фантастический мир.

— Я разочарован в себе; я считал себя способным придумать нечто более веселое, чем быть дичью для охотников, чтобы я убежал, а в меня стреляли и вообще пугали до смерти.

— В самом деле? — Дисс издал смешок, похожий на звук предохранительного клапана, сбрасывающего излишек давления. — Познайте себя, Флорин. Вы ученый-теоретик, а не герой, совершающий подвиги. Вам понравилась возможность избавиться от ответственности в примитивном мире жестоких законов — убить или быть убитым. Но ваши верные соратники, вполне естественно, были далеко не согласны с таким поворотом событий. Им было необходимо возвратить вас из фантастического мира. Вы ускользнули в образ легендарного героя Старой Земли по имени Флорин. Ван Ваук противостоял этому шагу, поставив перед вами — конечно, в выбранной роли — задачу, и вслед за этим засыпал ваш путь трудностями с целью сделать ваше убежище несостоятельным. События развивались в соответствии с планом — до определенного момента. Вы вошли в фантазию, приняли вызов. Неожиданно дела пошли скверно. Появились незапланированные элементы, усложнившие все дело. Ван Ваук предпринял попытку прервать лечение, но обнаружил, что не может этого сделать. События вышли из-под его контроля. Он более не управлял машиной грез.

Он сделал паузу в ожидании вопроса. Я его задал.

— Конечно, управляли вы, — сказал он. — Вместо того, чтобы действовать как пассивный реципиент импульсов, подаваемых в ваш мозг, вы перехватили их, создали из них новый сценарий, более соответствующий вашим потребностям, специфичный для выбранной вами роли.

— Почему я ничего этого не помню? И что вы имеете в виду под Старой Землей?

— Вы все еще не помните, а? — спросил Дисс. — Какая-то часть вашего мозга тщательно стерла из памяти все свидетельства ситуации, которую вы считаете немыслимой. Представляя информацию из другого источника, я фактически обхожу с фланга защитные механизмы мозга. Что касается Старой Земли — это наименование второстепенной планеты, которую кое-кто считает первоначальной колыбелью человечества.

— Догадываюсь, что в этом месте я говорю, что думал, что у человечества есть только один дом.

— Да, конечно, Земля была выбрана вами как наиболее подходящая для обитания в роли Флорина — Человека из Стали. Но к данному моменту вы должны быть готовы воспринять тезис о том, что такая сцена чуть-чуть мала для того, чтобы вместить двоих, вас и... меня.

Он подарил мне безгубую улыбку.

— Если забыть о Грейфеле и человеке-обезьяне.

Дисс снова издал шипящий смех.

— Ван Ваук пришел в отчаяние. Он намеревался умиротворить вас, предложив альтернативный путь разумного бегства, приемлемое алиби, за которое можно ухватиться: что вы являлись тайным агентом, пострадавшим от воздействия на мозг, во время которого вы приобрели определенные неверные представления; но вы довели его гамбит до *reductio ad absurdum* (сведение к абсурду), дискредитируя его. Затем он попытался внушить вам благоговейный страх перед авторитетом, убеждая, что у вас горячка, возникшая после анестезии, и вновь вы превратили его шараду в абсурд. Он предпринял еще одну попытку, ближе к реальному положению вещей, стараясь навязать вам роль высокопоставленного деятеля, заболевшего от переутомления, и в третий раз вы использовали его силу против него, выйдя из-под влияния, набросились на него и чуть не убили. Именно в этот момент я почувствовал необходимость вступить в игру — как для того, чтобы спасти вашу психику, так и для того, чтобы предотвратить большую трагедию.

— Понятно; самоотверженный индивид на прогулке совершает небольшое благодеяние в огромном и ужасном выдуманном мире.

— Не совсем. — Он стряхнул пепел с сигареты. — Я упомянул о существовании услуги, которую вы можете оказать.

— Полагаю, вы сообщите, в чем она заключается, смогу я удовлетворить вас или нет.

— Машина грез,— сказал он,— является самым гениальным изобретением, боюсь, чересчур гениальным. Вас следует поздравить, дорогой Флорин, с таким достижением. Но, знаете ли, у нее нет будущего. Она должна быть уничтожена — навсегда.

Я потер подбородок и обнаружил, что давно не брился, это могло послужить ключом к чему-нибудь, но в тот момент я не стал размышлять об этом.

— Давайте очертим проблемы,— продолжал Дисс,— которые могли бы возникнуть, если бы группа простодушных аборигенов на забытом в океане острове случайно наткнулась на средства, генерирующие мощные радиоволны. Может быть, какие-нибудь случайные, побочные плоды усовершенствования антидьявольского колдовства. При всей своей невинности они могли бы прервать планетные системы связи, вмешаться в управление спутниками, внести хаос в телерадиосистемы, открывать и закрывать двери лифтов на другой стороне планеты.

— Это звучит не столь ужасно. Но я уловил мысль.

— Машина сновидений, к несчастью, имеет подобные побочные эффекты. Когда вы и ваш Совет запустили ее в действие, то непроизвольно повлияли на структуру вероятности, которая распространилась на половину Галактики. Это создало, конечно, невыносимую ситуацию. Однако галактические законы строго запрещают прямое вмешательство. Откровенно говоря, мои действия по встрече с вами в полуматериальном состоянии граничат с беззаконием. Но я посчитал, что обстоятельства вынуждают пойти на небольшое отклонение от правил.

— Что означает полуматериальное состояние?

— Только то, что в действительности я не совсем здесь — не более, чем вы.

— Где же вы?

— В передающем кубике моего транспорта, на станции, находящейся примерно в двух световых годах от Солнца. Вы, в это же самое время, находитесь в машине сновидений в вашей собственной лаборатории.

— Откуда этот экзотический пейзаж Сахары?

— О, вы видите пустыню, не так ли? Конечно, вы представили ее, пользуясь вашим собственным воображением. Я просто набрал программу нейтрального окружения.

Я смотрел на пустыню позади него, она выглядела настоящей, как любая другая пустыня. Он дал мне время проникнуться этой идеей.

— Сейчас я вмешаюсь в деятельность вашей машины,— сказал он,— чтобы привести вас в сознание и — к душевному здоровью.

Взамен — вы разрушите машину, включая все записи и диаграммы. Договорились?

— Предположим, я скажу нет?

— В таком случае она будет неизбежно остановлена другими средствами, менее безболезненными для гордости вашей планеты.

— Даже так, а? Что, если я вам не поверю?

— Решать, конечно, вам.

— Я буду знать, как восстановить ее, если то, что вы говорите, правда.

— Будете. Но если проявите крайнюю неразумность и попытаетесь сделать это, вы снова обнаружите себя здесь — совершенно одного. Итак, что вы скажете?

— Сделка не состоялась, — сказал я.

— О, одумайтесь, Флорин. Уверен, что вы цените жизнь и здравый ум?

— Я не люблю совершать сделки с завязанными глазами. Может быть, все это происходит, а может, и нет. Может быть, вы можете совершить все, о чем говорите, а может быть, и нет. Может быть, я великий изобретатель, а может быть, я подвешен к люстре за хвост. Вам придется доказать мне все это.

— Послушайте, Флорин. Я был сверхтерпелив с вами, деликатен. Я мог бы сразу же предпринять силовые методы; но я воздержался. А вы пытаетесь теперь шантажировать меня.

— Или выполняйте, или заткнитесь, Дисс.

— Вы упрямец, Флорин — большой упрямец! — Он скрестил свои узкие руки и стал барабанить пальцами по бицепсам. — Если я возвращу вас в нормальное первоначальное состояние, и вы, будучи полностью в здравом рассудке, убедитесь, что дела обстоят именно так, как я их описываю, — в э т о м с л у ч а е, разрушите ли вы машину?

— Я приму решение, когда попаду туда.

— Ба! Вы неисправимы! Я не знаю, почему трачу на вас время. Но я доброе существо. Я соглашаюсь. Но я предупреждаю вас — не надо. Это испортит нашу красивую дружбу.

Он сделал нетерпеливый жест и отвернулся, у меня возникло мимолетное, призрачное видение вертикальных панелей, горизонтальных полосок света; Дисс производил быстрые движения руками, свет угасал, изменялся; далекий горизонт резко приблизился, заслонил собой все небо. Какое-то мгновение существовала полная темнота, где-то далеко раздавались звуки хлопающих одна за другой дверей. Мысли, имена, лица ворвались в мой мозг, как вода, наполняющая ведро.

Затем медленно вернулся свет.

Я лежал на спине в комнате тридцать на тридцать футов с потолком из сверкающих панелей, с полом из узорчатого кафеля,

стены которой были уставлены сложными аппаратами. Носатый стоял у консоли, которая подмигивала и вспыхивала аварийными сигналами, попискивающими и взвизгивающими в скрипучей тревоге. Около него Седой в белом халате склонился над панелью поменьше и нажимал на кнопки. Бардел похрапывал на соседней койке.

Я издал стон, и Носатый повернулся и пристально уставился на меня. Его губы зашевелились, но он не произнес ни слова.

— Теперь можете развязать меня, доктор Ван Ваук,— сказал я.— Буянить я не буду.

31

Прошло полчаса, как имеют обыкновение проходить любые полчаса. Круглолицый — известный близким как доктор Вольф — отстегнул контакты от моих запястий и лодыжек, смазал какой-то мазью ободранные от врезавшихся ремней места. Седой — доктор Иридани — поспешил выйти и вернулся с горячим кофе, в который было добавлено спиртное, что возвратило блеск по крайней мере моим щекам, если не гордости. Другие — Трейт, Томми, Хайд, Джонас и другие (имена были в памяти наравне со всем остальным) собрались вокруг и по очереди говорили мне, как они волновались. Бардел был единственным, кто сутулился и был хмурым. Иридани ввел ему лекарство, после чего он, завопив, очнулся от дремы, его успокоили, но, казалось, Бардел продолжал испытывать недовольство.

— Боже мой, Джим,— сказал мне Ван Ваук,— нам казалось, что мы потеряли тебя.

— Тем не менее я здесь,— сказал я.— Доложите мне обо всем с самого начала.

— Ну.— Его толстые пальцы забегали по редющим волосам на голове.— Как тебе известно...

— Предположим, мне ничего не известно,— сказал я.— Моя память была поражена. Я все еще как в тумане.

— Конечно, Джим. Ну, по заверению САВП — Символического Абстрактора и Визуального Преобразователя, если расшифровать,— ты санкционировал проведение теста, выбрав себя в качестве испытуемого. Я возражал, но...

— Придерживайтесь субординации, доктор.

— Так точно, сэр. Было начато проведение испытания с вами в качестве субъекта. После легкого гипноза были укреплены электроды. Градуировка проходила нормально. Программа была запущена, интегрирующее устройство поставлено под напряжение. Почти мгновенно потребление мощности возросло в десятки раз. Защитные

устройства обратного питания были активированы, но безрезультатно. Я предпринял различные меры по снятию напряжения, чтобы восстановить контроль, но безуспешно. Я вынужденно приказал прервать эксперимент и прекратить подачу энергии — но вы остались в глубокой коме, не реагируя на сигналы к возврату. Вы как бы черпали энергию из какого-то другого источника, хотя это предположение и выглядит фантастично.

В отчаянии я попытался ввести корректирующее перепрограммирование, но без успеха. Затем — как гром с ясного неба — вы выбрались из всего этого.

— Есть какие-либо соображения, благодаря чему?

— Никаких. Это было похоже на влияние какого-то внешнего фактора. Нервные потенциалы, которые достигали пика, соответствующего уровню максимального экстремального возбуждения, внезапно снизились до состояния покоя. В следующий момент — вы были с нами.

Я качнул головой в сторону Бардела, который сидел у противоположной стены, поглаживая чашку с кофе, и выглядел обиженным.

— Чем он занимается?

— Ну, это Бардел. Временный сотрудник; он использовался как вспомогательный вектор при имитациях во время эксперимента. Что-то вроде актера, если можно его так назвать.

— Все это как часть машины сновидений?

— Ма...? О, да, очень подходящее название, Джим.

— Как она работает?

Он уставился на меня.

— Ты имеешь в виду...?

— Просто представь, что я все забыл.

— Да. Ну, тогда... ах да... это просто относится к первому запуску механизма сновидений для стимулирования визуальных, обонятельных и слуховых зон подкорки головного мозга в соответствии с предварительно обусловленной закодированной символикой, чтобы создать желаемые галлюцинаторные ощущения. Программа имитаций расположена в примыкающей ком...

— Покажите ее мне.

— Зачем... конечно, Джим. Сюда, пожалуйста.

Он подошел к пустой стене и нажал кнопку, ровная серая панель раздвинулась в две стороны, открыв вход в убогую гостиничную комнату с латунной кроватью и разбитыми окнами.

Он заметил, что я обратил на это внимание, и притворно засмеялся.

— Пару раз ты продемонстрировал ярость, Джим...

— Вы всегда называли меня Джим?

— Я. — Он остановился и сверкнул глазами, его челюсти слегка

сжались. — Прошу прощения, сэр, — сказал он сухо. — Полагаю, что во время этих напряженных часов я непроизвольно отступил от протокола.

— Я просто заинтересовался, — сказал я. — Покажите мне остальное.

Он провел меня через конференц-зал, совсем не такой плюшевый при хорошем освещении, по улицам — картон и алебастр, меблированным комнатам. Все очень примитивное, сляпанное наспех, чем нельзя было одурачить и слепца.

— Все, что требовалось, — важно объяснял Ван Ваук, — это стимул для запуска; все остальное поставляло ваше подсознание.

Череда кабинетов заканчивалась тяжелой пожарной лестницей.

— Наши помещения заканчиваются здесь, — сказал Ван Ваук. — Дальше — все принадлежит другому учреждению.

Обратный путь пролегал через сцену на складе. Я толкнул носком ботинка сломанный манекен, похожий на Бардела.

— Для чего это?

Казалось, мой вопрос был для него сюрпризом.

— Это? О, сначала мы надеялись использовать манекены; но вскоре определили, что необходимы живые актеры. — Он подвигал челюстями. — Человеческое существо — довольно сложно устроенный механизм; его нелегко подменить.

— Что-то не укладывается в нарисованную вами картину. Ведь я лежал связанным в соседней комнате?

— О, это произошло в конце. После того, как вы, э... вышли из-под контроля. Начинали мы с вами в амбулаторном состоянии под легким наркозом.

— Как давно начался эксперимент?

Ван Ваук посмотрел на часы с дорогим ремешком на толстой волосатой руке.

— Почти восемь часов назад, — сказал он и покачал головой, выражая сам себе сочувствие. — Тяжелых восемь часов, Джим — то есть, сэр.

— И что теперь, доктор?

— Теперь? Ну, анализ записей, определение причины возникновения ошибки, корректирующие действия, а затем — новые эксперименты, позволю предположить.

— И, конечно, я должен санкционировать это.

— Естественно, сэр.

— Что вы думаете о том, чтобы приостановить эксперименты?

Ван Ваук выпятил нижнюю губу и скосил на меня глаза.

— Конечно, решение принимать вам, сэр, — промурлыкал он, — если вы убеждены, что существует опасность...

— Может быть, нам нужно разбить машину, — сказал я.

— Гм, возможно, вы правы.

В соседней комнате голоса от возмущения поднялись до крика.

— ...Не знаю, что вы собираетесь разыграть сейчас,— вопил Бардел,— но я в этом не участвую! Отоприте эту дверь, черт побери! Я уйду отсюда, прямо сейчас!

Мы вошли. Бардел дергал ручку двери, его лицо покраснело от напряжения. Иридани крутился около него; Трейт гремел ручкой боковой двери. Он взглянул на Ван Ваука.

— Какой-то шутник закрыл ее снаружи,— сказал он. Он прошел к Барделу, плечом отодвинул этого здоровяка, покрутил ручку, затем отступил и пнул дверь на уровне замка. Было похоже, что если не двери, то его ноге стало больно.

— Эй, какого дьявола, что это вы делаете, Трейт?

Ван Ваук подошел к двери, попробовал ее открыть, затем повернулся и посмотрел на меня встревоженным взглядом.

— Вы знаете...— начал он, но затем поменял галс.— Какая-то ошибка,— сказал он.— Каким-то образом, я полагаю, включилась система безопасности.

— Нам не выйти отсюда,— закричал Бардел. Он схватил металлический стул и с размаху ударил им по двери, тот отскочил, одна из его ножек согнулась. Ван Ваук промчался мимо меня в комнату, из которой мы только что вышли, бросился к разбитому окну, распахнул раму и отшатнулся.

— Это ваших рук дело? — спросил он сдавленным голосом.

Я подошел и посмотрел, на что он уставился; сплошной бетон, заполняющий пространство, где раньше был проход.

— Все правильно,— сказал я.— Пока мы наблюдали, как Рыжеволосый пинает дверь, я заказал два ярда раствора и залил его сюда. Прощу прощения за то, что забыл нацарапать на нем свои инициалы.

Он огрызнулся и бегом вернулся в лабораторию с зеленым кафелем. Иридани, Трейт и все остальные стояли кучкой; Бардел, у дальней стены, наблюдал за каждым из них. Я подошел к двери, которую он пытался открыть первой и постучал; она отозвалась мощным звуком, как будто ударили по стене бронированного блиндажа.

— Телефона здесь нет? — спросил я.

— Нет ничего,— быстро ответил Иридани.— Специальные изолирующие условия...

— Нет ли чего-нибудь, что можно использовать как рычаг?

— Вот — запорный засов картотеки.— Трейт взвесил в руке четырехфунтовый в дюйм толщиной прут, как будто размышлял, не испытать ли его на моей голове; но подошел к двери, просунул плоский конец между косяком и дверью и нажал. Дерево треснуло; дверь распахнулась.

Сплошной бетон заполнял весь проем.

Трейт отшатнулся назад, как будто это его ударили ломом. Бардел издал крик и забился в угол.

— Вы планируете убить меня,— заорал он.— Я с вами теперь, но это не сработает.— Он замолк, уставившись на меня.— Ты,— сказал он.— Они доберутся и до тебя тоже, ты не в большей безопасности, чем я! Может быть, вместе мы сумели бы...

Ван Ваук повернулся к нему.

— Ты, чертов идиот! Не проси о помощи его! Мы все его жертвы! Из-за него все это и произошло! Это дело его рук.

— Лжец! — закричал Бардел и повернулся ко мне.— Вы — тот, кто им был нужен! Они обманом подсоединили вас к машине сновидений! Они намеревались свести вас с ума — в полном смысле слова. Это был единственный способ расправиться с вами, не убивая...

В этот момент Трейт дотянулся до него, ударив его в живот кулаком, затем выпрямил хуком слева. От этого он не свалился, но заткнулся. С открытым ртом он мешком навалился на стену.

— Хорошо! — сказал Ван Ваук, его голос звучал немного высокомерно и чуть-чуть дрожал. Он тяжело вздохнул и опустил голову, как будто я был кирпичной стеной и он собирался протаранить меня.

— Прекрати это,— проскрипел он.— Что бы ты не намеревался делать, прекрати это!

— Попробуйте вместе с ним заставить меня,— сказал я.

— Я говорил вам,— сказал Иридани.— Мы экспериментировали с такими силами, которые не в состоянии контролировать. Я предупреждал вас, что он берет верх!

— Он ни над кем не берет верх,— огрызнулся Ван Ваук, покопавшись под пиджаком и вытащил плоский пистолет, который был уже мне знаком.

— Прекрати все это, Флорин,— проскрипел он.— Или я убью тебя, как змею, клянусь в этом!

— Я думал, что Флорин — это фольклор,— сказал я.— И твой игломет не сработает, я сломал его.

Он вздрогнул, и дуло пистолета немного отклонилось в сторону от цели. Раздалось «вжжик», и что-то взвизгнуло у моих коленей, в то время, как я ударил его как раз под ремень, он упал на спину и, скользнув по полу, врезался в стену. Он довольно сильно стукнулся головой и обмяк, я подхватил пистолет и распрямился, повернувшись лицом ко всем остальным до того, как они покрыли половицу разделявшего нас расстояния.

— Баловство кончилось,— сказал я.— Назад, все вы.— Я показал пальцем на дверь в соседнюю комнату.— Всем туда.

Рыдая приблизился Бардел.

— Послушай меня, Флорин, ты совершаешь ошибку, я всегда был на твоей стороне. Я предупреждал тебя, помнишь? Я старался помочь, делал все, что было в моих силах...

— Заткнись,— обрезал Трейт, и Бардел заткнулся.— Флорин, тебе каким-то образом удалось овладеть машиной сновидений и использовать ее против нас. Я не претендую на то, чтобы узнать каким образом; я всего лишь человек, который исполняет письменные инструкции. Но Иридани прав: ты имеешь дело с такими силами, которые слишком велики для тебя. Хорошо, ты закрыл нас стенами из бетона. Ты показал, на что способен. Но ты-то тоже пойман! Через несколько минут мы почувствуем недостаток кислорода, а через пару часов будем мертвы — все! Поэтому отступись до того, как все зайдет слишком далеко, пока все не исчезнет вместе с тобой! Выведи нас отсюда, и я клянусь, что мы найдем компромисс с тобой! Мы были неправы...

— Заткнись, ты, чертов идиот! — заорал Ван Ваук.— Ты наизнанку вывернешься ради него. А он нам не нужен! Разбейте машину!

Я не целясь выстрелил в пол у его ног; он опять обмяк, и красное пятно появилось на его голени.

— В следующий раз я выстрелю повыше,— сказал я.

— Вязать его! — пронзительно взвизгнул Ван Ваук, но сам не двинулся с места; я поднял прицел и начал нажимать на крючок, когда он затих и поспешно бежал. Трейт попятился к указанной двери. Иридани, бледный, но спокойный, стал изготавливаться к броску, но я прострелил дверной косяк за его спиной, и он отступил.

— Бардел, вы знаете, как запустить машину сновидений,— спросил я.

— Д-да, конечно, но...

— Я возвращаюсь,— сказал я.— Вы поможете мне.

Я подошел к двери, в которую ушли все остальные, закрыл ее на задвижку, возвратился и сел в кресло около контрольной панели.

— Флорин, вы не боитесь? — дрожащим голосом спросил Бардел.— Я думаю, не лучше ли сделать так, как говорят они? Разрушить эту адскую машину?

— Слушайте внимательно, Бардел,— сказал я.— Один неверный шаг, и нашей любви конец. Уловили? А теперь начинайте действовать.

Он проковылял к панели управления, защелкал ключами и застучал по кнопкам, это выглядело так, как будто он знал, что делает. Зажглись ряды красных огоньков.

— Она готова к работе,— выдал он явно против воли.

Я взял приспособление с пучком проводов, положил в карман блок питания. Остальное прикрепил к воротнику как раз под правым ухом, а маленькую розовую горошину засунул внутрь уха.

— Какую программу? — дрожащим голосом спросил Бардел.
— Никакую. Просто запусти машину и оставь меня в свободном полете.

— Это может убить вас. Что, если вы умрете...?

— В таком случае я совершу ошибку. Давай, Бардел.

Он кивнул и потянулся к выключателю. Что-то вонзилось мне в голову. Я почувствовал тошноту и подумал, что на этот раз я совершил-таки свою последнюю ошибку. Мимо проплыл потолок, потом стена, затем Бардел, который казался печальным и обеспокоенным. В поле зрения появился пол, затем снова потолок, ничего особо зрелищного, просто спокойная плавная смена декораций. Рот Бардела шевелился, но слов я не слышал. Затем скорость увеличилась, все замелькало, и я вылетел в космос и сгорел, как метеорит в атмосфере, от меня остался лишь крошечный уголек, который светился красным, затем остыл и потух, медленно, томительно, неохотно, под шорох далеких голосов, напоминающих мне о несбывшихся надеждах и показных раскаяниях, в свою очередь затихли и они, растворясь в небытии.

32

Я открыл глаза, она сидела за столом напротив меня, одетая в облегающую серую униформу с серебристой и пурпурной полосами на плечах. Стол был гладким и белым и не совсем плоским, как пластина из слоновой кости ручной работы. Стены позади нее были разных оттенков красновато-коричневого, золотого и рыжеватого-коричневого цветов, текстурой напоминающие кору экзотического дерева. В воздухе раздавались звуки, которые нельзя было назвать музыкой, но они тем не менее действовали успокаивающе. Она посмотрела на меня с состраданием, положила свою руку на мою, и сказала:

— Тебе было плохо, Флорин?

— Довольно плохо, мисс Реджис. Рад убедиться, что вы прекрасно выглядите. Как вам удалось попасть оттуда сюда?

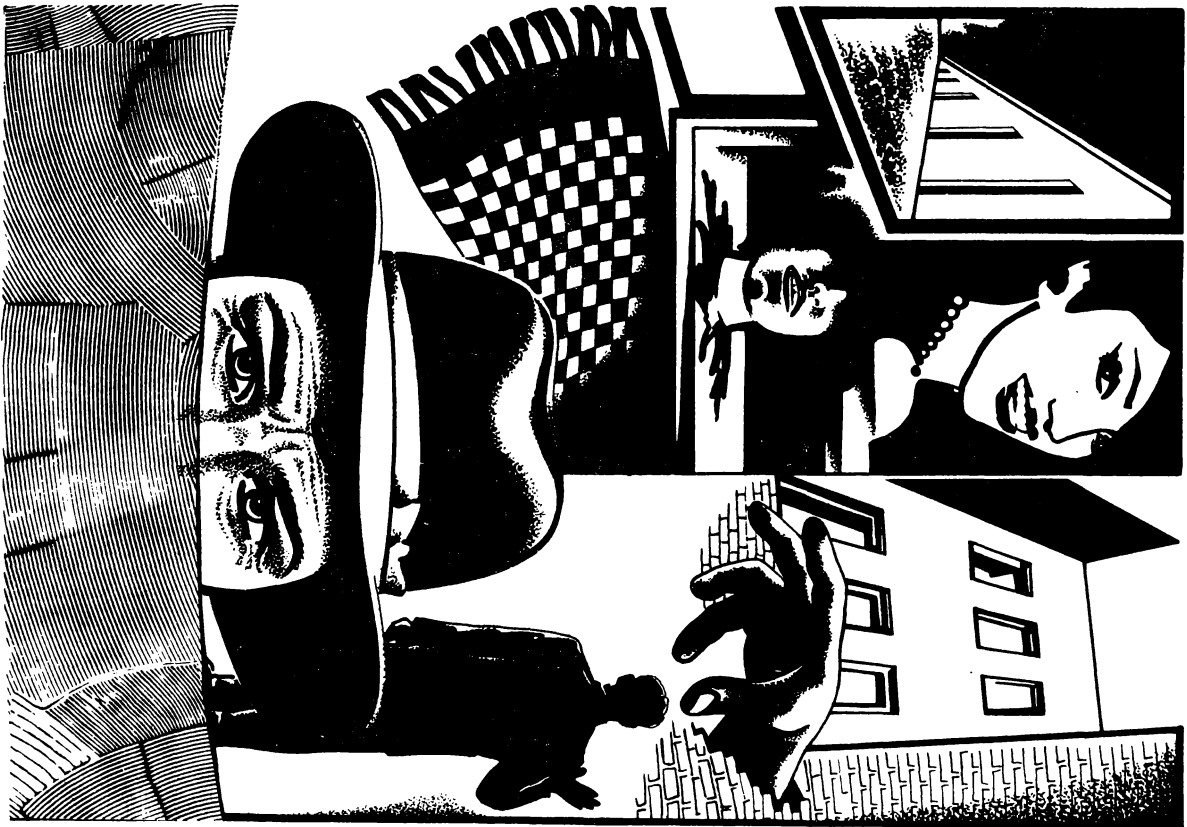
Она покачала головой.

— О, Флорин... я боюсь за тебя. Ты уверен, что поступаешь правильно?

— Мисс Реджис, я ускоряю события. Никому другому я бы этого не сказал. Забавно, но вам я доверяю. Не знаю почему. Кто вы тем не менее?

Она пылливо всматривалась в мои глаза, как будто я кого-то прятал в себе.

— Ты не шутишь, правда? Ты действительно не знаешь.

— Действительно не знаю. Мы уже встречались прежде: в пивнушке, в библиотеке. Теперь здесь. Что это за место?

— Это Дворец Согласия. Мы пришли сюда вместе, Флорин, надеясь найти мир и взаимопонимание. Ты был много часов в состоянии наркомедитации. Настоятель Иридани позволил тебе прийти со мной — но я чувствовала, что ты еще не пришел в себя. — Она еще крепче сжала мою руку. — Это была ошибка, Флорин? Они сделали тебе больно?

— У меня все в порядке, дорогая, — сказал я и похлопал ее по руке. — Просто все немного смешалось. И каждый раз, когда я пытаюсь выпутаться, я сваливаюсь в темноте за борт. Иногда это Носатый и его ребята, иногда Дисс, лиловый ящер, и время от времени — ты. У меня есть версия относительно Ван Ваука, и Дисс объяснил свое появление более или менее правдоподобно, если только признать существование невозможного. Но ты не укладываешься в эту картину. Ты не являешься частью мозаики. Ты не пытаешься продать мне что-нибудь. Может быть это о чем-то говорит, если бы я знал, как услышать.

— Нам не надо было приходить сюда, — прошептала она. — Давай уйдем сейчас же, Флорин. Мы не поймем всего. Наша надежда была напрасной.

— Вы очень добры, мисс Реджис.

— Ты что, не хочешь называть меня Курией?

— Я не могу уйти отсюда сейчас, Курия. Не знаю почему, но об этом говорит маленькая птичка, которую называют инстинктом. Что я должен сделать, так это сломать несколько дверей, заглянуть в несколько темных местечек, ворваться в несколько святых, сорвать вуаль с парочки тайн. Откуда я должен начать?

По мере того, как я говорил, она бледнела. Она покачала головой, а ее пожатие стало почти болезненным.

— Нет, Флорин. Не надо. Даже не упоминай об этом!

— Все равно будет по-моему. Только укажи мне верное направление и отойди.

— Пойдем со мной, пожалуйста, Флорин.

— Я не могу. И не могу объяснить почему. Я могу поговорить о манекенах с разможенными головами, и зеленых «бьюиках», и писклявых голосах за ухом, но это займет слишком много времени и ничего не даст. Видишь, я уже кое-чему научился. Я знаю, что нужно продолжать оказывать давление. У меня нет каких-либо доказательств, но каким-то образом я чувствую, что раскачиваю чей-то фундамент. Может быть, следующий толчок разобьет его вдребезги. Может быть, я потерплю крушение, но это не кажется таким уж важным.

Я стоял, чувствуя слабость в коленях и отдаленное, неясное жужжание в черепе.

— Я вижу, что не могу остановить тебя,— сказала мисс Реджис. Ее голос помертвел. Хватка на моей руке ослабла, и я отдернул руку. Она смотрела прямо перед собой, не замечая меня.

— Через ту дверь,— сказала она и, подняв руку, показала на большую покрытую бронзой дверь в противоположной стене.

— В конце коридора есть черная дверь. Это Внутренняя Палата. Никто, кроме послушников не может войти туда.

Она все еще не смотрела на меня. Она заморгала, и слезы побежали по ее щекам.

— Всего хорошего, мисс Реджис,— сказал я. Она не ответила.

33

Дверь была большой, черной, украшенной разными фигурками херувимчиков и чертенят, мстительных бородатых стариков с нимбами, а также нескольких игривых ангелочков, парящих над толпой. Я ткнул пальцем в протертое пятно на одной стороне двери, и она с мягким шипением ушла вглубь, открыв комнату со стенами из зеленого кафеля. Ван Ваук, Иридани, Трейт и все остальные сгрудились вокруг стула у панели с циферблатами. Огоньки на панели не светились. Позади них была открыта дверь, ведущая в комнату с игровыми декорациями. Бардел лежал на полу и довольно тяжело дышал. Манекен с размноженной головой был усажен в кресло.

Я произнес: «Хм»,— и они все, как на шарнирах, повернулись в мою сторону.

— Матерь Божья,— сказал Вольф и начертил в воздухе магический знак. Ван Ваук произнес нечто нечленораздельное. Иридани нервно раздувал ноздри. Трейт выругался и потянулся рукой к бедру.

— Гадкий шалун,— сказал я.— Если выкинешь что-нибудь чересчур остроумное, то я превращу тебя в рыжего уродца с плохим цветом лица.

— Этому следует положить конец, Флорин,— запротестовал, хотя и слабо, Ван Ваук.— Так не может долго продолжаться.

Я шагнул в сторону и бросил взгляд на дверь, в которую только что вошел. Это была самая обычная дверь, расщепленная около замка, за ней была ровная поверхность обычного бетона.

— Я согласен,— сказал я.— Фактически мы не могли пройти столько, сколько прошли, но вы обратили внимание, что это меня даже не затормозило. Теперь, кто хочет раскрыть секреты? Иридани? Вольф?

— Правду? — Ван Ваук издал звук, который мог быть смехом, задушенным в колыбели.— Кто знает, что такое правда? Кто вооб-

ще что-нибудь знает? Ты, Флорин? Если так, то у тебя преимущество перед нами, уверяю тебя!

— Машина должна быть выведена из строя, разрушена раз и навсегда,— сказал Иридани холодным тоном.— Я полагаю, теперь ты понимаешь это, Флорин?

— Еще нет,— сказал я.— Что случилось с Барделом?

— Он упал и стукнулся головой,— сказал Трейт противным голосом.

— Приведите его в чувство, чтобы он мог присоединиться к нам.

— Забудь о нем, он не играет никакого значения, это просто наемный лакей,— произнес Ван Ваук.— Мы занимаем положение, позволяющее проводить переговоры с тобой.

— Кто научил его обращаться с машиной сновидений?

— Что? Никто. Он ничего об этом не знает.

Бардел застонал и перевернулся. По моему настоянию Иридани и Трейт помогли ему подняться и повели по комнате до тех пор, пока он не отбросил их руки, потер лицо и оглядел собравшуюся компанию.

— Они пытались убить меня,— сказал он дребезжащим голосом.— Говорю тебе, они хотели убить меня, и...

— Успокойся, Бардел,— сказал я.— Я намерен провести эксперимент. Ты можешь помочь.

— Что вы имеете ввиду? Вы и этот... этот...

— Да. Я признаю, что Бардела нельзя признать большой шишкой; но вы, ребята, кажется, не в восторге от него. Это делает его союзником. Ты согласен с этим, Бардел? Станешь ли ты на мою сторону или предпочтешь сгореть вместе с Ван Вауком и его компанией?

Бардел переводил взгляд с них на меня и обратно.

— Ну, подожди минутку, Флорин...

— С «подожди» покончено. Теперь мы действуем. Ты со мной или с ними?

— Что ты намереваешься делать?

— Прими решение.

Он кусал губу, дергался. Открыл рот, чтобы заговорить, но заколебался.

Трейт засмеялся.

— Вы поставили не на ту лошадь, Флорин,— сказал он.— Это не мужчина, а кувшин с желе.

— Хорошо, я помогу тебе,— сказал Бардел спокойно, подошел ко мне и стал рядом.

— Трейт, неужели ты никогда не научишься держать свою дурацкую пасть закрытой? — сказал Иридани голосом, выкованным из холоднокатаной стали.

— Конечно, будь похитрее, — сказал я. — Это оживляет игру. — Я махнул рукой. — Все назад, к стене. — Они повиновались, несмотря на то, что никто оружием им не угрожал.

— Бардел, включи машину сновидений.

— Но... вы не подключены к ней.

— Просто включи. Я подключусь к ней отсюда.

— Я требую, чтобы вы сказали нам, что собираетесь делать! — прорычал Ван Ваук.

— Полегче, — сказал я. — До сих пор я плыл по течению. Теперь я беру рулевое управление в свои руки.

— Что это значит?

— Кое-кто делал намеки, что я ответствен за некоторые аномалии. Старая идея монстра, порождающего монстра. Согласно этой теории я был первоисточником зла и, одновременно, главной жертвой — бессознательно. Я переношу действие в сферу сознания. Следующий трюк, который вы увидите, будет произведен осознанно.

Иридани и Ван Ваук одновременно издали какие-то невнятные звуки; Трейт оттолкнулся от стены и замер в нерешительности. Бардел крикнул: — Работает!

— Не делайте этого, Флорин! — рявкнул Ван Ваук. — Разве вы не видите ужасную опасность, сопровождающую... — Он дошел до этого места, когда Иридани и Трейт атаковали меня, бросившись мне в ноги. Я остался на месте и мысленно нарисовал кирпичную стену высотой до колена, пересекающую комнату.

И она возникла на этом месте.

Трейт ударился о нее в полете, перевернулся и шлепнулся на спину, как будто упал с крыши. Иридани чуть сдержался, притормозил, выставил руки вперед, его рот сжался в ожидании боли; он врезался в кирпичи и свалился вбок, издав звук, какой испускает кошка, когда на нее наступили.

— Ради Бога, — выкрикнул Ван Ваук и попытался заползти на стену позади себя. Иридани заблеял, как овца, замычал сопрано, как корова, переворачиваясь и поджимая ноги. Бардел закудаhtал, как цыпленок в конвульсиях эпилептического припадка. Трейт просто лежал на месте, как дохлая лошадь.

— На сегодня этого зверинца достаточно, — сказал я и вообразил, что их не существует. Они исчезли.

— Теперь мы куда-нибудь выберемся, — сказал я и вообразил, что у комнаты нет одной из стен.

Она послушно исчезла, оставив на своем месте пористую поверхность бетона.

— Изыди, бетон, — пожелал я, но он остался. Я отбросил три другие стены, пол и потолок, мебель и все остальное, обнажив со всех шести сторон вокруг меня грубый бетон, слабо отсвечивающий жутковатым фиолетовым светом.

Я предпринял еще одну попытку, с еще большими усилиями. Ничего не изменилось.

— О'кей,— сказал я громко, мои слова ударились о глухие стены и упали замертво.— Попробуем сконцентрировать усилия.— Я выбрал место на стене и сказал себе, что его нет. Возможно, оно слегка затуманилось, но не исчезло. Я сузил фокусировку до пятна размером с монету в десять центов. Фиолетовый цвет потускнел в этом месте, и больше ничего. Я сжал фокус до размеров булавочной головки, бросил все силы на нее...

От точки зигзагом во все стороны побежали трещины. Выпал толстый кусок,пустив серый свет и завывающиеся щупальца тумана. Остальная стена шмякнулась, как сырое тесто, почти беззвучно. Я пробрался через мягкий мусор в водоворот тумана. Пушистым грибом-дождевиком впереди блеснул свет. Когда я подошел, он превратился в уличный фонарь, старомодную карбидную лампу в железном корпусе на высоком стальном шесте. Я остановился и прислушался. Кто-то приближался. Через мгновение Дисс, лилово-розовый монстр, появился в поле зрения, одетый в черный вечерний костюм.

— Ну и ну,— сказал он, причем прозвучало это не так небрежно, как могло бы.— Как вы попали сюда?

— Я не попадал,— сказал я.— Вы находитесь в передающей кабине в двух световых годах от Солнца, а я погоняю парой кошмаров на старой доброй Улице Сновидений, помните?

Он выдавил смешок в ответ на мою шутку и сразу же отбросил его, почти не используя.

— Вам не удалось выполнить нашего соглашения,— сказал он тоном, показывающим, что его чувства ущемлены, но не смертельно.

— Может быть, это ускользнуло из моей памяти. Я выучил несколько фокусов с того времени, Дисс. Например, таких.— Я превратил уличный фонарь в дерево и зажег его крону. Пламя, весело потрескивая, выбрасывалось в ночь. Дисс чуть изогнул бровь или, скорее, место, где должна была быть бровь, если бы она у него была.

— То, что вы делаете,— сказал он, перекрывая рев огня,— опасно. Слишком опасно, чтобы позволить это. Я говорил вам...

— Ага, вы говорили мне,— сказал я.— Как вы, Дисс? За какую команду вы играете?

Тени от затухающего пламени плясали на его лице.

— Это никак вас не касается,— сказал он резким тоном человека, который хочет прекратить спор до того, как он начался.— Вы симпатичное существо, вовлеченное в великие дела. Из сострадания я предложил вам защиту, проигнорировать ее, значит подвергнуться риску.

— Следующая строчка — вы даете мне еще один шанс, не правда ли, Дисс? Что если я отвергну предложение?

— Не будь круглым идиотом, Флорин! Возвращайся туда, откуда ты родом, и разрушь аппарат, который забросил тебя в нынешнюю трудную ситуацию.

— С чего бы я должен делать это? Ради ваших маленьких круглых глазок?

— За тобой должок, Флорин! Они поместили тебя в машину как подопытную морскую свинку, куклу, реагирующую на их желания. Каким образом, ты думаешь, тебе удалось избавиться от их контроля? Собственными усилиями, без посторонней помощи? — Он улыбнулся от одной мысли об этом. — Есть ли у тебя лотерейный билет в кармане, дорогой парнишка? Не стоит проверять — я знаю, он там. Я внедрил его туда. Думаю, что выражение правильное. На самом деле это совершенно необычная комплексная печатная плата, настроенная на ритмы твоего управления. Я дал ее тебе, чтобы помочь тебе приобрести свободу действий, чтобы я мог вступить с тобой в переговоры как с равным. Итак, ты видишь, что кое-что мне должен, а?

— Вам придется разъяснить это получше, Дисс. Ведь вы помните, что я просто парнишка из маленького городка? Или, по крайней мере, вы так мне говорили.

Дисс сделал раздраженный жест: — Благодаря необычайному везению ты получил возможность сохранить чистоту твоего мира, надеюсь, до того времени в далеком будущем, когда вы будете способны вступить в конфронтацию с Галактической Властью! Не пренебрегай этим шансом из-за неверного чувства ущемленного самолюбия, какого-то атавистического обезьяньего любопытства...

В знаете слишком много о моем маленьком захолустном мире, Дисс. Это беспокоит меня. Ложь всегда беспокоит меня, особенно когда кажется беспричинной. Что же вам нужно на самом деле?

— Довольно, Флорин! Я был терпелив с тобой — гораздо более терпелив, чем ты этого заслуживаешь! Сейчас ты возвратишься к месту своего основного пребывания и разрушишь машину сновидений!

— Если все это настолько важно, почему вы сами не разрушили ее давным-давно?

— Политические причины удерживали меня, но моему терпению приходит конец...

— Фью. Я не верю вам. Вы блефуете, Дисс.

— Я больше не буду терять на тебя время! — Он начал отворачиваться и стукнул носом о каменную стену, которую я поставил на его пути.

— Ты идиот! Невообразимый идиот! И это награда за то, что я сдерживал себя, за мое желание избавить тебя от страданий?

— В данный момент я больше всего страдаю от любопытства. Расскажи мне правду, Дисс. Начиная откуда хочешь, я больше не привередлив.

Он рванулся вправо; я поставил еще одну стену перед ним. Он дернулся назад, и я окружил его с третьей стороны. Он пронзительно вскрикнул от расстройства — как мне показалось.

— Давай саморазоблачайся, Дисс,— сказал я,— пока я не поддаюсь искушению еще попрактиковаться в искусстве волшебных трюков.

— Волшебных! Ты сказал это с сарказмом, но уверяю тебя, во Вселенной существуют силы, для которых превратить принцессу в тыкву такое же обычное дело, как подмигнуть!

— Рассказывай, Дисс. Если мне не понравится то, что я услышу, я превращу тебя в мышь, запряженную в повозку, и отправлюсь на прогулку, уловил? Теперь можешь начинать.— Я все еще владел ситуацией, но у меня появилось чувство, что он был уже не таким напуганным, как несколько минут назад. Я пытался найти ошибку, в то время как он незаметно продвигался мимо меня к незакрытой стороне пространства, которое я закрыл стенами.

— Ты — ребенок, глупый ребенок, балующийся с новой игрушкой,— пронзительно крикнул он.— Я требую, я п р и к а з ы в а ю тебе немедленно прекратить эту бессмысленную чепуху...— Он рванулся к свободе, и я захлопнул пространство четвертой стеной, оставив нас внутри, он повернулся и ухмыльнулся мне, как скульптура, глядящая с вершины Нотр-Дама, затем приставил большой палец к ноздрям, помахал остальными пальцами и исчез, как карета Золушки из тыквы, даже без облачка фиолетового дымка на том месте, где он только что стоял.

— Молокосос,— сказал я сам себе, и увидел, как меркнет свет, так как стены, в которые я заключил себя, придвинулись ближе. Они были из шершавого бетона с видимыми отметками опалубки, все еще слегка влажными, но тем не менее твердыми. Спиной я упирался в одну стену, толкая другую всеми конечностями, но моих сил было недостаточно, и они сошлись вместе и раздавили меня, и я стал таким тонким, как воск на обертке жевательной резинки, как золото на библии Гидеона, как этика политика. Где-то на пути к этому я потерял сознание.

...И пришел в себя привязанным к креслу, которое было высоко подвешено перед гигантской иллюминированной управляющей системой, огоньки на ней мигали и вспыхивали слишком быстро, чтобы за ними можно было уследить глазами.

— Держись, Флорин,— раздался голос Сенатора откуда-то сверху и справа от меня. Я еще не совсем пришел в себя, но мне удалось достаточно развернуть голову, чтобы увидеть его, подвешенного в кресле наподобие моего, ухватившегося за подлокотники

и наклонившегося вперед, глаза его были устремлены на большое табло.

— Вы удержали их,— закричал он.— Вы выиграли нам немного времени. Может быть, еще есть надежда!

34

Я был слаб, как вчерашняя заварка. Он снял меня с кресла, помог одеть пиджак, сунул что-то холодное мне в руку, раздавил что-то едкое у меня под носом, и через некоторое время я почувствовал себя лучше, сел и огляделся. Я находился в большой пустой комнате с гладкими, слоновой кости, стенами, закругляющимися вовнутрь, как в обсерватории, в которой были освещенные системы управления, контрольная клавиатура и почти ничего больше. Два круглых иллюминатора смотрели в черную пустоту глубокого космоса.

Бардел сел на стул, который принес с собой, и сказал: «Вы сдержали их, Флорин. Я погибал, вы взяли управление как раз вовремя. Это был самый серьезный случай с тех пор, как они появились. В следующий раз...— Он посмотрел на меня спокойным взглядом, сжав челюсти.— В следующий раз их ничто не остановит».

Я сел.

— Где Ван Ваук, Трейт и остальная труппа?

— Вы приказали им убраться. Разве вы не помните? Теперь только вы и я управляем мозговой энергосистемой.

— Ваше имя Бардел?— спросил я. Он выглядел удивленным.

— Конечно, да, Флорин.

— У меня, кажется, небольшой приступ общей амнезии. Заполните мои мозги немного, расскажите, где я и что происходит.

На мгновение Бардел смутился, затем его лицо разгладилось.

— Некоторая дезориентация после пребывания в энергосистеме вполне нормальна,— сказал он сердечно.— Скоро вы снова станете самим собой.— Он улыбнулся через силу.— Вы находитесь на Станции Грейфел, на возвратной орбите в двадцати восьми парсеках от Центра Империи. Мы управляем энергосистемой, защищаясь от атаки Дисса.

Я посмотрел на поблескивающий изгиб стены и представил, что она становится темно-розового цвета. Ничего не произошло.

— Что там?— Бардел повернулся, чтобы увидеть, куда я смотрю.

— Ничего. Просто разгоняю туман. Мне приснилось, что я спорил с ящерицей...

— О, вы знаете, Дисс имеет внешность рептилии.

— Я полагал, что это имя принадлежит только одному лиловому ящеру,— сказал я.— Он хотел, чтобы я разрушил машину сновидений...

Бардел начал что-то говорить, замолк и посмотрел на меня настороженно.

— Не волнуйтесь, я отверг это предложение,— сказал я.— Не знаю почему. Может быть, только из чувства противоречия. Он был чересчур настойчив.

Бардел усмехнулся.

— Еще бы! Если бы им удалось сломить вас — самого Флорина — это был бы конец всему.

— Расскажите мне о противнике, с которым, вы говорите, мы воюем.

— Мы не знаем, откуда они пришли; они появились несколько лет тому назад из пустоты, нападая на миры Империи — совершая ужасные атаки на мозг, превращая людей в ковыляющих неизвестно куда и зачем зомби. Этих дьяволов миллиарды, отдельно они ничего из себя не представляют, но могущественны, когда их масса. Они обладают определенной степенью группового сознания, что позволяет им объединять на короткий промежуток времени их интеллектуальную энергию. Именно таким образом они атакуют нас. Мы сражаемся с ними при помощи энергосистемы — искусственными средствами объединяя множество интеллектов в одном Я. Умственные способности нескольких людей могут выдержать напряжение при управлении нашим оружием: ваш, мой, Ван Ваука и других. Мы представляем стройные ряды Интеллектуального Корпуса, которым укомплектованы Энергостанции Глубокого Космоса, сражающиеся за Империю.

Он фыркнул, это было похоже на усталый циничный призрак смеха.

— За это мы получаем скупые благодарности — или даже признание. Большинство наших сограждан даже не знают, что идет война. Они не понимают, какого рода атакам подвергаются. Как можно объяснить световую симфонию слепому? О, они способны воспринять показания приборов; они могут сами заметить некоторые результаты атак Дисса. Но только разумом. В эмоциональном плане они считают нас шарлатанами, самозванными героями, сражающимися в наших уединенных битвах только в своем воображении. Лишь горстка людей соглашается теперь соединяться, когда возникает необходимость. Вот почему мы проигрываем, Флорин. Если бы вся раса осознала опасность и объединилась, чтобы отдать свою интеллектуальную энергию системе — мы бы нейтрализовали Дисса одним ударом!

— Ван Ваук и все остальные,— спросил я,— что они думают обо всем этом?

Бардел резко взглянул на меня.

— Я вижу, что вы становитесь самим собой. Они трусили. Посчитали, что с них довольно. Они рассуждали об условиях перемирия; вы даже и слышать об этом не захотели. Вы назвали их предателями и отослали домой.

— А как вы настроены, Бардел?

Он замешкался прежде чем ответить, как человек, взвешивающий каждое слово.

— Последний раз я встал на вашу сторону, — сказал он. — Сейчас я вижу, что все безнадежно. У нас недостаточно сил, Флорин; у нас нет поддержки со стороны наших людей, а одни мы победить не в состоянии.

Говоря это, он приходил во все большее волнение.

— Если мы вновь соединимся с энергосистемой, это будет означать смерть. Хуже смерти — разрушение нашего рассудка! И ради чего? Они одолеют нас, нам это известно; мы исчезнем, как будто нас и не было, и Дисс проникнет в Космос Человека — будем мы сражаться или нет. Если мы сейчас признаем этот факт, посмотрим правде в глаза — и эвакуируем станцию до того, как будет поздно — мы еще можем спасти нашу психику!

— Что произойдет со всеми другими людьми?

— Они не шевельнули и пальцем, чтобы помочь нам, — решительно сказал Бардел. — Они проводят время за своими любимыми занятиями, чаще всего, бизнесом. Наши призывы не трогают их. Им все равно. И м в с е р а в н о, Флорин! Почему же мы должны сражаться?

— Почему вы считаете, что мы проиграем?

— Для вас недостаточно последнего нападения? — он вскочил на ноги, глаза его стали дикими, дикция не совсем отчетливой.

— Это была всего лишь обычная проба, попытка найти слабое звено в цепи энергосистем — но получился почти прорыв! Вы знаете, что это означает! В данный момент они собирают все свои силы для тотального штурма нашей станции — атаковать вас и меня, Флорин. Наши рассудки этого не выдержат. Мы обречены! Если только...

Он замолчал и искоса посмотрел на меня.

— Продолжайте, Бардел. Снимите камень с души.

Он вздохнул и высказался до конца.

— Если только мы не будем действовать быстро. Мы не знаем, как долго продлится передышка. Мы должны опередить их. Прошлый раз они застали меня врасплох. — Он замолчал. — То есть, они напали на нас до того, как мы имели возможность обсудить это дело, но сейчас...

— Я думал, что вы остались добровольно.

— Я мог бы уйти со всеми. Как видите, я не ушел.

— Итак, вы остались, но не для того, чтобы сражаться, а? У вас были другие планы, но они напали раньше, чем вы подготовились. К чему подготовились, Бардел?

Он нервно засмеялся.

— Ну, я вижу, вы восстанавливаете свою былую проницательность, Флорин. Да, у меня была причина, чтобы остаться, и я не собирался кончать жизнь самоубийством. Ван Ваук, Иридани и все другие с их удостоверениями и привилегиями Интеллектуального Корпуса сейчас находятся на пути в глубокий тыл. И какая польза им будет от этого через пять или десять лет по мере продвижения Дисса? А это так и произойдет. Они бегут в панике, Флорин, но не я. Не мы. У нас есть альтернатива.

— Назовите ее.

— Энергосистема.

Его глаза устремились к высокой, широкой, сверкающей конструкции, которая заполняла почти всю комнату с белыми стенами.

— Мы можем использовать мощь энергосистемы на кое-что другое, чем тщетные усилия защитить шайку неблагодарных, Флорин.

— Расскажите мне об этом.

— Я все изучил, — заговорил он на этот раз быстро, как бы в ритме чечетки. — Я экспериментировал во время продолжительных передышек. Энергосистема — это фантастическое устройство, Флорин, способное на такие вещи, о которых и не мечтали ее изобретатели! Она может передавать материю — включая и людей — мгновенно — через всю Галактику!

— Не почувствуем ли мы себя там слегка одинокими?

— Не только нас, Флорин; все, что мы выберем, перенесется с нами. Мы можем, остановив выбор на определенных обитаемых мирах, перенести на них, все, что пожелаем, к о г о пожелаем, и поместить целую планету на стабильную орбиту вокруг подходящего солнца в сотне тысяч световых лет от угроз Дисса. Появятся поколения прежде, чем они проникнут так далеко, и, возможно, к этому времени мы подготовим новую и более эффективную защиту против них.

— А вы не боитесь, что население планеты, которую вы хотите взять с собой, может возмутиться тем, что его без спроса отрежут от сердца Империи?

На лице Бардела появилась жестокая усмешка.

— Кому есть дело до того, о чем думают эти сибариты? Конечно, это не обязательно должен быть Грейфел, вы естественно имеете право выбора.

Он подбодрил меня улыбкой, но воздержался от того, чтобы погладить по голове.

— Что же касается возможных враждебных действий со сторо-

ны неблагодарных, которым мы спасем жизнь, то будет достаточно просто организовать дело так; чтобы они не могли нанести нам вреда. Мы будем обладать громадной силой, Флорин, непобедимой мощью.

— Почему не забрать необитаемую планету?

— И жить как дикари? Нет, благодарю. У меня нет никакого желания прорубать дороги в джунглях и открывать стазис-упаковки. Не хочу я жить и в одиночестве. Мы хотим города, парки, рестораны, красивые улицы, ухоженные сады. Мы хотим, чтобы вокруг нас были люди, Флорин. Существует так много разных запросов, которые может выполнить только слуга-человек.

— Я вижу, вы много думали обо всем этом, Бардел. Вы уверены, что энергосистема способна на это?

— Конечно. Мы просто посылаем экстренный сигнал по линии Транс-L; когда еще действующие связи соединятся, одна-единственная хорошо направленная пульсация — и дело сделано.

— Сколько звеньев связи все еще действует?

— Во всем секторе меньше, чем полмиллиарда, — сказал он, скривив при этом свои красиво очерченные губы. — Тем не менее этого достаточно — для одной пульсации.

— Почему только для одной пульсации?

В этот раз его улыбка была слегка угрюмой.

— Во-первых, потому что разовая пиковая потребность энергии такова, что полностью опустошит участвующие звенья почти мгновенно, и, во-вторых, освобождающаяся энергия в момент превратит систему в грудку обломков.

— Итак, все, что нам следует сделать, это — довести до idiotского состояния полмиллиарда людей, все еще верящих нам, разрушить станцию, которую они нам доверили, и мы в безопасности.

— Ну, вы высказались довольно эмоционально, но по существу правильно.

— Я не перестаю удивляться, почему вы не провернете все это без меня?

Он раскинул руки и милостиво улыбнулся.

— Почему? В конце концов мы друзья, коллеги; я всегда уважал вас... — Его улыбка стала шире и почти снисходительной. — Ваши таланты, хотя и не все ваши взгляды.

— Помогите мне встать, — сказал я.

Он подскочил и взял меня за локоть, я встал быстро и нанес ему прямой правый прямо в солнечное сплетение, вложив в удар всю силу и весь вес моего тела. Он издал неприятный звук и, сложившись, как складной нож, упал лицом вниз.

— Мои взгляды все еще не изменились, — сказал я. — Я остаюсь.

Как раз в это время прозвучал сигнал тревоги. Даже несмотря

на сильную боль Бардел услышал его. Он перевернулся лицом вверх и, хотя еще был согнут, как червяк на сковородке, с трудом выдохнул: «Флорин... быстро... это наш... последний шанс...». Он еще продолжал говорить, а я уже развернулся к боевому пульта, чтобы сделать все возможное перед смертью.

35

Знания были со мной, они теснились в лобных долях моего мозга: все, что мне пришлось делать, — это позволить себе автоматически реагировать: манипулировать кодирующими кнопками, нажимая их ряд за рядом, собирая мощь энергосистемы; затем подойти к креслу, усесться, пристегнуться, запустить боевую систему станции. Кресло плавно поднялось в центральную точку. Я почувствовал, как первые предварительные волны вибрации ударили по станции, и увидел, как напротив меня в ответ замигали огоньки, почувствовал, как энергия поступает в мой мозг, заполняет его, как он расширяется в поисках контакта, а в это время изогнутые белоснежные стены меркнут и исчезают. Я увидел последний быстротечный образ крошечной пылинки — одинокой станции в межзвездном пространстве и одинокого себя внутри нее. Затем все это исчезло в бесконечности позади меня. А передо мной из темноты появился Досс. Я увидел его издали — гигантскую фигуру динозавра, величественную, неотразимую, с отблесками света на его пурпурной полированной чешуйчатой броне, со сверкающими фиолетовыми глазами. Он остановился, его тело возвышалось башней на фоне звезд.

— Флорин! — его голос гремел, заполняя весь космос, как орган заполняет собор. — Значит, мы снова встретились. Я полагал, что в последнюю нашу встречу ты утолил жажду дуэлей.

Я не ответил ему. Я выбрал место на бледном изгибе его округлого брюха и подумал о том, что в ней должна быть дыра, попытался представить ее. Казалось, Досс не обратил на это внимания.

— Еще не слишком поздно, чтобы прийти к соглашению, — прогремел он. — Я могу, конечно, уничтожить тебя, о чем правдиво предупреждал тебя Бардел. Но у меня нет чувства мести, нет желания унижить тебя. Бардел солгал, нарисовав меня чудовищем, намеревающимся сожрать мозги твоих соплеменников. — Он захохотал смехом Гаргантюа. — Зачем совершать такое зверство? Что я выиграю от этого?

Я сузил размеры выбранной цели, сконцентрировал на нем все свои силы. Досс поднял гигантскую лапу и лениво почесал это место.

— Я, конечно, восхищаюсь силой твоего духа — встать одному

на защиту безнадежного дела. Видишь, и я не лишен чувств. Но я не могу из сентиментальных соображений пренебречь своим долгом. Я однажды уже просил тебя на джентльменских условиях уничтожить машину сновидений. Ты не сделал этого. Вместо этого ты продолжал совать нос в чужие дела, выкопал несколько новых фактиков — ну, и каков результат? Признаю, что машина не столь невинна, как я обрисовал ее; твоя роль не столь незначительна, чтобы быть делегатом, представляющим второстепенную планету в Галактическом Парламенте. Но меняет ли это что-нибудь — за исключением масштаба? Галактический Консенсус стар, Флорин, старше, чем твоя младенческая раса. Он не может далее переносить ваш производящий хаос экспансионизм, так же как человеческий организм не может переносить раковые клетки. Так же, как тело мобилизует все свои защитные силы, чтобы победить болезнь, так и мы мобилизуем столько сил, сколько необходимо, чтобы сдержать тебя. Это все, что мы намерены сделать, Флорин: ограничить тебя в твоем собственном секторе космоса, положить конец производимому тобой беспорядку. Полагаю, теперь ты знаешь достаточно, чтобы склониться перед неизбежным?

Я не ответил, полностью сконцентрировавшись на своей атаке. Он рассеянно потрогал пальцем пятно и нахмурился.

— Покинь энергосистему, Флорин. Воспользуйся для уничтожения аппарата методом Бардела; у меня нет возражений, если ты быстро удерешь на другой конец Галактики со всей добычей, какую выберешь; гарантирую, что тебе будет позволено мирно жить в неизвестности после... — Он замолчал и положил руку на живот. — Флорин, — заревел он. — Что ты... — Он внезапно зловеще закричал и стал рвать когтями сам себя.

— Предатель! Под прикрытием переговоров ты напал на меня...

Он замолк и начал сбивать яркие пурпурные языки пламени, которые охватили его, блестящая чешуя сворачивалась и чернела. Неожиданно он намного уменьшился в размерах, как будто изменилась вся перспектива. Он уже не выглядел гигантом на фоне равнины, а просто рептилией размером с человека, которая прыгала передо мной и пронзительно визжала, как я думал, скорее от ярости, чем от боли.

— Ну, — сказал я. — Как легко, и гораздо забавнее, чем когда это проделывают со мной.

— Прекрати, — закричал он голосом на пол-октавы более высоким, чем всегда. — Признаю, что вводил в заблуждение! Теперь я расскажу правду — но прекрати, пока не стало поздно для всех нас!

Я снизил температуру.

— Начинай говорить, Дисс, — сказал я.

— То, что я говорил тебе раньше, в основном, правда, — завиз-

жал он.— Я просто искажил определенные элементы. Теперь я понимаю, что это была ошибка. Единственным моим желанием было избежать осложнений, урегулировать дело как можно быстрее и проще. Но я недооценил тебя.— Он посмотрел на меня дикими от ярости глазами, дымок от затухающего пламени клубился вокруг его узкой головы.— Тобой не так легко манипулировать, Флорин.

Как я уже говорил, ты добровольно подключился к модулятору окружающей среды — машине сновидений — но не в экспериментальных целях, как я говорил. Для лечения. Ты занимаешь высокое положение, Флорин. Понимаешь, ты нужен людям. Ты был загипнотизирован, твоя фантастическая память подавлена, новые данные были заложены в твой мозг — соответствующие выдуманной для тебя роли. Это было сделано с намерением управлять твоими галлюцинациями таким образом, чтобы загнать тебя в такой угол, из которого нет спасения, и таким образом заставить тебя искать спасение в реальности.

— Это мне что-то напоминает,— сказал я.— Но тогда речь шла о том, что это у Сенатора поехала крыша.

Дисс пришел в замешательство.

— Но разве ты еще не понял? — сказал он.— Ты и есть Сенатор.

36

— В самом деле, это совершенно удивительно,— сказал Дисс.— Вы ушли от действительности в образ легендарного Флорина, тогда Ван Ваук устроил так, чтобы вы — как Флорин, Человек из Стали — были наняты телохранителем Сенатора. Он организовал, чтобы вы охраняли сам себя, чем поставил вас перед неразрешимым парадоксом.

— Это похоже на шулерский трюк. Почему он не сработал?

— С похвальной изобретательностью ваше больное воображение воспроизвело Сенатора, которым были вы сами, но в то же время не совсем вы. Через определенное время, под давлением обстоятельств, заставляющих вас узнать себя, вы вывернулись, назвав его актером. Однако это было просто временное решение вопроса. Оно оставляло открытой более опасную тайну — установление личности подлинного Сенатора — вас самого. Вами овладела навязчивая необходимость найти его и оказаться с ним лицом к лицу. Ван Ваук и его группа, контролируя вашу фантазию, безуспешно пытались удалить Бардела со сцены. В конце концов они представили вам его труп — шаг отчаяния. Но вы — или ваше подсознание — оказались достойным соперником. Вы, конечно же, не могли принять удаление себя с подмостков. Вы трансформировали

мертвого самозванца в безжизненную куклу и продолжили встречи с вашим пугалом, после чего вы быстро довели его до явного разрушения самого себя. Но даже этим вы не удовлетворились, вы довели обман до конца и продолжали упорствовать — расстраивая планы Галактического Сообщества.

— Поэтому на сцене появились вы и представили мне кусочки этой истории и послали меня, чтобы разрушить чудовище, которое вы назвали машиной сновидений.

— Но вы не сделали этого. Я надеюсь, что теперь вы понимаете, что никогда не сможете избавиться себя от самого себя, Флорин; это ваша Немезида, за которой вы неотступно гонитесь и которая преследует вас, которую вы поклялись защищать и которую должны атаковать — или наоборот?

Он сверкнул глазами, обретая уверенность.

— Поступайте, как пожелаете, Флорин, но вы навечно обречены добираться пешком туда, куда могли бы прилететь, ползти туда, куда могли бы прибежать — всегда влача невыносимый, но неизбежный груз — самого себя.

— Очень поэтично, — сказал я. — Для начала объясните, почему вы сразу не сказали мне, что Сенатор — это я? К чему эти сказки об эксперименте?

— Я не был уверен в том, как вы воспримете известие о том, что вы считаетесь сумасшедшим, — ответил он довольно едко. — Теперь же, увидев в действии ваше монументальное эго, это сообщение меня уже не сдерживает.

— Только и всего, а? Вы объяснили все так просто и мило. И я не помню ничего из этого, только потому что лечение включало в себя и стирание моих воспоминаний, да? А джокером в колоде считалось то, что мы играли с заряженным ружьем, а вы тот хороший полицейский, который пришел, чтобы забрать его. Знаете что, Дисс? Вы — приятный парнишка и мне нравиться, но думаю, что вы мне врете.

— Что? Я лгу? Это абсурд. Во всяком случае, сейчас. Конечно, раньше, когда я еще не полностью оценил ваши способности...

— Хватит, Дисс. Мы достигли, что называется, глубокого расхождения в доверии друг другу. Это самый вежливый из придуманных способов назвать человека чертовым брехлом. Почему тебе хочется уничтожить машину сновидений?

— Я уже объяснил...

— Я знаю. А я тебе не поверил. Попробай еще раз.

— Это абсурдно! То, что я рассказал вам, абсолютная правда.

— Тебе не нравится, когда я играю с этим суррогатом действительности, который мы производим, не правда ли, Дисс?

Я нарисовал в воображении, что мы окружены стенами. Они появились. Я превратил стены в задник театральной сцены, который

представлял лабораторию с зеленым кафелем. Затем сделал декорации реальными. Дисс зашипел и облокотился на большую панель, где горели все лампочки. Я различил на них надпись: «Аварийная перегрузка». Человек-ящер как-то уменьшился в размерах на этом фоне; довольно жалкой казалась маленькая ящерица в полностью вышедшем из моды жестком воротничке и в галстукешнурке.

— Что тебе надо, Флорин? — прошептал он. — Ч то т е б е н а д о?

— Я не знаю, — сказал я и устал пол бледно-голубым персидским ковром. Он не соответствовал стенам. Я поменял его цвет на бледно-зеленый. Дисс взвизгнул и заплясал, как будто пол под ним стал горячим.

— Хватит! Хватит! — шипел он.

— Готов сдаться? — сказал я. — Перед тем, как я превращу кучу этого хлама в Плейбой-клуб, закончим с холоднокровными кроликами в панцирях?

— Ты н-не с-сможешь? — Его голос по тону достиг уровня сопрано.

— Я начинаю играть без правил, Дисс. Мне плевать на школьную дисциплину. Я хочу увидеть, как это все начнет лопаться по швам.

Я заменил зеленую плитку на стенах на бумажные обои в цветочек. Добавил окно с видом на природу, которая, к моему удивлению, состояла из желтой пустыни, простиравшейся дальше, чем могла бы простирается любая другая пустыня в мире. Я посмотрел на Дисса, он был одет в облегающую золотистую форму с блестящими знаками отличия и серебристыми галунами, со сверкающими всеми цветами радуги медалями, в начищенных до блеска ботинках с острыми шпорами, в правой руке он держал хлыст, которым нетерпеливо со свистом похлестывал по покрытой броней лодыжке. Каким-то образом в этом обличье он казался меньше, чем когда-либо.

— Ну, что ж, Флорин, поскольку ты не оставляешь мне выбора, я сейчас ставлю тебя в известность, что я являюсь Главным инспектором Галактических сил безопасности и ты арестован.

Он выдернул большой и красивый пистолет из украшенной драгоценными камнями кобуры, пристегнутой к тощему бедру, и левой рукой направил на меня.

— Пойдешь ли ты спокойно, — прострекотал он, — или я буду вынужден применить силу и на время привести тебя в бессознательное состояние?

— Я уже побывал в нем, — сказал я и выбил пистолет из его руки выстрелом из никелированного самовзводного револьвера 44-го калибра. Он выхватил шпагу из ножен, которые я не заметил, и нацелился нанести мне ужасный удар по голове, я вовремя под-

ставил абордажную саблю, металл лязгнул о металл, Досс отшатнулся, выхватил бамбуковую трубку, дунул в нее, и в меня полетела стрелка с ядом кураре. Я нырнул под нее, а он достал огнемёт, и струя бушующего пламени охватила меня, не причинив вреда моему асбестовому костюму, пока я не загасил шипящий и плюющийся клубами дыма огонь из большого латунного брандспойта.

Досс был теперь не больше двух футов ростом; он по высокой дуге бросил в меня гранату, которую я отбил крышкой от мусорного бака; взрыв отбросил его на контрольную панель. Все красные огоньки превратились в зеленые, и зазвучал резкий сигнал тревоги. Досс запрыгнул на стол с картами, на нем уже не было аккуратной золотой формы. Его шкура оказалась тусклого серо-фиолетового цвета. Он заверещал, как взбесившаяся белка, и пустил в меня молнию, которая, не причинив вреда, взорвалась, грохотом напоминающая падающую скалу, наполнив воздух запахом озона и смрадом горящей пластмассы. Теперь уже ростом всего в один фут Досс в ярости приплясывал, потрясал кулаками, потом запустил ядерную ракету. Я наблюдал, как она пересекала комнату, направляясь ко мне, и уклонился в сторону, толкнув ее локтем, когда она пролетала мимо; сделав сальто-мортале, ракета возвратилась к своему владельцу. Он нырнул в сторону — рост его был теперь около шести дюймов, — и вся комната взорвалась мне в лицо. К счастью, я был одет в свою ничем не пробиваемую броню, поэтому со мной ничего не случилось. Я пробрался через руины наружу в желтый солнечный свет, наполненный пылью. Она улеглась, и маленькая бледно-фиолетовая ящерица, свернувшаяся кольцом на скале прямо передо мной, испустила ультразвуковое шипение и пустила струйку яда мне в глаза. Это меня раздосадовало. Я поднял свой гигантский молот, чтобы разможжить ящерицу, которая стала уже размером с кузнечика, а она издала пронзительный писк и нырнула в трещину в скале. Я воткнул лом в расщелину, нажал, и весь камень раскололся.

— Флорин! Я сдаюсь! Я полностью уступаю! Только прекрати все сейчас же!

Его глаза сверкали двумя красными искорками из глубины камня. Я засмеялся и засунул рычаг поглубже.

— Флорин, я признаю, что тайно вмешивался в работу машины сновидений! Ван Ваук и все другие не имеют к этому никакого отношения! Они всего лишь безмозглые простофили и ничего больше. Когда я обнаружил тебя в уязвимом состоянии — твое сознание было открыто для меня, как расколотая раковина моллюска, — я не мог удержаться от искушения вмешаться! Я думал, что напугаю тебя, заставлю подчиниться моим желаниям — но вместо этого ты захватил мои источники энергии и прибавил их к своим собственным. В результате ты приобрел мощь, о которой я и не мечтал, —

фантастическую мощь! Если ты продолжишь, то разрушишь саму структуру Вселенной!

— Замечательно; ее не мешает кое-где немного обновить.— Я налег на лом со всей силой и почувствовал, как что-то поддается в глубине скалы, как будто земная кора разрывалась по линиям разлома. Я услышал пронзительный крик Дисса: — Флорин, я был идиот, круглый идиот! Теперь я вижу, что все это время ты пользовался энергией из другого источника, о котором я никогда не подозревал! Это женщина — мисс Реджис — связана с тобой узами такой силы, которая способна изменить движение галактик!

— Да, девчухе я нравлюсь; вот что заставляет мир крутиться...— Я снова нажал и услышал треск валуна. Досс взвизгнул.

— Флорин, какая польза от победы, если ты оставляешь после себя только развалины?

Он был уже сверчком, стрекочущим в пустыне. Я нажал еще раз, и весь гигантский валун раскололся со страшным грохотом, распавшись, он увлек за собой и землю и небо, обнажая бархатную черноту абсолютной пустоты.

37

— Хорошо,— крикнул я в темноту,— но, на мой взгляд, чуть-чуть статично. Да будет свет!

И стал свет.

И я увидел, что это хорошо, и отделил свет от тьмы. Однако вокруг было немного пустынно, поэтому я создал твердь и отделил воды под нею от вод над ней. Получился океан и множество висящих над ним дождевых туч.

— Слегка монотонно,— сказал я.— Пусть воды соберутся по одну сторону, а с другой появится суша.

И стало так.

— Уже лучше,— сказал я.— Но все выглядит безжизненно. Да будет жизнь.

Слизь распространилась в воде и эволюционировала в морские водоросли, и груды их подплывали к берегу, застревали и пускали новые корни, ползли по голым скалам и грелись на солнце; и земля породила траву и другие растения, дающие семена, и фруктовые деревья, и лужайки, и джунгли, и цветочные клумбы, и цветочные бордюры, и мох, и сельдерей и много другой зелени.

— Побольше бы движения,— объявил я.— Да появятся животные.

И земля породила китов и коров, диких птиц и пресмыкающихся, и они плескались и мычали, и кудхтали и ползали, немного оживляя все вокруг, но явно недостаточно.

— Дело в том, что здесь слишком спокойно,— указал я сам себе.— Ничего не происходит.

Земля задрожала под ногами, вспучилась, вершина горы взорвалась, излилась лава и зажгла лесистые берега, облака черного дыма и пепла окутали меня. Я зашелся кашлем и передумал, и кругом снова наступило мирное спокойствие.

— Хотелось бы чего-нибудь приятного,— сказал я,— наподобие роскошного заката в сопровождении музыки.

Небо вздрогнуло, и солнце зашло на юге в великолепных пурпурных, зеленых и розовых красках в сопровождении гремющих аккордов, раздающихся из какого-то незримого источника в небесах или звучащих в моей голове. По окончании этого зрелища я возвратил все обратно и прокрутил закат еще несколько раз. Что-то показалось мне не совсем верным. Потом я заметил, что каждый раз смотрю одно и то же. Я все изменил и создал еще полдюжины закатов прежде, чем понял, что они по-прежнему сохраняют определенное сходство.

— Создавать каждый раз что-то новое — это тяжелая работа,— признался я.— От этого начинает болеть голова. Что, если ограничиться только концертом без светового шоу?

Я проиграл все, что помнил из различных симфоний, похоронных песен, концертов, баллад, мадригалов и рекламных роликов. Через некоторое время я исчерпал свои возможности. Попытался создать свою собственную музыку, но ничего не получилось. Этой областью деятельности мне придется заняться, но позже. А сейчас мне хотелось развлечься.

— Лыжи,— определился я.— Здоровые упражнения на открытом воздухе, наслаждение скоростью?

И я помчался по склону, утратил управление, перевернулся через голову и сломал обе ноги.

— Не совсем то, что нужно,— сказал я, ремонтируя себя.— Никаких падений.

Я со свистом понесся по склону внутри невидимой, как бы обитой войлоком рамы, которая вертела мной из стороны в сторону, оберегая от малейших толчков.

— Все равно, что принимать ванну в одежде,— прокричал я.— С таким же успехом я мог бы смотреть на это по телевизору.

Я попробовал водные лыжи, скользя по волнам, как кролик в мчащейся по рельсам клетке на собачьих бегах. Вокруг была вода, но ничего похожего на наслаждение я не испытывал.

— Не годится. Надо учиться все это делать, а это тяжелая работа. Может быть, попробовать парашютный спорт?

Ухватившись за раму открытой двери, я шагнул наружу. Воздух со свистом проносился мимо меня, а я неподвижно висел, наблюдая за гобеленом в пастельных тонах в нескольких футах подо

мной, который постепенно увеличивался в размерах. Внезапно он превратился в поля и деревья, стремительно мчащиеся на меня; я схватил кольцо, дернул...

Рывок чуть не сломал мне спину. У меня началось головокружение от вращения, я раскачивался, как маятник на дедушкиных часах, и шлепнулся на твердую скалу.

...Парашют тащил меня по земле. Мне удалось расстегнуть лямки и уползти под куст, чтобы прийти в себя.

— В каждом деле есть свои секреты,— напомнил я сам себе,— включая и профессию Господа. Какой смысл чем-то заниматься, если не получаешь от этого удовольствия?

Это заставило меня задуматься, что же может доставить мне удовольствие.

— Все вокруг твое, старина,— отметил я.— Как насчет миллиона долларов для начала?

Банкноты были аккуратно упакованы в пачке по 1000 долларов в каждой: десятками, двадцатками, пятидесятками и сотнями.

— Это не совсем то. Какой прок от денег самих по себе? Главное, что можно приобрести на них. Как, например, новенький с иглочки обтекаемой формы каштанового цвета «спидстер» 1936 года выпуска с зеленой кожаной обивкой.

Он стоял у обочины. Обещая удовольствие. Двери захлопнулись с приятным звуком. Я завел его, разогнал до 50 миль по дороге, которую только что создал. Я мчался быстрее и быстрее: 90... 110... 200... Через некоторое время я устал бороться с ветром и пылью, летящей мне в глаза и, избавился от них. Остался только рев двигателя и тряска.

— Ты слишком приземлен,— обвинил я сам себя.

Поэтому я добавил крылья и пропеллер и круто пошел вверх на спортивной модели «Пчелки», и ветер снова свистел мне в лицо, принося с собой бодрящий запах касторового масла и высокооктанового бензина. Но совершенно неожиданно спортивная лошадка взбрыкнула и, резко потеряв скорость, врезалась во вспаханное поле около Пеории. То, что осталось от меня, могло свободно поместиться в ложке. Я собрал себя, и истребитель Т-33 стал как шелковый набирать высоту. 30 000 футов, 40 000 футов... 50 000 футов. Я выровнял машину и стал делать бочки, петли, спирали и почувствовал приступ тошноты. Я спикировал в каньон, следуя извилистому курсу между скоплениями облаков, и почувствовал себя еще хуже. Прошел над самым забором, удерживая самолет для точной посадки, и мне это почти удалось перед тем, как я взорвался.

— Все дело в том, дружище, что, куда бы ты ни отправился, от самого себя не отделаешься. Как насчет более спокойного препровождения времени?

Я сотворил пустынный остров, украсил его орхидеями и пальмами, устроил ласковый ветерок, белый прибор, окаймляющий голубую лагуну. Построил из красного дерева, стекла и нетесанного камня дом на высокой террасе центральной горы, окружил его тропическими садами, прудами и водопадами; прошел во внутренний дворик, чтобы отдохнуть около своего бассейна, где под рукой в высоких бокалах ожидали прохладительные напитки. Они вызвали у меня аппетит. Я собрал стол, прогибающийся под тяжестью жареной дичи и холодных арбузов, шоколадных эклеров и белого вина. Я долго ел. Когда мой аппетит стал угасать, я избавился от всего этого, а также и от креветок, ростбифов, изысканных салатов, свежих ананасов, цыплят с рисом, свинины со сладким соусом и холодного пива. Я почувствовал, что снова взорвусь.

Я подремал на своей квадратной, три на три метра, кровати, устланной шелковыми простынями. После четырнадцатичасового сна она уже не казалась такой комфортабельной. Я снова поел, на этот раз жареных сосисок и пирожков с ливером. Это было очень вкусно. Пошел поплескаться в лагуне. Вода была холодная, и я порезал ногу о коралл. Затем у меня начались судороги, к счастью, на мелком месте, поэтому я, можно сказать, не утонул. Я решил, что утопленники уходят из жизни самым неприятным способом.

Хромая, я вылез из воды и сел на берег, размышляя о моем автоматическом музыкальном центре с пятью тысячами магнитофонных пленок, о моей библиотеке с десятью тысячами книг, моем антикварном оружии и коллекции монет, гардеробах, заполненных костюмами из натуральной шерсти и обувью, изготовленной по индивидуальному заказу, о моих пони для игры в поло, о моей яхте...

— Идиотизм,— сказал я.— У меня морская болезнь, и я понятия не имею, как ездить верхом. А что можно делать со старыми монетами, кроме как смотреть на них? Мне потребуется сорок лет, чтобы прочитать столько книг. И...

Неожиданно я почувствовал себя усталым. Но я не хотел спать. Или есть. Или плавать. И вообще ничего не хотел.

— Что хорошего во всем этом,— захотел я узнать,— если ты один-одинешенек? Если нет никого, кому можно было бы показать все это, или поделиться с кем-нибудь, или произвести впечатление, или вызвать зависть? Или даже сыграть во что-нибудь?

Я адресовал горькие вопросы небу, но никто не ответил, потому что я не позаботился поместить туда кого-нибудь для этой цели. Я поразмышлял о том, чтобы сделать это, но испугался, что потребуется слишком много усилий.

— Вся беда в том, что в этом месте нет людей,— признал я мрачно.— Да будет Человек,— сказал я и создал Его по своему подобию.

Сенатор выполз из-под куста гибискуса и отряхнул колени.

— Это был план Ван Ваука,— сказал он.— Раз уж ты решил продолжать работу над проектом стимулятора,— сказал он,— то будет только справедливо, если именно ты испытываешь его. Клянусь, я не знал, что он планировал избавиться от тебя. Я был всего лишь попутчиком, такой же жертвой, как и ты...

— Я допустил ошибку,— сказал я.— Возвращайся туда, откуда появился.

Он исчез даже без прощального взгляда.

— Что мне действительно хочется,— сказал я,— так это незнакомцев. Людей, которых я никогда прежде не видел, которые не станут рассказывать мне о том, что я сделал неправильно.

Небольшая шайка неандертальцев появилась из рощицы, они были так заняты переворачиванием бревен в поисках сочных гусениц, что сначала не заметили меня. Затем старикашка с седыми волосами по всему телу увидел меня и загавкал, как собака, после чего они убежали.

— Я мечтал о чем-то более утонченном,— покритиковал я сам себя.— Пусть будет город, с улицами, магазинами и заведениями, куда можно зайти, если идет дождь.

И возник город — разбросанные тут и там уныло стоящие под свинцовым небом саманные хижины. Я приказал светить солнцу, и оно прорвалось через тучи. Я произвел некоторые улучшения, небольшие и не столь существенные, просто для того, чтобы все выглядело по-домашнему. Получился Нижний Манхэттен в солнечный полдень. Неандертальцы были все еще тут, побритые, одетые, многие из них управляли машинами, другие толкали меня на тротуаре. Я зашел в бар, занял столик с правой стороны, сел лицом к двери, как будто ожидая кого-нибудь. Толстая официантка в грязном платье на два размера меньше, чем требовалось для ее фигуры, подошла и, усмехаясь, достала из-за уха ручку.

— Ладно,— сказал я и избавился от всего этого, создал на пляже маленький уютный костер и людей, сидящих, скрестив ноги, вокруг него и поджаривающих мясо с аптечным шалфеем.

— Вот, простая жизнь,— сказал я и подошел, чтобы присоединиться к ним. Они посмотрели на меня, и здоровый парень со спутанными на груди черными волосами встал и сказал: «Отвянь, Джек. Частная вечеринка».

— Я просто хочу присоединиться к веселью,— сказал я.— Взгляни, я принес и свою долю.

Какая-то девушка вскрикнула, а Брюнет нанес мне серию ударов слева и справа, большинство которых я ловко парировал своим подбородком. Я упал на спину и заполучил полный рот мозолистой ноги прежде, чем прекратил существование маленькой группы. Я выплюнул песок и попытался осознать ценность одиночества,

спокойного шума прибоя, большую луну, висящую над водой, и, может быть, достиг бы в этом успеха, если бы в этот момент какое-то насекомое не запустило свои челюсти в то место между лопатками, где его никак невозможно достать. Я истребил всю животную жизнь на некоторое время и задумался.

— Я все делал неправильно. Что мне нужно, так это место, к которому я бы подошел; место, где жизнь проще и приятнее, в которой есть местечко и для меня. Что же может быть лучше моего собственного прошлого?

Я позволил мыслям скользнуть в прошлое, к маленькому зданию школы, расположенной на грязной дороге, в один из давно прошедших летних дней. Мне было восемь лет, я был одет в бриджи и теннисные туфли, рубашку с галстуком. Сложив руки перед собой, я сидел за партой, украшенной вырезанными инициалами, и с чернильницей, полной высохших чернил, и ждал звонка. Он прозвенел, я подпрыгнул и выбежал наружу под роскошное солнце юности, и парнишка в три раза здоровее меня с жесткими рыжими волосами и маленькими, как у свиньи, глазками схватил меня за волосы и костяшками пальцев быстро «причесал» мою голову, затем, повалив, прыгнул на меня, и я почувствовал, как из носа пошла кровь.

Поэтому я заковал его в цепи, опустил на него семнадцатитонный механический молот и снова остался один.

— Это все было неправильно,— сказал я.— Идея была совсем не такой. Это был уход от реальной жизни со всеми ее радостями и горестями. Это была кония. Чтобы что-то значить самому, надо, чтобы у противника был шанс; это должно быть так: мужчина против мужчины. Свободное выражение личности — вот что делает жизнь полнокровной и богатой.

Я сотворил себя шести футов трех дюймов роста и потрясающе мускулистым, с жесткими золотистыми кудрями и квадратным подбородком, а Свинячьи Глазки вышел из аллеи со здоровой трубой и снес мне полголовы. Я одел латы и стальной шлем, а он подошел сзади и вонзил в меня кинжал через щелку, где латный воротник соединялся с наплечниками. Я выбросил латы и надел черный пояс, применил неко-аши-даши и увернулся от его удара, а он всадил мне пулю в левый глаз.

Я стер все это и снова оказался на пляже наедине с москитами.

— Хватит действовать импульсивно,— сказал я себе твердо.— Рукопашная схватка — не твой идеал веселья; если ты проигрываешь, это неприятно; а если все время выигрывать, к чему все эти хлопоты? — У меня не нашлось хорошего ответа на этот вопрос. Это приободрило меня, поэтому я продолжил: — То, что тебе действительно нужно — это товарищеские отношения, а не соперничество. Просто теплота человеческого общества без соревновательной основы.

Сразу же я оказался в центре толпы. Никто ничего особенного не делал, все просто топились. Теплые, пытящие тела, тесно прижавшиеся ко мне. Я чувствовал их запах. Это совершенно нормально, телам свойственно иметь запах. Кто-то наступил мне на ногу и сказал: «Извините». Кто-то другой наступил мне на другую ногу и не извинился. Какой-то человек упал и умер. Никто не обратил на это внимания. Я, может быть, тоже не обратил бы на это внимания, если бы этим человеком был не я.

Я очистил сцену и присел на обочину, наблюдая за печальным солнечным светом, освещающим обрывки бумаг, гонимые ветром по мостовой. Это был грязный мертвый город. Импульсивно я очистил его, убрав даже ввевшуюся во фронтоны зданий сажу.

Теперь это стал чистый мертвый город.

— Конечной целью человеческой дружбы является желанная и любящая женщина, достигшая брачного возраста и с покладистым характером.

Соответственно я оказался в фешенебельной квартире на плоской крыше небоскреба, из высокочлассного музыкального центра раздавалась тихая музыка, вино было охлаждено. Отдыхая, она свободно откинулась на удобную череду мягких подушек. Она была высокой, с красивой фигурой и копной каштановых с красноватым оттенком волос, гладкой кожей, огромными глазами и маленьким носиком. Я налил. Она сморщила носик, увидев вино, и зевнула. У нее были красивые зубы.

— Боже мой, неужели у тебя нет каких-нибудь современных записей? — спросила она. У нее был высокий, звучный и привыкший повелевать голос.

— Что ты предпочитаешь? — спросил я.

— Не знаю. Что-нибудь легко запоминающееся. — Она снова зевнула и посмотрела на массивный браслет с изумрудами и бриллиантами на своей руке.

— Ну, давай, скажи, — попросила она. — Сколько он стоит?

— Я получил его бесплатно. У меня приятель занимается этим бизнесом. Это для рекламы, подделка.

Она сняла браслет и бросила его на ковер в дюйм толщиной.

— У меня ужасно болит голова, — прохныкала она. — Вызови мне такси.

— Это показывает, что ты на самом деле думаешь о девушках, которые живут в фешенебельных квартирах и имеют классные музыкальные центры, — сказал я себе, расставаясь с ней взмахом руки. — Что тебе нужно на самом деле — это домашняя девушка, милая, невинная и непритязательная.

Я поднялся по ступеням маленького белого коттеджа со свечкой на окне, она встретила меня у двери с тарелкой домашнего печенья. Она щебетала о своем саде, шитье и приготовлении пищи,

пока мы обедали кукурузным хлебом и черноглазыми сливами с кусками деревенской ветчины. После этого она мыла посуду, а я ее вытирал. Потом она плела кружева, а я смазывал маслом упряжь или что-то в этом роде. Через некоторое время она сказала: «Спокойной ночи», — и тихо вышла из комнаты. Я подождал пять минут и последовал за ней. Она как раз откидывала лоскутное стеганое одеяло; на ней была толстая шерстяная рубашка, а волосы заплетены в косы.

— Сними ее, — сказал я. Она сняла. Я посмотрел на нее. Женщина как женщина.

— А, давай ляжем в постель, — сказал я. Мы легли.

— Ты ничего не хочешь сказать мне? — поинтересовался я.

— Что я должна сказать?

— Как тебя зовут?

— Ты не дал мне имени.

— Тебя зовут «Милосердие». Откуда ты родом, Конкордия?

— Ты не сказал.

— Ты родом из-под Дотана. Твой возраст?

— Сорок одна минута.

— Ерунда! Тебе, по крайней мере, э-э... двадцать три года. Ты прожила полнокровную счастливую жизнь, теперь ты здесь со мной, это предел твоих мечтаний.

— Да.

— И это все, что ты должна сказать? Разве ты не счастлива? Или ты печальна? Неужели у тебя нет собственных мыслей?

— Конечно. Мое имя Конкордия, мне двадцать три года, и я здесь с тобой...

— Что ты сделаешь, если я ударю тебя? Предположим, я подожгу дом? Что если я скажу, что намерен перерезать тебе горло?

— Как прикажешь.

Я крепко обхватил голову руками и подавил вопль ярости.

— Подожди минутку, Конкордия — это все неправильно. Я не хотел, чтобы ты была автоматом, повторяющим все, что я вложил тебе в голову. Будь реальной, живой женщиной. Отреагируй на мои...

Она подтянула одеяло до подбородка и завизжала.

Я сидел на кухне один, пил холодное молоко и часто вздыхал.

— Давай обдумаем все заново, — предложил я себе. — Ты можешь сделать это любым способом, каким пожелаешь. Но ты пытаешься сделать слишком быстро; ты слишком многое сокращаешь. Весь фокус в том, чтобы начать медленно, выстроить детали, сделать их реальными.

Поэтому я придумал маленький городок на Среднем Западе, с широкими мощеными улицами, с просторными старыми домами, которые были не объектами показа, а просто удобными, где вы

могли бы покачаться в гамаке и побродить по траве, сорвать цветок, не чувствуя, что вы совершаете акт вандализма и разрушаете основы мироздания.

Я прогуливался по улицам, вбирая все в себя, проникаясь их духом. Была осень, и где-то сжигали листья. Я взобрался на холм, вдыхая резкий привкус вечернего воздуха, ощущая себя живым. Мягкие звуки фортепиано плыли над газоном у большого кирпичного дома на вершине холма. Там жила Пьюрити Этустер. Ей было всего лишь семнадцать, и она была самой красивой девушкой в городе. У меня возникло импульсивное желание сразу же заглянуть к ней, но я продолжил прогулку.

— Ты новый человек в городе, — произнес я. — Ты должен обосноваться, а не просто въехать на коне. Должен познакомиться с ней принятым в обществе способом, произвести впечатление на ее родственников, угостить ее содовой, сводить в кино. Дай ей время. Сделай все реальным.

Комната стоила пятьдесят центов. Я хорошо поспал. На следующее утро я обратился в поисках работы всего лишь в три места, как получил ее с оплатой в два доллара в день у Зигеля — владельца фирмы «Скобяные товары и фураж». На мистера Зигеля произвело благоприятное впечатление мое дружелюбное, открытое лицо, вежливые и уважительные манеры и явное рвение к тяжелой работе.

Через три месяца мое жалование поднялось до 2,25 доллара в день, и я по совместительству стал исполнять обязанности счетовода. В своей комнате в пансионе я содержал канарейку и полку вдохновляющих книг. Я регулярно посещал церковные службы и вносил в качестве пожертвования два цента в неделю. Я ходил и на вечерние бухгалтерские курсы повышенного типа, выписал учебник Чарлза Атласа, и позволял своим мускулам расти не больше, чем можно было отнести на счет динамического напряжения.

В декабре я встретил Пьюрити. Я убирал снег с пути ее отца, когда она появилась из большого дома. Она очаровательно выглядела в мехах и подарила мне улыбку. Я хранил ее, как драгоценность, неделю и запланировал попасть на вечеринку, которую она намеревалась посетить. Я готовил пунш для гостей. Она снова мне улыбнулась. Ей понравился мой загар, волнистые волосы, обаятельная улыбка, неуклюжесть молодого моржа. Я пригласил ее в кино. Она согласилась. Во время третьего свидания я немного подержал ее за руку. На десятом поцеловал ее в щеку. Через восемнадцать месяцев, когда я все еще целовал ее в щеку, она сбежала из города с трубочком из джаз-банды, послушать который я ее пригласил.

Нимало не смущаясь, я предпринял еще одну попытку. Хоуп Бермен была второй по красоте девушкой в городе. Я провел ее по тому же маршруту, перешел к поцелуям в губы уже после двад-

цать первого свидания и был сразу же приглашен на интервью с мистером Берманом. Он поинтересовался моими намерениями. Намекнул на место в фирме «Берман и сыновья, готовая одежда». Хоуп хихикала. Я совершил побег.

Позже, в своей комнате я сурово раскритиковал себя. Моя репутация в Потсвиле была разрушена: по городу разнеслась молва, что я легкомысленный человек. Я получил свою заработную плату за минусом небольших вычетов и обиженную речь мистера Зигеля о неблагодарности и перелетных птицах, и на поезде перебрался в Сан-Луи. Там я встретил и начал ухаживать за Фейт, веселой девушкой, которая работала секретарем в офисе юриста, чье имя было написано на окне второго этажа, выходящего на второстепенную улицу в нескольких кварталах от более богатого делового сектора. Мы ходили в кино, совершали длительные поездки по улицам на трамвае, посещали музеи, выезжали на пикники. Я заметил, что она умеренно потеет в теплую погоду, имеет несколько дорогостоящих прелестей, несведуща во многих вопросах и очень посредственна в постели. После чего она плакала и болтала о замужестве.

Омаха была более приятным городом. Я на неделю забрался в нору Прижелезнодорожной гостиницы для мужчин и все еще раз обдумал. Было очевидно, что я продолжал действовать слишком поспешно. Я использовал свою мощь неправильно. Я поменял одиночество Бога на одиночество Человека, менее значительное, но не менее мучительное. Фокус был в том, как я понял, чтобы скомбинировать самые лучшие стороны каждого состояния, жить жизнью человека, слегка подправляя ее тут и там в желаемом направлении.

Вдохновленный, я сразу же отправился в родильную палату ближайшей больницы и родился в 3.27 утра в пятницу, здоровым мальчиком семи фунтов весу, которого мои родители называли Мелвин. Я съел больше четырехсот фунтов детского питания до того, как узнал вкус мяса и картофеля. После чего у меня разболелся живот. Со временем я научился говорить бай-бай, ходить и сдвигать скатерть со стола, чтобы насладиться звуком бьющейся посуды. Я поступил в детский сад, где играл в джаз-банде на маракасах, иногда еще и на треугольнике, который был хромированным и с красной струной. Я овладел завязыванием шнурков, застегиванием штанов и, со временем, катанием на роликовых коньках и падениями с велосипеда. В начальной школе я тратил свои обеденные 20 центов на сэндвич с майонезом, баночку кока-колы, половину которой я проливал на своих товарищей, потолок и на книгу какого-то О'Генри. Я прочитал много скучных книг Луизы Мей Алкотт и Дж. А. Генти и выбрал Пейшенс Фрумвол в качестве суженой.

Она была очаровательной рыженькой девушкой с веснушками.

Я ходил с ней гулять, катал ее в своей первой машине, одной из самых ранних моделей Форда с кузовом, изготовленным вручную из досок. По окончании я уехал в колледж, поддерживая наши отношения по почте. Каждое лето мы много общались, но не в анатомическом смысле.

Я получил ученую степень в области управления бизнесом, должность в энергетической компании, женился на Пейшенс, и стал отцом двух мальчуганов. Они росли, во многом следуя по моему пути, из-за чего иногда возникали спекуляции на тему, как часто происходило божественное вмешательство, чтобы я мог добиться таких замечательных успехов. Пейшенс (Терпение) все меньше и меньше соответствовала своему имени, набирала вес, приобрела интерес к церковной работе и саду и глубокую антипатию ко всем, кто кроме нее занимался церковными делами и садами.

Я усердно трудился над всем этим, никогда не поддаваясь искушению воспользоваться кратчайшим способом, или улучшить свой жребий, превратив Пейшенс в кинозвезду, или наш скромный шестикомнатный особняк в королевское поместье в Девоне. Наиболее трудной для меня была необходимость потеть все шестьдесят секунд субъективного времени каждую минуту каждого часа...

Пятьдесят лет добросовестных усилий завершились верстаком в гараже.

В местной таверне я выпил четыре виски и стал размышлять над своими проблемами. После пятого виски меня охватила меланхолия. После шестого я почувствовал, что хочу бросить вызов. После седьмого рассердился. В этот момент хозяин проявил неблагоразумие, предположив, будто я уже выпил более, чем достаточно. Я покинул таверну весьма возмущенным, задержавшись ровно настолько, чтобы бросить зажигательную бомбу в витрину. Вспышка была великолепна. Я пошел вдоль улицы, забрасывая зажигательными бомбами косметический кабинет, Христианскую научную библиотеку, кабинет оптометриста, аптеку, магазин автозапчастей, налоговую службу.

— Вы все подделки,— вопил я.— Все лжецы, обманщики, фальшивки!

Собравшаяся толпа потрудились и привела полицейского, который застрелил меня, а заодно и трех ни в чем не повинных зевак. Это раздосадовало меня даже несмотря на мое веселое настроение. Я облил смолой и обвалил в перьях вешивающегося не в свое дело парня, затем продолжал взрывать суд, банк, различные церкви, супермаркет, автомобильное агентство. Они горели великолепно.

Я радовался, глядя на дымящиеся фальшивые замки, и какое-то время раздумывал, не основать ли свою собственную религию, но сразу же запутался в вопросах догм, чудес, кампаний по привлечению новых членов, церковных облачений, свободной от налогов

недвижимости, женских монастырей, инквизиции и избавился от этой идеи.

Теперь красиво горела вся Омаха; я перешел к другим городам, уничтожая мусор, который мешал нам жить. Задержавшись, чтобы поболтать с несколькими уцелевшими, в надежде услышать от них выражение радости и облегчения после избавления от бремени цивилизации и хвалу вновь обретенной свободе, чтобы построить разумный мир, я был обескуражен, когда увидел, что они больше озабочены своими ранами и соревнованием в поисках среди развалин мелкой добычи: телевизоров и наличных — чем философией.

К этому моменту теплота виски стала постепенно исчезать. Я понял, что поступил опрометчиво. Я быстро восстановил порядок, наделив необходимой властью выдающихся либералов. Поскольку все еще существовала горластая масса реакционеров, устраивающих волнения и мешающих установлению тотальной социальной справедливости, появилась необходимость создать определенный персонал для обеспечения порядка, одев их в форму для облегчения идентификации.

Увы, проведением умеренной политики не удалось убедить мародеров в том, что Государство имеет серьезные намерения и не позволит лишиться себя плодов с таким трудом завоеванной победы над кровопийцами. Возникла необходимость прибегнуть к жестким мерам. Тем не менее упрямые фашисты воспользовались преимуществами свободы, чтобы агитировать, произносить зажигательные речи, печатать нелояльные книги, и другими способами мешать борьбе их товарищей за мир и изобилие. Соответственно был установлен временный контроль за изменническими разговорами, проведены показательные казни. Груз этих обязанностей был тяжел, поэтому вожди посчитали необходимым перебраться в более просторные поместья, пережившие вселенский пожар, и свести диету к черной икре, шампанскому, цыплячьим грудкам и другим терапевтическим средствам, чтобы сохранить силы для битвы с реакцией. Естественно, недовольные посчитали, что монополия вождей на лимузины, дворцы, изготовленную на заказ одежду и ансамбль обученных нянечек, своей наружностью способных успокоить усталые глаза администраторов, является признаком разложения. Представьте себе их ярость и отчаяние, когда Государство, отказавшись проявлять терпимость к подрывной деятельности, отправило их в отдаленные районы, где, занимаясь полезным трудом в скромных условиях, они получили возможность исправить ход своих мыслей.

Я вызвал премьер-вождя, которого нежно называли Диктатором, и поинтересовался его намерениями, теперь, когда он консолидировал экономику, посадил предателей, установил внутреннее спокойствие.

— Я думаю о захвате всего прилегающего континента,— признался он.

— Они беспокоят нас? — осведомился я.

— Еще бы. Каждый раз, когда я вижу симпатичную шлюху на их стороне границы и сознаю, что она вне досягаемости...— Он стиснул зубы.

— Шутки в сторону,— продолжал настаивать я.— Теперь, когда мы установили мир...

— Иначе толпа станет волноваться,— сказал он.— Захочет иметь телевизоры, автомобили, морозильники — даже рефрижераторы! Только потому, что я и мои ребята располагаем небольшими удобствами, помогающими нам выдержать невыносимое бремя руководства, они хотят начать действовать. Что эти бездельники знают о проблемах, которые стоят перед нами? Приходилось ли им проводить мобилизацию на границах? Приходилось ли им принимать решение: «танки или тракторы»? Беспокоились ли они о традиционном международном престиже? Только не эти бездельники! Все, о чем им приходилось беспокоиться — это получить достаточно овощей, чтобы остаться в живых, до тех пор пока не нарожают достаточно отродья, чтобы было кому их похоронить — как будто это так важно.

— Я не совсем разобрался,— сказал я Диктатору,— но чего-то не хватает. Это не совсем та Утопия, о которой я мечтал.

Я стер его и его труды и грустно рассматривал запустение.

— Может быть, дело в том, что я создал ситуацию, когда у семи нянек дитя без глазу? — размышлял я.— В следующий раз я сначала завершу свое творение, создам его таким, как мне нравится, а затем предоставляю каждому полную свободу.

Это была отличная идея. Я воплотил ее. Превратил чащобы в парки, осушил болота, посадил цветы. Я построил города с широкими пространствами между ними. Каждый представлял собой жемчужину архитектуры, с уютными жилищами и изящными деревьями, кружевами тропинок, фонтанами, зеркальными прудами, театрами под открытым небом, которые как бы являлись частью пейзажа. Я возвел чистые, хорошо освещенные школы и плавательные бассейны, углубил речки и наполнил их рыбой, снабдил изобилием сырья и достаточным количеством бесшумных, хорошо спрятанных, не загрязняющих окружающую среду фабрик, производящих мириады простых, надежных, чудесных приспособлений, которые избавили всех от тяжелой, грязной работы, предоставив людям свободу заниматься только тем, чем могут заниматься только люди: оригинальными исследованиями, искусством, массажем, проституцией, плюс ожиданием за столиками. Затем я в одно мгновение наполнил города населением и стал ждать радостных криков после осознания, как все идеально.

Почему-то с самого начала в воздухе витало какое-то безразличие. Я спросил красивую молодую пару, прогуливающуюся по чудесному парку у безмятежного озера, хорошо ли они проводят время.

- Думаю, да,— сказал он.
- Просто нечего делать,— сказала она.
- Думаю чуток подремать,— сказал он.
- Ты меня больше не любишь,— сказала она.
- Не дури,— сказал он.
- Я покончу с собой,— сказала она.
- Вот это будет праздник,— сказал он и зевнул.
- Ты, сукин сын,— сказала она.

Я пошел дальше. Ребенок с золотистыми кудряшками, похожими на мои, играл у озера. Он топил котенка. И это было хорошо, потому что он уже выколол ему глаза. Я воспротивился импульсивному желанию швырнуть малыша вслед за котенком и приблизился к пожилому джентльмену с ангельскими белоснежными локонами, который стоял на каменной скамье, смущенно уставившись на большой куст. Подойдя вплотную, я увидел, что он смотрит с к в о з ь куст. на двух совершеннолетних обнаженных девушек, забавляющихся друг с дружкой на траве. Услышав, как я подхожу, он отвернулся.

— Скандал,— произнес он дрожащим голосом.— Они занимаются этим уже добрых два часа, прямо на публике, где прохожие не могут их не заметить. Можно подумать, что вокруг не хватает мужчин.

На мгновение меня охватила паника, неужели я упустил такую деталь? Но нет, конечно, нет. Я сотворил и мужчин и женщин. Что-то другое было неверно.

— Я знаю,— кричало мое Я.— Мое Я слишком много сделало за Них. Они испорчены. Им необходимо благородное дело, за которое Они могли бы энергично взяться все вместе. Смелый крестовый поход против сил зла! С флагами Права над головами!

Мы были выстроены в шеренги, я сам во главе, мои верные солдаты за мной. Я приподнялся на стременах и указал на стены осажденного города.

— Там они, ребята,— кричало мое Я.— Враги — убийцы, бездельники, насильники, вандалы. Настало время покарать их! Вперед, через мост, дорогие друзья, за Гарри, Англию и Святого Георга!

Мы атаковали, пробили бреши в их защите; они сдались; мы триумфально въехали на городские улицы. Мои ребята соскочили с лошадей, начали рубить мирных жителей, разбивать стекла и грабить драгоценности, телевизоры и спиртное. Они изнасиловали всех женщин, иногда убивая их после этого, а иногда до того.

Они поджигали все, что не могли съесть, выпить или изнасиловать.

— Господь одержал великую победу, — кричали мои священники.

Меня раздосадовало, что мое имя упоминается все, и мое Я послало гигантский метеорит, разбившийся посреди веселья. Выжившие доказывали, что спасение — это доказательство одобрения богом их действий. Я ниспослал нашествие жалящих мух, и одна половина людей сожгла другую половину заживо, чтобы умиротворить меня. Я сотворил потоп; они плавали вокруг, ухватившись за церковные скамьи, каркасы старых телевизоров, раздувшиеся трупы коров, лошадей и евангелистов, взывая о помощи и обещая мне, что будут вести себя хорошо, если выживут.

Я спас нескольких, и к моей радости они сразу же начали спасать других. Чтобы немедленно сформировать из них взводы, конгрегации, профсоюзы, воровские шайки, толпы, лобби и политические партии. Каждая группа сразу же нападала на другую группу, обычно самую похожую на них самих. Я издал ужасный вопль и смысл их всех при помощи цунами. Пенящиеся воды вокруг руин церквей, законодательных органов, судов, притонов, химических заводов и штаб-квартир больших корпораций позабыли меня. Я сотворял все большие и лучшие цунами и напрочь смысл трущобы, землю, подвергшуюся эрозии, сожженные лесные массивы, засоренные реки и загрязненные моря. Адреналин переполнял мою кровеносную систему; жажда разрушения росла. Я растер в порошок континенты, раздробил земную кору и залил все вокруг выплеснувшейся наружу магмой.

На глаза мне попала луна, которая, сторонясь моего гнева, проплывала мимо. Спокойный свет ее ровной поверхности рассердил меня, и я бросил в нее горсть камней, обильно усеяв ее оспинами. Я схватил планету Эдипус и бросил ее в Сатурн; я промахнулся, но она прошла очень близко, и ее разорвало. Большие куски скал перешли на орбиту Сатурна, а из пыли образовались кольца; некоторые кусочки достались Марсу, а остатки стали путешествовать вокруг Солнца.

Я счел это неплохим зрелищем и повернулся, чтобы пригласить зрителей повосхищаться им, но конечно же, никого не было.

— Вот почему трудно быть богом, — застонало мое Я. — Я мог бы создать группу простофиль, которые восхваляли бы меня, но что в этом хорошего? Человек жаждет ответного чувства от равного ему, черт побери!

Внезапно от всего этого я почувствовал себя больным и усталым. Казалось бы, располагая всей существующей властью, легко заставить события развиваться так, как тебе хочется, но не тут-то было. Часть трудностей заключалась в том, что в действительности я не знал, чего хочу, другая — в том, что я не знал, как добиться

того, чего я хочу, когда я узнаю, чего не хочу, а третья заключалась в том, что, когда я получу то, что, как я думаю, мне хочется, оно окажется совсем не тем, чего бы мне хотелось. Слишком тяжело, слишком сложно быть богом. Намного легче быть просто Человеком. Возможности Человека ограничены, но существуют и границы Его ответственности.

— Вот что я должен иметь в виду, — сказал я сам себе. — Я всего лишь Человеческое Существо, вне зависимости от того, какие молнии я могу метать. Мне необходимо эволюционировать еще несколько сотен тысяч лет и тогда, может быть, я справлюсь с ролью Бога.

Я стоял — или плыл, или скользил — в середине оси ординат, это все, что осталось от моих трудов, и вспоминал Ван Вauка и Круглолицего и их грандиозные планы относительно меня. Они выглядели не столь зловещими, сколь жалкими. Я вспомнил Дисса, человека-ящерицу, каким испуганным он был в самый последний момент. Я вспомнил Сенатора, его трусость и его оправдания, и неожиданно он показался мне просто человеческим существом. А затем я подумал о себе, какую жалкую фигуру я представлял собой не как Бог, а как Человек.

— Ты выглядел вполне прилично, — сказал я самому себе, — до определенного момента. Ты хорошо держишься, когда проигрываешь, но ты паршивый победитель. Возможность исполнить любое желание — вот настоящая проблема. Успех — это вызов, который еще никто не принял. Потому что сколько бы ты ни выиграл, впереди всегда есть еще более значительные, сложные и трудные проблемы, и так всегда. Секрет не в Победе-На-Веки-Вечные, а в том, чтобы изо дня в день делать максимум возможного и помнить, что ты Человек, а не какой-то Бог, что для тебя нет и не будет легких ответов, а только вопросы, никаких поводов, а только причины, никаких «подразумевается», а только «понимается», никаких предназначений, и никакого доброго волшебника, улыбающегося сверху, и никаких костров, чтобы подгонять снизу, только Ты сам и то, чего Ты добьешься от встречи лицом к лицу с равным тебе.

Теперь я мог отдохнуть после всей проделанной мной работы.

38

Я открыл глаза, она сидела за столиком напротив меня.

— С вами все в порядке? — спросила она. — Вы выглядели так странно, один в зале. Я подумала, что вы, возможно, плохо себя чувствуете.

— Мне кажется, что я только что создал и разрушил Вселенную, — сказал я. — Или она создала и разрушила меня. А может

быть, и то и другое. Не уходи. ЕСТЬ одна деталь, которую я должен выяснить.

Я поднялся, прошел к двери и вошел через нее в кабинет Сенатора. Он посмотрел на меня и подарил мне улыбку, которая была такой же правдивой, как доска объявлений, и такой же откровенной.

— Ты пришел,— сказал он благородным голосом.

— Я отказываюсь от работы,— сказал я.— Я только хотел поставить вас в известность об этом.

Он казался обескураженным.

— Не может быть. Я рассчитывал на тебя.

— Этого не будет,— сказал я.— Пойдемте, я хочу кое-что показать вам.

Я подошел к большому, в рост человека, зеркалу, он неохотно встал рядом со мной, и я посмотрел на отражение: квадратный подбородок, костюм от личного портного, спокойный взгляд.

— Что вы видите?— спросил я.

— Ассенизатора-неудачника,— ответил я.— Все, что тебя просили сделать,— это прожить одну маленькую обычную жизнь. Сделал ли ты это? Нет. Ты удрал — или попытался удрать. Но это тебе не удалось. Ты участвуешь во всем этом, нравится тебе или нет. Поэтому лучше, если понравится.

Я повернулся, чтобы возразить, но в комнате я был один.

39

Я подошел к двери и открыл ее. Советник Ван Ваук сидел за длинным столом под спиральной люстрой и смотрел на меня.

— Видите ли, Бардел,— начал он, но я развернул газету, которую держал в руке, на странице с воскресным юмором и бросил ему под нос статью с заголовком «Флорин. — Стальной Человек».

— Он почти клюнул на это,— сказал я.— Но передумал.

— Тогда это означает...?

— Значит, надо обо всем забыть. Ничего не случилось.

— Ну, в таком случае,— сказал Ван Ваук и начал съеживаться. Он сократился до размеров обезьяны, мыши, домашней мухи и прекратил существование. Круглолицый тоже исчез, как и Человек-Птица и все остальные.

В коридоре я наткнулся на Трейта и Иридани.

— Вы уволены,— сказал я им. Они приподняли шляпы и молча испарились.

— Остаешься ты,— сказал я.— Что мы будем делать с тобой?

Вопрос, казалось, эхом пробежал вдоль серых стен коридора, как будто его задал не я. Я попытался проследить, откуда он исходит, но стены превратились в серый туман, который окружил

меня, на ощупь он был как серые занавески. Внезапно я устал, слишком устал, чтобы стоять. Я сел. Моя голова отяжелела. Я крепко стиснул ее двумя руками, повернул на 180 градусов и снял...

40

Я сидел за своим столом, держа в руках странный, изготовленный в виде спирали, прибор.

— Итак,— сказал помощник Советника по науке.— Что же?

— На какое-то мгновение мне показалось, что вы выглядите немного странно,— чопорно произнес Шеф администрации и почти позволил улыбке нарушить строгость своего маленького круглого лица.

— Как я и ожидал,— сказал Советник по науке, и уголки его рта изогнулись книзу. Они были похожи на линию, нарисованную на тарелке со свиным салом.

Я встал, подошел к окну и посмотрел на Пенсильвания-авеню, цветущие вишни и памятник Вашингтону. Я мысленно пожелал, чтобы он превратился в жареный пирожок, но ничего не произошло. Был влажный полдень, город был жарким и грязным и полным беспокойства, как и я сам. Я повернулся и посмотрел на ожидающих меня людей, влиятельных людей, занятых мировыми проблемами и своей ролью в их разрешении.

— Давайте будем откровенны,— сказал я.— Вы принесли мне это устройство и утверждаете, что оно было найдено на месте крушения абсолютно чужеродного космического корабля, который вчера ночью разбился при посадке в Миннесоте и сгорел.

Полдюжины лиц продемонстрировали подтверждение.

— Вы обнаружили тело небольшого ящероподобного животного и вот этот прибор. Пилот найден не был.

— Уверяю Вас, сэр,— сказал директор ФБР,— далеко он, или он о, не уйдет.— Он зловеще улыбнулся.

— Прекратите поиски,— приказал я, положив спиральный прибор на стол.— Утопите эту вещь в море,— скомандовал я.

— Но, господин Президент...

Я заставил его замолчать одним взглядом и посмотрел на Главнокомандующего объединенными силами...

— Вы что-то хотите доложить мне, генерал Трейт?

Он был ошеломлен.

— Ну, если на то пошло, сэр...— Он прочистил горло.— Без сомнения, это мистификация, но мне доложили о радиопередаче из космоса, исходящей, как меня заверили, не от наших устройств. Похоже, что передатчик находится за орбитой Марса.— Он кисло улыбнулся.

— Продолжайте,— произнес я.

— Э... гость представился жителем планеты, которую он назвал Грейфел. Он утверждает, что мы э... прошли предварительную инспекцию. Он хочет начать переговоры о подготовке мирного договора между Ластриан Конкорд и Землей.

— Передайте ему, что мы согласны,— сказал я.— Если они не будут слишком хитрить.

Были и другие дела, о которых они хотели доложить мне, каждое из них было весьма важным, требующим моего немедленного вмешательства. Но я дал всем знак удалиться. Они были ошеломлены, когда я встал и объявил Совещание Кабинета законченным.

Она ждала в моих апартаментах.

41

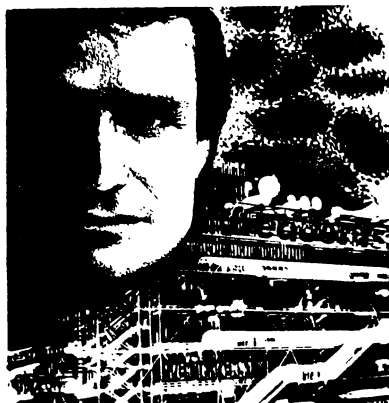
Были сумерки. Мы прогуливались по парку. Присели на скамейку насладиться прохладой вечера и полюбоваться голубями в траве.

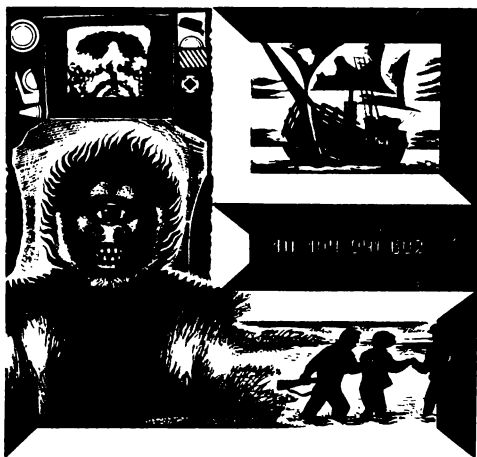
— Откуда мы знаем, что это не сон? — спросила она.

— Может быть, это и сон,— сказал я.— Может быть, ничего реального в этой жизни нет. Но это не важно. Мы должны прожить ее так, как будто она реальна.

ЛОВУШКА ВРЕМЕНИ

роман

ПРОЛОГ

Помощник машиниста второго класса Джо Акоста, вахтенный на катере береговой охраны «Хэмптон», бороздил взглядом сверкающие на солнце воды бухты Тампа в поисках неловкого судна, севшего на мель среди бела дня в миле от порта.

— Что там за ерунда, шкипер? — обратился Джо к лейтенанту, который направил бинокль на несчастный корабль.

— Двухмачтовый, с высокой кормой. Странная посудина. Паруса разодраны в клочья. Видно, потрепало его порядком... — сообщил лейтенант. — Давай подойдем поближе.

Катер развернулся и, покачиваясь на волнах, взял курс на прямоугольник корабля. Когда они приблизились, Акоста увидел нелепый деревянный, потрепанный непогодой, корпус, на котором кое-где сохранились остатки багряной краски и позолоты. Колонии ракушек и водорослей отмечали ватерлинию. Катер проплыл под самой кормой у судна, на расстоянии пятидесяти футов. Почти совсем стершиеся замысловато начертанные буквы складывались в название «Кукарача».

Как только катер несколько отошел назад, над поручнями возникло чье-то сильно загорелое, сплошь в морщинах лицо, и черные как уголь глаза незнакомца пронзили Акосту. Рядом с первым появился второй — в лохмотьях, весь рябой, небритый и щербатый.

— Шкипер, я думаю, посудину загрузили кубинскими беженцами, — неуверенно произнес Акоста. — Только почему их так долго не могли засечь?

Лейтенант покачал головой: — Должно быть, снимают кино. Не похоже, что все это на самом деле.

— Случалось видеть где-нибудь еще такое корыто?

— Разве что в учебниках истории.

— Во-во, что-то наподобие «Баунти», которую пришвартовали у пирса святого Петра.

— Да, что-то вроде того. Только это галеон конца шестнадцатого века. Судя по флагу, португальский.

— Такое ощущение, что нам кто-то лапшу на уши вешает, — пробормотал Акоста, сложил ладони рупором и прокричал тем двоим в лицо: — Эй, там, на палубе! Если вас, чертей, много, придется туго! — Он выразительно черкнул ногтем большого пальца по предплечью. — Совсем мелко! — пояснил он.

Первый незнакомец хрипло отозвался.

— Ну вот, — воскликнул Акоста, — значит, я был прав. Похоже на испанский, — и снова сложил ладони в подобие рупора.

— *Quien son ustedes? Que pasa?* — донесли с палубы немного погодя. Слова были дополнены крестным знамением.

— Что он говорит? — спросил лейтенант.

— Чудно говорит, шкипер, — Джо покачал головой. — Должно быть, решил, что мы тоже снимаемся в фильме.

— Давай-ка поднимемся на борт и посмотрим, в чем дело.

Час спустя, взяв судно на буксир, катер направился на карантинную верфь порта Тампа.

— Что думаешь об этом? — спросил Джо своего лейтенанта, искоса наблюдая за ним.

— Думаю, что мы наткнулись на галеон тринадцатую безграмотными португальцами на борту, — быстро отозвался тот. — Углубляться в это дело я бы не рискнул.

* * *

Утром, в десять пятнадцать, миссис Л. Б. (Чак) Видерс, как обычно, надела шляпку, поправила ее у зеркала в прихожей и вышла на десятиминутную прогулку в город. Она прошла мимо вечно не работающей станции обслуживания: стремительная походка, голова кверху, спина прямая, вдох на четыре шага, выдох — на четыре, просто привычка, однако только благодаря этому в тридцать шесть лет — удивительно юная фигура.

Минуту-другую спустя, когда станция осталась позади, миссис Видерс замедлила шаг, почувствовав, что с дорогой творится неладное. Она уже давно не смотрела по сторонам во время прогулок, но сегодня ее внимание привлекла незнакомая табличка, вдруг возникшая впереди: «Брантвилль — 1 миля».

— Странно, — пробормотала женщина, — зачем же им потребовалось ставить новый, да еще явно неправильный указатель?

От ее дома до города было ровно полмили, значит, от указателя до Брантвилля — всего лишь несколько сот ярдов. Подойдя поближе, она обнаружила, что табличка совсем не нова, краска поблекла и выгорела, несколько мелких дырочек — свидетельства метких выстрелов — покрылись по краям ржавчиной. Она осмотрелась, и ей вдруг стало неуютно — это место совершенно не производило впечатления знакомого. Вот, пожалуйста, огромное дерево с отметкой 666, как могла она его раньше не заметить...

Миссис Видерс торопливо зашагала вперед, сгорая от нетерпения увидеть радостно-утешительный рекламный щит «Кока-Колы» на следующем повороте, но вместо этого взору, нетерпеливо пробирающемуся сквозь листву, открылось белое пятно какого-то здания. Подозрительно знакомой показалась ей эта кирпичная кладка дымовой трубы. Она быстро прошла дальше под сенью величественных тополей и остолбенела от удивления и негодования, оказавшись перед своей собственной дверью. Она прекрасно помнила, что пошла на восток, а теперь возвратилась с западной стороны. Нелепица и чушь собачья!

Миссис Видерс решительно поправила шляпу. Прекрасно, допустим, она забылась и нечаянно свернула на окружную дорогу, ведущую к ее же собственному дому, но ведь никакого ответвления здесь и в помине не было! Это просто непостижимо — мистика какая-то! Вдова Л. Б. Видерса предпочитала не иметь дела с вещами необъяснимыми и верила, что лучший способ избавиться от них — делать вид, что ничего особенного не произошло. Притянув к себе сумочку, как подтягивают удила, миссис Видерс решительно переступила порог собственного дома.

После пяти минут напряженной внутренней борьбы молодая вдова не выдержала и снова оказалась на таинственном месте. «Брантвилль — 1 миля», — по-прежнему гласил указатель. На какое-то мгновение она, казалось, была заморожена самими буквами, но потом это прошло, и она, стремительно развернувшись, поспешила домой. Тем же путем.

Вцепившись руками в почтовый ящик на своей двери, она попыталась обрести прежнее самообладание, и это ей удалось. Родные линии веранды со сломанной решеткой, до которой все никак не доходили руки, успокоили ее. Она сделала глубокий вдох, потом выдохнула, восстанавливая дыхание. Ведь чуть не наделала глупостей! Примчалась домой, как угорелая, собралась уже, стыдно подумав, звонить шерифу со своим бредом о перепутанных дорогах.

— Фу-ты, представляю, что бы стали говорить в городе, если уже сейчас двусмысленно улыбаются при встрече, а потом на ушко сообщают друг другу подробности из жизни одиноких женщин.

Ладно, допустим, она дважды ошиблась и не там свернула, хотя не очень уверена, что такой поворот существует на самом деле. Сейчас она пойдет еще раз и будет следить за каждым своим шагом; но если она хотя бы на полчаса опоздает на почту, ей придется сообщить кому-нибудь о случившемся.

Издали заметив указатель, миссис Видерс остановилась посреди дороги, в нерешительности озираясь по сторонам, не зная, что предпринять: бежать скорее вперед, в город, или мчаться назад, домой, где все родное и понятное.

— Да не может такого быть! — вырвалось у нее предательски дрогнувшим голосом, что несколько шокировало сдержанную миссис Видерс. — Я же знаю эту дорогу как свои пять пальцев! Здесь же негде потеряться...

В последнем чувствовалась такая нелепость, что раздражение молодой вдовы вспыхнуло с новой силой. Вот уж, действительно, потерялась! Рассудительный, богобоязненный и респектабельный взрослый человек не может потеряться среди бела дня, как какой-нибудь пьяный бродяга! Если ее сбили с толку, то виновата не она, а дорога. Это хорошая мысль, теперь все встало на свои места: ночью пришли дорожные рабочие, принесли свои инструменты и проложили новую ветку. Не говоря никому ни слова! Да, сейчас они умеют делать такие вещи на редкость быстро. Подумать только! Понятно, откуда взялся указатель.

Неумолимо сжав зубы, миссис Видерс развернулась и решительной поступью направилась к дому. Теперь-то она обязательно позвонит шерифу и найдет, что сказать этому старому самовлюбленному кретину!

Занято и занято. Набрав номер не менее пяти раз, Оделия Видерс с печатью праведного гнева на строгом лице проследовала на кухню и, открыв холодильник, машинально достала какие-то продукты к завтраку. Слава богу, кое-что осталось, и ей не придется сегодня бежать в магазин. Стараясь не думать о сегодняшней неудачной прогулке в город, она приготовила себе бутерброд с ветчиной, вылила в стакан остатки молока. Поймав щекой солнечный лучик, прорвавшийся сквозь занавеску, Оделия завтракала, прислушиваясь к мерному тиканью висящих в прихожей часов.

В общей сложности она подходила к телефону не менее десяти раз. Сначала пыталась дозвониться до шерифа, затем — до начальника дорожной службы, потом — до полиции. Везде занято. Может быть, люди непрерывно осыпали их всех жалобами и проклятиями из-за этой дурацкой дороги? Неожиданно она вспомнила телефон Генри, механика с городской станции... — занято. Пробовала позвонить двум-трем семейным друзьям, оператору — с тем же результатом. **З а н я т о.**

Включила приемник, нашла любимую программу — трогатель-

ная история о непростых взаимоотношениях между детьми, их родителями и преподавателями — занялась уборкой и без того чистой квартиры. Закончила убираться на закате, когда первые тени опустились на лужайку за окном. После ужина еще раз попробовала позвонить — все те же сигналы, короткие, резкие, холодные — повесила трубку.

На следующее утро она опять увидела указатель по пути домой, и ей страшно захотелось пожаловаться, поплакаться... хоть кому-нибудь. Придя домой, миссис Видерс машинально открыла холодильник, достала ветчину, молоко... Нахмурилась — три кусочка ветчины на тарелке. Но ведь она все съела еще вчера: два куска на обед, один — вечером, с салатом. Молока тоже не оставалось — пустую бутылку оставила у двери. Миссис Видерс подошла к буфету, взяла банку майонеза, начатую вчера, сняла крышку. Банка оказалась полной, нетронутой.

Одежия Видерс не нарушила заведенного порядка: приготовила завтрак, поела, помыла посуду. Надев шляпку от солнца, вышла в сад за цветами, по-прежнему с печатью праведного гнева на строном лице.

* * *

— Есть тут одно полушизофреническое сообщение, — как всегда пренебрежительно-устало бросил Билл Саммерс, редактор отдела персоналий журнала «Сцен», — впрочем, весьма любопытное.

— Один чудак шатается по запретной зоне какого-то арабского города, — констатировал Бад Ветч, корреспондент номер один журнала «Сцен». — Ну и что? Может быть, это интересно представителям местного американского посольства, но причем здесь наши читатели?

— Не хочешь взглянуть на снимки? — Саммерс протянул зевающему коллеге три гляцевые фотокарточки 5×8. — У одного туриста оказался с собой «Брауни».

— Ох, уж эти фотолюбители, каналы...

Голос репортера неожиданно оборвался. На первой фотографии был снят высокий сутулый человек недепого вида с ввалившимися щеками, глубоко посаженными глазами, короткой темной бородкой, выдающимся подбородком, в плохоньком черном костюме и высокой шляпе. На заднем плане, около лавки торговца, толпились какие-то люди, одетые в белом. Ветч посмотрел на другой снимок. На нем мужчина с непокрытой кустообразно всклокоченной головой сидел под навесом с столом, обмахивался шляпой, как веером, и, очевидно, был совершенно поглощен разговором с местным полицейским, одетым по форме, в хаки. На третьем снимке крупным планом

было сфотографировано лицо этого странного типа в тот момент, когда он обернулся. На лице, покрытом многочисленными морщинами, читалось едва заметное недоумение.

— Черт возьми,— пробормотал Ветч.— Кажется, это сам...

— Именно так,— резко оборвал репортера Саммерс.— Догадываюсь, какое гениальное открытие ты собираешься сделать. По правде говоря, я сам не уверен, кто это такой, но если ему надо было просто привлечь к своей персоне внимание, то он, несомненно, достиг желаемого. Арабы не особенно сведущи в истории. Сегодня утром местное министерство иностранных дел отправило в Вашингтон официальный запрос, и теперь правительство должно прислать им бумагу по всей форме, подтверждающую, что интересующее их лицо уже давно не жилец на этом свете. Не думаю, что арабы оставят этот факт без внимания. Горожане подтвердят, что этот человек очень даже жив, что у него нормальное удостоверение личности, что они видели его фотографии. В общем, либо это он сам, либо — его призрак. В любом случае проблема останется. Мое мнение — тебе не мешало бы съездить туда, пока вся эта каша еще не заварилась, и взять у парня интервью.

Ветч не мог оторваться от фотографий.

— Невероятно,— изрек он наконец.— Даже если это грим или маска, все равно мастерство фантастическое!

— Как прикажешь понимать твое «даже если»?

— Да нет, это я так...— отозвался Ветч.— Кстати, назвал ли он свое имя?

— В том-то и штука,— проворчал Саммерс.— Утверждает, что он Авраам Линкольн.

* * *

— Наконец-то этот грехоборец отвалил отсюда,— прошипел Джоб Аркрайт, стоя в дверях своей хижины, провожая глазами тонкую щегольски-изысканную фигуру в слишком элегантном плаще и ботах. По белой, занесенной снегом дорожке уходил он в непроницаемый сумрак глухого леса.

— Ты поступил несправедливо, Аркрайт,— упрекнула своего мужа Чэрити Аркрайт.— Ведь он все-таки проповедник, хоть и с усиками...

— Я тебе покажу усики! — взревел Джоб, поворачиваясь к жене — молодой женщине с огромными глазами, крепкой грудью и совсем тоненькой в талии.— Если бы слушалась меня, растопстела бы как положено, не было бы никаких проблем, не липли б...

— И так не было никаких проблем,— проговорила Чэрити, приглаживая волосы.— Все время, пока ты охотился на кроликов,

он сидел у огня и читал мне вслух Писание. Честное слово, я так много узнала нового!

— Что же он, не изъявил никаких желаний?

— Держи карман шире, так бы я ему и позволила!

— Хотел бы я знать, чему здесь можно верить! — проскрежетал Джоб.— Слушай, девка, он что...

— Тише! Что это? Слышишь? — Чэрити сложила ладонь рупором и приставила к уху.— Кажется, кто-то идет?

Джоб снял с крюка заряженное ружье и распахнул дверь.

— На грабителей не похоже, — отметил он, — те так не шумят, — и сделал шаг вперед.— Сиди здесь, а я пойду гляну, — приказал он.

Джоб обогнул угол дома. Кто-то приближался к его жилищу с тыла, нещадно хрустя сухими ветками. Наконец кусты раздвинулись, и возникла странная фигура в ночной, как ему показалось, рубаше. Пришелец встал перед домом как вкопанный.

— Эй, кто идет?! — рявкнул Джоб.

— Это я, Флай, — откликнулся запыхавшийся голос.— Брат Аркрайт, ужели это ты воистину!

— Кому же еще быть, если в этих местах никого кроме меня и нет. Какого дьявола ты возвратился? Что забыл здесь? Я-то думал, ты пошел прямехонько на ферму Кнокса.

— Не поминай имя дьявола всуе, — Флай еле дышал, а его круглое лицо лоснилось от пота, несмотря на сильный мороз.— Я ручаюсь, брат Аркрайт, это его нечистых рук дело. Я пошел на восток к брату Кноксу, и неверная тропа привела меня вновь к вашей двери.

— Флай, да ты никак выпил? — подозрительно спросил Джоб у странствующего пастора и сурово фыркнул.

— Стал бы я вас дурачить, когда такое дело... — отвечал пастор.— Чего бы только я сейчас не отдал тому, кто накормил бы меня жареным агнцем.

— Ладно, пошли. Я выведу тебя на тропу, — решил Джоб.

Он забежал за тулупом, а через минуту уже быстро шел впереди грехоборца. Бедный Флай пыхтел сзади. Тропа вилась вокруг огромной сосны, огибала валун и резко уходила наискосок вверх. Спутник отставал, и Аркрайт остановился, нахмурившись из-за того, что приходится ждать; потом пошел дальше. Тропинка неожиданно оборвалась, запутавшись в переплетениях корней и стелющегося кустарника.

— Аркрайт, мы заблудились, мы пропали, — Флай задыхался.— Вельзевул заманил нас в ловушку...

— Небось уже в штаны наложил, дубина, — презрительно бросил Аркрайт.— Подумаешь, тропа заросла...

Он с трудом пробирался сквозь густые заросли. Кажется, впереди просвет. Он раздвинул ветви, шагнул и...

Раздался оглушительный грохот, и мощный звук, едва зацепившись за обледенелые ветви, со всего маху ударил Джоба по ушам. Он упал навзничь и увидел свою хижину, крытую кукурузной соломой, замерзшую дорожку к дому, знакомую женщину с обрезом в руках.

— Чэрити! — завопил он. — Это же я!

Прошло полчаса, а Флай, сидя у огня, все качал головой, мрачно и заворуженно. Потом он сказал:

— Если необходимо, я могу устроиться на ночь и в снегу, но в этот треклятый лес я до утра не хожу!

— Можешь лечь здесь, под крышей, — проворчал Джоб, — если тебе хочется.

Чэрити предложила непрошеному гостю стеганое одеяло, которое он принял с выражением болезненной благодарности.

В эту ночь супругам Аркрайт не спалось. Перед самым рассветом их разбудил неистовый стук в дверь. Джоб вскочил, схватил ружье и открыл дверь. На пороге без штанов и без пальто трепетал Флай. Он долго заикался, а потом показал куда-то рукой. Из мутной предрассветной мглы выступил громадный и величественный тополь, с таким трудом сваленный вчера обоюдными усилиями; стоял как ни в чем не бывало, на своем извечном месте, не тронутый топором.

ГЛАВА 1

Роджер Тайсон щелчком заставил дворники работать побыстрее, так как дождь, грибной вначале, вскоре превратился в ливень, а затем — в какой-то потоп. Он снизил скорость до пятидесяти миль в час. Свет его передних фар промок насквозь и в конце концов совсем застрял в плотной массе падающей сверху бурлящей воды, застилающей непроницаемой пеленой лобовое стекло. Мерцали молнии, а гром гремел подобно тяжелой артиллерии.

— Здорово! — Тайсон поздравил победившие стихии. — Прекрасный случай застрять тут и сгнуться ко всем чертям: в самую глубокую ночь, в самую глубокую дыру неизвестно чего и вообще... без бензина, без денег, без единого кредитного билета, — в пустом животе забормотало, — без самого завалищего бутерброда с ветчиной. Пожалуй, я не выживу в этом ужасном, жестоком мире. Знать, не для этого создан...

Сломанная пружина пребольно впилась в бедро, вода просачивалась из-под щитка и капала на колено. Мотор трижды чихнул, раз стрельнул и заглох.

— Только не это, — простонал он, съезжая на обочину.

Подняв воротник пальто, Роджер выкарабкался из машины

под сплошные потоки дождя и поднял капот. Мотор как мотор. Он закрыл капот, засунул руки в карманы и вгляделся в бездонную муть дороги.

— Следующую машину можно и неделю прождать, — уныло размышлял Роджер. — Только полная бестолочь поедет в такой ливень... Но даже трижды бестолковый, случись он сейчас здесь, ни в жизнь не остановится.

Его внутреннее бормотание было неожиданно прервано вспышкой света, пробившегося издалека. Сдержанный рев мотора прорвался сквозь барабанную дробь дождя.

— Эгей! — Роджера затрясло от радости. Кто-то едет!

Он выпрыгнул на середину дороги. Свет, по мере приближения, становился ярче. Он замахал руками.

— Эй, останови же, — завопил Роджер, когда фары были уже рядом и, судя по всему, останавливаться не собирались. — Стой! — Он отскочил в самый последний миг, когда мотоцикл, прижимаясь к полотну дороги, вырвался из мглы.

Какой-то доли секунды хватило ему, чтобы увидеть перекошенное от страха лицо девушки, когда она резко нырнула в сторону, чтобы не задеть Роджера. Почти детский драндулет по инерции пронесло метров пятнадцать по дороге и выбросило в кювет. Нескоро смолк грохот и скрежет металла и дерева, потом что-то скрипнуло, и все... тишина.

— Господи, Иисусе. — Роджер затрусил через дорогу и вниз по крутому склону, сквозь сломанные и вырванные кусты и зелень, по следу мотоцикла. На самом дне валялась помятая машина, одно колесо которой с хромированным ушком все еще лениво вращалось. Передняя фара светила вверх сквозь мокрые листья. В двух-трех метрах от мотоцикла лежала девушка — на спине, глаза закрыты. Роджер склонился над ней, попытался нащупать пульс. Ее глаза вдруг открылись, и в него впился бледно-зеленый взгляд.

— Вы должны помочь мне, — произнесла она с видимым усилием.

— Ну конечно, — Роджер задыхался. — Все, что угодно... И простите меня, ради бога.

— У меня сообщение, — пролепетала девушка. — Ужасно важное. Надо передать.

— Слушай, мне, пожалуй, стоит подняться к машине и попросить кого-нибудь еще спуститься к тебе...

— Не мешай, — прошептала она. — У меня сломана шея, и через несколько секунд я умру.

— Чушь собачья, — Роджер не мог говорить. — Через пару дней ты станешь здоровая и свежая, как этот дождь.

— Не перебивай, — отрезала девушка. — Передай: «Остерегайтесь Фоксов».

— Что за Фоксы? — Роджер оглянулся в совершенном смятении. — Я никогда ничего не слышал о Фоксах.

— Тем лучше. Надеюсь, что никогда и не услышишь, — несчастная задыхалась. — Надо передать скорее. Ты должен спешить. — Голос изменил ей. — Слишком поздно. — Она хватала воздух ртом. — Нет времени... объяснить... возьми... микроаппарат... кнопку... в правом ухе...

— Я зря трачу время. — Роджер почти поднялся. — Побегу за доктором.

Он остановился, замороженный движением ее губ.

— Возьми... кнопку... вставь себе в ухо...

Слов почти не было слышно, но зеленые глаза не отпускали, просили.

— Самое время подумать о слуховом аппарате, — Роджер попробовал шутить, — но ведь...

Он осторожно убрал влажную черную прядь, одним движением вытащил золотистую кнопку из хрупкого девичьего ушка. Как только он это сделал, свет разума покинул ее очи, взгляд остекленел. Роджер схватил ее руку, услышал смутный заключительный тук-тук, пульс пропал и... тишина.

— Эй, — безумными глазами Роджер смотрел на ее лицо с удивительно правильными чертами. — Не может быть... то есть, я не хотел... ты не должна... — Он с трудом дышал, едва сдерживая слезы. — Она мертва из-за меня! — наконец выдохнул он. — Если бы я не выпрыгнул перед ней, как сумасшедший, она была бы жива!

Страшно потрясенный, он спрятал золотистую кнопку в карман и пополз вверх, спотыкаясь и поскальзываясь на каждом шагу. В машине он долго вытирал носовым платком лоб и руки.

— Что же это такое, — простонал Роджер. — Меня надо сажать в тюрьму! Я — убийца! И ничем не могу ей помочь... даже если сяду за решетку!

Он вытащил кнопку и при тусклом свете сигнальных лампочек рассмотрел ее. Оттуда высовывались какие-то тоненькие проводки, очевидно, контакты для карманной батарейки. Он покрутил кнопку между пальцами — совсем маленькая, не больше горошины. Ей казалось, что это важно; перед смертью говорила об этом. Хотела, чтобы он вставил эту штуку себе в ухо. И он выполнил последнее желание девушки.

Но что это? Какой-то едва уловимый шум, или ему показалось? Он протолкнул странный предмет поглубже в ухо. Что-то затикало, едва зашуршало, забулькало. Он хотел уже вытащить непонятную вещь, но почувствовал резкую боль.

— Твоя Цель — Поттсвилль, сто две мили на север-северо-восток, — услышал Роджер голос погибшей девушки. — Отправляйся прямо сейчас. Время не терпит!

Послышался приближающийся шум мотора. Роджер выскочил из машины и стал вглядываться в дождливую муть. Дождь моросил уныло и однообразно. Опять свет фар вдали. Сегодня уже во второй раз.

«На этот раз буду умнее и не брошусь с воплями, как сумасшедший, когда останутся, — предупредил сам себя Роджер. — Расскажу им, что никак не приду в себя после катастрофы, что слышу разные голоса. Не забыть бы рассказать о галлюцинации с девушкой на мотоцикле; это должно быть важно для психиатра».

Он стоял у машины, напряженно следя за приближающимся светом, очень сдержанно и осторожно помахивал вытянутой рукой, словно держал флажок. Но водитель и не думал останавливаться. Виляя из стороны в сторону, машина на полной скорости пронеслась мимо Роджера. За рулем сидело нечто страшное: безголовое тело, очень полное, красно-кирпичного цвета, очертаниями напоминающее луковицу или грушу, с двумя пучками щупальцев, похожими на разведенные в разные стороны жилы гибкого металлического кабеля.

Единственный в своем роде огромный выпученный глаз, размером и цветом напоминающий пиццу, пронзил его насквозь совершенно нечеловеческим, враждебным взглядом. С воплем удивления Роджер отскочил назад, оступился и тяжело упал на грязный, скользкий асфальт. А дальше — еще хуже: мотоцикл, круто отпрыгнувший в сторону, завалился вперед, далеко отбросил чудовищного седока, проскрежетал на боку несколько десятков метров и остановился на середине трассы.

Роджер поднялся и захромал вперед по дороге туда, где без всяких признаков жизни распростерлась инертная биомасса. С пяти метров было понятно: то, что лежало, больше не сможет сидеть за рулем — верхняя часть тела по консистенции напоминала картофельное пюре.

— Помогите, — простонал Роджер, зная, что у него в ушах, точнее, в левом ухе, звучат голоса.

— Время не ждет, — сообщил голос девушки, делая ударение на каждом слове. — Быстрее!

Роджер потянулся было к кнопке, но резкая боль вновь ударила его.

— Наверное, мне надо пойти в полицию, — неуверенно произнес Роджер. — Но что я им скажу? Что я повинен в гибели девушки и злой гигантской брюквы?

— Забудь о полиции, — нетерпеливо оборвал его размышления голос. — Я с огромным трудом поддерживаю жизненную функцию на крохотном острове корковых клеток, чтобы дать тебе возмож-

ность проникнуть в их Укрепление! Не трать сил впустую и хватит болтаться здесь. Вперед!

— Но моя машина не заводится!

— Возьми мотоцикл!

— Но это называется воровство!

— Интересно, кому ты собираешься доложить об этом? Родственникам этой гигантской брюквы?

— В этом пункте ты права, — согласился Роджер и поспешил к поверженному мотоциклу. — Однако я никогда не думал, что сумасшествие может принимать такие странные формы.

Он поднял машину. За исключением нескольких вмятин в зеленом покрытии, мотоцикл выглядел как новый. Ударом ноги Роджер завел его, оседлал и пулей помчался вниз по шоссе, оставляя борозду в темноте.

В ближайшем городе Роджер изучал все рекламные щиты по обочине, пытаясь узнать, где принимает доктор, доктор медицины, как теперь называется.

«Бессмысленно рассчитывать на высокочеловеческого столичного специалиста-психиатра, — подумал Роджер. — Найти бы самого обычного провинциального терапевта. К тому же тут чуть больше надежды, что он не затребует деньги вперед».

Наконец Роджер нашел то, что искал. Он поставил мотоцикл у бордюра неподалеку от мусорных ящиков напротив мрачного трехэтажного квадратного здания. Окна тотчас же осветились, открылась дверь, и навстречу, прикрывая ладошкой глаза, вышел маленький востроносый человек.

«Что же я ему скажу? — подумал Роджер, мгновенно оценив всю нелепость своего положения. — Допустим, я слышал о недоразвитых детях, которые засовывают что попало в рот, уши и другие места, но как объяснить случай со мной, не выставляя себя совершенным дураком?»

— Кто там? — раздался неприятный, очень резкий голос доктора. — Давайте проходите и ложитесь на стол. Через три минуты диагноз будет поставлен.

«Не могу же я сказать ему, что просто взял и засунул эту штуку в левое ухо, — размышлял Роджер. — А если рассказать ему, как было на самом деле...»

— Не стоит пугать себя перспективой раковой опухоли, — продолжал востроносый, решившись спуститься вниз по кирпичным ступенькам. — Всего две минуты, и, пожалуйста, успокойтесь.

«Допустим, он засунет меня в смиренную рубашку и позовет ребят с сачками вроде тех, которыми ловят бабочек, — неожиданно пришло в голову Роджера. — Говорят, если уж сюда попадешь, то выберешься нескоро».

— Если у вас легкие слегка задеты ТБ, не отчаивайтесь.

У меня есть средство как раз от этого,— доктор сделал несколько шагов по дорожке,— не то, что эти расчудесные антибиотики, которые, замечу, неплохо стоят! Изготовлено по моей собственной запатентованной формуле. Сыворотка кобылицы. Действует сногшибательно, то, что вам нужно!

«В конце концов то, что со мной случилось, не так уж страшно,— успокаивал себя Роджер.— Старый дядюшка Лафкадио прожил целую жизнь с маленькими серебряными человечками, которые жили под обоями и оттуда подавали ему советы».

— Вот что я вам предложу,— сказал лекарь, извлекая бутылочку из кармана пиджака, когда они уже шли по выгоревшей на солнце траве.— Я выпишу вам принимать это три раза в день за доллар двадцать девять центов вместе с налогом. Дешевле вы нигде не купите!

— О нет, благодарю, сэр,— отказался Роджер, заводя мотоцикл.— Ведь я не больной, а работник фининспекции проверок. Проверяю, не слишком ли завышают цены.

— Прошу прощения, шеф,— бормотал маленький человечек.— А я вот как раз собрался выбросить мусор.

Он приподнял крышку ближайшего контейнера, и плоская бутылочка с запатентованными пилюлями смешалась с содержимым ящика. Роджер отпустил сцепление и выехал на улицу, чувствуя на себе пристальный, пронзительный взгляд маленького человечка.

— Ты принял правильное решение,— тихо одобрил голос в левом ухе.

— Я просто трус,— пробормотал Роджер.— Какое мне дело до того, что он мог бы там подумать? Не стоит ли мне вернуться и...

Резкая боль в ухе заставила его вскрикнуть.

— Боюсь, что этого я не смогу тебе позволить,— отчетливо произнес невидимый попутчик.— На следующем перекрестке поворачивай налево, и через два часа мы будем в Поттсвилле.

* * *

Спустя один час пятьдесят пять минут Роджер медленно вел мотоцикл по ярко освещенной авеню мимо бесконечных ломбардов, витрин с рекламой апельсинового сока и ослепительно начищенных туфель, глянцевого 8×10 фотокрасавиц, невинных до мути, мимо бильярдных и баров, жизнерадостно бурлящих, несмотря на столь поздний час.

— Поттише,— предупредил голос погибшей девушки.— Теперь вон к тому зданию, похожему на гараж.

— Это же автостанция,— сказал Роджер.— Если ты рассчитываешь на то, что я куплю билет, тебя ждет разочарование. Я без цента в кармане.

— Ничего подобного. Мы в нескольких метрах от Цели.

Рискуя жизнью, Роджер протиснулся между кирпичной стеной и фырчащей громадой междугороднего, по виду чикагского, автобуса и оказался внутри наполненного эхом ангара. Следуя указаниям, он оставил мотоцикл и, толкнув вращающуюся дверь, вошел в раздражающую суетностью атмосферу зала ожидания, где как обычно спали военнослужащие и безмужного вида молодые матери.

— Перейди на ту половину зала,— командовал голос. Роджер подчинился, остановившись по приказу у закрытой двери.— Попробуй здесь.

Роджер толкнул дверь и вошел. Дебелая леди с полным ртом заколок взвилась и в ужасе закричала на него. Роджер поспешно попятился.

— Это же женская комната,— присвистнул он.

— Дьявол, ты прав, парень,— прогреготал рядом густой бас.

Гигантский полицейский смерил его враждебным взглядом с почти двухметровой высоты.

— Вы все у меня на виду, пташки, и советую запомнить, Домбровский работает чисто, следов не оставляет,— верзила придвинулся к Роджеру, едва не задевая животом, и, понизив голос, спросил: — Ну, а как там вообще, чего видать-то?

— Да все так же, как и в мужской,— Роджер перевел дыхание.— Примерно.

— Серьезно? Ну ладно, смотри не делай глупостей, парень.

— Само собой, шеф.— Роджер попятился и скрылся за соседней дверью, наставляемый голосом.

Из-за столика у стены поднялся пожилой негр.

— К вашим услугам, сэр. Почистить обувь, побриться, массаж? Или, может быть, быстренько постирать и погладить?

— Спасибо, не надо. Я тут только...

— Может, пропустим по маленькой для прочистки мозгов? — он вытащил из кармана плоскую бутылку.

— Говорят, от ТБ лучше всего спастись в Аризоне,— заметил Роджер.

Негр задумчиво посмотрел на него, снял крышечку с бутылки и, сделав большой глоток, вылил остатки в раковину.

— Ты прав, парень,— согласился он,— я как раз успеваю на два ноль восемь в Феникс,— и поспешно вышел.

— По крайней мере утешусь тем, что я здесь не единственный сумасшедший,— пробормотал Роджер.

— Давай. Еще одну дверь,— раздался голос девушки.— Прости, что немножко напутала. Я сильно торопилась, когда была здесь в последний раз.

— Бывает,— рассудил Роджер.— Но что ты делала в мужской комнате?

— Долго объяснять. Нет времени. Лучше открой дверь.

Роджер подчинился. В помещении не оказалось ничего, кроме водопровода.

— Немножко левее, — направлял голос. — Вот так.

Прямо над раковиной появилась и повисла в воздухе светящаяся полоска, источающая необычное зеленоватое сияние, ослепительное в темноте комнаты. Но как только Роджер немного нагнул голову, полоска исчезла.

— Обман зрения, — неуверенно произнес он.

— Нет. Это Отверстие Входа. Теперь слушай, что я хочу от тебя: напиши записку под мою диктовку и просто сунь в эту Прорезь. Вот и все. Я уверена, записка попадет куда надо.

— Она попадет на местный канализационно-перерабатывающий завод, — запротестовал Роджер. — Это самый безумный способ доставки почты, какой я знаю!

— Подвинься чуть поближе к отверстию и увидишь, что оно совсем не так элементарно, как кажется на первый взгляд.

Роджер послушно придвинулся. Полоска превратилась в ленту, переливающуюся всеми цветами радуги, как масляное пятно на воде. Приблизившись еще, Роджер увидел мерцающую рамку, которая, казалось, уходила сквозь стены в бесконечность. У него закружилась голова, и он попятился.

— Такое ощущение, словно стоишь на границе этого мира, — прошептал он.

— Ближе, — сказал голос. — Теперь быстро записку.

— Надо взять карандаш.

Роджер вышел в коридор, попросил у билетера на минутку огрызок карандаша и снова вошел в комнату. Он достал из кармана помятый конверт и разглядел.

— Давай быстрее, — попросил он. — Надо покончить с этим.

— Конечно. Начни так: «Дорогой С'Лант». Нет, лучше по-другому, скажем так: «Технору Второго Уровня С'Ланту». А впрочем: «Дорогой Технор» — удачнее.

— Я не знаю как писать «Технор», — сказал Роджер, — и не очень уверен насчет С'Ланта.

— Не имеет значения. Давай сразу по существу: «Моя попытка пересечь Осевой Канал частично удалась. Новый Музей вместе с системой восстановления и корректирования работают над созданием усовершенствованной расы, которая могла бы действовать как минимум в двух временных пространствах высшего порядка. Прошу способствовать перемещению неисправного аппарата на координаты для вывода его из состояния временного стаза. К'Нелл, полевой агент».

— Что все это значит? -- поинтересовался Роджер.

— Неважно. Ты все успел записать?

— Я ничего не разобрал после слов «Моя попытка...»

Голос повторил сообщение, которое Роджер записал печатными буквами.

— Теперь опусти письмо в Отверстие, и ты свободен,— произнес голос.

В этот момент в помещение ворвались двое служащих. Одним из них был билетер.

— Это он! — билетер ткнул в Роджера пальцем, находясь в сильном возбуждении.— Я понял все, когда он попросил у меня карандаш и отправился в одно место. Это тот, кого вы ищете.

Другой служащий, стройный мужчина с пепельными волосами и печатью ФБР на лице, понимающе улыбнулся и подошел к Роджеру.

— Скажите, молодой человек, вы действительно пишете на стенах? — спросил он.

— Вы все поняли превратно. Я только хотел...— Роджер попытался протестовать.

— Не пускайте его назад, а то сотрет,— подзуживал первый служащий.

— Сообщение! — прозвучал в ухе нетерпеливый голос.

— Давайте-ка посмотрим на вашу работу,— простецки предложил второй с пепельными волосами, решительно открывая дверцу кабины.

— Вы не поняли меня! — Роджер попятился.— Я только собирался...

— Держи его!

Первый служащий схватился за один рукав, второй — за другой. Так как они пытались повести его вперед, Роджер, сопротивляясь, вырывался у них из рук.

— Я невиновен! — вопил он.— Это место еще до меня было все разрисовано.

— Несомненно,— седовласый тяжело дышал,— но я не хочу, чтобы у вас сложилось неверное впечатление, сэр. Я попечитель коллекции граффити в музее современного народного творчества. Мы ищем таланты для росписи нашей ротонды.

Роджер в пиджаке с оторванными рукавами отшатнулся.

— Берегись! — предупредил голос в ухе.— Поздно.

Роджер почувствовал, как мерцающее сияние обволокло его, как он оказался в переливающейся всеми цветами радуги трубке и на какую-то секунду попытался удержать равновесие, махая руками.

В сплошной туманной серости до его слуха донесся мощный шум бурлящих водных потоков.

Неистовый круговорот захватил Роджера и выбросил в бездонную пустоту.

Он оказался на пляже. Это была первая мысль, посетившая его потрясенный рассудок. Сверкающее солнце играло в золотом песке. Роджер сел прямо и осмотрелся. Жаркий воздух дрожал, плыл. Сквозь его подвижную мглу Роджер различил изъеденные временем и ветром выступы розового камня. Танец воздуха что-то напомнил ему, но думать об этом было невозможно. Голова раскалывалась от боли. Сама боль тоже вызывала какие-то смутные воспоминания... Он машинально потянулся рукой к голове и нащупал кнопку в ухе.

— Что случилось? — прошептал он.

Ответа не было.

— Голос! — позвал Роджер. — Агент К'Нелл, или как там тебя? Молчание.

«Ладно, будем считать, что мы почти в норме, — сам себя успокоил Роджер. — Мне бы только понять, где я... Возможно, я был в трехнедельном запое, — предположил он, — и только теперь алкогольный туман развеивается. Разумеется, я никогда не был пьяницей, — напомнил он себе, — может быть, поэтому на меня так сильно подействовало...»

Он неуверенно встал на ноги, покачиваясь, и огляделся по сторонам. Необъятное пространство песка. Он понял, что это не пляж. Какая-то пустыня, испещренная валунами, раскинувшаяся далеко-далеко. Вероятно, Аризона, думал Роджер, а дороги просто не видно. Как узнать, в какой стороне она проходит?

В нескольких метрах от Роджера прикорнул огромный, изрезанный волнами камень. Он подошел к гиганту и взобрался на него. Стоя на самом верху, на высоте трех-четырёх метров, Роджер мог видеть пустыню на много миль вперед. На самом востоке, там, где кончался видимый мир, громоздились бледные скалы. На севере пустой горизонт, на западе — то же самое, однако на юге однообразная равнина прерывалась каким-то оврагом. А овраг, как известно, предполагал присутствие воды.

— Пить, — прошептал Роджер, — то, что мне нужно.

Он сполз вниз и двинулся наперерез к темной линии оврага. Первые десять минут он уверенно шагал вперед, оставляя солнце слева, а огромные редкие камни слева и справа. Когда почва стала более твердой, он сбавил шаг, тщательно выверяя маршрут. Взойдя на небольшой холм, он приставил ладонь к глазам и стал обозревать путь. Овраг, до которого, по идее, оставалось совсем немного, скрылся из виду, но... Роджер закрыл глаза, давая им отдых, потом снова взглянул. Совершенно точно. Камень, на который он залез, чтобы увидеть овраг, находился в тридцати метрах от него, прямо по тропе.

Четыре раза Роджер Тайсон вставал спиной к камню и пытался уйти от него: дважды — на юг, раз — на север и раз — на восток. Но через пятнадцать минут он неизменно возвращался к оставленному ориентиру, несмотря на то, что при этом он шел всегда прямо, так что ни о какой небрежности или невнимательности не могло быть и речи. Он готов был ручаться за это. Когда Роджер шагал на восток, солнце постоянно светило ему в лицо, но через четверть часа он все равно возвращался к вездесущему камню.

Опустившись в тени гигантского валуна, Роджер закрыл глаза. Жара падала сверху, отражалась снизу, источалась сбоку от камня. От недостатка воды Роджер ослабел и обмяк. Если ничего не произойдет, он вряд ли протянет до заката — последняя его надежда. Правда, смерть вряд ли изменит что-либо. Так и останется он потеряннным в этом пейзаже иллюзий... Так вот в чем дело! Значит, на самом деле никакой пустыни нет, есть лишь химера, порожденная воспаленным воображением. Осознав этот факт, Роджер решил, что если уж он сумел проникнуть в мираж, то ему ничего не стоит проигнорировать этот мираж. Упразднить. Роджер попытался подумать о самых обыденных вещах нормального мира: рекламные шлягеры, соблазнительные заведения для туристов, американские карусели, горки, хромированные бамперы, контактные линзы для глаз...

Он снова открыл глаза. Кругом по-прежнему безжизненная пустыня. Иллюзия или еще что-нибудь, но он крепко прилип к ней.

— Да, черт побери! Это же невозможно!

Приступ здорового негодования поднял его на ноги. Здесь должен быть ключ — какая-нибудь неувязка неизбежно откроется внимательному взгляду. Он пойдет к камню и шаг за шагом исследует весь свой путь. На сей раз ориентиром был избран острый выступ скалы, находящийся как минимум в десяти милях от Роджера. Тайсон ступал медленно, осторожно, часто останавливаясь, чтобы получше рассмотреть почву под ногами. Роджер сам толком не знал, что он высматривает, но одно было ему ясно: та ловушка, в которую он угодил, — теперь он размышлял именно в таких терминах — очень сильно напоминала аквариум для золотых рыбок. Глупая рыбка может сколько угодно суетиться, но невидимая стеклянная стена будет постоянно направлять ее в противоположную сторону, туда, откуда она только что приплыла. Здесь тоже стена, по-видимому, неосязаемая, ограничивает три измерения сразу. Движение возможно двух видов: наперерез, в лоб, от стенки к стенке и вдоль круглой стены, что, конечно, труднее; так, как делают гуппи, плавающие в своей тюрьме по периметру, параллельно стыкам аквариума.

Что-то впереди привлекло внимание Роджера, какое-то отклонение от обычного пустынного пейзажа. После нескольких минут самого пристального наблюдения Роджер смог дать себе отчет в происходящем: вещи, находящиеся прямо перед наблюдателем, смещались по мере приближения к ним вправо и влево. Само по себе подобное явление протекало вполне в рамках нормального перспективного эффекта, но та скорость, с которой вещи расплывались, была подозрительна. Цепь скал, возвышавшаяся перед ним, разбегалась в разные стороны слишком быстро, а прямо по линии взгляда пространство дыбилось, колыхалось по вертикали. Стоило только ему остановиться — эффект пропадал; шел дальше — возобновлялся. Теперь он знал, что стена эта неосязаема, почти абстрактная плоскость, в которой происходит растяжение пространства. Вот показалась какая-то точка, с каждым шагом увеличивающаяся в размерах, пока не превратилась в знакомый камень... в нескольких десятках шагов... по дорожке. Он оглянулся назад — камня не было видно, где-то вдали смутной оранжевой грядой в свете заходящего солнца вздымались скалы.

— Ладно, — произнес Роджер вслух, его голос буквально потерялся в величии пустынного молчания. — Будем считать, что это эффект линзы. Какая-нибудь четырехмерная пространственно-временная линза, если такое бывает. Название это, конечно, не слишком поможет мне, но зато я кое-что узнал.

Он оставил на песке метку и пошел к камню, считая шаги. Триста двадцать один. Роджер возвратился к метке. Проследовал по дорожке дальше, пока не увидел тот же камень. Остановился, стал считать шаги. Четыреста четыре с этого конца.

— Ну что ж, пока все не так уж плохо, — задумчиво бормотал Роджер, приближаясь к своему камню. — Феномен имеет фиксированный центр. Пусть аквариум и представляет собой сферу, он все равно должен иметь определенные размеры.

Роджер на секунду замедлил шаг, пытаясь схватить образ, оформляющийся у него в голове — трехмерную реальность взяли за концы и завязали, получив выпуклое замкнутое пространство... так прачки завязывают простыню наподобие мешка...

— ...И моя задача заключается в том, — продолжал Роджер, — чтобы найти этот узел!

Когда мысль была исчерпана, он посмотрел вперед и заметил какое-то едва уловимое движение воздуха. Роджер плашмя бросился на землю, надежно спрятавшись за камнем. У валуна, где Роджер пришел в сознание, появилась светящаяся полоска. Затем показались собранные в пучки металлические члены, а потом угловатое багровое безголовое одноглазое нечеловеческое туловище.

— Опять эта чертова Брюква, — Роджер чуть не задохнулся. — По-прежнему жив и хочет поймать меня!

Роджер пластом лежал на земле и наблюдал, как из прозрачного воздуха выныривает целое чудовище со всеми своими отростками. Это было похоже на театральное представление: примерно так же актер выскакивает из-под невидимого для зрителей задника. Секунду чудовище в нерешительности покачивалось на своих пучкообразных низких лапах, которые как две капли воды походили на торчащую систему верхних отростков, потом двинулось прочь от скалы, внимательно изучая землю перед собой.

— Идет по моему следу! — ужаснулся Роджер. — Через каких-нибудь пять минут мне крышка.

Он вскочил на четвереньки и таким образом пробежал несколько метров, не спуская глаз с чудовища, которое быстро двигалось на своих пружинистых щупальцах. Выглядывая то тут, то там из-за укрытий, Роджер следовал за монстром — единственный шанс оказаться впереди него. Приблизившись к камню, Тайсон заметил слабо мерцающий свет, исходящий от вертикальной линии. Казалось, маленький паучок сплел из света паутинку и протянул ее из другого мира...

— Это же Вход! — он чуть не захлебнулся от облегчения. — Мне совсем не хотелось бы возобновлять разговор с помешанным специалистом по туалетным росписям, но объяснять этому корнеплоду, для чего мне потребовался его самокат, хочется еще меньше.

Роджер осторожно приблизился к светящейся пульсирующей жилке и увидел, как она расширяется, быстро и нежно обволакивает его, словно мыльная пена, потом вновь быстро раскрывается и пропадает у него за спиной.

Он стоял в темноте, небо перерезалось зарницами, как во время праздничных фейерверков. В воздухе что-то грохотало, гремело, ухало и время от времени взрывалось.

— Что-нибудь празднуют, — догадался Роджер, вдруг обратив внимание на то, что стоит почти по колено в холодной воде. — Интересно, по какому поводу...

Он протянул руки и обнаружил, что находится в грязной, почти отвесной траншее, закрывающей его с головой. Мокрая стена окопа отражала какой-то слабый огонек впереди. Он похлюпал к нему, повернул направо и оказался перед обитой деревянными брусьями дверью, заваленной мешками с песком. Внутри за столом, сооруженном из перевернутых ящиков, сидели трое и резались в карты. Свет шел от свечки, прилепленной прямо к доске.

— Эй, малыш, заползай к нам, — пригласил один из играющих, молодой мужчина с желтым, тонким лицом, одетый в расстегнутый

жакет горчичного цвета.— Большой Отто может ударить с минуты на минуту.

— Ну-ка, ну-ка, парень,— отозвался второй в подтяжках поверх шерстяной поддевки, шлепнув картой о стол,— может, тебе известно их чертово расписание?

Третий, верзила в серо-зеленом уставном кителе, аккуратно положил карту на доску и пыхнул своей гигантской трубкой.

— А, новичок,— приветствовал он сердечно.— Заведи-ка свой карманный патефон.

— О нет, не сейчас,— ответил Роджер, нерешительно входя в зыбко освещенное помещение.— Послушайте, ребята, не могли бы вы рассказать мне, где я? Понимаете, моя... машина сломалась по пути на... новое место работы...

Громкий смех заглушил объяснения Роджера.

— Новая работа, говоришь! — подмигнул тот, что в подтяжках.— Да здесь, кажется, только одна работа, парень.

— Хорошо, когда у человека есть чувство юмора,— согласился горчичный жилет.— Ты из какого подразделения будешь?

— Презабавный малый,— подытожил верзила важно.— Ты должен отгадать загадку. Зачем гунн переходит улицу?

— Подразделения? — переспросил Роджер в сомнении.— Боюсь, что не из какого.

— Поперли, стало быть? Плохо дело-то... Ну, можешь здесь прилечь.

Его голос потонул в оглушительном грохоте, последовавшем после мощного взрыва, от которого задрожали стены землянки. Верзила-шутник смахнул со стола дымящийся осколок снаряда.

— Чтобы было, куда попасть в следующий раз,— пояснил он торжественно и продолжил: — Короче, один мэн говорит другому: «Кто эта леди, с которой я тебя видел прошлой ночью?»

— Что происходит? — спросил Роджер, пытаясь счистить грязь со щеки.

— Что там может происходить, малыш? Опять эти фрицы бомбят.

— Фрицы? Вы имеете в виду немцев? Что, разве началась война?

— Все ясно, контузия,— определил худосочный.— Плохо дело, хотя, может, это и к лучшему. Какое-то развлечение.

— И все-таки, где я?— настаивал Роджер.— В каком месте?

— Не нервничай, парень, ты в хороших руках. Сен-Мишель, группа прорыва. Через пару минут перестанут бомбить, и тогда поговорим как следует.

— Прорыв Сен-Мишель?— переспросил Роджер.— Но ведь такой существовал в Первую мировую войну.

— Какую мировую войну?

— Первую. В тысяча девятьсот восемнадцатом.

— Верно, малыш. Двенадцатое сентября. Паршивый денек, скажу тебе. С удовольствием поменял бы его на другой, получше.

— Но это невозможно. Ведь сейчас тысяча девятьсот восемьдесят седьмой год. Вы отстаете на две войны.

— Ну и ну — у парня поехала крыша, — прокомментировал в подтяжках.

— Эй, я не закончил свою загадку, — пожаловался верзила.

— Неужели возможно, — вслух размышлял Роджер, — что Вход действует наподобие машины времени.

— Слушай, парень, лучше уйти с прохода! Стоял тут один, покрупнее тебя, до первого снаряда...

— Эта пустыня, — бормотал Роджер, — значит, это не Аризона, какая-нибудь древняя Аравия, например...

— Он бредит, — подтяжки встали с ящика из-под боеприпасов. — Смотрите за ним, ребята. Может начаться припадок.

— С ума сойти! — Роджер глубоко дышал, оглядываясь. — Ведь я попал в самое настоящее прошлое. Дышу воздухом семидесятилетней давности. У них тут война в самом разгаре. Вильсон президентствует, и никто не слыхивал о ЛСД, телевидении, мини-юбках или летающих тарелках.

— Послушай, малыш, через несколько секунд...

— Парни, у вас впереди столько всего интересного, — с завистью произнес Роджер. — Война закончится в ноябре, так что до этого старайтесь не особенно высовывать нос, поберегитесь. Потом Лига Наций — она не оправдала возложенных на нее надежд — пришлось распустить, — из этого тоже ничего хорошего не вышло. Дальше, в двадцать девятом капитально лопнет фондовая биржа — постарайтесь в этом году быстрее распродать все ваши ценные бумаги. Затем Великая Депрессия и Вторая мировая война.

— Хватай его! Ему же будет лучше!

Когда обеспокоенные игроки поднялись со своих мест и окружили Роджера, он попятился и крикнул:

— Подождите минутку, я не сумасшедший! Столько всего сразу свалилось, что я просто слегка растерялся. Мне надо бежать.

— Ты еще не врубился, что здесь линия огня?

— Останется мокрое место, парень!

— Пригнись, малыш!

Казалось, воздух вдруг наполнился страшным свистом. Роджер выскочил наружу, в грязь траншеи. Звук падающего снаряда делался все тоньше и тоньше. Роджер, затравленно озираясь в поисках укрытия, наконец нырнул в отверстие входа, увидев радугу, распутившуюся вокруг него. Он очутился на зеленом берегу маленькой речушки, солнце светило вовсю; на другом берегу притаилось человекоподобное существо — жалкая порода на человека.

Несмотря на явную сутулость, чудовище стояло на всех восьми конечностях сразу: каждый кулак размером с бейсбольную вратарскую перчатку, косматая красно-коричневая шкура была вся вымазана в грязи; шрамы сплошь покрывали широченное лицо и грудь, поросшую редкими волосами. Толстые губы, за которыми чернели обломки зубов, были подобраны; маленькие глазки непрерывно бегали от Роджера к лесу и снова к Роджеру.

— Фу-ты,— прошептал Роджер.— Не та зра. Надо еще раз попробовать.

Когда Роджер сделал шаг назад, существо поднялось и плюхнулось в речку.

Он изо всех сил стал пробираться сквозь лесные заросли, полный неистового желания увидеть сияющую полосу, заменяющую Вход.

— Может быть, я слишком забрал вправо?— предположил Роджер и тут же повернул влево.

Гигант уже наполовину переплыл реку, и каждый всплеск воды вызывал у него истошный негодующий вопль.

— Или влево?

Роджер судорожно хватался за ползучие стебли, корни, которые, казалось, протягивали к нему свои цепкие руки.

Тем временем монстр вылез из воды, остановился, стряхивая воду сначала с одной лапы, потом с другой... и, яростно рыча, двинулся дальше.

Роджеру удалось выбраться из чащи, и он, пробежав немного вперед, замер, не спуская глаз с тупоголового животного, углубившегося в самые заросли.

«Спокойней, Тайсон,— увещевал он себя.— Ты не можешь позволить себе сойти с резьбы. Околачивайся здесь до тех пор, пока чудовище не выдохнется, потом сматывайся в дыру и...»

Со страшным ревом человекоподобное существо выпрыгнуло из зарослей и теперь отрезало Роджеру путь к спасению.

«Может, он сам испугался до смерти,— теоретизировал Роджер.— Надо сделать вид, что я не боюсь его, и чудовище скроется, поджав хвост».

Он судорожно глотнул воздуха, придал лицу яростное выражение и нерешительно выступил вперед. Результат не заставил себя ждать. Монстр бросился прямо на него, схватил несчастного обеими лапами, подержал на весу... Последнее, что видел Роджер, это небо над головой, синеее сквозь зелень листвы. Потом небо закрутилось, перевернулось, разбилось целым каскадом огоньков, которые, впрочем, скоро совсем погасли.

Очнулся Роджер в полутьме. Тусклый свет, пробивавшийся сквозь грубую рогожку, позволял различить низкий потолок, плавно переходящий в каменные стены, пострадавшие от воды. Чье-то морщинистое лицо с колючими бакенбардами внимательно изучало его сверху. Роджер поднялся, скривившись от боли в голове; наблюдающее лицо исчезло, поспешно ретировавшись. Кажется, это существо не производило впечатления злобного. Но куда девался восьмипалый Гаргантюа со шрамами на лице?

— Лучше лежи смирно,— посоветовал старик своим надтреснутым, переходящим в шепот голосом.— Тебя хорошо потрянуло.

— Вы знаете английский! — обрадовался Роджер.

— Полагаю, что да,— кивнул старик.— Бимбо немножко поиграл с тобой, как с игрушкой. Тебе еще повезло, что он оказался в хорошем настроении, когда нашел тебя. Я волок тебя сюда, когда он уже закончил игру.

— Большое спасибо,— сказал Роджер, боясь пошевелиться, ибо каждое движение вызывало новую боль.— Не знаете, откуда этот синяк на боку!

— А, это Бимбо немножко попрыгал на тебе, когда бросил на землю.

— А где я успел ободрать локти?

— Наверное, когда Бимбо волочил тебя за ноги.

— Стало быть, и штаны я тогда же порвал?

— Да нет. Это уже, когда я волочил тебя сюда, так как не смог поднять, слишком уж ты тяжел. Ты только не волнуйся. Скоро будет завтра.

— Приятно встретить философа в таком месте.— Глаза Роджера начинали привыкать к полутьме.— Кто вы? Как очутились здесь, рядом с Бимбо?— спросил Роджер.

— Зовут — Люк Харвуд. Как сюда попал — толком не скажу. Вышел на землю размять ноги после плавания и попал, стало быть, в дурацкий переплет. Последнее воспоминание — я пытаюсь высовывать голову на свежий воздух. Очутился здесь. Думаю,— он вздохнул,— Господь покарал меня за мои делишки в Макао еще в девятом году.

— Вы имеете в виду тысяча девятьсот девятый?

— Именно так, парень.

— Клянусь, вы не выглядите таким старым. Наверное, тогда вы были совсем малышом.

— Что интересно — я ведь никогда не пил. Бывало иногда, пропустишь рюмочку в компании... Думаю, меня хорошенько стукнули по башке. Не могу сказать, сразу я помер или протянул еще какое-то время.

— А где вы жили, когда были... живы?
— Маленький городок под названием Поттсвилл.
— Подумать только, именно в этом городе! Но... тогда ведь еще не могло быть автостанции?!

— Что-то я не уловил, парень.

— Наверное, станцию построили потом. Таким образом отверстие существовало уже очень давно. Может быть, это связано с исчезновением людей. Об этом сейчас столько говорят. Люди сворачивают за угол и пропадают.

— Держу пари, все наши сейчас гадают, куда я задевался,— хмуро проговорил Люк.— Носатый Харвуд, так они называли меня, никогда не опаздывал, по мне можно было сверять часы. Вот уж не думал, что помру на суше.

— Послушайте, мистер Харвуд, нам надо сматываться отсюда.

— Не выйдет,— резко сказал Харвуд.— Я ведь пробовал и не один раз, поверьте мне. Никакого выхода нет.

— Нет есть. Тем же самым путем, что мы попали сюда. Это вниз по реке. Если бы вы могли показать мне то место, где я встретил Бимбо...

— Бессмысленно, дружище. Если уж тебя угораздило помереть и угодить в чистилище, то это надолго.

— Я понимаю, что после шестидесяти лет безуспешных попыток трудно поверить, что выход все-таки есть,— заметил Роджер,— но...

— Какие еще шестьдесят лет?— нахмурился Харвуд.

— Шестьдесят лет, которые вы провели здесь с тех пор, как попали сюда еще ребенком.

— Ты сбился с курса. Вчера истек двадцать первый день.

— Ладно, об этом поговорим позже,— Роджер решил оставить хронологию в покое.— Но куда делся Бимбо, хотел бы я знать?

— Да, наверное, после еды дрыхнет в своей берлоге, в миле отсюда. Бимбо в этом смысле как погода, никаких изменений.

— Отлично, мы попробуем проскользнуть мимо него и...

— Забудь об этом, дружище. Бимбо любит находить вещи там, где оставляет.

— Да наплевать мне на то, что он любит. Я выберусь отсюда раньше, чем он меня пристукнет. Вы идете со мной или нет?

— Послушай, малый, я тебя вытащил... Если бы ты знал, что тебе действительно нужно, ты бы...

— То, что мне действительно нужно — это немедленно выбраться отсюда,— отрезал Роджер.— До свидания, мистер Харвуд. Было приятно с вами познакомиться.

— Уперся, как пень,— проворчал моряк.— Ладно уж, если тебе так надо... пойдем посмотрим, чем все кончится, только запомни — если Бимбо тебя схватит, не брыкайся, его это бесит.

Воровато озираясь по сторонам, они приподняли бамбуковую циновку и выглянули наружу. Кругом пыль и солнце. Из пещеры открывался вид на каменистую грядку, возвышающуюся над крутым склоном, заросшим внизу густым лесом. Спуск, по всей видимости, предстоял долгий: вершины гигантских деревьев едва доходили до основания пещеры.

Харвуд на цыпочках вел Роджера по гряде. У входа в другую пещеру, более крупную, чем первая, старик остановился и быстро заглянул внутрь.

— Странно,— заметил он,— но Бимбо там нет. Где он может быть, интересно?

Роджер прошел мимо озадаченного моряка по тропинке, которая в этом месте резко уходила в сторону — перед ним, лицом к лицу, стоял Бимбо.

— О,— только и вымолвил Харвуд при появлении Роджера... под мышкой у Бимбо. Мохнатая рука крепко держала беглеца.— Я смотрю, ты встретил его.

— Не стойте же просто так! — крикнул Роджер.— Делайте что-нибудь!

— Спасибо за напоминание,— поблагодарил Харвуд, развернулся и пустился наутек.

Бимбо тотчас же выпустил Роджера и помчался вдогонку. Это была недолгая пробежка, так как плато заканчивалось через каких-нибудь двадцать метров кучей свалившихся сверху камней.

— Спокойнее, Бимбо,— Харвуд сделал шаг назад, сжав в руке изрядный обломок камня.— Давай-ка возьми себя в руки и вспомни последний случай. Я ведь неплохо заехал тебе по губе!

Запугивание не удалось. Бимбо двинулся на моряка, испустил крик, когда камень угодил ему прямо в широченное рыло, схватил Харвуда и поволок его по земле. Роджер вскочил, подобрал хороший дубовый сук, догнал человекоподобного монстра и, собрав всю силу, ударил дубиной по гигантской голове. Бимбо проигнорировал удар, как, впрочем, и следующие три, но четвертый, по всей видимости, его возмутил, и он, бросив Харвуда, завертелся на месте. Роджер подпрыгнул, нашел опору для руки и вскарабкался на выступ скалы. Когда он оглянулся, то увидел, что рука чудовища, протянутая растопыренная пятерня, схватила горсть камней из-под самых его ног. Он оттолкнул помогающие пальцы, вскарабкался еще на пару метров вверх и очутился на ровной поверхности. Прерывистое дыхание Бимбо, его пальцы, роющие землю, были уже совсем рядом.

Роджер стремительно огляделся, но подходящего камня не оказалось, и он очертя голову побежал. В это же мгновение над выступом показалась харя разъяренного уroda.

Первые сто метров по редколесью Роджер преодолел в хорошем спринтерском темпе, стараясь убежать подальше от места старта. Он мало думал о производимом шуме, у него в ушах стояла тяжелая, всеокрушающая приближающаяся поступь Бимбо. Впереди оказалась яма, и он, резко свернув вправо, пробежал несколько десятков метров по-возможности тихо, оказавшись на открытом участке. Где-то вдали замаячили знакомые горы, и сердце Роджера дрогнуло — впрочем, в пустыне перспектива выкидывала такие же коленца. Еще совсем не все потеряно. Он продолжал свой бег, прекрасно понимая, что если Бимбо быстро догадается о маневре Роджера, то все его труды окажутся напрасными.

Роджер был уже на грани изнеможения, отсчитывая последние метры, оставшиеся до границы того, что он имел основания называть замкнутым кругом. Яма, у которой он недавно изменил курс, наконец-то оказалась впереди. Он свалился под куст, чтобы как-то успокоить дыхание, прислушиваясь к нещадному хрусту валежника, доносившемуся откуда-то справа, и хриплому рычанию расстроенного Бимбо, продирающегося сквозь чашу. Роджер сделал полный виток и по своим собственным следам вновь поднялся к горе, где была пещера. Внизу дюжина коренастых, волосатых полулюдей выбежала из укрытий и образовала около Люка Харвуда подобие рваного кольца. Старик сидел прямо, держась за бок.

Роджер перемахнул через выступ и быстро спустился в низину. При виде его чудовища бросились врассыпную, попрытавшись в бесчисленных пещерах. В отличие от Бимбо, эти производили впечатление робких. Грязный и взлохмаченный Харвуд с трудом поднялся, безуспешно пытаясь остановить пальцем кровь из носа.

— Не надо было так, парень! Он не любит, когда ему мешают развлекаться.

— Я пропустил отличную возможность отправить его на тот свет, — проговорил Роджер, с трудом переводя дыхание. — Надо было забраться на гору и бросить камень на его глупую голову.

— А, — Харвуд махнул рукой. — Этим ты бы только еще больше рассердил его. Лично я трижды убивал его, пока мне не надоело. Если бы ты шлепнул его, нам бы не поздоровилось, так что оставь это, дружище: не стоит связываться! Оставайся здесь и принимай все удары как подарки судьбы, как положено мужчине. Век это не продлится — хотя он так приноровился, что не устает развлекаться до заката... В любом случае он завтра придет, но если ты не слишком разозлил его, все забудется...

— К черту завтра, пошли немедленно. Я, кажется, сбил его со следа на время.

Внезапно сверху раздалось характерное хриплое мычание.

— Кажется, он снова напал на след,— прошептал Харвуд.— И тебе придется несладко, если...— В глазах старика читалась задумчивость.— Вниз по реке, говоришь?

— Смотря куда, вниз,— резко ответил Роджер.

— Ладно, пошли! — сказал Харвуд.— Как-никак я тебе многим обязан, ты мне здорово помог.

* * *

Спустя пять минут Роджер и Харвуд стояли на берегу небольшой речушки, журчащей среди деревьев в самом низу обрыва.— все, что осталось от какого-то мощного потока, прорезавшего это ущелье.

— Там был очень удобный деревянный мостик... Огромная ель больше ярда в обхвате в трех метрах от берега,— вспоминал Роджер.

— А на дне белая галька, да?— быстро спросил Харвуд.

— Мне кажется... да.

— Тогда пошли сюда.

Когда они спускались к реке, до их слуха донесся страшный хруст — знак приближающегося Бимбо. Роджер на секунду опешил, затем огляделся.

— Да, мы нашли это место,— воскликнул он.— Я сидел у самой воды, справа, а ель была позади.— Он подошел к дереву, убрал низкорастущие ветви, заглянул вниз в густой хвойный сумрак.

— Я ни черта не вижу,— проворчал Харвуд.— Слушай, пойдем наверх, пока не поздно, может, Бимбо еще простит нас.

— Это здесь,— повторил Роджер,— именно здесь.

— Не знаю,— мрачно ответил Харвуд.— Зато знаю, что Бимбо здесь.

— Займи его как-нибудь,— крикнул Роджер, когда гигант уже попал в поле зрения, так как пыхтел Бимбо не хуже паровоза.

— Сейчас,— в тоне Харвуда слышалось изрядно сарказма.— Я поскачу то на одной, то на другой ножке и этим отвлеку его на минуту-другую.

Неожиданно раздался страшный хруст сучьев и шелест листьев. Слева от Роджера показалась пара извивающихся металлических трубок, которые, казалось, нюхают воздух. Роджер увидел грязно-бордовую безголовую болванку, ту самую, от которой бежал по пустыне.

— Приперли,— Роджер задохнулся,— а ведь я уже почти...

Циклоп покрутил своим единственным глазом и скрылся в зелени, очевидно, не заметив Роджера. Брюква ползла по прямой и оказалась на берегу, где несчастный Люк Харвуд выкидывал колен-

ца, чтобы угодить Бимбо. Последний забеспокоился: глаза его забежали, верхние члены недоуменно задвигались. Он явно не знал, на ком остановить свой выбор: на старике или на непонятном существе, шевелящем паучьими лапками. Эти паучьи движения, казалось, не нравились Бимбо. Он замычал и ринулся в листву мимо озадаченного Люка. Брюква отодвинулась в сторону.

— Люк, сюда! — заорал Роджер, когда, наконец, увидел Вход.

Харвуд, все еще со страхом следящий за Бимбо, ринулся на голос, который сулил надежду. Роджер поймал моряка за руку, втащил его в полосу света, которая расширялась, сияние окутало их, потом все исчезло — лишь тьма вокруг.

* * *

— О Господи! — воскликнул Люк. — Куда это мы попали?

— Понятия не имею, — отозвался Роджер. — Хорошо, хоть не стреляют.

Он посмотрел по сторонам, плюнул и растер ногой. Под ночными звездами лежало асфальтированное шоссе, ветер ласково шевелил верхушки деревьев. Застрекотал сверчок. Где-то вдали поезд испустил печальный вздох.

— Смотри-ка, свет, — Люк показал пальцем.

— Может, это дом, — предположил Роджер. — Может быть... Может, мы выскочили оттуда совсем?

— Ого-го-го, — захрипел Люк. — Могу себе представить, как мои ребята будут кататься по палубе со смеху! Думаешь, они поверят?

— Лучше заранее настройтесь на худшее, — посоветовал Роджер. — Мало ли какие изменения успели произойти за это время.

— Жалко, что у меня не осталось никаких доказательств, — посетовал Люк. — За последние три недели я дважды ломал руки, один раз ногу, потерял шесть зубов; четырежды был бит до смерти — и хоть бы одна болячка осталась для подтверждения!

— Надо все-таки отказываться от привычки все преувеличивать, — посоветовал Роджер. — Мы можем продать нашу историю газетам и получить кругленькую сумму, но от некоторых цифр придется отказаться.

— Все-таки забавно, — продолжал Люк. — Подохнуть — пара пустяков. Какая-то ерунда! На следующий день просыпаешься как ни в чем не бывало и начинаешь жить снова.

— Ничего удивительного, — сочувственно ответил Роджер. — В обществе Бимбо можно, пожалуй, и совсем свихнуться. Но хватит об этом, мистер Харвуд. Давайте отыщем телефон и попробуем договориться с каким-нибудь издателем.

Через пять минут они уже подходили к освещенному окну перестроенного фермерского дома, который возвышался над темным покатым склоном. Путешественники шагали по дорожке, обсаженной цветами — две полосы цемента, кое-где треснувшего, но ничего, год-другой еще протянет. Взошли по кирпичным ступенькам на широкое крыльцо. Роджер постучал. Ни звука в ответ. Он постучал еще раз, но уже громче. Теперь ему послышались чьи-то неуверенные шаги за дверью.

— Кто это... кто там?— раздался испуганный женский голос.

— Меня зовут Тайсон, мадам,— сказал Роджер в закрытую дверь.— Я бы хотел позвонить от вас, если вы не возражаете.

Замок щелкнул, дверь на дюйм приоткрылась, и показалось женское лицо — или, по крайней мере, часть его: большой темный глаз и кончик носа. Секунду она изучала их, наконец дверь распахнулась. Женщина средних лет, все еще хорошенькая, стояла и как будто собиралась упасть. Роджер быстро приблизился к ней и подержал за локоть.

— Все в порядке?

— Да... да... я... я... это так... я думала... Мне показалось, что я одна осталась на свете! — Она рухнула в объятия Роджера, сотрясаясь от истерического плача.

* * *

Через полчаса хозяйка успокоилась. Они сидели за кухонным столом, обжигаясь горячим кофе, обмениваясь сообщениями.

— В общем, в конце концов я перестала выходить из дома, и совершенно не жалею об этом,— сообщила миссис Видерс.— Мне кажется, это были три самых праздных месяца моей жизни.

— Как же вы выдержали?— заинтересовался Роджер.— В смысле еды, например?

Миссис Видерс молча подошла к коричневому, под дерево, холодильник и открыла его.

— Каждое утро он наполняется снова,— объяснила женщина.

— Все одно и то же — три кусочка ветчины, полдюжины яиц, бутылка молока, немного салата, всякие остатки. И консервы. Одну и ту же банку кукурузы в сливках я съела уже, наверное, раз сорок.— На ее лице показалась улыбка.— К счастью, я обожаю кукурузу в сливках.

— А как же лед?— Роджер показал на полурастаявший блок в нижней части холодильника.

— Он каждый день тает и каждое утро намерзает снова. То же самое происходит с цветами — я ежедневно их срезаю и приношу в комнату, а утром они снова распускаются на одних и тех же

стеблях. А однажды, открывая консервы, я довольно глубоко порезалась, однако утром все прошло, и никакого шрама. Сначала я каждый день открывала страничку календаря, но она неизменно возвращалась. Понимаете, ничто не изменяется, ничто и никогда. Одна и та же погода, все то же небо, даже облака... Всегда один и тот же день — семнадцатое августа тысяча девятьсот тридцать первого года.

— Вообще-то... — начал было Роджер. — Проехали, не обращай внимания.

— Оставь это при себе, сынок, — шепнул Люк, закрывшись ладонью. — Если ей приятно считать, что она живет на двадцать лет вперед, не мешай ей.

— А как насчет того, что сейчас тысяча девятьсот восемьдесят седьмой год? Что скажете на это?

— Скажу, нелегко тебе пришлось, сынок. Опора-то, видать, поехала...

— Я бы это, пожалуй, оспорил, — сказал Роджер, — хотя и не по всем пунктам.

— Что такое, мистер Тайсон? Что все это значит? — настороженно спросила миссис Видерс.

— Дело в том, что мы попали в какой-то капкан, — начал Роджер. — Не знаю, правда, искусственного или естественного происхождения, однако налицо определенные закономерности и ограничения. Некоторые из них мы уже знаем.

— Да, — кивнула миссис Видерс, — действительно, вы попали сюда из другого места. А можно рассчитывать на возвращение?

— Боюсь, вам бы это не пришлось по вкусу, — ответил Роджер. — Впрочем, я не думаю, что мы попадем опять туда же. Сам я еще ни разу не попадал в одно и то же место. Похоже, что существует множество клеток или камер, соединенных в одной точке — какой-то трубопровод в четвертом измерении. Если мы уйдем отсюда, то наверняка попадем в другую клетку. Но я надеюсь, что в конце концов мы выберемся из этой тюрьмы.

— Мистер Тайсон, скажите... я могу пойти с вами?

— Разумеется, если вам так хочется, — согласился Роджер.

— Мне очень хочется, — призналась миссис Видерс. — Но вы ведь подождете до утра?

— Я бы не отказался отдохнуть сегодня ночью, — произнес Роджер, — так как уже не помню, когда делал это в последний раз.

Полчаса спустя Роджер блаженствовал в чистой постели. Комната производила впечатление очень уютной. Он взглянул на часы — двенадцать двадцать. Конечно, нелепо ожидать, что в полночь по местному времени произойдет что-нибудь физически ошутимое, подвластное, так сказать, законам физики, которые, как полагают, управляют миром, но тем не менее...

Время текло.

Нет, физически это никак не ощутилось — ни звука, ни света, — и все-таки что-то случилось. И именно в двенадцать часов двадцать одну минуту, поскольку Роджер успел посмотреть на часы. Он огляделся. По-прежнему темно, все как обычно. Он подошел к постели Люка Харвуда и заглянул ему в лицо. От шрамов и синяков не осталось и следа. Роджер потрогал свой больной бок и поморщился.

— Этот круг замкнут в пространстве и во времени, — пробормотал он. — Все возвращается к исходному состоянию через двадцать четыре часа. Все, кроме меня. Со мной — по-другому, синяки копятся. Такое вот дело. Что ж, остается надеяться, что завтрашний день будет чуть легче сегодняшнего.

ГЛАВА 4

Ясным ранним утром следующего дня трио покинуло дом, взяв с собой небольшой бумажный пакет с провизией и винтовку двадцать второго калибра, которую миссис Видерс прихватила вместе с тремя коробками патронов. На этот раз Роджер недолго искал таинственный Вход.

— Лучше бы нам держаться покучнее, — посоветовал он. — Предлагаю взяться за руки, чтобы, по крайней мере, знать, если нас разбросает по разным измерениям.

Миссис Видерс с готовностью протянула руки своим новым сопровождающим, одну — мистеру Тайсону, другую — мистеру Харвуду. С Роджером во главе трио вступило в полосу... и оказалось в глубоком сумраке. Последний свет догорал на серебристых соснах, которые в полной тишине протягивали свои ветви, покрытые льдом. Роджер по колено провалился в глубокий мягкий снег. Морозный воздух щекотал ноздри.

— Да, уж это был короткий день, — проворчал Люк. — Вернемся обратно и попробуем еще раз.

— Я уже подумал об этом, — одобрил Роджер. — Ведь здесь, очевидно, ниже нуля.

— Давайте, я сбегая домой и принесу что-нибудь теплое, — предложила миссис Видерс.

— Думаю, не стоит, — ответил Роджер. — Вдруг придется попасть в место похуже этого. Раз уж мы здесь, для начала надо осмотреться. Пока все нормально. Метрах в двадцати вполне может оказаться дорога, а вон за тем подъемом — дом! Нельзя же убегать без разведки. Люк, вы пойдете сюда, — он показал наверх, — а я посмотрю вниз. Миссис Видерс останется здесь. Мы скоро вернемся.

Люк кивнул и недовольно побрел в указанном направлении.

Роджер похлопал женщину по плечу и углубился в чашу. Уши, нос и пальцы начинали ныть от мороза, словно их сильно жали плоскогубцами. Дыхание превращалось в пар, и это мешало смотреть. Он не прошел и тридцати метров, когда наткнулся на срубленное дерево, припорошенное снегом. Не очень толстая сосна, у основания сантиметров тридцать-сорок в диаметре. Сучья, в основном, были отрублены и аккуратно сложены рядом. Судя по месту сруба — топор хороший. Роджер посмотрел, нет ли следов — следы виднелись, наполовину скрытые снегом.

— Повалили совсем недавно, — пробормотал Роджер.

Следы вели прямо вверх. Роджер пошел по следам, едва различая их в сгущающихся сумерках, и уже почти поднялся на вершину, когда услышал оглушительный «бум», расколовший белую холодную тишину.

Секунду Роджер стоял прямо, вслушиваясь в эхо, разбуженное выстрелом. Звук доносился справа, оттуда, куда должен был пойти Люк Харвуд. Роджер сорвался с места и побежал, ногами увязая в глубоком зыбком снегу и обжигая горло морозным воздухом. Впереди послышался невнятный шум, словно кто-то бежал по снегу.

— Подожди! — позвал Роджер, но вместо голоса раздался лишь слабый хрип. Неожиданно все его существо охватила паника, но он подавил ее в себе. — Надо выбраться, — прохрипел он. — Немного холоднее, чем я предполагал. Примораживает. Найти Люка и быстро возвратиться к миссис Видерс!

Он постоянно спотыкался, оковеневшие руки и ноги не слушались. Продравшись сквозь запутанные обледеневшие ветки кустарника, он увидел скорчившуюся на снегу фигуру. Это был Люк Харвуд. Он лежал на спине с зияющей в груди раной от пули, а его невидящие глаза были уже припорошены снегом. Роджер понял, что Люку уже не поможет, повернулся и, спотыкаясь, побежал туда, где была оставлена миссис Видерс. Через десять минут ему стало ясно, что он заблудился. Стоя в сгущающейся тьме, он переводил глаза с одного ряда сосен на другой, ничем не отличающийся от первого. Крикнул, но ответа не услышал.

— Бедная миссис Видерс, — произнес Роджер, стуча зубами. — Буду надеяться, что она сумела возвратиться и не замерзла.

Роджер заковылял дальше. Он не помнил самого падения, но в какой-то момент вдруг ощутил себя лежащим в пушистом мягком снегу, в теплой уютной колыбели. Надо только поудобнее свернуться и немножко вздремнуть, а отдохнув... снова... попробовать.

Очнулся Роджер в постели у зашторенного окна, наполненно-го, казалось, водянисто-молочным дневным светом. Над ним скло-

нился высокий худой бородач, пожевывающий собственную нижнюю губу.

— Ну, вот и проснулся, путешественник,— приветствовал Роджера Джоб Аркрайт.— А куда ты, все-таки, вчера направлялся?

— Я... я... я...— мямлил Роджер, чувствуя себя в целости и сохранности, хотя руки, ноги и нос ломило.— Что случилось? Кто вы? Как я здесь оказался?— И вдруг его осенило.— Где же миссис Видерс?

— С твоей бабой все в порядке. Вон дрыхнет,— показал парень головой на верхнюю полку.

Роджер выпрямился.

— Скажите, это вы стреляли в Люка?

— Выходит, что я. Извиняюсь. Самому жалко. Друг твой, наверное, а я не за того его принял.

— Почему же?— настаивал Роджер.

— Смеркалось уже, ничего не было видно.

— Я имею в виду, зачем вам вообще потребовалось стрелять в человека, в того или не в того?

— Да я же, черт возьми, первый раз в жизни его видел. Никогда с ним не говорили, тем более вместе не охотились. Не встречал и не устраивал встреч.

— Я не о том хотел... ну ладно. Бедный Люк. Представляю, какие у него были последние мысли — наедине со снегом и ветром.

Тут Роджер отшатнулся: перед ним улыбался Люк Харвуд, собственной персоной.

— Но вы же... умерли,— воскликнул Роджер.— Я видел это своими глазами. И в груди была рана размером в большой палец.

— Добрый пес, если уж гавкает, то и цапнет,— заявил Аркрайт гордо.— Надо было видеть морду Флая, когда я свалил его с ели метрах в тридцати от того места. Один из моих лучших выстрелов. Флай скоро придет, у него и спросите, как было дело.

— Я же говорил тебе, что здесь ничего не значит помереть,— шепнул Люк.— Джоб чисто сработал, в самую точку.

Роджер со стоном откинулся на подушку.

— Значит, мы все еще в ловушке?

— Да, но ведь могло быть и хуже. Хорошо еще, что Джоб догадался втащить нас в дом. Тебе, например, это спасло шкуру.

В дверь постучали. Стройная женщина, которую Роджер до этого не видел, впустила молодого полноватого парня со скомканным пальто в руках, чем-то явно возмущенного.

— Хорошо же вы поступили, брат Аркрайт, нечего сказать. По-христиански. Сначала застрелили, а потом оставили ночевать на улице! — говорил он, пока женщина принимала его пальто и стряхивала снег.

— Да просто не хотел, чтобы живые мешались под ногами,—

без тени смущения бросил Джоб.— Скажи спасибо, что тебя сейчас выпустили.

— Вы хотите сказать... вы застрелили этого человека?— хриплым шепотом спросил Роджер.— Сознательно?

— Ты прав, черт возьми. Я засек его, когда он уже подкатывался к Чэрити.— И добавил, понизив голос:— Это моя жена. Хорошо готовит, но немножко ветрена. А Флаю, знать, нравятся худенькие. Несколько дней подряд он все караулил ее, потом угощал кукурузной кашей, и я понял, что надо действовать.

— И сколько это тянется?

— Да всю зиму. И, черт возьми, это была долгая зима, парень.

— Не повезло тебе. Да и ему, наверное, было не сладко?

— А, не знаю. Но иногда ему удается первым схватить ружье... Правда, стрелок из него еще тот. Однажды он случайно задел Чэрити, так, ерунда, ногу царапнуло.

— Да уж, вам не позавидуешь.

— Так ведь и Чэрити раз приштопорила нас обоих. Правда, жалела потом. Говорила, что одной слишком скучно. Сейчас уж так не делает. Образумилась.

— Вы говорите... она может пальнуть в вас... и глазом не моргнуть? Просто взять и пальнуть?

— Ну да. Только мне кажется, что мужику положено прощупать кое-какие бабьи причуды.

— О Боже, Господь с вами!

— Мне не то, что жалко помереть, а просто, если она останется вдовой... пойдут разные слухи, сам знаешь...

Тут к ним подошла сама Чэрити Аркрайт, из чашки на подносе валил пар.

— Джоб, ты бы шел топить печку, а я пока попотчую этого молодца овсянкой,— сказала она, наградив Роджера многообещающей улыбкой.

— Спасибо большое,— быстро ответил Роджер, отступая на шаг,— но мой желудок не принимает никаких каш. У меня на них аллергия.

— Слушай, приятель,— прорычал Джоб,— Чэрити отличный повар. Надо хоть немного попробовать.

— Я верю, что каша замечательная,— поперхнулся Роджер,— но мне просто не хочется.

— Ты, кажется, хочешь обидеть меня, приятель!

— У меня такого даже в мыслях не было. В детстве меня так неудачно накормили овсянкой, что я до сих пор боюсь ее пробовать.

— Обещаю, я помогу вам с этим,— предложила Чэрити с видимым участием в глазах.— Я варю кашу так, что она просто тает во рту.

— Послушай, миссис Чэрити, что я тебе скажу,— вмешался

Люк Харвуд.— Обещаю съесть двойную порцию, чтобы тебе не было обидно.

— Не торопитесь, мистер,— сурово осадил моряка женщина.— Дойдет дело и до вас.

— Слушай, приятель,— позвал Роджера Джоб,— твоя краля проснулась. Наверное, проголодалась?

— Нет, нет, она не ест такое,— воскликнул Роджер, выскакивая из постели, забыв, что на нем нет ничего, кроме нижнего белья, явно не его размера.— Дайте же мне мою одежду! Люк, миссис Видерс, идите скорее сюда!

— Не спеши, приятель. Ты первый человек, случившийся в этих местах, не помню уж за какое время. Что же вы убегаете, даже не позавтракав путем?

— Это не просто завтрак и это не очень приятная перспектива узнать вас поближе, добрый пес, лающий и кусающий! Кроме того, нам надо скорее выбраться из лабиринта, а не торчать здесь, любуясь на снег за окном!

— Проклятье! — не выдержала Чэрити.— И это говорят мне, лучшему кашевару западной Миссури! Не думала, что доживу до тех пор, когда моя овсянка окажется в такой низкой цене!

— Мистер, сдается мне, что тебе надо хорошенько объяснить, что такое гостеприимство переселенцев,— предупредил Джоб и, нахмурившись, снял с косяка обрез, направив в лицо Роджера дуло, калибр которого был с широко раскрытый рот.— Сдается мне, никто не выйдет отсюда, пока не попробует кашу.

— Я согласен,— сказал Люк.

— С чем вы будете есть, просто так или со сметаной и сахаром?

— Господи, неужели весь этот разговор из-за какой-то каши?— спросила миссис Видерс, поднявшись со своего места.— Давайте я быстренько сделаю блинчики по-французски.

— Я никогда еще не пробовал французских блюд,— задумчиво произнес Джоб,— но мне бы хотелось...

— Хорошенькое дело,— взорвалась Чэрити.— Им, видите ли, не по вкусу старая добрая овсянка!

— Не будем спорить,— сказала миссис Видерс.— Если в доме больше ничего нет...

— Ах ты, дохлятина городская! — взвилась Чэрити и бросилась на соперницу.

Роджер вскрикнул и попытался разнять женщин, но в это время Джоб вскинул обрез и оглушительно пальнул. Пуля попала под ребро Чэрити, так что она волчком закрутилась на полу.

— Вот-те и на...— только и смог выговорить Аркрайт.— Я ведь не хотел...

В руках Флая неожиданно оказалась двустволка, и прогремел второй выстрел. Бородатый переселенец повалился назад, открыл

головой дверь и плашмя упал в снег. Когда Роджер поднялся на ноги, в дверном проеме показалось знакомое уродливо-амфорное туловище с подпрыгивающими металлическими лапками. В домик заползало огромное, кирпично-красное, трубовидное, одноглазое и многорукое тело.

— На помощь! — закричал Роджер.

— Да хранят нас святые отцы! — завопил Люк.

— Вельзевул! — заблеял Флай и вторично разрядил двустволку под прямым углом, на этот раз в монстра.

Пуля, смачно врезавшаяся в упругий материал, вызвала целый сноп красных искр, но, видимо, нисколько не повредила Брюкве.

Чудовище повернулось и, сфокусировав свой глаз на пасторе, бросилось на беднягу, возбужденно суча протянутыми лапками. Роджер обеими руками схватил тяжелый рубленый стул, поднял его и со всей силы опустил на тупую голову монстра. Удар свалил чудовище, гигантское тулово закружилось по полу, подобно молочной бутылке, потом отчаянно дрогнуло конечностями, остановилось и затихло в полной неподвижности.

— Ну что, может, подождем еще? — бросил Роджер в тишину.

— О, я пойду с вами, — заскулил Флай. — Сатана взял этот дом, несмотря на мои молитвы!

— Это нельзя оставлять здесь, — сказал Роджер, показывая на Брюкву. — Надо это безобразие оттащить куда-нибудь, иначе мы приготовим супругам Аркрайт хороший утренний подарок. — Он сдернул с кровати простыню и завернул в нее чудовище.

— Тебе, девочка, лучше оставаться здесь, — посоветовал Люк миссис Видерс. — Никто не знает, что нас ждет в следующем круге.

— Останься здесь! С ними! Не бойся, к утру они оживут.

— Как раз этого я и боюсь больше всего на свете.

— Тогда возьми накидку Чэрити.

— Мы оставим теплую одежду около Входа, — рассудил Роджер, — а утром их вещи окажутся на месте.

— Я бы оставила им горшок супа, — сказала миссис Видерс, перед тем как они вышли в морозную, ниже нуля, ночь. — Наверное, мистер Аркрайт уже устал есть одну и ту же овсянку!

Студеный ветер скреб обмороженное лицо Роджера не хуже наждака. Тайсон замотал одолженный шарф вокруг шеи и головы, взял себе самый тяжелый край поверженного монстра и повел своих друзей в темноту леса по утренним следам Люка.

Снег валил стеной. Путь до Цели занял пятнадцать минут. Все, кроме Флая, скинули теплые вещи. Роджер, взвалив узел на плечо, дал руку миссис Видерс. Люк и Флай дрожали сзади, как дети, изображающие скелеты.

— Жаль, что мы не можем оставить им даже записки, — посетовал Роджер.

Они приблизились к мерцающей полоске, которая тут же расширилась, поглотив их, и вскоре компания оказалась на пляже среди красных песков, под палящим солнцем.

ГЛАВА 5

Флай бросился на колени и, сцепив пальцы, высоким пронзительным голосом вознес Всевышнему молитвы. Люк с интересом глазел по сторонам, а миссис Видерс стояла, обхватив себя руками, и пыталась справиться с дрожью. Роджер сбросил ношу с плеча и с ужасом открывал все новые и новые признаки наступающей страшной жары. Солнце, пройдя половину пути до заката, ослепительно падало на беспокойные голубоватые воды, песок и камни.

— Никаких признаков жизни,— констатировал Люк.— Как ты думаешь, Роджер, где мы?

— Трудно сказать. Может быть, в тропиках, только непонятно, где именно.

Он опустил на колени и впился глазами в почву. Никаких водорослей, никаких насекомых. По сухому рассыпчатому песку он подошел к воде, наклонился и, зачерпнув в пригоршню, попробовал на вкус. Вода оказалась на удивление пресной и безвкусной. Ни одной рыбешки не было видно в прозрачных волнах, ни единой мшинки не налипло на камне, колебались зловеще пустые воды.

— Даже ракушек не видно,— известил Роджер.— Только волны.

Роджер собрался было вернуться к друзьям, когда вдруг совершенно явственно ощутил всю силу палящего солнца, его почти осязаемый давящий вес. Он сделал глубокий вдох и едва не задохнулся. Казалось, его окружала раскаленная пустота.

Рядом корчился Флай в зимнем одеянии. С его уст уже не слетали слова молитвы, лицо сделалось красным, рот открывался и закрывался, как у рыбы. Люк с трудом выдерживал тяжесть вдовы, бессильно упавшей на него.

— Назад,— закричал вдруг Роджер, срываясь с места,— все назад! Гиблое место! — Он подбежал к группе, взял женщину за руку.— Хватай Флая! — приказал он с трудом Харвуду.

Он взвалил узел на плечи. В глазах уже стало темнеть, и в клубящемся тумане забегали маленькие огоньки. Рванувшись вперед, он нашел Вход и безвольно провалился в него.

* * *

Роджер лежал в теплой зловонной воде, по локоть в мягкой тине, и большими глотками пил влажный подвижный воздух. Огромная

стрекоза с марлевыми крыльями длиной в человеческий локоть стрекотала, как электрический вентилятор, зависнув в двух шагах от него над удивительными цветами с толстенькими, в палец, стеблями. Стоило ему сесть, и жутковато-зловещее насекомое улетело, отчаянно переливаясь на солнце крупным зеленовато-полированным туловищем, оставив уверенность у Роджера, что скоро будет гроза.

Рядом, весь выпачканный в вонючей грязи, пытался встать на ноги Люк, чтобы помочь даме. Флай барахтался в сероводородной жидкости, старательно отплевываясь.

Среди превосходящих его ростом камышей Роджер не видел ничего, что нарушало бы эту монотонную тростниковую протяженность во все концы.

— Вероятно, это промежуточная эра между эпохами формирования гор,— предположил он.— Тогда на планете практически не было сухих мест. Хорошо еще, что нам не пришлось долго тащиться по этому болоту. Несложно и утонуть.

Вдруг где-то совсем близко что-то яростно ударило по воде. Поскольку тростник рос достаточно густо, для всех осталось загадкой, что было источником шума, но до удивленных путешественников дошли волны да глупый воробей испуганно вылетел из зарослей.

Где-то ухнула сова, глубокий звук напомнил бы моряку позывные туманного горна с корабля. Звуки неведомой борьбы или возни стали более явственными, шум приближался. Когда Роджер пробрался к Выходу, его взору представилось отвратительное зрелище: гигантский змей набрасывал свои кольца на короткорылого крокодила, мощные челюсти которого сжимали извивающуюся гибкую плоть своего врага. Сражающаяся пара медленно продвигалась сквозь камни, окрашивая бурлящую воду в кроваво-малиновый цвет. Роджер схватил руку вдовы и смело вошел в рамку Входа. Снова сияние... и... на них полился холодный дождь. Противный ветер бросал воду прямо в лицо. Сквозь непроницаемую стену ливня проступали очертания нескольких палаток или шалашей. Насквозь промокшее покрытие — по виду шкуры,— испещренное примитивными символами, вздымалось и опускалось на ветру.

— Не слишком уютно,— прокричал Люк, соперничая с раскатами грома.— Давайте сразу уйдем отсюда без всякой разведки.

— К чему торопиться?— рассудил Роджер.— Есть предположение, что нам удалось вырваться из ловушки...— Он осекся.

Из ближайшей палатки показалось бородатое, почти совсем черное человеческое лицо. Как только глаза их встретились, причина тут же скрылся, но через секунду появился вновь, перепоясанный кривым коротким мечом, и с воплем ринулся на них. После очень быстрого молчаливого соглашения путешественники взяли за руки и снова нырнули в мерцающую полосу.

Они очутились на огромном пастбище, на котором паслась бесчисленная дичь, парили, кружа над головами, коршуны и грифы. Люк и миссис Видерс стояли рядом с Входом, чтобы не потерять его, а Роджер и Флай — последний по-прежнему был запакован в пальто и нещадно потел — бороздили море гигантской, достигающей до подбородка травы. Через пятнадцать минут они подошли к Входу с противоположной стороны.

— По-прежнему в капкане,— сообщил Роджер.— Пойдем.

И они вновь прошли сквозь мерцающие двери... и оказались на склоне горы; под ними простиралась обширная равнина, а еще ниже — едва блестело озеро. Пройдя несколько метров, они поняли, что находятся в тундре; где-то вдалеке, опустив головы на сильном ветру, паслись стада огромных косматых зверей. Затем они по колено провалились в ледяную воду, а рядом маячил островок цвета плесени, над которым с криками кружили морские птицы. Дальше — узкое, поросшее густым кустарником ущелье, которое, как оказалось после разведки, проведенной Роджером, было замкнутым. Около грязной реки — целая чаща тростника, а над ней — серое, влажное небо.

— Надо же, сколько на Земле разных ландшафтов! — с трудом восхитился Люк, когда они, после пятнадцатиминутного пути вброд, снова пришли к месту старта.

— Надо сделать еще одну попытку,— сказал Роджер.— Оставаться здесь бессмысленно.

Он ловко прихлопнул огромного комара, самого любопытного из тех, что пищали над их головами. И снова Вход — и теперь уже... целое поле цветов под благодатным небом. Горы с белоснежными шапками и зеленые внизу плотно обступали это райское место. Небольшие водопады, сбегаящие по лысым скалам, поили чистые ручейки, бороздящие долину вдоль и поперек.

— Как здесь чудесно,— воскликнула миссис Видерс.— Роджер, Люк, может быть, мы не будем торопиться уйти?

— Сказать по совести, я уже по горло сыт этими переменами климата,— поддержал женщину Люк,— и конца этим переменам не видно. А разве мы хоть на локоть приблизились к Выходу?

— Меня это устраивает,— согласился Роджер.— К тому же хочется есть. Давайте соорудим костер и как следует пообедаем.

После еды, миссис Видерс пожелала собирать маки и лютики, и недовольному Люку пришлось ее сопровождать. Роджер растянулся в траве рядом с Входом, а около него нелепо скрючился Флай.

— Мистер Роджер,— начал неловко проповедник, когда остальные достаточно удалились.— Я бы хотел предложить... закрепить между вами и мной конфиденциальный... договор.

— О чем?

Флай приблизился плотнее.

— Как видите, ваша недюжинная сила все же не властна над моей душой. Пытайтесь сколько угодно совлечь меня в преисподнюю, и я все равно не поддамся, поддерживаемый своими молитвами и добродетельностью.

— Хорошенько намотай себе на ус, Флай,— отвечал Роджер,— твоей душе ничего не угрожает, пока я жив. Я хочу лишь выбраться отсюда.

— Ага, и привести всех назад в преисподнюю, откуда вы сами родом! — прошипел Флай.— Думаете, я не чувствую адский запах серы, исходящий от вас и вашего чертова дружка, Люка, принявшего человеческий образ? Думаете, я не заметил, как вы вели себя вдвоем в присутствии того страшного демона, вызванного вами же для того, чтобы погубить Джоба Аркрайта и его супругу?— Его глаза уставились в одну точку.— И думаете, я не понял, почему вы с таким упорством несли его чертовы останки в мешке?

— Флай, иди спать,— посоветовал Роджер.— Я бы на твоём месте пользовался каждой свободной минутой.

— Я молился и снова молился, я старался блюсти чистоту, и, быть может, благодаря этому мы избежали тропы, уготованной вами; и мне сейчас пришло в голову, что нам стоит прийти к какому-то соглашению, ибо мы в силах истощить друг друга. А я склонен дорожить теми днями на брэнной земле, которые мой Господь подарил мне для борьбы с грехом.

— Говори по существу,— резко оборвал Роджер.— Что ты хочешь?

— Возьми себе женщину. Пожалей меня. Возврати меня на Землю, и я перестану проклинать тебя.

— Ты удивительный человек, Флай,— медленно проговорил Роджер, внимательно рассматривая ангелоподобное лицо, глаза, исполненные тревоги.— А может, мне больше хочется взять тебя, а Оделию оставить в покое?

— Нет, демон. Труды мои еще нужны в этом грешном мире, и я не могу согласиться на такую уступку силам тьмы.

— Твоя забота о людях весьма умилительна,— изрек Роджер,— но...— Он замолк, так как глаза грехоборца вдруг остановились на чем-то, расширились, наполняясь ужасом.

Флай вскочил, тыча куда-то пальцем. Роджер обернулся. На опушку леса в сорока метрах от них выходил косматый бурый медведь. И теперь он шел на людей, решительно и бесповоротно.

— Сдаюсь! — завопил Флай.— Огради меня от этого нового демона! Я согласен идти за тобой, помогать тебе в твоих коварных замыслах! Возьми женщину! Нет, я сам буду помогать тебе! Я не стану больше бороться с тобой!

— Заткнись, болван,— прикрикнул Роджер.— Люк! — позвал он.— Хватай миссис Видерс и, пока не поздно, ныряйте!

Люк и миссис Видерс побежали. Медведь, привлеченный быстрым движением, припустил за ними галопом.

— Флай,— закричал Роджер,— помоги мне отвлечь его, пока они не добежали!

Краем глаза он успел заметить, что несчастный пастор рванул в противоположном направлении. Потом он увидел, как он поднял мешок и, покачиваясь от тяжести, направился к Входу.

— Не делай этого, Флай! Монстр может попасть к незащищенным людям!

Роджер схватился за простыню с другого конца, но Флай упорствовал, показывая недюжинную силу. Некоторое время каждый тащил мешок в свою сторону: Флай, весь красный, непрестанно зывал к Всемогущему, Роджер то и дело бросал взгляд через плечо, видя с одной стороны стремительно приближающегося зверя, а с другой — справа — быстро бегущих Люка и Оделию Видерс. Неожиданно он поскользнулся. Какая-то сила закрутила его, и он потерял равновесие. Попятившись, Роджер увидел сияние Входа, расширяющееся по мере его приближения, увидел красную морду Флая, Люка и вдову сзади, а снизу — распахнутую пасть хищника.

Свет пропал... все погрузилось в серое. Роджер попытался удержаться, балансируя на кончиках пальцев, но тщетно. Чья-то гигантская рука стиснула его тело, подняла вверх, сделала круг и поставила на сверкающий белый пол удивительно светлой, огромной комнаты.

* * *

Он пребывал в полном оцепенении, созерцая смутные очертания удивительного сияющего аппарата, куполовидный потолок, похожий на подернутое дымкой, матовое небо, слушая приятный монотонный шум работающей машины, которым, казалось, был пронизан самый воздух.

Потом Роджер заметил стоящих поодаль людей, их прекрасные фигуры, подчеркнутые цветом и покроем спецодежды, их пронизательные взгляды.

Один из них приблизился к Роджеру, издал резкий, рыгающий звук и пытливо посмотрел ему в глаза.

— Я слышал, что азиаты так делают после еды,— с трудом говорил Роджер, находясь в состоянии близком к истерике,— но никогда не думал, что так можно приветствовать!

— Хм, модель реагирует. Субъект или не понимает, или делает вид, что сразу не понимает. Перехожу на старый обычный.— Он

внимательно посмотрел на Роджера.— Я советую тебе не делать никаких сложных ментальных усилий, в противном случае нам придется воздействовать на твои болевые центры на девятом или более уровнях. Для справки: на тебя направлены дезорганизирующие лучи.

— Ббу...— ответил Роджер.

— Твое поведение удивило нас,— продолжал человек бесстрастным мелодичным голосом.— Мы следили за твоими действиями по каналам из Музея. Твое поведение представляется нам бессмысленным. Так как мы не можем принять последнее, причисляя тебя к существам разумным, то остается принять, что порядок сложности твоего поведения превышает разрешающие возможности нашего кибернетического анализа. Поэтому необходимо задать тебе ряд вопросов. Вот почему мы пошли на риск изъятия тебя из канала.

— Мое поведение?— Роджер задыхался и говорил с трудом.— Послушайте, ребята, вы, наверное, что-то путаете?

— Ты по-прежнему перегружаешь эфир взбалмошными, страстными сигналами. Твоими устами говорит возбуждение и примитивный страх,— констатировал инквизитор.— Эта тактика удержания информации бесперспективна.— Резкая вспышка боли откликнулась во всех членах Роджера.— По какому принципу ты выбирал путь?— последовал вопрос.

— Да не было никакого принципа.— И Роджер вскрикнул от новой боли.

— Хм. Его жесты соответствуют развитию на уровне двенадцатого порядка,— изрек второй голос,— что делает ситуацию еще более сложной.

— Само появление его именно в этом Узле представляет наибольшую загадку,— произнес кто-то.— Оно предполагает фактор трансцендентного управления, который в наших вычислениях мы не учитывали.

— Вне всякого сомнения, мы имеем дело с индивидом исключительной прочности. Его организм выдерживает прямые психофизические воздействия и не поддается мутации,— присовокупил человек, покрытый какой-то голубой пудрой,— иначе ему бы просто не удалось выполнить задание, каким бы оно ни было.

— В таком случае, нелишним будет попробовать мозгорасщепляющую операцию,— предложил лимонно-желтый Адонис.

Раздался негромкий щелчок, и тупорылая машина, похожая на гигантскую зубную дрель, зависла прямо над Роджером.

— Подождите минутку,— Роджер попытался освободиться, но понял, что неведомая сила парализовала его, пригвоздила к месту.— Какой смысл в этом?— Он опять начал задыхаться.— Выпустите меня отсюда! Поверьте мне, я был очень нужен на своем месте. Может быть, я был на пути к самой высокооплачиваемой и

самой легкой работе в мире! Может быть, я спешил на свадьбу с самой богатой и прекрасной женщиной среднего Запада! Может быть, я ехал в Вашингтон с сообщением государственной важности!

— Настоящий крик сознания! — восторженно констатировал малиново-розовый, следя за показаниями приборов. — Если я не ошибаюсь — это самый загадочный идиот с интеллектуальным показателем около ста сорока!

— Так и есть, — согласился Роджер. — Вот теперь, возможно, мы поймем друг друга. Джентльмены, я не знаю, за кого вы меня держите, но я не тот, кто вам нужен. Я Роджер Тайсон, искатель приключений.

— Спокойнее, — ласково и тихо сказал голубоватый. — Не собираешься ли ты убедить нас в случайности своего сегодняшнего появления в Музее накануне пробной остановки долгожданной миссии в точке ноль по временной оси?

— Именно это я и хочу сказать, — вскричал бедняга с жаром. — Если уж вы ждете от меня правды... то я даже не знаю, где я, и даже... — Роджер, казалось, сам удивился собственному сообщению, — ...в каком времени я нахожусь.

— Ой, наша эра — двадцать третья декада после тотальной унификации, то есть около двух тысяч двести сорок девятого по старому календарю.

— Три столетия в будущем? — голос изменил Роджеру, и он с усилием проглотил комок в горле. — У меня было подозрение... Надо было, конечно, знать...

— Мы опаздываем на полевые занятия, С'Лант, — вмешался человек в бордовом. — Время прыжков.

— Ну-ка, парень, быстро отвечай, с какой ты миссией?

Ощущение в позвоночнике, напоминающее чем-то зубную боль, заставило Роджера предположить, что произошли какие-то изменения. И действительно, в группе стоящих сотрудников возникло едва приметное движение.

— Объясни природу сил взаимотяготения, лежащих в основе комплекса RhO?

Тяжелый ботинок наступил на кончик его длинного хвоста, который Роджер вдруг с удивлением обнаружил у себя.

— Дай определение сущности и линейных матриц пульсоводов.

Роджеру произвели ампутацию рожек. Сами рога — это, конечно, химера, как понял Роджер сквозь боль, но ощущение оказалось очень даже реальным.

— Перечисли все системы координат для силлогистических манипуляций и назови показатели осевых вращений!

Огромный железный шар, которым сносят дома, выплыл откуда-то и превратил Роджера в подобие зубной пасты.

— Хм, мне кажется, вся эта процедура пахнет криминалом. Можно справиться — кассета девяносто восемьдесят семь, код Социальной Мотивации! — шепнул кто-то Роджеру на ухо.

— Я требую адвоката, — возопил он.

— Что? — спросил человек в голубом, поворачиваясь к своему желто-зеленому помощнику. — Р'Хит, быстренько проведи семантический анализ последнего высказывания по четвертому и двенадцатому модулям. Обрати особое внимание на тонкотационные резонансы второй категории.

— Это беззаконие! — продолжал кричать Роджер. — Могу сослаться на кассету, э... девяносто восемьдесят семь, кода, э... Социальной Мотивации!

— Как так? — человек по имени С'Лант просверлил Роджера взглядом. — Откуда тебе известно о существовании кода?

— Какая разница! — шептал невидимый голос. — Беззаконие всегда остается беззаконием!

— Неважно, — повторил Роджер. — Беззаконие всегда незаконно.

— Ну... что касается данного пункта...

— Даже если случай критический, это еще не значит, что надо прибегать к тоталитарным методам!

— Вот именно, — Роджер яростно закивал головой. — Даже в критических условиях нельзя опускаться до методов Гитлера!

— Я не знаю, С'Лант, — заговорил розовый оператор, сидящий за приборами. — Все эти заявления тяготеют к сектору интеллектуальной неполноценности. У меня есть подозрения, что мы могли допустить ошибку.

— Ты хочешь сказать, это не наш агент?

— Да, конечно же, нет! — заорал Роджер. — Я всего лишь сбившийся с пути странник — Роджер Тайсон!

— Тогда почему он так сильно воздействует на наши гамитронные детекторы?

— Наверное, надо отрегулировать варпилаторы, — подсказывал голос.

— Проверьте лучше варпилаторы, — быстро повторил Роджер.

— Э... неплохая мысль... А...

— А уж если по-настоящему, надо бы получше откоординировать трансфрикатные стержни.

— И не забудьте о трансфрикатных стержнях!

— Откуда ты знаешь столько названий технических оборудования Первой Культуры? — в голосе С'Ланта появились обвинительные нотки. — Намекни, что ты из будущего и занимаешься историей...

— Верно, это подойдет. Вы знаете, я из будущего, а?

— Любопытно ведь он может рассказать, что нас всех ждет.

— Действительно, звучит заманчиво,— поспешил согласиться С'Лант.— Скажите, сэр, как решится судьба Дженерал Минералз на большом совете в пятидесятом году?

— Есть ли жизнь в илистых почвенных образованиях на Венере?

— Освободят когда-нибудь трассу Марс-Земля от Мемориального Астероида Л-Б-Джей?

— Мне нелегко говорить, когда меня всего распяли и свернули шею,— заметил Роджер.

— О, Боже, простите меня, сэр! — С'Лант щелкнул выключателем, и Роджер почувствовал себя буквально размороженным.— Р'Хит, принесите гостю стул. Как насчет нескольких граммов медицинского алкоголя?

— Что ж, спасибо, не откажусь.— Роджер принял стаканчик, опустился в кресло, ощутив под собой непонятное движение — кресло приспособлялось к его формам.

— Ну, а каковы итоги пятьдесят вторых выборов...

— Да, первой пришла темная лошадка,— Роджер импровизировал.— А как вот насчет того, чтобы меня отсюда выпустить?

— Одобрен ли Билль о Бессмертии?

— Большинство голосов. Если вы ничего не имеете против, я бы хотел, чтобы вы доставили меня на окраину любого города.

— Меня интересует отчет экспедиции Альфа-3.

— Плотный туман,— Роджер был скуп на слова.— И если вам действительно все равно, я бы предпочел отправиться сейчас, прежде чем...

— Удивительно! Ты слышал, Р'Хит?! Плотный туман! Невероятно!

— Что известно истории о постах, занимаемых С'Лантом, технором четвертого класса?

— Вас ждет ошеломляющая карьера. Не сможете ли вы подбросить меня в Чикаго? У меня там двоюродный брат. Ну, не то, чтобы двоюродный брат... в общем, он приходится братом одной девушки, обрученной с парнем, который потом женился на сестре брата ее мужа — ну, вы понимаете меня.

— Неужели в моде опять будут укороченные жакеты? Они выглядят неплохо, конечно, если у девушки аккуратный живот...

— Как будут обстоять дела с акциями Дженерал Минералз?— печально спросил С'Лант.

— Полетят к чертовой бабушке! — провозгласил Роджер.

— Не может быть: ведь они постоянно растут в цене. Вы, вероятно, ошиблись...

— Да они вообще ничего не будут стоить,— сердился Роджер.— Ну и, естественно, заменят все руководство.

— Прекрасно, я так и думал. Этого подлеца Ф'Хута никак нельзя было выбирать директором.

— Сменится руководство? Может, станет чуточку полегче дышать?!

— В конце концов все предадут гласности. Все тайное станет явным.— Роджер был неумолим.— И все-таки, как же с моим отъездом?

— Я рад, что о махинациях Ф'Хута станет известно,— продолжал С'Лант.

— Разумеется, я не должна думать о модах в такой неподходящий момент, но мне так интересно, что же будут носить женщины...

— А что произойдет с другими членами руководства? — настаивал С'Лант.

— Разгонят все руководство к чертям собачьим, но... О, боже!

— Я надеюсь, вы не хотите сказать, что они покончат с капитализмом вообще? — ужаснулся Р'Хит.

— Ничего страшного при этом не произойдет,— Роджер решил разбавить сообщение.— Наконец-то в корне покончат со всякой спекуляцией.

— Ужасно. Хорошо, что я не доживу до этих дней.

— Надеюсь, это произойдет не раньше, чем я умру,— вставил человек в голубом.

— Честно говоря — это случится очень скоро. Я бы на вашем месте доставил меня домой и вплотную занялся бы вашими делами.

— Значит, я останусь без средств,— мрачно изрек С'Лант.

— История дает надежду. Вам оставят предметы первой необходимости.

— Но... если станет холодно?

— Неслыхано! Не просить же подавания в мои-то годы?!

— С вашей репутацией, мне кажется, вы найдете спонсора,— предположил Роджер.— Вместе что-нибудь придумаете.

— Да, это покруче самых дерзких предположений...

— Я слишком стар,— медленно говорил С'Лант,— слишком стар, чтобы начинать все заново!

— Не собираетесь же вы отойти в сторону и наблюдать, как другие делают дело?

— Нет, наверное, нет,— вздохнул С'Лант,— и все же это так огорчительно.

— Нас ждет вакханалия! Хаос!

— Да нет же, не так все страшно,— успокоил Роджер.— Будет временный спад, зато потом начнется действительно настоящая жизнь...

— Ужасно! Мир погрязнет в нищете и голоде?

— Кто сказал, что наступит нищета и голод? — полюбопытствовал Роджер.

Аудитория вдруг заволновалась. Кто-то из последних рядов

глубоко вздохнул. Стройная черноволосая девушка, чрезвычайно женственная в своих обтягивающих юбчонках, бросилась вперед и стремительной рукой указала на Роджера.

— Направьте на него дезорганизирующий луч, быстро! — истошно закричала она. — Это шпион! Он читал мои мысли.

Роджер так и подпрыгнул на месте. Казалось, он хотел съесть девушку глазами.

— Т-т-ты?! — проговорил Роджер, заикаясь.

Перед ним как живая стояла прекрасная незнакомка, которую он оставил ночью у поверженного мотоцикла, но оставил мертвой.

ГЛАВА 6

— Я не шпион! — возопил Роджер, пытаюсь перекричать невероятный шум, поднявшийся после страстного заявления девушки. — Я рядовой американец, который ехал по своему делу и встретил ее!

— Первый раз его вижу, — холодно прореагировала сторона обвинения.

— Ты же передала мне сообщение, — вспомнил Роджер. — Еще говорила, что очень важно...

— Какое сообщение? — спросила девушка.

— То, которое ты дала мне перед самой смертью! Ты заставила меня воспользоваться мотоциклом Бруквы и заглядывать в женскую уборную!

— Он бредит, — констатировала К'Нелл. — С'Лант, лучше выключи его сразу! Наверняка он имеет отношение к заговору против нашего эксперимента!

— Минутку, — нахмурился С'Лант. — О чем было сообщение?

— С'Ланту, технору С'Ланту. Оно было адресовано вам! — выпалил Роджер. — Теперь я вспомнил!

— В чем суть сообщения?

— Она говорила, что ее попытка частично удалась... вот!

— Так-так, продолжайте.

— А-а... не помню точно, но...

— Как жаль, — проговорил печально С'Лант. — Ну и где, по вашему мнению, вы могли встретить К'Нелл?

— В нескольких милях от города Монгуз, штат Огайо! Во время бури! В час ночи!

— Какая точность! — прошипела девушка. — Ваш рассказ звучит особенно правдоподобно, если только учесть, что я никогда не бывала в Монгузе, тем более в бурю.

— Несчастный случай, вспомни! — настаивал Роджер. — Ты... свалилась с мотоцикла, а я подбежал, чтобы помочь тебе.

— Какая самоотверженности! — Голос был жестким и холодным, как лед. — Хотя...

— Ты еще велела взять золотистую кнопку и вставить себе, то есть мне, в ухо!

Реплика была встречена совершенной тишиной. Казалось, все застыли пораженные. К'Нелл дотронулась рукой до уха.

— Он говорит об усилителе, — догадался С'Лант.

— Смотрите. — Рука Р'Хита указывала на Роджера.

Все посмотрели, а Роджер нагнул голову так, чтобы кнопку в ухе было видно.

— Видите! — торжествовал он. — Как я и говорил...

— Невозможно, — ахнул некто в розовато-лиловом. — Как нам всем хорошо известно, существует лишь один усилитель.

— И он у меня, — акцентировала последнее слово К'Нелл.

— Неправда, — возмутился Роджер. — Я взял его, как ты хотела сама, и...

— Вот! — девушка повернула головку, и в ушке тускло блеснуло золото.

— Интересно, — пробормотал С'Лант и вдруг спросил: — Ты говорила, что он читает твои мысли?

К'Нелл резко кивнула.

— Есть только одно возможное объяснение... — С'Лант задумчиво посмотрел на Роджера. — О чем она сейчас думает?

— Э... она думает... если бы мой нос был чуть-чуть изящней, я был бы очень даже ничего... — Он двумя пальцами потрогал свой нос и с укором посмотрел в сторону девушки.

— К'Нелл, слышишь ли ты его мысли?

— Ну... я не знаю... — Она склонила хорошенькую головку, прислушиваясь. — Ну знаете, это уж слишком!

— Ты слышала его?

— Кого-то слышала.

— Это я, — самодовольно изрек Роджер.

— С'Лант, ты хотел дать объяснение, — напомнил Р'Хит.

— Да... Наверное, это прозвучит фантастически, но последнее время мы ни с чем другим и не сталкивались — сплошная фантастика. Представим себе, мы собираемся запустить пробу ровно через тридцать две минуты. Производим запуск... и попытка, по словам К'Нелл, удается лишь частично. Это значит, что посланец не пройдет весь канал полностью, а закончит свою миссию и выйдет наружу в каком-нибудь месте — например, в районе Монгуз, штат Огайо. Если К'Нелл действительно встретила...

— Тайсон, Роджер Тайсон.

— Хочешь сказать, ее уже отправили? — Р'Хит был сбит с толку.

— Пока нет. Это произойдет в будущем. И если вдруг сооб-

щение о частично успешном выполнении задачи действительно придет к нам, значит, этот несчастный путешественник...

— Меня зовут Тайсон. Роджер.

— Но ведь она должна была быть послана в ретрогрессивном направлении. То есть, если она, допустим, и выпала из канала, то не где-нибудь, а именно в прошлом, тогда как этот человек из будущего, что видно из его энциклопедических познаний в области предсказаний.

— Возможно, наши предположения относительно направления временной магистрали оказались ложными — мы можем это выяснить позже. А сейчас вопрос ставится так — в чем суть сообщения, переданного К'Нелл?

— Послушай, дружище...— обратился Р'Хит к Роджеру.

— Тайсон,— добавил Роджер.— Мне стыдно, что я не могу точно воспроизвести сообщение. Помню, там шла речь о какой-то Фокс.

— Мне кажется, пора применить мозгорасщепляющее устройство,— угрожающе произнес Р'Хит.

— Минутку! Я кое-что вспомнил. Какой-то нуль-аппарат на какие-то конечные координаты, и там что-то сломалось.

— Нуль-аппараты? Но ведь это означает полный провал! — воскликнул Р'Хит.

— И все же это довольно связно,— заметил С'Лант.— Твоя миссия, К'Нелл, состояла в определении природы Реальности и в попытке взаимодействия с ней. Если это оказалось не под силу, то тебе пришлось исследовать альтернативы.

— Ты прав, главная задача, очевидно, не была выполнена, и нам ничего другого не оставалось, как разбить временной замок и возвращаться все время к конечным координатам.

— Хм, по крайней мере, это то, что удалось извлечь из рассказа парня.

— Тайсон. Роджер Тайсон.

— ...и надо продолжать узнавать дальше.

— Подождите,— голос К'Нелл звучал сурово.— Если дело обстоит так, как вы представили, значит его история тоже правдива, и он действительно пришел мне на помощь, согласившись из чистого альтруизма доставить сообщение. А мы за это хотим отблагодарить его чистой мозгов, чтобы из нормального человека сделать полного идиота?

— М-да, не слишком благородно,— признал С'Лант,— и все же перед твоим отбытием мы должны получить всю возможную информацию.

— То есть вы собираетесь послать ее, зная, что она погибнет? — ужаснулся Роджер.— Почему бы вам не выпустить меня и других жертв из клеток и отменить эксперимент?

— Боюсь, что у вас сложилось превратное мнение о происходящем,— отчеканил С'Лант, единственный голос которого нарушил полное молчание, последовавшее за шокирующим предложением Роджера.— Мы точно такие же пленники Музея, как и вы. И если в скором времени не узнаем устройство этой тюрьмы, то останемся заключенными здесь навсегда!

* * *

— Когда мы, представители Первой Культуры, поняли, что попали в ловушку, то не поддались панике, а тотчас же попытались установить границы ситуации, так как, на наше счастье, в ловушку попал и наш лабораторный комплекс, который вы здесь видите,— объяснил С'Лант, ведя Роджера по неогражденному мосту, с полукилометровой высоты которого открывался вид на ухоженные, предельно организованные участки земли.

Роджер замирал, когда кто-нибудь пересекал дорожку в ярд шириной, изогнутую в небе над двумя комплексами. С'Лант вопросительно посмотрел на собеседника.

— Почему вы все время пятитесь, сэр? И встаете на четвереньки?

— Боюсь высоты,— признался Роджер.— Может быть, мне стоит подождать здесь?

— Ерунда. Мне бы хотелось, чтобы вы приобщились к нашей трапезе на вершине.

— Тогда идите вперед, а я уж как-нибудь следом.

— Наши исследования оказались достаточно плодотворны,— продолжал С'Лант, медленно шагая по дорожке, в то время как Роджер трусил рядом на всех четырех.— Мы получили некоторые данные касательно природы пространственно-временных искривлений с помощью специального трассирующего луча, который следил за нашими зондами в точке соприкосновения временных контуров (откуда, кстати, можно было попасть в любое время), и пришли к выводу, что имеет место ошутимое ослабление временных связей. Этот процесс темпоральной дегенерации позволяет так называемым артефактам и представителям фауны свободно попадать из одной эры в другую, при этом существенно нарушая энергетический баланс, что, в конечном итоге, неизбежно приведет к катастрофе! На основании полученных выводов мы спроектировали и создали усилитель, с помощью которого, по нашим подсчетам, агент может не только пересекать пространство Музея, но и перемещаться по осевому каналу. Таким образом мы хотели разобраться, что же все-таки происходит и какие силы стоят за этими опасными явлениями.

— Почему вы называете это пространство Музеем? — спросил Роджер, пробуя открыть один глаз, но тут же закрыл.

— Это условное название. На дисплее чередуются панорамы земной истории от сотворения мира до конца света.

— Почему бы вам не прокрутить эти виды, чтобы найти более продвинутую в научном смысле цивилизацию и...

— Это невозможно. Во-первых, число этих видов десять миллиардов сто четыре миллиона девятьсот сорок одна тысяча шестьсот два, и даже если на каждый кадр тратить не более минуты...

— Я понял,— перебил его Роджер.— Что во-вторых?

— Это будет чистая случайность, если мы обнаружим столь высокоразвитую цивилизацию, способную практически решить поставленную задачу. Дело здесь и в материально-энергетическом могуществе. В общем, мы решили сами потратить время и силы и приступить к пробному эксперименту...

— Простите, я кое-что вспомнил,— сказал Роджер, вставая на ноги у самых столов под цветными зонтиками.— Мои друзья сейчас в лапах медведя. Нельзя ли перенести их сюда так, как вы поступили со мной?

— Невозможно. В вашем случае мы могли следить за вашими действиями благодаря Усилителю, хотя тогда и не понимали доходящие до нас сигналы, но другим... Боюсь, что им мы ничем помочь не в силах. Но вы не беспокойтесь. Как только мы вправим сустав времени, они будут в полной безопасности.

— Еще одна проблема: со мной был... э-э-э... багаж...

— Боюсь, что это потеряно навсегда. Вы, очевидно, уронили его, когда вас схватила Рука. И все же причин для беспокойства нет. Я дам вам все необходимое.

— Послушайте, Тайсон,— Р'Хит попытался перевести разговор на прежние рельсы.— С вашим опытом временных прохождений вы чрезвычайно полезны для нас. Почему вы боитесь предоставить свой мозг для анализа? Мы обещаем оставить вам умение есть и, может быть, даже завязывать шнурки.

— Не говорите об этом больше,— вмешалась К'Нелл.

— Твои эмоции, К'Нелл, мешают объективному анализу фактов,— пожаловался Р'Хит.— Если бы я раньше знал, что ты такая неженка, то никогда не заключил бы с тобой соглашения на совместное проживание.

— Не нервничай,— холодно сказала К'Нелл.— Это не имеет никакого отношения к эмоциям. Ты, наверное, забыл, что его мозг связан с моим при помощи Усилителя, или эта связь все еще ускользает от тебя?

— Да уж. Если мы расшелушим его мозги, то твоим тоже не поздоровится.

— Ничем не могу помочь, ребята,— посочувствовал Роджер,—

даже несмотря на мое хорошее отношение к вам. Я не могу заставить страдать эту маленькую леди!

— А удалить Усилитель из уха, конечно, невозможно? — поинтересовался красновато-коричневый.

— Ты знаешь об этом не хуже других, Д'Олт. Нитевидная система Усилителя уже вступила в сложный контакт с нервной системой Т'Сона, поэтому соваться туда сейчас смертельно опасно. Т'Сон сам видел, что случилось с К'Нелл после изъятия кнопки.

— Вы хотите сказать, что этим я ее убил? — ахнул Тайсон. — Боже правый, мисс К'Нелл, прости меня.

— Ничего. Я сама приказала сделать это, хотя для этого, несомненно, были свои причины.

— Ты была тогда молодцом! — восхищенно произнес Роджер.

— Мы, люди Первой Культуры, редко опускаемся до уровня голых эмоций, — спокойно и важно молвила К'Нелл.

— Правда? — задвигал бровями Роджер. — А мне кажется, минуту назад ты покраснела.

— Мои физиологические реакции не имеют никакого отношения к моим действиям, всецело контролируемым рассудком, — фыркнула девушка.

— Ай, злишься, злишься, Юпитер, — игриво воскликнул Роджер. — А ведь ты, в принципе, классная девчонка, и мы могли бы...

— Позвольте напомнить вам, Т'Сон, — заметил Р'Хит, — что я уже вручил К'Нелл контракт на сожительство, и ваши... э... намеки не могут быть мне приятны.

— Мне кажется, леди сама должна дать ответ.

— До старта осталось двадцать минут, — излишне бесстрастно сообщила К'Нелл. — Пожалуй, пойду на изготовку.

— Запретите ей делать это! Она же погибнет! — возмутился Роджер.

— Совсем необязательно, — спокойно возразил Р'Хит, — так как изменились сами условия ее миссии: вместо исследовательской пробы — заход на цель, то есть появляется новый, неучтенный нами фактор.

— Хладнокровия вам, видно, не занимать! — в сердцах бросил Роджер. — Но отложите, по крайней мере, время пуска. Дайте мне время вспомнить сообщение полностью!

— Задержка невозможна, — раздался голос С'Ланта. — Циклическая природа феномена предполагает, что попытка возможна или через шесть часов, или никогда, по крайней мере, в ближайшие сто двенадцать лет. А к этому времени износ временной матрицы достигнет крайней точки, и тогда произойдет вселенская катастрофа, пространственно-временной слой обрушится под своей тяжестью.

— В таком случае подождите хотя бы эти шесть часов! Ведь стартовать можно и в самую последнюю секунду.

— До конца цикла осталось пятнадцать минут. Через пятнадцать минут Усилитель, даже если и останется на временной матрице, разложится на составляющие. Нужно торопиться.

— Но нельзя же посылать такую хрупкую девушку одну!

С'Лант что-то шепнул Р'Хиту, и тот согласно кивнул. С'Лант повернулся к Роджеру, протянув руки.

— Грандиозно! — изрек он. — Мы тут обмозговали это дело и решили, что нет смысла отказывать в твоей смелой просьбе.

— Какой еще просьбе?

— Сопровождать К'Нелл, что же еще? А теперь надо поторопиться. Времени хватит лишь на твой гипно-инструктаж...

Как только С'Лант и его коллеги сняли показания с приборов, он с надеждой и верой в голос произнес:

— Успокойтесь, Т'Сон. Перцепторы показывают, что вы отлично восприняли инструктаж и теперь ваш организм знает границы, в которых сможет функционировать. К запуску все готово. К'Нелл экипирована и готова к старту, нуль-аппарат упакован в ее карманном отсеке. Задерживаться бессмысленно.

Роджер угрюмо позволил провести себя по молочно-стеклянному полу до того места, где его ждала К'Нелл. Белые трубы непонятного назначения были скручены в узел. Подошедший Р'Хит издал резкий отрывающийся звук:

— Бл-э-п.

— Я пока не очень врубаюсь в этот Скорояз, — сообщил Роджер, увидев лицо девушки: правильные черты, коротко подстриженные черные волосы, неплотно сжатые, зовущие алые губы, зубы без изъяна. — Что он хотел сказать?

К'Нелл наградила его взглядом чуть-чуть более теплым, чем положено.

— Он говорит, что индекс страха у тебя превышает нормальный показатель. Если показания поднимутся еще на деление, ты начнешь стучать зубами.

— Это я-то? Я!? — с жаром воспротивился Роджер. — Пусть пойдет проверит свои приборы! Немножко я, положим, волнуюсь. А кто бы на моем месте оставался спокойным? Насколько мне известно, я, как только войду в эту машину, могу оказаться где угодно: на одной льдине с полярным медведем, на ленче у динозавра, посреди могучих вод Индийского океана или... — Его голос становился все выше и выше по мере того, как Роджер перечислял ситуации, одна соблазнительнее другой.

— О, ведь в этом нет никакой опасности, — ободрял Роджера С'Лант. — Вас запустят по основному каналу, и вы окажетесь абсолютно вне Музея. Придется иметь дела с настоящей природой,

так сказать, входить в физический контекст, о чем мы, как вы знаете, имеем самые смутные представления.

— Вы, помнится, уже говорили об этом, правда, я не совсем понял, что всё это значит,— ответил Роджер.— Кстати, объясните мне, в чем же здесь дело?

— Это значит,— вмешалась девушка,— если твое управление откажет, мы прорвем канал и окажемся неизвестно в каком месте или контексте.

— Я уже думал об этом,— быстро отозвался Роджер,— и решил, что для девушки это опасно. Жаль, мы действительно могли бы многое понять и решить, и я сам... люблю путешествовать, но мне совсем не хочется подвергать опасности это хрупкое создание... Я боюсь за тебя, К'Нелл.

— Ты был прав, Р'Хит,— кивнула К'Нелл.— Я тоже чувствую его страх.

— Страх! — воскликнул Роджер с жаром.— Я ведь только хотел...— он проглотил комок.— Откуда вы знаете, чего я на самом деле боюсь? Однажды я действительно испугался... и ничего хорошего из этого не вышло.— Он выпрямился.— Давайте быстрее старт, пока я не до конца постиг намеки К'Нелл.— Он взял девушку за руку и шагнул в углубление, где все вокруг него обволокла знакомая серость.

— Мы здесь задержимся,— раздался голос К'Нелл.— Не забудь инструкции С'Ланта.

Роджер закрыл глаза и попробовал представить себя в девяностоградусной развертке. Достаточно сложным оказалось сместить свои глаза к правому уху. Инерция традиционного восприятия, предполагающая переднюю ориентацию — ведь глаза обычно смотрят прямо вперед — оказалась живучей. И все же он сумел доказать себе, что его мозг — неуловимое поле, наведенное потоком энергии в нейтральной цепи, не должен всецело зависеть от принятых условностей.

Смещение прошло успешно, его нос шевелил ноздрями где-то сбоку, баки спокойно опускались между воображаемых глаз, а руки двигались — одна спереди, другая сзади.

Теперь он чувствовал, что среда, проходимая его телом, не была пространством.

ГЛАВА 7

Какое-то время Роджер падал, закрыв глаза и ощущая в своей руке маленькую ладонь партнерши — единственный материальный объект во всей Вселенной! Казалось, девушка плыла в миле от него, громадная, как «Титаник». Ее рука уходила в смутную даль, однако

то, что сжимал Роджер, было не более, чем нормальные женские пальцы... Он понял свою ошибку. В действительности она была микроскопически уменьшена и плыла по поверхности его зрачка.

— Пока все не так уж плохо,— сказала она, не прибегая к помощи артикуляции. Тем не менее, фраза прозвучала в сознании Роджера кристально ясно и отчетливо, это был ее голос, наполненный самыми разными обертонами, голос страстной и богатой натуры, тщательно спрятанной под холодной и спокойной внешностью.

— Как это тебе удастся? — спросил Роджер, с удивлением отмечая, что его губы при этом даже не пошевелились. Дыхание также отсутствовало напрочь. Роджер испугался и судорожно попытался глотнуть воздух — тщетно.

— Не суетись,— резко прозвучал ментальный голос К'Нелл,— Мы пребываем в состоянии нуль-времени, где нет места событиям, вздохам, сердечным ударам. Не пытайтесь с этим бороться, иначе мы можем оказаться вне Канала.

— Сколь долго это продлится? — спросил достаточно нервно Роджер. Ему не то, чтобы на самом деле не хватало воздуха... сознание того, что он не в силах продышаться, угнетало его все больше и больше.

— Здесь нет времени, кроме субъективного,— последовал ответ.

— Как же мы сможем узнать, двигаемся мы или болтаемся в этой безвоздушности? А вдруг нам суждено болтаться здесь вечно, сжимаясь и удлиняясь, сдуваясь и надуваясь?

— Это кричат твои параметры, твое тело, протяженное во времени и пространстве. Ему не хватает материальных стимулов,— объяснила К'Нелл.— Не позволяй себе подчиняться этим силам, не разрешай материи отвлекать себя и прекращай спрашивать. Если бы мы знали ответы, нас бы здесь не было.

— Хей! — воскликнул Роджер неожиданно.— Мои глаза по-прежнему закрыты, я чувствую сомкнутые веки... Почему же я тебя вижу?

— Ты не видишь меня, а просто воспринимаешь непосредственно.

— Эта серость вокруг,— продолжал Роджер.— Когда я раньше закрывал глаза, то видел такую же серость. Это удивительно! Знаешь, во мне возникает чувство, похожее на изумление... Я начинаю грезить.

— Возьми себя в руки,— приказал резкий голос.— Все, что уютно, только не изумление и не грезы.

— Я не в силах противостоять этому! — бормотал Роджер.— Все здесь настолько странно, что не может быть реальностью! Мне кажется, я в любую минуту могу проснуться в своем доме, местечко Элм Блаффс, и меня разбудит моя любимая мамочка.

Роджеру вдруг сильно захотелось домой и от этого стало очень тоскливо.

Постепенно уплотняющийся серый туман внезапно превратился в расступающиеся по сторонам и смыкающиеся вверх стены. Появились какие-то пятна, оказавшиеся цветочным пастельным орнаментом на полу. Обои оказались в одном месте порваны и заклеены пластырем. Он сидел, тупо вращая головой посреди просторной светлой комнаты со скошенным в одну сторону потолком, открытыми окнами... На книжной полке стояли многочисленные томики — тома Свифта с загнутыми уголками страниц, неаккуратно грудились дешевые журналы в обложках Б. Поля. С потолка на веревках свисали топорно склеенные макеты самолетов, на стене в рамке висела коллекция бабочек, рядом с ней — набор наконечников стрел и выпел Элм Блаффс. Зона повышенной солнечной радиации.

— Роджер! — донесся голос, без всякого сомнения, материнский. — Не дай Бог, мне придется кричать еще раз, я уж тебе...

В воздухе, по всей видимости, повисла страшная угроза. Роджер издал какой-то писк и с удивлением оглядел собственное тело: узкая грудь с выпирающими ребрами, колени в шишках и синяках едва прикрыты пижамой, худосочные ноги тринадцатилетнего подростка.

— Но... но... — бубнил он. — Ведь мне уже тридцать один год, и я... я... великовозрастный болван завалил все дело! Я следовал по Каналу к конечным координатам вместе с К'Нелл, — он запнулся и нахмурился. — Конечные что? — произнес он громким голосом. — Что ли мне уже приснились какие-то большие, сложные слова?

Комната неожиданно исчезла, стены вновь растворились в тумане. Появилось лицо К'Нелл и поплыло рядом.

— Где ты был? — взволнованно спросила девушка. — Ты куда-то исчез!

— Я снова оказался в детстве, — запинаясь Роджер, — у себя дома, в своей кроватке. Это было так же реально, как и ты... и даже, пожалуй, еще реальнее! Я чувствовал постель под собой, свежий воздух из окна, запах жареного бекона с кухни! Я решил, что ты и канал, и миссия — все это сон!

— Не может этого быть! Это невероятно! Я — доминирующее звено цепи, и ты не властен делать что-либо без моей команды! Согласно теории...

— Ты смешная, — улыбнулся Роджер. — Не забывай, ведь ты всего лишь девчонка!

— Послушай, Т'Сон, прекрати в конце концов сеять свои прамужские шовинистические настроения! Это безответственно и может губительно сказаться на Миссии! Пусть тебе удастся управлять нашей совместной мыслительной деятельностью — не знаю уж,

по какой причине, может быть, из-за твоего чисто возрастного превосходства или из-за редупликации Усилителя... В любом случае ты должен приучить себя не подчиняться импульсивным желаниям и позывам. Если мы не объединим все наши усилия на пользу Миссии, и ты и я, и несколько миллионов других несчастных заложников будут до скончания века жить и переживать все один и тот же день, или, может быть, еще того хуже!

Небольшое облачко показалось рядом с Роджером на самой периферии его видения. Облачко росло, обретая цвет и форму.

— К'Нелл,— беззвучно закричал Роджер,— смотри!

— Т'Сон, если ты и впредь будешь паниковать каждую двадцать первую субъективную секунду, наше дело — крышка. Прошу тебя, расслабься.

— Сзади! — он уставился на узлом завязанную простыню, медленно дрейфующую в поле его зрения. Под грязно-коричневыми складками что-то шевелилось, подобно коту в мешке.— Он ожил! — ахнул Роджер.— Монстр проклятый!

— Т'Сон, мы изучили твои высказывания по этому поводу в лаборатории — Брюква, монстр и т. д.— и пришли к выводу, что это не что иное, как подсознательный фантазм.

— Фантазм или нет, его надо поймать! — проскрежетал Роджер ментальными зубами, вызывая в памяти домашнюю спальню и цветастые обои.

И уже в серости проступили контуры какой-то тропинки или дороги. Роджер устремился к просвету, чтобы нырнуть в него.

— Т'Сон, в чем дело? — ментальный упрек К'Нелл приобрел странное звучание, откликнулся эхом.

Тоннель оборвался, все заволокло плотным мраком. Что-то острое впивалось ему в спину, в ноздрях стоял густой запах сена. Он лежал на каком-то жутко колючем стогу. Роджер понял, что попал на сеновал. Над ним смутно темнела невзрачная крыша.

— Доигрался,— прозвучал знакомый голос на периферии его левого глаза.— А я ведь тебя предупреждала!

— Где мы? — Роджер приподнялся, яростно зачесал самое неспокойное место — правый локоть, потом левую часть шеи и потянулся к плечу...

— Почеси наше левое колено! — скомандовала К'Нелл.— И выбирайся отсюда.

— О, Боже! — воскликнул Роджер.— Неужели мы с тобой теперь под одной кожей?

— Где же еще я могу быть, ненормальный ты человек! — в сердцах бросила К'Нелл.— Мы ведь связаны. Там, где находишься ты, к несчастью, оказываюсь я сама. С'Лант, наверное, сошел с ума, если доверил тебе эту миссию. Я предчувствовала, что твое паникерство загубит все дело!

— Кто паникер? Вот и чеши сама свою ногу!

При этих словах его левая рука, словно живущая сама по себе, поднялась и действительно почесала коленку. Удивившись, Роджер вскочил на ноги и тут же растянулся, так как его левая нога была занята каким-то своим делом и не поддержала его.

— Я беру на себя левую половину,— командовал голос К'Нелл,— а тебе отдаю правую. Соберись, настройся на нашу миссию и возвращайся в Канал!

Роджер попытался состроить недовольную мину, но левая половина его лица, казалось, одеревенела.

— Я парализован! — завопил он, запутавшись.

В этот момент он получил хороший толчок в бок, от которого свалился со стога на грязный земляной пол. Дверь распахнулась настежь, и на бледном фоне предрассветного неба возник высокий, худощавый человек в широких рабочих брюках и с вилами в руке.

— А, это опять ты, Энди Баттс,— торжествующе произнес злой голос.— Я ведь предупреждал тебя, скотина, что не надо бегать ко мне на сеновал и пугать Джорджа и Элзи. Черт возьми, я заставлю тебя отрабатывать за свои ночные визиты. Начни с конышни. Вылезай отсюда и за дело, парень!

Роджер попытался встать на четвереньки, но вместо этого упал лицом в грязь.

— Да ты, к тому же, пьян в стельку! — зарычал человек с вилами, и пошел на Роджера, выставив вилы вперед.— Ну-ка, быстренько подбирай свои нюни и выметайся отсюда, а то, клянусь, будет хуже! Ты у меня узнаешь, что ждет непослушных! Вставай же, черт! — Человек ткнул его вилами.

Увидев блестящие наточенные зубы, Роджер издал несколько нечленораздельных звуков, поджал под себя одну руку и одну ногу и попытался начертить на полу круг. Хозяин посмотрел на него вытаращенными глазами.

— Энди, дружище, что с тобой! — поперхнулся он.

— Помоги! — попытался закричать Роджер, но при этом издал лишь хриплый клекот и снова упал лицом в грязь.

— Энди, тебя хватил удар! — завопил вилоносец.— Не шевелись зря, Энди! Я сбегая за доктором Вакерби.

Путем невероятных усилий Роджер — он же Энди Баттс — смог обрести контроль над своими членами, распрямив их в диком прыжке при попытке вскочить на ноги. Попытка частично удалась, он распрямился, бешено завращал руками перед лицом замороженного хозяина и перед тем, как обрушиться на землю подбородком вперед, успел начертить для него в воздухе множество стремительных кругов.

— Он сошел с ума! — завопил хозяин, поспешно поднимаясь, и выбежал вон.

— Что ты собираешься предпринять? — спросил неслышимый голос. — Этот маньяк мог убить нас!

— Отдай мою ногу! — решительно потребовал Роджер. — Надо срочно выбираться отсюда!

— Немедленно входи в Канал, — скомандовала К'Нелл, — иначе я не позволю тебе двинуться с места!

— Ты что, дорогая, спятила? Или тебя надо немножко пощекотать вилами, чтобы ты знала это ощущение?

— Ничего у тебя не получится! Я отдам в твоё распоряжение всю нервную систему. Лови ощущения сам!

— Но я не знаю, как снова попасть в Канал! — воскликнул беззвучно Роджер.

— Пробуй!

— Ладно... — Роджер лег на пол и закрыл глаза.

Он погрузил взгляд в аморфную серую массу, где медленно плавали едва светящиеся пульсирующие точки и штрихи. Он пытался найти ключ — все, что угодно, лишь бы выбраться отсюда! Вместо этого в голову лезла всякая чушь: он представлял приблизительный вес своего жирного — с тех пор, как произошло переселение в Энди Баттса — тела, слышал скрип двухнедельной щетины на подбородке, болезненно реагировал на голодные желудочные спазмы, усугубленные отвратительными ощущениями утреннего похмелья.

— Фу, — плевалась К'Нелл, — меня тошнит!

— Молчи! Дай сосредоточиться!

— Быстрее, прошу тебя! Эти варвары уже рядом.

— Я делаю все возможное! — закричал зубами Роджер, обнаруживая по ходу дела, что скрипеть приходится голыми деснами, что на языке появился какой-то странный отвратительный налет, в глазах — резь, голова чешется усилиями многочисленных суестьных насекомых, носки источают омерзительно несвежий запах и плюс ко всему — непонятная боязнь доктора Вакерби.

— Владелец этого несчастного тела пристаёт со своими проблемами! — беззвучно пожаловался Роджер.

С большим трудом ему удалось отвлечься от реакций и ощущений Энди Баттса, чтобы освободить своё сознание для концентрированного гипнотического воздействия. Серость возвращалась, очищалась от примесей, становилась более воздушной и проницаемой. Два источника тихого света медленно вплыли в круг его сознания, неся успокоение.

— Мне кажется, я обнаружил наши тела, — рапортовал он. — Попробую войти в них...

Он призвал всю свою волю для слияния с желанными объектами, которые продолжали смутно и бесформенно покачиваться толи в непостижимой дали, толи в нескольких миллиметрах. До

его сознания донесли приглушенные шаги и возбужденные голоса идущих, он еще раз смутно пережил все страхи и боли несчастного Баттса. В последнем отчаянном порыве он бросился к ближайшему свету и тотчас же почувствовал ответный толчок, словно К'Нелл с силой оторвалась от него.

Роджер очутился в каком-то узком пространстве, которое сдавило его не хуже смиренной рубашки. Вокруг него что-то трещало и ухало; резкие и неприятные запахи бередили его обоняние. Размытые серые и белые формы неповоротливо шевелились перед глазами. Он хотел раздвинуть невидимые преграды, кричать о помощи... Он чувствовал под собой массивные, неповоротливые члены, под грубой оболочкой играли неведомые, нечеловеческие мышцы. Поле его зрения постоянно качалось, и, наконец, он увидел грандиозные контуры какого-то очень крупного тела. Он несколько раз моргнул, но видение не пропадало — это была здоровая тягловая лошадь из конюшни.

— К'Нелл! — взмолился он.

Вместо голоса раздалось лишь громкое рычание. Он отпрянул назад, но почувствовал препятствие, и его мощные задние ноги, управляемые забытым инстинктом, совершили великолепный подскок. Какие-то доски пугающе трещали и лопались. Панический лошадиный бессознательный страх толкал его вон — прочь из стойла. Вокруг него толпились маленькие взволнованные людишки. Он жаждал простора, стремился к открытым бесконечным пространствам, рвался на волю, но на его пути смутно возникло что-то темное и длинное. Он одним махом перескочил препятствие и безумным галопом помчался в бескрайние зеленые поля, полные свободного воздуха и безмятежной неги.

В его сознании возник смутный будоражащий образ молодой кобылки, ее уютной, упруго изогнутой телесности, и он остановился, закрутился на месте, пытаясь взбужшими ноздрями поймать ветер, энергично фыркнул, ибо это был точно ее запах. Его огромное сердце забилося медленно и гулко, но запах родной конюшни наполнил его забытыми и вдруг воскресшими страхами и тревогами... Понутив большую голову, он побрел назад. Неожиданно показалась кобылка, приближающаяся галопом, и он заметил ее дрожащие ноздри, когда она его нюхала...

— Т'Сон, что ты наделал?

Слова, кажется, имели какой-то смысл — какой-то... но постичь этот смысл было так сложно, что требовалось какое-то страшное усилие...

— Т'Сон, напряги память! Вспомни инструктаж и соберись! Подумай о Миссии!

Он же лишь игриво и шаловливо ринулся к ней, а когда она отпрянула, даже не подумал отчаиваться. Смутное, но воистину

огромное желание зашевелилось в нем, взметнуло его на дыбы, исторгло из могучей груди неистовое ржанье, заставило вновь и вновь домогаться ее, возобновляя атаку.

— Остановись же, идиот! — приказала К'Нелл, когда они скакали совсем рядом, когда их плечи касались, ибо он неизменно следовал за ней, несмотря на то, что она тщетно пыталась отскочить в сторону, — Т'Сон, друг, попробуй! Ты ведь можешь освободить нас от этого кошмара! Сконцентрируйся на своих параметрах!

— Элси, о, Элси, ты прекрасна! — Роджер словами смог раскрыть свои чувства. — Ты так желанна, Элси! Так... страшно кобыльна!

— Ох, как я кобылну тебя по одному месту, когда мы освободимся от лошадности, кретин ты этакий! — неслышный, но резкий голос К'Нелл нарушил эйфорию. — Вспомни о Канале, о Музее, о тех тысячах ни в чем не повинных людей, запертых, как обезьяны в клетках капуцинов! Вспомни, как еще недавно ты хотел освободить нас всех, спуститься по Каналу к истокам Времени!

— Да, я... кажется... вспо... Но все это так расплывчато и неважно по сравнению с тобой, обворожительной, божественно изогнутой и манящей...

— Потом, Т'Сон! — воскликнула в порыве К'Нелл. — Сначала возврати нас в наши человеческие формы, а потом говори о манящей изогнутости.

— Не надо мне говорить, — Роджер поднимал голову, стуча копытом оземь. — Мне надо тебя саму!

— Т'Сон, о Т'Сон, а как же Канал? Вон смотри, к нам приближается фермер! Он впряжет тебя в плуг, и ты будешь пахать весь день, как самая обычная рабочая скотина, а вечером тебе уже ничего не захочется, честное слово!

— Я не хочу в плуг, Элси, я не хочу...

— Я понимаю. — В ее голосе Роджер услышал смятение. — Но ведь только Канал сможет соединить нас! Мы будем вместе...

— Вместе? В Канале? — Роджер изо всех сил пытался осознать значение этих слов, но это было трудно — в голове у него осталось совсем мало света.

Он вспомнил серость, их существование в ней, в серости, их совместное присутствие. Ах, вот они парят рука в руке, два таких лучика, один и другой, один и другой за ним.

— Нет, Т'Сон, не то! Это фермер, а с ним кто-то еще! Смотри лучше! Сократи свои параметры!

Роджер наощупь выбрался наружу, резко взмывая вверх. Или вбок? О, нет! Он плыл, он падал и тонул в среде, которая не была пространством, а там, на самом кончике пальцев его протянутой руки... была... была...

— Какой ты беспросветный дурак и кретин! — плыл чистый

и ясный голос К'Нелл.— Зачем же надо было блуждать по чужим грязным телам!

* * *

— Послушай, как же ты мог допустить такую ужасную идиотскую ошибку,— спрашивала она уже тридцать пятый раз за последние четыре субъективные минуты,— и затащить меня в свое дурацкое, недисциплинированное мужское тело?

— Ладно, К'Нелл, каким бы плохим это тело не было, я все-таки вытащил тебя оттуда, не так ли? Чтобы теперь ты могла оказаться в своей глупой, непрочной женской оболочке! — Ему вдруг захотелось плакать — не то, чтобы случилось какое-то несчастье, просто слезы казались совершенно естественными в данном случае.— В конце концов я лишь пытался сделать так, как ты говорила...

— Ха! А ведь стоило не захотеть и поддержать Р'Хита, планировавшего вытащить Усилитель из твоей глупой головы, и тебе была бы крышка! Вместо этого я, как дура, пошла голосовать вместе со всеми, чтобы сохранить тебе жизнь.

— Что ты говоришь? Значит, этот двуличный змееныш Р'Хит действительно хотел моей смерти? Ну уж будь спокойна, я ему пасть порву, пардон, выключу его блок-питание,— поправился Роджер.

— Прекращай болтовню! — осадила Роджера К'Нелл.— Нам надо как можно дольше продержаться в состоянии стаза! Вываливаться из Канала больше нельзя!

— Это могло бы случиться с каждым,— сказал важно Роджер.— А теперь прошу не приставать ко мне со всякой глупостью до тех пор, пока тебе не придет в голову что-нибудь действительно здоровое и конструктивное.

— Конструктивное! Да если бы не я, ты так бы и кобылкал по полям, пытаясь...

— Прошу тебя, не надо! — при воспоминании о столь недавнем состоянии лицо Роджера сплошь покрылось красными пятнами, если, конечно, это было возможно при его теперешней бестелесности.— Давай потом обсудим наши планы и отношения... когда уже будем на месте,— поспешно добавил он.— Могу себе представить, как мы подойдем к этому, который у них там самый главный, и скажем ему что-нибудь очень умное...

— Не нужно представлять, Т'Сон,— отрезала К'Нелл.— Все мыслительные операции предоставь мне. Ты, главное, держи нас обоих в фокусе, пока я работаю. Что касается места и цели нашего назначения... Не думаю, что мы сможем заранее представить его

и спланировать поведение. Будем действовать по обстоятельствам, как говорится, сыграем на слух... только запомни, ключ дам я... а ты будешь...

— Слушай, почему это ты вдруг после всего заговорила с таким апломбом?

— Спрашиваешь, — выпалила К'Нелл. — Потому что возвратилась в свою тарелку. Когда я сидела в твоём глупом и неловком теле, у меня были соответствующие слова и мысли.

— Остаь в покое мои слова и мысли, прошу тебя!

— Успокойся. Я проверю цепь. Если уж мне раз довелось жить твоим умом, я должна понять, с чем имею дело, с чем придется работать... — Последовала секундная пауза. — Слушай. В недрах твоего мозга просто лежи неиспользованных, не востребуемых возможностей. При необходимости я должна уметь извлечь их!

— Ты уж лучше подавай команды, — проворчал Роджер. — Не порти дело своими экспериментами, когда я все-таки возвратил нас в исходное положение, или, скажем, почти в исходное.

— Команды даются, чтобы их не выполняли, да? — с вызовом бросила К'Нелл. — Мне кажется, мне очень кажется, что стоит лишь чуть-чуть подтолкнуть вот этот твой параметр, а затем сместить его относительно оси... повернуть вот так... — Рожер почувствовал, что его внутренняя система координат заваливается набок и с треском рушится.

— Хватит, — закричал он. — Ты сделала что-то не так!

— Фу ты! Держись крепче! Наверное, я повернула не ту точку.

Роджера затошнило, когда среда их движения неожиданно стала обрушиваться вниз. Он чувствовал себя энергично протянутым в бесконечности, потом вдруг сжатым до размеров точки и меньше, еще меньше, пока не исчез, чтобы вынырнуть с противоположной стороны. В глаза ему бил свет, уши разрывал рев; его крутило, бросало вниз и, наконец, опустило в какой-то холодный сироп.

Он почувствовал резкий удар, дважды перекувыркнулся, открыл глаза и увидел, что покоится на убегающих в бесконечность волнах травы, мерцающей выпукло и таинственно, травы, подсвеченной, как в аквариуме, откуда-то снизу и под совершенно черным бархатно-мягким небом. Он видел, что его распростертое тело отливало в темноте нежным, насекомоподобным зеленым цветом. Рядом испуганно сидел какой-то светящийся тип с всклокоченными волосами, теребя двухнедельную щетину.

«О, Боже, неужели я выгляжу так же? Неужели это я сам?» — подумал Роджер, осмотрел себя и взглянул на колыхание травы.

— Может быть, хватит трепаться и рассматривать меня! — расслышал Роджер ее голос сквозь рев и треск бархатного неба. — Где же твои хваленые идеи?

ГЛАВА 8

— Как ты думаешь, где мы сейчас? — полубопытствовал Роджер, с воодушевлением счищая мерцающую пыль с самых изысканных форм своей новой оболочки.

— Откуда мне знать, — без энтузиазма откликнулась К'Нелл.

Она неловко распрямила свои мужские члены, прошлась взад и вперед, как актер по освещенной сцене, неумело махая руками Роджера и насупленно приглядываясь к ряду фосфоресцирующих холмов, окаймлявших осиянный неведомым светом пейзаж.

— Каким образом ты управляешься со своим чертовым телом? Эти боты весят каждая по тонне, а тазобедренные кости словно кто-то специально сплющил.

— Готов, не глядя, поменяться! Не слишком весело ощущать, что твоя задница с хорошую милю шириной, а через шею для смеха перекинули пару хороших гирек.

К'Нелл внимательно посмотрела на Роджера, отвела взгляд, потом снова посмотрела.

— А знаешь, пожалуй, это не самая уродливая штукавина, которую я видела. — Она подошла еще ближе. — В этом, скажу тебе, есть что-то очень волнующее, то, как он... как бы возникает то там, то здесь, а при ходьбе... — она осеклась, и в ее глазах Роджер прочитал удивление и возмущение. — Святой Боже, — прошептала она. — Неужели это обычные чувства мужчины?

— Уйди отсюда, маленький онанист! — воскликнул Роджер, попятившись, но успевая заметить, что в самом его негодовании, порожденном откровенными словами, можно уловить чрезвычайно приятные обертоны.

— О, несчастный! — молвила К'Нелл. — Могу себе представить, что у вас за жизнь, если самое простое появление женщины возбуждает такие реакции.

— Но ведь я не женщина! Я — Роджер Тайсон, мужчина на все сто процентов, и в моих жилах течет горячая мужская кровь. А ты, пожалуйста, протягивай свои шелудивые руки к себе самой... в смысле... мои шелудивые руки.

— Ты уверен, что хочешь именно этого? — спросила К'Нелл.

— Уйди, — воскликнул Роджер. — Ты снова начинаешь свои содомские штуки.

— А сам-то хорош, нечего сказать. Тебе что, трудно прикрыть свои дурацкие выпуклости, эксгибиционист несчастный! Что же ты думаешь, я смогу предпринять что-нибудь умное и полезное, когда сам выставил на всеобщее обозрение свои бесстыдные формы? А, ты специально это делаешь, чтобы таким образом доказать свою силу!

— Первый раз вижу такой оголтелый пуританизм, — поморщил-

ся Роджер. — Именно такие пачкуны, как ты, ответственны за распространение в мире ханжества и лицемерия! Не моя вина, что один мой вид приводит тебя в исступление. — При этом его правое бедро совершенно бесстыдно поехало вбок и на глазах у возмущенно содрогнувшегося верха соорудило идеальную арку.

— Эй, — крикнул Роджер. — Это не моих рук дело, это твоё бесстыжее тело вытворяет такие фокусы! Я начинаю понимать, сколь велико число всех этих стратегических движений на вооружении женщины!

— Почему стратегических? Ты разве видишь здесь какую-то борьбу, войну, битву? — резонно спросила К'Нелл, но при этом на ее лице, то есть на физиономии Роджера, гуляла противно-порочная ухмылка, замеченная им с отвращением. Никогда, никогда раньше он не позволял бы себе посмотреть так на беззащитную женщину.

— Эй! — К'Нелл указывала на что-то рукой. — Приближается престранная компания! — Она сделала шаг вперед, закрывая своим телом беззащитного Роджера.

Из-за ближайшей горы на сцену действительно выходила очень странная процессия. Это была светящаяся лошадь бледно-бирюзового оттенка, на совершенно черной сбруе которой болтались сверкающие разноцветные фонарики, напоминающие рождественские елочные огоньки. На лошади восседал всадник — его кожа или шкура отливала бледно-голубым. Одет он был скудно, зато на голове красовались яркие перья, развевающиеся подобно языкам пламени. Всадник скакал галопом, однако это не мешало ему подтянуть уздечку и остановиться в пяти метрах от незадачливых путешественников. Незнакомец заговорил, если можно так выразиться, ибо звук его голоса походил на магнитофонный шум при проигрывании пустых участков ленты.

— Успокойся, малыш, — молвила К'Нелл очень серьезно. — Я беру это чучело на себя. — И она выступила вперед, уперев руки в боки.

Как только она прожужжала что-то непонятное на своем скоромне, всадник хватил ее по голове палкой, увенчанной хорошим набалдашником.

— Эй ты, монстр! — взвизгнул Роджер и бросился на помощь своему поверженному телу.

— Каково... — раздался возмущенный голос К'Нелл.

Она бросилась ему под ноги, сильно оттолкнув его в сторону, стремительно вскочила на ноги и, поймав вторично поднятую на нее палку, сильным ударом выбила всадника из седла.

Кобылка смущенно потупилась и галопом усакала прочь, оставив всадника и К'Нелл свирепо кататься в пыли под глухой аккомпанемент ударов. Сверху оказывались то голубые руки, то грязно-

белые. А когда К'Нелл, после очередного кувырка, сумела запрыгнуть на голубое тело, нещадно молотя того кулаками, Роджер ощутил странное волнение.

— Порядок, кто следующий? — с вызовом бросила она, делая руками победные жесты. Голубой лишь тихо стонал. — Что ж, желающих, как вижу, больше нет! — подвела итог К'Нелл, широко улыбаясь.

Роджер в первый раз заметил, какая глупая у него улыбка... хотя... Хотя, с другой стороны, она была достаточно мила и в ней читалось что-то... мальчишеское, вызывающее материнское желание потрепать дитяtku по голове и нежно поцеловать в лобик.

— Никогда раньше не понимала, почему ваш брат так любит все эти рукопашные поединки, — радостно воскликнула К'Нелл. — Пожалуй, это хорошо успокаивает нервы, когда удачно заедешь кулаком по чьей-нибудь противной скуле.

Она как бы случайно опустила тяжелую руку на плечо Роджера, и тот с ужасом заметил, как его предательские колени начали мелко дрожать.

— Убери руку, варвар ты этакий, — взвизгнул Роджер, стряхивая с себя это обидное проявление снисходительного доверия. — Посмотри лучше на этого несчастного! Ты же, наверное, убил его!

Роджер опустился на колени у поверженного голубого тела и принялся тщетно лупить его по голубым пыльным щекам — воин лежал без сознания. Наконец он открыл глаза, совершенно желтого цвета — две подсвеченные капельки лимонного сока — и улыбнулся, демонстрируя прекрасные зубы. А в следующую секунду голубая рука нежно, но настойчиво сжимала его бедро. Подчиняясь неведомому рефлексу, Роджер наградил голубое ожившее лицо звонкой пощечиной наотмашь, послав однажды побежденного в следующий нокаут.

— Уж не собирается ли он оживать, этот горе-наильник? — встрепенулась К'Нелл, походившая в этот момент на драчливого петуха.

— Не твое дело, — отвечивал Роджер. — Придумай лучше что-нибудь, чтобы вытащить нас отсюда.

— У меня руки чешутся еще раз сделать этого дегенерата...

— К'Нелл, о чем ты думаешь? Лучше сконцентрируйся на наших параметрах, которые так беспокоили тебя совсем недавно!

— Поверь мне, у таких маньяков только одно на уме!

— Как, впрочем, и у меня. Я хочу выбраться отсюда и только! Неужели ты еще не понял, что это совершенно иная среда! Хорошо еще, что мы способны дышать этим воздухом! Но если будем медлить, доза радиации может оказаться смертельной!

— Интересно, — К'Нелл рассматривала аборигена с несвойственным отвлечением, — почему этот клоун протягивал к тебе руки?

— Сама должна знать, — ответил Роджер. — Все мужчины одинаковы! Я имею в виду, что... э... сам факт принадлежности к мужскому полу... в смысле... э... ну, ты меня понимаешь... и потому вполне естественно...

— Наверное, ты сам не имел ничего против! — бросила обвинение К'Нелл. — Ах ты, маленькая грязная проститутка!

— Возьми себя в руки, К'Нелл! На карту поставлены наши жизни! Тысячи других жизней! Постарайся вспомнить свой неудачный эксперимент и проделай его в обратном направлении.

— Мне кажется, мы попали в универсум с обращенными полюсами, — безответственно бросила К'Нелл, — но давай забудем об этом на время. Знаешь, Т'Сон, — в ее голосе появились сальные обертоны, от которых у Роджера мурашки пошли по коже, — ведь у нас даже не было возможности узнать друг друга. — Она оказалась еще ближе. — Там, в Первой Культуре, они меня совсем загоняли, так что у меня даже не нашлось времени посмотреть на тебя, увидеть — какая у тебя приятная... э... личность.

— Оставь мою личность в покое, — вспыхнул Роджер. — Лучше подумай, как нам вернуться в свои параметры.

— Каким образом, скажи мне пожалуйста, я могу сконцентрироваться на технических вопросах, если каждая деталь твоей маленькой фигурки всякий раз вызывает во мне очень странное ощущение... твоя тоненькая талия, твои удивительные...

— Послушай, К'Нелл! — сурово сказал Роджер, отстраняя настырные руки. — Держи себя, в смысле... меня, в руках! Ясно, девочка? Вспомни о своем благоразумии! Вспомни, что говорил нам С'Лант. Если мы не сломаем этот капкан, весь пространственно-временной континуум окажется открытым во всех направлениях! Представь себе, какая поднимется суматоха, когда по Европе во время Первой мировой проскачет Чингиз-Хан, а Людовик Пятнадцатый встретится с генералом де Голлем, а Тедди Рузвельт...

— Хорошо, хорошо, я понял, что ты хочешь сказать, — К'Нелл немного отодвинулась, тяжело дыша. — Ты уверен, что не хочешь... — И снова придвинулась.

— Нет! Давай сразу — быка за рога — Канал! Ведь это совсем нетрудно, К'Нелл. Закрой глаза и начинай мысленно взбивать эту серость до консистенции... заварного крема.

— Я пытаюсь, — промямлила К'Нелл, закрывая не свои глаза, — но в голову все время лезет всякая дрянь!

Роджер тоже закрыл глаза.

— Здесь нет ничего сложного, — начал он спокойным менторским тоном. — У меня с этим не было никаких проблем. Каждую ненужную мысль откладывай в сторону.

— Знаешь, когда ты бежишь, у тебя все восхитительно трясется, — простодушно заметила К'Нелл.

— Поверь мне, это к делу не относится,— холодно ответил Роджер.— Ну же, возьми себя в руки и подумай о главном!

— Я и думаю! И ни о чем другом я думать не могу! Огромные упруго-выпуклые галактики скачут галопом... Т'Сон! Я восхищаюсь вами, мужчинами, честное слово, что вы ухитряетесь иногда сдерживать свои порывы! Это как... как...

— Как ничто другое на свете,— подсказал Роджер.— Я прекрасно помню... хотя... хотя теперь это представляется весьма глупым... Остается только предположить, какую важную роль играют железы внутренней секреции... в философии, например.

— Ты прав,— сказала К'Нелл задумчиво.— Но в конце концов это твоя вина, что нас отправили вместе, значит, ты не можешь не хотеть...

— Прекрати! Что ты уговариваешь меня, как женщину?— вскричал негодуя Роджер.— Лучше попытаемся сконцентрироваться вместе! Вдруг вместе у нас получится?!

Он мысленно устремился к каким-то смутным предметам, плывущим перед закрытыми глазами, но они неожиданно пошли пузырями и не позволили Роджеру войти в характерную серость Канала.

— Как дела, К'Нелл? — спросил он.

— Не знаю... мне кажется...

— Правда? Попробуем еще раз! Ты способна на это?

— Возможно,— проговорила К'Нелл,— но я бы советовала тебе открыть глаза.

Роджер внял ее совету — зрелище оказалось не самым веселым: всюду торчали острые копыта, а за ними угадывались призрачные очертания окруживших их голубых всадников.

* * *

— С ума сойти! — говорил Роджер часом позже, когда они уже пережили варварскую транспортировку верхом рядом с потными голубыми телами и унизительное интервью в совершенно темной комнате в присутствии невидимых свидетелей.— Подумать только! Догадаться посадить нас в одну камеру!

— Зато это означает всего лишь одну дверь, через которую нам желательно прорваться,— ответила К'Нелл.— А ты бы, наверно, хотел отдельные комнаты? Мужскую и женскую?

— Почему ты такая грубая? — Роджер трагически сцепил пальцы и быстро расцепил, шокированный собственным жестом.

— Давай будем смотреть на вещи реально! — предложила она.— Что мы имеем: мне приходится пользоваться не самым со-

вершенным мозговым аппаратом по твоей вине, Т'Сон. Я со своей стороны делаю все возможное...

— Ты что-нибудь поняла на допросе?

— А что я могла понять? Темно, хоть глаз выколи, неслышные голоса... Я, например, вообще не уверена, что нам задавали какие-нибудь вопросы.

— Да нет, вопросы были,— произнес Роджер важно,— и их скоро возобновят, потому что они еще не закончили допрос...

— Откуда ты знаешь?

— Так, женская интуиция.

— Ах, только это,— протянула К'Нелл разочарованно,— всякая мешанина из полудогадок и полумечтаний.

— Сама увидишь,— обиделся Роджер.— А теперь тихо. Если ты сама ни на что не способна, не мешай хотя бы мне.— Он вытянулся на полу и попытался заглянуть в серые круги, мерцающие перед его закрытыми глазами...

...Но был разбужен тычком ноги в бок. Рядом с ним К'Нелл пыталась совладать с двумя представительными флюоресцентными стражниками.

Теперь их толкали самым бесцеремонным образом, ведя по длинным сумрачным коридорам... и наконец они оказались на огромном тюремном дворе, обнесенном мощными стенами, под сереющим небом полдня. На небе можно было увидеть какие-то темные точки, словно над ними завис гигантский негатив астрономической фотографии.

— Мне кажется, я начинаю понимать, что значит этот странный свет,— шепнул Роджер на ухо К'Нелл, когда они стояли у шерба-той стены.— Дело в том, что спектр наверняка смещен — мы видим тепловые колебания — поэтому живые существа светятся, а световые колебания сместились в диапазон радиоволн.

— А я, кажется, начинаю понимать нечто более интересное,— поведала К'Нелл.— Эти десять голубых стрелков напротив с ружьями в руках — убойная команда! Нас хотят расстрелять!

— Не удивительно, ты был прекрасным дипломатом,— горько пошутил Роджер.— Если все готово, чего же они ждут?

— По крайней мере, мы избежим пыток,— шепнула К'Нелл.— Успокойся и сосредоточься! Попробуем вместе. Может быть, перед лицом смерти я смогу использовать те девяносто два процента твоей мозговой площади, которые, согласно показаниям прибора, остались невостребованными.

— А я не знаю, что делать с твоим мозгом.

— Попробуй, разыграйся! Это прекрасно настроенный инструмент, прошедший школу изощреннейшей ментальной дисциплины Первой Культуры. Пользуйся им смелее!

Напротив них выстроились десять голубых стрелков. Ярко-

желтые глаза, казалось, проверяли качество живых мишеней, горя в жутком сумраке тюремного двора. Роджер задрожал.

— Не могу,— простонал он.— Все, на что я способен, это думать о предстоящей боли.

— Тогда все пропало,— сказала К'Нелл.— Боюсь, что твои панические реакции уже нарушили и мою выверенную концентрацию.

— Твои слова обидны,— молвил Роджер, чувствуя стремительный прилив непонятной нежности к этой девочке,— но я не буду обижаться, не думай.

— Ты способен проглотить все, что угодно! Это поразительно! Жертвенная самоотверженность проститутки!

— Как тебе не стыдно! Когда ты сходил с ума от вожделения, все было нормально, но стоило мне раз пожелать тебя — и ты называешь меня проституткой!

— Успокойся! Я не имел в виду ничего обидного!

— Черт тебя побери! Мне-то казалось, я тебе нравлюсь, а ты лишь развлекалась, проверяя мои реакции!

— Это неправда! Ты очень хороший, очень красивый... Я думала... Только какое это имеет значение теперь? Это конец. Прощай, Т'Сон. С тобой было интересно...

Роджер не отвечал. Завороженный, он смотрел на десятерых голубых стрелков, заряжающих десять ружей. Внезапно перед глазами Роджера задрожала вертикальная линия света, между ними и их голубыми палачами с наведенными дулами. Она ускользала, появлялась снова, змеилась, мерцала...

— Т'Сон! — закричала К'Нелл.— Это двери! Это старый добрый С'Лант пришел нам на помощь!

— Только бы он поторопился и скорее сфокусировал линию,— проскрежетал Роджер.— Через какие-нибудь две секунды...

— На счет три ложись! — шепнула К'Нелл.— Раз! — Убойная команда прицелилась.

— Два!

Дверь была сфокусирована, и оттуда показалась непонятная, кирпично-красная приземистая форма. Форма с двумя пучками пальцев отделилась...

— Три! — крикнула К'Нелл.

Роджер бросился плашмя на землю, явственно ощутил пульс предгромовой тишины, увидел гигантскую тушу, разорванную целым ливнем пуль, предназначавшихся для людей...

Пораженные стрелки застыли с открытыми голубыми ртами, замороженные зрелищем неведомого существа, таинственно возникшего между ними и их мишенями.

— За мной! — вскричала К'Нелл, хватая Роджера за руку.

— Это... это не та дверь, — пятился Роджер.

— У нас нет выбора! — воскликнула К'Нелл.
— Ты права, — Роджер задохнулся; они вместе бросились вперед, нырнув в спасительное отверстие.

ГЛАВА 9

Они мчались в вихре тишины и света, который курился вокруг них, переливался, сверкал и пульсировал голубым, красным, золотым, зеленым, как порвавшееся, падающее драгоценными камнями ожерелье.

— Как чудно! — услышал Роджер знакомый голос. — Но где мы? Это ведь не Канал. В пределах нашей модели экстраполированной Вселенной такое невозможно!

— И все же это есть! — ответил Роджер. — А мы по-прежнему живы и можем наслаждаться этим!

— Надо немедленно вычислить наши координаты, чтобы понять, куда мы несемся с такой скоростью. Вдруг мы на пути к их базовому центру?

— Все может быть, — согласился Роджер. — А скорость действительно колоссальна.

Здесь так же, как и в Канале, отсутствовало ощущение пространства и казалось, что они мчатся в какой-то совсем иной среде.

— Хочу еще раз поиграть нашими параметрами, — сообщила К'Нелл. — Как бы то ни было, а в этой среде заниматься этим гораздо проще, здесь мы удивительно пластичны!

— Только смотри, не переверни наши параметры еще раз! — предупредил Роджер.

— Как раз этим я и хочу заняться! — призналась К'Нелл. — Только боюсь, что простая перестановка вряд ли поможет нам стать самими собою...

Облака света жили своей жизнью, то пропадая, то громоздясь грозowymi тучами, мерцая бледно и жутко. Им казалось, что они плыли по бушующему небу, огибая разноцветные гряды кучевых облаков, не понимая, где верх, где низ, забыв о существовании земли. Они падали вниз утомленными чайками, носились между башнями и среди ущелий, пронзали насквозь упругие громады волн, ныряли в коридоры воздуха и света, легко и плавно скользили по глади сплошных облаков.

— Мне нехорошо, меня тошнит, — не выдержала в конце концов К'Нелл, бросилась вниз и, задержавшись, перевернулась на спину. — Сплошная относительность и никакой системы координат!

— Если бы хоть что-нибудь оказалось под ногами, хоть какой-нибудь упор, — мечтал Роджер. — Боюсь, что у меня тоже начинается эта болезнь... воздушно-морская...

Едва Роджер произнес свою реплику, как почувствовал что-то твердое под ногами. Он посмотрел вниз — под ним оказался кусочек бледно-голубого пола.

— К'Нелл, смотри! — он замахал сверху руками.

— Откуда это взялось? — спросила она.

— Я просто подумал о нем — и он появился!

К'Нелл подлетела ближе, грациозно изогнулась и слегка коснулась пола.

— А ты действительно на нем стоишь, Т'Сон? — Она ткнула объект пальцем, потом оперлась кулачком. — Вполне твердый! Удивительно! Очевидно, мы попали в какое-то на редкость податливое пространство, принимающее конкретную форму наших мыслей и желаний!

Роджер опустиллся на четвереньки, подполз к самому краю и, заглянув под них, посмотрел кругом.

— Пол толщиной в дюйм, — констатировал Роджер. — Нижняя поверхность не обработана.

— Осторожней, Т'Сон, — предупредила К'Нелл. — Смотри, не сдвинь как-нибудь наши парааметры и... Скажи, а ты можешь чуть увеличить его в размерах?

— Попробую... — Роджер закрыл глаза и представил, как пол увеличивается в размерах до шести метров с каждой стороны, плавно закругляясь по краям.

— Здорово получилось! — ликовала К'Нелл. — Просто здорово! Хороший Мальчик!

Открыв глаза, Роджер с удовлетворением заметил, что пол стал таким, каким он его представлял. Они вместе подошли к самому краю.

— Знаешь, у меня немножко кружится голова, когда я смотрю вниз и вижу пустоту, — призналась К'Нелл и отступила на шаг. — Может быть, мы ее чем-нибудь заполним?

Роджер представил зеленую травку и раскидистые деревья... и прохладную тень под ними.

— Здорово! — воскликнула К'Нелл, проверив качество чудесного парка. — Может, стоит мне самой попробовать?

— Будь осторожна, — предупредил Роджер. — У тебя может не хватить сил справиться с этим.

— Отойди, — посоветовала К'Нелл.

Роджер увидел, как перед ним в мгновение ока воздвиглась высокая стена, как она секунду простояла белой оштукатуренной, а потом в ней прорезалось несколько кривое оконце с розово-красными занавесками, через которое на него устремился яркий солнечный свет. Роджер обернулся. Он находился в комнате — настоящей комнате со стенами, крышей и даже ковриком, на котором росли алые и желтые цветы.

— Ничего особенного,— сказала К'Нелл.— Так, теперь пару стульев...

Появилась пара массивных, плохо подходящих друг к другу кресел, дополненных самыми дурацкими подушками, обтянутыми черным блестящим сатином с голубыми буквами SAIGON и MOTHER.

— Ужас! — не выдержал Роджер.— У тебя совсем нет вкуса!

Он представил два изящных стула в стиле Чиппендейл, добавил сбоку столик, на котором оказался серебряный поднос с дымящимся чайником и пара грациозных чашек.

— Тебе налить? — предложил Роджер.

— Спасибо, я лучше сотворю что-нибудь витаминизированное,— пожелала К'Нелл и со стуком произвела на свет бутылку с кричащей этикеткой. Затем она придумала штопор и налила полную чашку своей ядерной смеси.— Неплохая штука,— воскликнула она, прищелкнув язычком.— Хочешь попробовать? •

Роджер посмотрел на яростно пенящуюся шипучку и содрогнулся.

— Конечно, нет! — отозвался он.

К'Нелл снова наполнила чашку, прошла по комнате, попутно вешая по стенам безвкусные картинки в золоченных рамках и расставляя повсюду лампы с причудливыми абажурами — Роджер лишь морщился от всего этого безобразия.

— Неплохо,— подвела она итог.— Но чего-то все равно не хватает.

Она пронзила глазами стену — появилась дверь. Открыв ее, она придумала спальню, в которой не было ничего, кроме огромной кровати.

— Как насчет этого, Т'Сон? — спросила К'Нелл.— Может, ты хочешь отдохнуть?

— Не стоит снова возвращаться к этому,— заметил Роджер.— Ты, главное, помни, что единственной целью нашего домостроительства было обретение каких-то ориентиров.

— Нельзя же все время думать о работе, Т'Сон! Иногда так хочется развлечься!

— Я не позволю развлекаться собой! — закричал Роджер.— В конце концов я мужчина! Перестань кобылить и отдай все силы решению основной проблемы!

— Я так и делаю, Т'Сон.

К'Нелл налила третью чашку с краями, осушила одним залпом, со стуком опустила на стол и страстно потянулась к Роджеру. Роджер подпрыгнул и спрятался за креслом.

— Перестань сейчас же, или я приглашу самого огромного полицейского, какие бывают на свете,— закричал он.

— Правда? — К'Нелл попыталась схватить его, но промахну-

лась, с трудом удержавшись на ногах. — Кажется, смесь начинает действовать, — еле слышно сказала она. — Но это лишь способствует установлению праздничной атмосферы.

Она отставила чашку, еще раз атаковала Роджера, но зацепилась ногой за кресло и живописно растянулась на полу.

— Я предупредил тебя! — Роджер закрыл глаза и представил двухметрового штурмовика в подкованных железом ботинках, с медными наручниками и кожаным хлыстом с узлами на конце.

Раздался глухой звук и металлическое бряцание. Роджер открыл глаза: огромная фигура полицейского рухнула на пол. А К'Нелл была уже на ногах...

— Не думала, что ты осмелишься на такое, — обиженно воскликнула она, приближаясь к креслу, за которым стоял Роджер.

Несчастный закрыл глаза и нарисовал лестницу, по которой стал стремительно подниматься, перепрыгивая через две ступени. Оказавшись на открытой площадке, он увидел внизу К'Нелл, приближающуюся с кротким видом.

— Еще ступеней! — скомандовал он и побежал наверх.

Лестница представляла собой плавно изгибающуюся спиралевидную конструкцию с перилами из стекла и хрома. Жаль, что он не придумал лифт — на высоте дул очень холодный ветер.

— Крышу! — раздался снизу неистовый крик К'Нелл, и путь Роджера в небо перерезало солидное перекрытие, воздвигнутое на мощных опорах.

— Двери! — вышел из положения Роджер.

Он толкнул получившийся люк рукой и, очутившись на голой крыше, закрыл за собой дверь.

— Давай замок, — задыхаясь, прохрипел он и, повернув несколько раз блестящий медный ключ, бросился на дверь сам.

— Сдавайся! — посоветовала К'Нелл, взбираясь на перила. — Аварийный выход!

— Веревочную лестницу! — попросил Роджер, вцепился руками в болтающиеся перекладки и пополз вверх.

Над ним уже нетерпеливо дрожал гигантский баллон воздушного шара, на упругом выпуклом боку которого метровыми буквами было выведено: ОМАХА, НЕБРАСКА.

— Лук и стрелы! — не отставал нижний голос.

В следующий момент раздался звон тетивы, быстрый шелест стрелы, звук рвущегося материала и длительный шипящий свист. Баллон спускался с удивительной скоростью. Роджер свалился на крышу, сверху упали лохмотья воздушного шара. Убедившись, что путь свободен, он поднялся, оглянулся по сторонам, ища безумную К'Нелл. Его товарищ лежал под перилами без сознания, а рядом дрыгал шупальцами темно-красный одноглазый монстр; казалось, сама его поза источала бесконечную угрозу.

— Пулемет! — заорал Роджер и секунду спустя ощутил под руками холодную железную плоть страшного оружия.

Он щелкнул затвором и обрушил огневой ливень на чудовище... Но вдруг в его глазах загорелся странный свет. Он почувствовал, что пулемет выпадает из рук, ощутил сильную дрожь в коленях. Внезапно храмина его мозга изнутри осветилась католической свечой, свет которой на секунду извлек из тьмы какие-то сияющие фрагменты, мерцающие все слабее и слабее, пока они совершенно не потухли, растворившись во тьме.

* * *

Придя в себя, Роджер понял, что лежит на холодном твердом полу. Он протер глаза и приподнялся, инстинктивно пытаясь найти себе какую-нибудь опору, но тут же осознал, что лежит на небольшой платформе, которая болтается над отверстием бездонной пещеры голубого цвета на одной-единственной тонюсенькой ниточке, выходящей из сложного переплетения разнородных проводов. Воздух был наполнен густым глубинным гулом и, несмотря на это, пах самым обычным канцелярским клеем — библиотечный запах? Он свесился с края плота, но тут же отпрянул, так как взгляд не мог пронзить головокружительную бездну.

— А-хм, я рад, что ты решил реактивировать свое второе тело, — послышался совсем рядом чрезвычайно липкий голос. — Это хороший знак. Возможно, он свидетельствует о скорой встрече двух интеллектов, я надеюсь...

При звуках столь странной речи Роджер от удивления подпрыгнул, но потерял равновесие и опустился на четвереньки. Невдалеке он увидел подвешенный изящно изогнутый пульт, около которого крепился круглый табурет... На табурете восседала аморфная, безглавая грязно-красная Брюква.

— Большой глоток воды, — пожелал Роджер.

— Большой глоток? А, это, наверное, дружественное приветствие на твоём образном языке... В таком случае — большой глоток тебе, сэр или мадам! Прекрасный глоток, не правда ли? Должен признаться, мне до сих пор жутковато... видеть тебя целым и невредимым после того, как ты... совершенно явственно... погиб-погибла в том кювете третьего порядка... Да уж, правду говорят: век живи, век учись! Теперь, когда мы уяснили твою двусоставную природу... мне кажется, у нас не возникнет никаких недоразумений. Все пойдет как по маслу, как говорится. — Его оранжевые переливы, очевидно, выдавали крайнюю степень умиротворения и самодовольства.

— Кто ты... вы?

— Я являюсь формой жизни в высших пространственно-вре-

менных кругах, сэр, где меня знают как Фокса, по имени Уб. Я рад приветствовать тебя в нашем Верховном Управлении. Думаю, ты простишь нас за... несколько негуманные методы транспортировки... Но, учитывая тот факт, что все мои предыдущие опыты ведения переговоров с тобой не увенчались успехом, это был единственный способ доставить тебя сюда.

— Переговоры? — промямлил Роджер.

— Именно так, — слова вылетали из метрового отверстия рта, расположенного под циклопическим глазом. — Теперь о деле. Если ты любезно согласишься открыть мне причины, побудившие тебя преследовать меня, то я...

— Преследовать тебя? — взорвался Роджер. — Это уж слишком!

— О, я понимаю, я все понимаю — в этом проявилась твоя коварная сущность антагониста. Мы ведь подключили к тебе всю экстраполярную компьютерную сеть, чтобы попытаться выявить систему ценностей, лежащую в основе твоих тактических ходов. Мы пришли к такому альтернативному решению: либо ты полный кретин, либо.. враждебно настроенный могучий интеллект непостижимо тонкой организации. Первое пришлось отбросить, так как сам факт, что ты до сих пор жив, говорит за себя. — Ярко-оранжевый оттенок Уба несколько увял, и ему на смену пришел более нейтральный цвет.

— Я-то жив... а что с К'Нелл? — встрепенулся Роджер.

— Прошу прощения, я не загрузил в память это имя, — признался Уб. — Все существа вашего порядка кажутся нам одинаковыми.

— Он симпатичный, — напомнил Роджер, — широкоплечий и курчавый.

— Мы знаем одного, подходящего под эти параметры — с большим носом и близкопосаженными глазами.

— Близкопосаженные глаза? — переспросил Роджер, изо всех вглядываясь в единственный окуляр своего врага.

— Ну да, твое второе тело. С ним все нормально. Так как ты продемонстрировал феноменальную способность реактивировать второе тело после гибели первого, я вряд ли стану пытаться умертвить его каким-либо внешним способом. Наоборот, я хочу прийти к известному, э... взаимопонимаю.

Перед глазами Роджера вдруг предстала жуткая картина: беспомощная К'Нелл в лапах страшилищ.

— Вдруг они решили ее пытать, — пробормотал он. — Вдруг они бьют ее руками и ногами, и она лежит вся в ушибах и синяках — желто-синяя! Подумать только... и на очереди — я, мое тело... и... — Тут он все понял. — Вы думаете, что я — это она! — закричал он. — А она — это я!

— Естественно. Может быть, мы не сразу это поняли, но я все же догадался об этом достаточно быстро. Хотя, с другой стороны, мне совершенно непонятно, для чего ты, существо столь высокой организации, затеял весь этот маскарад с двумя аборигенами трехмерного континуума... Но я не любопытен... нет, сэр, я отнюдь не любопытен! Теперь относительно прав собственности на транс-временной Канал. Поскольку всем этим хозяйством, естественно, распоряжаюсь я сам, то могу тебе совершенно точно гарантировать определенную долю — сам факт твоего появления здесь подтверждает и обеспечивает твое право собственности, отрицать законность которого я не собираюсь. И все же, сэр, при всем моем уважении к вам, давайте попробуем договориться. Приближается день «Д», день начала операции, вот-вот должна начаться генеральная бомбардировка, и я думаю, сэр, что в этих условиях вы не откажетесь сотрудничать с нами, естественно, за приличное, очень приличное вознаграждение!

— Да пошел ты к чертовой бабушке! — заорал Роджер. — Неужели ты на самом деле думаешь, что я продам тебе информацию, которая поможет тебе поработить Землю! Ну и осел же ты после этого!

— Не надо горячиться. Не стоит, — успокаивал его Уб. — Допустим, я уступаю тебе все права собственности на этот прекрасный уютный континуум в нескольких системах координат отсюда. Допустим, вон там, — махнул рукой обиженный Фокс.

— Одного я не могу понять, почему ты решил, что я соглашусь помогать тебе, брюква ты чертова?

— Небольшая коррекция: мы не принимаем в пищу трехмерные васкулярные флюидные образования типа брюква. Нам эти феномены незнакомы. Что касается моего предложения о сотрудничестве, то я готов еще более стимулировать твой интерес в этом деле...

— Никогда в жизни! — отрезал Роджер. — Мы зря теряем время!

— Твоя позиция весьма реакционна, сэр, — важно заметил Фокс. — Я думал, ты захочешь разделить наши интересы!

— Только попробуй, сунь нос на нашу планету! — осмелел Роджер. — Ты, жалкая брюквина, сбежавшая из погреба. Мы будем преследовать тебя в пустыне! Мы будем драться с тобой в городе! Мы нарежем тебя такими ломтиками, что ты сгодишься для французской кухни!

— Послушай, представь себе, я возьму тебя своим партнером, но, естественно, молчаливым.

— Ты не властен сделать меня молчаливым! — воскликнул Роджер. — Я создан по другой схеме, чем ты. К твоей мерзкой организации я не имею никаких отношений.

— Мерзкая, сэр? Я бы так не сказал. Мне кажется, я в силах

придумать какое-нибудь грандиозное развлечение для себя и тех десятков миллионов замученных, задавленных существ!

— Так ты хочешь поразвлечься? — в ужасе спросил Роджер.

— Ну, конечно, а что же еще? Я думаю, массы будут визжать от восторга. Сам я, разумеется, все это видел не один раз, но в сегодняшней ситуации, учитывая беспрецедентную тупость и низость масс, открываются уникальные возможности для хорошей комедии, особенно интересной для детей.

— Да ты монстр в человеческом облике! — ужаснулся Роджер. — Или нет, ты — человек в образе монстра! Ты знаешь, что такое совесть!

— При чем здесь совесть? Это бизнес, вот и все. Только бизнес, сэр!

— Такой дьявольский бизнес никогда не сможет опутать Землю, запомни это; даже если бы я согласился помогать тебе!

— А, теперь я начинаю понимать... — взвизгнул Уб. — Ты хочешь повернуть эту штуку сам! — Став совершенно черным, Фокс потянулся щупальцем к гигантскому рычагу. — Ты сам заставляешь меня сделать это! Я думал, ты будешь более благоразумным, сэр. Но поскольку ты упрям, как бык, я вынужден прекратить встречу.

— Что... что ты собираешься сделать? — спросил Роджер.

— Я отправлю тебя вниз по этой трубе, сэр, которая, надеюсь, выбросит тебя, как и всякий другой мусор, из пространственно-временного континуума, а сам немедленно приступлю к реализации своих планов!

Это было последнее предупреждение. Нитка, на которой висела платформа, оборвалась. Серость закружила Роджера, и бесконечная пустота снова поглотила его. Он падал бесконечно долго и, вдруг... остановка. Где-то.

ГЛАВА 10

Роджер очутился в какой-то жутко-чернильной темноте, в среде совершенной неподвижности, абсолютного отсутствия. Он кричал, но ответа не было; он снова кричал, но не слышал даже эхо. Ему показалось, что под ним пол. Он полз наощупь, но ни на что не наткнулся. Опять полз и не находил даже стены.

— Быть может, — рассуждал он, собирая последние крохи спокойствия, — у меня вновь получится реализовывать фантазмы... как раньше? — И глубоко вдыхая, представил настольную лампу под стареньким абажуром. — Пусть будет свет, — шептал он.

И свет появился. Вокруг распространилось настоящее сияние. Роджер зажмурился, встал на ноги и, раскрыв глаза, посмотрел

по сторонам. Под ногами было сплошное бесконечное поле полированного стекла — ни вмятинки на нем, ни кустика! Ничего!

— В любом случае, это лучше, чем нестись в беспрозрачном пространстве, по воле ветра и волн, — подбадривал он себя. — Мой следующий ход — разведка местности. Если быть честным, это мой единственный ход, так что можно начинать немедленно... Хотя... — Он прокашлялся. — Велосипед!

Грохот и треск, шум и грохот! Гигантские обломки стометрового велосипеда раскиданы на полмили; сорокаметровое колесо откошило и лениво крутится.

— Меньше! — уточнил он. — И, желательно, поближе к земле.

— Маленькое существо, это твои проделки? — Голос издали расколол белое небо.

— Кто вы? — спросил Роджер, застеснявшись.

— Это я, кто же еще?

Роджер закрыл ладонями уши.

— Вы всегда говорите так громко? Вы порвете девичьи хрупкие перепонки!

— Так лучше? — приветливый голос прозвучал где-то совсем рядом.

— Гораздо лучше. И все же... кто вы?

— Зови меня просто УКР.

— А где вы, мистер УКР?

— В данный момент я занимаю нишу девятого измерения в Локсе 3. 432. 768. 954, первой приставки, секции мастера Индекс, а что?

— Да так, знаете, это достаточно неудобно — разговаривать, не видя собеседника.

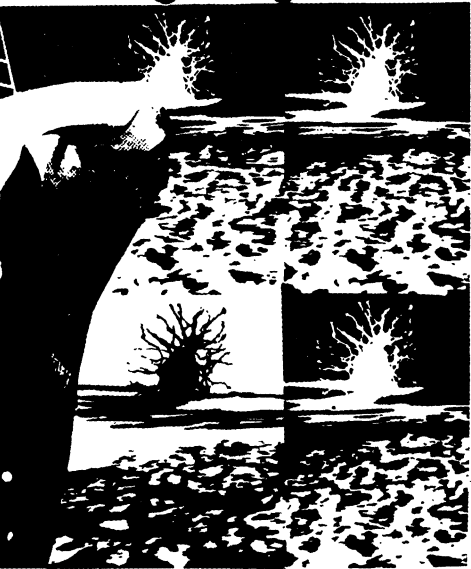
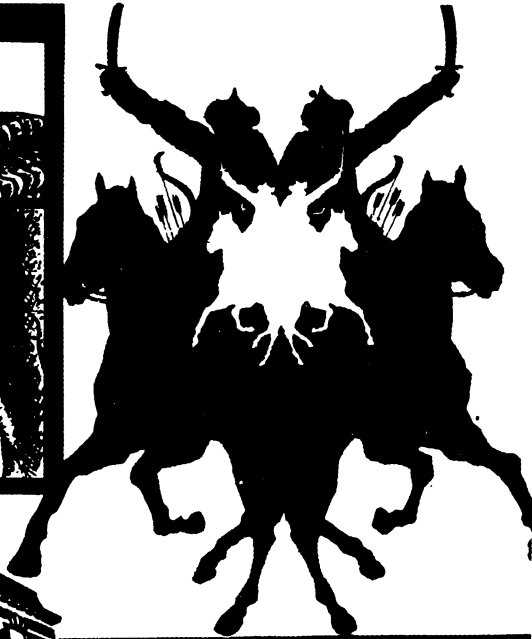
— Попробую растянуться до оси трехмерного псевдосома и войти в твоё измерение.

И через мгновение смутно-амфорная масса плюхнулась около Роджера. В высоту она достигала почти четырех метров, пухлая голова имела широкий слюнявый рот, из которого в разные стороны торчали самые разные зубы, красные глаза явно косили, ноздри походили на сквозные раны от пуль крупного калибра, руки непропорционально далеко уходили в стороны и оканчивались широченными ладонями с заскорузлыми пальцами, украшенными никогда не стриженными ногтями.

— Вот это да, — поразился Роджер и поспешно попятился.

— Что-нибудь не так? — громовой голос извергался из чудовищной пасти. — Я сверил каждую часть тела по внутреннему каталогу, который находится в твоём подсознании. Что-то кажется странным?

— Немножко не те габариты, — рискнул сказать Роджер. — Попробуйте еще раз.

— Ну а теперь как, ничего?— Фигура перелилась в другую форму с легкостью расплавленного воска, оказавшись на сей раз двухметровым брюхатым болваном с крошечной треугольной головкой и лицом, покрытым бородавками и награжденным заячьей губой.

— Получше, но все равно слабовато... не высший сорт,— Роджер оказался неумолимым.

Фигура сократилась в росте и библиотечарски сгорбилась, лицо покрылось сетью морщин (словно оно было сделано из резины), приобретая благостное выражение славного пожилого профессора, мощная бородаща превратилась в белоснежную бороду патриарха, а красные глазки спрятались под толстые стекла очков.

— Вижу, вижу, что на сей раз угодил, вижу по вашим глазам,— проговорил едва дребезжащий приятный голос, выражающий тихую радость.— Или... все равно что-нибудь не так?

— Да, одежда бы не помешала,— посоветовал Роджер.

В то же мгновение голые плечи покрыла мексиканская шаль.

— А сейчас?

— Понимаете, это не совсем в вашем стиле, мистер УКР,— осторожно заметил Роджер.

Новый знакомый Роджера последовательно перемерял футбольные трусы образца 1890 года, ковбойскую курточку с ремнем и пистолетами, леопардовую шубу, пока, наконец, Роджер не остановил свой выбор на фраке, полосатых брюках и накрахмаленной сорочке со стоячим воротничком.

— Теперь много лучше,— одобрил Роджер, вытирая пот со лба.— Но не подумайте, что я поражен вашими способностями, потому что и сам могу проделать любой ваш фокус.

— Прошу вас, не надо. Увольте! — Профессор поднял руку.— Вы и представить себе не можете, что уже натворили своими фокусами. Разве можно так издеваться над континуумом? Я уже не говорю о том, что вы уничтожили весь мой запас суперпластичного первовещества, которое я хотел использовать в своем экологическом эксперименте на этом почти стерильном слайде.

— Стерильный слайд? — Роджер непонимающе оглянулся.— Но я не вижу никакого слайда или хотя бы что-нибудь похожее на слайд.

— Прошу прощения,— догадался УКР.— Я забыл, что вы привыкли к уютной трехмерной системе координат.

Мгновенно стеклянное поле напротив исчезло — вместо этого под ними зависла страшная бездна, а они сами стояли на одинокой гряде высоченных гор. Роджер изо всех сил зажмурился.

— Не могли бы вы соорудить какие-нибудь перильца? — попросил он, не разжимая зубов.

— А, так вы клаустрофил... предпочитаете огражденные пространства... Ну что, сейчас лучше? Взгляните же!

Роджер с опаской открыл глаза. Горное плато было обнесено надежными стенами, здесь и там громоздились каменные столы и скамейки, на которых Роджер узнал бунзеновские горелки, реторты, переплетения изогнутых стеклянных труб и другое более сложное оборудование.

— Как в лаборатории,— оценил Роджер.

— Именно так. Что вновь подводит нас к проблеме контаминации или к проблеме загрязнения окружающей среды. Прежде чем я снова стерилизую слайд, мне хотелось бы узнать, каким образом вы оказались в этой опечатанной модели экологически чистой среды?

— Это была не моя воля. В эту яму вместе с другими отходами меня выбросил Фокс.

— О Боже, дело серьезнее, чем я предполагал,— УКР нахмурился.— Значит, в систему попали инородные тела?

— Да уж, достаточно инородные, как вы сами видите,— ответил Роджер.— Видите ли, Фоксы планировали подчинить себе Землю и поставили во времени капкан, чтобы поймать языка. Так они надеялись получить нужную им информацию. Учтите, что это не просто агрессия, они идут в поход против времени, собираясь завоевать все века одновременно и...

— Земля... подождите... Земля. Хм,— старец задумчиво пожевал губы.— Не помню. Сейчас! — Он протянул руку и снял с полки, оказавшейся около его локтя, массивный том.

Со скоростью пули просматривал он словарные статьи, узловатый палец летал по страницам.

— Ага, вот. Расплавленное состояние, интенсивные метеоритные дожди, мощные электрические разряды, атмосфера — CO_2 .

— Не совсем... это было несколько раньше, а сейчас...

— Конечно, конечно, я прошу прощения — гигантские ящеры убивают друг друга в бушующих потоках...

— И все же опять не совсем попали... в мое время...

— Прошу прощения. Вот: млекопитающие, цветущие растения, ледники и все такое, правильно?

— Да, почти,— согласился Роджер.— И все это хотели завоевать Фоксы, если, конечно, К'Нелл не сможет внедрить нуль-аппарат,— он резко оборвал свою речь.— Но ведь сейчас я обладаю ее телом, значит, аппарат должен быть у меня.— Роджер пошарил по карманам, нашел какой-то цилиндр и поднес его к глазам.— Вот ОН!

Профессор принял его двумя пальцами.

— Осторожно! — крикнул Роджер.— Не открутите крышку!

Роджер побледнел, когда старик дотронулся до колпачка. Раздался звук вылетаемой пробки, после чего появился дымок. УКР сунул обожженные пальцы в рот.

— Удивительно! Выделяется такое количество временной энергии, что она запросто пробивает континуум четвертого порядка, — восторгался он. — Пожалуй, стоит получше вчитаться в ваш рудиментарный мозг, чтобы узнать, какие еще сюрпризы вы мне приготовили. — Последовала небольшая пауза. — Да уж, прелюбопытно, — закивал головой старик, — хотя, как мне кажется, ваша миссия, мистер Тайсон, из-за многочисленных недоразумений...

— Послушайте, — в голосе Роджера звучала надежда, — вы производите впечатление очень неглупого человека. Может быть, вы сможете вытащить меня из этой зоны.

— Ни слова более, мой мальчик, я уже все понял и, со своей стороны, сделаю все возможное...

— Правда, вы будете так добры? Прекрасно! Но я хотел бы заметить...

— Загрязнение оказалось более значительным, чем я предполагал, — невнятно бормотал старец. — Согласно данным вашего сознания эти Фоксы сумели загрязнить огромные пласты культуры.

— Прошу вас, забудьте на минуту о вашем прозрачном бульоне, — взмолился Роджер. — Ведь речь идет о будущем человеческой расы...

— ...и потому необходимо многое отсюда выбросить. Мне очень жаль, но и вас тоже. А в принципе, работа не такая уж сложная: всего десять миллиардов четыреста четыре миллиона девятьсот сорок одна тысяча шестьсот два слайда.

— Простите, вы назвали число десять миллиардов четыреста четыре миллиона девятьсот сорок одна тысяча шестьсот два, не так ли? — переспросил Роджер.

— Да... и что же.

— Случайное совпадение или стечение обстоятельств, но именно таково число экспонатов в Музее.

— Это называется культурными слайдами, — бессознательно поправил профессор. — А экспонаты — не то слово. И уж, конечно, это нельзя назвать музеем, — он доброжелательно кашлянул. — Но, как я уже сказал, все выяснится через минуту. Я просто возвращу все это в исходное предматериальное состояние. А вам посоветую не беспокоиться — постоит еще немного и... это будет совсем не больно.

— Подождите! Значит получается, что все это величие природы — не более чем прекрасные микробные культуры?

— Ну уж прекрасные. Скажите — случайные, несовершенные образцы. Намного ценнее — файлы — блоки информации. Они-то никогда никуда не денутся! — Старик вздохнул. — А вообще-то, это достаточно унылое занятие: обслуживать лабораторный комплекс для расы строителей, которым наплевать на эту лабораторию...

— Вы имеете в виду расу Фоксов?

— Организация Фоксов, молодой человек, на несколько порядков ниже нашей — это какая-то несовершенная примесь — не более. Следуя их собственным высказываниям, прочитанным в их убогом сознании, можно предположить континуум не выше пятого порядка. Я не знаю, с какой целью они освоили систему блочных файлов — может быть, рассчитывают свить гнезда в непроницаемых коробках? — не могу сказать.

— Но если не они заперли время, то кто же?

— Я, конечно, что за вопрос?

— Вы?

— Ну да! Не по собственному желанию, естественно, а по приказу.

— Кто приказал вам?

— Строители, кто же еще. Я же говорил...

— Да кто же они, наконец, эти таинственные масоны?

— Актуально они пока не существуют... или уже не существуют, не знаю, что вернее по вашей системе координат, но когда-то они жили — или будут жить...

— Это бесчеловечно! Десятки тысяч людей оказались похищенными и запертыми навеки в тюрьме, чтобы какой-нибудь абстрактный хозяин иногда изъяслял желание посмотреть на них на слайде, и нет гарантии, что ему захочется этого еще раз.

— Что касается коренных жителей, признаюсь, мы допустили промах — об их страданиях нам было неизвестно. Ведь подобие рассудка у них появилось совсем недавно — несколько гига-лет назад. И все же, несмотря на мое сочувствие несчастным, я должен следовать инструкции.

— Зачем? Вы ведь способны понять...

— Я так спроектирован, никуда не денешься...

— Но ведь речь идет о судьбе тысяч, миллионов невинных жертв и... лишь несколько десятков виноваты... или, скажем, не столь невинных,— Роджер замялся.— Спроектированы, вы говорите?

— Так точно. Ведь я не более, чем машина, мистер Тайсон.

— Это слишком неожиданно для меня,— поморщился Роджер.— Музей оказался не Музеем, а набором микроскопических слайдов.

— Микроскопическая жизнь — хобби строителей,— сообщил УКР.

— А Фоксы оказались вовсе не владыками Вселенной... скорее, муравьями на стене... тараканами, насекомыми щели.

— Пора начинать дезинфекцию,— прервал Роджера старик.— Было очень приятно обнаружить свет разума в вашей маленькой четырехмерной проекции... зафиксировать отдельные всплески эмоций, пережить ощущение времени, испытать сенсорные стимулы, пообщаться, в конце концов, при помощи словесных символов, то

есть приобщиться к языку начальных форм разумной жизни, языку, который просуществовал в эмфазе лишь несколько мгновений.

— Вы не знаете значение слова «эмфаза»! — крикнул Роджер вдогонку расплывающейся фигуре. — Вы говорите о дезинфекции так, словно речь идет не о людях, а о каких-то насекомых!

— Если пренебречь дезинфекцией, загрязнение распространится на другие серии и возникнет угроза всей системе блочных файлов.

— Но почему нельзя просто открыть замок и выпустить всех?

— Боюсь, что это невозможно. Чтобы обезвредить инфекцию Фоксов, придется прикрыть локус, называемый Земля.

— Прикрыть целый мир? — Роджер аж задохнулся. — Вы собираетесь уничтожить планету во имя стерильности вашей блочной системы?

— Что же еще я могу сделать?

— Нужно заняться устранением причины! Достаточно поймать несколько этих зловредных Фоксов, ведь это они проделывают щели в мироздании, а не мы!

— Боюсь, это займет слишком много времени, уйма работы в картотеке. Проверять все на всех уровнях. — Профессор махнул рукой, очевидно, явственно представив удручающее множество зеленых компьютеров. — Гораздо проще устранить сразу большую партию. Да и ущерб от этого небольшой...

— Ведь вам не нужно ловить всех Фоксов — только лидеров! — настаивал Роджер. — Например, самого главного — Уба — самого рьяного трубопрокладчика.

— Слишком много возни!

— Отправьте меня, и я помогу вам! Если операция удастся, я спасу целую серию слайдов, не так ли?

— Это бессмысленно, молодой человек! Материал уже доказал свою научную бесперспективность.

— Но для нас-то это перспективно и осмысленно, поймите же вы! — не сдавался Роджер. — Если вам мир больше не нужен, не отбирайте его у нас!

— Я сомневаюсь в...

— Ну давайте попробуем, пожалуйста! Ведь если я погибну, вы ничего не потеряете!

— В этом что-то есть... Ладно, малыш, вперед! Покажи, на что ты способен, хотя... — старик критически осмотрел Роджера, — ты выглядишь достаточно хрупким для рукопашной схватки с целой группой существ, которые, при всей их убогости и недоразвитости, имеют преимущество свободного маневрирования больше, чем в трех измерениях...

— Но ведь можно научить меня кое-каким трюкам, чтобы мне быть на уровне? — неуверенно предположил Роджер.

— Твои конкретные предложения?

— Ну... как все знают, супергерои имеют богатырскую силу, непробиваемую кожу, рентгеновское зрение, способность летать...

— Так-с. Боюсь только, что от всего этого мало пользы, несмотря на огромные затраты. Лучше я пойду и искупаю этот вредный континуум в Кью-радиации.

— И все-таки не забудьте о богатырской силе, маленькой шапке-невидимке, сапогах-сорокоходах и пистолете-дезинтеграторе.

Старик с сожалением покачал головой:

— Все это требует утомительно долгой работы по растяжению пространственных естественных законов — это очень сложно и... глупо.

— Тогда дайте хотя бы пуленепробиваемый жилет и автомат сорок пятого калибра!

— Все эти приспособления не в силах тебе помочь, дорогой мой,— утомленно объяснял старый профессор.— Надо полагаться лишь на интеллектуальную изощренность и хитрость и забыть о примитивной трехмерной силе!

— Есть еще одна просьба... Дело в том, что я голоден и не отказался бы от бутербродов с ветчиной.

— Ради Бога, извини меня. Я тут заговорился с тобой и забыл об элементарном гостеприимстве — старею потихоньку, ржавею, а что делать... Последний гость был в... А впрочем, какая разница, что скажут тебе эти координаты...— Он поднялся и открыл перед Роджером дверь.

По тропинке, огибающей цветущую изгородь, они прошли к маленькой и уютной террасе, где стоял стол, покрытый белоснежной скатертью, на которой блестело золото и серебро, матово белел китайский фарфор. Они сели за столик вдвоем, и голодный Роджер поднял серебряную крышку, под которой дымились креветки.

— О! — воскликнул он.— Мои любимые! А... Я надеюсь, что вы составите мне компанию и попробуете этих креветок, несмотря на то, что вы... э... машина и прочее...

— Конечно, конечно. В трех первых измерениях я способен ходить, говорить, думать и так далее... только вот жить не умею...

Роджер поухаживал за старичком, не забыв и о себе. Они обедали, а между тем на заднем плане неведомый струнный оркестр тихо заиграл что-то легкое и мелодичное.

— Неплохо,— заметил Роджер, откидываясь на спинку стула и похлопывая себя по маленькому аккуратному животу, изначально принадлежащему К'Нелл.— Сидя здесь, трудно поверить, что несколько минут назад я, безоружный и голодный, собирался спасти мир.

Профессор тонко улыбнулся.

— По крайней мере, хоть какие-то ресурсы у тебя теперь будут. Помочь тебе с материальным вооружением я не смогу, но ментально обещаю присматривать за тобой и время от времени даже давать советы.

— Мне никогда не везло с приобретением материальных вещей,— вздохнул Роджер.— Вот и сейчас... просил броню — пообещали совет. Что делать, судьба! — Он поднялся.— Большое спасибо за обед, было очень вкусно. Я думаю, мне лучше всего отправиться прямо сейчас... Главное, дайте мне правильное направление...

— Конечно.— Профессор потер сухонькие ладошки.— Надо же,— прошептал он,— как это странно... быть человеком, быть человеком... Я чувствую, что меня на самом деле начинает интересовать твоя судьба, твои успехи, наши победы над этими Фоксами... за счет удивительной смелости и безупречной скоординированности — я... я надеюсь на это.

— Наша победа, как вы понимаете, волнует и меня,— выговорил Роджер, чувствуя, что к девичьим глазам подступают слезы и маленькое сердце начинает сильно биться.— Мне кажется, само время будет на нашей стороне.

— Все хорошо, мой мальчик,— молвил УКР.

Роджер заметил быстрое движение стариковского пальца. Сад исчез, пропала терраса, и он вновь очутился на контрольной площадке Фокса.

ГЛАВА 11

— Ты вернулся,— спокойно произнес Уб, однако был явно не в силах совладать с цветовыми импульсами, недвусмысленно указывающими на сильное изумление. Он опустил свое громоздкое тело на какую-то жердочку среди светящихся проводов, нитей и плоскостей света.— Я боюсь этого, так как начинаю подозревать, что ты имеешь связи с пространством шестого порядка.— Он стал бледно-зеленым от подозрительности.— Но мы знаем, как поступать в таких случаях.— Вытянутая гибкая паучья лапка нажала на одну из многочисленных кнопок пульта, но какого-то видимого результата не последовало.— Думаю, эта общая встреча в седьмом измерении пойдет тебе на пользу,— Уб сделался злорадно-розовым.

— Скажи ему, пусть включит посильнее,— голос УКР, нежный и теплый, проник в голову Роджера словно ветер.— Намекни, что это способствует подзарядке твоих конденсаторов.

— Вруби побольше,— раскованно произнес Роджер.— Не скупись, а то мои конденсаторы порядком подсели...

Уб тут же нажал другую кнопку, сделавшись от злобы красно-анилиновым.

— Вот тебе,— прошипел он.— Половина всей мощности моего супергенераторного комплекса пройдет прямо через твой мозг. Посмотрим, что ты на это скажешь!

— Отлично,— сказал Роджер, по-прежнему ничего не чувствуя,— особенно для моих обертональных колебаний восьмого порядка,— сымпровизировал он.

Уб вспыхнул зловеще-синим и опустил лапу на другой тумблер.

— Мне кажется, ты блефуешь... но, к сожалению, я не могу это проверить,— он замолчал.— Послушай, сэр, чего ты хочешь получить от жизни? УРБ? Глурп? Снотвингер? Оплозис? Ведь должен же быть предел твоей неумолимости!

— Отлично, малыш...— шепнул УКР.— Подурачь его пока, а я попробую разобраться с его пультом.

— Думаю, не тебе эти границы открыть, Уб,— многозначительно промолвил Роджер, подаваясь вперед.— Однако мне интересно, какие у тебя будут еще предложения...

— Ага! Так, значит, ты согласен сесть со мной за стол переговоров! — Он отпрянул назад, став обычным красно-кирпичным.— Вот это я понимаю! Хочешь, подарю тебе этот удобный маленький Хорникс? Со всеми запчастями, естественно, с новым регулятором высоты?

— Пока воздержусь,— важно изрек Роджер.

— Я включу Пронкистон? — предложил Уб.

— Ну-ка, полетай немножко,— вновь посоветовал УКР.— Хочу взглянуть на все это с точки зрения перспективы девятого порядка.

— Я не умею,— прошептал Роджер.

— Что ты сказал? Не умеешь быть в цронге? — Уб снова сделался малиново-красным.— Послушай, сэр, мы тебя уважаем, но это не дает тебе права считать нас всех идиотами и плевать на нас!

— Походи по этому брусу или посиди на нем,— попросил УКР.— Я как раз хочу его проанализировать.

— На каком?

— На каждом из нас! Ты издеваешься над всеми нами, значит, надо мной!

— Да я не тебе...— Роджер вовремя спохватился.— То есть...

— Ты плевать на меня хотел, хочешь возвыситься надо мной! — Уб брызгал слюной, становясь негодующе яростно-серым.

— Вот этот брус,— шепнул УКР,— прямо перед тобой.

— Понял,— сказал Роджер.— Теперь вижу...— Он ступил на нужное перекрытие.

— Что? Что такое? Я совершил какой-нибудь промах?— Уб пытел, как паровоз.— Не может этого быть! Я считаюсь лучшим дипломатом в этом круге.

— Отлично,— сказал УКР,— я, кажется, разобрался... А теперь

махни к пульту и нажми сто четвертую кнопку в шестьдесят девятом ряду. Это разрядит обстановку.

— Как же мне туда попасть? — пробормотал Роджер.

— О нет, не выйдет, — заблеял Уб. — Я лучший оператор этого круга. Я распылю весь этот комплекс прежде, чем ты попадешь в штаб.

— Попробуй затяжной прыжок, — предложил УКР.

— Я могу упасть, — выразил опасение Роджер.

— Ты не просто упадешь, — горячился Уб. — Тебя разорвет при прохождении пространства пятого и ниже порядка. — Он откинулся с довольным видом. — Я рад, что наконец раскрыл твои коварные планы, понял, куда ты метишь, но не хочу ссориться. Мы оба достаточно разумны и можем прекрасно договориться о взаимовыгодном разделе... — Он не договорил, увидев, что Роджер взмахнул руками и допрыгнул до пульта. — Куда ты? Что ты делаешь?

Фокс бросился за Роджером, который уже сориентировался и ловко отсчитывал пятернями ряды кнопок. Монстр уже протянул свою лапу, но Роджер ускользнул от нее и нажал нужную кнопку. Вся сложная система проводов и брусев неожиданно пришла в движение, поехала в сторону под аккомпанемент мигалок, гудков и пронзительных сирен.

— Не та кнопка, — объяснил УКР. — Ты нажал шестьдесят восьмой ряд.

— Зачем ты это сделал? — завопил Уб, трагически суча всеми десятью конечностями по кнопкам своего подпюльта. — Мне в голову не могло прийти, что ты вздумаеть трогать кнопку тревоги и сеять панику. О слепец! Теперь-то я прозрел! Поздно! Как я раньше не заметил под твоим двуличным маскарадом тончайшую игру интеллекта шестого порядка!

— Пусть он говорит и дальше, — посоветовал УКР. — Я кое-что придумал!

Балансируя на перекладине, Роджер, ища опору, машинально схватился за какой-то рычаг и привел его в крайне нижнее положение. При этом все панели раскрылись с шести своих сторон, замкнув двух соперников в подобие четырехметрового куба. Уб испустил хриплое проклятие и попытался возвратить рычаг в исходное положение.

Никаких изменений!

— Ты все-таки дернул его! — завопил Фокс, делаясь все более ультрафиолетовым, довольно жуткий эффект в темном закрытом боксе. — Но ты, кажется, несколько перегнул палку! Пусть ты отрезал меня от пульта управления, но бокс, замкнутый в пяти измерениях, отделил тебя от твоей половины! А твоя другая половина — вот эта! — оказалась, наконец-то, в моих руках! — С этими

словами он бросился на Роджера, который отпрыгнул назад по оси времени.

— Тайсон, — взволнованно шепнул УКР, в то время как Уб готовился к следующему прыжку. — Я сместил Вход в соответствии с твоими теперешними координатами! Советую воспользоваться им, поскольку других идей у меня пока нет!

Роджер быстро пригнулся, и Уб просвистел выше. Перед ним ярко мерцала полоска Входа. Ничего лучше не придумав, Роджер нырнул в нее.

— Держись! — скомандовал УКР, когда сияние уже обволокло его. — Ты чуть не сшиб меня. Понимаешь, пришлось прибегнуть к помощи простого физического пространства. Но что делать, приходится импровизировать. И все же у меня есть идея! Правда, достаточно рискованная, но это лучшее, что я могу предложить в столь редуцированных обстоятельствах. Повернись влево! Слишком! Теперь назад! Вот так! Вперед!

Роджер рванулся вперед и оказался стоящим по колени в траве под бесконечно голубым небом. Справа от него замер Люк Харвуд, рука которого закрывала плечи Оделии Видерс, а Флай валялся у них под ногами. Четырехметровый медведь был совсем рядом — в каких-то трех-четыре метра. Именно в этом состоянии он их и оставил...

— Быстрее! Сюда! — закричал Роджер, толкая своих бывших спутников к входу.

В тот момент, когда он собрался последовать за своими спутниками, из сияющего отверстия вывалилась отвратительная чернокрасная масса Уба, попав прямо в объятия медведя. Гризли возложил на толстое одноглазое туловище свои косматые лапищи, а Роджер благополучно нырнул во Вход.

Возле серого расплывчатого цилиндра, который никак не мог отдышаться, он задержался.

— Прекрасно сработано, УКР, — выпалил он.

— Не радуйся и не хвали меня раньше времени, — раздался знакомый голос. — Этот Фокс оказался гораздо сложнее, чем ты думаешь!

— Мишка приглядит за ним, — сказал Роджер. — И все же жаль, что так получилось! Ведь этот Уб совсем не так уж плох... в своем роде.

— Не горюй! Медведь поймал лишь одного из них... из него. Это лишь маленькая трехмерная проекция того... кого еще очень много...

Роджер услышал знакомый шум и оглянулся. Уб, собственной персоной, нетронутый зверем, как ни в чем не бывало стоял перед ним, красно-сияющий в полумраке.

— Три градуса вправо и вперед! — скомандовал УКР.

Роджер повернул, прыгнул и... попал по колену в грязную ледяную жижу.

Воздух переполнялся все утончающимся свистом готового разорваться снаряда. Огни на небе мрачно отражались в израненной, грязной водянистой земле, по которой стелился запутанный провод...

— Это была леди,— констатировал громкий гортанный голос.— Это была фрау.

Прогремель взрыв. Роджера с головы до ног окатило холодной водой, и он бросился к землянке.

— Надоело, Людвиг,— пытался протестовать тонкий голос.— Это не та история, которую можно рассказывать при одной и той же погоде каждый день в одно и то же время бомбардировки, черт тебя подери!

— Ребята! — крикнул стремительно ворвавшийся Роджер.— Я прошу вас — никаких вопросов! Хватайте винтовки и по моему приказу стреляйте в существо, которое будет преследовать меня.

— Вот это да! — ахнул дюжий немец, открыв рот.— Силы небесные, девчонка!

— Черт возьми, на самом деле дама!

— Я не женщина, честно... Просто я так выгляжу,— сбивчиво объяснял Роджер.— Но не обращайтесь на это внимания! Делайте, что вам говорят! И, пожалуйста, побыстрее.

— Для тебя, птичка, все, что угодно!

— Не волнуйся, малышка!

— Чтоб я сдох, чтобы ни случилось!

Картежное трио быстро повскакивало с мест, спешно вооружилось...

Щелкнули три затвора, солдаты прицелились...

— Пли! — завопил Роджер и пригнулся.

Три пули просвистели над головой. Уб, который в этот раз был начеку, успел выползти из отверстия, но тут же был сражен наповал.

— Спасибо! — крикнул Роджер.— Если удастся вырваться отсюда, не забудьте, что я говорил вам о Великой Депрессии 1929 года и о других вещах!

Он вошел в дверь, и УКР тотчас же направил его вперед по оси времени.

— Подожди,— попросил Роджер.— Что случилось с Люком и Одилией? Где Флай?

— Успокойся, я поместил их в специальную нишу,— взволнованно звучал голос.— Беги же скорее! Он догоняет тебя!

— Не пойму, как его может быть больше, чем один в одном и том же месте?

— Все не так просто! Фактически во всей Вселенной существует лишь один Фокс. Он уникален, как и другие феномены в четвертом и далее измерениях. Когда процесс, называемый у вас эволюцией, переходит некоторую точку, индивидуальные трехмерные характеристики отпадают и трансформируются в более сложные, приводя к появлению высокоорганизованной формы жизни. Такое существо в трехмерности способно рассыпаться целым каскадом своих проекций или двойников.

— Когда же все это кончится? — простонал Роджер, подчиняясь приказу.

На этот раз он высадился на склоне горы, испещренной крупными валунами.

— Быстро вверх! — приказал УКР.

— Наверное, ты это и имел в виду, говоря об изошренности и скоординированности! — ворчал Роджер, карабкаясь по крутому склону столь быстро, сколько ему позволял ветер.

— Откуда же я мог знать, занимаясь расчетами вероятностного баланса, что ты столь сильно будешь полагаться на фактор случайности, — спокойно возразил УКР. — Теперь остановись. Монстр слева от тебя. Ты лишь подтолкни камень... Нет, еще рано... подожди... Идет! Теперь толкай!

Роджер подпер плечом камень и поднатужился. Тот дрогнул, нерешительно покачался, потом накренился и, порождая страшный грохот, рухнул.

— Попал! — радостно констатировал УКР. — Знаешь, Тайсон, мне кажется, он начинает отставать!

— Кто его знает, может, он стал более осторожным? — Роджер тяжело дышал.

— Да нет же, налицо явное энергетическое истощение. Я думаю, он сильно тратит себя всякий раз, когда ты пропадаешь: приходится прогонять тысячи файлов, потом заново рассчитывать всякого рода погрешности... Да и умирать каждый раз — пусть даже в трех измерениях, — не слишком полезно для внутреннего спокойствия — психологическая, энергетическая травма! Могу себе представить, как он чувствует себя! С тех пор, как сам настроился на твой дикий ритм существования, я испытываю потрясения каждую минуту! Сумасшедшая жизнь! Как ты выдержишь?

— Я — с трудом, — признался Роджер. — Можно отдохнуть?

— Пока нет. В нем еще остались кое-какие силы... А вот и он! Будь внимателен.

Прежде, чем Роджер успел нырнуть в отверстие, появился Уб. Сейчас он был пыльного темно-коричневого цвета и заметно похудевший. Вываливаясь из двери, он прихрамывал. Роджер отступил и изо всех сил ударил бедолагу ребром ладони. Горестно охнув, Уб свалился замертво.

После того, как Роджер накормил телом Уба голодного десяти-метрового крокодила, он засунул его коричневые останки в булькающее жерло вулкана — головой вниз, а на десерт — утопил его в реке, не отпуская едва живую голову изможденного монстра до тех пор, пока не прекратились всякие пузырьки.

— Ну вот и все,— горько вздохнул Роджер, в полном изнеможении опускаясь на берег.— Я победил! Но еще на одно убийство я бы не потянул, даже если бы речь шла о моей жизни!

В этот момент из Двери вывалилось колеблемое всеми ветрами форменное привидение — изнеможенный Уб. При виде Роджера он исторг из груди слабый вопль, сделал неуверенный шаг и обрушился на землю, едва заметно суча лапками.

— Бесполезно,— прошептал он.— Вы истощили меня. Ты победил, Тайсон! Я понял — ты величайший гений всех времен и порядков. Твоя организация совершенна.— Он совсем побледнел и стал трупно-серебряно-белым.— Признаюсь, что когда-то, анализируя твои разрешающие способности при помощи контрольно-лучевой батареи-конденсатора, я соблазнился крайне низкими показателями и решил устроить эту злополучную конференцию, думая, что ты в моих руках. Но теперь я знаю всю ужасную правду! Каждый твой внешне идиотский шаг был остроумнейшим отвлекающим ходом, а все вместе внутренне оформляло грандиознейший замысел, загодя подготавливая убийственную разрядку!

— Итак, я слышу признание побежденного,— сказал Роджер.— Если ты согласен оставить свои коварные планы и удалиться восвояси...

— Думаешь, я отдам тебе штаб? Нет! — прервал он Роджера, его глаз блеснул неумолимой сталью.— Ты недооцениваешь мою моральную закваску, Тайсон! Прежде, чем стать предателем, я должен оказаться жертвой!

— Зачем тебе это? — спросил Роджер.— Оставь свои планы и уходи.

— И отдать тебе венок победителя? Никогда!

— Почему же нет? Не нарушай правила игры только потому, что я оказался сильнее тебя ментально.

— Я думал... — заговорил Уб, становясь грустно-фиолетовым.— Созерцая маленький островок вашей тщедушной жизни, я надеялся, что это будет моя великая привилегия, наша великая миссия, просветить гипергалактические массы... первый раз за время существования Вселенной, донести до них отражения настоящей жизни, поразить их примитивное, недоразвитое, но такое красочное сознание гордым парадом откровений великого интеллекта: Девятый Иканион, абстрактная Церебра Юп-2, Великая массовая культура

Вр 1-91... показать им фрагменты их собственной эволюции, истории. Я думал, что увижу расширившиеся зрачки этих маленьких невинных существ, именуемых детьми, когда покажу им, как примитивные организмы расщепляли атом каменными топорами, изобретали колесо и бетатрон, пытались на своих нелепых посуди-нах исследовать второе измерение — околоземный космос, а потом отпраздновали...

— Ты хотел превратить Землю в подобие цирка,— отозвался Роджер.— Я могу рассказать тебе...

— Да, да, именно так,— подхватил сравнение Уб.— И прежде, чем позволить своему сопернику-оператору наставить Землю на его собственный срединный путь, я хотел бы разрубить все метафорические канаты, и обрушить на всех нас аллегорические небеса, и раздавить все и вся...

— Что ты имеешь в виду, говоря — соперник-оператор? Я не понимаю, о чем...

— Хватит давить на меня своим превосходством! — ощерился Уб.— Возможно, слово «соперник» здесь довольно неудачно, ибо ты по праву доказал, что я не могу сравниться с тобой, и отобрал у меня право на грандиознейшее маленькое развлечение... спуститься на Землю под гром двенадцати межгалактических колоколов и любоваться...

— Послушай, ты все хочешь доказать, что твое истинное при-звание — оператор в цирке! И ты хотел бы лишь одного: водить любопытных по Каналу поглядеть на нашу эволюцию, я тебя пра-вильно понял?

— Разумеется, для чего же еще?

— А я думал, ты хотел нас поработить.

— Зачем, зачем? Владея девятью пульсирующими универсума-ми, мне нужно кого-то завоевывать? Разве ходят в зоопарк завоевы-вать обезьян в клетках?

— Но причем тогда здесь штаб, День Д, бомбардировки и так далее?..

— Бомбардировка вместо барабанного боя должна была знаме-новать наш грандиозный выход, штаб, понятно, должен руководить операцией, День Д — день нашего выхода...— в словах Уба слы-шалась гордость. Он даже смог сесть.— Теперь мой великий поход никогда не состоится,— он поперхнулся,— но и тебе не видать своего!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, Тайсон, что опытный бизнесмен никогда не остается совсем безоружным в виду постоянной угрозы со сто-роны контрабандистов... таких, как ты. Ты увел дело из моих рук, но я все же могу уничтожить сами плоды... Этот межвременной Канал, по которому я планировал путешествовать в земную исто-

рию, поставлен на автоматический контроль. Если через двадцать восемь земных секунд не последует моей команды «Отставить», временные шлюзы откроются. Представители самых разных эр будут стукаться лбами друг с другом! Диплодоки обнаружатся в Центральном парке, Конфуций станет проповедовать в тундре, римские легионеры столкнутся с силами безопасности ООН, фараон и Насер встретятся на улицах Каира, орды раскрашенных индейцев ворвутся в Белый дом, варвары начнут разрушать современный Рим, раннехристианские мученики сольются с хиппи и прочими шестидесятниками, накачанными ЛСД.

— Я понял тебя,— остановил его Роджер, когда несчастный начал говорить с пафосом.— УКР, останови же его.

— Хм, странно! Согласно установленным заранее правилам игры, мое открытое вмешательство исключается, Тайсон. Я удивлен, что тебе вообще пришло в голову такое. Ты должен действовать сам!

— Двадцать секунд,— считал Уб.— Жалкий конец для когда-то великой расы Фоксов. Я, отрезанный от своего пульта управления, разорванный, как старая рубашка, на ненужные трехмерные проекции, буду вечно носиться и бесцельно кружиться в запутанном лабиринте. Существо, которое явилось итогом трех миллиардов лет эволюции, вынуждено возвращаться к самым истокам примитивной индивидуализации. Но и тебе, Тайсон, не поздоровится. Тебя ждет расчленение, ибо тебе уже никогда не найти второй половины, которая законсервируется навек в стазе пятого порядка, ожидая воссоединения, которое никогда не наступит...

— К'Нелл! — простонал Роджер.— Бедная моя девочка! Скажи, Уб, может быть, еще не поздно прийти к какому-нибудь соглашению? Ты не позволишь открыть шлюзы, а я... я... подарю тебе кусок земной истории для твоего цирка.

— Нет, поздно,— изрек Уб.— Твое собственное упрямство сделало соглашение невозможным. Эта охота совсем истощила меня. Даже если мы поделим сферы влияния поровну и я подам сигнал, боюсь, что он не будет услышан.

— Грабитель! — воскликнул Роджер.— Ты получишь свой первый миллиард лет и ни минуты больше!

— Естественно, кайнозойская эра останется за мной.— Его глаз заблестел, верхние щупальца задрожали.— А тебе я отдам Кембрийский период ну и... так и быть, уступлю бурные двадцатые!

— Глупости,— возразил Роджер.— Но чтобы поразить тебя своей щедростью, я дарю тебе три миллиарда и плюс маленький кусочек Девона.

— Все шутишь,— не сдавался Фокс.— Всем известно, что время, занятое человеком, самое интересное, самое любопытное. Допустим, я возьму христианскую эру минус позднее средневеко-

вье, если жу ты так настаиваешь, а в качестве жеста доброй воли — подарю тебе силурийский период.

— Ничего подобного. Оставляю за собой все, что было после появления млекопитающих, или мы прекращаем торги.

— И не думай, что тебе достанется весь плейстоцен. Попробую-ка я быть благоразумным. Хочу взять все, начиная с девятнадцатого века, оставляя тебе все остальное, включая палеолит.

— Вот, что я решил. Забирай себе все включительно до второго тысячелетия до новой эры. Ну, как тебе моя щедрость, а?

— Ты скуп,— заметил Уб.— Неужели ты не можешь мне подарить хотя бы «веселые девяностые» и парочку забавных десятилетий из Возрождения?

— Возьми третий век новой эры и радуйся, что ты почти застал Саскатуна, Саскатшевана — какие имена! Это мое последнее слово!

— Уступи тысяча девятьсот тридцать шестой — и мы договорились!

— Согласен.— Роджер крепко пожал металлическую лапку.— А теперь — сигнал!

— Нет никакого сигнала, я блефовал.

— Я тоже,— признался Роджер.— Я не существо шестого измерения и так устал, что тебе достаточно было тронуть меня пальцем, я бы тут же упал.

— Если честно,— признался Уб,— я собирался сдаваться за три моих убийства до последнего.

— А я даже не предполагал, что у меня есть шанс... Я даже кнопку тревоги нажал случайно...

— Правда? Удивительно... А знаешь, за эту же самую информацию я подарил бы тебе и тогда — помнишь нашу первую встречу у меня? — не меньше бы...

— Неужели? Представляешь, тогда я был так напуган, что, пожалуй, умер бы от страха, если бы ты не выбросил меня в мусоропровод.

— А я? Чуть с ума не сошел, когда ты первый раз перепрыгнул мне дорогу... помнишь, я был на двухколесном мотоцикле? Ты думал, это что-нибудь...

— Слушай,— Роджеру вдруг расхотелось говорить колкость,— ты напомнил мне... Как насчет К'Нелл?

— Она убежала,— осторожно сообщил Уб.

— Тогда, Уб, пока. И смотри, не пытайся нарушить наше обоюдное соглашение. Может, я лишь существо третьего порядка, но у меня есть друзья.

— Правда? — Фокс сделался хитро-желтым.— Я почему-то подозреваю, что ты снова блефуешь.

— Тогда смотри...— Роджер повернулся.— Алло, УКР, давай прямо в Первую Культуру.

— Отлично, и... прими мои поздравления, но это будет наш последний контакт. Мне было интересно...

Река и тина вдруг исчезли. Роджер стоял на светлой открытой арке моста между двумя стройными башнями на высоте трехсот метров...

Он опустил на четвереньки и закрыл глаза.

— С'Лант,— завопил он,— сними меня отсюда! У меня есть, что рассказать тебе!

ГЛАВА 12

На небольшой уютной террасе, окруженные тихим океаном воздуха, сидели Роджер, С'Лант, Р'Хит и К'Нелл, последняя все еще в шкуре Роджера.

— Вот, кажется, и все, что я могу рассказать о своей Миссии,— сказал он в заключение.— Фокс будет водить своих туристов глазеть на отдаленное прошлое... Он обещал мне не вмешиваться в человеческие дела, особенно со своими Входами.

— Это не так уж мало,— заметил без энтузиазма Р'Хит.— А как же мы? Мы-то по-прежнему в ловушке!

— По крайней мере, мы знаем, что до нашей культуры все нормально,— заметила К'Нелл.— Могло быть гораздо хуже!

— А я все никак не могу привыкнуть, что вы поменялись телами,— не выдержал Р'Хит.— Это крайне неудобно! Боюсь, что наши планы насчет совместного проживания придется оставить.

— Тебе надо обращаться не ко мне,— ответила К'Нелл.— Т'Сон — более я, чем я сама.

— Как грустно представить, что ты живешь на лабораторном слайде,— сказал Р'Хит.— Жить и знать, что ты не более, чем пыль на чистой микрокультуре.

— Слушай, Т'Сон, ты не мог бы еще раз поговорить с этим УКРом...— спросил С'Лант,— ...на гуманитарные темы?

— УКР — машина, созданная строителями, он не запрограммирован на эмоции.

— Тайсон,— голос УКР ветерком проник в мозг Роджера,— новое сообщение. Ты должен меня простить, но я никогда раньше не думал...

— Это ведь...— Роджер выпрямился,— это УКР,— шепнул он остальным.— УКР снова вышел на контакт.

— Из чистого любопытства, кстати, этому научился от тебя, решил просмотреть историю твоей расы и проследить всю... три

миллиарда лет эволюции вплоть до вашего времени... и вы... вы никогда не догадаетесь, что я понял...

— Мы обречены? — заторопился Роджер.

— Ни в коем случае! Вы и есть строители.

— Строители?... Те, кто создали тебя?

— Ну да! Разве это не чудо? И как всякая расчлененная величина, вы когда-нибудь обретете единство, которое суммирует, ассимилирует все линейное время и всякий индивидуальный интеллект с самого начала вашего развития. Ты, Роджер Тайсон, например, активно составляешь или будешь составлять крупную часть Совершенного Это, то есть строителя.

— Да уж, — только и сказал Роджер.

— Поэтому я — в твоем распоряжении, — закончил УКР. — Это такое облегчение, знать, что реально существует тот, кому можно активно служить!

— Ты хочешь сказать, — осторожно произнес Роджер, который еще далеко не полностью осознал всю важность сообщения, — что будешь делать то, что я захочу?

— Да, в пределах девятимерного охвата моей пространственно-временной матрицы...

— Значит, ты можешь всех освободить из этого капкана?

— Есть кое-какие проблемы: индивиды Люк Харвуд и Оделия Видерс наложили на себя брачные узы, освященные Флаем Грехоборцем. В какую эру прикажете поместить их?

— Лучше всего — в тысяча девятьсот тридцать первый, не думая, что Оделии понравится в тысяча девятьсот девятом, — рассудил Роджер.

— А Грехоборца?

— Его религиозности, как мне кажется, заметно убыло... в результате пережитого. Пожалуй, стоит сказать ему правду о судьбе человеческой расы и поместить его в Лос-Анджелес... скажем, тысяча девятьсот двадцать пятого года. Я думаю, бедняге это пойдет на пользу.

— Сделано! Что-нибудь еще?

— Несчастные Чарли и Людвиг вернулись в окопы Первой мировой... Нельзя ли присмотреть за ними?

— Они уже давно стали папашами, у них будет много детишек... или... было? Эти грамматические времена постоянно сбивают меня с толку...

— Так, понятно... А как супруги Аркрайт?

— Я подключил их обратно к временному потоку. Они проживут почти до ста лет и умрут в окружении многочисленных детей и внуков (общее число сто шестьдесят). Я также по собственной инициативе возвратил блуждающую фауну на свои места, в их собственные среды обитания.

— А людей Первой Культуры?

— Как видишь...

Роджер посмотрел по сторонам.

На террасе он сидел один, а сам воздух, казалось, был наполнен тишиной и одиночеством.

— Вот ведь, не успел даже попрощаться с К'Нелл,— посетовал Роджер.— Совсем вылетело из головы... Надеюсь все-таки, что смогу когда-нибудь возвратиться в собственную шкуру. Я, говоря по правде, еще ни разу не рискнул полностью раздеться... и даже душа не принимал с тех пор... но больше уже не могу так...

— Нет ничего проще,— отозвался УКР.

Неожиданно день сделался ночью, контур, принимаемый за стул, превратился в водительское сидение с неисправной пружиной; Роджер с трудом различал что-либо сквозь плотную завесу дождя, мотор трижды чихнул, выстрелил и заглох.

— Только не это,— простонал Роджер, съезжая на обочину и кляня себя за недалёковидность.— Кто же выезжает в такую погоду?! — Он поднял воротник и вылез под проливной дождь. Абсолютно пустынная дорога смутно уходила в темноту, северный ветер бросал холодные капли в его лицо с пулеметной силой и яростью.

«Ну что ж,— подумал Роджер, неуверенно ощупывая руки и ноги.— Зато у меня теперь свое собственное тело, правда, чуть более громоздкое и неловкое, чем хотелось бы, но ведь я, в принципе, был готов к этому. Думаю, К'Нелл тоже останется довольна».

Он заволновался, явственно представив вдруг ее изящные, женственные формы, ловко охваченные тончайшими шелками, ее бесконечно милое лицо, волнистые угольно-черные волосы...

— К'Нелл,— позвал он.— Значит, я все это время любил тебя, не зная об этом... или это говорит во мне голос возвращенных мужских гормонов...

Вдали смутно забрезжил свет фары, с трудом проникая сквозь дождливую хмарь; треск мотоциклетного мотора прорвал барабанную дробь дождя.

— К'Нелл! — воскликнул Роджер.— Это, должно быть, она! Очевидно, УКР решил вернуть меня в прошлое... когда ничего еще не случилось... Значит, через каких-нибудь десять секунд произойдет роковая авария и... — Он бросился вперед, размахивая руками.— Стой, стой! — кричал он приближающемуся свету и вдруг остановился.

«Идиот! — подумал он.— Именно мои сумасшедшие прыжки и крики напугали ее и заставили резко отклониться... Но ведь, если я не останавливаю ее, она проедет, и я никогда больше ее не увижу, а я не могу...»

Он спрятался в какой-то канаве за целой стеной кустарника. Ливень не утихал.

Мотоцикл трещал совсем рядом. Он успел заметить тонкую девичью фигурку, пригнувшуюся к самому рулю... машина проскочила мимо, шум мотора становился все тише и тише, а шум дождя — все громче.

— Я любил ее, — простонал Роджер, — и отказался от нее, чтобы сохранить ей жизнь, а она, ничего не ведая, вернется в свою Первую Культуру и заключит с этим Р'Хитом соглашение о случае или о сожительстве...

Снова послышался треск мотора, появился и сам мотоцикл — он двигался так медленно! Как странно, он остановился у машины Роджера, на обочине...

— Т'Сон? — позвал любимый голос.

Он выпрыгнул из укрытия, вскарабкался наверх и как сумасшедший бросился в объятия света фары.

— К'Нелл! — завопил он. — Ты вернулась!

— Конечно, дурачок, — отвечала девушка. — Не думал же ты, что я смогу снова явиться в команду С'Ланта и как ни в чем не бывало подписать брачный договор с этим Р'Хитом? — воскликнула она.

Ее глаза сияли, а губы, казалось, были специально чуть раскрыты, чтобы показать ослепительно белые зубы.

Голодный, замороженный Роджер молча притянул ее к своей груди, жадно и шумно поедая ее свежие губы — дождь по-прежнему бешено обстреливал их.

— Прости, — сказал он, — но я не знаю, что случилось со мной...

— Я знаю, — нежно молвила К'Нелл, целуя его бережно и осторожно.

— Если поторопиться, через пять минут мы можем быть в городе, — потупился Роджер. — Найдем священника и снимем комнату в мотеле...

— Поехали! — отозвалась К'Нелл, ударив ладошкой по звонкой коже мотоцикла.

— Я вдруг подумал, — пролепетал Роджер, — что у меня нет даже никакой работы, а если и бывает, то ненадолго. Смогу ли я дать своей жене то многое, чего она заслуживает по праву?

— Это вопрос ко мне? — ему в голову, как ветер, влетел преданный голос.

— УКР! Ты все еще помнишь меня? Ты со мной?

— Да, и всецело в твоём распоряжении, мой мальчик.

— А если мне потребуется уединение, чтобы меня не беспокоили?

— Это твое право. Стоит лишь сказать об этом.

— Послушай, а если я буду просить тебя время от времени... раздобыть немножко денег, как это...

— В любой день и час... Я смогу их добыть в прошлом, настоящем или будущем.

— Что ты там шепчешь, любимый? — ласково спросила К'Нелл, летя все быстрее и быстрее вниз по дороге.

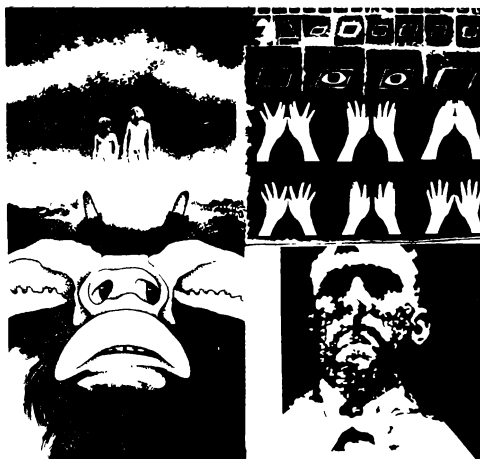
— Ерунда,— шепнул Роджер, осторожно кусая самое дорогое и драгоценное ушко в мире.— Все будет хорошо, правда!

Все было хорошо.

ИЗНАНКА ВРЕМЕНИ

роман

Ранним утром он сидел верхом на крупном боевом коне, оглядывая поле, тянущееся до затуманенных высот, где ждали враги. Кольчужный шарф и доспехи отягощали его, была при нем и другая тяжесть, внутренняя: чувство чего-то невыполненного, какого-то забытого долга, будто он предал что-то дорогое.

— Туман рассеивается, милорд,— заговорил Трумпингтон от куда-то сбоку.— Будете атаковать?

Он посмотрел на солнце, подумал о зеленых долинах родины; в нем росло чувство, что здесь, на залитых туманом полях его ждет смерть.

— Нет, я не буду обнажать Балиньор,— высказался он наконец.

— Милорд, с вами все в порядке? — в голосе юного сквайра звучала озабоченность.

Он коротко кивнул, затем повернулся и отъехал назад, мимо шеренг своих молчаливых латников, вглядывающихся в даль.

ГЛАВА 1

Из-за стойки Молли музыкальный автомат разбивал свое сердце о неверную женщину, но слушать его было некому, кроме нескольких отказников, восседавших на круглых сиденьях под желтым багамским солнцем, лелеющих пиво и ловящих бриз, тянувший с залива. Было около девяти вечера, и дневная жара ушла с пляжа; шорох волны, набегавшей на песок, звучал одиноко и отдаленно, как воспоминание старого человека.

Я примостился у стойки; Молли поставила передо мной бутылку вина с нетронутым еще сургучом.

— Джонни, сегодня это снова произошло, — сказала она. — Я обнаружила деревянное блюдо, которое, клянусь, расколола месяц назад, прямо здесь, в раковине, и без единого отколотого кусочка. И запас виски там иной — такого я никогда не заказывала, никакого признака «Красной марки», а тебе уж известно, как соблюдаю свой ассортимент. А три кочана капусты, вчера еще свежие, сгнили в холодильнике!

— Так — твой последний заказ перепутали и овощи были не такими свежими, как казалось, — ответил я.

— А поганки в углах? — спросила она. — Скажешь, это тоже естественно? Ты лучше разберись в этом, Джон Кэрлон! И вот еще что. — Она достала из-за стойки тяжелый хрустальный кубок емкостью почти в кварту с округлым дном на короткой ножке. — Это стоит денег. Как это оказалось здесь?

— Импульсивная покупка, — предположил я.

— Не дурачь меня, Джонни. Здесь что-то происходит, что-то, что задает меня! Похоже, мир сдвигается прямо под моими ногами! И не только здесь! Я имею в виду все вокруг — мелочи, такие, как перемещения деревьев, журналы, которые я начинала читать, а возвращаясь к ним и не нахожу ни одного похожего рассказа в номере!

Я погладил ее по руке, она сжала мои пальцы.

— Джонни, скажи мне, что происходит? Что делать? Я еще не потеряла рассудок, не так ли?

— Все хорошо, Молли. Стекло, возможно, оказалось подарком какого-нибудь тайного обожателя. И каждый из нас время от времени теряет вещи или запоминает их чуть-чуть иначе, чем они есть на самом деле. Ты, вероятно, найдешь свой рассказ в другом журнале. Просто перепутала. — Я старался, чтобы это прозвучало убедительно, но трудно убедить в том, в чем сам не уверен.

— Джонни, а как насчет тебя? — Молли еще держала меня за руку. — Ты еще не говорил с ними?

— С кем? — осведомился я.

Она одарила меня горячим взглядом пары глаз, которые, вероятно, долго служили для разбивания сердец, пока солнце Ки Уэст не выбелило в них все краски. — Не притворяйся, будто не знаешь, что я имею в виду! Сегодня еще один тип спрашивал тебя — новый, я раньше его никогда не видела.

— О, с ними! Нет, у меня не было времени...

— Джонни! Как ты думаешь? Ты не стряхнешь так просто этих парней. Они расплющат тебя так тонко, что ты будешь скользить по линолеуму, ни с чем не сталкиваясь.

— Не беспокойся обо мне, Молли...

— Ты опять усмехаешься! Джонни Кэрлон, шесть футов три дюйма костей и мускулов, парнище с бронированной спиной! Слушай, Джонни! То, что имеет в виду этот Джекези, значит только одно — особенно с тех пор, как у него появилась эта проволока на подбородке. Он прихлопнет тебя, отбивную из тебя сделает, — она примолкла. — Но я догадываюсь, что ты все это знаешь. Значит, все, что я тебе говорю, на тебя не действует. — Она повернулась и взяла с задней стойки бутылъ «Реми Мартэн». — Говоришь, это стекло. Тогда используем его по назначению.

Молли плеснула в кубок брэнди, и я поднял его, разглядывая мерцание янтарного света внутри.

Сидя на троне, я вглядывался в узкое лицо вероломца, которого любил так сильно, и заметил, как надежда возвращалась в эти хитрые глаза.

— Мой милостивый государь, — начал он, подползая ко мне на коленях, волоча свои цепи. — Не знаю, почему я был так обманут, что предпринял такое оскорбительное безрассудство. Что-то вроде приступа безумия, ничего не значащего.

— Ты же три раза домогался моего трона и короны, — выкрикнул я не только для его ушей, но и для всех, кто мог выступить против того, что, как я знал должно было сегодня произойти. — Три раза я прощал тебя, вновь окружал заботой, превозносил перед верными мне людьми.

— Небесная благодать нисходила на Твое Величество за великое твое милосердие, — журчал бойкий голос, но даже в этот момент я видел ненависть в его глазах. — На этот раз клянусь...

— Не клянись, ты, так часто дававший ложные клятвы! — приказал я ему. — Лучше подумай о душе, не порочь ее больше в свои последние часы!

И наконец глубоко внизу я заметил страх, выплывающий из-под ненависти и всего, что еще сохраняло саму страсть к жизни. И я знал, что это жизнелюбие обречено.

— Спасибо, брат, — вздохнул он и, как к богу, поднял ко мне скованные руки. — Спасибо, независимо от памяти о прошедших радостях, которую мы разделяем с тобой! Спасибо, во имя любви нашей матушки, леди Элеоноры, святой...

— Не погань имя той, что любила тебя! — заорал я, ожесточив свое сердце воспоминанием о ее лице, бледном в отблеске приближающейся смерти, заставляющем меня поклясться вечно защищать и покровительствовать тому, кто теперь коленопреклоненным стоял передо мной...

Он рыдал, когда его оттаскивали, рыдал и клялся в своей истинной любви и преданности мне. А позже, в своих покоях, рыдал я, вновь и вновь слыша глухой удар топора палача.

Мне говорили, что под конец он обрел мужество и шел к плахе с высоко поднятой головой, как приличествует сыну королей. И своими последними словами он меня — простил.

Ох, он простил меня...

Какой-то голос звал меня по имени. Я моргнул и увидел лицо Молли как бы сквозь дымку.

— Джонни, что это?

Я тряхнул головой, и галлюцинация исчезла.

— Не знаю, — сказал я. — Может быть, недосып.

— Твое лицо, — выговорила она. — Когда ты взял в руки бокал и поднял его вверх, как сейчас, ты выглядел — как чужестранец...

— Возможно, это напомнило мне кое о чем.

— Это тебя тоже достало, не так ли? Джонни?

— Может быть. — Я одним глотком проглотил брэнди.

— Самое лучшее для тебя — уйти, — мягко сказала она. —

Ты знаешь это.

— А если они не... Нельзя иметь все, — заметил я.

Она посмотрела на меня и вздохнула.

— Мне все время казалось, что ты должен идти по жизни своим путем, Джонни.

Я почувствовал, что ее глаза следили за мной, пока я выходил сквозь застекленную дверь на холодный вечерний воздух. Над заливом клубился тяжелый туман, сквозь который большие ртутные лампы внизу освещали пирс, как мост в никуда. На конце его в тумане плавала моя лодка. Легкоуправляемая, сорокафутовая, она была почти выкуплена. Суденышко низко сидело в воде при полной загрузке своих четырехсотгаллонных баков. Пара 480-Супермарин-Крайслеров под ее транцем была старой, но в наилучшем состоянии — я собственноручно перебрал их. Они всегда привозили меня туда, куда бы я ни направлялся, и обратно.

Я прошел мимо моторного сарая, когда двое мужчин выделились из тени и вышли, преграждая мне дорогу. Одного из них, крупного экс-боксера, звали Джекези, другой был мелкой птишкой с лисьим лицом в костюме автогонщика. Он щелчком отбросил сигарету, пригвоздил ее носком ботинка и поддернул рукава жестом карточного шулера, готовящегося к быстрой сдаче.

— Это мистер Рината, Кэрлон, — сказал Джекези. Кто-то когда-то попал ему в глотку, и с тех пор его голосом был хриплый шепот — Он приехал из Палм-Бич специально, поговорить с тобой.

— Приятно видеть вас, мистер Кэрлон, — человек с лисьим лицом вынул длинную узкую руку, похожую на обезьянью.

— Я говорил вам, чтобы вы не толклись вокруг моей лодки?

— Не упрямысь, Кэрлон, — сказал Джекези. — Господин Рината большой человек и проделал долгий путь...

— Организация Защиты Рыбаков — важная организация, приятель, — заговорил Рината. — Человек может избавить себя от кучи неприятностей, замолчав.

— А какие неприятности могут меня ожидать?

Он кивнул, как будто я сказал что-то разумное.

— Скажу вам вот что, Кэрлон, — заявил он. — Чтобы доказать нашу добрую волю, мы отменим три сотни вступительного взноса.

— Просто убирайтесь с моей дороги, — сказал я и попытался пройти мимо них.

— Подожди минутку, старик, — прорычал Джекези. — Морды вроде твоей с мистером Рината так не разговаривают.

— Легче, Джекези, — мягко сказал Рината. — Мистер Кэрлон слишком разумен, чтобы лезть на рожон.

Я уловил направление, в котором он мельком бросил взгляд, и увидел машину, разгружавшуюся посреди улицы. Два человека склонились у переднего крыла, согнув руки.

— Со временем вы двинетесь с места, Кэрлон, — сказал Рината, показывая мне несколько зубов, которые нуждались в обработке. — Парни, что ходят сами-по себе, не имеют шансов в наши дни. Слишком острая конкуренция. — Он взял несколько бумаг из внутреннего кармана и вручил мне. — Подпиши их, дружище. Это самое умное, что ты сможешь сделать.

Я взял бумаги, порвал пополам и выбросил.

— Еще что-нибудь, или вы, наконец, смотаетесь? — спросил я.

Его лицо стало отвратительным, но он вытянул руку, чтобы удержать Джекези сзади.

— Это очень плохо, Кэрлон. Слишком плохо.

Рината вынул свой платочек из наружного кармана, взмахнул им. Я быстро отступил мимо него и левым боковым достал Джекези прежде, чем его рука получила время окончить свой разворот от бедра. Дубинка вылетела, Джекези сделал пару шагов назад, сохраняя равновесие, и шумно перевалился через боковой парашют.

Я сгреб Ринату, и выдавил из его одежды маленький автомат. Он нагнулся за оружием и вошел в соприкосновение с носком моего ботинка.

Он шлепнулся на спину, выплевывая кровь и мяукая, как мокрый котенок. Двое из группы поддержки, сзади, перешли на бег. Я схватил оружие и попросил Ринату дать им отбой, но сверкнул выстрел, кашлянул глушитель, и пуля прорезала воздух у моего правого уха. Я дважды выстрелил с бедра. Человек затормозил и упал; другой шлепнулся с доски. Я схватил Ринату за воротник и потащил его, поднимая на ноги.

— Чуть ближе — и ты мертв, — заявил я.

Он пнул меня и попытался укусить мою руку, но тут же проорал приказ.

— Вшивый фраер уделал Джимми,— вернулось эхо.

Рината заорал снова, и один из охранников медленно поднялся на ноги.

— Джимми тоже,— сказал я.

Рината произнес слово. Человек, стоявший на ногах, попытался поднять партнера, не смог этого сделать, приладили и, ухватив пару пригоршней пиджака, потащил его. Через минуту-другую я услышал, как завелась машина и стремительно исчезла в тумане.

— О'кей, дай-ка мне вздохнуть,— сказал Рината.

— Конечно,— сказал я, отталкивая его, и сильно ударил в желудок; когда тот согнулся, солидно добавил по позвоночнику.

Оставив его на настиле пирса, я вышел и поднялся. Я использовал свой старый нож, чтобы перерезать пеньковый канат лодки, и через две минуты ее нос был нацелен на канал в направлении глубокой воды. Я наблюдал, как огни залива скользили в тумане, который скрывал заразу и нищету, оставляя все-таки магию ночной гавани. И запах разложения; его ничем было не перекрыть.

Я шел на запад часов пять, затем выключил двигатель и сел на палубу, наблюдая за звездами почти час, прислушиваясь к звукам моторов, но за мной никто не охотился.

Я опустил якорь и лег, завернувшись в одеяло.

Низко над водой стоял туман, когда перед рассветом я развернулся. Мои плечи болели, и это вместе с ощущением липкого влажного тумана на моем лице на минуту почти напомнило мне что-то: отблески света на стали и трепетавший на ветру вымпел; ощущение огромного коня подо мной, что было довольно странно, поскольку я ни разу в своей жизни не садился на лошадь.

Лодка мертво покоилась на неподвижном, плоском море, и даже сквозь туман солнце уже отдавало ему какое-то тепло. Казалось, это будет еще один из тех длинных голубых дней в заливе, когда море и небо пусты вплоть до далекого горизонта. Отсюда Джекези и его босс Рината казались чем-то, выпадающим из остальной жизни. Я подошел к камбузу поджарить себе яичницу с ветчиной, но заметил забавную вещь: крохотные кусочки грибообразного вещества, растущие на махогоновой обшивке и медном поручне. Я скинул их за борт и провел полчаса со шваброй и за полировкой медных деталей, слушая огромную, как мир, тишину. Под конец я поднял люк и осмотрел моторы сверху донизу, завернув крышки сальников на оборот-другой. Когда я поднялся на палубу, там у поручня левого борта стоял человек, глядевший на меня сквозь прицел автомата.

Он был одет в узкий белый китель с мелким завитком золотого шнура у обшлага. Его лицо было худым, жестоким, незагорелым; городской человек. Эта штука в его руках не была похожа ни на

одно из тех ружей, что я видел когда-либо, но вид у нее был функциональный, а рука, направленная на мое лицо, была настолько спокойна, насколько это было необходимо. Я поглядел на него, оглядел всю свою посудину — никакой другой лодки в поле зрения не было, и даже резинового плотика.

— Спокойно,— сказал я.— Как вы с ним управляетесь?

— Это неврат, нерв-автомат,— сказал он деловым тоном.— Это неопишимо болезненно. Выполняйте то, что я скажу, в точности, и я не буду вынужден использовать его.

Он направил меня назад к люку. У него был странный акцент — британский, но не совсем. Я отодвинулся на шаг-другой; он последовал за мной, сохраняя постоянную дистанцию.

— Слева от водяного трубопровода расположен вентиль топливного насоса,— сказал он тем тоном, каким вы могли попросить передать вам сахар.— Откройте его.

Я подумал, что тут можно было бы возразить, но я боялся, что мне ответит оружие. Я залез вниз, нашел вентиль и открыл его; дизельное топливо хлынуло наружу, издавая мягкий плещущий звук, ударяясь о воду с левого борта. Триста галлонов номера второго масляным пятном расплывались по поверхности ровной воды.

— Откройте вентиль носовой цистерны,— сказал человек с оружием.

Он шел за мной, пока я поднимал крышку люка, наблюдал, как я открываю вентиль. Зеленая вода вскипела, падая внутрь. Затем мы прошли на корму и открыли там еще один вентиль. Вода бурлила, со звуком врываясь внутрь, я мог видеть через открытый люк моторного отделения, как она поднималась, затопляя большие блоки цилиндров, всякие щепки и другой мусор вращались на ее темной поверхности. За две минуты вода дошла до кромки, слегка накрывая лодку к левому борту.

— Несколько громоздкий способ склонить к самоубийству,— сказал я.— Почему просто не заставить шагнуть за борт?

— Закройте кормовой вентиль,— приказал он, кивая в сторону кокпита, как холодный и спокойный техник, выполняющий свою работу.

Я гадал, что это может быть за работа, но быстро прошел на корму и закрыл вентиль. Затем носовой. После этого лодка глубоко осела, и ее планшир лишь дюймов на шесть выступил над водой. В воздухе стоял густой запах нефти.

— Если поднимется ветер, нас захлестнет,— сказал я.— И без топлива, значит, без насосов...

— Ложитесь на палубу,— прервал он меня.

Я покачал головой.

— Я приму это стоя.

— Как хотите.

Он опустил дуло, я напрягся и бросил на него свой вес в последней попытке. Оружие издало острый шум, во мне вспыхнул жидкий огонь, разрывая мою плоть на куски.

...Я лежал лицом в палубу, дрожа, как свежеемпутированная нога. Подобрав под себя колени, поднялся на ноги. Человек в белой форме исчез. В лодке я был один.

Я обошел ее от носа до транца. Я не думал, что найду его спрятавшимся в продуктовом ящике. Просто на ходу я пытался понять, что случилось. Закончив обход, я прислонился к стенке каюты, чтобы прошел приступ болезненной тошноты. Точка, которую я выбрал, чтобы выехать на ночные часы, была в шестидесяти милях южнее Ки Уэст, в сорока милях севернее Кастильо дель Морро. Я буду на плаву, пока не задует ветер, достаточный, чтобы поднять волны. Еды и воды у меня было на два дня — может быть, на три, если я растяну ее. Налетчик успел сломать мое радио, я проверил и обнаружил, что отсутствует одна лампа. Запасной не было. Это значило, что у меня единственный шанс — оставаться на плаву, пока случайно кто-нибудь не пройдет мимо и не сможет взять меня на борт. Это значило потерять лодку — но можно было считать, что она уже потеряна.

Я мало что мог сделать, чтобы спасти ее: ручная помпа была в трюме под двумя футами воды. Я провел час, выуживая ее на палубу, и другой — работая вручную, пока она не сломалась. Я смог понизить уровень воды на восьмую часть дюйма — или это была игра света. Некоторое время я вычерпывал воду ведром для питья большей частью себе на голову; по шесть ведер в минуту, считая по три галлона на ведро, за сколько времени я перенесу десять тысяч галлонов за борт? Слишком долго — был ответ, к которому я пришел.

К полудню ветер поднял волнение, и осадка увеличилась почти на дюйм. Я выловил банку консервированной ветчины и бутылку пива из воды, окатывающей камбуз, сел на теневой стороне кокпита и стал наблюдать, как бледные облака громоздятся далеко над водой, думая, как хорошо сидеть в холодном полумраке бара Молли, рассказывая ей о таинственном человеке в щегольском белом костюме, который целился в меня из чего-то, что он называл нерв-автоматом, и приказывал мне выпустить горючее и затопить катер, а потом скрывшемся, пока я валялся лицом вниз...

Я поднялся и пошел оглядеть место, где он должен был находиться. Там не осталось ничего, что подтвердило бы, что это не было иллюзией. Он ходил, пока я мотался взад-вперед, но это тоже не оставило следа. Выходит, я открыл кингстоны и затопил свою лодку. Правда, была еще исчезнувшая радиолампа, но ее мог убрать я

сам, сделав это в каком-то приступе беспамятства. Может быть, горячее тропическое солнце вконец испекло мои мозги, и выстрел из нерв-автомата, дававший о себе знать при каждом движении, мог привидеться, когда я потерял ощущение реальности.

Но я просто пытался обмануть себя. Я помнил жесткое, умное лицо, сверкающий свет в стволе ружья, неуместно незапятнанную белизну, с блестящими знаками различия на отворотах и с буквами по голубой эмали на них.

Я поднял свое ведро и вернулся к работе.

Бриз рванул на закате, и за десять минут в лодку налилось воды больше, чем я вычерпал за десять часов. Она переливалась с борта на борт, как брюхатая морская корова. Какое-то время ночью она еще будет плюхать, какое-то время я еще буду плыть, а затем...

Никакого будущего на этом направлении мыслей не было. Я вытянулся на спине на палубе, закрыл глаза, слушая поскрипывание деревянного настила, пока лодка двигалась в воде со всем своим непомерным грузом...

...и проснулся, еще прислушиваясь, но сейчас уже к новому звуку. Стояла полная тьма, без луны. Я соскользнул на палубу, и солидная волна перевалила через планшир, вымочив меня до колен.

Я слышал звук: он шел спереди — глухое звяканье! — похоже, что нечто тяжелое вынесено на опалубку. Я потянулся внутрь кокпита и вытащил большую шестиэлементную вспышку, прикрепил ее к стене рядом с бортовым журналом и включил. Стало светло. Голос из темноты сказал:

— Кэрлон — уберите этот свет!

Я прижался к надстройке, свет упал на поручень трапа, в нем торчал нож. Я поднял фонарь, и в его свете оказалось лицо. Это был не тот человек, что пробовал на мне свое оружие. Этот был высок, седовлас, в аккуратном сером комбинезоне. В руках у него ничего не было.

— Вырубите свет,— сказал он.— Быстро! Это важно!

Я выключил вспышку, но видеть его мог.

— Нет времени объяснить,— сказал он.— Вы должны покинуть судно.

— Я предполагаю, вы принесли с собой лодку? — Вода переливалась через борт, и лодка дрожала подо мной.

— Кое-что получше,— ответил он,— но мы должны сделать это быстро. Пойдемте вперед.

Я не ответил, потому что был на полпути к нему и пытался различить его силуэт на фоне неба, но он был того же цвета.

— Она быстро погружается,— сказал он.— Мой прыжок не изменил этого.

— Ее водяные и бензиновые цистерны пусты,— сказал я,— и она, может быть, еще выплывет.

Я выиграл еще один ярд.

— У нас нет времени для выяснения. Осталось лишь несколько секунд.

Он стоял на носовом люке, полуобернувшись налево и вглядываясь в темноту, как будто там было нечто, интересующее его, что он не хотел пропустить.

Я проследил за его взглядом, что он не хотел пропустить. Я проследил за его взглядом и увидел *это*.

Это была платформа около десяти футов в ширину с поручнями вокруг, которые отражали слабые огни из того, что казалось светящимся блюдцем, укрепленным в центре мачты. Они плыли в ста ярдах от нас, дрейфуя над водой. На платформе находились двое, оба в белых формах. Один из них был тот, кто потопил мою лодку, а другой — маленький человек с большими ушами, лица которого я не мог видеть.

— Что за спешка? — спросил я.— Я вижу человека, с которым мне надо потолковать.

— Заставить вас я не могу,— сказал человек в сером,— но могу только сказать, что на этот раз все козыри у них. Я предлагаю вам шанс при новой сдаче. Взгляните! — Он показал большим пальцем за плечо.

Я сперва не видел ничего, а потом увидел прямоугольник шести футов в высоту и двух в ширину, как открытая дверь в комнату, где горела тусклая свеча.

— Не могу позволить себе быть схваченным,— сказал человек в сером.— Следуйте за мной, если решите поверить мне.— Он повернулся, вошел в эту призрачную дверь, висящую в воздухе, и исчез.

Платформа теперь быстро приближалась; тощий стоял у переднего края с нерв-автоматом в руках.

— Дайте мне десять секунд,— сказал я в дырку в воздухе.

Я вернулся вдоль рубки, у кокпита опустился по бедра в воду и ощупал все вокруг себя в мертвенном свете нактоуза. Найдя кожаный ремень и ножны, нацепил их на себя, а когда выныривал, почувствовал, что лодка начала двигаться.

Белая вода вспенилась вокруг меня, почти оторвав от поручня. Светящаяся дверь была еще здесь, вися в воздухе в шести футах от меня.

Я подпрыгнул, ибо лодка скользнула вниз. Когда я пересекал линию света, было ощущение иголок, воткнувшихся в кожу; затем мои ноги ударились об пол, и я оказался в самой странной комнате из всего, что когда-либо видел.

Комнату примерно футов восемь на двенадцать образовывали слегка изогнутые, крашенные в белое стены с рядами экранов, циферблатов, шкал инструментов и с большим количеством приборов и рычагов, чем в рубке Р₂V ВМС. Человек в сером сидел в одном из двух стоящих рядом кресел перед цветной световой стрелкой. Он сверкнул в мою сторону быстрым взглядом, в то же самое время ударив по кнопке. Возник мягкий гудящий звук, появилось неясное чувство движения в какой-то среде, иной, чем пространство.

— Закрыто, но я не думаю, что они видели нас, — произнес он напряженно. — По крайней мере, на нас нет тас-лучей. Но уходить мы должны быстро, прежде чем он установит в полном масштабе образ сканирования.

Он смотрел на маленький, светящийся зеленым экран размером с летную модель радароскопа, одновременно двигая рычагами. Сканирующая линия пробегала по экрану сверху вниз, делая около двух циклов в секунду. Я никогда не видел ничего подобного.

Но ничего подобного я никогда не видел и из того, что пришлось увидеть за предыдущие несколько минут.

— Кто они? — спросил я. — Что они такое?

Он окинул меня с ног до головы быстрым взглядом.

— На данный момент достаточно сказать, что они представляют кого-то, кто вас невзлюбил.

Он щелкнул переключателем, и свет полностью потускнел. На большом экране в шесть квадратных футов величиной с резким щелчком изображение приборного фокус. Это была та платформа. Она парила над неспокойной водой примерно в пятидесяти футах отсюда и удалялась. Изображение было ясным, как будто я выглядывал в открытое окно. Один из людей в белом играл по волнам мощным лучом голубоватого света. Моя лодка исчезла, и в поле зрения не было ничего, кроме нескольких огрызков, обломков и остатков приборов, вертящихся в черной воде.

— Вы разошлись с его последователями холодно, — сказал человек в сером, — и это ему очень не понравилось — но тут ничем нельзя помочь. Подобрал вас, я поставил себя в положение, которое можно назвать невозможным. — Он уставился на меня, как будто обдумывал, как много мне можно сказать. — После того, что уже произошло, это не то слово, которое я использовал бы с легкостью, — заключил он.

— Откуда вы? ФБР? ЦРУ? Не думал, чтобы у них было что-либо подобное этому. — Я кивнул в сторону фантастической панели управления.

— Мое имя Байярд, — сказал он. — Боюсь, вы должны будете ненадолго довериться мне, мистер Кэрлон.

— Как вы узнали мое имя?

— Проследив за ними,— кивнул он на экран.— Я о вас узнал кое-что.

— Почему вы меня подобрали?

— Любопытство — такое же хорошее качество, как и любое другое.

— Если вы шли у них на хвосте, как вам удалось попасть сюда вовремя? Первым?

— Я экстраполировал их курс и опередил на голову. Мне повезло: я вас вовремя запятнал.

— Как? Ночь темная, а огней я не зажигал.

— Я использовал инструмент, который реагирует на... некоторые характеристики материи.

— Не будете ли вы так любезны, Байярд, слегка прояснить это?

— Я не намерен быть таинственным,— сказал он,— но есть инструкции.

— Чьи?

— Этого я не могу вам сказать.

— Тогда я просто прошу вас выпустить меня на ближайшем углу, отправиться домой и выпить пару глотков, как если бы ничего не произошло. К завтрашнему утру все это будет казаться глупым — за исключением моей лодки.

Он уставился на экран.

— Нет, вы, конечно, не можете этого сделать.— Он бросил на меня острый взгляд.— Вы уверены, что ничего не осталось сзади? Что-то, что может бросить какой-либо свет на все происходящее?

— Это вы — человек-загадка, а не я. Я просто рыбак или был им до этого дня.

— Не простой рыбак. Рыбак по имени Ричард Генри Джоффри Эдвард Кэрлон.

— Я не думаю, что есть в живых хоть кто-нибудь, кто знает, что у меня три средних инициала.

— Он знает. Он знает также и то, что делает вас достаточно значительным, чтобы стать объектом полномасштабной операции Сети. Хотел бы я знать, что это.

— Должно быть, это случай ошибочной идентификации. Во мне нет ничего, что заинтересовало бы кого-либо, кроме специалистов по несчастным случаям.

Байярд нахмурился, глядя на меня.

— Вы не будете возражать, если я проведу несколько тестов на вас? Это займет лишь минуту-другую. Ничего неприятного.

— Это будет приятной переменой,— сказал я.— А какого рода тесты? И с какой целью?

— Разобраться, что с вами такое, что заинтересовало их,—

кивнул он на экран. — Я скажу вам о результатах, если таковые будут. — Он вытащил какой-то прибор и нацелил его на меня, как фотограф, настраивающий экспозицию. — Если бы это слово уже не затерлось, — сказал он, — я бы назвал эти показания невозможными. — Он указал на зеленую стрелку, метавшуюся по светящейся шкале, как по катушке компаса на Северном Полюсе. — Согласно этому, вы находитесь в неопределенном количестве мест одновременно. И это, — он ткнул пальцем в меньший циферблат со светящейся желтой стрелкой, — говорит, что энергетические уровни, концентрируемые в вашем районе, — порядка десяти тысяч процентов от нормы.

— У вас перепутались провода, — предположил я.

— Явно, — продолжал он думать вслух, — вы представляете звеньевую точку в том, что известно как пример вероятностного стресса. Если допустить мою догадку, главное звено.

— Что значит...?

— Большие дела зависят от вас, мистер Кэрлон, — просто произнес Байярд. — Что или как — не знаю. Но происходят довольно странные вещи — и вы в центре их. То, что вы сделаете дальше, будет иметь глубочайший эффект в будущем мире — многих мирах.

— Помедленнее, — попросил я. — Давайте оставаться в реальности.

— Существует больше, чем одна реальность, мистер Кэрлон, — просто сказал Байярд.

— Кем, сказали, вы являетесь? — переспросил я.

— Байярд. Полковник Брайон Службы Имперской Безопасности.

— Безопасности, а? И Имперской к тому же. Звучит несколько старомодно — если вы не работаете на Хайле Селассие.

— Империи — большая сила, мистер Кэрлон. Но, пожалуйста, примите на веру слова, что мое правительство не враждебно вашему.

— На данный момент, это уже кое-что. Как получилось, что вы говорите по-американски без акцента?

— Я родился в Огайо. Но давайте на данный момент отложим это в сторону. Я потратил кое-какое время, смахнув вас у него из-под носа, но он не уступит. И к его услугам — обширные ресурсы.

У меня все еще было ощущение, что он говорит сам с собой.

— Ол'райт, вы потратили время, — подсказал я ему. — Что вы собираетесь делать с этим?

Байярд указал на экран с тонкой красной стрелкой, которая трепетала по катушке компаса.

— Этот инструмент способен отслеживать отношения высокого порядка абстрактности. Дается точка опоры, и он указывает положение артефактов, близко ассоциируемых с субъектом. На данный

момент он указывает на отдаленный источник к западу от нашего положения сейчас.

— Наука, мистер Байярд? Или колдовство?

— Широчайший научный уровень, тем больший, что он входит в столкновение с той областью, которая некогда была известна как оккультные науки. Но оккультные — значит, просто тайные.

— И что это все должно сделать со мной?

— Аппаратура настроена на вас, мистер Кэрлон. Если мы последуем за ней, это может привести нас к ответам на ваши и мои вопросы.

— И когда мы туда доберемся — что тогда?

— Это зависит от того, что мы найдем.

— Вы не выдаете слишком много, не так ли, полковник? — заметил я. — У меня был долгий день. Я ценю то, что вы подобрали меня с лодки, прежде чем та утонула — и я полагаю, что должен вам какую-то благодарность за спасение меня от еще одного теста из нерв-автомата. Но игра в вопросы без ответов окончательно утомила меня.

— Давайте достигнем взаимопонимания, мистер Кэрлон, — ответил Байярд. — Если бы я смог объяснить, вы бы поняли — но объяснение будет включать рассказ о том, что я не могу сообщить вам.

— Мы ходим по кругу в наших разговорах, полковник. Я полагаю, вы это понимаете.

— Круг сужается, мистер Кэрлон. Я надеюсь, что это не петля, которая захлестнет всех нас.

— Это весьма драматический язык, не так ли, полковник? Вы так произнесли это, что оно прозвучало как конец мира.

Байярд кивнул, остановив взгляд. В многоцветном свете прибор его лицо было жестким, составленным из напряженных линий.

— Именно так, мистер Кэрлон, — высказался он.

Луна поднялась, окрасив серебром дорожку на воде. Мы прошли Бермуды, увидев в отдалении огни Азор. Пролетело больше двух часов; под нами неподвижно лежал океан, пока в виду не появился берег Франции, чертовски далеко.

— Сенсоры иппроксимации сейчас работают на уровне бета, — сказал Байярд. — Мы в нескольких милях от того, что ищем.

Он двинул рычаг, и залитый лунным светом изгиб берега ушел под нас быстро, бесшумно и гладко. Мы выровнялись на высоте пары сотен футов над вспаханными полями, скользнули над черепичными верхушками крыш маленькой деревушки, проследовали вдоль узкой извилистой дороги, что прорезала ряд заросших лесом холмов. Далеко впереди на черной земле заблестела широкая река.

— Сена,— сказал Байярд, изучавший иллюминированную карту, что прокручивалась перед ним на маленьком экране, с красной точкой в центре, представлявшей нашу позицию.— Индикатор сейчас дает показания в красной зоне, чуть дальше.

Река впереди делала поворот меж крутыми берегами. На самой широкой точке стоял плоский, покрытый лесом остров.

— Что-нибудь из этого вам знакомо? — спросил Байярд.— Были вы здесь когда-либо раньше?

— Нет. Ничего особенно похожего. Просто река и остров.

— Не просто остров, мистер Кэрлон,— сказал Байярд.— Взгляните поближе.— В его голосе прозвучала нота подавленного возбуждения.

— Там есть здание,— сказал я, разглядев массивную кучу камня, завершающуюся башнями, как у замка.

— Довольно знакомое здание — известное как Шато-Гайяр,— заметил Байярд и посмотрел на меня.— Значит для вас хоть что-нибудь это имя?

— Я слышал о нем. Довольно старое, не так ли?

— Примерно восьмиста лет.

Пока мы беседовали, челнок скользил через реку к каменным стенам и башням крепости. Байярд отрегулировал рычаги, и мы остановились, повиснув в пространстве примерно в пятидесяти футах перед высокой стеной. Там рос плющ, и сквозь темную листву просвечивал старый, как скалы над ним, камень.

— Мы в пятидесяти футах от центра резонанса,— произнес Байярд.— Это где-то ниже нас.

Стена перед нами скользнула вверх, поскольку челнок спускался вертикально. В каменной кладке виднелись узкие бойницы между обветренных контрфорсов, как когтями сжимавших каменный фасад.

Мы остановились у основания стены.

— Наша цель где-то на двенадцать футов ниже этой точки и приблизительно в шестидесяти футах на норд-норд-ост,— пояснил он.

— Значит, где-то в фундаменте,— ответил я.— Кажется, нам не повезло.

— Вы скоро столкнетесь с еще одним необычным испытанием, мистер Кэрлон,— предупредил Байярд.— Не теряйте вашей невозмутимости.— И он хлопнул по выключателю.

Вид на экране исчез в какой-то разновидности светящейся голубизны цвета газового пламени, и все-таки выглядевшей твердой. Он передвинул рычажки, и прозрачная стена скользнула вверх. Линия булыжника, служившего поверхностью, проплыла мимо, как вода, поднимающаяся над перископом, и экран вернулся к твердой голубизне с ясно определенными линиями слоев, пересекаемых

под углом. Несколько врезанных камней, более темная тень на голубом, как желатиновые лампы, плавающие в аквариуме, несколько изогнутых корней, бледных и просвечивающих, куски битой посуды. Экран становился темнее, почти непрозрачным.

— Мы сейчас в твердой породе,— сказал Байярд холодным тоном, как если бы показывал дома кинозвезд.

Мы остановились, и я почувствовал, будто несколько миллионов тонн планеты толкнули меня. Это дало мне странное ощущение, словно я был дымным облачком, таким газообразным гранитом, ограниченным тонкой скорлупой.

— Машина, я бы сказал, совершенная,— проворчал я.— Что еще она может делать?

Байярд выдал легкую улыбку и дотронулся до панели управления. Текстура скалы закружилась вокруг нас, как грязная вода с просачивающимся сквозь нее мутным светом. Мы продвинулись вперед примерно на десять футов, проскользнули сквозь стену и оказались в комнатке с каменными стенами и потолком, без окон и с толстым слоем пыли на всем. После путешествия сквозь скалу здесь было почти светло, так что можно было видеть кое-какие вещи: лохмотья на стенах, оставшиеся от сгнивших гобеленов, грубо сколоченная из неровных досок деревянная скамья с кучей пыли на ней, несколько металлических блюд и кубков, украшенных узором из цветных камней, безвкусно выполненные ювелирные изделия, обломки проржавевшего железа.

— Я думаю, мы что-нибудь найдем, мистер Кэрлон,— вымолвил Байярд, и на этот раз тон был менее холодным.— Выйдем?

Он сделал что-то со своими рычагами, и мягкое гудение, о котором я уже забыл, хотя и слышал, сбегало со шкалы. Сцена на видеопласте исчезла, как будто выключился прожектор. Он щелкнул еще одним переключателем, и жесткий белый свет засиял среди черных стен, отбрасывая в углы причудливые тени. Панель скользнула назад, и мы вышли. Пол под нашими ногами был покрыт толстым ковром пыли, запах вечности в воздухе походил на запах плесневелых книг во всех библиотеках мира.

— Старый склад,— произнес Байярд той разновидностью шепота, что исходит из потревоженной могилы.— Опечатанный, вероятно, много веков назад.

— И очень нуждающийся в метле,— добавил я.

— Одежда, дерево и кожа сгнили напрочь, за исключением того, что стащили, и большая часть металла окислилась.

Я пошевелил кучу ржавчины носком. Оставалась чешуйка размером с блоху. Байярд опустил на колено, пошуровал в ржавчине и поднял чистый изогнутый кусок.

— Это *genouillere*,— сказал он.— Наплечник; часть рыцарского доспеха.

Достав прибор, похожий на счетчик Гейгера с кабельным питанием, он обвел им всю комнату.

— Здесь за работой экстраординарные силы, — вымолвил он. — Отметки напряжения поля Сети вышли за пределы шкалы.

— Значит?

— Ткань реальности натянулась до точки разрыва. Это почти так же, как бесконечность в континууме — трещина в последовательности энтропии. Силы, подобные этим, не могут существовать, мистер Кэрлон, недолго, во всяком случае, без нейтрализации!

Он зафиксировал регулировку на инструменте, поворачиваясь кругом, чтобы нацелить его на меня.

— Кажется, вы представляете собой фокус сильно поляризованного потока энергии, — сказал он, подошел ближе, направляя прибор на мое лицо, повел им вниз по моей грудной клетке и остановился на какой-то вещи, находившейся на моем бедре.

— Нож, — сказал он. — Могу я посмотреть на него?

Я вынул нож и вручил полковнику. Там не на что было смотреть: широкое толстое лезвие около фута длиной, у основания довольно грубое, с неуклюжей крестообразной гардой и с несоразмерной, обтянутой кожей рукояткой. Для чистки рыбы он не совсем подходил, но он находился у меня с давнего времени.

Байярд держал металлический указатель напротив ножа и смотрел, не веря глазам своим.

— Откуда вы это взяли, мистер Кэрлон?

— Нашел.

— Где?

— Очень давно в сундуке, на чердаке.

— В чем сундуке? На чем чердаке? Сосредоточьтесь, мистер Кэрлон. Это может быть жизненно важно.

— Это был чердак моего деда, за день до его смерти. Сундук был в семье с давних дней. Рассказывали, что он принадлежал предкам, бороздившим моря в восемнадцатом столетии. Я рылся в нем и вытащил наружу этот нож. Не знаю почему, сохранил его. Он не совсем такой, как все ножи, но, кажется, очень хорошо подходит к моей руке.

Байярд посмотрел на лезвие ближе.

— Здесь есть буквы, — сказал он. — Похоже на старофранцузский: *Бог и моя Честь*.

— Не проделали ли же мы весь этот долгий путь, чтобы изучить мой нож? — удивился я.

— Почему вы продолжаете называть это ножом, мистер Кэрлон? — спросил Байярд. — Мы оба прекрасно знаем, что это не так. — Он ухватился за рукоять оружия и поднял его. — Для ножа он слишком массивен и чересчур громоздок.

— Чем бы вы его назвали?

— Это сломанный меч, мистер Кэрлон. Разве вы не знали? Он передал его мне, эфесом вперед. Когда я взял его, Байярд взглянул на свои шкалы.

— Стрелки поднимаются до голубого, когда вы берете его в руку,— произнес он голосом, звенящим от напряжения, как буксирный трос.

Рукоять меча в моей руке задрожала. Ее тянуло, мягко, как будто невидимые пальцы тащили за него. Байярд изучал мое лицо. Я почувствовал капельку пота, стекающую вниз по левой брови.

Не знаю, каким образом, но я попытался поднять обломки, сделал шаг — давление стало сильнее. Пронзительно холодная голубая вспышка, как от статического электричества, заиграла по куску заржавленного железа на скамье. Еще один шаг... и вокруг конца моего ножа вспыхнуло слабое голубое жало. Краем глаза я видел, что все объекты вокруг меня мягко осветились в полутьме. На скамье что-то шевельнулось, посыпалась пыль. Я повернулся на несколько дюймов, движение прекратилось. Я сделал шаг в сторону — нечто развернулось следом за мной.

Байярд пальцем пошвырял пыль и поднял кусочек металла, весь в оспинах приблизительно три дюйма на шесть, скошенный с обеих краев, с желобком у центрального гребня.

— Обыкновенный кусок ржавого железа,— сказал я.— Что же заставляет его двигаться?

— Если я не ошибаюсь, мистер Кэрлон,— сказал Байярд,— это кусок вашего сломанного меча.

ГЛАВА 3

— Я не верю в магию, полковник,— возразил я.

— Никакой магии,— ответил Байярд.— Между объектами тонкие отношения: влечение между людьми и неодушевленными предметами, которые играют роль в их жизни.

— Это просто старое железо, Байярд, и ничего больше.

— Объекты — часть своего окружения,— возразил Байярд.— Каждый квант энергии материи в этой Вселенной был здесь с ее зарождения. Атомы, составившие это лезвие, были сформированы прежде, чем было сформировано Солнце; они были здесь, в скале, когда первая жизнь зашевелилась в морях. Затем этот металл был добыт, выплавлен, выкован. Но сама материя должна была быть неизменной суммой всего материального плана реальности. Комплексные взаимоотношения существуют между частицами данной мировой линии — отношения, на которые влияет использование, что, собственно, и есть предмет, который они составляют. Такие отношения существуют между вами и этим древним оружием.

Сейчас Байярд ухмылялся, как старый волк, почуявший кровь.

— Я могу сложить два и два: вы — с этой рыжей гривой и вашей психикой — да еще теперь с этим. Да, я думаю, что начинаю понимать, кто вы, мистер Кэрлон, и что вы такое.

— И что я такое?

Байярд сделал движение, указывая на комнату и массивный столб над нею.

— Этот замок был построен году в тысяча сто шестнадцатом для английского короля, — сказал он. — Его имя было Ричард — известный Ричард Львиное Сердце.

— Это — что он такое. А что я?

— Вы, мистер Кэрлон, его потомок. Последний из Плантагенетов.

Я рассмеялся вслух от разочарования.

— Я предполагаю, следующим шагом будет предложение мне воспроизвести фамильные доспехи, пригодные лишь для памятника. Должно быть, это ваше представление о юморе, полковник. Если так, то через тридцать поколений любые связи между королем и самым последним его потомком будут несколько поверхностны.

— Полегче, мистер Кэрлон; ваше образование впечатляюще, — улыбка Байярда была угрюмой. — Ваша информация точна настолько, насколько она обширна. Но человеческое существо больше, чем статический комплекс. Есть связи, мистер Кэрлон, которые выходят за рамки Менделя и Дарвина. Рука прошлого еще может дотянуться до настоящего и будущего, чтобы влиять на них...

— Вижу. Парень с нерв-автоматом догнал меня, чтобы составить билль, который Рачард Первый посвятил своему портному...

— Потерпите минутку, мистер Кэрлон. Примите за факт то, что реальность более сложна, чем приближения, которые наука зовет аксиомами физики. Каждое деяние человека дает реперкуссии, которые распространяются по обширному континууму. Эти реперкуссии могут иметь глубочайшие эффекты — эффекты, превосходящие ваши представления об экзосмосе. Вы еще не закончили со всем этим. Вы вовлечены, неизбежно, нравится вам это или нет. У вас есть враги, мистер Кэрлон; враги, способные препятствовать всему, что вы можете попытаться предпринять. У меня начинается мерцать догадка, почему это может быть.

— Я допускаю, что кто-то потопил мою лодку, — сказал я, — но это все. Я не верю в обширные заговоры, нацеленные против меня.

— Не будьте самоуверены, мистер Кэрлон. Когда я открыл, что кое-какие миссии были внесены на Р-И Три¹ — официальное обозначение этого района — я усмотрел суть дела. Некоторые из этих миссий были относительно недавними — порядка двух последних

¹ Распад-Изолированная мировая линия Три, данная нам реальность.

недель. Но остальные датировались периодом почти в тридцать лет.

— Что подразумевает следующее: кто-то охотился за мной с тех пор, как мне исполнился год. Я спрашиваю вас, полковник: это разумно?

— В этом деле нет ничего разумного, мистер Кэрлон. Среди других курьезов есть и такой факт, что существование Р-И-З не было официально известно Штаб-квартире Службы Безопасности и открылось лишь десять лет назад.— Он прервал речь, тряхнув головой, будто в раздражении.— Я представляю, что говоря все это, только добавляю к вашей путанице...

— Разве я один запутался, полковник?

— Все, что случилось, имеет только одно значение — оно является частью одного узора. Мы должны раскрыть, что является этим узором, мистер Кэрлон.

— И все это на основании ножа для чистки рыбы и куска старого ржавого железа?

Я вытянул руку, и он вложил в нее этот ржавый кусок. Его верхний конец был обломан в виде плоского V. Я почувствовал легкое притяжение, как будто эти два куска металла пытались ориентироваться один относительно другого.

— Мне кажется, мистер Кэрлон,— мягко спросил Байярд,— что вы с трудом стараетесь удержать эти два куска порознь?

Я позволил меньшему ошметку повернуться и медленно поднес его к острию ножа. Когда он был в шести дюймах, длинная розовая вспышка перепрыгнула через разлом. Тяготение усилилось. Я попытался удержать их на расстоянии, но не смог. Они двигались друг к другу, соприкоснулись... и миллионновольтный разряд скользнул вниз, заливая комнату ослепительным светом.

Лучи закатного солнечного света пробивались сквозь тучи и бросали тени поперек лужайки, поперек лиц тех, кто стоял передо мной, надвываясь высокомерием; мелкие людишки, сумевшие призвать короля к расплате. Один стоял впереди остальных, помпезный, в богатых одеждах, и торжественно читал свиток, произнося те требования, в которых заключалось желание согнуть мою королевскую власть.

К концу я позволил ему сформулировать свою измену, чтобы все могли его услышать, а затем дал свой ответ.

Из темного леса, окружавшего нас, выступили вперед мои лучники и в мертвом молчании согнули луки. И мое сердце пело, как их тетивы, когда стрелы находили свои места в сердцах предателей. И перед моими глазами были повержены фальшивые бароны, все до одного. И когда смерть была содеяна, я вышел вперед из своего павильона и посмотрел на их мертвые лица, растягивая ногой ту полосу пергамента, которую они называли своей хартией.

Голоса и лица исчезли. Надо мной сомкнулись затемненные стены старого склада. Но словно прошло много лет, и комната была забытым воспоминанием из какой-то отдаленной жизни, прожитой годы назад.

— Что случилось? — резанул ухо голос Байярда.

— ...Не знаю. Я слышал себя, и мой собственный голос звучал для меня странно. Что-то нашло на меня.

Я сделал усилие и стряхнул остатки тумана сознания. Байярд указывал на меня и на то, что я держал в руке. Я взглянул.

— Боже, меч!

У меня возникло ощущение, что время остановилось, а в ушах колоколом загремел пульс. Сломанное лезвие, раньше в фут длиной, сейчас было вполосину больше этого размера. Два куска металла сплывались в единое целое.

— Линия соединения настолько незаметна, — заметил Байярд, — как будто эти две части никогда не были разделены.

Мои пальцы пробежали по темному металлу. Цвет, рисунок окисления был нарушен.

— Что вы испытывали, когда это случилось? — спросил Байярд.

— Мечты, видения...

— Какого сорта видения?

— Не из приятных.

Глаза Байярда неожиданно устремились мимо меня на стену за моей спиной.

— Меч — не единственная вещь, на которую действовало это, — сказал он напряженным голосом. — Смотрите!

Я оглянулся. На камнях, где раньше болтались одни лохмотья, висел вытертый гобелен с тусклым, грубо сработанным изображением охотника и собак. В нем не было ничего примечательного, за исключением того, что минут пять назад его здесь не было.

— Обратите внимание на рисунок, — заметил Байярд. — Большая фигура в центре носит плащ, отделанный горностаевыми хвостами — символ королевского достоинства. По моей догадке — это сам Ричард.

Он еще раз осмотрел комнату, нагнулся и подобрал что-то. Металл потемнел от возраста, но ржавчины на нем теперь не было.

— То, что здесь случилось, действовало на саму ткань реальности, — сделал вывод Байярд. — Реальность слепила форму, когда разрушилось напряжение Сети. Здесь находятся в равновесии фантастические силы, мистер Кэрлон; готовьтесь касанием скосырнуть один путь или другой. — Его глаза задержались на мне. — Кто-то работает над разрушением этого баланса. Я думаю, мы можем принять за аксиому, что должны противопоставить себя им.

Как только он замолчал, зазвенел звонок из челнока. Байярд прыгнул к панели и ударил по переключателям.

— С близкого расстояния на нас направлен, трассер,— рывкнул он.— Они последовали за нами сюда! Очевидно, энергия преобразования дала им точку нашего расположения для преследования.

Раздался знакомый гудящий звук; но на этот раз в нем слышались стонущие звуки, будто устройство работало под перегрузкой. Я почувствовал запах горящей изоляции, и из панели закурился дымок.

— Слишком поздно,— простонал Байярд.— Он задерживает нас подавляющим лучом. Мы не сможем сдвинуть идентичность с этой линии. Кажется, мы в ловушке!

Откуда-то возник глубокий бренчащий звук, я ощутил вибрацию пола. Из трещин в стенах всплыла пыль, поднявшаяся с пола. Металлические украшения издавали мягкий звон, падая со скамьи.

— Он прямо под нами,— сказал Байярд.— Он не дает полуфазной емкости, а использует силовую пробу, чтобы прорыть путь к нам, вниз.

— Хорошо,— сказал я.— Пусть. Двое против двоих— прекрасное сочетание.

— Я не могу упустить шанс,— сказал Байярд.— Это не только вы и я— это и машина. Она уникальная, специальная модель. И если то, что я начинаю подозревать, правда, позволить ей попасть в руки Рината было бы величайшим несчастьем.

— Рината?

Я приготовился задавать свои вопросы, но Байярд сдернул с пальца кольцо и вручил его мне.

— Это устройство управления для полуфазной машины. С его помощью вы можете держать машину вне видимости, пока она не уйдет. Это вы узнаете, когда исчезнет красный свет.

— Где будете вы?

— Я встречу его и попытаюсь направить в другую сторону от вас. Если у него возникнет хоть малейшее подозрение о том, что случилось, он сумеет обнаружить челнок и заграбастать его.

— Байярд, я остаюсь,— сказал я.— У меня есть косточка для мистера Рината.

— Нет! Делайте, как я прошу, и не спорьте, или он заберет нас обоих!

Не ожидая ответа, он шагнул из челнока наружу, и вход за ним глухо защелкнулся. Его изображение появилось на экране.

— Ну же, мистер Кэрлон!— прозвучал его голос из динамика.— Или же для нас обоих будет слишком поздно!

В стене, к которой он стоял лицом, уже появилась трещина. Время для разговоров вышло. Я нажал в кольцо камень-устройство, услышал мягкое «клик» и ощутил кружение пространства меж моими костями.

Возникло мягкое, высокого тона, завывание, пошло вверх и, перейдя в ультразвук, исчезло. Очертания Байярда стали просвечивающе голубоватыми, как стена за ним. Челнок стал для него невидимым.

— Хороший человек, — произнес Байярд шепотом, но довольно ясно.

Обернувшись, он встал лицом к стене. Секция ее выпятилась и упала внутрь. Лучи дрожащего света заиграли в отверстиях, через которое внутрь шагнул человек. Это был Рината, со своим лисьим лицом. Я помнил, что оставил его в бессознательном состоянии на настиле пирса в Ки Уэст пару коротких промежутков жизни тому назад; в этом сомнения не было: острые глаза, узкая челюсть, блестящие, приглаженные волосы. Но сейчас он был в шикарной белой форме, которую носил так, будто родился в ней. Но его лицо беспокоило меня не этим. Я сильно ударил его тогда, а на нем не было и следа, удостоверявшего это.

Он оглядел комнату, затем посмотрел на Байярда.

— Кажется, вы далековато от дома, полковник, — произнес он нарочито медлительным голосом — ничего похожего на горловой тембр Ринаты.

— То же самое и с вами, майор, — ответил Байярд.

— Почему вы пришли сюда — в эту конкретную точку? И как вошли? Я не вижу никакого входа снаружи. Кроме того, которым воспользовался я.

Байярд посмотрел на проломленную стену.

— Ваша тактика кажется несколько грубой для использования ее в заповедном районе, майор. Вы действуете по приказу — или ушли в дело для себя?

— Боюсь, что в настоящем вы будете отвечать на вопросы, полковник, поскольку вы под арестом. Где вы оставили ваш челнок?

— Одолжил своему другу.

— Не уклоняйтесь, Байярд. Он полностью скрылся с моих экранов меньше чем полминуты назад — точно так же, как сделал это раньше, в Мексиканском заливе. Кажется, в вашем владении находится оборудование, не известное Имперской Безопасности. Я хотел бы попросить вас отвести меня к нему.

— Ничем не могу вам помочь.

— Вы понимаете, что я могу использовать силу, если это необходимо, но не позволю субъекту по имени Кэрлон ускользнуть из моих рук.

— Боюсь, что вы уже это сделали.

Малыш повернул голову.

— Льюжак, — позвал он.

Сквозь дыру в стене вошел другой, тот, который пробовал на мне нерв-автомат. Эта игрушка снова была в его руках.

— Уровень три,— приказал майор.

Льужак поднял оружие и нажал кнопку сбоку. Байярд пошатнулся и сложился вдвое.

— Достаточно,— дал отбой маленький.— Полковник, у вас возникнут значительные затруднения: отсутствие на посту без разрешения, вмешательство в официальную операцию Сети и так далее. Всему этому будет воздано по заслугам. Но если вы сейчас станете сотрудничать со мной, я думаю, что смогу пообещать в какой-то мере облегчить вашу участь.

— Вы не знаете... что говорите,— Байярд с трудом выталкивал слова наружу, что было нелегко; я знаю, что творилось с ним.— Здесь... вовлечены силы...

— Не твое дело, что вовлечено,— отрезал майор.— Я не намерен позволять человеку проскользнуть сквозь мои пальцы. Говори сейчас же, как ты сделал это? Где он спрятан?

— Тратишь... дыхание,— произнес с трудом Байярд.— Вы же чертовски хорошо знаете, что не сможете сломить меня. Я хорошо подготовлен.

Повернитесь лицом к этому — он ушел от вас. Что вы собираетесь делать с ним?

— Не будьте дураком, Байярд! Вы знаете, Империя стоит лицом к лицу с кризисом — и прекрасно осознаете, что я действую по приказу официальных лиц очень высокого ранга! Вы не только выбросите к чертям свою карьеру, но и жизнь, если выступите против меня! Сейчас я хочу получить объяснения, почему вы попали в эту точку, что ожидали совершить здесь и куда послали человека, которого я хочу видеть!

— Я попрошу вас действовать,— сказал Байярд.— И давайте кончать с этим!

— Дайте мне эту свинью!— сказал Льужак и сделал быстрый шаг вперед, но Рината оттолкнул его назад.

— Я возьму вас в Стокгольм, Ноль-Ноль,— сказал он Байярду.— Вас поставят под расстрел за это ночное дело — я вам это обещаю!

Майор положил руку на его плечо, и они прошли сквозь пролом в стене, а полминуты спустя красный предательский свет исчез, означая, что челнок Ринаты ушел. Я щелкнул переключателем, который сдвинул меня обратно к полнофазной идентичности, дождался, пока обратно вернется цвет к вещам, после чего вышел и переключил машину назад к полуфазе. Она замерцала, как мираж, и скрылась.

Воздух еще колебался, когда устье тоннеля взорвалось. Как только пыль осела, стало видно, что тоннель плотно забит обломками скалы. Майор принял меры предосторожности, закрыв за собой вход.

У меня ушло четыре часа на перетаскивание острых обломков скалы, прежде чем я смог протиснуться мимо последнего куска и высунуть голову на открытый воздух за старой каменной стеной, петляющей в паутине нестриженого кустарника. Я протиснулся, глотнул немного свежего воздуха и попытался отбросить чувство, что проспал все представление. Принцип Оккама говорил мне, что простейшим объяснением этому было одно: я затянут в смиренную рубашку этакого тихого дома отдыха и выбираюсь из оперившейся системы иллюзий. Но если я видел это во сне, то сон еще продолжается. В десяти футах от норы, из которой мне удалось выкарабкаться, я обнаружил набор следов обутых ног, а через несколько ярдов следы тормозивших шин. Вероятно, здесь и парковался челнок майора — если это был майор, и у него был челнок, который парковался.

Пока я прослеживал эту мысль, из тени вышел человек по имени Льюжак, и я во второй раз почувствовал, как ломающая кости очередь нерв-автомата захлестнула меня с головой.

Я очнулся лежащим на полу перед панелью управления челноком со скованными за спиной руками. Это не была машина Байярда, так как присутствовало безошибочное окружение незнакомых шкал, циферблатов и большой, светящийся розовым экран, от которого шел звук, понижающий мои кости, пока не вырос до уровня слышимого.

На экране кое-что произошло. Старые стены слева возвысились и рухнули кучей обломков. Меж каменными глыбами проросли побеги. Побеги утолщились, и россыпи почернели, как обугленные, затем засияли голубым и сползли в студенистую лаву. Река разрассталась, выплескиваясь из берегов, стала черным, как нефть, морем, что распростерлось до грубого вулканического конуса, который далеко на горизонте отбрасывал красный свет. Зеленая слизь карабкалась на скалы, показавшиеся над поверхностью воды, потом видоизменилась в мох, который превратился в поганки пятидесяти футов высотой, теснившие и давившие друг друга в борьбе за подножье. Вода оседала, и новые растения показались из моря; нечто лианоподобное, похожее на извивающихся змей, выбросило себя над джунглями, и крохотные черные растения подпрыгнули к его щупальцам, разъедаая его, как кислотой. Широкие листья выталикивались из-под сгнившей растительности и обертывались вокруг черных лианоподобных. Я видел все это сквозь какую-то разнovidность пурпурного газа боли, что совсем не облегчало кошмара.

Появилась животная жизнь: странные твари с деформирован-

ными конечностями и бесформенными телами, похожими на оплывшие восковые статуи, стояли среди больной раком растительности. Листья становились гигантскими, закручивались и опадали; чешуйчатые, деформированные деревья росли вверх — и все это при том, что твари не двигались с места. Они извивались, закручивались, переливались в новые формы. Сорокафутовая ящерица попала в объятия растения с каучуковыми, усыпанными шипами ветвями, которые ранили шишковатую спину, пока эта спина не обрела свои собственные шипы, которые прокололи колючее дерево, и оно съежилось и отпало; а ящерица сжалась в лягушковидную тварь, потом раздулась в прибрежного головастика размером с корову и утонула в тине.

Ночь под радиоактивной луной на миг засияла как белый день, затем тварь рассосалась и челнок повис в пустом пространстве, куда свет солнца доходил из-за свечения обратной стороны пыли и каменных обломков, которые вздымались в бледном гало, что, должно быть, образовывало карликовые кольца Сатурна. Затем Земля появилась вновь: пыльная равнина, где простирались низкие растения, которые толстели на глазах и обращались в путаницу кустарника с точками невысоких деревьев, больных раком.

Последние становились выше, развивались нормальные ветви и зеленые листья, атмосфера медленно очищалась, луна всплывала все выше на темном небе, полном светящихся облаков.

Льюжак отключился, звук понизился до низкого рева и замер. Человек нерв-автоматом указал мне на выход. Я поднялся и шагнул на стриженую лужайку рядом с высокой каменной стеной, той же самой, от которой мы стартовали, только сейчас здесь рос плющ и далеко вверх светились окна. Вдоль фундамента были разбиты клумбы с цветами, ухоженная тропинка выводила вниз по склону к залитым луной водам реки. Деревья исчезли, но на других местах росли другие деревья, там, где их раньше не было. За рекой светился город, но не совсем там, где он был раньше.

Мы пошли по тропинке к широкой мощеной аллее, закруглявшейся перед фасадом здания. Свет лился из открытого входа со стеклянными дверями в старом камне. Два остроглазых десантника в белых бриджах щелкнули каблуками и провели нас в высокий мраморный холл. Кажется, никто не видел ничего исключительного в пленнике, скованном кандалами и сопровождаемом вооруженными людьми.

Мы прошли по коридору к офису, где аккуратные секретарши сидели за пишущими машинками с тремя рядами клавиш. Сутулый, нервный человек обменялся несколькими словами с Льюжаком и провел нас внутрь, где за столом сидел майор Рината, говоривший в микрофон магнитофона. Увидев меня, он дернул губами в лисей улыбке.

Это был не тот человек, с которым я познакомился у Ки Уэст, теперь я это видел. Это был его брат-близнец, которого лучше кормили, лучше воспитывали, но с тем же самым родом мыслей и таким же лживым лицом. Такой не мог когда-либо понравиться мне.

— Вы довели меня до азарта, мистер Кэрлон,— сказал он.— К несчастью, события сложились так, как сложились, хотя я надеялся провести дело тоньше. Вы понимаете, мне нужна определенная информация от вас, первого, в порядке занятости. Давайте начнем с вмешательства Байярда. Когда он впервые вошел в контакт с вами и какое сделал предложение?

— Где он сейчас?

— Не берите в голову,— выкрикнул Рината.— Не позволяйте смутить себя фальшивым чувством неправильно направленной лояльности, мистер Кэрлон. Вы ему ничем не обязаны! Сейчас же ответьте на мои вопросы полно и без промедления, и, я заверяю вас, вы никоим образом не будете отвечать за его преступления.

— Почему вы потопили мою лодку?

— Это было необходимо. Вам возместят потери, мистер Кэрлон. Вы, по сути дела, крайне удачливый человек. Когда это все закончится к удовлетворению, э... Имперской власти, вы обнаружите себя во вполне комфортабельных условиях на весь остаток вашей жизни.

— Почему я?

— Я действую по инструкции, мистер Кэрлон. Что же касается того, почему именно вы были выбраны в данном случае, благоприятном для вас, не могу сказать. Просто примите свою удачу и давайте сотрудничать. Сейчас, будьте так добры, расскажите мне, как контактировал с вами Байярд и что сообщал о своих планах.

— Почему бы вам не спросить его самого?

— Мистер Кэрлон, пожалуйста, ограничьте ваши комментарии к вопросам, на которые отвечаете, настоящим. Позднее вы получите ответы на все ваши вопросы — разумеется, в рамках требований Имперской Безопасности.

Я кивнул. Мне не было нужды торопиться. То, что произойдет дальше, вероятно, не будет таким уж смешным.

— Понимаю ваши добрые намерения,— ответил я,— уже ознакомился, когда встретил вашего лейтенанта с нерв-автоматом.

— Надо было подстраховаться, чтобы не произошло несчастного случая, мистер Кэрлон. Вы мужчина стойкий, возможно, даже избыточно воинственный, а на объяснения не было времени. Вы ведь не страдаете от сильного повреждения. О, кстати, где тайный челнок Байярда?

— Вы имеете в виду машину-амфибию, что подобрала меня?

— Да. Это собственность Империиума. Помогая мне обнаружить его, вы, естественно, смягчаете обвинения против Байярда.

— Он, должно быть, припарковал его вне поля зрения.

— Мистер Кэрлон...— Лицо Рината напряглось.— Вы, возможно, не осознаете серьезности вашего положения. Сотрудничество — и вознаграждение будет огромным, отказ от сотрудничества — и вы будете жить, чтобы жалеть об этом.

— Кажется, вы всегда делали мне некие предложения, которые я отвергал,— сказал я.— Очевидно, вы и я просто не можем воспринимать друг друга всерьез, Рината.

Он перевел дыхание, как будто был готов заорать, но вместо этого, разъяренный, нажал кнопку на столе. Дверь открылась, и появились двое вооруженных военных.

— Поместите этого субъекта в камеру третьего класса, блок МЗ,— приказал он и удостоил меня взглядом, ядовитым, как отравленная стрела.— Возможно, несколько дней одиночки помогут вам выбрать верный курс,— рывкнул майор и вернулся к своей бумажной работе.

Они промаршировали вместе со мной по их шикарным коридорам, спустились по ступенькам вниз в менее украшенные коридоры, прошли вдоль по переходу без всяких претензий на элегантность и остановились перед тяжелой, окованной металлом дверью. Мальчик с белокурым пушком на подбородке открыл ее. Я вступил под тусклый свет лампы, и дверь закрылась за мной с жестоким звуком.

Я огляделся, откинул голову назад и рассмеялся. Я снова оказался в подземной камере, откуда вышел несколько часов назад. Она была той же самой, и все-таки не совсем. Пол был выметен, клочья пыли и ржавые обломки исчезли, но гобелен, теперь более целый, чем раньше, все еще висел на стене.

Я осторожно обследовал камеру, но кроме кресла и койки не нашел ничего, чего бы тут не было прежде; ощущал стены, но никаких скользящих панелей и тайных лестниц с дневным светом наверху не обнаружил. Тогда я посмотрел на гобелен, но тот не сказал мне ничего. Центральной фигурой, изображенной на нем, был высокий рыжебородый мужчина с луком, висевшим на спине, и мечом на боку. Его конь бил копытами воздух, а собаки подпрыгивали вверх, готовые выпрыгнуть из себя. Теперь я знал, что они чувствуют, и сам был готов попутешествовать. Но на этот раз здесь не было удобного тоннеля, который только и ждал, чтобы его раскопали. Очень плохо, что Рината не бросил Байярда в ту же самую камеру для Очень Важных Персон. Может быть, у него в рукаве было еще одно волшебное кольцо? Я посмотрел на то, что еще было надето на мой мизинец, и почувствовал жжение под линией скальпа при мысли, которая пришла мне в голову. Я решил, что, если я не пропустил какой-то поворот в подземелье, который можно было бы ясно увидеть, челнок должен быть все еще виден.

Я нажал камень и приготовился к тому, что ничего не случится. Пять секунд ничего и не происходило, а затем вдруг вокруг меня зашипел воздух, и челнок, проморгавшись, вернулся к жизни с открытой дверью и мягким светом, озарявшим все внутри.

Я вошел в челнок и сел в кресло лицом ко всем этим шкалам, сведенным в панель, как хромированные и стеклянные анчоусы в банку. Пытаясь вспомнить, какие переключатели использовал Байярд, я почувствовал капельку пота, стекавшую по щеке, когда подумал, как многое может пойти неправильно, если я сделаю ошибку. Было бы очень плохо переборщить с управлением и застрять посреди твердой скалы, так как шанс, подобный этому, не выпадает каждый день. Я ткнул полуфазный переключатель, и стены скрылись за густой голубизной цвета электрик. Следующий рычажок, который я ткнул, не сделал ничего, что было бы видно невооруженным глазом. Я задействовал еще один и чуть не получил сердечный приступ, когда челнок начал проваливаться сквозь пол. Я передвинул его в другом направлении и поднялся вверх, как воздушный шар, сквозь плотный голубой туман и несколькими секундами позже выскочил на поверхность. Челнок находился за густой линией деревьев, лишь в нескольких футах от места, где я увидел размеченную дорожку. Всего несколько футов, и в то же самое время я некоторым образом не был готов попытаться изложить словами, насколько далеко, как вы понимаете. И это подвело меня к вопросу о моем следующем движении.

В данный момент я был на открытом месте. Если мои операции с челноком зарегистрированы где-либо в окрестности, мне этого не было заметно. Самым очевидным для меня было бы вернуть машину в полуфазу, выбраться с этой территории настолько быстро, насколько возможно, забыть о незнакомце по имени Байярд и его истории о вероятном кризисе, приближающемся к миру, который может обратиться в пузырящийся хаос. Но с другой стороны, я сидел в устройстве, которое, по словам его предыдущего владельца, было чем-то неординарным даже для людей в белой Имперской форме. И эти самые люди, оперирующие мощными силами, должны мне несколько вещей, включая лодку, которую я, надо сказать, обожал. Сейчас у меня было одно преимущество: они не знали, где находился челнок, в котором был я. Но также была и препона — это управление машиной более сложной, чем реактивный истребитель, и потенциально более опасной. Я видел Байярда во всякое время, но имел грубое представление, как он маневрировал челноком. Большой белый рычаг, помеченный DP-MAIN, был тем, что все приводил в движение. Под моей рукой он вызывал прекрасное чувство: гладкий и холодный рычаг, который только и ждет, чтобы его толкнули.

Я все еще сидел там, глядя на экран, обдумывал эти идеи, когда

со стороны бокового входа в пятидесяти футах вдоль стены появились огни. Открылась дверь, и вышел майор Рината, неся «дипломат» и что-то говоря через плечо встревоженному на вид адъютанту с блокнотом.

Моя реакция была автоматической: я утопил полуфазный переключатель, и сцена выцвела до полупрозрачного голубого, который означал, что я невидим.

Вдруг вывернулся большой коробчатый грузовой автомобиль и остановился перед майором. Рината с четверкой сопровождающих сел в него и уехал. Я вспомнил действия Байярда по маневрам на полуфазе, попробовал повторить их, и челнок ровно скользнул в сторону, словно растекшееся по воде масло. Я последовал за грузовиком вниз по извивающейся дороге через окрестности, похожие на парк, мимо ворот, где зевал охранник в то время, как я проскользнул в двух футах от него, по мосту и через деревню. На открытом шоссе грузовик прибавил скорость, но я без всяких усилий держался наравне с ним.

Я следил за машиной в течение получаса, пока она не проехала ворота в проволочном заграждении вокруг небольшой травяной взлетной полосы. Рината вышел и с окружающими его адъютантами приготовился встречать большой винтовой аэроплан, крылья у которого были размером с крышу амбара. Произошло пожатие рук и некоторое щелканье каблуками с парой коллег, на вид немцев, после чего Рината и другие забрались в самолет; тот вырулил и нацелился против ветра.

Я провел какое-то время, глядя на приборы управления, и был готов, когда аэроплан увеличил число оборотов и начал свой бег. Это заставило меня три раза подравнивать скорость своего подъема к аэроплану, но я справился с этим и после того сманеврировал в точку в четверть мили за хвостом ведущего. Пока все было легко; все, что мне надо было делать, это править рулем, ибо из всего, что я знал, следовало — приборы указывали десять различных критических перегрузок, но я беспокоился о том, что должен сделать. Теория челнока была комплексной, но операции на прямой линии были достаточно просты.

Это был трехчасовой полет над разворачивавшейся сельской местностью, затем над водой, которая могла быть только Ла-Маншем. Самолет начал снижаться, направляясь к городу, который должен был быть Лондоном, сделал круг над полем в нескольких милях от центра города, приземлился и подрулил к маленькому служебному зданию с надписью «RBAF-NORTHOLT». У меня было несколько секунд, когда бетон покрытия омыл меня, как грязная вода, но я справился и выровнял челнок в футах над мостовой.

Рината вылез из аэроплана и перешел в подъехавший автомо-

биль. Сейчас я использовал возможности моей маленькой машины: не беспокоясь о воротах, просто скользнул через ограду и пристроился за машиной, когда та, набрав скорость, понеслась по широкой парковой аллее, ведущей прямо к башням города.

Поездка была быстрой и заняла минут двадцать. Автомобиль Рината с несколькими тушами сирен, звучащими, как призрак, завывающий по узким, извилистым улицам, пересек Темзу и по мосту въехал во двор с каменной оградой вокруг большой, угрюмой крепости. Рината вышел из автомобиля и направился к маленькой дверце под большим фонарем в металлической оправе, а я последовал за ним сквозь стену.

Солнце мигнуло, и я оказался в широком, хорошо освещенном коридоре, образованном рядами открытых дверей, где люди в формах ничем не отличались от подобных себе в любом правительственном учреждении. Внезапно Рината свернул, а я перестарался и врезался в твердую скалу, должно быть, футов пяти толщиной. К тому времени, когда я сманеврировал назад, на открытое место, мой подопечный исчез из виду.

Весь следующий час я путешествовал по зданию, как механический призрак, заглядывая в большие учреждения с рядами заполненных кабинетов и столов под лампами дневного света, в маленькие учреждения с глубокими коврами и торжественными бюрократами, восхищающимися своими отражениями в витринных стеклах, в кладовые, информационный центр. Я попробовал более низкие уровни, нашел хранилище не востребуемых записей, комнату механического оборудования, театрик, а еще ниже — какие-то угрюмые камеры. Здесь ничего не было, не было для меня, и я, срезав путь сквозь стену, оказался в комнате нескольких квадратных футов размером с ржавыми кандалами и дырой в полу для заливания свинцом. Все это было необходимо в средневековых донжонах, за исключением пары человеческих скелетов, прикованных к стене.

Я скользнул сквозь еще одну стену и очутился внутри строения, где были грубые ступеньки, ведущие вверх. Это показалось мне неординарным выходом. Я последовал своим курсом и нашел сверху поперечный коридор. Он вел к другому коридору. Стены старого здания были, кажется, испещрены потайными путями. Я нашел выход в двенадцать комнат, потайную дверь в садик, вниз. Но ни один из этих путей не приблизил меня к Ринате.

Вернувшись на верхний этаж, я проверил еще больше офисов Очень Важных Персон и только в десятом или двенадцатом по счету обнаружил свою добычу сидящей на краешке стула напротив широкоплечего седовласого мужчины, на лице которого было написано, что он военный. Он казался не очень довольным.

— ...Трудно объяснить барону, как именно этот субъект смог появляться и скрываться по своей воле, — рычал он. — Никто вне

операции «Заросли шиповника» не был осведомлен о существовании субштаб-квартиры в этом замке, и все-таки Байярд был обнаружен там, а позже этот субъект вылез наружу — ниоткуда! Это неприемлемый отчет, майор! — Он хлопнул по листку бумаги, лежавшей перед ним на столе, и уставился на Ринату недружелюбным взглядом.

— Мой отчет соответствует фактам, полковник, — ответил человек, кажется, не слишком запуганный угрозой нахмуренных бровей. — То, что я не имею гипотезы, чтобы предложить ее вам в объяснение, не меняет моих наблюдений.

— Расскажите мне еще о мерах предосторожности, принятых для удержания этого субъекта, — крикнул полковник.

— Этот человек находится под сильной охраной в максимально секретной камере под замком, — твердо ответил Рината. — Я поставлю на это свою карьеру.

— Лучше не надо, — ответил полковник.

Рината заерзал на стуле.

— Не будет ли полковник так любезен объяснить?

— Он ушел. Через полчаса после вашего отлета обычная проверка показала, что камера пуста.

— Невозможно! Я...

— Вы дурак, Рината, — отрезал полковник. — Этот человек уже демонстрировал, что в его распоряжении находятся необычные ресурсы. И все-таки вы настояли на работе с ним обычным путем.

— Я следовал служебным инструкциям буквально, — вернулся к прежнему тону Рината. И вдруг внезапная мысль пронзила его. — Что с полковником Байярдом? Он не..?

— Он здесь. Я принял меры предосторожности, избив его влежку, а кроме этого, поместил двух вооруженных охранников в комнату вместе с ним.

— Его необходимо допросить! Его сила воли должна быть сломлена...

— Я принял такое же решение, майор! Байярд обладает определенным статусом в руководстве штаб-квартиры...

— Сломайте его, полковник. Он должен подтвердить то, что я сообщил вам — думаю, он также может предложить какое-то объяснение этих явно чудесных сил того субъекта?

Полковник выбрал сигарету, повертел ее в пальцах и разломил пополам.

— Рината, что за чертовщина стоит за этим? Что планирует барон Ван Рузвельт? Как связан с этим Байярд? Какое все-таки отношение должна иметь к этому неожиданная болезнь Рихтгофена?

— Я не уполномочен обсуждать планы Ван Рузвельта, — заявил Рината, обратя на полковника заинтересованный взгляд.

— Я как-никак, ваш старший офицер,— буркнул полковник,— и хочу знать, что творится у меня под носом!

— Я показывал вам свой ответ, и без всякой субординации еще раз отчитаюсь перед бароном генералом Ван Рузвельтом и больше ни перед кем.

Рината встал.

— Насчет этого мы еще посмотрим, майор!

Полковник вскочил на ноги, и в это время зазвонил красный телефон на его столе. Он схватил трубку, прислушался, и выражение его лица изменилось. Он оглядел комнату.

— Правильно,— ответил он.— Понимаю.

Я придвинул челнок поближе, пока стол не оказался почти наполовину внутри, и повернул рычаг на максимум. Среди треска и шипения статики я поймал слова из телефона:

— *...хотя вы ничего не подозревали! У нас займет около тридцати секунд привести подавитель в фокус...*

Этого для меня было достаточно. Я отошел назад и послал челнок сквозь боковую стену, прострелив насквозь другой отдел, где толстый мужчина целовал девушку, пронесся сквозь внешнюю стену и завис над городским парком со скамейками, фонтанами, смотровыми площадками.

С панели донеслось резкое потрескивание, и показатели всех моих приборов враз подпрыгнули. Гул мотора изменился, появились резкие ноты. Я в спешке опустил челнок на уровень грунта, так как падение мощности в воздухе могло вызвать аварию, а когда попытался пересечь парк, челнок подвинулся на несколько футов и рывком остановился. Запах горелой изоляции стал еще сильнее, и из-за панели полыхнуло пламя. Я рванул выключатель двигателя. Меня поймали в ловушку, но еще было время опередить врага. Я переключился на полную фазу, и цвет вновь залил экран. У меня ушло еще пять секунд, чтобы открыть двери, выпрыгнуть и нажать переключатель кольца. Челнок задрожал и исчез из виду, а там, где он был секундой раньше, закружились сухие листья.

Вновь вокруг меня оказались люди в белых мундирах со взведенными нерв-автоматами.

При нормальном свете здание выглядело иначе. Конвой провел меня по залу с белым полом, вверх по широкой лестнице до большой белой двери, охраняемой часовым.

На первый взгляд все было равно и эффектно, но я смог почувствовать напряжение в воздухе: какая-то разновидность угрозы военного времени со множеством спешащих ног в середине дистанции. И в центре всего этого блеска мой взгляд приковала забавная аномалия; клочок чего-то, что выглядело желтой поганкой, растущей в углу, где мраморный пол примыкал к стене.

Военный со связкой серебряных шнуров, петлей нырявших под

эполет, постучал в дверь, ее открыли, и мы вошли. Это был большой кабинет с темными панелями стен и картинами в позолоченных рамках с изображениями старых орлов с жестким выражением лица в негнувшихся форменных воротничках. Я посмотрел на человека, сидящего за столом размером со скамью на бульваре, и встретился с парой глаз, буквально сверкавших энергией.

— Ну, мистер Кэрлон,— произнес он заупокойным, как орган, голосом,— наконец мы встретились.

Это был крупный мужчина, черноволосый, с прямым носом, жестким ртом и глазами со странным темным отсветом.

Он шевельнул пальцем, и люди, приведшие меня сюда, скрылись. После этого он встал, обошел вокруг стола и, остановившись передо мной, оглядел сверху вниз. Он был так же высок, как и я, то есть шесть футов три дюйма, и примерно такого же веса. Под гладкой серой формой, которую он носил, угадывалось обилие мускулов. Не тип рабочей лошади, а скорее эlegantный тиранозавр в шелках от личного портного.

— Майор Рината наделал кучу ошибок,— сказал он,— но в конце концов вы здесь, целый и здоровый, а это все, что сейчас считается.

— Кто вы?— спросил я его.

— Я барон генерал Ван Рузвельт, глава Имперской Безопасности — исполнительный директор, должен признаться, в результате временного нерасположения барона Рихтгофена.— Он выдал мне один из поклонов вздернутой головой; его улыбка походила на солнце, прорвавшееся сквозь черную тучу. Он хлопнул меня по плечу и рассмеялся.— Но между мною и вами, мистер Кэрлон, формальности не обязательны.— Он посмотрел мне в глаза, и его улыбка исчезла, хотя веселые блики еще горели.— Вы нужны мне, Кэрлон, а я нужен вам. Между нами, мы держим судьбы мира — или многих миров — в своих руках. Но мне не все ясно из того, что не входит прямо в мои намерения.— Он махнул рукой, указав мне на кресло, подошел к бару и нацедил два бокала напитка, один из которых вручил мне, и сел за стол.— Откуда начать?— произнес он.— Предположим, я начну с утверждения, что полковник Баярд ничего вам не сказал — что вы ни о чем не догадываетесь. Выслушайте, в таком случае, и я расскажу вам о кризисе, перед лицом которого мы стоим, вы и я.

ГЛАВА 5

— Континуум многопорядковой реальности является комплексной структурой, но в целях простоты мы можем рассматривать ее как связку линий, тянущихся из удаленного прошлого в

невообразимое будущее. Каждая линия — мир. Вселенная со своей собственной бесконечностью пространства и звезд, отделяемая от родственных миров непересекающимся барьером энергии, которую мы знаем как энтропию.

— Непересекаемым он был до тысяча восемьсот девяносто седьмого года, когда двое итальянских ученых Массони и Кониичи наткнулись на принцип, который изменил ход истории — билионы историй. Они создали поле, в котором энергия нормального темпорального потока отклонялась таким образом, который можно считать прямым углом к нормальному направлению. Объекты и индивиды, замкнутые в поле, двигались не вперед во времени, как природа, а пересекая линии альтернативной реальности. С этого начала вырос Империум — правительство, провозгласившее суверенитет над целой Сетью альтернативных миров. Ваш мир — известный как Распад-Изолированный Три — одна из бесчисленных параллельных Вселенных, каждая из которых отличается от своих соседей бесконечно мало. Как и этот мир, они лежат внутри обширного района разрушения, который мы зовем Распад, пустыни, созданной несчастной ошибкой в ранних экспериментах с М-К принципом, повлекшей предельное разрушение обширного комплекса миров, обращению их судьбы в хаос, который вы, без сомнения, видели, пересекая этот район по пути сюда.

— Среди отношений, существующих меж параллельными линиями, есть такие, что связывают определенных индивидов, мистер Кэрлон. Задумайтесь на миг: если два мира отличаются друг от друга только расположением двух песчинок на пляже — или двух молекул в песчинке, — из этого следует, что аналоги индивидов будут существовать во всех таких мировых линиях, чья дата общей истории — дата, с которой родились их истории, — позже, чем дата рождения индивида данного вопроса. Ваш случай, мистер Кэрлон, исключение — и этот факт — ключ к проблеме. Ваш мир — остров в Распаде, окруженный не жизнеспособными параллельными мирами, а пустыней с полным отсутствием нормальной жизни. Вы уникальны, мистер Кэрлон — что само по себе делает существующую ситуацию ядовитой.

— Это дикое прилагательное, генерал, — сказал я. — Я еще слушаю чтобы понять, почему потопление моей лодки представлено, как дружественное действие.

— Как я сказал, майор Рината сделал некоторое количество ошибок, но его намерения были мирными. Он работал здесь, со мной, с большим напряжением много недель. Что касается его миссии, рассудите сами, мистер Кэрлон: вы — человек, обреченный на определенную роль в крупных делах, и что я узнаю о вас? Ничего. А времени мало. Это было необходимо — неприятно, но абсолютно необходимо — предложить вам тесты. Я приношу официальные извинения

по поводу всех возможных щекотливых ситуаций — памятью о вашем значении для настоящего противостояния.

— Это уравнивает нас.

Выражение лица Рузвельта на миг изменилось; эмоции кипели под мягким фасадом, но он был не таким человеком, чтобы их показать.

— В пропавших мирах Распада ваша семья маячит как колосс, мистер Кэрлон. Сейчас из всего этого могучего племени остались только вы.— Его взгляд встретился с моим.— Судьбы многих людей сгинули в холокаусте Распада, а человеческая судьба — сила, равная эволюционному давлению самой Вселенной. Запомните: необозримая энергия устраненных Распадом миров не разрушается, но вместо этого переливается в оргию бесконечной жизне-способности, что характеризует Распад. Сейчас эта энергия ищет возможности переориентироваться, чтобы усилить давление на реальность. Если этой мощи не дать канала выхода, не направлять, не придавать форму — наши миры будут поглощены раком Распада. Признаки надвигающейся чумы налицо!— Он махнул рукой на голубой с золотым королевский герб на стене за собой. На позолоте были зеленые пятна, а в углу образовался крошечный нарост плесени.— Этот шлем был отполирован сегодня утром, мистер Кэрлон. И посмотрите на это.— Он указал на золотой шнур знаков различия у себя на воротнике, изъязвленный чернью.— И это!— Он подтолкнул через стол переплетенную в кожу папку, на которой тисненый серебром королевский герб пузырился от коррозии.— Это символы — но символы, которые представляют фиксированные параметры нашего космоса. И такие параметры эрозируют, мистер Кэрлон!— Он отклонился назад, глаза его заблестели, голос зазвенел.— Если ничего не сделать сейчас, сразу, чтобы заново усилить настоящую реальность, само существование ее, как мы знаем, обречено, мистер Кэрлон.

— Ол'райт, генерал,— сказал я.— Я выслушал, понял не все, но увидел достаточно за последние несколько часов, чтобы удержаться от соблазна назвать вас сумасшедшим прямо в лицо. Что вы хотите от меня? Что вы ждете от меня? Что я должен сделать с поганками, растущими в коридорах?

Он встал и прошелся вдоль комнаты, потом повернулся, прошел обратно и остановился передо мной.

— Мой план опасен; вы можете подумать, что он фантастичен, капитан Кэрлон...— Я посмотрел на него вопросительно; он кивнул и улыбнулся.— Я приказал назначить вас в Имперскую Службу Безопасности и причислить к моему штату,— сказал он небрежно.

— Спасибо, генерал,— ответил я,— но вы можете оставить иллюзии, так как я просто несостоятелен.

Мгновение он смотрел на меня вопросительно.

— Не надо никаких взяток,— сказал он и выбрал толстую папку из стола.— Это уже подписано.

— Нет, без определенного участия с моей стороны, еще нет,— ответил я.

— Конечно, присяга потребуется,— сказал он,— но это простая формальность...

— Полагаю, она — символ, как вы говорите, генерал, ибо что правда, то правда — я штатский.

— Очень хорошо.— Он отбросил фантастическую комедию в сторону так, что я почувствовал, что это не так преднамеренно, как казалось.— Как хотите. Возможно, что-то сказанное вам полковником Байярдом, создало у вас предубеждение...

— Кстати, где сейчас Байярд? В последний раз я видел его с желудочными коликами, причиненными чесоткой пальца майора Ринаты, лежавшего на курке.

— Полковника Байярда ввели в заблуждение. Его намерения, без сомнения, были добрыми, но он не был информирован. Я не удивляюсь, что у него сформировалось ошибочное впечатление об этой операции на основании тех немногих фактов, на которых он споткнулся.

— Мне хотелось бы видеть его.

— Это вряд ли возможно в настоящее время; он в госпитале. Но как бы то ни было, я не намереваюсь предпринимать никаких действий против него за нарушение дисциплины, если это интересует вас. До нынешнего дня у него был великолепный послужной список, но на этой должности он просто переусердствовал.

— Вы сказали что-то о сотрудничестве. Чего же вы хотите от меня?

Он встал, обошел вокруг стола и хлопнул меня по плечу.

— Идемте, капитан,— предложил он,— я вам покажу.

Комната, куда он привел меня, находилась в подвале, охраняемая тремя вооруженными беломундирными часовыми. Одну ее стену до самой земли заполнял экран, на котором мелькали точки и линии.

— Это карта Сети, покрывающая ареал в радиусе ста тысяч СН лет,— пояснил Рузвельт и нашел указатель, обозначенный красным светом точно в центре.— Это мировая линия Империи Ноль-Ноль. Здесь,— он показал другую светящуюся точку не очень далеко,— ваша родная линия, Р-И Три. Заметьте, что вокруг этих изолированных линий в обширном районе — ничего, пустыня. Это Распад, мистер Кэрлон. Вычисления наших физиков говорят нам, что вероятная несбалансированность, основанная на исходном катаклизме, которую сформировал Распад каких-то семьдесят лет назад, сейчас ищет равновесия. Фантастические силы пойманы там в непрочном стазисе; энергия такого сорта генерирует реальность мгновение за мгновением, как нормальный прогресс энтро-

пии. Мне нет нужды говорить вам о непостижимой потенциальной мощности этих сил. Считайте только, что каждое мгновение времени Вселенная разрушается и воссоздается — и там, в этом опустошенном районе, этот процесс прерывается, блокированный, как забитый вулкан. На протяжении семи десятков лет давление возрастало. Сейчас его больше нельзя отрицать. Великий шторм вероятности бушует в центроидной точке Распада. Скоро он прожжет себе путь сюда. Если мы не примем некоторые меры раньше, он сметет наш мир — и все другие миры в обширном диапазоне. Это будет опустошение, которое превзойдет всякое воображение.

Даже сейчас волны вероятности движутся снаружи из холокауста, что приводит к результатам, которые видны каждому просто как намек на предстоящее всевожжение.

Он опустил указку, глядя на меня долго и жестко.

— Ваша судьба переплетается с судьбой вашего мира, мистер Кэрлон, это ваш рок. Ваша история — часть основы ткани реальности, которую мы знаем. Мы должны овладеть этой нитью — и каждой другой нитью, о которой нам известно, — и хоть они немногочисленны, попытаться соткать из них жизнеспособную матрицу, в которой пойманная энергия может иссякнуть.

У меня было чувство, что он упрощает проблему, хотя даже так она была слишком тяжелой для меня.

— Продолжайте, генерал, — сказал я. — Я пытаюсь на ощупь следовать за вами.

— Наши жизни существуют не в вакууме, Кэрлон. У нас есть прошлое, корни, предшественники. Действия людей тысячу лет назад воздействуют на наши жизни сегодня так же, как и наши действия сегодня будут иметь отклик там, в веках, что последуют за нами. Цезарь, Наполеон, Гитлер влияли на свои времена и времена, что последуют. Но мы стоим у того порога, где сама текстура существования напрягается до точки разрыва. Мы совершаем то, что, далеко вне обычных измерений потенции ключевых индивидуальностей, будет определять форму грядущего мира. Мы должны действовать немедленно, решительно, точно. Мы не можем позволить ни слабости, ни ошибок.

— Мы выстроим что-нибудь, генерал. Почему бы не перейти к сути.

Он нажал кнопку на панели, карта мигнула, и ее место заняла другая диаграмма, представляющая собой амэбу розовых и красных линий, извивающихся и искривляющихся над решеткой, усеянной светящимися точками.

— Это карта энергий закрытого уровня Распада, — сказал Рузвельт. — Здесь вы видите сдвигающиеся линии квантового разграничения по мере того, как они ищут возможности утвердиться при

нормальном давлении, оказываемом штормом вероятностей. В каждой мировой линии, присоединяющейся к Распаду, объективная реальность есть течение. Объекты, люди, ландшафты сдвигаются, меняются время от времени, день ото дня. Нет нужды входить в детали, какой пандемониум это производит. Пока мы чувствовали здесь эти эффекты меньше: линия Ноль-Ноль стабильная, прочно укоренившаяся в прошлой истории серией мощных ключевых событий. То же самое верно и для вашей линии Р-И Три. Для Распада поглощение этих линий повлечет уничтожение основ культурного развития человечества столь же мощное, как было открытие огня.

Он снова щелкнул выключателем, на этот раз выдав вид светящейся туманности, похожей на крупные планы поверхности солнца.

— Это центр вероятностного шторма, мистер Кэрлон. Мы определили точку его локации в мировой линии, что некогда была местом великой культуры. Именно там можно найти ключ к кризису. Я предлагаю вам, мистер Кэрлон, отправиться туда и найти этот ключ.

— Это изрядно смахивает на прыжок в глотку живого вулкана.

— Данная диаграмма представляет возмущение энергии вероятностей, — сказал Рузвельт. — Для наблюдателя на поверхности из самой А-линии шторм на прямую не виден. Ненормальности, невозможности, уродства, смешение законов природы, искажение реальности прямо у вас на глазах — да, но сама буря бушует на уровне энергий, определяемая лишь специализированными инструментами. Человек может пойти туда, мистер Кэрлон; опасности с которыми он встретится, будут неописуемы, но, возможно не непреодолимы.

— Попад туда, что?

— Где-то в этой линии существует ключевой объект, артефакт, столь неразрешимо вплетенный в прошлое и будущее этой линии, и квант, который он контролирует, таков, что главные линии вероятностей должны пройти сквозь него тем путем, каким линии магнитных сил текут через полюса. Я предлагаю найти и идентифицировать этот объект, и переместить его на безопасное место.

— Валяйте дальше, — сказал я. — Разберитесь с остальным.

— Что еще тут можно сказать, мистер Кэрлон? — Рузвельт вновь подарил мне солнечную улыбку, и в его глазах появился тот опасный блеск, что присущ человеку, любящему опасности. — Я хочу, чтобы вы были со мной. Мне бы хотелось, чтобы вы, то есть силы, которые вы представляете, были на моей стороне.

— Что заставляет вас думать, что я соглашусь пойти?

— Я прошу вас пойти — я не могу, не должен пытаться принудить вас. Это было бы хуже, чем просто бесполезно. Но, вспоминая величие вашей линии, я верю, что вы знаете, в чем ваш долг.

— Это еще и мой долг?

— Я думаю, да, Кэрлон. — Он поднялся и снова одарил меня улыбкой. Это был человек, которого я должен был либо любить,

либо ненавидеть; среднего не дано.— Вам нет необходимости принимать решение прямо сейчас,— мягко сказал он.— Я распорядился о комнате для вас в моих апартаментах. Отдохните ночь, затем мы снова поговорим.— Его взгляд скользнул по моему свитеру и джинсам и остановился на ноже, торчащем из-за пояса.— Я должен попросить вас оставить это... э... оружие у меня,— произнес он.— Технически, вы находитесь под так называемым РАД — рутинным арестом для допроса. Нет смысла говорить о причине беседы.

— Я оставлю его себе,— заявил я непонятно почему. В его распоряжении была целая армия, чтобы отобрать у меня все, что ему захочется.

Генерал нахмурился и наклонился вперед. Сейчас в его глазах был легкий, контролируемый гнев.

— Будьте достаточно любезны избежать неприятностей, положив нож на мой стол,— сказал он.

Я мотнул головой.

— Это сентиментальный довесок ко мне, генерал. Я так долго носил его, что буду чувствовать себя голым без него.

Его глаза поймали взгляд, как электронный прицел, затем он расслабился и улыбнулся.

— Ладно, оставляйте. А сейчас пойдите и подумайте над тем, что вам сказано. Я надеюсь, к завтрашнему дню вы решите сделать, как я прошу.

Комната, куда они меня поместили, была маловата для дипломатического приема, но в других отношениях список голосования за нее был бы заполнен одними «да». Когда мой «эскорт» удалился, я сунулся в гардеробную, способную удовлетворить даже бродвейскую звезду, клозет, в котором могли бы спать шестеро и еще осталось бы место для игры в покер всю ночь напролет, ткнул пальцем постель, похожую на олимпийский ковер для борьбы, с кисточками. Это было намного причудливей, чем в моем обычном стиле, но у меня возникла мысль, что выспаться на ней я смогу.

Я принял душ в ванной, полной золотых кранов и розового мрамора, надел свежую одежду, что была выложена для меня, после чего появился официант с тележкой, загруженной фазанами на просвечивающем китайском фарфоре, вином и чашками бумажной толщины. Пока я все это заглатывал, я думал о том, что узнал от Рузвельта. Поверхностная часть — история о параллельных мирах и катастрофе, нависшей над нами, если он и я что-нибудь не сделают с этим — это все равно; так же верно, как и нездорово. Я не понимал этого и никогда бы не понял — но здесь, вокруг меня это было очевидно. Была и другая часть общего представления, что беспокоила меня.

Однажды, когда время тяжело повисло на моих руках в читальном зале с плоской крышей, я провел некоторое время, изучая теорию игр. Настоящая ситуация, кажется, поддавалась ее анализу в свете того, что я узнал тогда. Рузвельт попробовал три гамбита: первый, когда он освободил меня от поручения; второй, когда попытался получить мое согласие идти с ним на операцию в Распаде вслепую; и третий, когда попытался разделить меня и мой нож. Я противился всем трем ходам больше инстинктивно, чем следуя логике или плану.

Я подошел к окну и посмотрел вниз на стену и булыжную мостовую улицы. Большие деревья бросали рисунок тени на полосы травы и цветочные клумбы, а широкие тротуары были полны хорошеньких женщин и мужчин в ярких формах с плюмажами из конских хвостов, с пуговицами, сверкавшими под солнцем. За парком находились магазины с ярко освещенными витринами, полные плюша и различных товаров, кафе с открытыми террасами, тентами и столиками, с запахом свежесваренного кофе и свежеевыпеченного хлеба. Откуда-то с эстрады можно было слышать звуки оркестра, играющего вальс типа штраусовских, но я никогда не слышал его там, откуда пришел.

Я гадал, что сейчас делает Байярд и что он сказал бы о подобном развитии событий. Я принял его за влиятельное лицо в основном из-за того, что он выхватил меня из моей лодки как раз перед тем, как я собирался начать долгое плавание. Но если Рузвельт сказал правду, если вся эта штука была подстроена, только чтобы проверить мою реакцию, прежде чем толкнуть меня на ключевую роль в потрясающих мирах событиях...

В этом случае я должен рассказать Рузвельту обо всем, что видел в Шато-Гайяр. Может быть, в этом был некий ключ для того, кто знал, как им воспользоваться. Или злоупотребить им.

Байярду было известно намного больше о ситуации, чем мне; и он не доверял Ринате или его шефу. Я хотел бы, чтобы полковник прислушался к тону Рузвельта и выдал мне другую сторону истории.

Что мне сейчас было нужно, так это информация о Рузвельте, о Байярде, о том, что происходит, и просто обо всем; информация о моем месте во всем этом — а также назначение старого куска стали с магической способностью указывать на другие старые стальные куски.

Я подошел к двери и с облегчением обнаружил, что она открыта, страж в белой с золотом форме стоял навывтяжку в дальнем конце прохода. Он направился в мою сторону, но я дал ему отмашку, и он вернулся к своему посту. Я не был под арестом в буквальном смысле слова, но они приглядывали за мной. Я начал закрывать дверь — и услышал пронзительный звук, похожий на ржание недорезанной лошади, из комнаты рядом с моей. Часовой рванул сверкающий

хромом автомат из полированной стойки и перешел на бег. Я сделал два прыжка к двери, откуда донесся вопль, дернул ручку, отступил назад и пинком открыл ее. Моему взору предстал белый червяк размером с пожарный шланг, обернувшийся кольцами, как боа-конструктор, вокруг изломанного человеческого тела.

Это был старик с багровым лицом и седыми волосами, выпученными глазами и вывалившимся языком. Я держал сломанный меч в руке, не помня, когда вытащил его. Им я прорезал это, как сыр, и отделенный конец начал хлестать все вокруг, расплескивая дурное пахнущую жидкость. Что-то загрохотало над моим ухом, как пушка, и ломоть червя разлетелся. Десятифутовый кусок шлепнулся на пол, автомат прогрохотал еще раз, и тот взлетел в воздух, хлеща все, пока я рубил другую петлю, завивающуюся вокруг конца, как зачарованная змея. Теперь существовали уже четыре куска этой штуки, а еще больше выливалось из двери ванной. Я услышал щелчок осечки и ругань охранника. Я прорубил себе дорогу к нему, но было слишком поздно. Он был завернут, как мумия, а его голова находилась под таким углом, который означал, что тот закончил службы в своем нынешнем послужном списке.

Из перехода доносились вопли, звуки бегущих ног и выстрелы. Я прорезал себе путь сквозь комнату в ванную. Жадеитово-зеленый мрамор был полон червя, просачивающегося сквозь канализационные трубы. Я расчистил себе дорогу обратно сквозь шлепающиеся куски прямо в холл. То, что было там, было страшнее червя и казалось массой сырого мяса, громоздящегося вверх по лестничному проходу на полпути по коридору. Двое мужчин стреляли в него, но это, казалось, ничего не значило для него. Я подбежал к нему сверху, отхватил ломоть, и масса резинообразного вещества откатилась, брызнув розовой кровью. Холодная сталь ему не нравилась.

— Берите ножи и мечи, — завопил я. — Вы теряете время, стреляя из пулевого оружия!

Пузыристая масса вдоль холла была довольно далеко, чтобы наполовину закрыть дверь. Я ворвался внутрь и мельком увидел женщину, стоящую там, прежде чем эта штука хлынула ключом и заблокировала отверстие. Я отсек с полдюжины хороших ломтей, чтобы ампутировать массу в двери, но и здесь опоздал. Все, что я смог увидеть от девушки — это пара ног в домашних туфельках, торчащих из-под твари, как у безалаберного механика из-под скользящего катка.

Сзади, в холле я увидел Рузвельта в его жителе и с зубами, обнаженными в подобии ухмылки, отбивающегося от твари двуручным мечом. Увидев меня, он завопил:

— Кэрлон, ко мне!

Люди в формах с церемониальными короткими мечами старались как могли, но именно Рузвельт отбивал тварь назад. Оно сгрудилось в форму «кармана», и он углубился в него, в то время как остаток этой штуки взгромоздился по бокам, окружая его. Я ударил слева, отрубив ломоть размером с шотландского пони как раз тогда, когда другая сторона сложилась внутрь, почти поймав его. Рузвельт всадил в это меч, а я прокосил ход сквозь это и остановился спиной к нему. Мне показалось, что он пытается прорезать себе дорогу к двери, которая была закрыта на две трети и начинала прогибаться. Мы очистили ее, при этом обнаружив дюжину людей, работающих мечами на внешнем периметре, которые они стащили откуда-то со стен. Мы были по лодыжки в жидкой розовой крови, которая вытекала из каждого пореза, сделанного нами. Я почувствовал запах дыма, оглянулся и увидел пару пожарников в защитных костюмах, поднимающихся по лестнице с большой паяльной лампой.

Тварь отплывала от них, чернела и дрожала. В следующую минуту или две все кончилось. Я посмотрел на Рузвельта сквозь дым и вонь, мимо него вдоль по коридору, забрызганному до потолка и вонявшего, как бойня.

— Прекрасно,— произнес я, обнаруживая, что шатаюсь, будто только что пробежал мило за четыре минуты.— Что это было?

Рузвельт усмехнулся мне, тяжело дыша, на его лице была кровь. Но что самое невероятное, он выглядел как человек, который собирался пошутить.

— Резвились час с четвертью,— произнес он.— Поздравляю вас, капитан. Вы действовали со мной на пару, удар к удару. Немногие способны на такое.

Это было хвастовство, но оно каким-то образом звучало не вызывающе, а очень естественно.

— Вы не ответили на мой вопрос, генерал!— сказал я.

Его глаза скользнули мимо меня, устремившись к бесформенной груди, распростершейся по голубому восточному ковру.

— По правде говоря, я и сам не знаю,— ответил он.— Это была наихудшая атака из всех, до сих пор со мной случавшихся.

Периодичность распада сокращается до девяноста одного часа, и интенсивность возрастает логарифмически. Кажется, это не животное, в нормальном смысле этого слова — просто масса мяса, дико растущая.

— Что за мясо,— пробурчал я.— При виде его моя кожа покрывалась мурашками.

— Человеческое мясо, мистер Корлэн,— ответил он.

— Я еще не уверен на счет всего этого, генерал,— кивнул я,— но если это именно то, с чем вы боретесь, то я с вами.

Он улынулся мне, протянул руку и схватил мою ладонь хваткой камнедробилки.

- С вами за спиной...
- Рядом с вами,— прервал его я.
- Он кивнул, продолжая улыбаться.
- Пусть рядом. Может быть, мы еще сможем господствовать.

Следующую пару ночей я немного поспал, а когда не был занят ломкой костей с мастером борьбы без оружия по имени Линд, слушал лекции по полевым операциям и дремал с гипномагнетофоном, пристегнутым к моему черепу, который до отказа набивал меня основными датами истории Распада.

Рядом со мной было еще несколько стажеров. Одной из них была красивая девушка восточного типа из А-линии, где китайцы заселили Америку в девятом веке и встретили римлян, направлявшихся вверх по Миссисипи в тысяча семьсот семьдесят шестом году. Она направлялась в то место, где орда регрессировавших, матриархальных монголов готовилась пронестись по феодальной Европе. Кажется, она подгоняет себя под список особенностей для инкарнации богини Чу-Ки, наподобие небесной Госпожи Драконов. И большой угольно-черный мужчина с пылающим взглядом — возможно, из-за нержавеющей стали у него в носу — был призван из Зулусской Африканской Империи, чтобы помочь реорганизовать сопротивление «корней травы», культ убийц-самоубийц, чтобы убивать каждого десятого из черных рабов в линии, где греки развили науки дохристианской эпохи и использовали их для захвата известного мира до того, как их постигла стагнация. Я встречал коллегу, который был классическим примером австралийского бушмена, — но по его линии племя возвеличилось на родной земле. У него было трудное время, пока он не научился не морщить свой плоский нос при странных запахах, но он был джентльменом и обращался с нами, как с равными.

В течение недели я пытался несколько раз увидеть Байярда, но Рузвельт всякий раз отказывал мне, говоря, что полковник болен, что у него началась пневмония, как это бывает часто, когда чуточку понервничаешь, что он в кислородной палате и посетители к нему не допускаются.

Наконец наступил день, когда генерал спустился вниз и полчаса наблюдал, как Линд пытается поставить меня на уши; но я был удачливее и вместо этого перебросил его самого.

— Вы готовы,— сказал Рузвельт.— Мы отправляемся в полночь.

Вокзал Сети был гигантским, ярко освещенным помещением с полированным белым полом, размеченным оранжевыми линиями, с

рядами челноков, стоящих между ними. Там находились маленькие одноместные разведчики и большие на двадцать два пассажира транспортники, какие-то голые, функционального вида коробки, несколько причудливых разработок для Очень Важных Персон, некоторые бронированные, некоторые перестроенные под грузовые фургоны или машины срочной психологической помощи. Стоял спокойный высокого тона звук и постоянный шум и грохот от перемещения воздуха при прибытии и отбытии челноков. Я никогда не видел ничего подобного раньше, но все это было знакомо по сеансам гипномагнитифона.

Техники в белых халатах колдовали над машинами, стоя у маленьких пультов, расположенных вдоль ячеек. В дальнем конце помещения я увидел группу людей в костюмах, похожих на испанских конкистадоров, и другую группу в пуританском черном.

— Защитная окраска,— заметил Рузвельт.— Наши агенты всегда пытаются гармонировать с фоном. В нашем случае маскарад необязателен. Там, куда мы собираемся, насколько я знаю, разумной жизни не осталось.

Техники приладили на нас костюмы — старомодное летное обмундирование с мягкими водолазными шлемами, проверили нас с минимумом формальностей, и мы, пристегнувшись, закрыли люк. Рузвельт посмотрел на меня сбоку и, подняв большой палец, дал знак:

— Готов?

— Это ваше шоу, генерал,— ответил я.

Он кивнул и перебросил рычаги управления. Возник воющий гул, исчез наружный свет; стены и крыша задрожали и скрылись. Мы торчали в двух футах над свободным участком земли, полным сорняков, и выдували пыль в открытое небо.

ГЛАВА 6

Много мы не говорили, пересекая Распад, сопровождаемые «блип-блип» трассера, настроенного на цель. Я наблюдал, как испепеленный ландшафт плыл мимо, пока Рузвельт управлялся с пятьюдесятью циферблатами сразу и корректировал время от времени отметки по причинам, в которых я не мог разбираться.

Какое-то время мы неслись над равниной дрожащих скал, где дымок вился из фумарол и вулканического конуса, отбрасывающего на небо красное сияние. Затем появился океан маслянистой, пенистой жидкости, гладь которой нарушалась медленными пенистыми волнами. И снова земля: пепельно-черная, с бледными языками пламени, облизывавшими ее, пока не стало коа-

лесцировать в порах лавы, тускло-красной, пузырящейся и шерба-
той. Все это время тучи под луной никуда не двигались.

Лава потемнела, затвердела и обернулась пыльной равниной; появилась зелень, странные приземистые деревья выскочили куч-
ками по два-три. Разрослись лозы, среди некоторых виднелись руи-
ны. В поле зрения появился ломоть скалы, покрытый сверху корнями
пятидесятифутового одуванчика с колючками вдоль всего стебля.

— Уже близко, — сказал Рузвельт. — Это шоссе, ведущее в го-
род Фонревольта.

Он подправил курс, чтобы поместить нас над старой дорогой,
выходящей из кошмарных джунглей между упавшими стенами и
ржавыми стальными конструкциями, что служили подставками для
жгутов из плоти, что сплелись с бородавчатыми лианами, у которых
были листья, как сгнившая канва, изгибающимися над переросшими
гроздьями слепых голов грызунов, как связки фруктов. У них не
было глаз, но множество зубов, разместившихся в пазухах листьев
растений, нянчивших их.

Лес открылся, поредел. Высокие, цвета охры и ржавчины,
здания замаячили по обе стороны, как в храме в джунглях Юкатана.
Грибы росли на граните и мраморе, раковой на вид коррозией
заросли бронзовые статуи богов и богинь. Лес отступил, выставляя
напоказ мощную площадь и гору мраморных обломков, черепицы и
стекла за рядом стофутовых колонн, оплетенных лианами.

Несколько бесцветных пятен скрылись во мраморе; широкий
изгиб площади на минуту выровнялся. Фонтан в центре слился в
первоначальную форму, не хватало только головы русалки посере-
дине. Затем раздалось резкое «би-биип», и на панели появился
янтарный огонек. Мы прибыли в зеницу вероятностного шторма.

Рузвельт повесил на шею ящик с инструментами и проверил
шкалы на нем.

— Вы и я войдем в историю как первые люди, кто когда-либо
ставил ногу в Распад, — сказал он, — а если сделаем что-либо плохо,
допустим мельчайшую ошибку — будем и последними. Одна ошибка
здесь может заставить кувыркаться весь наш космос.

— Довольно мило, — ответил я. — Только один вопрос: как мы
узнаем, что может быть ошибкой?

— Следуйте своему инстинкту, мистер Кэрлон, — сказал Руз-
вельт, одаривая меня улыбкой, которая, казалось, была перегружена
каким-то неопределенным значением.

Открыв дверцу наружу, мы вошли в кошмарную фантазию.
Повсюду громоздились высокие здания на фоне неба с разор-
ванными клочьями облаков под желтой луной. Ближайшее здание
было из полированного резного розового камня, откуда свисали
гигантские лианы, отбрасывающие черные тени. Из здания вниз, к
дорожке, окаймленной гигантскими дубами, на которых росли

зеленые орхидеи, вели белые мраморные ступеньки. В ветвях, аркой нависающих над мощеной улицей, пели пронзительно окрашенные птицы. И за этим островком сомнительного порядка маячили джунгли, как осаждающая армия.

— Изумительно,— произнес Рузвельт тихим голосом.— Почти нетронут, Кэрлон,— почти такой же, как и в дни его славы! Это Летний дворец, а там Кафедральный и Академия Искусств... Еще стоят среди кровавой бойни!

— Трудно поверить, что мы в центре шторма,— сказал я.— Тут спокойно, как на кладбище.

— Здесь умерла мощная цивилизация — ответил Рузвельт.— Так, где мы стоим, триумфально маршировали армии с королями во главе. По этой улице в экипажах разъезжали прекраснейшие женщины вселенной. Здесь поднялись до своих высочайших вершин искусство и культура, чтобы быть низвергнутыми в абсолютные глубины. Внемлите, Кэрлон, великолепии, навсегда утерянное.

— Но сейчас я настроен найти то, за чем мы пришли.

— Совершенно верно,— сказал Рузвельт неожиданно резким тоном, проверил шкалы, прикрепленные к его запястью, и откинул свой шлем.— Воздух в порядке.

Я попробовал его. Он был горячим, влажным, как в теплице ночью. Стоял ровный фон звуков: шуршание и скрип листьев, потрескивание и трение стеблей, вьющихся на ветру, кудахтанье, стоны, шипение, вой, бляные голоса животных, как будто мы находились в самом центре величайшего в мире зоопарка, все обитатели которого видели дурные сны. Черепичное покрытие под нашими ногами было расколото и шаталось, но вполне проходимо. Побег лишайников, толстые, как запястья, змеились через него, и лунный свет блестел на иглах, как *poignards*, что щетинился среди них.

— Чтобы защитить челнок, я поставил его на осцилляторную цепь, что будет препятствовать его переходу в фазу идентификации с любой А-линией,— заметил Рузвельт.— Когда мы будем готовы отбыть, я смогу вызвать его дистанционным управлением.

Я наблюдал, как машина замерцала и скрылась из вида с ударом вторгшегося в ее объем воздуха. Как только мы тронулись с места, что-то начало двигаться среди зелени, и тварь вроде волосатой змеи протянулась во всю длину над упавшим древесным суком, зевнув над ним собачьей головой. Сперва я подумал, что у нее нет ног, но потом обнаружил дюжину их со всех сторон, вырастающих из десятифутового тела под случайными углами. Лиана зашипела и напала на нее, пасти щелкнули, и еще десять футов тела хлопнулось в поле зрения с дополнительными головами, кусающими все сразу. Лиана сделала еще несколько витков вокруг червеобразного тела и запищала. Где-то завывала кошка, подлесок затрещал, и вой перешел в визг.

— Не пользуйтесь ружьем без крайней необходимости, — предупредил Рузвельт. — Взять здесь жизнь — любую жизнь — значит вмешаться в управление вероятностью. Даже слабейшее изменение может интерферировать сигнал вызова челнока.

Улицу пересекала арка, наверху почти потерявшаяся под грузом поганок величиной с корыто, хотя резные фигуры и цветы на вершине еще были видны. Рузвельт снова проконсультировался со своими шкалами.

— Нам следует двигаться к Королевским Архивам, — сказал он. — Это впереди.

Боковая улица смотрела фасадами на стену листьев, бывшую когда-то парком. На нашей стороне стоял монументальный фасад с фестонами оборвавшихся лиан. В некоторых окнах еще держались стекла, но большая часть их была слепа, как глаза, страдающие зеленой катарактой. Там, где были двери, зиял пролом в экране лиан.

— Этим входом что-то пользуется, — заметил я. — Что-то размером с риноцероса.

— Тем не менее, именно туда мы и должны войти, — сказал Рузвельт и протолкнулся сквозь экран вялой, в желтых пятнах листвы размером с гарнизонный флаг.

Сквозь дорожку мха на полу была протоптана тропинка, где виднелась черепица. Мы шли по ней футов пятьдесят до тупика. Рузвельт выгрузил фонарь и заиграл им по стене нетронутых лиан.

— Мы должны прорваться сквозь это.

Он изменил настройку лазера, луч сгустился до глубокой красноты и прорезал спутанную поросль. Через полминуты был вырезан достаточно большой ход, чтобы пролезть.

Рузвельт прицепил лазер к поясу и вошел первым. Я последовал за ним и услышал такой рык, будто потревожили бенгальского тигра в его логове. Я быстро протиснулся, схватил свое оружие и увидел низкие стены, черную лужайку, фонтан с водой, залитый лунным светом. Рузвельт стоял спиной к резному Нептуну, глядя на что-то прямо-таки из книги волшебных сказок: длинное кошачье тело, гривастая шея, клюв, как у орла — если у орлов есть клювы двух футов длиной. Ноги от середины вниз покрывала чешуя, и кончались они когтями — большими клешнями на потрескавшемся грунте. Это был грифон, полулев-полуорел, которые сошлись на убийстве.

Я завопил и выстрелил поверх, чтобы отвлечь тварь. Та встала на дыбы, затанцевала вокруг на задних ногах и, повернувшись ко мне, бросила вниз на меня взгляд с красной головы за клювом. Глаза были размером с походный котелок, три концентрических окружности вокруг желтых радужек. Внешний круг был чешуйчатым — радужного серебра. Более темные чешуйки бежали назад по морде и заканчивались там, где начиналась белая грива. Раздвоенный черный язык мелькал, как змея, меж половинок острого, как нож,

клюва. Я заметил все это за пару тех секунд, пока пятился назад и гадал, что же Рузвельт назвал бы крайним случаем.

— Удержитесь от выстрелов,— крикнул тот.— Он приручен!

Я начал было спрашивать его, какое у него представление о дикости, когда увидел, что он имел в виду. Вокруг груди твари шла упряжь, почти спрятанная под гривой. Серебряные украшения висели на черной коже, бренча при движении.

Между тем оно опускалось на все четыре лапы меньше, чем в десяти футах от меня, издало вопль, перешедший в вой, и село на задние лапы.

Его дрессировка была хорошей; в следующие полусекунды я чуть не был сдут выдохом из его раскрывшейся пасти, что вполне могло бы случиться, поскольку только теперь его хозяин вышел из тени.

ГЛАВА 7

Я довольно пристально смотрел на змеесобаку, и грифон тоже задержал мое внимание; но все это была сушая безделица по сравнению с тем, на что я смотрел сейчас.

Это была длинноногая девушка с высокой полной грудью, с белой мраморной кожей и с волосами цвета темной меди, окаймлявшими лицо, какие мы видим во сне, улыбающиеся и потерянные навсегда, а мы просыпаемся с болью в душе. Ее одежда представляла собой ветхую обмотку из белого газового материала, свисающего над бедрами, и что-то типа мокрой хлопчатобумажной ткани, колышущейся, когда она двигалась. Девушка подошла прямо к твари, загнавшей меня в угол, и сказала:

— Посторонись-ка, Вроделикс! Плохо приветствуешь гостей!

Тварь опустила голову и завизжала, как переросший щенок. Девушка оттолкнула чудовище в сторону и посмотрела на меня темно-голубыми глазами, блестящими в лунном свете. Я знал их по своим снам.

— Вы мужчина?— спросила она.— Или бог?— Тон ее показывал, что оба варианта были равно приемлемы.

Я сказал ей, и девушка кивнула.

— Я рада. Я смертная женщина.— Она смотрела на подошедшего к нам Рузвельта, который отвесил ей придворный поклон и улыбку.— А вы бог?— спросила она его.

— Только человек, дорогая,— ответил он.— Питер Рузвельт, к вашим услугам, а это Ричард Кэрлон.

Она улыбнулась ему, а я ощутил странное чувство, что каким-то образом упустил что-то резкое и ценное.

— А я Иронель, Питер,— сказала она.

— Вы здесь живете одна? — поинтересовался Рузвельт.

— О нет, со мной Вроделикс. — Она провела рукой по гладкой изогнутой шее кошмарного животного. — У меня есть и другие друзья, а сейчас — двое новых! — Она схватила руку Рузвельта, затем мою и улыбнулась нам, поворачиваясь от одного к другому, и мы ухмыльнулись в ответ.

— Расскажите мне о других, э, ваших друзьях, Иронель, — попросил Рузвельт мягким отцовским тоном, который он культивировал по отношению к ней.

— Конечно, Питер! Здесь есть Ронизпель — Скалолаз, Чааз — Подземный житель, Арнк — Колющий — и много других!

— Все животные?

Девушка задумалась над этим.

— Большей частью, — ответила она, — за исключением Чааза, я думаю. Но вы скоро встретите их. О, как они будут рады, что вы пришли. — Она остановилась, как будто что-то вспомнила. — Только я не уверена, что будет доволен Старый Гарф.

— Как давно вы живете здесь? — хотел знать Рузвельт.

— Как? Всегда. — Она казалась удивленной глупым вопросом.

— Где ваши родители?

— Что такое родители?

— Люди, которые вырастили вас, учили говорить, одеваться... так мило...

— Ну... новая мысль, Питер! Должен ли кто-либо *учить* разговаривать, как я учу Арнуа плести свои сети над Темными Местами. — Она тронула мягкие складки своей одежды. — Что касается моего одеяния — оно сделано для меня Арнком, конечно. — Девушка посмотрела на нейлоновый костюм Рузвельта, дотронулась до моего рукава. — Я должна показать вашу ткацкую работу Арнку; это-то будет для него задачка — сделать такой материал, как ваш. — Она засмеялась, обрадованная этой идеей.

— Разве здесь нет других людей, как вы и мы? — не унимался Рузвельт.

— Мы тоже не похожи! — засмеялась она. — Вы выше меня, ваши волосы короче, плечи шире и грудь ваша плоская — не как у меня. — Она потрогала свое тело, пробежала пальцами по стройной талии, как будто хотела ощутить различия кончиками пальцев.

— Мы мужчины, — пояснил Рузвельт с легкой улыбкой, — а вы — женщина. Есть здесь другие люди того или другого пола? Это, казалось, озадачило ее.

— Нет, никого, — ответила она.

— Что вы едите? Как храните тепло зимой?

— Ну, Чааз приносит мне коренья, которые достает глубоко из-под земли, Ронизпель знает, где раньше всего спеет виноград и дыни. И когда падает белизна, я живу за дверьми, а окна заплетает

Аркн своим тончайшим плетением, чтобы задерживать холод.

Тем временем Вроделикс заснул, и, пока девушка гладила его, Рузвельт близко подступил ко мне.

— Можем мы поверить этой бедной туземной девушке, что она живет одна-одинешенька, как сказала? Это возможно?

— Кажется, это так и есть. По каким-то причинам здесь, на крохотном пятачке земли, Распад оставил просвет. Вы говорили, это «зарница» шторма. В «зените» урагана стоит мертвый штиль.

Улыбающаяся Иронель снова оказалась возле нас.

— Пошли, — сказала она. — Сейчас я покажу вам свои игрушки!

Она отбуксировала нас через вымощенную плитами дорожку между ухоженными клумбами, где черные и золотые грибные шляпки росли между розами и маргаритками. Мы прошли в арку и через засыпанный черепицей холл, вверх по ступенькам поднялись в широкий затененный коридор, который в двадцати футах был блокирован упавшей мебелью; но та часть, что оставалась свободной, была тщательно выметена. Иронель открыла дверь в комнату с глубоким черным ковром и высокими окнами без стекол с занавесками из той же газовой ткани, что и ее одежда. Там стояла высокая кровать с белым шелковым покрывалом, отделанным золотой нитью. Иронель наклонилась к большому ящику с резной крышкой, открыла его и вынула оттуда кусок алой ткани.

— Разве не красиво? — спросила она и накинула его поперек тела.

Я должен был согласиться, что это красиво. Она вынула сундучок поменьше и высыпала на тряпки золотые вещи. Я встал на колено, собирая их, и обнаружил, что ковер был слоен гладкого мха, такого же черного, как бархат.

— И эти! — Она разбросала среди золота драгоценные камни, которые сверкали как огонь. — А это самые любимые мои сокровища! — сказала она и разложила вокруг ярко окрашенные морские ракушки. — Теперь мы должны собрать их и собрать в кучу. — Девушка рассмеялась. — Разве это не прекрасная игра?

Рузвельт подобрал большой квадратный рубин с врезанным в него крестом.

— Где вы взяли это? — Его голос был раздражающе резок, глаза пристально смотрели в глаза девушки.

— В Красивом Месте, — ответила она, казалось, не замечая изменения тембра. — Там много еще, но эти я люблю больше.

— Покажите мне! — рявкнул он.

— Полегче, генерал, — сказал я. — Мы сначала поиграем в игру юной леди, в потом в вашу.

На миг его глаза впились в меня; затем он расслабился, улыбнулся и рассмеялся вслух. После этого он опустился на колени и начал собирать ракушки, складывая их аккуратной кучей.

Она повела нас вниз на широкую, залитую лунным светом улицу, почти перекрытую лозами. Вроделикс шагал рядом с ней, издавая шипящие звуки и действуя с повышенной нервозностью, когда мы подходили к упавшим зданиям на дальней стороне.

— Бедное животное вспоминает Восьминогое и Клыкастое, — сказала Иронель, — напугавших его до того, как он их убил.

Она указала на высокое здание, оплывшее и обуглившееся, ютившееся среди баррикад щебня.

— Вроделикс не любит, когда я хожу туда — но вместе с вами ничто не сможет быть нам опасным.

— Государственный Музей, — сказал Рузвельт и посмотрел на прибор, пристегнутый к внутренней стороне своего запястья, но если тот и сказал ему что-либо, то генерал не перевел.

Мы прошли через заросший сорняком вход, пересекли холл, устланный и «облицованный» виноградом, и поднялись по широкой изогнутой лестнице на второй этаж, оказавшийся в более приличном состоянии. Там стояли ящики витрин со стеклянными крышками, запыленными и нетронутыми. На стенах висели старые картины, с которых вниз из тени листья пристально смотрели запятнанные сыростью лица в странных брыжжах и шлемах с плюмажами, но их жесткое выражение казалось больше испуганным, чем встревоженным.

Продолжая идти, мы попали в следующую комнату, где на разлагающихся манекенах с пустыми, пугающими лицами висели ранее искусно выполненные костюмы с сапогами по колено и с изъеденной молью отделкой из тигровой шкуры. Вдоль стен были выставлены обтрепанные полковые знамена, причудливые седла, копыя, дульные пистолеты и ручного изготовления мушкеты — все задрапированные паутиной.

— Сейчас вы должны закрыть глаза, — сказала Иронель, беря нас за руки. Ее пальцы были тонкими, холодными и мягкими.

Взглянув на нас и убедившись, что мы последовали ее инструкциям, девушка повела нас вверх на три ступеньки, затем через этаж вокруг препятствий и снова вниз. Я уже начал удивляться длительно-сти этой буффонады слепцов, когда она остановилась и произнесла:

— Открывайте глаза!

Лунный свет падал сквозь окно витражного стекла на серый каменный пол, ведущий к алтарю с тонкими колоннами, золотыми капителями, серебряными подсвечниками. Там лежал реликварий в серебряной оправе.

Перед алтарем стоял каменный саркофаг с высеченной фигурой крестоносца на нем в полном вооружении, с руками, сложенными на рукояти меча, что лежал на груди, как крест.

— Нравится вам мое Красивое Место? — спросила Иронель бесцветным голосом.

- Конечно, оно мне очень нравится,— мягко ответил Рузвельт.
- Но вы покажете мне, где нашли камни-печатки?
- Здесь.

Иронель повернулась к окованному медью сундуку, стоящему на деревянной подставке слева. Рузвельт поднял крышку. Мягкий свет замерцал на кольцах, браслетах и брошах — сорочий клад безделушек. Иронель подняла цепь из мягких золотых колец, подержала перед собой, положила обратно и взяла тоненькую серебряную цепочку с подвешенным аметистом.

— Это симпатичнее,— сказала она.— А ты думаешь не так, Питер?

— Много приятнее, моя дорогая.— Его глаза передвинулись за нее, пробежали по деталям маленькой часовни и вернулись к шкале на запястье. Он шагнул к алтарю, но Иронель тревожно вскрикнула и схватила его за руку.

— Питер — нет! Ты не должен подходить ближе!

Он подарил ей улыбку, которая была скорее угрюмой, чем успокаивающей.

— Все в порядке,— сказал он ровным тоном, отмахиваясь от ее руки.— Я хотел лишь взглянуть на это.

— Питер, вы не должны! Если вы вторгнетесь туда, произойдет плохое! Разве ты не можешь чувствовать это в самом воздухе?

Не слушая ее, он сделал еще один шаг — и остановился. Где-то вдали что-то загрохотало, заколебался пол, и кусок стекла в окне пошел трещинами. Я шагнул к нему.

— Вы здесь гость,— сказал я.— Возможно, было бы лучше, если бы вы играли по правилам этого дома.

Он бросил на меня острый взгляд, подобный гарпуну.

— Я сам решу это,— сказал он и сделал еще один шаг.

Я схватил его за руку. Было похоже, что я держался за дубовый поручень. Он напрягся, чтобы освободиться, а я — чтобы удержать его. Казалось, никто из нас не выиграет.

— Девушка сказала «нет», генерал,— напомнил я,— следовательно, у нее есть причины.

— Вернитесь к здравому смыслу, Кэрлон!— холодно заявил Рузвельт.— Вспомните, что мы пришли искать!

— Вы сами говорили, что равновесие сбалансировано очень деликатно,— не унимался я.— Действуйте медленнее, пока вы не знаете, что делаете.

Рокот повторился, но на этот раз ближе. Я почувствовал, что пол под моими ногами движется. Грифон вонзил когти в пол и заорал. Вскрикнула и Иронель. Откуда-то сверху до меня донесся звук, и я поднял голову как раз вовремя, чтобы увидеть падающий на меня камень размером с сейф. Я нырнул в сторону; удар был похож на столкновение двух локомотивов, осколки скалы разлетелись

шрапнелью. Рузвельт развернулся и побежал к алтарю. Грифон зашипел и рванулся, чтобы ударить его, но Иронель прикрикнула, и животное, скорчившись, вернулось назад. Рузвельт пробежал мимо него. Я хотел присоединиться к нему, но между нами рухнул мраморный пилястр. Пол вспучивался подобно желе, и на нем, как капли воды на горячей сковородке, плясали «ломаный камень» фрагменты мозаики с потолка, цветное стекло, железные решетки и обломки статуй. Рузвельт вбежал в самую гущу этого; камни падали вокруг него подобно бомбам. Один из маленьких камней ударил генерала по плечу, но он, качаясь, остался на ногах, пытаясь дотянуться до алтаря. Он был в шести футах от цели, когда купол над ним треснул и пошел вниз. Одна из колонн упала и, смяв его, отбросила на десять футов.

Грохот замирал вдали. Несколько заблудших камешков в тишине зацокали по полу. Генерал, скорчившись в пыли, лежал тихо, как сломанная кукла.

Иронель опустила на колени рядом с Рузвельтом и дотронулась до его лица.

— Он мертв?— прошептала она.

Я оглядел его сверху. В черепе Рузвельта была отвратительная дыра. Дыхание поверхностное и частое, но пульс твердый.

— У него скверная рана,— сказал я,— но он пока еще не мертв.

С помощью Иронель я поднял генерала на спину и перенес его назад, в ее спальню, положив в темноте на постель.

ГЛАВА 8

Была кромешная ночь. Иронель спала головой на постели Рузвельта. Когда я разбудил ее, она улыбнулась мне.

— Он еще живет, Ричард,— сказала девушка.

Я снова проверил его пульс. Он был еще здесь, но дыхание было поверхностным и прерывистым. Я дотронулся до его раны во впадине над глазом.

— Я должен попытаться что-нибудь сделать,— сказал я.— У тебя есть способ разводить огонь?

— Ронизиель боится огня,— сказала она,— но он мне принесет его.

Я осмотрел рану. Там был один главный осколок с несколькими более мелкими кусочками. Иронель вернулась с мелким медным подносом, на котором пылали угольки. Я не задавал вопросов, просто добавил немного дерева к углям и, получив открытое пламя, простерилизовал на нем лезвие своего ножа.

Я сделал насечку поперек раны, пересек ее другой и отогнул назад лоскуток кожи. Иронель вступила, как тренированная мед-

сестра, следя за каждым шагом, понимая меня без слов. Пока она держала надрез открытым, я использовал крючок из проволоки, простерилизованный на огне, чтобы поднять большой осколок на его место, затем попробовал сделать это с другими. Вскоре закончил операцию, закрыл рану, и он все еще дышал.

Она тоже закончила и села рядом с ним, глядя ему в лицо. Я нашел угол и заснул.

Проснулся я от света, падавшего мне в лицо. Иронель была рядом, ее лицо было бледным, как камень.

— Ричард, я боюсь за Питера.

Я встал и подошел к нему. Он лежал в постели на спине. Его глаза были закрыты и запали, лицо обтянуто, как после пытки, кожа стянулась к ротовому отверстию, хрип проходил меж стиснутыми зубами, а руки бегали по покрывалу.

— Нет...— выталкивал он слова.— Никогда... согну колено... лучше... вечное разрушение...— Его голос перешел в шепот.

Я приложил пальцы к его шее. Он был горяч, как свежее выкованный чугун. Рана у него на лбу опухла и воспалилась.

— К сожалению,— сказал я,— нам нужны лекарства, которых у нас нет.

— Ричард,— сказала девушка,— Чааз говорит, что мы должны принести Питера к нему.

Я взглянул на нее. Ее глаза были большими и темными, волосы — искрасно-черными, влажный локон лежал на белой коже.

— Мы не должны трогать его.

— Но— Чааз не может попасть сюда, Ричард.

Я посмотрел на Рузвельта. В медицине я много не смыслю, но мне приходилось видеть умирающих, поэтому я поднял его. Девушка прокладывала дорогу вниз сквозь темные залы, среди черных лиан, упавших статуй наружу, в аромат ночи.

В центре заполненного сорняками сада в сухом фонтане прыгали каменные русалки. Иронель потянула в сторону ветвь с листьями от скрюченного дерева, проросшего сквозь трещину в бассейне, и обнажила отверстие. Каменные ступеньки вели вниз под небольшим углом в аромат грибницы и сырой глины. Иронель вела. В помещении на дне она сверкнула моим фонарем на прогнувшиеся полки, загруженные пыльными винными бутылками. У дальнего конца в стене был пролом, как гигантская крысиная нора. Оттуда тек запах, как из обезьянника в зоопарке.

Иронель, кажется, к этому привыкла. Она подошла к отверстию и позвала:

— Чааз, это я, Иронель. И Ричард, мой друг. Мы принесли Питера!

Оттуда донесся звук, как будто вдали перемалывали друг друга валуны под землей. Иронель повернулась ко мне.

— Чааз говорит, что мы можем внести его.

Я вошел в отверстие и начал спускаться; это был туннель с ровными стенками. Он извивался, углублялся, кончаясь сложной стеной шишковатой сырой кожи, блокировавшей туннель. Иронель направила свет на стену, и я увидел, что это было лицо с широким крючковатым носом, запавшими веками, которые поднялись, чтобы показать блестящие глаза размером с баскетбольный мяч, только шести футов в диаметре. Под стать глазам были волосы на щеках, грубые, как шерсть мамонта, и наклонный сморщенный лоб. Там, где не было волос, кожа была черной, чешуйчатой и морщинистой, как зад носорога. Под пурпурными краями губ виднелись концы обломанных зубов размером с могильный камень торговца. Рот открылся, и загрохотал голос.

— Он говорит, положите его сюда, вниз,— перевела Иронель.

Я сделал, как она просила, и теперь Рузвельт лежал смертельно бледный, похожий на труп.

Глазницы чудовища блуждали по его телу. Из огромного рта выпятился язык, похожий на розовое перовое одеяло, проверил воздух и ушел обратно.

— Этот заставил подвигать скалы?— Мощный голос на этот раз прогудел ясно — или, может быть, я научился понимать речь землетрясения.

— Он не знал, Чааз, дорогой,— умоляющим тоном сказала Иронель.— Он не хотел повредить.

— Камень ранил меня,— сказал Чааз, поворачивая свою гигантскую скулу так, что в поле зрения появился край черной, запекшейся раны, достаточно большой, чтобы вложить руку.

— Бедный Чааз — это очень сильно тебя ранило?

— Не очень, Иронель.— Лицо вернулось на место, поднялось, и слеза, что могла бы наполнить чайную ложку, растеклась внизу по кожистому лицу.— Не волнуйся из-за Чааза, Иронель. С Чаазом все в порядке.

— А ты можешь помочь Питеру?

Невероятные глаза снова повернулись, уставившись на бессознательное тело, веки пошли вниз, наполовину скрыв глаза подобно сморщенным кожаным заслонкам.

— Я попытаюсь,— прогрохотало чудовище.— Я чувствую место ранения... там. Плохая, плохая рана... но не из тех, что убьет Питера. Нет, там есть что-то что давит — там и там! Но я вытолкну... вытолкну... их снова...— Его голос перешел в бормотание, похожее на потрескивание краев ледника при весеннем таянии.

Рузвельт шевельнулся, издал невнятный звук. Иронель положила руку на его лоб. Я держал свет и видел, как на его лицо медленно возвращаются краски. Он вздохнул, без перерыва задвигал руками, затем снова зачих. Его дыхание стало легче.

— А-х-х-х,— простонал Чааз.— Плохое все еще там, Иронель! Я нащупал его, но чувствую, как еще шевелится дурное! Лучше я убью его сейчас...

— Нет, Чааз!— Иронель бросилась к Рузвельту, наполовину прикрыв его.— Ты не должен..!

— Я чувствую что-то там, внутри него,— сказал Чааз.— То, что заставляет меня пугаться!

— Он только человек, Чааз — он сам это сказал. Как Ричард! Скажи ему, Ричард!— Иронель схватила меня за руку.— Скажи Чаазу, что Питер наш друг!

— Какого рода дурные вещи вы чувствуете внутри него, Чааз?— спросил я гигантское лицо.

Он повернул на меня свои китовые глаза.

— Когда камни падают, я их чувствую,— сказал он.— Когда я потянулся внутрь его — почувствовал их снова. Там бродят черные вещи, Ричард, притаясь в красных кавернах спящего мозга. Он может похоронить в земле весь этот мир в угоду образу, который хранит там тайно.

— У себя дома он значительный человек,— сказал я.— Он пришел попытаться спасти свой мир. Он сделал ошибку, и это его почти убило. Я не думаю, что сейчас он может чем-то причинить вред.

Чааз застонал.

— Я узнал его во сне, когда спал здесь, под землей. Почему он пришел, Ричард? И почему ты? Ибо тебя я тоже видел во сне,двигающегося сквозь яркий, бесконечный рисунок мира. Рок навис над нашими головами и над его. Но я не знаю, чей рок сильнее.— Он снова застонал.— Я боюсь его, Ричард, но ради блага Иронель отпускаю на волю его судьбу. Сейчас забирайте его от меня. Его мозг взбудоражен, и боль от этого тревожит раны в моем сердце!

Я поднял Рузвельта и понес его обратно сквозь вонючий туннель вверх, в комнату Иронель.

Когда она разбудила меня, я увидел дольку золотой дыни на золотом блюде и гроздья красного винограда, каждая ягодка которой была величиной со сливу.

— Рузвельту стало лучше,— сказала она.

Я встал и подошел посмотреть на него, лежащего на спине и все еще без сознания. На мой взгляд, различий в том, как он выглядел, не было, но температура, пульс и дыхание, казались нормальными. Возможно, я был лучшим нейрохирургом, чем думал.

Иронель взяла меня на экскурсию по своему королевству: более низкие этажи здания, где она спала, сад, остатки улицы, которую потрясло землетрясение. При свете раннего утра, просачивающегося сквозь листья, его перекрывающие, улица обрела какую-то странную молчаливую красоту. Иронель вела меня за руку, показывая маленькие картины цветов, растущих в сокровенных местах, чистый пруд в бассейне, что, должно быть, когда-то был прекрасным фонтаном; вела меня туда, где лежали разбросанными в буйной траве красивые камни — фрагменты алебастровых статуй.

Мы спускались по расколотым мраморным ступеням под гигантское старое дерево и купались в черном пруду; влезали на разрушенную башню и смотрели через филигранно вырезанное окно на вид других башен, разбросанных среди джунглей. Вечером мы сидели на скамейке в саду и слушали гуканье, скрипы и шипение ночных существ, что подкрадывались к самой границе сада. Иногда она рассказывала, щебеча, о друзьях и играх; в другой раз — пела странные короткие немелодичные песни. А иногда она просто улыбалась, радуясь жизни, как цветок.

У меня было множество вопросов, которые я хотел бы задать, но не задавал. Она была похожа на спящего ребенка; я не хотел будить ее. Этой ночью она пришла в мою постель спать и спала со мной, как дитя.

Прошел второй день, и Рузвельт проснулся. Подарив нам слабую улыбку, он снова ушел в сон. Он бодрствовал и на следующий день. Казалось, он был самим собой. Он притворялся, что не сохранил воспоминаний о чем бы то ни было с того времени, когда мы встретили девушку.

Он быстро шел на поправку. На четвертый день, на обратном пути из экспедиции к краю джунглей, где я собирал фрукты, я услышал злой вой — это был Вроделик, как будто он сошел с ума.

Я уронил красные и желтые манго и помчался к воротам. В десяти футах внутри сада я нашел грифона, распростертого рядом с дельфиньим фонтаном, с тремя дырами в теле. Он стонал, пытался подняться, но упал назад, мертвый, с разинутым клювом. Я бегом пересек парк и, поднявшись по ступеням, крикнул Иронель. Ответа не было. Что-то издало мягкий звук сзади меня. Я повернулся, как раз чтобы увидеть Рузвельта, выходящего из тени с нерв-автоматом, нацеленным на мою голову.

— Извините, Кэрлон, — сказал он, — но другого выхода нет. — Он нажал на курок, и мир поплыл у меня в глазах.

Я лежал на спине, мне снилось, что Рузвельт склонился надо мной. Его лицо было худым, с впалыми щеками, и рана над глазом выпирала, как большое X, нарисованное губной помадой. Голос до-

ходил из какого-то далекого, как звезды, места, но мир снова был для меня ясным.

— Вставайте на ноги, Кэрлон. Я парализовал ваши волевые центры, но вы можете меня слышать. Мы должны выполнить долг.

Я почувствовал, что встаю на ноги. Казалось, они находятся в милях от моей головы, которая плавала одна-одинешенька в разряженном слое воздуха высоко над облаками, дрейфующими как раз на пределе зрения. Руки мои были связаны впереди.

— Так-то,— сказал Рузвельт.

Он вышел из сада на разрушенную улицу, пройдя мимо мягкого мертвого чудовища, лежащего на мостовой. В моей голове звучал гудящий шум, а свет был странным, как будто развивалось затмение. Мы вошли в музей, поднялись по ступенькам, заваленным штукатуркой и поломанными светильниками прошли в большой холл, где были разбросаны манекены в латах, похожие на поверженных пленников. В часовню солнце проникало сквозь разбитые окна отдельными пятнами. Алтарь еще держался, а над ним были развалины золотого купола.

В воздухе было ощущение, будто мир — тетива лука, натянутая до точки надлома.

— Иди впереди,— приказал Рузвельт.

Я прокладывал путь через обломки, перешагнул сломанный саркофаг, смел сгнившие лохмотья бархатного покрывала и остановился перед алтарем.

— Возьми ящик,— снова приказал Рузвельт.

Я поднял ящик одревесневшими руками. Он был тяжел, и его поверхность звенела, как будто сквозь него шел электрический ток. Я чувствовал этот ток даже своими подошвами. Подо мной вибрировал пол, вокруг стоял гул, похожий на отдаленный гром. На лице Рузвельта было жесткое напряженное выражение, обнажающее зубы, которое вовсе не напоминало улыбку.

— Дайте его мне,— сказал он.

В то время, как я передавал ящик ему в руки, рокот стал громче.

— Ну и ну, сами небеса почтили присутствием наше представление,— заметил он, и это прозвучало так, будто он так и думал.— Но мы получили то, что хотели, и пора удаляться.

Он повернул к выходу, и я последовал за ним. Секция изогнутой стены утонула перед нами, развалившись в нескольких футах от нас. Когда мы добрались до двери, крыша пошла за нами вниз, а на лестнице я почувствовал, как под моей ногой рушатся камни. Но они продержались, пока мы не спустились в холл, и только тогда закувыркались вниз.

Снаружи, на улице было море волнующихся обломков. Здание через дорогу осело, накренилось и упало на площадь. Мы перепрыгнули вспученные плиты мостовой, которые опрокидывались, топя

друг друга, как льдины в половодье. Упало дерево и потащило за собой клубок спутавшихся лоз, а за ним в джунглях взметнулось вверх что-то массивное, как многоквартирный дом, чтобы упасть.

— Центроид вероятностного шторма движется за нами, — крикнул Рузвельт. — Это успех, Кэрлон, если мы сможем достичь челнока прежде, чем этот анклав антивероятности схлопнется! Держитесь поближе ко мне!

Мы бежали, а вокруг нас распадался мир.

На поляне, где мы оставили в полуфазе челнок, Рузвельт вынул сигнализатор, прикрепленный к его поясу.

Я видел что-то, движущееся меж деревьев прямо над ним, но не сделал попытки сказать что-либо.

Из-под потока листьев размером с палатку высвободился паук с большим, как ванна, телом, толстыми мохнатыми ногами, фасетчатыми глазами размером с суповую тарелку. Он выметнул застывшую на лету нить, насторожив и подготовив пару клешней с переднего конца.

— Нет, Ронизпель! — раздался голос Иронель откуда-то сзади нас, и паукообразная тварь застыла как раз на то мгновение, в которое Рузвельт вытянул ружье и выстрелил залпом минипуль в волосатое брюхо в десяти футах над ним. Тварь упала, его восемь ног подломились. Иронель вскрикнула и бросилась к ней, а Рузвельт всаживал пулю за пулей в умирающую тварь. После этого он прыгнул мимо девушки, ударом отшвырнув ее в сторону, нажал кнопку вызова на сигнализаторе. Я ощутил движение воздуха вокруг себя, увидел, как все потускнело, словно перед грозой. Порыв ветра взвихрил листья, и челнок попал в идентичность, низкий, черный, угрожающего вида.

— Кэрлон, входи! — заорал Рузвельт.

Земля дрогнула подо мной, когда я пробежал мимо плачущей девушки и выпотрошенного паука. Слева от меня затрещали и разлетелись джунгли; земля вздыбилась и расступилась. В поле зрения, щурясь от света, поднялась голова Чааза. Его взгляд метнулся к девушке, рот открылся в реве ярости. Рузвельт перевел ружье вверх и выстрелил в гигантское лицо, разметывая в стороны клочья мяса. Черная кровь хлынула из кратера ран, и Чааз взревел в агонии. Я мгновенно оказался внутри челнока, Рузвельт влетел следом за мной и захлопнул люк. Затем он достал наручники и приковал меня к горизонтальному сиденью. Экран засветился розовым, потом прояснился, показывая внешнее окружение. Чааз силой вырвал свои плечи из земли, и его гигантские искривленные руки с расщепившимися черными ногтями, похожие на большой ковш угольного комбайна, на ощупь нашли девушку. Он дотронулся до нее одним пальцем, после

чего гигантская голова обмякла. Рузвельт бросил вперед переключатель двигателя, и сцена поплыла, как воск на солнце, когда джунгли сомкнулись над скульптурной группой в саду Иронель.

ГЛАВА 9

Я выплыл из дурмана наркотического сна и увидел солнечный свет раннего утра, сияющий сквозь шторм открытого окна. Голова болела, как треснутая наковальня. Рузвельт сидел в парчовом кресле рядом с моей кроватью, одетый в фантастическое обмундирование, выглядевшее на нем тем не менее довольно естественно: короткая свободная блуза с меховым воротником, тугие кюлоты, шлепанцы с помпонами из драгоценных камней, большая золотая цепь на груди и повсюду драгоценности, прикрепленные к рукавам и сверкающие на пальцах.

Он сказал «Доброе утро» самым любезным тоном и подал мне чашку кофе.

— Мы прошли трудное время, но все позади, — продолжил он. — Я сожалею о том, что вынужден был сделать, Кэрлон, но у меня не было выбора. И мы преуспели, вы и я. Сейчас победа и все плоды ее — в ваших руках.

Он произнес все это низким голосом, но его черные глаза сияли.

Я попробовал кофе. Он был горячим и крепким, но моей голове ничем не помог.

— Вы понимаете, не так ли? — Он смотрел мне в глаза. — Великая новая судьба обретает форму — как для вас, так и для меня. Думайте об этом, Кэрлон! Кто не желал овладеть всей печальной схемой вещей в целом и похоронить ее как можно ближе к своему сердечному желанию? Ну, мы сделали это — вместе! Из пепла прошлого мира поднимается новый мир — мир, в котором наши судьбы высятся, как колоссы, среди безликой толпы! Мир, который должен существовать, Кэрлон, мир мощи и славы, какого еще не было — распростерся у ваших ног, как ковер! Мы повернули назад часы судьбы, вернули историю на курс, который казался обреченным навеки!

— А как насчет девушки? — спросил я.

— Извините, она была тенью в полуночном мире. А вы, боюсь, были околдованы ее чарами. Я делал то, что должен. Я бы взял ее с собой, но это было невозможно. Ткань, которую я тку, слишком хрупка на этой стадии, чтобы поддержать перенос ключевой фигуры из периферийной А-линии.

— Не знаю, что вы делаете, Рузвельт, — сказал я, — но, что бы это ни было, цена слишком велика.

— Однажды вы поймете, Кэрлон. Из всего человеческого пле-

мени вы лучше всех поймете меня, потому что из всех миллионов пешек на доске вы один мне ровня; ваша судьба, как и моя, переплетается с той, что существует в этом новом мире, обретающем форму.

— Вычеркните меня, генерал, — сказал я. — Я не хочу принимать участие в ваших операциях. Если вы скажете, где мои штаны, я сейчас же уйду.

Рузвельт тряхнул головой и чуть-чуть улыбнулся.

— Кэрлон, не говорите чепухи! Имеете вы представление, где находитесь?

Я встал, шатаясь, и, подойдя к окну, посмотрел вниз на газоны и клумбы, казавшиеся почти знакомыми.

— Это мировая линия, весьма удаленная от беспорядка Распада, — говорил Рузвельт, пока я надевал свободную куртку и узкие штаны, предложенные мне. — Его общая с нашей историческая дата — 1199 год. Мы в городе Лондрес, столице провинции Новая Нормандия, автономного герцогства французского короля Луи-Августа. Здесь затеваются великие дела, Кэрлон. Мятежники угрожают власти императора, лоялисты обвиняются в государственной измене, и Луи ждет за проливом, готовый высадить войска в Харвиче, Дувре и Ньюкасле, если понадобится. Малейшее движение грозит разразиться войной. Это то, что мы должны предотвратить.

— А что вам в этом, генерал?

— Я известен здесь; я завоевал доверие и Виктора Гаронна, и главных участников мятежной фракции. Моя надежда — предупредить кровопролитие, стабилизировать ситуацию. Верно установленная А-линия неизбежно должна содержать обильную энергию, которую я аккумулирую здесь. Вспомните, что я говорил вам о ключевых объектах, ключевых линиях. Новая Нормандия становится сейчас ключевой линией своего вероятностного континуума с помощью артефакта, который мы принесли сюда. И с подъемом новой главной линии взойдет и наша звезда!

— И где же вступаю я?

— Десять дней назад герцог Ричард пал мертвым на публичной церемонии на виду у всего населения. Убитый, как говорят. Мятежники обвинили лоялистов в устранении реального лидера британцев; лоялисты в ответ обвиняли мятежников в убийстве человека, которого они рассматривали не более, чем вассала французского короля. Напряжение достигло критического уровня; оно должно быть снято.

— Я так и не услышал ничего, что просветило бы меня.

— Это совершенно очевидно, — сказал Рузвельт. — Как Плантагенет по рождению и воспитанию, вы выступаете в роли герцога Лондреса.

— Вы сошли с ума, генерал, — сказал я ему.

— Нет ничего проще, — сказал он, махнув рукой. — Никто не может отрицать, что вы смотрите как участник; вы достаточно

похожи на покойного герцога, чтобы быть его братом. Как бы то ни было, мы представим вас в роли более отдаленного родственника, тайно выросшего к северу от шотландской границы. Ваше появление удовлетворит наиболее фанатичных мятежников, и вы, конечно, делаете соответствующие открытия, вызывающие поступки, чтобы удовлетворить эту клику. Более конкретно, вас нанимают на диалог с вице-королем Гаронном, имея целью облегчить кризис и восстановить гражданский порядок.

— И что заставит меня сделать все это?

— Это драма самой жизни — и вы часть ее с момента рождения и до того. Вы, подобно мне, наследник мощной династии. Все, чем вы могли бы быть — то, что вашими аналогами, близкими к вам, могло быть сделано — все обширные взаимозависимости времени и истории каждого деяния этих великих кланов, провалившиеся в расцвете их силы — все эти прерванные вероятности энергии должны найти свое выражение в вас — и в мире, который вы помогаете создать!

— А как насчет моего собственного мира?

— Новая головная линия будет над континуумом,— просто ответил Рузвельт.— При повторном упрочении, которое сопровождает его стабильность, меньшими линиями необходимо пожертвовать. Империи и Распад — изолированные линии и пойдут вниз. Но это не вопрос для вас — и для меня, мистер Кэрлон. Наши судьбы лежат где-то в другом месте.

— Вы все рассчитали,— сказал я,— но тут есть лишь одно слабое место.

— Какое?

— Я не играю.

Рузвельт посмотрел, насупившись.

— Пойми меня, Кэрлон, я хотел иметь вас добровольным союзником; но, хотите вы того или нет, вы поможете мне.

— Вы блефуете, Рузвельт. Вам нужна ходячая, разговаривающая кукла, а не человек с проволокой на запястье.

Он сделал жест нетерпения.

— Говорю вам, что сожалею об этом, и о необходимости накачать вас снотворным, чтобы перенести вас сюда. Но я проделал бы это снова, десять тысяч раз, если это будет единственный путь! *Старая Империя должна подняться вновь!* Мы не обсуждаем «если», Кэрлон, мы обсуждаем «как». Примите этот вызов, и будет невообразимо блестящее положение для вас нынешнего. Отвергните меня — и вы пойдете как труп ходячий сквозь то, что могло бы стать вашим триумфом. Чего вы хотите, Кэрлон? Почета или гнилых лохмотьев? Величия или нищеты?

— Вы тщательно разработали свою версию, генерал, но от этого она не стала мне понятней.

— Мятежники сильны,— неохотно произнес Рузвельт.— На их

стороне сила, если верны слухи. Они могут овладеть противником в любой момент, когда только захотят. Единственный недостаток, — отсутствие лидера. Они будут гоняться за вами, Кэрлон, — но вместо того, чтобы привести их к победе, вы охладите их революционную лихорадку. Потому что, если они поднимутся и выбросят вон французов, результатом будет отвращение от главной линии. Семьсот лет стабильной истории будут сотрясены, создавая целый новый спектр вероятности. Мне нет нужды детализировать эффект, который это будет иметь для моих планов в Новой Нормандии!

Я улыбнулся улыбкой, которой не чувствовал.

— Вы в затруднительном положении, Рузвельт, не так ли? Вы нуждаетесь во мне — и не только для того, чтобы нести копье в третьем акте какого-то фарса, чтобы надуть местных. Зачем? Что за причина, настоящая причина, заставила вас одурманить меня в этой вашей параноидальной фантастической системе?

— Я говорил вам! Мы связаны, вы и я, на всем протяжении прошлых коридоров времени, в каждом мире в пределах тысячи лет общей истории. Когда возвращается ваша судьба, то же делается и с моей. Я могу на вас надавить, Кэрлон, но на той стадии, когда должен буду сломить вас, подчинив своей воле, наш взаимосвязанный рост уменьшается. Присоединитесь ко мне по доброй воле, даруйте мне свою *мана* — и все, чего мы пожелаем, окажется на расстоянии протянутой руки!

— А если я откажусь?

— Я хочу вашей добровольной помощи, — сказал он стальным голосом. — Но ваш сломанный мозг и тело, звенящее от напряжения, тоже могут послужить мне, на худой конец.

— Все, что вы сказали, подтверждает одну очень ясную идею, которую я вынес из всего этого, Рузвельт: чем бы ни была эта борьба, вы находитесь на одной стороне, а я на другой.

— Я могу сломать вас, Кэрлон. Более сильный человек всегда может сломать более слабого. Простая демонстрация будет достаточной, чтобы подтвердить мою точку зрения. — Он принял позу «ноги врозь» и поднял руки на уровень плеч, улыбаясь.

— Кто первый опустит руки, признает, что другой — высший — по крайней мере, в данном незначительном случае.

Я вытянул руки. Такое усилие заставило трепетать мой пульс, но слезы у меня не брызнули. Если Рузвельт хочет играть в эти игры, я охотно поддерживаю его в этом. Машина по производству гамбургеров может и подождать.

— В каждом мире, в любое время определенных людей формирует реальность, — внезапно сказал Рузвельт. — Здесь, сейчас это старое правило еще в силе — но станет потенциально более мощным при существовании титанических новых сил. Эти силы к услугам любого, кто сможет властвовать над ними. Судьба — вещь хрупкая,

Кэрлон. Бессмысленная, контролируемая бичом сильной личности. Позвольте Александру отправиться завоевывать мир; мир станет таким, каким сделает его он. Без Александра не было бы ни Цезаря, ни Атиллы, ни Мухаммеда, ни Гитлера в вашем мире, ни Гильельмо Массони в линии Ноль-Ноль. Люди творят судьбу, нет другого, окружного пути. Вы видели это, продемонстрировали, что получается, когда мы боремся вместе спина к спине. Мы вдвоем формируем острова стабильности вокруг себя даже в мире бесформенности. Но только один из нас может формировать космос по своей воле. И это будет моя воля. Я буду доминировать — не потому, что ненавижу вас — у меня нет причин для враждебности, а потому, что должен — как Александр должен был разбить Дария.

— Смешно, — сказал я. — Я никогда не имел ни малейшего интереса к формированию космоса по своей воле и не хочу видеть, как его формируют по вашей воле. Дом никогда не значил для меня многого, но я не готов увидеть, как он вспыхнет и обрушится, чтобы дать вам насест для правления.

Рузвельт кивнул.

— Я полагаю, что нечто вне нас обоих, Кэрлон, записано на звездах, как говорят. На протяжении семисот лет ваши и мои предки боролись за право править континуумом. Думай об этом, Плантагенет! В тысяче биллионов альтернативных мировых линий ваш клан и мой боролись на протяжении веков, чтобы доминировать над миром, ничего не зная о других, ведомых общим инстинктом осуществить в нем присущий им потенциал. И тогда — день катаклизма, когда Распад пронесся над ним, чтобы стереть начисто их корень, стебель и ветвь — все, кроме одного человека в моей линии и одного в вашей.

Прошло около десяти минут с тех пор, как началась игра. Яростная боль прострелила тыльную сторону моих рук и плеч. Рузвельт еще стоял прямо, как статуя. Его руки не дрожали.

— Мне сказали, что Распад датируется восьмидесятыми, — сказал я. — Вы были несколько юны, чтобы запомнить его — если только у вашего Империаума нет какой-либо космической техники, что побивает любую старость, и которой достиг Голливуд.

— Я говорю вам, чему меня учили, что обнаружили мои исследования, что мне было сказано... — Он оборвал себя.

— Я думал, что это было целиком вашей идеей, Рузвельт.

— Сказано — моим отцом, — ответил мой соперник. — Он посвятил свою жизнь убеждению, что где-то каким-то образом наше время снова придет. Его мир исчез — как может такая слава навсегда исчезнуть без следа?

Он работал, изучал и в конце концов сделал свое открытие. Тогда он был стар, но переложил этот долг на меня. И я хорошо его выполнил. Сперва я трудился, чтобы завоевать высокое положение в Имперской безопасности — организации, знающей секреты Сети.

Это дало мне платформу, с которой стало возможно подготовить эту линию — Новую Нормандию, — она будет сосудом, что будет содержать и формировать силы Распада.

Я должен был собрать свою волю, чтобы удержать руки на уровне плеч. Каким-то образом мне показалось важным не проиграть в игре Рузвельта. Если тот и страдал, то не показывал этого.

— Вы устали? — спросил он участливым тоном. — Бедная матушка-природа так слепа в своих попытках защитить тело. Она посылает боль в качестве предупреждения, во-первых. Затем, мало-помалу она вызывает поражение нервов. Ваши руки начинают провисать. Вы со всей своей силой воли попытаетесь держать их выше, чтобы пересилить меня, неизбежно вашего господина. Но вы проиграете. О, сила здесь, но Природа вынудит вас управлять вашей силой. Так что, хотя вы, быть может, и хотите сами вытерпеть пытку усталости до смерти от истощения, она вам не позволит. Вы будете страдать — ни за что. Жаль, Кэрлон!

Я был рад, что он чувствовал потребность поговорить. Это удерживало мой мозг от горячих клещей, вцепившихся мне в шею сзади. Я пытался заново разжечь искорку гнева — другой трюк матушки-природы, только на этот раз с моей стороны. Я хотел, чтобы он продолжал болтать, но в то же самое время убеждал себя, что он, к сожалению, начинает чувствовать.

— Видеть вас падающим — этого воистину стоит подождать.

— Но вы не увидите! Я сильнее, чем вы, мистер Кэрлон. Я с детства каждый день тренировался в таких упражнениях — и в ментальном контроле, который им сопутствует. В возрасте семи лет я мог держать фехтовальную рапиру на пальцах вытянутой руки в течение четверти часа. Для меня это буквально детская игра. Но не для вас.

— Ничего, — сказал я весело. — Я могу стоять здесь весь день.

— Прошло всего четверть часа. Как вы почувствуете себя еще через пятнадцать минут, а, мистер Кэрлон? И через полчаса? — Он улыбнулся, но не совсем такой улыбкой, которая понравилась бы ему самому. — Несмотря на собственное желание, вы потерпите неудачу задолго до этого. Простая демонстрация, Кэрлон, но необходимая. Вы должны понять, что во мне вы встретили превосходящего вас противника.

— В этом есть свой плюс, — сказал я. — Может быть, этим предполагается удержать мое внимание, пока ваш приятель нацеливает пронизывающий луч на мой мозг — или что-либо еще, что делают сумасшедшие ученые.

— Не говорите глупостей, Кэрлон, — Рузвельт чуть ли не отрубал слова, — или, почему нет, да, я вижу. — Он улыбнулся, и напряжение исчезло с его лица. — Очень хорошо, мистер Кэрлон. Вы почти начали возмущать меня. Хорошо продуманная тактика. Такие

развлечения могут заметно истощить выносливость. Кстати, как себя чувствуют ваши руки? Слегка отяжелели?

— Прекрасно, — ответил я тоном, в котором, надеюсь, была хоть какая-то легкость. — А как насчет ваших?

Линия огня иглой пронзила мои трапециевидные мышцы, поиграла вокруг локтей, уколола кончики пальцев. Моя голова болела. Рузвельт выглядел так же хорошо, как и в начале. Теперь он таращился вглубь комнаты, мимо моего лица, и молчал. Это беспокоило меня. Я хотел, чтобы он говорил.

— Держаться прямо — трудная работа для языка, а? Но я буду иметь преимущество перед вами, Рузвельт. Вы выбрали не того человека. Я рыбак. Мне частенько приходилось бороться с волнами по восемь часов в напряжении. Для меня это прекрасный отдых.

— Грязная ложь, Кэрлон. Я ждал от вас большего.

— Циркуляция — слабое место, — сказал я. — Солдаты, которые могут маршировать целый день с полной выкладкой, на параде, случалось, падали в смертельной слабости. Когда стоишь смирно, не двигаясь, ограничивается приток крови к мозгу, и в самых печальных случаях это приводит к обмороку. Некоторые не переносят этого. Ничего против них, просто особенности метаболизма. Он никогда не беспокоил меня. Хорошая циркуляция. Как насчет вашего?

— Великолепно, уверяю вас.

— Но вы перестали разговаривать. — Я выдал ему ухмылку, которая стоила мне года жизни.

— Я сказал все, что намеревался.

— Я вам не верю. Вы законсервировали лекцию номер три, готовую к употреблению. Я вижу это по вашим глазам.

Рузвельт рассмеялся неподдельным смехом.

— Мистер Кэрлон, вы мне по сердцу. Хотел бы я, чтобы мы встретились в другое время и в другом месте. Мы могли бы быть друзьями, вы и я.

После этого никто из нас ничего не сказал. Я обнаружил, что отсчитываю секунды. Прошло уже около двадцати минут, может, капельку меньше. Я осознал, что одна рука обвисла, и снова перевел ее обратно. Рузвельт слабо улыбнулся. Прошло еще какое-то время. Я думал о чем-то, потом попытался не думать ни о чем. Мне пришло в голову, что древние китайцы проводили уйму времени в попытках сконструировать железных девушек и расщепителей бамбука. Пытка — вид спорта, в которой можно играть без инвентаря. И рузвельтовская версия была двойным вызовом, потому что только она могла вынудить меня стать самим собой. Я мог бы бросить сейчас, рассмеяться и начать следующий раунд. Это была схватка. Будет следующий раунд — и еще один после этого.

Его приемом было заставить меня думать, что я проиграл — и я проиграю.

Но это не прошло. Один выигрыш решительно ничего не значит. Считается только капитуляция. И раз я понял это, я почувствовал себя лучше. Боль походила на огненные ножи, но это была только боль, что-то, что можно вытерпеть, пока она не кончится. Я рывком распрямил плечи обратно в прямую линию и уставился на него сквозь исчезающий свет...

и пришел в себя лежа на полу. Рузвельт стоял надо мной. Его лицо казалось пожелтевшим и вытянутым.

— Попытка достойная, Кэрлон, — сказал он. — Час и двенадцать минут. Но, как видите, вы проиграли. Как вы всегда должны проигрывать, потому что проигрывать мне ваша судьба. Теперь — хотите ли присоединиться ко мне добровольно?

Шатаясь, я встал на ноги, чувствуя дурноту и легкое жжение, все еще пылающие в моих плечах. Я поднял руки в позу креста.

— Готовы попытаться вновь? — спросил я.

Рузвельта передернуло, но он рассмеялся. Я усмехнулся в ответ.

— Вы боитесь, Рузвельт, не так ли? Вы видите, как ваш стратегический план трещит по швам — и боитесь.

Он кивнул.

— Да, я боюсь. Боюсь своей собственной слабости. Вы видите — хотя это может казаться невероятным — я истинно хочу, чтобы вы были частью его, Плантагенет. Глупая сентиментальность, но вы, как и я, человек древнейшего племени. Даже бог может быть одиноким — или дьявол. Я предлагаю вам сотрудничество. Но при первой возможности вы обернулись против меня. Я должен был бы знать это. Я усвоил урок. Я не имел выбора. Сейчас мой курс ясен.

— Вы дьявол с изъязном, Рузвельт, — заявил я. — Мне жаль вас. Он покачал головой.

— Я не хочу никакой вашей жалости, Плантагенет, как не хочу вашей дружбы. Чего я хочу от вас, я возьму, хотя это разрушит вас.

— Или вас.

— На этот риск я пойду. — Он сделал знак ожидающей охране, и они сомкнулись вокруг меня. — Проведите следующие несколько часов в медитации, — сказал он. — Сегодня ночью вы будете облечены почестями герцогства, а завтра повисните на цепях.

Подвалы под дворцом вице-короля имели все, что и должно было быть в таких подвалах с глухими каменными стенами и железными дверями, тусклыми электрическими лампами, что были хуже коптящих факелов. Вооруженные люди в форме шотландской гвардии, что сопровождали меня с верхних уровней, подождали, пока дородный человек с круглым лоснящимся темным лицом открыл решетку винного погреба на каменном ящике 6×8 с соломой. Ему показалось, что я двигался недостаточно быстро для него; он собрался

отвесить мне тумак, поторапливая, но не нашел места приложения. Рузвельт появился как раз вовремя, чтобы отбить его руку назад, к его собственному толстому лицу.

— Вы обращаетесь с герцогом королевства, как с обычным преступником?— рявкнул он.— Вы недостойны касаться пола перед его ногами.

Другой схватил ключи толстяка, открыл нам путь вдоль узкого прохода, отпер дубовую дверь в большую камеру с кроватью и окном-бойницей.

— Здесь вы поразмышляете на покое,— сказал мне Рузвельт,— пока не понадобится мне.

Я лег на кровать, дождался, пока гул в моей голове понизится до переносимого уровня...

... и проснулся от голоса, звучащего не в моей голове, шепчущего:

— Плантагенет! Держитесь! Ждите сигнала!

Я не шелохнулся и ждал, но больше ничего не произошло.

— Кто это?— прошептал я, но никто не ответил.

Я поднялся и проверил стену в головах и саму кровать. Это были просто кровать и просто стена. Я подошел к двери и прислушался, потом подпрыгнул и выглянул в шестидюймовую щель светового колодца.

Никаких мерцающих окошек с веревками, привязанными к ним, никаких потайных дверей в потолке. Я был заперт в камере без каких бы то ни было выходов наружу и всего прочего. Вероятно, голоса были придуманы для манипуляции людьми, были еще одним из тонких приемов Рузвельта, либо чтобы подавить мое сопротивление, либо чтобы убедить меня в безумии. Он действовал очень мило в обоих направлениях.

Я видел чудесный сон о месте, где цветы росли крупнее кочанов капусты на деревьях за тихим озером. Там была Иронель, она шла ко мне по водной глади, которая раскололась, и пока я пытался добраться до нее, цветы обернулись головами, что выкрикивали мне угрозы, а ветви стали руками, что хватали и трясли меня...

Руки трянули меня, чтобы разбудить, в лицо мне светил фонарь. Человек в аккуратной форме с нерво-автоматом без кобуры повел меня по переходам и вверх по ступенькам в комнату, где ждал Рузвельт, разодетый в пурпурный бархат, горностаи и петли из золотого шнура. Покрытый драгоценностями меч, длинный, как гарнизонный флаг, висел у его бока, как приклеенный. Он ничего не говорил, молчал и я. Никто не интересовался последними словами обреченного.

Слуги гроздьями толпились вокруг, прилаживая ко мне тяжелое облачение из шелка, атласа и золотой нити. Цирюльник подстриг мне волосы и облил духами, кто-то приладил на мои ноги красные кожаные туфли. Рузвельт собственноручно застегнул широкий па-

рчовый пояс вокруг моей талии, и помощник портного приладил к нему украшенные драгоценными камнями ножны. Рукоятка, выглядывавшая из ножен, была обитой и без украшений. Это был мой старый нож, выглядевший нелепо среди такого великолепия. Оружейник услужливо предложил мне сияющий меч, но Рузвельт отмахнулся.

— Ваша единственная собственность, Кэрлон, а? — сказал он. — Он разделяет вашу сильную ауру. Пусть он будет с вами — в ваш момент славы.

Снаружи в коридоре нас ждала процессия с торчащими дулами автоматов в ненавязчивой близости ко мне. Рузвельт держался рядом со мной, пока мы поднимались по широкой лестнице в гулкий зал, стены которого были увешаны копьями, знаменами и портретами с умными лицами. Зал заполняли люди в париках, блестках и лентах. За отверстием арки я увидел высокое окно с цветными стеклами над алтарем под балдахином и узнал, где нахожусь.

Я стоял на том же месте, где стоял с Иронель и грифойном Вроделиксом как раз перед тем, как Рузвельт в первый раз попытался добраться до алтаря. Сейчас пол был устлан ковром в золотых розах, в воздухе стоял запах ярости; дерево светилось тусклым сиянием воска — но это была та же самая комната — и не та же самая. За исключением тысячи лет истории.

Мы остановились, и священник в красном одеянии, тонколицый человек в лентах, легком взбитом паричке пришел в действие, качая ритуальными предметами вперед и назад, кивая головой каждому и бормоча заклинания.

Предполагаю, что это была весьма впечатляющая церемония в древнем помещении с задрапированным дамаском, почерневшими от времени балками, но я вряд ли обращал на нее внимание. Я продолжал вспоминать Иронель, ведущую Рузвельта к своему Красивому Месту, чтобы тот мог разрушить его.

Запах ненависти был силен достаточно, чтобы жечь мне глаза. Я принюхался получше и обнаружил, что вдыхаю нечто более материальное, чем воображаемый запах, вполне реальное, исходящее откуда-то от горящего дерева, ткани и краски. В воздухе стоял тонкий дымок с медноватым оттенком.

Рузвельт посмотрел назад; старший священник прервал свою игру. Автоматчики потеснились ко мне поближе с обеспокоенным видом. Рузвельт рявкнул несколько приказов, и я услышал вопли снаружи большой комнаты. Волна жара прокатилась над нами, и вечеринка расстроилась. Четыре автомата подтолкнули меня к арке. Если это был сигнал, он был превосходен, но вряд ли я мог что-либо сделать при этом. Команда автоматчиков прорезала путь через толпу нотаблей, которые беспокоились, кашляли, половиной голов на одной дороге, половиной на второй. Мы добрались до низких сту-

пенек, и двое новых гвардейцев вошли с флангов, произошла некая торопливая работа ногами, и они оказались рядом со мной, и толпа сомкнулась вокруг нас в борьбе за позиции. Старикан в розовом с золотом и с париком asgew утвердил свое лицо рядом с моим.

— Сделайте одолжение, налево, ваша Милость,— прошипел он.

Я еще перерабатывал это, когда увидел, что ближайший гвардеец приставил нерв-автомат к почкам своего напарника и нажал кнопку. Откуда-то вышли еще двое в форме; я расслышал сзади себя глухой удар, и мы оказались на свободе, вылушившись из края основной толпы, и направились прямо в дым.

— Лишь несколько ярдов, ваш'Милость,— пропищал старикашка.

Дверь открылась, и мы затопали по лестнице, ведущей вниз. На площадке все четыре стража расстались со своими форменками и, отбросив их в сторону, натянули комбинезоны рабочих из склада за дверь. Старый приятель закопал свой парик и плащ, оказавшись в черной ливрее фурмана. Они накинули на меня длинный серый плащ. Вся операция походила на хорошо отрепетированный балет и заняла не больше двадцати секунд.

На нижнем этаже мы протиснулись сквозь строй зрителей, пожарников, нескольких опоясанных эрлов, священников с митрами, и никто не обратил внимания на ремонтную команду в грязных комбинезонах.

Старик вел нас к проходу, где с озабоченным лицом стоял одинокий охранник. Он встал у нас на пути. Старик поднял палец и повел им вправо, в то время как другой рукой отточенным движением резанул его за ухом, после чего мы оказались в проходе и побежали.

Две испуганные женщины со щетками видели, как мы пересекли кухню и через дверь между банками с припасами нырнули на неосвещенную аллею. Припаркованный там грузовик завелся с отчаянным хлопаньем клапанов и черным керосиновым выхлопом. Я перепрыгнул через задний борт, за мной вскарабкался старик, и грузовик рванулся вперед.

Через три минуты он замедлил ход и остановился. Я услышал голоса, доносившиеся спереди, стрекот автоматов и стук ботинок по булыжной мостовой. Через минуту щелкнула передача, и мы тронулись в дальнейший путь. На противоположной скамье мой новый друг с облегчением перевел дыхание и ухмыльнулся.

— Сработало, как по волшебству,— заявил он, кашлянул и потер руки.— Как по кровавому волшебству, прошу прощения у ваш'Милости.

Имя старика было Вилибальд.

— Наши друзья ждут вашу Милость,— сказал он.— Испытан-

ные британцы, все они, каждый — шотландец — что надо. Простые люди, ваш'Милость, но честные! Ничего похожего на этих черных стражей, изменников из этого дворца, в их шелках и драгоценностях!

Он заскрежетал деснами и кивнул головой.

— Это была честная игра, Вилибальд,— сказал я.— Как вы все это устроили?

— Среди голубых курток есть настоящие люди, ваш'Милость. Тюремщик — один из них. Он пытался поместить вашу Милость в безопасную камеру — одну из тех, к которым у нас есть туннель — но его высокоблагородие господин барон не хотели ни одной из них. Так что это заняло немного больше времени. Но сейчас ваш'Милость все равно здесь! — Он хихикнул и со скрипом потер руки одна об другую, как крылья сверчка.

— Вы с мятежниками?

— Некоторые зовут нас мятежниками, ваш'Милость, но для честных людей мы патриоты, поклявшиеся освободить эти острова от французской проказы!

— Почему вы выбрали меня?

— Почему? Почему? — Старик казался ошеломленным.— Когда до побережья дошла весть, что Плантагенет поселен в гробнице вице-короля, каким курсом мог следовать лояльный британец, ваш'Милость? Разве ваш'Милость полагает, что мы оставим его гнить там?

— Но я не... — начал я и оставил фразу висеть в воздухе.

— Что «не», ваш'Милость? — спросил Вилибальд.— Не удивлен? Конечно, нет. На этом острове десять миллионов британцев, поклявшихся освободить эту землю от тирании!

— ...собираюсь терять время зря! — закончил я фразу.— Мы ударим немедленно.

Движение на этой дороге представляло собой мешанину из карет, запряженных лошадьми; больших и изрядно устаревших грузовиков с открытыми кабинами; ярких машин с опущенными носами, выглядевших так, словно их сделали из хлебниц, и небольших, сверкающих голубым военных экипажей.

По словам Вили, вице-король концентрировал свои силы вокруг вооруженных портов, готовых прикрыть высадку подкрепления, если разговор о восстании выкристаллизируются в действие. Место, куда мы направлялись, — поместье сэра Джона Лэклэнда.

— Проведенный в темную джентльмен,— сказал Вили,— но денежный из древнего рода.

Весь следующий час он перескакивал с одного на другое, знакомя меня с ситуацией на месте. Повстанцы, клялся он, готовы подняться. И, согласно Рузвельту, если они поднимутся, то победят.

— Увидите,— сказал Вили,— лояльные британцы поднимутся до последнего человека и примкнут к знамени вашей Милости!

После часовой гонки мы свернули на боковую дорогу и, проехав меж двух толстых столбов, проследовали по подъездной дороге, ведущей через ухоженные леса в покрытый гравием двор перед трехэтажным зданием с цветочными ящиками, оцинкованными окнами и полудеревянными фронтонами, смотревшими, как настоящие. Ступеньки вели на широкую веранду. Старик в причудливом колете, черных штанах и домашних шлепанцах провел нас внутрь. Увидев меня, он захлопал глазами.

— Его Милость должен немедленно повидать сэра Джона,— сказал Вили.

— Сэр Джон должен быть в постели эти два дня. Легкая лихорадка. Он не принимает...

— А сейчас должен,— оборвал его Вили.

Старик вздохнул, затем провел нас в затененную комнату, полную книг, и зашаркал прочь.

Я разглядывал книги на полках — большей частью обтянутые кожей тома с заголовками типа «Истории Дворов» или «Коннектикутская кампания». Минут через пять или около того дверь открылась и вернувшийся старик пропищал, что сэр Джон хотел бы видеть нас сейчас же.

Глава дома находился в спальне на верхнем этаже. Это был старый аристократ с сухим лицом, острым носом, шелковыми черными бровями и усами, аналогичной бахромой волос вокруг высокого лысого купола. Он полусидел в постели, не меньшей, чем каток, наполовину погребенный в фиолетовое атласное одеяло с вышитой монограммой и зашнурованный сильнее, чем голливудский епископ. На нем было шерстяное коричневое ночное платье с атласными отворотами, обернутое вокруг него, и вязаная шаль поверх всего, хотя даже при всем этом кончик носа казался замерзшим. При виде меня он немедленно выпрыгнул из постели.

— Что — сейчас..? — Он переводил вытаращенные глаза с меня на Вили и обратно.— Почему вы пришли сюда — что, больше некуда?

— Где еще я мог бы найти друзей? — отступил я.

— Друзей? Я слышал, что вице-регент объявил о претенденте на герцогское наследство, но я вряд ли мог ожидать увидеть его присутствующим лично здесь в таком виде.

— Как вы узнали, что я тот человек, а не самозванец?

— Как-как — кем еще вы можете быть?

— Вы имеёте в виду, что он принял меня за настоящего? Я рад, сэр Джон, ибо пришло время действий.

— Действий? Каких?

— Освобождение Британии.

— Вы сошли с ума? Вы несете разорение моему дому — и всем нам! Мы, Плантагенеты, всегда жили терпимо! Убийство герцога Ричарда показало нам, как ненадежно наше положение...

— Кто убил его?

— Ну, люди Гаронна, конечно.

— Удивляюсь. С точки зрения вице-короля, это был глупейший поступок. Он объединил против него британцев гораздо прочнее, чем сам Ричард, когда был жив.

— Догадки. Пустые предположения,— пробурчал сэр Джон.— Вы пришли сюда, непрощенный, проповедовать измену! Что я о вас знаю? Вы воображаете, я поставлю на выскочку?

— Вряд ли, сэр Джон,— с негодованием заявил Вили.— Один взгляд на него...

— Что я знаю о нем, приятель? Неужели любой рыжеволосый переросток-мужлан, который позаботится провозгласить себя герцогом, должен быть принят без всяких вопросов?

— Трудно поверить, сэр Джон...

— Довольно! Это дело подождет решения до тех пор, пока я не смогу созвать некоторых влиятельных людей. Тем временем я дам вам убежище. Большого сделать не могу.

Лэклэнд вонзил в меня взгляд, как кинжал в ребро, и дернул за шнур колокольчика. Старый слуга появился со скоростью, которая предполагала, что он стоял поблизости.

— Покажите милорду его апартаменты,— Лэклэнд выталкивал слова меж губ, сжатых как «воротник Гувера»,— и комнату мистера Вилибальда на нижнем этаже.

Я следовал за своим гидом по коридору до хорошо проветренной комнаты с высоким сводом, большими окнами, к которой примыкали гостиная и ванная. Старик показал мне мыло и полотенце, остановился у двери и кинул на меня лукавый взгляд.

— Мне дошатавило шердешнюю радощь слышать, как ваша чешть маненько наглубила его лордшту, — хихикнул он.— Утомительное это время было ш тех пор, как наштоящий, воинштвенный гершог поштавил ногу на ждешний берег, прошу прощения, ваша чешть.

— Ты подслушиваешь у замочной скважины, а? — усмехнулся я ему.— Разбуди меня, когда клан соберется. Я не хочу ничего пропустить.

— Положитеш на меня, ваша Милошть,— сказал он и вышел.

Я скинул ботинки в темноте, лег и соскользнул в сон о рыцарях, сидящих верхом на лошадях с копьями наперевес против массивного пулеметного огня.

Я вернулся с какого-то дальнего пути с помощью руки, трясущей меня за плечо. Ломкий старческий голос проговорил:

— Они ждешь, ваша Милошть! Милорд Лэклэнд ш ними,

ижучает чекущий момент. Ешли я не ошибаюшь, жло на пороге!

— Лэнклэнд знает, что ты здесь?

— Не, никто иж них, ваша Милошть.

По лестнице мы спустились вниз и прошли через холл к двери, у которой стоял часовой. Вили подошел ближе, повернулся и быстро мотнул мне головой, приложив руку к уху, прислушался.

— ...самозванец, джентльмены,— говорил Лэкклэнд.— Не истинный британец, но ставленник Гаронна, купленный на французское золото и посланный сюда, чтобы предать всех нас...

Я распахнул дверь и вошел. Разговор пресекся, как выключенный. Здесь, вокруг длинного стола сидело около дюжины людей с Лэкклэндом во главе. Они были одеты в разнообразные костюмы, но отличительной чертой у всех были меха, бархат и меч, висающий у бедра. Ближайшим был крупный, широкоплечий мужчина с курчавой черной бородой и яростными глазами. Увидев меня, он шагнул назад и удивленно посмотрел сверху вниз.

— Не дайте его лицу и фигуре обмануть себя! — плевался словами Лэкклэнд.— Он захватит контроль над восстанием и «наденет мундир наизнанку», пойдет на условия Гаронна! Может он пре небречь ими?

Он указывал на меня пальцем, дрожащим от гнева.

Я не стал отвечать немедленно. То, что он говорил, в точности соответствовало плану Рузвельта. Казалось, где-то здесь для меня было какое-то сообщение, но оно явно не дошло.

— Видите?— закричал Лэкклэнд.— Изменник даже не пытается этого отрицать!

Чернобородый вытащил свой меч с раздражающим кожу скрежетом.

— Ловкий удар!— сказал он высоким резким голосом.— С ма-рионеточным Плантагенетом, пляшущим на его ниточках, Гаронн выполнил то, о чем мечтал Луи целых семь веков! Общее покорение Британии! — Вмиг еще несколько мечей вышли наружу и окружили меня.

— Плюнь на него, Тюдор!— завизжал Лэкклэнд.

— Стоп! — Вилибальд встал у дверей с огнем в старческих глазах.— И вы хладнокровно убьете вашего герцога. Во имя Свободной Британии, я скажу, что он заслуживает лучшего слушания дела, чем пасть от ваших рук, ваши лордства!

На мгновение все замерли — никто не шелохнулся,— и в тишине я услышал гудящий звук, далекий, но приближающийся. Остальные тоже слышали его. Глаза, как на шарнирах, повернулись к потолку, словно могли смотреть сквозь него. Потом кто-то бросился к окну и отдернул занавеси, чтобы выглянуть наружу. Другой прыгнул к выключателю у стены. Тюдор не двинулся, когда потемнели канделябры, оставив только тот свет, что просачивался из холла.

— Самолет!— выкрикнул человек у окна.— Проходит прямо над нами!

— Это был трюк, чтобы собрать нас здесь вместе!— рявкнул худощавый мужчина в желтом и занес свой меч для удара.

Я видел это краем глаза — наблюдая за Тюдором. Его челюсти сжались крепче, сухожилия шеи напряглись, и я понял, что сейчас последует бросок.

Я повернулся боком с наклоном вперед, и кончик меча отстриг гофрированные оборки у меня на груди. Мой ответный свинг попал прямо в скулу, опрокинул его на стол, как раз когда в комнате воцарилась смоляная темнота. Моторы звучали так, как будто находились над каменной трубой. Куски старого хлама падали с кровли.

— То-то! То-то! — донеслось справа, и звук мотора стал приглушенным, затем стих. Я услышал звяканье разбитого стекла, но потолок не провалился. Я скользнул вдоль стены к двери и услышал топот ног, рвущихся к ней, опрокидывая стулья. Кто-то врезался в меня, пришлось сграбастать его и отбросить от себя. Я нашел дверь, вышел и еле разглядел большой холл в лунном свете, доходящем сквозь свинцовые стекла галереи. В шуме моторов бомбардировщика тонуло множество воплей, затем вспышка света залила помещение, и стена, казалось, вспрыгнула наружу из-под ног. Когда вещи перестали падать, я был весь в синяках, но еще жив. Вилибальд лежал в нескольких футах от меня, покрытый пылью и обломками кирпичей. На его ноге у колена лежала балка; к этому времени мне стало ясно, что пора планировать третий побег.

Со стариком на плечах я добрался до заднего коридора как раз в тот момент, когда фасад дома обломился. Через кухонную дверь я выскочил наружу, пересек травяную лужайку, засыпанную кирпичом. Кровь из раны на голове заливала глаза. Я добрался до опушки, и мои ноги подогнулись.

Крыша дома исчезла, пламя запылало на сотню футов в высоту, закипая клубами дыма, что сияли оранжевым снизу. На фоне огня вырисовывалась скорлупа стен, еще стоящих черными силуэтами, а окна были оранжевыми прямоугольниками на черном фоне.

Вдруг я услышал странный звук и попытался подняться, чтобы убраться подальше, насколько позволяли мои руки и ноги. Но тут из темноты вышли трое мужчин с опаленными бородами и мечами и окружили меня.

Один из них был Тюдор. Он подступил поближе, и я взял себя в руки для броска, но в это время все трое повернулись и посмотрели на дом. Свет медькал среди деревьев и вдоль дороги; куски коры прыгали со стволов деревьев зади меня. Но вот опрокинулся на спину ближайший от меня человек; мужчина рядом с ним повернулся и тоже упал. Тюдор рванулся бежать, но это был неверный

ход. Я увидел, как пуля врезалась ему в шею и отбросила его футов на шесть лицом вниз.

На дороге появились перешедшие на бег люди в голубых формах. Я отполз, но внезапно возник Вилибальд. Его редкие волосы были в порядке, на лице пот. Он, как и я, находился ниже линии огня, и с ним было все в порядке.

— Беги, Вили!— завопил я.

Он заколебался на миг, затем повернулся и скрылся в лесу. А меня окружили угрюмые солдаты в шлемах с дымящимися ружьями наготове. Я ожидал дальнейшего развития событий.

ГЛАВА 10

Полковник Байярд ждал меня в гараже Имперских Челноков, когда я вернулся на обратном луче.

Неделю я провалялся в прекрасной постели под опекой самой хорошенькой из медсестер, что когда-либо измеряли температуру. Байярд провел множество времени со мной, дополняя детали.

— Мы должны соединить вместе куски той истории,— говорил он мне.— Семьдесят лет назад, когда Распад стер большую часть нашего континуума альтернативных мировых линий, один человек спасся от общего разрушения. Он был важным действующим лицом в Правительстве ключевой линии района Распада.

Он стал способствовать экспериментам, злоупотребляющим челноками, что и привело к несчастью. Он ухитрился управлять грубой экспериментальной машиной и через Сети добрался до линии Ноль-Ноль — одной из немногих с достаточно стабильным окружением, чтобы пережить катастрофу.

Этот мир ему не понравился. Дома он был властью, стоящей за тронем Оранжевых, которая правила половиной планеты. Здесь он был никто — хотя и не без способностей. Со временем он поднялся до верхних позиций в Имперской Службе Транссетевых Связей, но сердце его никогда не лежало к этой работе. Его настоящим устремлением было восстановить старую империю. За время своей жизни он не преуспел, но передал это по наследству своему сыну, а затем и внуку.

Очевидно, невозможно одному человеку свергнуть правительство Империума собственноручно. Ван Рузвельт нуждался в другой линии, вне Распада, в которой вынашивал свой план. Они выбрали Новую Нормандию. Это был адекватный технический уровень, политически нестабильный и управляемый сильной рукой — и у него была удобная историческая основа, на которой можно было строить. Намерение Рузвельта было разжечь восстание, играя французами против британцев, и, когда обе стороны истощатся и дискредитируют

себя, выступить с маленькой, но высокоорганизованной группой иррегулярных войск и захватить власть.

Скоро он научился понимать, что это не так легко, как он предполагал. Герцог Лондреса был важной ключевой фигурой, которой было нелегко манипулировать. Он убил его — и обнаружил, что благодаря его вмешательству из внешней линии, он создал массивный вероятностный дисбаланс с результатами, которые увидел даже здесь, дома. Он должен был восстановить стабильность. А это — значило подавить мощь Плантагенетов однажды и навсегда, поскольку, пока был жив один из них, где бы то ни было, силы вероятности концентрировались бы на нем, вынуждая его стать театром событий и создавая вокруг него субъядро стабильности. Рузвельт не мог позволить этого: ему нужна была вся вероятностная энергия: чтобы он мог командовать и сделать выбранную линию достаточно стабильной, чтобы противостоять Распаду.

Просто выбить Плантагенетов не помогло бы, ему была нужна их сила, *мана*, чтобы добавить к своей. Так было, когда выступили вы. Он использовал очень специфические инструменты, которые его дед принес с собой в своем оригинальном челноке из Оранжевой линии, чтобы проследить свойства по всей Сети — и нашел вас. Я знаю, вы просто рыбак, вы ничего не знали о Плантагенетах, но линии вероятности концентрировались вокруг вас. Он намеревался использовать вас как головную фигуру в восстановлении стабильности Новой Нормандии, позволив вам разрушить свою мощь в безнадежной войне, а затем предложив бегство. Ценой было ваше согласие на его старшинство.

Свою первую ошибку он совершил, когда тайно арестовал шефа Имперской Безопасности, барона ван Рихтгофена. У Манфреда есть друзья; мы не были удовлетворены историей Рузвельта о внезапном приступе. И все-таки он был мягкосердечен или боялся разрушить слишком много важных жизнеспособных линий в Империи. Он должен был убить его и меня тоже. Но он не сделал этого.

Они вытащили меня из камеры, где я был, через несколько часов после того, как он отбыл с вами на свою операцию в Распаде. Мы пытались последовать за вами, но разразился шторм, и мы с трудом смогли вернуться.

Когда Рузвельт не вернулся, мы начали поиски. Наши инструменты «накололи» его в Новой Нормандии. Когда я прибыл, все уже закончилось — как вы знаете. Мы не нашли следа Рузвельта. Я предположил, что он был убит в битве. Вам повезло самому остаться в живых.

В версии Байярда о происшедшем было несколько дыр, но все в целом было верно. Это перекрывало основные точки и, кажется, удовлетворяло всех. Со смертью Рузвельта шторм затих сам собой. Больше не было поганок, растущих в архивах. И Имперские посред-

ники быстро утихомирили Новую Нормандию при помощи свободного парламента.

Но существовало еще что-то, беспокоившее Байярда. Когда я покинул госпиталь, он показывал мне город, брал меня на концерты и в рестораны, закрепил за мной прекрасную квартиру до тех пор, пока она меня устраивала. Он не думал возвращать меня домой, об этом не думал и я. Как будто мы оба ждали, пока что-нибудь значительное не повиснет надо всем.

Мы сидели за столом на террасе ресторана в Упсале, когда я спросил его об этом. Сперва он пытался легко обойти этот вопрос, но я устоял: ему в глаза, не отводя взгляда.

— Вы должны будете сказать мне рано или поздно,— заявил я.— Это зависит от меня, не так ли?

Он кивнул.

— В Сети еще чувствуется дисбаланс. Сейчас это не важно, но со временем он будет расти, пока не начнет угрожать стабильности Империи — и Р-И Три, и Новой Нормандии; каждой жизнеспособной линии континуума. Распад — это рак, который никогда нельзя сдержать в постоянных границах. Существует неполнота, и, как в электрической цепи, она стремится заполниться.

— Продолжайте.

— Наши приборы показывают, что оборванная линия концентрируется вокруг вас и меча Балиньор.

Я кивнул.

— Я не часть этой линии, не так ли? Вы должны отправить меня обратно в Ки Уэст и позволить мне заниматься рыбной ловлей.

— Это не так просто. Семьсот лет назад одна ключевая фигура в предшествующей линии вступила в свод действий, которые закончились созданием холокауста. Стабильность никогда не будет достигнута, если вероятностные линии, что были прерваны тогда, не будут приведены к своему источнику.

Это было все, что он сказал, но я понял, о чем он пытался сообщить мне.

— Тогда я должен вернуться,— заметил я.— В Распад.

— Это ваше право,— ответил он.— Империи не пытается принуждать вас.

Я встал. Краски заката никогда не казались мне милее, отдаленная музыка — нежнее.

— Пошли,— сказал я.

Техники, проверяющие нас и челнок, работали молча и споро. Они обстучали руками все вокруг, и мы, Байярд и я, пристегнулись.

— Наша цель — сформировать главную линию континуума,— пояснил Байярд. Я не сказал ему, что был там раньше.

Формы и цвета Распада текли вокруг нас, но на этот раз я не замечал их.

— Что произойдет потом?— спросил я.

— Надеемся на то, что, когда энергия Распада кончится, сам Распад немедленно рассосется. Разрушенные миры больше не будут существовать в Сети.

Больше он ничего не сказал. Казалось, прошло лишь несколько минут, прежде чем мы отметили приход и гудение двигателя стихло.

— Прибыли,— сказал Байярд и открыл люк.

Я выглянул наружу в смещающийся туман. Он двигался, его отдувало; джунгли и руины исчезли. Над зелеными лужайками к солнечному свету поднимались светящиеся башни, играя светом в фонтанах. Далее вдали пели женщины.

— Хотелось бы, чтобы у меня было что сказать,— заметил Байярд,— но у меня нет слов. Прощайте, мистер Кэрлон.

Я сошел на грунт, дверь за мной закрылась. Я подождал, пока не исчезнет челнок в мерцающем свете, и пошел вперед по окаймленной цветами дорожке навстречу голосу Иронель.

Э П И Л О Г

Барон Рихтгофен, шеф Имперской Безопасности, смотрел на Байярда через обширную поверхность полированного стола.

— Ваша миссия была успешной, Брайон,— сказал он тихо.— На этот момент субъект вошел в Распавшуюся линию, стресс-индикаторы опустились до отметки нуля. Опасность для Сети миновала.

— Я гадаю,— сказал Байярд,— что он чувствовал в эти последние секунды?

— Ничего. Совсем ничего. В одно тихое мгновение переутверждения континуум сомкнулся, затягивая разрез. Уравнение вероятности удовлетворено.— Рихтгофен остановился на миг.— Почему? Вы видели там что-нибудь?

— Ничего,— ответил Байярд.— Просто туман, густой, как бетон, и тихий, как смерть.

— Он был смелым человеком, Брайон, и исполнил предназначенное.

Байярд кивнул и нахмурился.

— У вас еще что-то?

— Мы всегда держались мнения, что история неизменна,— произнес Байярд.— Возможно, я просто ввожу себя в заблуждение. Но я, кажется, помню историю об убийстве королем Ричардом барона Раннимеда. Я проверил источники, чтобы убедиться, и оказался неправ, конечно.

Рихтгофен задумчиво посмотрел на него.

— Идея в обычном чувстве знакомого... но оно иллюзорно, конечно,— бормотал он.— Этот король Джон встретил баронов — и подписал их Великую Хартию.

— Где я подхватил идею, что Джон был назначен Ричардом в 1201 году?

Рихтгофен хотел кивнуть, но передумал.

— Минуту — но нет, сейчас я вспомнил, к тому времени Ричарда больше не было в живых. Он был убит стрелой арбалета в мелкой стычке у Шалуза в 1199 году.— Он, казалось, задумался.— Забавно... ему вовсе не было нужды принимать участие в этой встрече — и после того, как он был ранен, отказался от всякой медицинской помощи. Как будто он искал смерть в бою.

— Все это так ясно помню,— сказал Байярд.— Как он жил в свои поздние, спелые годы — переспелые,— потерял свою корону и умирал в бесчестии. Я клянусь, что читал это ребенком. Но ничего из этого нет в книгах. Этого никогда не происходило. Если это было, то миры, которые мы знаем, никогда не существовали. И все-таки это странно.

— Каждый феномен в пространстве-времени вероятностного континуума странен, Брайон,— один не больше, чем другой.

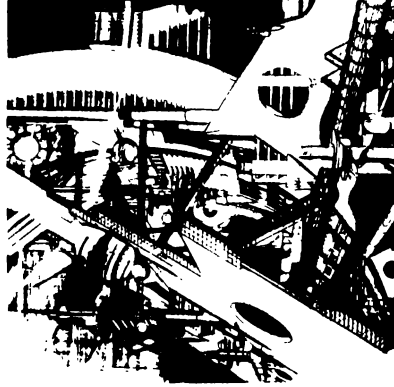
— Я полагаю, это был просто сон,— сказал Байярд.— Ожившая мечта.

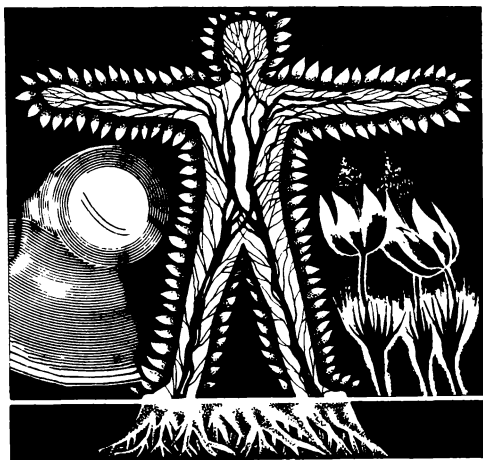
— Сама жизнь есть мечта, говорят.— Рихтгофен сел прямо, внезапно став резким.— Но это мечта, в которой есть мы, Брайон. И у нас есть дело, ожидающее нас.

Байярд улыбнулся в ответ.

— Вы правы,— сказал он.— Для человека достаточно одной мечты.

РАССКАЗЫ

ДОГОВОР НА РАВНЫХ

Глубоко в недрах планеты крепкие, как стальная проволока, корни прощупывали стеклянный песок, глиняные слои и пласты рыхлого солнца, отыскивая и впитывая редкие элементы, поглощая кальций, железо, азот.

Еще глубже другая система корней намертво впилась в материковую породу; чувствительные клетки регистрировали микроколебания планетной коры, приливные волны, вес выпавшего снега, шаги диких зверей, что охотились в двухкилометровой тени гигантского янда.

Далеко на поверхности необъятный ствол, окруженный мощными контрфорсами, массивный, как скала, возносился на восемьсот метров, простирая ввысь огромные ветви.

Дерево смутно осознавало прикосновение воздуха и света к своим бесчисленным листьям, щекочущее движение молекул воды, кислорода, углекислоты. Оно автоматически отзывалось на легкие порывы ветра, поворачивая гибкие черешки так, чтобы каждый лист оставался под нужным углом к лучам, пронизывающим толщу кроны.

Долгий день шел к концу. Воздушные течения свивали свои причудливые узоры вокруг янда, солнечное излучение менялось по мере движения паров в субстратосфере: питательные молекулы плыли по капиллярам; камни чуть поскрипывали в подземном мраке. Дерево, необъятное и несокрушимое, как гора, дремало в привычном полусознании.

Солнце клонилось к закату. Его свет, пронизывая все более плотные слои атмосферы, приобретал зловещий желтый оттенок. Мускулистые побеги поворачивались, следуя за потоком энергии. Дерево сонно сжимало почки, пряча их от близящегося холода, принаравливая теплообмен и испарение с листьев под ночной уровень излучения. Ему снилось далекое прошлое, свободные странствия в животной фазе. Давным-давно инстинкт привел его на эту скалу, но оно хорошо помнило рошу своего детства, древопатриарха, споровых братьев.

Стемнело. Поднялся ветер. Сильный вихрь налетел на громаду янда, и мощные ветви заскрипели, сопротивляясь, а листья, обожженные холодом, плотно прижались к гладкой коре.

Глубоко под землей сеть корней еще крепче охватила скалы, передавая информацию в дополнение к той, что шла от листовых рецепторов. Зловещие волны шли с северо-востока; влажность росла, атмосферное давление падало — вместе это означало близкую опасность. Дерево шевельнулось, волна дрожи пробежала по всей необъятной кроне, стряхивая маленькие ледышки, уже наросшие на теневых сторонах ветвей. Сердце мозг резко поднял активность, прогоняя эйфорическое забытие. Долго дремавшая мощь янда неохотно вступила в действие — и вот наконец дерево проснулось.

Оно мгновенно оценило ситуацию. Над морем собирался сильнейший тайфун. Принимать серьезные меры было поздно. Пренебрегая болью непривычной активности, дерево выбросило новые корни — толстые тяжи крепости закаленной стали — и вцепилось ими в скалы в сотне метров к северу от основного корня.

Ни на что другое времени не оставалось. Дерево бесстрастно ожидало шторма.

— Внизу-то буря, — сказал Молпри.

— Не трусь, проскочим, — процедил Голт, не отрываясь от приборов.

— Поднимись и зайди заново, — настаивал Молпри, вытягивая шею из противоперегрузочной койки.

— Заткнись. На этом корыте команду я! — рявкнул Голт, разворачиваясь.

— Торчу взаперти с двумя психами, — пожаловался Молпри. — С тобой, да еще с этим недоноском.

— Кончай вопить, Мол. Мы с недотепой уже устали от тебя.

— После посадки, Молпри, я с тобой отдельно поговорю, — поддал голос Пэнтелл. — Я предупреждал, что не люблю слово «недотепа».

— Что, опять? — усмехнулся Голт. — А с прошлого раза все зажило?

— Не совсем, — вздохнул Пэнтелл. — В космосе у меня плохо заживает...

— Запрещаю, Пэнтелл,— объявил Голт.— Здоров он для тебя. А ты, Мол, кончай к нему цепляться!

— Уж я бы кончил,— пробурчал Молпри.— Я б его, паразита, кончил!

— Подбери энергию,— оборвал Голт.— Внизу понадобится. Если и сейчас ничего не найдем — нам крышка.

— Нет уж, Пэнтелл, ты побудь на корабле. И не лезь никуда, просто сиди и жди. Второй раз мы тебя и вдвоем не дотащим.

— Это же вышло случайно, капитан!

— Да — и в позапрошлый раз тоже. Не надо, Пэнтелл. Хороший ты парень, только обе руки у тебя левые и все пальцы безымянные.

— Я тренирую координацию, капитан! И еще я читал...

Корабль трянуло на входе в атмосферу, и Пэнтелл не договорил.

— Ай! Опять рассадил локоть...

— Не капай на меня, бестолочь! — рявкнул Молпри.

— Тихо! — прикрикнул Голт.— Мешаете.

Пантелл, сопя, прикладывал к ссадине носовой платок. Надо наконец освоить эти упражнения на расслабление. И силовую гимнастику нельзя больше откладывать. И непременно заняться диетой. И уж на этот раз обязательно выбрать момент и хоть раз поддаться Молпри — это первым делом, как только выйдем...

Казалось бы, еще ничего не случилось, но дерево знало, что этот тайфун будет последним в его жизни. Пользуясь коротким затишьем, оно оценило урон. Весь северо-восточный сектор, оторванный от скалы, онемел; основной корень чувствовал, что его опора утратила надежность. Несокрушимая плоть янда не подвела — раскрошился гранит. Дерево было обречено: собственный вес стал его приговором.

Слепая ярость бури снова обрушилась на гигант. Новые корни лопались, как паутина: гранитный утес разваливался с грохотом, тонувшим в реве ветра. Дерево держалось, но нарастающее напряжение в его толще уже ощущалось острой болью.

В ста метрах к северу от главного корня размокшая почва оползла, образовался овраг. Дождевая вода устремилась в него, размывая и расширяя, обнажая миллионы корешков. Вот уже и опорные корни заскользили в раскисшей земле.

Высоко над ними ветер снова потряс необъятную крону. Огромный северный контрфорс, державшийся на материковом граните, затрещал, теряя опору, и переломился с грохотом, заглушившим даже рев бури. Корни вывернулись из земли, образовав огромную пещеру.

Дождь наполнил ее водой; потоки стекали по склону, таща с собой перебитые ветки и оторванные корни. Последний шквал рванул поредевшую крону — и победно улетел.

А на опустевшем мысу невообразимая масса древнего янда все еще клонилась — неудержимо, как заходящая луна, под треск и стон своих лопающихся жил. Падение было медленным и плавным, как во сне. Дерево еще не коснулось земли, когда его сердцемозг отказал, оглушенный невыносимой болью разрушения.

Пэнтелл выбрался из люка и прислонился к кораблю, пытаясь отдышаться. Чувствовал он себя еще хуже, чем ожидал. Плохо сидеть на урезанных рационах. Значит, с силовой гимнастикой придется подождать. И с Молпри сейчас не поквитаешься — сил нет. Ну ничего — несколько дней на свежем воздухе и свежих продуктах...

— Съедобные, — объявил Голт, обер иглу анализатора о брюки и сунул его в карман. Перебросив Пэнтеллу два красных плода, он добавил:

— Как доешь, натаскай воды да приберись, а мы с Молпри сходим, оглядимся.

Они ушли. Пэнтелл уселся в пружинящую траву и задумчиво откусил от инопланетного яблочка.

«По текстуре похоже на авокадо, — думал он. — Кожица плотная и ароматная; может быть, природный ацетат целлюлозы. Семян, кажется нет. Если так, то это вообще не плод! Интересно было бы изучить местную флору. Когда вернусь, надо будет сразу записаться на курс внеземной ботаники. Даже, пожалуй, поехать в Гейдельберг или в Упсалу, послушать живьем знаменитых ученых. Снять уютную квартирку — двух комнат вполне хватит, — по вечерам пусть собираются друзья, ведут споры за бутылкой вина... Однако: я сижу, а работа стоит».

Пэнтелл огляделся, заметил вдалеке блеск воды. Покончив с плодом, он достал ведра и отправился в ту сторону.

— На кой черт мы сюда приперлись? — осведомился Молпри.

— Нам все равно нужна разминка. Следующая посадка будет через четыре месяца.

— Мы что — туристы? Шляться по грязи и любоваться видами! — Молпри остановился и привалился, пыхтя, к валуну. Он брезгливо оглядывал заполненный водой кратер, вздымающееся в небо сплетение корней и далеко вверх — целый лес ветвей рухнувшего дерева.

— Наши секвойи против него — одуванчики, — негромко сказал

Голт. — А ведь это после той самой бури, с которой мы разминулись!

— Ну и что?

— Ничего... Просто, когда видишь дерево такого размера — это впечатляет...

— Тебе что — деньги за него заплатят?

Голт поморщился.

— Вопрос по существу... Ладно, топаем.

— Не нравится мне, что недотепа остался один в корабле.

— Слушай, — Голт обернулся к Молпри, — что тебе дался этот мальчишка?

— Не люблю... придурков.

— Ты мне баки не забивай, Молпри. Пэнтелл совсем не глуп — на свой лад. Может, из-за этого ты и лезешь в бытылку?

— Меня от таких воротит.

— Не выдумывай — он симпатичный парень и всегда рад по-мочь.

— Ага, рад-то он рад, — пробурчал Молпри, — да не в этом штука.

Сознание медленно возвращалось к умирающему сердцемозгу. Сквозь бессмысленные импульсы разорванных нервов прорывались сигналы:

— Давление воздуха ноль — падает... давление воздуха сто двенадцать — повышается... давление воздуха отрицательное...

— Температура — сто семьдесят один градус, температура — минус сорок. Температура — двадцать шесть градусов...

— Солнечное излучение только в красном диапазоне... только в синем... в ультрафиолетовом...

— Относительная влажность — бесконечность... ветер северо-восточный, скорость — бесконечность... ветер снизу вверх вертикально, скорость — бесконечность... ветер восточно-западный...

Дерево решительно отключилось от обезумевших нервов, сосредоточившись на своем внутреннем состоянии. Оценить его было несложно.

Думать о личном выживании бесполезно. Но еще можно принять срочные меры и выиграть время для спорообразования. Не тратя ни секунды, дерево включило программу экстренного размножения. Периферические капилляры сжались, выталкивая все соки назад, к сердцемозгу. Синапсические спирали распрямились для увеличения нервной проводимости. Мозг осторожно проверял: сначала — жизнеспособность крупных нервных стволов, затем — сохранившихся участков нервных волокон; восстанавливал капиллярную сеть; разбирался в непривычных ощущениях: молекулы воздуха соприкасались с обнаженными тканями, солнечное излу-

чение обжигало внутренние рецепторы. Надо было заблокировать все сосуды, зарастить капилляры — остановить невосполнимую потерю жидкости.

Только после этого древомозг смог заняться самим собой, пересмотреть глубинную структуру клеток. Он отключился от всего разрушенного и сосредоточился на своем внутреннем строении, на тончайшей структуре генетических спиралей. Очень осторожно дерево перестраивало все свои органы, готовилось произвести споры.

Молпри остановился, приставив руку козырьком ко лбу. В тени необъятного выворотня маячила высокая тощая фигура.

— Вовремя мы успели!

— Черт! — ругнулся капитан и прибавил шагу. Пэнтелл заторопился ему навстречу.

— Пэнтелл, я же вам сказал — сидеть в корабле!

— Я не нарушил приказа, капитан. Вы не говорили...

— Ладно. Что-нибудь случилось?

— Ничего, сэр. Я только вспомнил одну вещь...

— После, Пэнтелл. Сейчас нам нужно на корабль — дел еще много.

— Капитан, а вы знаете, что это такое?

— Ясно что — дерево, — Голт повернулся к Молпри. — Слушай, нам надо...

— Да, но какое дерево?

— Черт его знает, я вам не ботаник.

— Капитан, это очень редкий вид. Он, собственно, считается вымершим. Вы что-нибудь слышали о яндах?

— Нет. Хотя... да. Так это и есть янд?

— Я совершенно уверен. Капитан, это очень ценная находка...

— Оно что — денег стоит? — перебил Молпри, обернувшись к Голту.

— Не знаю. Так что дальше, Пэнтелл?

— Это разумная раса с двухразовым жизненным циклом. Первая фаза — животная, потом они пускают корни и превращаются в растения. Активная конкуренция в первой фазе обеспечивает естественный отбор, а дальше — преимущество в выборе места для укоренения...

— Как его можно использовать?

Пэнтелл запрокинул голову. Дерево лежало, словно стена, переходящая в гигантский купол обломанных ветвей тридцати метров высоты, или пятидесяти... или больше... Кора гладкая, почти черная. Полуметровые блестящие листья всех цветов.

— Представьте только, что огромное дерево...

Молпри нагнулся и подобрал огромный корень.

— Эта огромная деревяшка,— передразнил он,— поможет вправить тебе мозги...

— Помолчи, Мол.

— ...бродило по планете больше десяти тысяч лет назад, когда еще было животным. Потом инстинкт привел его на эту скалу и заставил начать растительную жизнь. Представьте себе, как этот древозверь впервые оглядывает долину, где ему предстоит провести тысячи и тысячи лет...

— Чушь! — фыркнул Молпри.

— Такова была участь всех самцов его вида, чья жизнь не прерывалась в молодости: вечно стоять на утесе, как несокрушимый памятник самому себе, вечно помнить краткую пору юности...

— И где ты набрался этакой хреновины?— вставил Молпри.

— И вот на этом месте,— продолжал Пэнтелл,— окончились его странствия.

— О'кей, Пэнтелл, это очень трогательно. Ты что-то говорил о его ценности.

— Капитан, дерево еще живое. Даже когда сердцевина погибнет, оно будет отчасти живо. Его ствол покроется массой ростков — атавистических растений, не связанных с мозгом. Это паразиты на трупе дерева — та примитивная форма, от которой оно произошло, символ возврата на сотни миллионов лет назад, к истокам эволюции...

— Ближе к делу.

— Мы можем взять образцы из сердцевины. У меня есть книга — там описана вся его анатомия: мы сумеем сохранить ткани живыми! Когда вернемся к цивилизации, дерево можно будет вырастить заново — и мозг, и все остальное. Правда, это очень долго...

— Так. А если продать образцы?

— Конечно, любой университет хорошо заплатит.

— Долго их вырезать?

— Нет. Если взять ручные бластеры...

— Ясно. Неси свою книгу, Пэнтелл, попробуем.

Только теперь дерево осознало, как много времени прошло с тех пор, когда в последний раз близость янды-самки заставило его производить споры. Погруженное в свой полусон, оно не задумывалось, отчего не стало слышно споровых братьев и куда исчезли животные-носители. Но стоило ему задаться этим вопросом — и все тысячелетия воспоминанием мгновенно прошли перед ним.

Стало понятно, что ни одна янда не взойдет уже на гранитный мыс. Их не осталось. Мощный инстинкт, запустивший механизм последнего размножения, работал вхолостую. С трудом выращенные глаза на черешках напрасно оглядывали пустые дали карли-

ковых лесов; активные конечности, которые должны были подтащить одурманенных животных к стволу, висели без дела; драйн-железы полны, но им не суждено опустеть... Оставалось только ждать смерти.

Откуда-то появилась вибрация, затихла, началась снова. Усилилась. Дереву это было безразлично, но слабое любопытство подтолкнуло его вырастить чувствительное волокно и подключиться к заблокированному нервному стволу.

Обожженный мозг тотчас отпрянул, резко оборвав контакт. Невероятная температура, немыслимая термическая активность... Мозг напрасно пытался сопоставить опыт и ощущения. Обман поврежденных рецепторов? Боль разорванных нервов?

Нет. Ощущение было острым, но не противоречивым. Восстанавливая его в памяти, анализируя каждый импульс, древомозг убедился: глубоко в его теле горит огонь.

Дерево поспешно окружило поврежденный участок слоем негорючих молекул. Жар дошел до барьера, помедлил — и прорвал его.

Надо нарастить защитный слой.

Тратя последние силы, дерево перестраивало свои клетки. Внутренний щит упрочился, встал на пути огня, выгнулся, окружая пораженное место... и дрогнул. Слишком много он требовал энергии. Истощенные клетки отказали, и древомозг погрузился во тьму.

Сознание возвращалось медленно и трудно. Огонь, должно быть, уже охватил ствол. Скоро он одолеет барьер, оставшийся без подпитки, доберется до самого сердцемозга... Защищаться было нечем. Жаль — не удалось передать споры... но конец неизбежен. Дерево бесстрастно ждало огня.

Пэнтелл отложил бластер, сел на траву и утер со щеки жирную сажу.

— Отчего они вымерли? — вдруг спросил Молпри.

— От браконьеров, — коротко ответил Пэнтелл.

— Это еще кто?

— Были такие... Убивали деревья ради драйна. Кричали, что янды опасны, а сами только о драйне и думали.

— Ты можешь хоть раз ответить по-людски?

— Молпри, я тебе никогда не говорил, что ты мне действуешь на нервы?

Молпри сплюнул, отвернулся, снова спросил:

— Что это за драйн такой?

— У яндов совершенно своеобразная система размножения. При необходимости споры мужского пола могут передаваться практически любому теплокровному и оставаться в его организме неограниченное время. Когда животное-носитель спаривается, споры переходят к потомству. На нем это никак не сказывается, вернее,

споры даже укрепляют организм, исправляют наследственные дефекты, помогают бороться с болезнями, травмами. И срок жизни удлинится. Но потом вместо того, чтобы умереть от старости — носитель претерпевает метаморфозу: укореняется и превращается в самый настоящий янд.

— Больно много говоришь... Что такое драйн?

— Дерево испускает особый газ, чтобы привлечь животных. В большой концентрации он действует как сильный наркотик — это и есть драйн. Из-за него погубили все деревья. Янды, мол, могут заставить людей рожать уродов, — ерунда все это... Драйн продавался за бешеные деньги — вот и вся хитрость.

— Как его добывают?

— А тебе зачем?

Но Молпри смотрел не на него, а на книгу, лежащую на траве.

— Там написано, да?

— Тебя это не касается. Голт велел тебе помочь вырезать образцы, и все.

— Голт не знал про драйн.

— Чтобы собрать драйн, надо убить дерево. Ты же не можешь. Молпри нагнулся и поднял книгу. Пэнтелл кинулся к нему, замахнулся и промазал. Молпри одним ударом сшиб его с ног.

— Ты ко мне не суйся, недотепа, — процедил он, вытирая руку о штаны.

Пэнтелл лежал неподвижно. Молпри полистал учебник, нашел нужную главу. Минут через десять он бросил книгу, подобрал блас-тер и взялся за дело.

Молпри вытер лоб и выругался. Прямо перед носом проскочила членистая тварь, под ногами что-то подозрительно шуршало... Хорошо еще, что в этом поганом лесу не попалось ничего крупнее мыши. Паршивое местечко — не приведи Бог тут заблудиться!

Густой подлесок вдруг расступился, открывая солнцу бархатистую поверхность полупогребенного ствола. Молпри застыл, тяжело дыша. Нашупывая в кармане измазанный сажей платок, он не отрывал глаз от черной, уходящей ввысь стены.

Упавшее дерево выпустило из себя кольцо мертвенно-белых выростов. Подальшеросло что-то вроде черных жестких водорослей, оттуда свисали скользкие веревки...

Молпри издал невнятный звук и попятился. Какая-нибудь местная зараза, лишайники пакостные. Хотя...

Он остановился. А может, это оно и есть? Ну да — такие штуки были на картинках. Отсюда драйн и цедят! Только кто же знал, что они так смахивают на поганные ползучие щупальца...

— Стой!

Молпри дернулся. Пэнтелл никак не мог выпрямиться, на распухшей щеке кровоточила ссадина.

— Не будь же ты... уф... дураком! Дай отдышаться... Я тебе объясню!..

— Чтобы ты сдох, обглодок! Не вякай.

Повернувшись к Пэнтеллу спиной, Молпри поднял бластер.

Пэнтелл ухватил сломанный сук, поднял его и обрушил на голову Молпри. Гнилое дерево с треском переломилось. Молпри пошатнулся, переступил, и всем корпусом повернулся к Пэнтеллу — лицо у него побарговело, по щеке стекала струйка крови.

— Ну-ну, недотепа,— прошипел он. Пэнтелл изо всех сил ударил правой — очень неуклюже, но Молпри как раз сделал встречное движение, и оттопыренный локоть Пэнтелла угодил ему в челюсть. Глаза Молпри остекленели, он обмяк, упал на четвереньки.

Пэнтелл расхохотался.

Хрипло дыша, Молпри потряс головой и стал подниматься. Пэнтелл нацелился и еще раз двинул в челюсть. Похоже, тот удар и вправил Молпри мозги. Он нанес Пэнтеллу удар наотмашь, и тот растянулся во весь рост. Молпри рывком поднял Пэнтелла на ноги, добавил мощный хук слева. Пэнтелл раскинулся на земле и затих. Молпри стоял над ним, потирая челюсть.

Он пошевелил Пэнтелла носком ботинка. Очочурился, что ли, недотепа? На Молпри хвост задирает! Голт, конечно, разозлится, но недотепа-то начал первый. Подкрался и напал сзади! Вот и след от удара. Ну да ладно, рассказать Голту про драйн — он сразу повеселеет. Пожалуй, надо его сюда привести — вдвоем набрать драйна и сматываться с этой пакостной планеты. А недотепа пусть себе валяется.

И Молпри устремился на корабль, бросив Пэнтелла истекать кровью под рухнувшим деревом.

Янд развернул наружные глаза в сторону неподвижного существа, которое, судя по всему, впало в спячку. Оно выделяло красную жидкость из отверстий на верхнем конце и, видимо, из надрывов эпидермиса. Странное существо, очень отдаленно похоже на обычных носителей. Его взаимодействие с другим экземпляром было совершенно своеобразно. Возможно, это самец и самка, и между ними произошло спаривание? Тогда это оцепенение может быть нормальным процессом, предшествующим укоренению. А если так, оно может все-таки оказаться пригодным в качестве носителя...

По поверхности непонятого организма прошло движение, одна из конечностей шевельнулась. Спячка, очевидно закончилась. Скоро существо очнется и убежит... не обследовать ли его хоть наскоро?

Дерево выпустило несколько тончайших волокон, дотянулось ими до лежащей фигуры. Они пронзили неожиданно тонкий поверхностный слой, нащупали нервную ткань, уловили поток смутных импульсов. Древо мозг наращивал и дифференцировал свои сенсорные органы, разделял их на волоконца толщиной в несколько атомов, прощупывая всю внутреннюю структуру чуждого организма, пробираясь по периферическим нервам к спинному мозгу, а от него — к головному.

Его поразила невиданная сложность, невероятное богатство нервных связей. Такой орган способен к выполнению интеллектуальных функций, невысказанных для обычного носителя! Изумленный древо мозг старался настроиться в унисон с ним, пробираясь сквозь дикий калейдоскоп впечатлений, воспоминаний, причудливых символов...

Впервые в жизни янд встретился с гиперинтеллектуальным видом эмоций. Он погружался в фатасмагорию грез и тайных желаний. Смех, свет, шум аплодисментов... Флаги на ветру, отзвуки музыки, цветы... Символы высшей красоты, величайшей славы, тайные мечты Пэнтелла о счастье...

И вдруг — присутствие чуждого разума!

Мгновение оба бездействовали, оценивая друг друга.

— Ты умираешь, — констатировал чужой разум.

— Да. А ты заключен в неадекватном носителе. Почему ты не выбрал более надежного?

— Я... родился вместе с ним... Я... мы... одно.

— Почему ты не укрепишь его?

— Как?

— Ты занимаешь небольшую часть мозга. Ты не используешь своих возможностей?

— Я — фрагмент... Я — подсознание общего разума.

— Что такое общий разум?

— Это личность. Это сверхсознание, оно управляет...

— Твой мозг очень сложен, но масса клеток не задействована.

Почему твои нервные связи прерываются?

— Не знаю.

Древо мозг отключился, стал искать новые связи. Мощный импульс почти оглушил его, на мгновение лишив ориентации.

— Ты — не из моих разумов.

— Ты общий разум? — догадался янд.

— Да. Кто ты?

Мозг янда передал свой мысленный образ.

— Странно. Очень странно. Вижу, что у тебя есть важные умения. Научи меня.

Мощность чужой мысли была такова, что сознание янда едва устояло.

— Легче! Ты разрушишь меня.

— Постараюсь быть осторожнее. Научи, как ты перестраиваешь молекулы.

Голос чужого разума затоплял мозг янда.

Какой инструмент! Фантастическая аномалия — мощный мозг, затерянный в жалком носителе, не способный реализовать свои возможности!

Ведь совсем не трудно перестроить и укрепить носитель, убрать эти дефекты...

— Научи меня, янд!

— Чужой, я скоро умру. Но я научу тебя. Только с одним условием...

Два чужеродных разума соприкоснулись и достигли согласия. Мозг янда сейчас же начал субмолекулярную перестройку клеток чужого организма.

Первым делом — регенерировать ткани, зарастить повреждения на голове и на руке.

Спровоцировать массовый выброс антител, прогнать их по всей системе.

— Поддерживай процесс, — распорядился древомозг.

Теперь — мышечная масса. В таком виде она ни на что не годна — сама структура клеток порочна.

Янд переделывал живое вещество, извлекая недостающие элементы из всего высыхающего тела. Теперь — привести скелет в соответствие с мышцами.

Дерево наскоро оценило саму конструкцию движущего организма — ненадежна. Поменять основной принцип, нарастить, скажем, щупальца?..

Нет времени. Проще опереться на готовые элементы — усилить их металлорастительными волокнами. Теперь — воздушные мешки. И сердце, разумеется. В прежнем виде они бы и минуты не продержались...

— Осознавай, чужой. Вот так и вот так...

— Понимаю. Отличный прием.

Янд переделывал тело Пэнтелла, исправляя, укрепляя, где-то убирая бесполезный орган, где-то добавляя воздушный мешок или новую железу...

Теменной глаз, бездействующий глубоко в мозгу, был перестроен для восприятия радиоволн, связан с нужными нервными центрами, кости позвоночника были искусственно упрочены, брыжейка перестроена для оптимальной работы.

Считывая информацию с генов, древомозг сразу корректировал ее и записывал заново.

Когда процесс закончился и разум пришельца усвоил все, что передал ему древомозг, янд сделал паузу.

— Теперь все.

— Я готов передать управление своему сознанию.

— Помни обещание.

— Помню.

Мозг янда отключился от чужого организма.

Веление инстинкта исполнено, теперь можно позволить себе отдохнуть — до конца.

— Подожди, янд! Есть идея...

— Две недели летим, а впереди еще четырнадцать,— вздохнул Голт.— Может, расскажешь все-таки, что там у вас вышло?

— Как Молпри?— спросил Пэнтелл.

— Нормально. Кости срастаются, да ты ему не так уж много и сломал.

— В той книге неправильно написано про споры янда. Сами по себе они не могут перестроить носителя...

— Что перестроить?

— Животное-носителя. У него действительно улучшается здоровье и удлиняется срок жизни, но это делает само дерево в процессе размножения — обеспечивает спорам хорошие условия.

— Так что — оно тебя?..

— Мы с ним заключили договор. Янд мне дал вот это,— Пэнтелл надавил пальцем на переборку — на металле осталась вмятина,— ну, и еще некоторые вещи. А я с этого времени стал носителем для его спор.

Голт подобрался.

— И тебе ничего? Таскать в себе паразитов...

— Это договор на равных. Споры микроскопические и ничем себя не проявляют, пока не сложатся нужные условия.

— Но ты сам говорил, что этот древесный разум был у тебя в мозгу!

— Был. Снял все психотравмы, скорректировал недостатки, показал мне, как пользоваться внутренними возможностями...

— А меня научишь?

— Это невозможно. Извини.

Голт помолчал.

— А что это за нужные условия?— спросил он, поразмыслив.— В один прекрасный день проснешься и обнаружишь, что оброс побегам?

— Ну,— потупился Пэнтелл,— это как раз моя сторона договора. Носитель распространяет споры в процессе собственного размножения. Неплохо, по-моему, прожить лет сто, потом выбрать

местечко по вкусу, укорениться и расти, расти, смотреть, как сменяются эпохи...

— А что,— сказал Голт,— с годами и правда устаешь. Знаю я одно такое место с видом на Атлантику...

— ...Так что я обещал быть очень энергичным в этом отношении,— закончил Пэнтелл.— Это, конечно, отнимет массу времени, но свое обязательство я должен выполнять неукоснительно.

«Слышишь, янд?»— добавил он про себя.

«Слышу,— отозвался янд из дальнего участка мозга, в который Пэнтелл подселил его сознание.— Наше ближайшее тысячелетие обещает быть очень интересным!»

НА ПОРОГЕ

У генерала было непреодолимое желание проникнуть в таинственную машину. Но он потерпел полное фиаско в борьбе с этим ужасным механизмом.

Бригадный генерал Страут, облокотившись на кухонный стол, который одновременно служил ему рабочим местом, в задумчивости рассматривал со второго этажа фермы агрегат огромных размеров, лежащий в наклонном положении у кромки леса. Некоторое время он изучал очертания этой сероватой массы, затем соединился по телефону с частью, которая находилась в его распоряжении.

— Чем занимаются ваши люди, майор?

— Мой генерал, с момента нахождения куба, этим утром...

— Я прекрасно знаю историю с кубом, Билл. К этому часу об этом осведомлены и в Вашингтоне. У вас есть для меня свежая информация?

— К настоящему времени я ничего не могу сообщить нового, генерал. Четыре бригады солдат заняты работой, но пока никаких результатов.

— Шум внутри, который вы слышите, имеет постоянный характер?

— Прерывистый, мой генерал.

— Я даю вам еще один час, майор. Я хочу, чтобы этот механизм наконец был распознан.

Генерал повесил телефонную трубку, потом задумался, снял

целлофановую обертку с сигары. Действия были решительными и своевременными, сказал он самому себе. Государственная полиция была поднята ночью по тревоге. Ее люди быстро оцепили зону, гражданское население было эвакуировано, и первый предварительный рапорт уже был в пути в Вашингтон. В 2 часа 36 минут был обнаружен куб 10-ти см по краю, находившийся в 15-ти метрах от объемистого аппарата. Он мог быть ракетой, возможно, капсулой, но вряд ли бомбой. После этого прошло достаточно времени, но ничего нового не произошло.

Зазвонил телефон, и Страут схватил в нетерпении трубку.

— Мой генерал, мы обнаружили одно место на аппарате, расположенное ближе к его верхушке, которое, по-нашему мнению, имеет более тонкую перегородку, чем на остальном корпусе...

— Прекрасно. Продолжайте в том же духе, Билл.

Ну хоть что-то, это уже лучше. Если генерал Страут сумеет справиться с этим делом до того, как в Вашингтоне поймут важность данного мероприятия, ну ладно... есть время чтобы самому забраться внутрь этого агрегата. Во всяком случае, у него был шанс, и он решил использовать все возможные средства.

Генерал еще раз посмотрел на таинственный предмет. Последний был наполовину скрыт лесом, имел округлую, несколько сплюснутую поверхность без каких-либо опознавательных знаков. Пожалуй, будет лучше ему самому прибыть на место и лично провести более углубленное обследование. Он мог бы обнаружить нечто, что ускользнуло от внимания других.

Он снова соединился с майором.

— Я выезжаю, Билл,— бросил он ему. Машинально генерал взял свою кобуру с револьвером. Вряд ли это могло защитить от оружия размером с солидный дом, но присутствие на месте инцидента армейской части вселяло определенный оптимизм.

По мере того, как он на джипе приближался к объекту, тот становился все более и более огромным. Машину трясло по свежевспаханной земле, но даже несмотря на это генерал внезапно различил тонкую линию, проходящую сверху гребня, образованного краями предмета и его верхушкой.

Майор Гривер не сообщил ему об этом. Линия была отчетливо видна, но, возможно, это была смотровая щель.

Внезапно, со звуком, характерным для удара бейсбольного мяча о перчатку игрока, эта щель расширилась. Верхняя часть объекта закачалась, и люди, находившиеся рядом, бросились врассыпную. Объект, будучи теперь открытым, еще некоторое время вибрировал, как приподнимающаяся крыша дома.

Шофер запустил мотор своего джипа со всей быстротой, на которую только был способен. Страут услышал крики и пронзи-

тельный визг, от которого у него заломило в зубах. Теперь отступившие бегом возвращались обратно. Двое из них несли третьего.

Майор Гривер возник с другой стороны предмета, осмотрелся вокруг и что есть силы бросился к генералу, крича на бегу во все горло:

— ...Один человек убит. Объект открыт. Мы были удивлены...

Страут подскочил к солдатам, которые застыли на месте и испуганно оглядывались назад. В образовавшемся отверстии механизма зияла пустота, отливающая черным цветом. Визг продолжал раздаваться по всей деревне. Подбежал задыхающийся Гривер.

— Что произошло?— рявкнул Страут.

— Я... я обследовал зону вокруг линии, мой генерал. Первое, что я почувствовал — это сильное движение подо мной. Внезапно я резко потерял равновесие и упал...

— Черт вас возьми, что обозначает этот звук, похожий на визг?

— Звук слышится внутри предмета, мой генерал. Он исходит от какого-то живого существа.

— Очень хорошо, майор. Сохраняйте спокойствие. Мы не должны впадать в панику или уныние. Приведите часть в боевую готовность. Танки должны прибыть с минуты на минуту...

Страут осмотрел солдат. Он собирался им показать, кто здесь является главным действующим лицом.

— Вы будете прикрывать наши действия с тыла,— сказал он и взмахом своей сигареты указал всем движение в сторону гигантской машины. Шум изнутри нее внезапно прекратился. Станный, еле уловимый запах начал витать в воздухе, напоминая аромат духов, водорослей или йода.

Вокруг объекта не наблюдалось никаких следов. Вероятно, он четко приземлился именно в этом положении. Должно быть, он был очень тяжелым: почва вокруг его основания образовала пригорок высотой в один метр.

Позади себя Страут услышал вскрик. Он обернулся. Люди указывали дрожащими пальцами в одном и том же направлении. Джип резко взял с места в сторону генерала. Он поднял глаза. На верхушке серого корпуса, на высоте 6-ти метров от его головы, делая хватательные движения, шевелилось нечто громадное, красноватого цвета. Оно напоминало клешню чудовищных размеров.

Страут выхватил свой кольт 45-го калибра, дернул предохранитель и выстрелил. Куски мягкой плоти брызнули во все стороны, и когтистая лапа спряталась снова. Пронзительный визг возобновился и слился в единое гудение с мотором джипа. Страут нагнулся и схватил лист, к которому, прилипла студенистая масса неизвестного существа. Он живо вскочил в джип, и тот резко рванул. Затем генерал почувствовал резкий толчок, все завертелось у него перед глазами и...

— Ему повезло, что земля была достаточно мягкой,— сказал кто-то рядом. Другой голос спросил: — А шофер? — Тишина. Страут с трудом открыл глаза. Что... что такое? Он увидел над собой незнакомца с непримечательной внешностью, примерно 35-ти лет.

— Успокойтесь, генерал Страут. Вы получили сильный удар. Сейчас с вами все в порядке. Я профессор Либерман из университета.

— Шофер...— тяжело выговорил Страут.

— Он задавлен джилом.

— Джилом?

— Существо, в которое вы стреляли, ударило по джипу одним из своих сочленений, похожим на гигантский хвост скорпиона. Вы были выброшены из машины. Шоферу удалось выпрыгнуть на ходу, но он попал под колеса джипа.

Страут вытянулся.

— Где Гривер?

— Я здесь, мой генерал.

Майор приблизился, готовый получить дальнейшие указания.

— Танки прибыли на место?

— Нет, мой генерал. Звонил генерал Маргрэйв. Есть некоторые затруднения. Он полагает, что не надо полностью разрушать объект, представляющий научный интерес. Я дал распоряжение подвезти минометы с базы.

Страут наконец приподнялся и принял сидячее положение. Профессор подал ему руку.

— Вам лучше оставаться лежащим, генерал.

— Какого черта вы здесь командуете? Гривер, установите минометы в боевую позицию.

Зазвонил телефон.

— Генерал Страут у телефона.

— Страут, на проводе генерал Маргрэйв. Рад снова слышать ваш голос. Собираются прибыть несколько ученых из государственного университета. Помогите им. Оставайтесь на месте, до тех пор, пока вас не отзовут...

— Меня отозвать?— вскипел Страут.— Я пока не импотент и полностью контролирую ситуацию.

— Действительно? Я слышал, что вы получили сильный удар. Что стало с вашими защитными способностями?

— Это было чрезвычайное происшествие, генерал. Джип...

— Мы обсудим это несколько позже. Я связался с вами, чтобы довести до вас важную информацию. Люди из службы связи зафиксировали излучение в форме послания, исходящее, предположительно, из куба.

— Какого типа послание, генерал?

— Половина его составлена на английском. Она продолжается

не более 20-ти секунд, и затем повторяется. По-видимому, это фрагмент одной из радиопередач. Люди на станции это установили, остальная часть нам пока не понятна. Дешифровальщики продолжают свою работу...

— Но...

— Бриан мне сказал, что между этими двумя частями, скорее всего, находится донесение. По-моему мнению, оно содержит угрозу.

— Я согласен с вами, генерал. Ультиматум.

— Хорошо. Отведите своих людей на исходные позиции и подготовьте их для отбытия. И больше благоразумия.

Страут в бешенстве бросил трубку. Маргрэв устанавливал свои порядки после предпринятых таких колоссальных усилий. Теперь надо было действовать более быстро и решительно, иначе он лишится возможности проникнуть в таинственный предмет.

Он посмотрел на майора: — Я собираюсь обезвредить этот механизм раз и навсегда. Прикажете, чтобы никто из людей не стрелял.

Либерман приблизился к нему.

— Генерал! Я категорически против этой атаки.

Страут обернулся.

— Послушайте меня, профессор. Я не возражаю против вашего присутствия, но здесь я принимаю решения. Да, я собираюсь остановить это кровавое чудовище, пока оно не распространило свои действия на большую территорию. В этом районе проживает около 4-х тысяч гражданского населения. Мой долг их защитить. — Он подал знак Гриверу следовать за ним. Профессор замыкал шествие.

— Это существо не представляет собой агрессивности, генерал Страут.

— А двое убитых моих людей?

— Это лежит на вашей ответственности...

— Ах, так! Значит, это моя промашка? — Страут смерил Либермана холодным взглядом. Этот тип не только совал свой нос не в свои дела, но имел наглость обвинить его, генерала Страута, в гибели людей. Если бы только имелись более широкие полномочия, то в течение 5-ти минут...

— Вы еще не совсем оправились после падения, мой генерал. Этот удар...

— Освободите мне дорогу, профессор, — прервал его Страут. Эта история могла нарушить его карьеру из-за того, что эта Великая Научная голова себе позволяла...

Сопровождаемый Гривером, Страут направился к границе зон, обозначающей боевой рубеж.

— Майор, открывайте огонь из установок 50-го калибра.

Гривер отдал приказание, и тишина разразилась пулеметной стрельбой. Воздух быстро наполнился запахом шеддита и густым

туманом голубого цвета с табачным привкусом... Теперь все шло хорошо. Он снова командовал парадом.

К нему приблизился Либерман.

— Генерал, я вас заклинаю именем науки: воздержитесь немного! Хотя бы до тех пор, пока не переведут полностью текст послания.

— Оставьте зону стрельбы, профессор.

Страут повернулся к нему спиной и в бинокль стал обозревать результаты стрельбы. Он увидел большую серую дрожащую массу, крыша которой двигалась, поднятое облако пыли, смешанной с грязью и больше никаких результатов.

— Продолжайте стрельбу, Гривер,— отрывисто бросил Страут. Он испытывал некое чувство триумфа. Объект сопротивлялся артиллерии. Кто осмелился заявить, что он не представляет угрозы?

— А как насчет минометов, мой генерал?— осведомился Гривер.— Мы можем сделать несколько выстрелов внутрь механизма.

— Согласен. Попробуйте это до того, как крышка закроется.

А потом, спросил он самого себя, что мы можем сделать потом?

С характерным звуком выстрелил миномет, и Страут поспешно устоялся в бинокль. Пятью секундами позже от предмета отлетел кусок бледно-розового цвета. Крышка объекта засветилась, и жидкость розового цвета вытекла на опалесцирующую поверхность корпуса. Второй выстрел, затем третий. Огромная часть угрожающей клешни, оторванная выстрелом, теперь висела на ветвях дерева в ста метрах от самого аппарата.

— Прекратить стрельбу,— приказал Страут.

Либерман смотрел на подобную резню с чувством ужаса на лице. Зазвонил телефон. Страут поднял трубку.

— Генерал Страут слушает! — Его голос звучал уверенно. Он отразил угрозу.

— Страут, мы только что перевели содержание послания,— сказал Маргрэив возбужденным тоном.— Это настолько странно...

У Страута было непреодолимое желание сообщить ему о победе, но Маргрэив продолжал:

...— и удивительно, но в военной практике существуют подобные аналогии. Во всяком случае, я убежден, что перевод достоверен. Вот что говорится в послании на английском...

Страут слушал. Затем медленно положил трубку на телефон. Либерман впился в него напряженным взглядом.

Генерал откашлялся, повернулся к профессору, некоторое время смотрел на него бессмысленно, потом промолвил:

— Там говорится: «Если вас не затруднит, позаботьтесь о моей маленькой девочке».

С о д е р ж а н и е

МАШИНА ВРЕМЕНИ ШУТИТ. Р о м а н Перевод <i>В. Кемова, В. Кузьмина</i>	3
НОЧЬ ИЛЛЮЗИЙ. Р о м а н. Перевод <i>С. Коноплева.</i>	145
ЛОВУШКА ВРЕМЕНИ. Р о м а н. Перевод <i>В. Акимов</i>	271
ИЗНАНКА ВРЕМЕНИ. Р о м а н. Перевод <i>Н. Хохловой.</i>	375
ДОГОВОР НА РАВНЫХ. Р а с с к а з. Перевод <i>Е. Гаркави</i>	459
НА ПОРОГЕ. Р а с с к а з. Перевод <i>Д. Изуткина.</i>	474

Литературно-художественное издание

Кейт ЛОМЕР

МАШИНА ВРЕМЕНИ ШУТИТ

**Фантастические романы
и рассказы**

Редактор И. А. Мудрова

Худож. редактор А. В. Гришин

Техн. редактор Г. В. Стачева

Корректор И. С. Пигулевская

Сдано в набор 31.05.93. Подписано к печати 06.01.94. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная, газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 27,9. Уч.-изд. л. 32,23. Усл.-кр. отт. 29,3. Тираж 50 000 экз. Заказ № 4119. С. 003.

**Издательство «Флокс»,
603000, Нижний Новгород, ул. Костина, 20.**

**ГИПП «Нижеполиграф»,
Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.**

